Из фондов Российской государственной библиотеки

Толстой, Лев Николаевич

Полное собрание сочинений. Том 85. Письма к В.Г. Черткову 1883-1886

Москва
Российская государственная библиотека
2006

Толстой, Лев Николаевич

Полное собрание сочинений. Том 85. Письма к В.Г. Черткову 1883-1886 [Электронный ресурс] = Oeuvres completes / Л.Н. Толстой ; под общей редакцией В.Г. Черткова ; при участии редакторского комитета в составе А.Е. Грузинского, Н.К. Гудзия, Н.Н. Гусева и др. ; издание осуществляется под наблюдением Государственной редакционной комиссии в составе В.Д. Бонч-Бруевича, И.К. Луппола и М.А. Савельева ; редактор Л.Я. Гуревич. - М.: РГБ, 2006. - (Из фондов Российской государственной библиотеки)

Текст воспроизводится по экземпляру, находящемуся в фонде РГБ:

Толстой, Лев Николаевич

Полное собрание сочинений. Том 85. Письма к В.Г. Черткову 1883-1886

Государственное издательство
Художественная литература, 1935

Российская государственная библиотека, 2006
(электронный текст)

LÉON TOLSTOÏ

OEUVRES COMPLÈTES

SOUS LA RÉDACTION GÉNÉRALE
de V. TCHERTKOFF

AVEC LA COLLABORATION DU COMITÉ DE RÉDACTION:
K. CHOKHOR-TROTSKY, N. GOUDZY, N. GOUSSEFF, A. GROUSINSKY,
N. PIKSANOFF, N. RODIONOFF, P. SAKOULINE, V. SRESNEVSKY,
A. TOLSTAÏA et M. TSIAVLOVSKY

SANCTIONNÉE PAR LA COMMISSION DE RÉDACTION D'ÉTAT:
V. BONTCH-BROUIÉVITCH, I. LOUPPOL et M. SAVELIEFF

TROISIÈME SÉRIE
LETTRES

TOME
85

ÉDITION D'ÉTAT
MOSCOU — 1935

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
В. Г. ЧЕРТКОВА

ПРИ УЧАСТИИ РЕДАКТОРСКОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ:
А. Е. ГРУЗИНСКОГО, Н. К. ГУДЗИЯ, Н. Н. ГУСЕВА, Н. К. ПИКСАНОВА,
Н. С. РОДИОНОВА, П. Н. САКУЛИНА, В. И. СРЕЗНЕВСКОГО, А. Л. ТОЛСТОЙ,
М. А. ЦЯВЛОВСКОГО и К. С. ШОХОР-ТРОЦКОГО

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ
В СОСТАВЕ В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА, И. К. ЛУППОЛА
и М. А. САВЕЛЬЕВА

СЕРИЯ ТРЕТЬЯ
ПИСЬМА

ТОМ
85

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА — 1935

Перепечатка разрешается безвозмездно

Reproduction libre pour tous les pays.

3909-35

ПИСЬМА К В. Г. ЧЕРТКОВУ
1883—1886

РЕДАКТОР
Л. Я. ГУРЕВИЧ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТОМУ ТОМУ.

Письма Толстого к Черткову занимают важнейшее место среди других его писем. Обнимая период почти в 27 лет — от начала декабря 1883 г. до смерти его, они отражают его жизнь с самых различных сторон, затрагивая и те вопросы, по которым он мог высказаться только своему ближайшему другу. Число этих писем, включая и телеграммы, достигает 928. В этот счет входят однако, с конца 1886 г., и письма Толстого к А. К. Чертковой, урожденной Дитерихс, которая разделяла не только судьбу, но и все дела и помыслы своего мужа и на которую распространилась дружба и привязанность Толстого. Письма его хранились в Архиве Черткова — сначала в России, затем в Англии, откуда они были привезены в Москву лишь к столетию со дня рождения Толстого, в 1928 г., и в настоящее время находятся в Государственном Толстовском музее, — очень незначительное исключение составляют лишь письма, в свое время не отправленные Черткову и вошедшие в Архив Толстого в Публ. Библиотеке имени Ленина.

В настоящем Юбилейном издании сочинений Толстого письма его к Черткову должны занять пять томов. Первый из этих томов обнимает собой 125 писем, относящихся к концу 1883, к 1884, 1885 и 1886 годам. Это период сближения Толстого с Чертковым, подготовленный сродством их основных воззрений и завершающийся, уже через год после их знакомства, большим общим делом — основанием «Посредника», задачи которого, как видно из публикуемых писем, в течение ближайших лет всё более и более увлекали Толстого, не только побуждая его к созданию новых художественных произведений, предназначенных для самых широких читательских кругов, но и втягивая его в кипучую редакционную работу. Полная картина его

деятельности в этой области раскрывается только при изучении его писем совместно с встречными письмами Черткова. Число сохранившихся писем Черткова за указанный период времени — с конца 1883 до начала 1887 — достигает 174. Почти все они хранятся в рукописном отделе Публичной библиотеки имени Ленина, и только 6 из них оказались в архиве Черткова. Многочисленные выдержки из них, приведенные, согласно постановлению Редакторского Комитета, в комментарии к письмам Толстого, являлись тем более необходимыми, что, обращаясь к Черткову, Толстой, в расчете на его понимание, писал обыкновенно чрезвычайно сжато, ограничиваясь иногда лишь беглыми намеками на то, что составляло предмет их общения.

Большая часть писем Толстого написана на недорогой почтовой бумаге обыкновенного формата, — отступления от этого общего правила отмечены в вступительных примечаниях настоящего тома.

За исключением четырех писем (№№ 7, 10, 12 и 17), которые по просьбе Толстого были после их прочтения уничтожены Чертковым и от которых сохранились в его выписках, а в первом случае — в копии с его выписки, лишь не подлежавшие уничтожению отрывки, все письма Толстого, вошедшие в настоящий том, печатаются с подлинников и полностью, т. е. без каких-либо пропусков. Из них только 4 были ранее напечатаны целиком, 84 были опубликованы частично — в больших или меньших отрывках, иногда искаженных, и 37, считая и телеграммы, печатаются впервые. Что касается датировки этих писем, то лишь 3 письма Толстого из входящих в этот том имеют дату, проставленную его собственной рукой, и то неполную, без указания года, конверты же от всех его писем, к сожалению, не были сохранены; но редакторская датировка писем значительно облегчалась тем, что во-первых все они по мере их получения номеровались Чертковым, а во-вторых почти все они имеют его пометку с указанием приблизительной даты их написания — в большинстве случаев, повидимому, соответственно почтовому штемпелю отправления, в редких случаях — дню получения. Все даты писем приводятся нами по старому стилю, даты же, встречающиеся в комментариях, согласно инструкции Редакторского комитета настоящего издания, указываются нами по старому стилю лишь до 31 декабря 1917 г., а с 1 января 1918 г. — по новому.

Над редактированием и комментированием первых томов писем Толстого к Черткову много работала А. К. Черткова еще в то время, когда она подготавливала для Толстовского Ежегодника 1913 г. выдержки из этих писем, касающиеся участия Толстого в «Посреднике». Но эта работа ее была затруднена тем, что подлинники писем Толстого, как и архив «Посредника», хранились тогда в Англии, письма же Черткова, составлявшие часть архива Толстого, хранившегося С. А. Толстой в Историческом музее, в то время также не были ей доступны. В последние годы своей жизни, получив доступ к письмам Черткова, она проделала большую дополнительную работу по комментированию как этих писем, так и писем Толстого, но перспективы издания Полного собрания сочинений Толстого оставались тогда еще не совсем ясными, и А. К. Черткова имела в виду отдельное издание писем Толстого к Черткову с приложением всех встречных писем Черткова, в комментариях же своих рассчитывала на значительно иной круг читателей, чем тот, для которого предназначено настоящее издание. Выработанная уже после ее смерти инструкция Редакторского Комитета этого издания ставила перед участниками его совершенно новые задачи, а прибытие из Англии архива Черткова значительно увеличивало количество материалов, служивших для составления комментариев. В результате всего этого работу над первыми томами писем Толстого к Черткову пришлось произвести почти заново.

Редактирование настоящего тома было выполнено мной, в части собирания и проверки разных сведений для комментария, при деятельном участии сотрудницы Полного собрания сочинений Толстого О. А. Дашкевич. При составлении комментария, относящегося к В. Г. Черткову, значительную помощь оказали мне своими сообщениями и хранившимися у них материалами М. В. Муратов, А. П. Сергеенко, О. К. Толстая и К. С. Шохор-Троцкий. Некоторые сведения, необходимые для уяснения тех или других моментов в жизни Черткова и в отношениях его с Толстым, получены мной от самого В. Г. Черткова.

Любовь Гуревич.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

При воспроизведении текста писем Л. Н. Толстого соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «абревиатуры») типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ] и т. п.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [*1 неразобр.*] или: [*2 неразобр.*] и т. д., где цыфры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом, дважды подчеркнутое — курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки, кроме восклицательных, в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы.

Все письма имеют редакторскую дату, которая ставится перед текстом письма слева. Немногие даты, поставленные самим Л. Н. Толстым, печатаются перед текстом письма справа.

Письма, впервые печатаемые в настоящем издании, или те, из которых печатались лишь отрывки, обозначены звездочкой.

В примечаниях приняты следующие сокращения:

АТ — Архив Толстого в Публичной библиотеке СССР имени В. И. Ленина (б. Румянцевский Музей).

АЧ — Архив В. Г. Черткова.

ГТМ — Государственный Толстовский музей (архив Т. А. Кузминской).

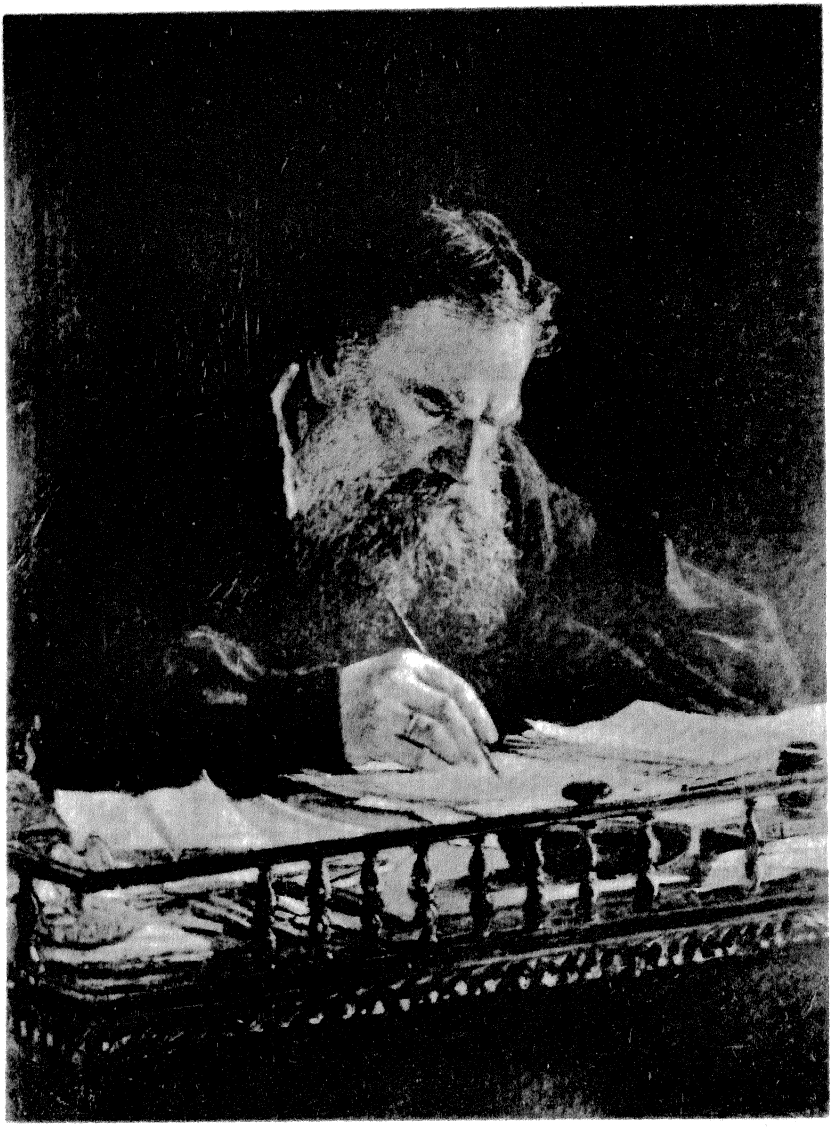
СК — «Спелые колосья», сборник мыслей и афоризмов, извлеченных из частной переписки Толстого Д. Р. Кудрявцевым, изд. Элпидина, Женева, 1895.

ТП — «Л. Н. Толстой. Памятники творчества и жизни». Изд. «Задруга» 1920.

Б, II — П. И. Бирюков. Биография Л. Н. Толстого, т. II, Госизд., М., 1923.

Б, III — То же, т. III, Госизд., М., 1922.

ТЕ 1913 — Толстовский ежегодник 1913 года.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

1884 г.

Работы Н. Н. Ге

ПИСЬМА К В. Г. ЧЕРТКОВУ
1883—1886

1883

1.

1883 г. Декабря 5. Москва 5 Декабря.

Дорогой и милый и ближній мой, Владиміръ Григорьевичъ, получилъ ваши книги и благодарю васъ за нихъ. Я прочелъ и, не осудите меня въ гордости, ничего не нашелъ въ нихъ. Geike [1] — компиляція, и своего почти нѣтъ. Вы не повѣрите, какъ скучны такія книги, когда знакомъ съ литературой предмета — читаешь и вспоминаешь знакомое — смотришь на полѣ [2] и видишь, откуда это знакомое. Ecce homo [3] самобытнѣе, и я еще прочту хорошенько. О воскресеніи мнѣ не нравится. Чѣмъ больше это доказываютъ, тѣмъ больше сомнѣній. Да и доказательства, какъ н[а]п[р]. правдивости свидѣтелей, кот[орыхъ] не было, уже слишкомъ плохи; но главное зачѣмъ доказывать. Я вѣрю, что когда я надѣну подштанники на выворотъ, то будетъ непріятность; и не могу отдѣлаться отъ этой вѣры. [4] Одно, до чего я достигъ, — это того, чтобы эта вѣра не переходила въ дѣло — не заставляла бы меня сердиться на кого-нибудь и вообще дѣлать что-нибудь нехорошее. Но доказывать истинность этой вѣры я никому не стану и надѣюсь, что ни одинъ разумный человѣкъ не станетъ трудиться доказывать мнѣ несправедливость этой вѣры. Это мое личное дѣло, которое никому не мѣшаетъ, если я живу по христіански. Но я васъ такъ люблю, что не могу не сказать всю правду. Чтеніе вашихъ книгъ мнѣ было особенно интересно, потому что я, читая ихъ, слѣдилъ за вашей умственной и сердечной работой (отмѣтки карандашомъ мнѣ помогали въ этомъ), и я радъ былъ видѣть, что ваше душевное состояніе подтверждено и уяснено умственной работой. Но ваша рекомендація прочесть о воскресеніи [5] огорчила меня. Неужели васъ интересуетъ этотъ вопросъ? Я

говорю «неужели» потому, что мнѣ кажется, что по мѣрѣ того, какъ мы понимаемъ жизненное, т. е. истинное значеніе ученія Христа, вопросы метафизическіе (о воскресеніи въ томъ числѣ) все дальше и дальше отходятъ отъ насъ. И когда вполнѣ оно ясно, то совсѣмъ устраняется возможность всякаго интереса и потому несогласія въ метафизическихъ вопросахъ. Столько прямого, неотложнаго, ежеминутнаго и такой огромной важности дѣла для ученика Христа, что некогда этимъ заниматься. Какъ хорошій работникъ навѣрно не знаетъ всѣхъ подробностей жизни хозяина; только лѣнивый работникъ чесалъ зубы на кухнѣ и разузналъ, сколько дѣтей у хозяина, и что онъ ѣстъ, и какъ одѣвается. И все, разумѣется, перевралъ, но узналъ и работы не сдѣлалъ. Важно то, чтобы признавать его хозяиномъ и знать, чего онъ *отъ меня* требуетъ; а что онъ самъ такое и какъ онъ живетъ, я никогда не узнаю, потому что я ему не пара, я работникъ, а не хозяинъ. [6]

Прощайте, милый другъ, пишите мнѣ, если вздумаете. Я книгу свою все еще не кончилъ, но кончаю. [7] Вамъ оставлю экземпляръ или списокъ. Что дѣлать съ вашими книгами? Concordance [8] что за прелесть для умственнаго комфорта.

Л. Толстой.

Полностью письмо печатается впервые. Отрывок из него, с значительными искажениями, был напечатан в «Спелых колосьях», сборнике мыслей и афоризмов, извлеченных из частной переписки Толстого Д. Р. Кудрявцевым, изд. Элпидина, Женева, 1895, стр. 113—114. На подлиннике пометка рукой Черткова: № 1. В редакторской дате письма обозначение года основано на том, что письмо это является ответом на письмо Черткова с полной датой: 14 ноября 1883 г.

Владимир Григорьевич Чертков, к которому адресовано это и все последующие письма Толстого, родился 22 октября 1854 г. в Петербурге. Родители его, Григорий Иванович Чертков (1828—1884) и Елизавета Ивановна Черткова, урожденная гр. Чернышева-Кругликова (1832—1922), принадлежали к высшему кругу петербургского аристократического общества, соприкасавшемуся с царским двором. Дворянский род Чертковых, судьбы которого прослеживаются в прошлом начиная с XVII в., числил за собой несколько преданных царской власти деятелей на военном и государственном поприще, из которых один — Александр Дмитриевич Чертков (1789—1858) — был в то же время археологом, историком и создателем «Чертковской библиотеки», находящейся теперь в Московском Историческом музее. Григорий Иванович Чертков окончил Пажеский корпус и при Николае I был его флигель-адъютантом, а при Александре II генерал-адъютантом, проходя в то же время разные ступени военного ко-

мандования — от командира Преображенского полка до начальника дивизии. Типичный военный того времени по своему кругозору, автор весьма распространенной тогда в войсках «Солдатской памятки», он отличался в то же время редкой в придворных сферах прямотой и независимостью характера. Вызванная гангреной ампутация обеих ног прервала в 1870-х гг. его военную карьеру, но и последние десять лет своей жизни он продолжал работать по своей специальности у себя на дому, занимая пост председателя главного Комитета по устройству и образованию войск.

Мать В. Г. Черткова, Елизавета Ивановна, с которой он был особенно близок, происходила из семьи декабристов; родной дядя ее гр. Захар Григорьевич Чернышев (1796—1862) был сослан после 14 декабря в Читу; тетка ее Александра Григорьевна, урожд. Чернышева, была замужем за Никитой Михайловичем Муравьевым (1796—1844), который стоял во главе Северного общества, был приговорен к смертной казни, но помилован и сослан на каторжные работы в Сибирь, куда жена последовала за ним. Бабка В. Г. Черткова, Софья Григорьевна, гр. Чернышева-Кругликова, поддерживала отношения с братом и сестрой, и дети ее выросли в атмосфере семейного горя.

Мать В. Г. Черткова, Елизавета Ивановна, была еще молодой девушкой, когда родители ее умерли. Ее рано начали вывозить в свет, где при своей выдающейся красоте она не могла не пользоваться успехом. На первом же придворном балу она была представлена Николаю I, на испытующий вопрос которого о ее сосланном дяде она твердо ответила, что сохранила с ним самые сердечные родственные отношения. Выйдя замуж за Г. И. Черткова, она сохраняла такое видное положение в свете и при дворе, что Александр II, с которым она была хорошо знакома еще в то время, когда он был наследником, будучи уже царем, запросто приезжал к ней и ее мужу без всякой охраны. Однако она не имела никакого тяготения к придворной жизни и когда императрица Мария Александровна предложила назначить ее статс-дамой, она отказалась. Через несколько лет после вступления в брак обязанности матери отвлекли ее от светской жизни: из трех сыновей ее, Григория, Владимира и Михаила, старший и младший постоянно болели, и она подолгу жила с ними за границей, на юге, где в 1866 г. скончался ее младший сын, а четыре года спустя и старший. Но уже после смерти младшего сына светская жизнь стала невозможной для нее. Она находила утешение только в религии и, познакомившись за границей с последователями лорда Редстока, основателя евангелического учения, на всю жизнь сделалась строгой евангелисткой. Во время приезда Редстока в Петербург, она познакомила с ним мужа своей сестры, В. А. Пашкова, и таким образом содействовала возникновению русской организации евангелистов, так называемых «Пашковцев». Свое время она делила между единственным оставшимся у нее сыном и мужем и занятиями широко поставленной благотворительностью.

В. Г. Чертков вырос в атмосфере религиозных интересов, скованных определенной догматикой, и среди людей, хотя и независимых по характеру, но полностью принимавших строй окружающей их жизни. Образование он получил домашнее, пользуясь уроками серьезных преподавателей. Имея склонность к ораторским выступлениям, он намеревался в

дальнейшем закончить университет и сделаться адвокатом, защитником невинно-пострадавших. Но вследствие тяжелой болезни, явившейся результатом солнечного удара на охоте в воронежских степях, ему были строго запрещены усиленные умственные занятия. Тогда он поступил вольноопределяющимся в конногвардейский полк и вскоре был произведен в офицеры. В течение семи лет он жил той жизнью аристократа-офицера, вспоминая которую тридцать лет спустя, он писал: «Всем трем классическим порокам—вину, картам и женщинам—я предавался без удержу, живя, как в чаду, с редкими промежутками отрезвления». * Но эти промежутки внутреннего отрезвления, о которых он говорит, не проходили для него даром. Он много читал, и особенное влияние оказали на него в эту пору жизни произведения Достоевского, содействовавшие пробуждению умственных запросов и установлению демократического отношения к людям. Он сделал попытку организовать в полковом клубе чтения и собеседования на исторические темы, однако по требованию начальства они вскоре были прекращены. Но особенно много дали ему для расширения его внутреннего кругозора обязательные тогда для младших офицеров гвардейских полков дежурства в военных госпиталях, порядки которых, безобразные по отношению к содержавшимся там солдатам и особенно жестокие по отношению к попадавшим туда больным политическим заключенным, толкнули его к открытому протесту и противодействию приказам военного госпитального начальства, что должно было иметь для него серьезные последствия. Дело было замято только в виду положения его отца. Жизнь его продолжала итти по прежнему пути, но моменты внутреннего просветления оставляли все более глубокий след. «Тогда спадали с моих глаз очки условного общественного мнения моей среды, и я видел себя таким, каким был на самом деле... Со всем страстным напряжением пробуждавшегося сознания я обращался к той высшей сущности,... которую я тогда представлял себе еще в виде личного бога», говорит он в той же «Странице воспоминаний». Он обращался тогда к Евангелию и, оставляя в стороне уже смущавшее его чудесное и непонятное, в жизни и учении Иисуса находил поддержку тем сомнениям в правильности существующего общественного строя, которые пробуждались в нем самом. Однако его еще смущал вопрос о приложимости евангельского учения к жизни и, как бы проверяя на других основательность своего преклонения перед ним, он стал читать наиболее простые и понятные места Евангелия больным солдатам. Подсаживаясь к ним на кровать, он вступал с ними в разговоры, которые раскрывали перед ним их жизнь и вместе с тем утверждали его в мысли, что Евангелие так же действует на них, как и на него. «Какая, думал я, непримиримая, казалось бы, противоположность между положением этого умирающего солдата и моим! Он — по рождению кормящий себя и других крестьянин, я — праздный, поедающий чужие труды барченок-аристократ... А между тем оказывается, что общее есть»...

Начавшийся таким образом внутренний процесс привел В. Г. Черткова к убеждению, что христианство в том виде, как он теперь понимал его, несовместимо с той жизнью, которую он вел, как представитель своего

* «Страница из воспоминаний. Дежурство в военных госпиталях», Вестн. Евр., 1909, XI и отдельной брошюрой, М., 1914.

класса, и прежде всего несовместимо с военной службой. В 1879 г. он решил выйти в отставку, но по настоянию своего отца взял лишь отпуск на одиннадцать месяцев и уехал в Англию. По возвращении оттуда, склонившись на просьбы родителей, «для испытания себя» продлил военную службу еще на один год. В 1881 г. убийство Александра II, которого он лично знал с детства, вместе с жалостью вызвало в нем вспышку уже угасавших монархических чувств. Но это было ненадолго. В том же году, не взирая на огорчение родителей, ожидавших назначения его на флигель-адъютантскую должность при Александре III, особенно благоволившем к ним, Чертков вышел в отставку и навсегда порвал со всем складом своей петербургской жизни.

Уехав в степное имение своих родителей, Лизиновку, Острогожского у. Воронежской губ., он решил посвятить себя облегчению нужд местного крестьянского населения. Он устраивал потребительские лавки, ссудо-сберегательные товарищества, школы, библиотеки, читальню, чайную, а в своей слободе Лизиновке, имевшей до 5000 жителей, стал насаждать ремесла, основав там ремесленную школу с сапожным, столярным, бондарным и ведерным отделениями, которая стала выпускать местных мастеров по этим специальностям, что давало крестьянам дополнительный заработок и освобождало население от необходимости пользоваться в указанных областях товарами кущов-спекулянтов. Одновременно он работал и в местном земстве, где ему удалось сплотить группу людей, имевших в виду крестьянские интересы. Позднее, в 1883 г., он был выбран земским собранием в члены училищного совета и, объезжая школы, находившиеся даже на большом расстоянии от Лизиновки, повсюду вел борьбу с рутиной и казенщиной преподавания, заступался за народных учителей, когда их притесняли местные власти, и заботился о повышении их образовательного и педагогического уровня. Привычки личной своей жизни он к этому времени уже очень упростил и, переселившись из дома родителей в комнату при ремесленной школе, жил там с учителями и сотрудниками, которым хотел передать и все управление школой на товарищеских началах. При поездках по железной дороге он садился в 3-й класс, где пускался в разговоры и споры «о таких вопросах, как несправедливое имущественное отношение между господами и рабочими, произвол и дикость государственной власти, бессмысленность церковных обрядов, корыстолюбие и обман церковнослужителей» (из ненапечатанных отрывков Воспоминаний Черткова). По его словам эти поездки в 3-м классе, в простой одежде, были для него «настоящим откровением» по отношению к русскому народу.

В этой полосе своей жизни он был уже настолько далек от той сферы, к которой принадлежал по рождению, что типичные представители окрестного дворянства, богатые помещики, были настроены против него крайне враждебно и называли его «сумасшедшим». Слухи о характере его новой жизни дошли и до Александра III, по распоряжению которого за ним был установлен негласный надзор полиции.

Между тем совершающийся в нем процесс, всё дальше уводивший его от прежних понятий и привычек, не прекращался. Сознание нравственной недопустимости капиталистического строя, искание тех путей, которыми можно было бы практически разрешить для себя назревшие социальные

вопросы в соответствии с евангельским учением всё более волновали его. Н. В. Давыдов, познакомившийся с ним летом 1883 г. на свадьбе его приятеля, земского деятеля Р. А. Писарева, и имевший с ним тогда же долгий ночной разговор, сообщает в книге своей «Из прошлого», что «искание» Черткова носило в то время, «очень энергичный, даже страстный характер». В этом разговоре Чертков впервые узнал от Давыдова, что по всем особенно волнующим его вопросам он является единомышленником Толстого. Понятно, что с этого времени стремление увидеться с Толстым уже не оставляло Черткова. Толстой со своей стороны заинтересовался Чертковым по рассказам приезжавшего к нему в конце августа того же года Г. А. Русанова, пробывшего десять лет членом острогожского окружного суда. Через два месяца после этого, около 25 октября 1883 г., при проезде Черткова через Москву в Петербург для свидания с родными, состоялось, наконец, их знакомство, вскоре перешедшее в глубокую дружбу. Толстому было в то время 55 лет, Черткову 29, но эта очень значительная разница лет не отразилась на характере их отношений.

Сближение их уже через год с небольшим завершилось общим большим делом: основанием «Посредника». История этого идейного предприятия, вызвавшего живые отклики в различных группах и слоях русского общества того времени и сыгравшего очень большую роль в приобщении к культуре трудящихся масс, выясняется с достаточной полнотой из публикуемых в настоящем издании писем Толстого к Черткову и комментариев к ним. Здесь важно только отметить, что издательство, получившее название «Посредник» и далеко оставившее за собой по тиражу выпускаемых им книжек все существовавшие опыты в том же роде, как возникновением своим в конце 1884 г., так и организацией — с привлечением к делу Сытина и использованием его огромного распространительного аппарата — было всецело обязано Черткову. Отношение его к этому делу определялось теми взглядами его, которые он сформулировал в письме от 16 мая 1885 г. к одной молодой девушке, А. Н. Сиротининой, желавшей приобщиться к деятельности «Посредника»: «Время и труд наш принадлежат не нам, капиталистам культуры и аристократам ощущения, а тем миллионам обделенных и всячески голодающих работников, которые носят нас на своих плечах и благодаря бедности которых нам удалось накопить наши умственные капиталы....» Живя после смерти отца, в 1884 г., с матерью — то в Петербурге, то в Лизиновке, а летом уезжая для сопровождения ее в Англию, он не переставал стоять в центре дела в качестве редактора его, интересоваться каждой мелочью в нем. Это положение вещей не изменилось и тогда, когда, женившись в 1886 г. на близкой ему по духу Анне Константиновне Дитерихс, работавшей в «Посреднике» со дня открытия его петербургского склада, * Чертков с весны 1888 г. и самую редакцию «Посредника» перенес в деревню, на хутор Ржевск (недалеко от Лизиновки), где он работал совместно с женой, одно время при участии И. И. Горбунова-Посадова, поддерживая огромную переписку с авторами и художниками, делавшими рисунки для книжек, с Сытиным, со складом «Посредника» и многочисленными добровольными распространителями его изда-

* Биографию А. К. Дитерихс-Чертковой см. в настоящем томе ниже—в комментарии к письму Толстого № 119.

ний, доставлявшими в редакцию отзывы читателей, собиранию которых Чертков придавал огромное значение. В редакторской своей деятельности он в это время уделял особое внимание серии книжек, излагавших учения мыслителей разных стран и эпох, для которой сам он написал книжку «Римский мудрец Эпиктет, его жизнь и учение», вышедшую в 1889 в изд. «Посредника».

По мере того как популярность «Посредника» и спрос на его книжки увеличивались, возрастала и придирчивость к нему со стороны цензуры. Старые связи Черткова, благодаря которым ему удалось в 1884 г. получить разрешение на открытие склада в Петербурге, были непригодны для того, чтобы охранять идейные интересы «Посредника». Приходилось для пропуска той или другой книжки изловчаться, представляя в цензуру печатающиеся книжки без фирмы «Посредника», иногда без имени автора, то в одном городе, то в другом, но кроме того часто итти на компромиссы, на урезки того, что было для редакции всего существеннее. Всё это настолько тяготило Черткова, что, проработав в качестве главного редактора «Посредника» девять лет, он к концу 1893 г. отказался от редакторства и передал свои обязанности П. И. Бирюкову и И. И. Горбунову. В это время дело было уже развернуто во всех своих отраслях и обслуживало не только художественной, но и научно-популярной литературой, и книжками религиозно-философского и этического характера, и картинками с текстом — миллионы читателей «из народа», взрослых и детей, а также известные круги трудовой интеллигенции. Выпущено было в огромных тиражах, по исключительно-доступной цене от $1^1/_2$ коп. за книжку, свыше 250 названий, из них 44 произведения Толстого. В беллетристическом отделе «Посредника» печатались Гаршин, Эртель, Лесков, Короленко, Чехов, Засодимский, Златовратский, Барыкова и мн. др. Из них Гаршин, Эртель, отчасти Барыкова сделались личными друзьями Черткова и поддерживали с ним отношения до конца жизни. *

Для иллюстрации печатающихся книжек и для создания особой серии картин с текстом, которые раскупались взамен популярных лубочных картинок, Чертков, особенно интересовавшийся этим, привлек к делу целый ряд художников, в том числе Крамского, Репина, Кившенко, Савицкого, Ярошенко, Соллогуба и др. — частью «передвижников», частью принадлежавших к другим направлениям. Из названных художников рано умерший Крамской был знаком с Чертковым и во многом близок ему еще до основания «Посредника», с того времени, как по заказу его родителей писал его портрет. **

Еще в период своей редакторской деятельности в «Посреднике» Чертков, постоянно уговаривая Толстого отдавать как можно больше времени и сил художественному творчеству, тем не менее делал всё возможное для распространения его теоретических сочинений. Некоторые из них он размножал у себя на гектографе и рассылал знакомым, навлекая этим на себя крайнее неудовольствие могущественного в то время прокурора синода, К. П. Победоносцева. Но кроме того в первый же год своего знакомства

* Письма Эртеля к Черткову и многие письма Черткова к Эртелю вошли в том «Писем» последнего, под ред. М. Гершензона, М., 1909.

** Письма Крамского к Черткову напечатаны в книге «И. Н. Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи», изд. Суворина, Спб., 1888.

с Толстым он взялся за перевод на английский язык сочинений его «Исповедь», «В чем моя вера» и «Краткое изложение Евангелия». Перевод этот был исполнен при участии нескольких сотрудников, англичан, и выпущен без подписи Черткова в 1885 г. в Англии, одним томом, состоящим из трех частей, под общим заголовком «Christ's Christianity» («Христианство Христа»). Чертков издал его на собственные средства, которые он ежегодно получал от матери (отец его, опасаясь, что он раздаст всю землю крестьянам, завещал свои огромные воронежские имения Е. И. Чертковой, с тем, чтобы она делила с сыном лишь получаемые от них доходы) и большую часть которых тратил на свою просветительную деятельность среди крестьян и на содержание редакции «Посредника». По его же инициативе и при его непосредственном участии было переведено на английский язык сочинение Толстого «Так что же нам делать», для которого он приискал издателя. Так положено было начало его деятельности по распространению трудов Толстого за границей.

Освободившись от редактирования «Посредника», Чертков в ближайшие годы, с 1894 до 1896 включительно, проводит лето в дер. Дёменке, около Ясной поляны. В это время Черткову удалось оказать Толстому помощь в деле упорядочения накопившихся за много лет и неразобранных бумаг его. Вместе с тем, начав уже с 1889 г. заботиться о том, чтобы всё написанное Толстым, — в том числе и все письма его к разным лицам, — систематически копировалось, Чертков за указанные годы достиг значительных результатов и в этом деле. В дальнейшем задача эта была осуществлена полностью, причем один экземпляр копий поступал на хранение к Черткову.

Проводя лето подле Толстого, в остальное время года Чертковы обычно жили у себя на хуторе в Воронежской губ., отдаваясь теперь собиранию документальных данных касательно брожения религиозной мысли в разных русских народных сектах и у отдельных лиц и групп, отпадавших от господствующей церкви и тем самым вступавших в конфликт с правительством. Еще в ноябре 1888 г. Чертков писал Эртелю, что сектантство является той стороной русской народной жизни, которая известна ему не только через посредство литературы, но и путем непосредственного общения с представителями различных подпольных течений в русском народе. «Этому способствовали отчасти, — говорит он, — мои близкие сношения с кружком пашковцев, среди которых я вырос и который навещали всякие сочувствующие и несочувствующие сектанты самых разнообразных направлений и оттенков, а главное мой личный интерес ко всем тем «духовным» вопросам и движениям, которые волнуют в настоящее время народное море». В 1890-х гг. под влиянием доходивших до него с разных сторон сведений о жесточайших гонениях на сектантов как со стороны властей, так и со стороны местного населения, подстрекаемого духовенством, Чертков задался целью собрать как можно больше материала на данную тему, чтобы, составив на основании его книгу, предать всё совершающееся широкой гласности. С этой целью он организовал целую сеть непосредственных письменных сношений с сектантами. Ближайшим его помощником в этом деле, кроме А. К. Чертковой, был живший у него И. М. Трегубов.

Особенное внимание Чертков уделял положению лиц, отказывающихся

по религиозным убеждениям от военной службы и подвергавшихся за это таким мучительствам, которые не могли быть оправданы даже с точки зрения правительственных интересов. Участь Евдокима Дрожжина, в конце концов замученного на смерть в воронежском дисциплинарном батальоне, и других, шедших по тому же пути, вызывали с его стороны настойчивые обращения к высшим властям, с использованием всех прежних связей, но обычно это ни к чему не приводило. В 1895 г. на Кавказе началось движение среди духоборцев (или духоборов, как их чаще называют) с массовым отказом от военной службы и торжественным сожжением всего имеющегося у них оружия на кострах. Это вызвало дикую расправу с ними со стороны представителей власти, массовые заключения в тюрьмы, сечение колючими розгами, расселение нескольких тысяч семей по пустынным углам Кавказа, где они гибли от брюшного тифа и малярии. Захваченный всем происшедшим так же, как и Толстой и другие близкие ему люди, Чертков изложил свой взгляд на дело в брошюре «Напрасная жестокость». Она была размножена гектографическим способом и разослана им правительственным лицам, а затем в 1896 г. нелегально отпечатана им в Лондоне, в типографии Вольной русской прессы. Несколько времени спустя, в декабре того же 1896 г., Чертков вместе с П. И. Бирюковым и И. М. Трегубовым составили и подписали касающееся положения духоборов воззвание к обществу под заглавием «Помогите». Так же как и предыдущая брошюра, оно было разослано в большом числе экземпляров членам правительства и общественным деятелям, а в начале 1897 года вышло с послесловием Толстого в Лондоне, как издание Черткова. В январе 1897 г. Бирюков и Чертков написали новую брошюру на ту же тему — «Положение духоборов на Кавказе в 1896 г. и необходимые средства облегчения их участи», где осуждение правительственных действий было высказано еще откровеннее. Но уже через неделю после ее написания деятельность ее авторов на русской почве была пресечена постановлением Комитета Министров.

На 3 февраля находившийся в Петербурге Чертков был вызван по неизвестному ему поводу к министру внутренних дел Горемыкину и готовился итти к нему с сообщением о духоборах. Однако с утра 2 февраля в занимаемое Чертковым помещение, в Галерной гавани, нагрянули с длительным обыском. Протокола этого обыска Чертков не подписал, Горемыкина же известил письмом, что после происшедшего в квартире его, Черткова, «нападения и ограбления» он не поедет к нему. На следующий день Горемыкин приехал к Е. И. Чертковой, чтобы сообщить ей, что Комитет Министров, признавая сына ее виновным в пропаганде и незаконном вмешательстве в дела о сектантах, постановил сослать его в Сибирь, но так как императрица-мать, узнав об этом, просила Николая II смягчить это решение в память дружбы ее и Александра III к его родителям, то В. Г. Черткову предоставляется выбрать между высылкой под надзор полиции в Прибалтийский край или, на неопределенный срок, за границу. Запрошенный матерью, Чертков ответил, что предпочитает уехать за границу. Одновременно с Чертковым были высланы, в Прибалтийский край, Бирюков и Трегубов. 13 февраля 1897 г. Чертковы уехали в Англию, проведя перед тем несколько дней с Толстым, который, узнав об их высылке, поспешил приехать проститься с ними в Петербург.

Чертковы прожили в Англии около одиннадцати лет, шире прежнего развертывая ту деятельность, которая была прекращена в России. По приезде в Лондон, Чертков издал там вышеуказанную брошюру, написанную им вместе с Бирюковым,—«Положение духоборов на Кавказе». В том же году он написал и напечатал посвященную духоборам брошюру на английском языке «Christian martyrdom in Russia» со статьей Толстого. В 1898 г., поселившись близ городка Пэрлей, в Эссексе, он выпустил небольшую книжку свою, под заглавием «Где брат твой? Об отношении русского правительства к людям, не могущим становиться убийцами». Но положение духоборов, продолжающее волновать Толстого и всех близких ему, требовало и чисто практической помощи: значительная часть их была выселена в Якутскую область, другая часть погибала на Кавказе, но в начале 1898 г. им удалось выхлопотать, через императрицу-мать, разрешение на выезд за границу. Необходимо было отыскать земли, куда можно было бы поселить до 7000 людей, и собрать средства для их переселения. Об этом Толстой писал Черткову в марте 1898 г. В то время как сам он занялся изысканием и собиранием этих средств, живя в России, Черткову удалось заинтересовать данным вопросом английских квакеров, которые были близки духоборам по религиозным убеждениям и имели постоянную организацию для помощи гонимым за религиозные убеждения в разных странах. Для переселения духоборов квакеры образовали особый Комитет с участием Черткова. Часть духоборов была временно поселена на острове Кипре, а затем для них были отысканы более подходящие земли в Канаде, куда они и были, наконец, перевезены.

Деятельность Черткова по переселению духоборов продолжалась два года. Одновременно он продолжал собирать, путем письменных и личных сношений, материалы, касающиеся других течений в русском сектантстве, образовав специальный архив по сектантскому движению, заключавший в себе к 1902 г. уже около 4000 документов.

Но главным делом Черткова в Англии было распространение запрещенных в России сочинений Толстого и общих с ним идей христианского анархизма. Уже в 1897 г. им были изданы отдельными брошюрами на русском языке несколько произведений Толстого, написанных в 1896 г.: «Как читать Евангелие и в чем его сущность», «Приближение конца», «Христианское учение», «Об отношении к государству» (три письма), а также более ранний труд его «Царство Божие внутри вас». Всё вновь написанное Толстым немедленно пересылалось Черткову в подлинниках или копиях и немедленно издавалось и тотчас же переводилось для издания на английском языке — самим Чертковым, по большей части вместе с английской писательницей И. Ф. Мэйо или А. К. Файфильдом, который сделался помощником Черткова в основанном им английском издательстве под фирмой «Free Age Press». За время пребывания Черткова в Англии это издательство выпустило в свет, считая небольшое число повторных изданий, свыше 60 номеров крупных и мелких произведений Толстого и некоторых близких к нему авторов, причем на каждом выпуске значилось, что перепечатка его разрешается безвозмездно всем желающим. Большая часть их действительно перепечатывалась. С 1899 г., со времени напечатания романа «Воскресенье», Чертков сделался уполномоченным Толстого

в отношении всех лиц, желавших переводить его произведения и издавать их на иностранных языках.

Русское издательство Черткова, получившее с конца 1898 г. название «Свободного слова», тоже разрасталось. Поселившись в 1901 г. около г. Крайстчерч, в 150 километрах от Лондона, Чертков оборудовал там на средства, полученные от его матери, русскую типографию и предпринял издание «Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, запрещенных в России», — первоначально в 10 томах. В то же время издательство продолжало печатать отдельными выпусками и вновь выходящие произведения Толстого. Но деятельность Черткова развивалась и в других направлениях. Уже в 1901 г. Чертковы стали издавать журнал «Свободное слово» (приблизительно 6 книжек в год) и «Листки свободного слова». В каждом № журнала помещались: 1) сведения о Толстом или отрывки из его неизданных писаний (из его дневника, из частных писем и т. п.); 2) обильные материалы о движениях в русском сектантстве и гонениях на него, об отказах от присяги и военной службы как в России, так и в других странах; 3) теоретические статьи по вопросам христианского анархизма («Что такое анархизм» — в №№ 8—13, «О власти» — в №№ 11—13, «Бескровное разрушение» в № 8 и т. п.); 4) многочисленные отклики на явления социально-политического характера в России и отчасти за границей, рассматриваемые с точки зрения христианского анархизма. Многие из этих заметок писал сам Чертков («Дело Павловских крестьян — в №№ 1 и 3, «Случай с Балтийской эскадрой» — в связи с начавшейся войной на Дальнем Востоке — в № 13, «Толстой и японцы» в №16, «О гурийском движении» в № 16, «Сведения из современной жизни в России» — в «Листках Своб. слова», №№ 8, 9, 14, 15); другие присылались корреспондентами Черткова с мест или составлялись в Англии по газетам (напр., заметки об избиении демонстрирующих безработных в Париже, о стеснениях свободы слова в Венгрии, о Кишиневском погроме, о разных манифестах в царской России). Журнал просуществовал, с перерывом в 1903 г., до сентября 1905 г., когда его пришлось прекратить по недостатку средств. К этому же времени стала замирать и деятельность «Свободного слова» по изданию отдельных книжек и сборников, которые выпускались Чертковыми еще до переезда их в Крайстчерч и которые можно распределить по тем же разделам, какие были указаны выше в журнале «Свободное слово». Так по разделу о русском сектантстве было отпечатано 8 выпусков «Материалов» (предполагалось выпустить не менее 35) и несколько других книжек — некоторые из них с предисловием Черткова («Духоборцы в дисциплинарном батальоне», Christchurch 1902; «Преследования баптистов евангелической секты», Christchurch, 1902; «Письма духоборческого руководителя П. В. Веригина», Christchurch, 1901, предисловие к которым написано Чертковым вместе с А. К. Чертковой). Ряд небольших книжек посвящен был теоретическим вопросам христианского анархизма: «Что такое анархизм» Ан—ского со статьей Черткова, Christchurch, 1905, «Против власти». С польского. Под ред. Черткова, Christchurch, 1905, «О революции» В. Черткова, Christchurch, 1904, — книжка, напечатанная ранее по частям в журнале «Свободное слово», в которой Чертков, отрицая революцию, достигаемую насильствен-

ными средствами, заявляет: «не меньше революционеров, а больше, чем самые крайние из них, мы отрицаем всякое правительство», сравнивая же деятельность людей, которые состоят на службе у правительства, с деятельностью революционеров, указывает, что первые «служат главным образом ради своей собственной выгоды», тогда как революционеры «жертвуют иногда даже самой жизнью ради того дела, которому они служат», представляя в этом отношении «образцовый пример самоотвержения». Откликами на явления окружающей социально-политической жизни явились изданные еще в Пэрлей книжки «Студенческое движение 1899 г.», сборник под ред. А. и В. Чертковых, 1900 г., со статьей Черткова, где он приветствует коллективный протест молодежи против порядков существующего строя, «Финляндский разгром», сборник под ред. и с предисловием Черткова, 1900 г., «13 лет в Шлиссельбургской крепости» — записки Л. А. Волькенштейн с предисловием Черткова, 1900 г. Кроме того, нужно отметить несколько изданных Чертковым книжек антиклерикального характера близких по воззрениям их авторов Толстому и Черткову: «О вопросах религии» Теодора Паркера с жизнеописанием его, написанным Чертковым, «Библия, ее происхождение, развитие и характер» Дж. Т. Сендерлэнда в переводе под ред. Черткова, 1904 г. и др. Издание всех этих книжек, как с редакционной, так и с чисто технической стороны подготавливалось Чертковым при неизменном участии А. К. Чертковой.

Когда события, разыгрывавшиеся в России, стали указывать на возможность для Черткова вернуться туда, в центре его внимания оказался вопрос о хранении находившегося у него архива ненапечатанных рукописей, дневников и писем Толстого (свыше 6 000 писем в подлинниках и копиях), о котором Толстой говорил, как о самом полном собрании всего написанного им с 1881 г. До этого времени Чертков хранил этот архив в ящиках, нагроможденных в той самой комнате, где он спал и работал, но и этот способ хранения не мог считаться вполне надежным даже во время пребывания Чертковых в Англии. Поэтому в 1906 г. Чертков решил создать для архива особое несгораемое хранилище, которое и было построено согласно последнему слову техники на той вилле Тэктон-Хоуз, близ Крайстчерча, где он жил. Рукописи Толстого продолжали поступать туда и после переезда Чертковых в Россию, до смерти Толстого, и были перевезены в СССР лишь в 1928 г.

Всё указанное не исчерпывает однако деятельности Черткова за время пребывания его в Англии. Будучи склонен от природы к ораторским выступлениям и владея в совершенстве английским языком, что отмечается в отчетах о его выступлениях английскими газетами, он уже в 1899 г. прочел публичную лекцию в «Христианской ассоциации» г. Мальдона на тему «Наше современное цивилизованное, так называемое христианское общество». В 1901 г. он основал в тихом буржуазном городке Бурнемаут (неподалеку от Крайстчерча) общество под названием «Progress Meetings», целью которого были свободные от всяких условностей собеседования о важнейших вопросах жизни, с докладами приглашаемых для этого лиц на философские и социальные темы. Здесь в течение трех лет Чертков не раз выступал с чтением новейших произведений Толстого, переведенных на английский язык, и сделал до 25 докладов по основным вопросам своего

мировоззрения, затрагивая и целый ряд конкретных явлений европейской жизни. Кроме того, он получал приглашения читать публичные лекции в ряде университетских городов Англии. Последние публичные выступления его в Англии, относящиеся к 1906 и 1908 гг., состоялись в Лондоне — на митинге «Общества борьбы с смертной казнью» и на Съезде вегетарианцев.

В это время для Черткова уже выяснилась возможность возвращения в Россию, куда он был допущен на короткое время еще в 1905 г. В 1906 г. он вновь получил такое же разрешение и ездил туда с сыном, а лето 1907 г. Чертковы провели уже близ Ясной поляны, в дачном поселке Козловка-Засека, но на зиму должны были вновь уехать в Англию для окончания там своих издательских дел. В это время для них строился дом на участке земли, купленном у Александры Львовны Толстой, в имении ее Телятинки. В июне 1908 г. Чертковы окончательно покинули Англию и, проведя три месяца на даче Гужона, подысканной им Толстым в 7 верстах от Ясной поляны, поселились в Телятинках. В это время, постоянно видаясь с Толстым, Чертков имел уже возможность представить ему огромный труд, начатый по его инициативе и под его непосредственным руководством еще около 1890 г. (работа над которым не закончена и до сих пор), — «Свод мыслей Толстого». Этот «Свод», задуманный как справочное издание, в котором мысли Толстого, высказанные в различных его писаниях, расположены по отдельным темам, заключал в себе до 25000 карточек и должен был бы составить в печати целый ряд томов. * Толстой нашел этот труд чрезвычайно ценным для себя и отдавал для пополнения его те свои мысли, которые он вычеркивал из того или другого своего сочинения, как излишние там, и пользовался им при составлении 2-го издания «Круга чтения», «На каждый день» и «Путь жизни».

Деревенская жизнь Чертковых, вблизи Толстого, имела в это время такой характер, что на нее не могли не обратить внимания враждебно настроенные к нему, как к ближайшему другу и единомышленнику Толстого, представители местного дворянства, духовенства и власти. По свидетельству лиц, гостивших у них тогда, дом Чертковых всегда был полон народа — сектантов, рабочих, революционеров, молодых людей, отказывающихся от воинской повинности, опростившихся интеллигентов и крестьянской молодежи новой формации. Потому не прошло и полугода со времени обоснования Черткова в Телятинках, как он был выслан из пределов Тульской губернии «в виду вредного влияния на окружающее население». Распоряжение это было объявлено ему в начале марта 1909 г., но он выехал из Телятинок в Петербург, к матери, только 31 марта. Попытки его добиться разрешения на возврат в Тульскую губернию в течение полутора лет ни к чему не приводили. С июля 1909 г. до весны 1910 г. Чертковы жили в подмосковном имении Пашковых, Крёкшине, куда в сентябре 1909 г. на две недели приезжал к ним Толстой. Сам он ездил для свидания с Толстым в июле 1909 на границу Орловской и Тульской губ., в деревню Суворово близ Кочетов, где Толстой гостил в это время

* Вопросу о назначении и плане этого начинания посвящена брошюра Черткова, отпечатанная «не для продажи» под заголовком «Об издании полного собрания мыслей Л. Н. Толстого», М., 1915.

у дочери своей Татьяны Львовны Сухотиной, и в мае 1910 г. — в самые Кочеты, получив на это временное разрешение. Наконец в июне 1910 г. Толстой приезжал к Чертковым на две недели в с. Мещерское Подольского у. Московской губ., куда они переселились, чтобы быть ближе к Толстому.

20 июня 1910 г. Чертков получил разрешение вернуться в Телятинки. В это время Толстой обдумывал последнюю редакцию своего завещания. 22 июля оно было написано — как известно, в том смысле, что все юридические права на литературное наследство Толстого переходили, после его смерти, к дочери его Александре Львовне, вследствие чего никто из остальных членов его семьи не мог использовать его произведений в качестве частной собственности. Истинное же выражение своей воли Толстой дал в «объяснительной записке» к завещанию, написанной по просьбе Толстого Чертковым и подписанной Толстым 31 июля того же 1910 г., где говорилось, что все его сочинения и писания всякого рода, как где-либо напечатанные, так и еще не изданные, могут быть издаваемы и перепечатываемы всеми, кто этого захочет, и что все рукописи и бумаги (в том числе дневники, черновики, письма и проч. и проч.), которые останутся после него, должны быть переданы В. Г. Черткову, с тем, чтобы он «занялся пересмотром их и изданием того, что он в них найдет желательным для опубликования».

В последние месяцы жизни Толстого личное общение его с Чертковым было прекращено вследствие обострившейся вражды к Черткову Софьи Андреевны Толстой. В ночь с 27-го на 28-е октября Толстой, как известно, покинул Ясную поляну. Через несколько дней он уже слег с воспалением легких в Астапове и тотчас же вызвал к себе Черткова, который и оставался подле него до его кончины.

По возвращении Черткова в Телятинки жизнь его приняла прежний характер с тем однако отличием, что теперь он оказался в центре того движения, во главе которого до самой своей смерти стоял Толстой. К нему направлялись теперь и бесчисленные паломники, приезжавшие на могилу Толстого и осматривавшие места, где он жил, — иногда целые экскурсии из десятков и даже сотен человек. Они посещали Черткова, чтобы услышать от него живое слово о Толстом и уяснить себе те идеи христианского анархизма, которые были общими для него и для Черткова, для большинства же русского общества оставались не только спорными, но и несколько смутными уже потому, что важнейшие сочинения Толстого последнего периода в России всё еще не были напечатаны. Чертковы принимали всех приходивших и приезжавших к ним, стараясь удовлетворить все их запросы и наделяя их имевшейся у них литературой.

Но главной задачей Черткова было теперь исполнение последней воли Толстого, выраженной в объяснительной записке к официальному завещанию, которая возлагала на него обязанность объединить в своих руках все его напечатанные и ненапечатанные писания, упорядочить все рукописные материалы и сделать всё это общим достоянием во всем мире. При исполнении этой задачи Черткову пришлось натолкнуться на упорное сопротивление Софьи Андреевны Толстой, которая, отстаивая материальные интересы свои и своей семьи, доказывала, что все рукописи Толстого как первой, так отчасти и второй половины его литературной деятельности,

В. Г. ЧЕРТКОВ

1885 г.

Работы И. Е. Репина

отданные ею на хранение в Исторический музей, составляют ее личную собственность. Завязалась длительная борьба, перешедшая и на юридическую почву. Дело доходило до сената, а со стороны Софьи Андреевны и ее приверженцев даже до Николая II. Черносотенные газеты обвиняли Черткова в намерении не допустить общество до подлинных писаний Толстого, что-то утаить или исказить.

Завещание Толстого осталось однако в силе. В 1912 г. вышли в свет, в издании Александры Львовны Толстой, три тома его посмертных художественных произведений, подготовленных к печати Чертковым, с его предисловием в I томе и послесловием в III томе. В том же году начало выходить в свет, в издании И. Д. Сытина, Полное Собрание сочинений Толстого, со включением многого, ранее в России не печатавшегося, под редакцией П. И. Бирюкова, с предисловием Черткова в I томе. Все произведения, вышедшие в этих посмертных изданиях, могли свободно перепечатываться и, поскольку это допускалось цензурой, перепечатывались. Однако очень многое не вошло и в эти издания, и обследование огромного рукописного наследия Толстого продолжалось Чертковым, при деятельном участии А. К. Чертковой, в течение многих лет.

В декабре 1914 г. Чертковы покинули Телятинки и переселились на постоянное жительство в Москву, в Лефортовский переулок. Империалистическая война вновь обострила вопрос о военной службе для всех тех, кто не считал возможным, по своим религиозным убеждениям, отбывать воинскую повинность и в мирное время. На попечении Чертковых оказались уже не десятки, а многие сотни людей, принадлежавших к разным сектам или руководимых личными воззрениями, которые терпели за отказ от участия в войне жестокие преследования царского правительства. Хлопоты о смягчении их участи, нравственная поддержка их посредством переписки с ними, материальная помощь заключенным в тюрьмах, вместе с продолжающейся работой по упорядочению литературного наследия Толстого и завершения свода его мыслей, заполняли всё время Черткова.

Вопрос о судьбе отказывающихся от военной службы разрешился в благоприятном для них смысле только после революции. К концу 1918 г. по инициативе Черткова образовался внецерковный «Объединенный совет религиозных общин и групп», объединившихся «на почве защиты свободы совести в связи с отказами от воинской повинности», который избрал Черткова своим председателем. В декабре 1918 г. состоялось свидание Черткова с Лениным, который отнесся к задачам возникающего «Объединенного совета» с живым интересом и вниманием. Результатом этого явился декрет Совета Народных Комиссаров от 4 января 1919 г. «об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», в котором говорилось: «1. Лицу, не могущему по своим религиозным убеждениям принимать участие в военной службе, предоставить право по решению Народного суда заменить таковую на определенный срок призыва его сверстников санитарной службой, преимущественно в заразных госпиталях, или иной соответствующей общеполезной работой по выбору самого призываемого. 2. Народный суд при постановлении своего решения о замене воинской повинности другой гражданской обязанностью запрашивает экспертизу московского «Объединенного совета религиозных общин и

групп» по каждому отдельному делу. Экспертиза должна простираться как на то, что определенное религиозное убеждение исключает участие в военной службе, так и на то, что данное лицо действует искренно и добросовестно...». Таким образом «Объединенному совету» была поручена очень ответственная обязанность. Он просуществовал до 1921 г., дав за это время свою экспертизу по делам об отказе от воинской повинности более 6000 раз.

За этот же приблизительно период времени, с середины 1917 г. до конца 1920 г., Чертков редактировал журнал «Голос Толстого и Единение» и напечатал в нем ряд своих статей и заметок, из которых, кроме названных ниже заметок, посвященных Толстому, нужно отметить: «О прекращении войны» (1917 г., № 2), «Кооперация и политика» — речь на Чрезвычайном Всероссийском кооперативном съезде Союзов и объединений в Москве 12 сент. 1917 г. (1917-1918 г., № 6), «Интеллигенция и народ» (1918 г., №№ 1, 2, 3), «Церковь и политика» (1918 г., № 4, вышла отдельной брошюрой, М., 1919), «По поводу вскрытия мощей» (1919, № 6). В мае 1920 г. он напечатал в журнале «Истинная свобода» (№ 2) свое «Письмо к англичанам» — о недопустимости вмешательства союзников в русские дела, которое было переведено на английский язык и вышло в газете «Manchester Guardian», а затем отдельной брошюрой, под заглавием «Letter to British working men». За этот же период времени Чертков многократно выступал с докладами и речами на собраниях в столовой Вегетарианского общества, в зале московского Политехнического музея, в Консерватории, Университете и пр.

В конце 1918 г. подвинулся к практическому разрешению для Черткова и вопрос об издании полного собрания сочинений Толстого, обнимающего всё когда-либо им написанное. О желательности и необходимости такого издания, осуществимого в новых условиях жизни только при содействии государства, высказался в самой определенной форме, при свидании своем с Чертковым в декабре 1918 г., Ленин. Но предстояло еще разрешить целый ряд важных и сложных организационных вопросов, связанных с этим изданием, и на это, вместе с продолжающейся литературной подготовкой его, ушло более девяти лет. Договор Госиздата с Чертковым, как с главным редактором настоящего Юбилейного издания, был подписан 2 апреля 1928 г.

Кроме книжек и статей Черткова, названных нами выше, в тексте биографических сведений о нем, необходимо отметить еще, как важнейшие, следующие его произведения общего характера:

«Злая забава» (Мысли об охоте). С предисловием Л. Н. Толстого. В газ. «Новое время» за 1890 г., № 5284 от 13 ноября. Затем три отдельных издания «Посредника».

«Жизнь одна» (Об убийстве живых существ). — В «Вегетарианском обозрении» 1911 г., №№ 1—5. Отдельной книжкой — изд. «Посредника», М. 1912.

Предисловие к кн. «Тайный порок. Вып. 1. Трезвые мысли о половых отношениях». Изд. «Посредника», М., 1908.

Наибольшее число статей и заметок Черткова посвящено Толстому. Приводим их список с доступной нам полнотой:

1) Предисловие (написано вместе с П. И. Бирюковым) к кн.: «Осада Севастополя». Сокращено [Н. Л. Озмидовым] по «Рассказам о Севастопольской обороне» Льва Толстого. Изд. «Посредника», М., 1886 г.

2) «Разговоры Л. Н. Толстого, записанные В. Г. Чертковым». Гектографировано. Вошло в гектографированный сборник, составленный Д. Р. Кудрявцевым. Изд. Кудрявцева, 1893.

3) «Сведения о Л. Н. Толстом». Журнал «Свободное слово», Christchurch, 1901, № 1, столб. 33—34; 1902, № 2, 24—25; 1902, № 3, 26—28; 1903, № 4, 25—28; 1903, № 5, 27—29; 1903, № 7, 26—28.

4) Заметка к письму Л. Н. Толстого к министрам внутр. дел и юстиции. «Своб. слово», 1902, № 2, 5.

5) «Новое отлучение Толстого». «Своб. слово», 1903, № 4, 30—32.

6) «По поводу статьи Л. Н. Толстого о войне на дальнем Востоке». «Своб. слово», 1904, № 12, ст. 21—24.

7) «По поводу письма Л. Н. Толстого к царю». «Своб. слово», 1904, № 14, 7—8.

8) «Толстой и конституционное движение». «Своб. слово», 1905, № 15, 28—31.

9) «Толстой и японцы». «Своб. слово», 1905, № 16.

10) «Юбилей Толстого» (о способах чествования юбилея). «Речь», 1908, № 132 от 4 июня.

11) Письмо в редакцию (по поводу ссылки Н. Н. Гусева). «Русск. вед.», 1909, № 271. То же: «Новая Русь», № 320 от 4 декабря. Подписано: 16 ноября 1909.

12) «Заявление о печатании писем Л. Н. Толстого». «Новая Русь», 1909, № 354 от 25 декабря. То же — «Русск. вед.» и «Русск. слово», №№ от 25 декабря 1909.

13) «Две цензуры для Толстого». «Жизнь для всех», 1910, № 2. То же отдельной брошюрой под заглавием: «Дополнительная цензура для Толстого», М., 1914.

14) «Новый отрывок из Дневника Толстого» (письмо в редакцию). «Речь» 1910, № от 27 июля. То же: К очерку Л. Н. Толстого «Из дневника». «Киевский вестник». 1910, № от 27 июля.

15) «Об уходе Л. Н. Толстого из Ясной поляны». «Русское слово», 1910, № от 31 октября.

16) О последних днях Л. Н. Толстого. «Русск. вед.», 1911, № от 16 и 17 января. Отдельно издано под тем же заглавием — М., 1911.

17) «О литературном наследии Л. Н. Толстого». Ответ на заявление С. А. Толстой сотрудникам газет о рукописях, хранящихся в Историч. Музее. «Речь», «Русск. вед.», «Русское слово» 1911, №№ от 18 января.

18) «Детали». Заметка к рассказу Толстого «Нечаянно». «Речь», 1911, № 87 от 30 марта.

19) «Ответ на клевету». Разъяснения Черткова по поводу заметок черносотенных газет касательно отношения его к литературному наследию Толстого. «Речь», 1911 № 175 от 29 июня. То же — «Русск. вед.», № от 29 июня. То же — «Русское слово», под заголовком «Объяснения Черткова», № 148 от 29 июня.

20) «О завещании». К фотографическому снимку с подлинника. «Солнце России», 1911, ноябрь, № 53.

21) «О новых издателях сочинений Л. Н. Толстого» (Письмо в редакцию). «Биржевые вед.», 1911, № 12610 от 17 ноября.

22) Предисловие к Посмертным художественным произведениям Л. Н. Толстого, изд. А. Л. Толстой, т. I, М. 1912, стр. 3—4.

23) Послесловие к Посмертным худож. произведениям Л. Н. Толстого, изд. А. Л. Толстой, т. III, М., 1912, стр. 227—230.

24) Примечание к «Посмертным запискам старца Федора Кузьмича». «Русское богатство», 1912, № 2, стр. 35—36.

25) Примечание к статье Л. Н. Толстого «Благо любви». «Речь», 1912, № 306 от 7 ноября.

26) Примечания к Дневникам Л. Н. Толстого с 28 октября 1895 по 5 января 1897. «Русское слово», 1913, № от 14 апреля.

27) Предисловие к Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого под ред. П. И. Бирюкова, изд. Сытина, т. I, М. 1913, стр. 5—6. Подписано: Телятинки, 16 июня 1912.

28) Примечание к произвед. Л. Н. Толстого «Ходите в свете пока есть свет». Полн. собр. соч. под ред. П. И. Бирюкова, изд. Сытина, т. XVI, М., 1913, стр. 244—246.

29) «Рукописи Л. Н. Толстого» (Письмо в редакцию). «Речь», 1913, № 264 от 27 сентября.

30) «Свидание с Л. Н. Толстым в Кочетах у М. С. и Т. Л. Сухотиных». Из дневника В. Г. Черткова. ТЕ-1913 г., стр. 361—375.

31) «Отношение Л. Н. Толстого к земледельческим колониям». «Голос минувшего», 1913, XI.

32) «Об издании полного собрания мыслей Л. Н. Толстого». Не для продажи. М., 1915.

33) «О завещательных распоряжениях Л. Н. Толстого». В кн. Дневник Л. Н. Толстого. Под редакцией В. Г. Черткова. I. 1895—1899. М. 1916, стр. 239—252.

34) «Слова Л. Н. Толстого, записанные В. Г. Чертковым». «Ежемесячный журнал» В. С. Миролюбова, 1916, №№ 1, 2, 3, 5.

35) «Пятая годовщина смерти Л. Н. Толстого». Журн. «Единение», 1916—1917, № 1, столб. 35—42.

36) «Помощь Толстого». Журн. «Голос Толстого и Единение», 1918, № 2, стр. 9.

37) «Жив Толстой». «Голос Толстого и Единение», 1918, № 4, стр. 5—6. Речь в зале моск. Политехнического музея 12 сентября 1918.

38) «О «Посреднике», как истинно-народном издательстве». Журн. «Истинная свобода», 1920, сентябрь, № 6 — Речь по поводу 35-летней годовщины «Посредника», произнесенная 22 февраля 1920 г. в Москве.

39) «Нужна ли правда об уходе Л. Н. Толстого». Соедин. выпуск журналов «Голос Толстого и Единение» и «Истинная свобода». 1920, номер, выпущенный к десятилетию со дня смерти Толстого.

40) «Что сказал бы Толстой». Соедин. вып. журналов «Голос Толстого и Единение» и «Истинная свобода», 1920, № 3.

41) «Мое знакомство с П. А. Кропоткиным». [Толстой и Кропоткин.]

Листок «Анархической организации памяти Петра Алексеевича Кропоткина», 1921, 8 февраля.

42) «Уход Толстого». Изд. Центр. Товарищества Кооперативное изд-во «Голос Толстого», М. 1922.

43) «Отношение Толстого к молитве». Доклад в Моск. Вег. О-ве 20 ноября 1924 г. Гектографировано.

44) «Толстой о бессмертии». Гектографировано.

45) Предисловие к «Письмам Вс. М. Гаршина» [говорится и о Толстом]. Подготовлено к печати в сб. «Звенья».

Переводы произведений Толстого, сделанные В. Г. Чертковым или, без его имени, при его непосредственном участии:

1) Christ's Christianity [Соединенные в один том «Исповедь», «В чем моя вера» и «Краткое изложение Евангелия» под заголовками: 1. How I came to believe, 2. What I believe, 3. Spirit of Christ's teaching]. Kegan, Paul & C°. London. 1885. Позднее переиздано отдельными выпусками в изд-ве «Free Age Press», под теми же заголовками.

2) What to do? («Так что же нам делать»). Kegan, Paul & C°. London, 1887. В позднейшем издании «Free Age Press» называется «What shall we do?»

3) Перевод заключительной главы Толстого к книжке: «V. G. Chertkoff. Christian martyrdom in Russia» («Христианское мученичество в России»), London, 1897.

4) Christian teaching («Христианское учение»). Transl. by V. G. Chertkoff U. Marshall, 1898. То же — London, Brotherhood Pub. C° 1898. То же — New-York, F. A. Stokes & C°, 1898.

5) Guy de Maupassant. Transl. & conformed to original by Tchertkoff, London, Brotherhood Pub. C°. 1898.

6) End of the Age («Приближение конца»), preceded by the crisis in Russia. Transl. by V. Chertkoff & I. F. Mayo, Free Age Press, 1900.

7) Divine & the human & other stories: What for? Berries, Prayer, Korney Vassilieff («Божеское и человеческое», «За что?», «Ягоды», «Молитва», «Корней Васильев»). Transl. by V. G. Chertkoff, Free Age Press, 1900.

8) What is religion? & other new articles & Letters («Что такое религия?» и другие статьи и письма»). Transl. by V. G. Chertkoff & A. C. Fifield. Free Age Press, Christchurch, 1902. То же — New-York, V. J. Crowell & C°, 1902.

9) To the working people of all countries («К рабочему народу» 1902 г.) Transl. by Chertkoff & Mayo. Free Age Press, 1904.

10) Bethink yourselves («Одумайтесь»). Transl. by Tchertkoff & I. F. M. Free Age Press, 1904.

11) A great iniquity («Великий грех», 1905 г.). Transl. by V. Tchertkoff & I. F. Mayo. Free Age Press. б. г.

12) On Shakespeare and the drame («О Шекспире и о драме»). Transl. by V. Tchertkoff. The Fortnightly Review, London, 1906. Тоже в Free Age Press, б. г., под заглавием «Shakespeare».

13) The one thing needful («Единое на потребу»). Transl. by V. Tchertkoff & I. Mayo. Free Age Press, 1906.

14) Overthrow of Hell & its restoration («Разрушение ада и восстановление его»). Transl. by V. Tchertkoff & I. Mayo. Free Age Press, 1910.

Кроме того под редакцией Черткова вышли в изд-ве «Free Age Press» переводы следующих сочинений Толстого:

I. Из художественных произведений:

1) «Воскресение» в переводе Л. Моод, 1900 г., 2) «Ходите в свете, пока есть свет», 1900; 3) Народные рассказы и легенды в двух томиках: «Где любовь, там и бог», «Много ли человеку земли нужно», «Упустишь огонь, не потушишь», «Сказка об Иване Дураке», «Чем люди живы», «Крестник», «Два старика», «Как чертенок краюшку выкупал», «Ильяс», 1901 г.; 4) «Сорок лет» Костомарова с окончанием Толстого, 1902 г.; 5) «Ассирийский царь Ассархадон», «Три вопроса», «Труд, смерть и болезнь» — в одном выпуске 1903 г.; 6) «Кающийся грешник», 1909 г.

II. Из теоретических произведений: 1) «Религия и нравственность», 1900; 2) «Патриотизм и правительство», 1900; 3) «Рабство нашего времени», 1900; 4) «Где выход», 1901; 5) «Единственное средство», 1901; 6) «Первая ступень». Предисловие к книге Х. Уильямса «Этика пищи», б. г.; 7) «О разуме, вере и молитве. Три письма», 1901; 8) «Ответ на определение синода» 1901; 9) «Об отношениях между полами», 1901; 10) «Обращение к духовенству», 1902, 11) «К политическим деятелям», 1903; 12) «О жизни», б. г.; 13) «Царство божие внутри вас», 1904; 14) «Закон насилия и закон любви», «Не могу молчать», «Не убий», «Смертная казнь и христианство», «Любите друг друга» — в общем выпуске, 1909.

III. Несколько книжек с извлечением мыслей Толстого из его дневников, писем и других ненапечатанных материалов, под заглавиями: «Thoughts on God» («Мысли о боге»), 1900, «Meaning of life («Смысл жизни»), б. г., «Demands of love & reason («Требования любви и разума»), б. г. и др.

Письмо Черткова, на которое отвечает Толстой 5 декабря 1883 г., было, повидимому, первым после их знакомства, состоявшегося около 25 октября 1883 г. Приблизительная дата эта устанавливается на основании документов, хранившихся в архиве Черткова: с одной стороны, телеграммы от 23 октября 1883 г., посланной Черткову в Москву, в гостиницу Славянский базар, Н. В. Давыдовым и сообщающей ему, очевидно — по его просьбе, что «Толстой в Москве», с другой стороны — писем Черткова к матери его, Е. И. Чертковой, за время от 5 октября до 14 ноября того же года. Из этих писем видно, что в последнюю неделю октября Чертков, живший тогда в имении своих родителей Лизиновке, Острогожского у. Воронежской губ., ездил в Петербург для свидания с родителями и по дороге туда, в Москве, познакомился с Толстым, а затем, на обратном пути, снова виделся с ним. Письмо, написанное Е. И. Чертковой 31 октября из Москвы, начинается словами: «Хотя теперь уже два часа ночи и я только что вернулся от Толстого, хочу однако написать тебе...», а далее в нем говорится: «С тех пор, как я уехал от вас, виделся еще два раза с Толстым». Таким образом за последнюю неделю октября Чертков успел повидаться с ним не менее трех раз. После этого он, как и намеревался ранее, поехал в Тулу, чтобы повидаться по хозяйственным делам с приятелем своим Р. А. Писаревым (о нем см. прим. 2 к п. № 4 от 17 февраля 1884 г.) и посетить Н. В. Давыдова, сыгравшего большую роль в знакомстве его с Толстым (см. выше, в биографии Черткова), а также

познакомиться с другом Толстого, тульским вице-губернатором кн. Л. Д. Урусовым и передать ему, по поручению Толстого, корректурные листы статьи «В чем моя вера», над которой он тогда работал (об Урусове см. прим. 15 к п. № 46 от 24 февраля 1885 г.). 8 ноября Чертков вернулся в место своего постоянного жительства, Лизиновку, и 14 ноября послал оттуда Толстому, — очевидно, в связи с теми беседами, которые они вели при свидании, — несколько книг из своей библиотеки и письмо, которое Толстой должен был получить с некоторым запозданием, так как с 8 по 18 ноября он был в Ясной поляне. Приведем это первое письмо Черткова к Толстому полностью:

«Присылаю вам несколько книг. Может быть какая-нибудь из них пригодится вам. «Ecce Homo» и книгу Шаффа присылаю на английском языке, потому что, если вы будете их читать, то вам, вероятно, приятнее читать их на оригинальном языке. «Analytical Concordance» присылаю вам на всякий случай, хотя вы, вероятно, уже знакомы с нею. О жизни Христа Geikie я уже вам говорил. Присоединяю еще один номер «Expositor» из-за статьи о воскресении Христа, которая меня очень заинтересовала. Мне захотелось ею с вами поделиться, хотя я и далеко не уверен, что она вам понравится. Кажется, я присоединил еще книгу «Canon of the New Testament», с которою впрочем вы, вероятно, также знакомы. — В Туле мне не удалось застать Урусова: он куда-то уезжал. Мне было очень досадно. Не теряю надежды когда-нибудь с ним всё-таки познакомиться. Ваши листы Давыдов обещался ему в исправности доставить. — Здесь теперь отлично. Только что выпал первый снег, и стало очень весело. Завтра мальчики начинают работы в ремесленной школе. Будет очень оживленно и еще веселее. До свидания, Лев Николаевич, еще раз благодарю вас за ваше доброе отношение ко мне. — В. Чертков».

Об упомянутых здесь книгах «Ecce Homo», «Analytical Concordance» и книге Geikie (Толстой ошибочно пишет Geike) см. прим. 1, 3 и 8 к настоящему письму Толстого. — Книга Шаффа, известного протестантского богослова, переселившегося из Германии в Сев. Америку и занимавшего там кафедру в Нью-Йоркском Университете (Philipp Schaff, 1819—1893) — «The person of Christ: the perfection of his humanity viewed as a proof of his divinity», London, 1880. Экземпляр ее сохранился в библиотеке Черткова. — «Expositor» — журнал, издававшийся в Лондоне с 1875 по 1925 г. — Кем написана упоминаемая Чертковым книга «Canon of the New Testament», установить не удалось. Упоминаемый в этом письме Давыдов — Николай Васильевич Давыдов (1848—1920) — был в то время прокурором Тульского окружного суда.

[1] Джон Кунингам Гейки (John Cunningham Geikie, 1824—1906) — английский ученый богослов, отличавшийся известной широтой своих религиозных взглядов. Книга его, о которой упоминает Толстой, — «Life and Words of Christ», 2 vol., London, 1877—1878. Есть позднейший русский перевод ее свящ. М. Фивейского: «Жизнь и учение Христа», 4 вып., М., 1894. Среди непропущенных цензурою при царском режиме мыслей разных авторов, подобранных Толстым для последнего большого труда его «Путь жизни», имеется небольшой отрывок из сочинения К. Гейки (см. т. 45).

[2] Повидимому, Толстой имеет здесь в виду поля книги со ссылками на источники, по которым она составлена.

[3] Анонимная книга «Ecce Homo. A Survey of the Life and Work of Jesus Christ», 1 изд. 1865 г., оказавшая в Англии значительное влияние на освобождение религиозной мысли от ортодоксальности и выдержавшая много изданий. Автор ее — Дж. Р. Сили (J. R. Seeley, 1834—1895), профессор истории и писатель. Названная книга имеется на русском языке: «Ecce Homo. Обзор жизни и дела Иисуса Христа». Перев. с английского Тернера. С вступительной статьей Гладстона. 2 т. Спб. 1877—1878. Английское издание ее от 1868 г. сохранилось в библиотеке Черткова.

[4] Толстой говорит здесь о свойственном ему довольно распространенном суеверии, имеющем разные варианты. Несмотря на постоянную борьбу в самом себе с тем, что не выдерживало критики разума, он до конца жизни не мог победить в себе некоторых иррациональных верований и бесспорных суеверий. См. письмо его к Софье Андреевне Толстой от мая 1895 г., где он говорит о свойственном ему суеверии (т. 84).

[5] Вопрос о божественности и воскресении Христа в то время был еще не вполне разрешен для Черткова, как и некоторые другие вопросы христианской догматики, которая в результате совершавшегося в нем внутреннего процесса была им совершенно отвергнута. В письме к Е. И. Чертковой от 31 октября 1883 г., передавая свое впечатление от первых свиданий с Толстым и указывая на то, что он «нашел с ним много общего в понимании об осуществлении учения Христа, т. е. о том, как его последователям следует жить», Чертков замечает: «...в наших личных представлениях о боге мы, кажется, значительно расходимся». Однако, как можно судить и по данному письму, вопрос о жизненных выводах из учения Христа был для него наиболее существенным.

[6] Наиболее решительное выражение той же мысли мы находим в письме Толстого к Бутурлину от 19 [?] февраля 1884 г.: «Вам как будто претит слово и понятие Бог... Отец. Бог с ним — с Богом, только бы то, что требует от нас наша совесть (категорический императив — слишком уж неясный и неточный термин), было бы разумно и потому обязательно и обще всем людям. В этом вся задача, и задача эта вполне разрешена (для меня) Христом или ученьем, называемым христовым. Не я буду отстаивать метафизическую сторону ученья. Я знаю, что каждый видит его метафизическую сторону сквозь свою призму» (см. указанное письмо в т. 63). В письме Толстого к Г. А. Русанову от 15 марта 1886 г. мысль о ненужности метафизики выражена почти теми же словами, как в настоящем письме к Черткову (см. — ibid.). Но эта постановка вопроса не определяет собой миросозерцания Толстого в целом.

[7] Как уже указано, Толстой заканчивал тогда работу над статьей «В чем моя вера», которую предположено было напечатать в журнале «Русская мысль». Перерабатывая ее текст в корректурах, он закончил свой труд лишь 22 января 1884 г. К этому времени намерение печатать статью в «Русской мысли» было оставлено, и она была выпущена отдельной книжкой в 50 экземплярах по очень высокой цене в надежде, что это будет способствовать разрешению ее цензурою. Однако она была запрещена. Французский перевод ее, сделанный другом Толстого, кн. Л. Д.

Урусовым, вышел под заглавием «Ma religion», без имени переводчика, в Париже, в 1885 г. На русском языке она появилась в свет в издании Элпидина, в Женеве, значительно позже (без обозначения года), а затем в изд. «Свободного Слова», Christchurch, 1902. Подробнее об этом сочинении Толстого см. в комментариях к нему П. Н. Гусева в т. 24.

[1] Толстой говорит о книге известного английского богослова и ориенталиста Роберта Юнга (Rob. Young, 1822—1888): «Analytical Concordance to the Bible», Edinburgh, 1880. Это указатель в алфавитном порядке входящих в Библию слов со ссылкою на те места ее, где они встречаются. Чертков послал Толстому новое издание этой книги с переводом греческих и латинских слов на английский язык и пояснением разного значения их в различных случаях. Книга эта сохранилась в яснополянской библиотеке Толстого и значится в ее каталоге.

В ответном письме к Толстому, из Лизиновки, от 7 декабря 1883 г., Чертков между прочим пишет: «Ваше письмо пришло как нельзя более кстати и меня очень ободрило. Почти во всем я с Вами согласен и признаю Вас выразителем моих лучших стремлений...»

* 2.

1883 г. Середина декабря. Москва.

Я не уѣду изъ Москвы, и потому, пожалуйста, пріѣзжайте прямо ко мнѣ. — Книгу вашу еще не получилъ.

Л. Толстой.

Письмо печатается впервые. На подлиннике рукой Черткова помечено: № 2. При установлении даты имелось в виду, что Толстой отвечает здесь на письмо Черткова от 10 декабря 1883 г.

В этом письме, которое Чертков отправил из Воронежа вместе с переплетенной тетрадью, заключающей в себе выписки из разных авторов, он говорит: «Присылаю вам книгу с своими выписками, которую вы хотели видеть... О Достоевском я записал почти все стихи, появившиеся в газетах. Его смерть была для меня большим лишением — я только что собирался с ним познакомиться. Мне кажется, что я никогда не слышал высшего и лучшего толкования учения Христа в приложении к жизни, чем то, которое он дает в Идиоте, и, главным образом, — в Алексее Карамазове. — Я вам намеренно сообщаю свою тетрадь выписок и свое впечатление от Достоевского, для того чтобы вы видели меня лучше и чтобы, вследствие этого, отношения между нами были бы возможно полезнее для меня. — На пути в Петербург перед Рождеством мне очень хотелось бы вас видеть. Не позволите ли вы мне зайти к вам прямо с Рязанской ж. д., хотя бы только для того, чтобы узнать, свободны ли вы будете вечером и стоит ли мне оставаться день в Москве. — Хочу уменьшить свои путевые расходы и ездить в 3-м классе, следовательно выехать из Москвы раньше. Только в случае, если наверное вас увижу, могу выехать по курьерскому...» — Как видно из последующих писем Толстого и Черткова, свидание между ними в Москве, действительно, состоялось.

1884

* 3.

1884 г. Января 24. Москва.

Владиміръ Григорьевичъ,

Два дня послѣ васъ пріѣхалъ Озмидовъ, [1] о кот[оромъ] я вамъ говорилъ. Спрашивали ли про него у Стебута?[2]

Мнѣ кажется, что вамъ хорошо бы было сойтись. Если вамъ нужно, то онъ въ Москвѣ, Донская улица, домъ Соиной, Николай Лукичъ Озмидовъ. Я ѣду только завтра, 25-го, въ деревню на недѣлю. Обнимаю васъ.

Л. Толстой.

Письмо печатается впервые. На подлиннике рукой Черткова пометка: «1884» и № 3. При установлении даты, кроме этого указания Черткова, имелось в виду письмо Толстого к Софье Андреевне из Ясной поляны от 27 января 1884 г., из которого видно, что упоминаемая им в письме поездка в деревню относится к январю; число же написания письма указывается самым текстом его: «завтра, 25-го...»

Письмо это написано после свидания с Чертковым, до получения письма от него.

[1] Николай Лукич Озмидов (1843—1908), по образованию агроном. По своим взглядам был отчасти близок к Толстому, с которым познакомился в начале 1880-х гг. Одно время держал под Москвой молочную ферму, потом открыл молочную лавку в Москве, но разорился и стал заниматься перепиской запрещенных сочинений Толстого и продажей их. Человек недюжинного ума, но необыкновенного самолюбия и тяжелого характера. И в этом, 1884 году, и в следующие годы Толстой не раз писал Озмидову, хлопотал о его делах, устроил в «Русскую мысль» статью его «Из дневника деревенского жителя» (см. «Р. м.» 1884 г., 9, за подписью Д. Ж.) В дальнейшем, как видно и из писем настоящего тома, Озмидов работал в «Посреднике», а в 1886 г. организовал на Кавказе трудовую земледельческую колонию, где работал вместе с дочерью своей Ольгой Николаевной. В последние годы своей жизни совершенно отошел от Тол-

стого и его единомышленников. Подробности его биографии см. в прим. к письму Толстого к нему, от 18 декабря 1885 г., т. 63.

[2] Иван Александрович Стебут (1833—1923) — профессор Петровской Сельско-хозяйственной академии (ныне Всесоюзная академия с.-хоз. наук имени Ленина), много писавший по вопросам сельского хозяйства и основавший в Москве В. Женские Сельско-хозяйственные курсы. Был дружен с Озмидовым. Чертков в это время был уже знаком со Стебутом.

4.

1884 г. Февраля 17. Москва. 17 Февраля.

Дорогой Владиміръ Григорьевичъ,

Получилъ ваше письмо и получилъ вашу книгу и не отвѣчалъ на письмо. Не отвѣчалъ потому, что не умѣю отвѣтить. Оно произвело на меня впечатлѣніе, что вы (голубчикъ, серьезно и кротко примите мои слова), что вы въ сомнѣніи и внутренней борьбѣ по дѣлу самому личному, задушевному— какъ устроить, вести свою жизнь — личный вопросъ обращаете къ другимъ, ища у нихъ поддержки и помощи. — А въ этомъ дѣлѣ судья только вы сами и жизнь. — Я и не могу по письмамъ ясно понять, въ чемъ дѣло; но если бы и понялъ — былъ бы у васъ, не то, что не рѣшился бы, а не могъ бы вмѣшиваться — одобрять или не одобрять вашу жизнь или поступки. Учитель одинъ — Христосъ, и учитъ онъ одному — исполнять волю Отца *не для похвалы людей*, а для того, чтобы быть съ Нимъ и потому быть счастливымъ и свободнымъ. На той ступени, на которой мы съ вами, главная помѣха — это забота о похвалѣ или осужденіи людей, которая, — чуть зазѣваешься, подставляется вмѣсто исканія истиннаго блага въ исполненіи Его воли. — Я очень люблю васъ, и ваша жизнь для меня важна, какъ часть моей, но я, должно быть, нынѣшнюю зиму не пріѣду къ вамъ. Такъ теперь мнѣ кажется. Какъ жаль, что управляющій не засталъ переписанной книги.[1] Теперь она ждетъ случая. Не прислать ли по почтѣ?

Я увлекаюсь все больше и больше мыслью изданія книгъ для образованія русскихъ людей. Я избѣгаю слово для народа, потому что сущность мысли въ томъ, чтобы не было дѣленія народа и не народа. Писаревъ[2] принимаетъ участіе. Не вѣрится, чтобы вышло, боюсь вѣрить, пот[ому] ч[то] слишкомъ было бы хорошо. Когда и если дѣло образуется, я напишу вамъ.[3] Я ничего не дѣлаю такого, что бы поглощало меня всего, но живу хорошо, т. е. счастливъ, хотя все время не такъ здоровъ, какъ прежде.

Если поднимется въ васъ на меня досада за то, что я какъ бы не отвѣчаю на ваше письмо, вы подавите ее пожалуйста. Я отвѣчаю на чувство, которое оно вызвало во мнѣ, и искренно. А вы пишите мнѣ.

Что̀ Спенглеръ, началъ ли ученіе? Кланяйтесь ему.[4]

Л. Толстой.

Отрывки из этого письма напечатаны, с значительными искажениями, в «Спелых колосьях», стр. 82. Цитаты приведены в статье К. С. Шохор-Троцкого «Круг чтения Л. Н. Толстого и его краткая история» в сб. «Л. Н. Толстой. Памятники творчества и жизни», II, изд. «Задруга», 1920, стр. 192, а также в книге П. И. Бирюкова «Биография Л. Н. Толстого», т. III, Госизд., М., 1922, стр. 5. В редакторской дате обозначение года основано на том, что письмо помечено в архиве Черткова № 4 и является ответом на его письмо от конца января 1884 г.

В письме этом, разминувшемся с предыдущим письмом Толстого № 3, Чертков говорит: «Вы просили меня писать вам от времени до времени. Да и я сам чувствую сильную потребность сообщительности с вами... Вы хотите знать, что я делаю. Мне хотелось бы рассказать вам не самые мои действия, а смысл их. Другие считают самый смысл рисовкой, оригинальностью или фанатизмом. А потому они не могут мне помочь в проверке моих поступков. С вами же я чувствую себя на общей почве, знаю, что вы поймете меня. А потому ваш взгляд для меня важен, как объективный взгляд человека, не постороннего, но — стоящего на одной и той же почве. Вы очень заняты, имеете свое семейство и свои дела, и я не могу рассчитывать на ваш приезд сюда. Но не могу также в минуты мечтания не представлять себе всю помощь, которую ваш приезд сюда зимою хотя бы на несколько дней оказал бы мне и, главное, — тому начинающемуся делу, которого мне приходится служить центром в силу обстоятельств, от которых не могу избавиться»... — Затем Чертков сообщает Толстому о сближении своем с тремя юношами, из лизиновских крестьян, которые по окончании начальной школы продолжали у него свое обучение и вместе с тем работали по переписке и счетоводству в качестве служащих. Давая характеристику одного из этих юношей, он с удовлетворением отмечает, что в последнее время юноша «быстро развивается к лучшему». «Привожу его, как пример того, что я считаю моей главною задачею, а именно личные отношения к окружающим», говорит Чертков и продолжает: «Со всеми лицами, меня окружающими и мне помогающими, у меня существуют особые личные отношения. Вот в этих-то отношениях я и стараюсь в особенности придерживать себя под влиянием Христа (или его учения). — Счетоводство, земская служба, разъезды по школам идут своим чередом. Об этом и говорить нечего. — Вообще вот, что я хотел вам сказать. Мне кажется, что здесь все идет хорошо. Но хотелось бы, даже почти необходимо увериться в том, действительно ли идет хорошо, или они — посторонние — правы и том, что всѐ это опасная шутка и ведет не к добру ни себя, ни других. Вот эта ответственность за других для меня действительно

тяжелее всего. Что, если я ошибаюсь и заблуждаюсь? Для меня лично — всё равно, — я спокоен. Но они — окружающие, — что с ними будет, если я направляю их на ложный путь? Кто их поправит, если мне придется изменять свое понимание учения Христа? — Нет, Лев Николаевич, приезжайте, ободрите, помогите. Вы здесь нужны».

[1] «Переписанная книга» — заказанная Чертковым, через посредство Толстого, рукописная копия книги «В чем моя вера».

[2] Рафаил Алексеевич Писарев (1850—1906), землевладелец Тульской губ., известный земский деятель, много работавший на голоде 1891—1893 гг. Был дружен с Чертковым, с которым встречался еще в ранней юности в Петербурге. В Дневнике Толстого за 1884 г. (т. 49) встречаются упоминания о нем: *24 апреля*—«Писарев близок, боюсь, что заблуждаюсь, но как бы я желал»; *2 мая*—«...Писарев — неподвижен. Кажется, таким и останется». Подробнее о Писареве см. прим. к письму Толстого к Писареву, т. 64.

[3] Мысль о приближении хорошей книги к широким народным массам, о создании общедоступной художественной и научной литературы усиленно занимает Толстого в это время. См. письма его к С. А. Толстой от 30 янв. и 5 февраля 1884 г., т. 83. В то время когда Толстой пишет Черткову комментируемое письмо, занимающий его вопрос вошел для него в новую стадию: к этому времени, очевидно, относятся те происходившие у Толстого «собрания по поводу издания новых книжек общедоступных», о которых Чертков пишет семь месяцев спустя в письме к Толстому от 25 сентября 1884 г. (см. комментарии к письму Толстого № 28 от 3 октября 1884 г.) и которые возникли по инициативе известного земского и городского деятеля М. П. Щепкина. Вопрос ставился уже на практическую, деловую почву, о чем свидетельствуют и слова Толстого в настоящем письме: «Когда и если дело образуется...» Об этом же говорится и в следующем письме Толстого к Черткову от конца февраля. Вновь найденная в архиве М. П. Щепкина необработанная статья Толстого по вопросу о народных изданиях (см. т. 25) является документом, относящимся к этому же времени. В этой статье, так же как и в настоящем письме к Черткову, Толстой решительно отвергает деление нуждающихся в хорошей книжке людей на «народ» и «интеллигенцию»: «Пускай исчезнет прежде всего... это искусственное деление [на] народ и не народ, интеллигенция,— этого деления и не существует; сколько я знаю грамотных мужиков, несомненно более способных учиться, чем кандидаты университета...» Однако договориться с Щепкиным и др. о принципах предполагаемого издательства Толстому не удалось, и оно не организовалось. В сентябре тот же вопрос об изданиях для народа поднимается вновь — уже со стороны Черткова, и это приводит к основанию «Посредника».

[4] Федор Эдуардович Спенглер (ум. 1909) — из небогатой обрусевшей баронской семьи голландского происхождения. Учился в военной гимназии, но не захотел избрать военную карьеру и, поселившись в деревне, сделался сельским учителем, а затем при содействии Черткова получил назначение в земскую школу Острогожского у. Воронежской губ., невдалеке от Лизиновки. В школе своей он проводил, насколько мог, систему свободного воспитания. Благодаря своему мягкому, но упорному и трудо-

любивому характеру, он достиг в течение нескольких лет прекрасных результатов, заслужив любовь и доверие учеников и их родителей-крестьян. В конце 1886 г. он женился на дочери Н. Л. Озмидова, Ольге Николаевне (см. прим. 1 к письму № 3, от 17 февраля 1884 г.). Последние годы жизни служил на железной дороге в Харькове. Умер от брюшного тифа, заразившись от больных железно-дорожных рабочих, за которыми самоотверженно ухаживал. Повидимому, Толстой заинтересовался Спенглером по рассказам Черткова. В дальнейшем он имел и личные впечатления от него и на вопрос об этих впечатлениях О. Н. Озмидовой, ответил: «Это прелестный человек по чистоте, ясности и твердости». См. письмо к Н. Л. Озмидову от 4 ноября 1886 г., т. 63.

* 5.

1884 г. Конец февраля. Москва.

Какое славное бодрое письмо ваше послѣднее — и доброе. Я сижу дома въ жару съ сильнѣйшимъ насморкомъ и читаю Конфуція [1] второй день. Трудно представить себѣ, что это за необычайная нравственная высота. Наслаждаешься, видя, какъ это ученіе достигаетъ иногда высоты христ[іанскаго] ученія.

О книгахъ вы правы, мнѣ кажется: тѣ, к[акія] есть, скорѣе вредны, чѣмъ полезны. Мое занятіе книгами больше и больше захватываетъ меня.—Хотѣлось бы отплачивать чѣмъ могу за свои 50-лѣтнія харчи.[2] Не пишу вамъ подробно, п[отому] ч[то] кое какъ разсказать не хочется, а мысль мнѣ очень дорога, да еще и подвергнется многимъ измѣненіямъ, когда начнется самое дѣло.[3]

Рукопись [4] пошлю завтра почтой.

Пишите мнѣ пожалуйста. Я и безъ конверта отвѣчу. [5] Мнѣ не менѣе васъ дорого знать, что́ вы и какъ. Abdallah [6] очень искусственно, но много хорошаго, и понимаю, какъ вы цѣните это. Я еще не дочелъ.

Поклонитесь Шпенглеру. [7] Очень радъ за него, что онъ вступаетъ въ дѣло. Обнимаю васъ.

Л. Толстой.

Полностью письмо печатается впервые. Цитаты из него приведены в статье К. С. Шохор-Троцкого «Круг Чтения Л. Н. Толстого» — сборн. ТП, II, стр. 192, и в Б, III, Госизд., М., 1922, стр. 6. При установке даты имелось в виду, что Толстой отвечает здесь на письмо Черткова от 18 февраля, а следующее письмо Черткова от 2 марта свидетельствует уже о получении этого письма.

В письме от 18 февраля Чертков говорит: «Ваше письмо мне доставило большое удовольствие, потому что мне постоянно хочется знать, где вы,

что вы делаете. Оно ни малейшей досады не могло во мне возбудить. Я всегда вам буду искренно благодарен за откровенность и искренность, даже и в тех случаях, когда не могу с вами соглашаться. Что касается до моего последнего письма, то вы, вероятно, в большой степени правы. Я помню, что на следующий день после его отправки чуть было не написал другое письмо в отмену его. Я чувствовал, что там что-то было не так. Но потом решил, что с вами лучше не спешить поправлять свои ошибки и оправдываться. Я действительно крайне эгоистичен и всегда благодарен, когда мне об этом напоминают. Меня так обрадовало, что вы заняты книгами для народа или там — для русских людей, как вы предпочитаете выражаться. Книги так, так нужны. Каждый день приходится сожалеть, что можно смело давать читать только две-три книги. А спрос постоянно увеличивается. У меня под руками масса книг, и я серьезно опасаюсь, что они приносят больше вреда, чем пользы... Нам книги нужны — давайте нам их. Я так рад, что Писарев продолжает заниматься этим делом. Спенглер на этих днях начинает работать в небольшой школе, которая лишилась учительницы. Вы совершенно правы, что учитель один—Христос, но иногда я так далек от него. Одного только я и желаю — не счастья и не свободы, а уменья и сил служить ему и забыть себя. Но последнее мне что-то не дается. Я поглощен собою. Мне иногда кажется, что только смерть меня освободит от меня самого. И если так, то я рад был бы умереть. Впрочем, может быть с божьей помощью мне удастся и в жизни хоть сколько-нибудь забыться».

[1] Конфуций, на китайском языке Кун-фу-цзы (551—479 до н. э.) — китайский ученый, основатель «конфуцианства». В юности был заведующим хлебными амбарами, но уже на 21-м году выступает в роли учителя-мудреца и обходит для пропаганды своих идей несколько уделов феодального в то время Китая, затем поселяется в северном Китае, где он родился, и занимается изучением древних обрядов, музыкой, редактированием древних поэтических произведений. Учение Конфуция касается только вопросов этических и политических, не заключая в себе элементов метафизики и мистики. В основе его этического учения лежит идея преодоления эгоизма и нравственного совершенствования в духе правдивости и чистоты побуждений. — С конца 1883 г. в течение зимы и весны 1884 г., Толстой систематически изучает «китайскую мудрость» — Конфуция и Лао-цзе, всё более увлекаясь ею, о чем свидетельствуют, кроме его писем, и многочисленные записи в дневниках его. В бумагах Толстого сохранился неоконченный набросок популярной статьи, посвященной «китайской мудрости» и перевод целого ряда наиболее близких ему по духу изречений Конфуция. (См. «Китайская мудрость:... 2. Великое учение», т. 25.) Многие мысли Конфуция вошли также в «Мысли мудрых людей на каждый день» (т. 39), в «Круг чтения» (тт. 40, 41, 42), в сборник изречений «На каждый день» (тт. 43 и 44). Кроме того, под редакцией Толстого была составлена книжка П. А. Буланже «Жизнь и учение Конфуция», изд. «Посредника», М., 1903.

[2] Толстой имеет в виду пятьдесят лет своей «барской жизни» за счет труда угнетенных классов: мысль, постоянно мучившая его с конца 1870-х гг.

[3] О деле издания общедоступных книг см. выше — прим. 3 к письму № 4 от 17 февраля 1884 г.

[4] Рукописная копия книжки «В чем моя вера». См. выше прим. 1 к письму № 4 от 17 февраля 1884.

[5] Чтобы упростить для Толстого отсылку ответного письма, Чертков вложил в свое предыдущее письмо надписанный конверт с маркой.

[6] Ed. de Laboulaye «Abdallah ou le treffle à quatre feuilles», Paris, 1859, — моралистическая сказка Э. де Лабулэ (1811—1883), французского журналиста и профессора правоведения. Некоторые сочинения Лабулэ, сатирического и памфлетного характера, как «Paris en Amérique» и «Prince Caniche», хорошо известны у нас по русским переводам. Сказка, о которой говорит Толстой и которую Чертков, повидимому, оставил ему при последнем свидании, имеется в русских переводах: в книге Эд. Лабулэ, «Арабские и турецкие сказки», I, Спб., 1869, и в отдельном издании, в сокращенном переводе кн. А. Шаховской под заглавием «Абдаллах или Трилистник о четырех листьях». М. 1913. Смысл ее заключается в том, что никакие житейские блага не дают человеку истинного счастья, что оно достигается только возвышенной, самоотверженной жизнью.

[7] Написано: Шпенглер вм. Спенглер, как иногда и в дальнейших письмах. В тех иностранных фамилиях и названиях, где буква с (s) произносится на иностранном языке как *ш*, Толстой и устно и письменно часто подменял общеупотребительное в русской транскрипции *с* буквой *ш*.

* 6.

1884 г. Марта 4—6. Москва.

Дорогой Владиміръ Григ[орьевичъ],

Спасибо вамъ, что пишете мнѣ. Меня волнуетъ всякое письмо ваше. Скажу вамъ мое чувство при полученіи вашихъ писемъ: мнѣ жутко, страшно — не свихнулись бы вы. И не отъ того, что я не вѣрю вашей силѣ, не высоко цѣню васъ; не отъ того, что вы, въ моемъ понятіи, ужасно высоко залѣзли — (туда, куда и надо), но мнѣ все кажется, что вы тамъ не тверды. Это происходитъ отъ того, что я очень люблю васъ, и отъ того, что дѣло, которое вы дѣлаете на этой колокольнѣ, мнѣ очень дорого. Мнѣ хочется и посовѣтовать и страшно, какъ бы не помѣшать. Одно не могу не сказать на предпослѣднее письмо. Вамъ надо жениться. Т. е. мнѣ кажется, что вы будете прочнѣе — тамъ на высотѣ, обвязавъ себя этой веревкой. Меня испугали въ предпослѣднемъ письмѣ слова: *я напился и развратныя мысли*. Я знаю, что вы нарочно преувеличиваете стыдное, и въ этомъ я всегда васъ ставлю въ примѣръ себѣ; но это страшно. — Другое — я боюсь, что вы увлекаетесь прозе-

литизмомъ — обращеніемъ какъ цѣлью. Обращеніе тогда только дѣйствительно и тогда только совершается, когда оно есть послѣдствіе (почти безсознательное) собственнаго утвержденія и потому улучшенія. Мнѣ такъ кажется и такъ со мной было. Вы, пожалуйста, не осуждайте меня, что я васъ учу,— я говорю, что́ чувствую, и выходитъ нехорошо.

Я радуюсь, что вы нашли въ Петрѣ [1] согласіе, вамъ помощь, но ваша радость мнѣ не нравится. Согласіе съ истиной и признаніе ея не можетъ не быть — оно есть во всѣхъ, въ тѣхъ, к[оторые] ругаютъ ее и идутъ противъ нея. — Въ томъ, что мы всѣ согласны были и есть и будемъ — для меня, слава Богу, нѣтъ ужъ и минуты сомнѣнія — радостно то, когда люди перестаютъ бороться напрасно противъ истины и находятъ счастье въ ней. — Дай Богъ, чтобы это было въ тѣхъ, к[оторые] вамъ близки. —

Получилъ я еще номеръ Бирюкова. [2] Не нравится мнѣ. Я занятъ китайской религіей. Очень много почерпнулъ хорошаго, полезнаго и радостнаго для себя. Хочу подѣлиться съ другими, если Богъ поможетъ. — Я теперь послѣ написанія своей книги [3] сталъ много спокойнѣе и менѣе непріятенъ другимъ. Чувствую, что кое что перешло ужъ ко мнѣ въ сердце. —

Пожалуйста, пишите мнѣ. Кланяйтесь Шпенглеру [4] и напишите о немъ.

Толстой.

Полностью письмо печатается впервые. Небольшая цитата из него приведена в статье К. С. Шохор-Троцкого «Круг Чтения» — сб. ТП, II, стр. 182. На подлиннике рукой Черткова пометка: «февраль-март?». Редакторская дата основана на том, что письмо это заключает в себе ответ на письмо Черткова с датою: 2 марта 1884 г., а 8 марта Чертков в своем письме уже свидетельствует о получении его.

Как видно из текста этого письма, оно является ответом на два следующих друг за другом письма Черткова. Первое из них, которое Толстой называет в своем ответе «предпоследним», до настоящего времени не найдено. В последнем же, от 2-го марта, Чертков пишет Толстому следующее (цитируем с сокращениями):

«Хочу поделиться с вами великою радостью, совершенно неожиданно поразившею меня на этих днях... Оказывается, что Петр Апурин, старший из трех мальчиков, о которых я вам говорил, вполне готов разделять простое, прямое понимание учения Христа. Из случайного разговора с ним обнаружилось, что он согласен, что у Христа не убивать действительно значит не убивать, не судить — не судить, не клясться — не клясться, и что его вовсе не пугают все дальнейшие выводы из такого понимания слов Христа. Он не решается утверждать, что не пошел бы в сол-

даты, если б он не был единственным сыном и подлежал бы призыву, так как признает, что в подобных вещах нельзя за себя отвечать наперед. Но он вполне признает, что христианин не может и не должен участвовать в войске. То же самое — относительно остальных заповедей Христа. И выражает он эти для меня в нем вполне неожиданные взгляды с таким тихим, спокойным видом, с такою славною полу-задумчивою полу-игривою улыбкой, что просто душу веселит смотреть на него. Он сын крестьянина-пьяницы соседнего села. Ему теперь 19 лет. В настоящее время он в отношении меня исполняет роль в роде конторщика или делопроизводителя... Не знаю, как для вас, но этот случай с Петрушкою имеет для меня громадное значение. Он еще раз доказывает, что почва готова и что нас гораздо больше, чем мы думаем. — Вашу рукопись «В чем моя вера» я получил и перечитывал ее внимательно и с громадным наслаждением. Почти вполне соглашаюсь со всею частью о понимании практической стороны учения Христа. Уже предвижу, что, вероятно, больше не буду ни участвовать в суде, ни присягать, и меня уже начинает переставать пугать вытекающая из такого воздержания потеря случаев приносить своим официальным положением то, что я считал пользою».

[1] Петр Семенович Апурин (1865—1918), о котором говорит в своем письме Чертков,— крестьянин из деревни Екатериновки Лизиновской вол. Воронежской губ. Благодаря своей умственной одаренности, честности и трудоспособности сделался главным помощником Черткова во всех его практических делах и на всю жизнь сохранил с ним дружеские отношения. Работал в течение многих лет и в конторе издательства «Посредник».

[2] Гектографированный журнал, издававшийся зимой 1883—1884 г. П. И. Бирюковым в количестве 20—30 экземпляров под названием «Переписка с друзьями» и распространявшийся между друзьями и родственниками Бирюкова. Чертков тоже сотрудничал в нем и посылал его Толстому, который был неудовлетворен им вследствие недостаточной серьезности его в целом. О П. И. Бирюкове см. ниже, в прим. 4 к письму Толстого № 50, от 25—26 марта 1885 г.

[3] «В чем моя вера». См. прим. 7 к п. № 1 от 5 дек. 1884 г.

[4] Ф. Э. Спенглеру. См. прим. 4 к п. № 4 от 17 февраля 1884.

По получении письма Толстого Чертков пишет в возражение ему:

«Только что получил от вас письмо и сейчас же отвечаю — такую чувствую и потребность общения с вами. Только, признаюсь, я не совсем понимаю, почему вы сами, радуясь согласию Петра, говорите, что моя радость вам не нравится. Мне кажется, что ваше опасение относительно увлечения прозелитизмом не вполне справедливо (можно с вами говорить так — спроста?). Я отлично понимаю и давно разделяю ваш взгляд на несостоятельность обращения, как цели, и уверен, что лучшая проповедь есть простое исполнение учения. А потому я, по возможности, стараюсь избегать собственно возбуждения разговоров и здесь среди своих окружающих никогда не занимался никакою словесною пропагандою своего понимания. Петр совершенно независимо от меня обнаружил прямое понимание слов Христа. Я здесь не вижу никакого прозелитизма и искренно

радуюсь согласию Петра, как радовался Крамскому [художнику И. Н. Крамскому], Бирюкову и вам. — Еще одно возражение. Зачем вам страшно давать мне советы, Лев Николаевич? Мне очень жаль, что вы от этого так воздерживаетесь. Я понимал бы ваше опасение, если бы вы имели основание полагать, что совет ваш будет тотчас же мною беспрекословно применен... Но ведь этого вовсе нет. Советы ваши служили бы для меня лишь справкою. Я в них очень нуждаюсь, уверяю вас, Лев Николаевич, но вовсе не буду и не могу непременно с ними соглашаться».

* 7.

1884 г. Марта 9—10. Москва.

.... Главное то: внушить человѣку — не ходи присягать, не ходи воевать, потому что ты вѣришь, что Христосъ Богъ, а Христосъ сказалъ это, — хорошо ли это? Это почти ловить его, пользоваться тѣмъ, что онъ повѣрилъ на слово, что Христосъ — Богъ, и Евангеліе — Божественная книга. Сказать это можно тогда, когда весь смыслъ ученія Христа проникъ въ сердце и когда эти правила не принимаются какъ что-то новое или извнѣ обязательное, а какъ подтвержденіе или уясненіе того, что и такъ само собою вытекаетъ изъ ученія. Вотъ это-то нужно передать, и это-то трудно. Это-то и будемъ стараться дѣлать. И то не стараться дѣлать въ другихъ, а въ себѣ, и тогда оно будетъ въ другихъ. Вотъ это-то — учить другихъ — я боюсь для себя, — для истины — для Бога...

Этот впервые публикуемый отрывок из письма, уничтоженного Чертковым по желанию Толстого, печатается с машинной копии выписки, сделанной Чертковым перед уничтожением письма: подлинник выписки не сохранился. В архиве Черткова, среди нумерованных писем Толстого, на месте недостающего письма вложен листок с № 7 и пометкою рукой Черткова: «10 марта 1884. Уничтожено по желанию Л. Н-ча, выраженному в самом письме». Датируя письмо, имеем в виду, кроме пометки Черткова, записи Толстого в Дневнике его от 9 и 10 марта 1884 г.: в первой из них он говорит о получении от Черткова письма, вызывающего «написать о заповедях для народа», т. е. письма Черткова от 6 марта, во второй указывается, что ответное письмо Черткову уже написано.

О настроениях Толстого, вылившихся в уничтоженной части письма, можно до некоторой степени судить по следующим строкам из вышеупомянутых дневниковых записей: *9 марта* — «Почитал о Китае и поехал верхом по городу. Все работают кроме меня. — Вечер — слабость... Был утром у колодочника. В подвале пристально, бодро работают и пьют чай. Все работают кроме меня. Я сплю. Грехи — тщеславие, праздность»; *10 марта* — «... Очень я не в духе. Ужасно хочется грустить на свою дурную жизнь и упрекать. Но ловлю себя» (т. 49). Возможно, что в связи со своим

тяжелым настроением и склонностью «упрекать» — очевидно, упрекать окружающих и прежде всего Софью Андреевну, которая в этот период была особенно далека от него по своим настроениям, — Толстой говорил в уничтоженном письме и о своем одиночестве в семье. Чертков, исполнив просьбу Толстого об уничтожении письма, выписал из него только то, что было лишено интимного характера, как поступал в подобных случаях и с последующими письмами. Лишь позднее ему удалось получить разрешение Толстого не уничтожать писем, предназначенных для него одного, а хранить их, не показывая их при жизни Толстого никому другому. — Уцелевшая и публикуемая теперь часть письма является ответом на письмо Черткова от 6 марта, которое мы приводим здесь лишь с небольшими сокращениями: «Вы, вероятно, удивитесь получению от меня третьего письма так скоро, — пишет Чертков, — но каждое из этих писем имело свой повод... Теперь хочу поговорить с вами по поводу последствий наших последних разговоров с Петром. Затронутые вопросы, видно, его сильно занимают, и он заводит о них обсуждение со всеми своими приятелями. Сегодня он мне сообщил, что имел по этому поводу длинный спор с Гаврилом Макаровичем, тем Пашковцем, о котором я уже вам говорил, и неким Семеном, смотрителем дома моих родителей, постоянно читающим библию и весьма набожным с церковным оттенком. Оба они... утверждали, что война, суд и присяга не противны учению Христа, и главный их довод состоял в том, что это практиковалось в Ветхом Завете. Петр мне чистосердечно признался, что разговор с ними несколько поколебал его уверенность в правоте нашего понимания Евангелия. Но когда я ему напомнил, что Христос местами прямо опровергает ветхозаветные понятия, как напр. в Нагорной проповеди, то Петр вполне согласился... Несколько раз я было вставал, чтоб принести вашу рукопись, где это прямое понимание слов Христа так ясно и убедительно изложено [«В чем моя вера»]. Но сочинение ваше изображает ход вашей собственной внутренней работы над Евангелием и постепенные видоизменения вашего понимания учения Христа, и оно доступно только людям развитым в известном смысле и получившим образование, более или менее аналогичное с вашим. И вот мне показалось, что вам, именно вам, непременно следовало бы написать для малограмотного люда общедоступное изложение прямого непосредственного понимания слов Христа с опровержением общераспространенных ложных толкований. Хотелось бы, страстно хотелось бы иметь в руках книжку, писанную народным языком, в которой живо, реально было бы изложено, кем, кому и когда была сказана нагорная проповедь, объяснялся бы с неотразимою простотою истинный смысл пяти заповедей Христа, предупреждалось бы против распространенных ложных толкований, упраздняющих всё значение этих заповедей, и всё изложение подтверждалось, выяснялось и оживлялось бы примерами, взятыми из быта современной русской полуграмотной массы... Лев Николаевич, пожертвуйте несколькими часами на составление такой книжечки. Она положительно необходима, и вы одни в состоянии ее написать».

На вторую половину этого письма Толстой как бы отвечает в Дневнике своем: *9 марта* — «Письмо Черткова — вызывает меня написать о заповедях для народа. Кажется, что надо. Это захватило меня, но не знаю»;

10 марта — «Написал Черткову — кажется, хорошо, т. е. без фальши. Хорошо бы написать ту книгу, да надо, чтобы было совсем чистое побуждение» (т. 49).

* 8.

1884 г. Марта 11. Москва.

Вотъ вамъ совѣтъ, дорогой Вл[адиміръ] Гр[игорьевичъ], и именно въ томъ смыслѣ, что я бы такъ сдѣлалъ: Приготовьте себѣ орудія земледѣльческія для двоихъ, подъищите товарища пріятнаго и знающаго крестьянское дѣло и съ весны возьмитесь за работу, и сколько хватитъ силы и охоты (насильно я бы не сталъ дѣлать) проработайте вею крестьянскую работу. Я всю жизнь мечталъ и теперь мечтаю объ этомъ. Мнѣ кажется, что нѣтъ на свѣтѣ болѣе хорошихъ условій для хорошей жизни. И это поучительно въ настоящемъ смыслѣ. Напишите, какъ вы думаете заняться хозяйствомъ.

Ваша мысль о книгѣ [1] продолжаетъ занимать меня, но я не принимался. Я занятъ очень китайской мудростью. [2] Очень бы хотѣлось сообщить вамъ и всѣмъ ту нравственную пользу, кот[орую] мнѣ сдѣлали эти книги. — Вы знаете, что Писарева жена [3] выкинула и очень больна. Вчера слышалъ, что ей лучше. Мнѣ очень жалко ихъ.

До слѣдующаго письма.

Вашъ Л. Т.

Полностью письмо печатается впервые. Небольшая цитата приведена в статье К. С. Шохор-Троцкого «Круг чтения», — в сб. ТП, II, стр. 192. На подлиннике — пометка рукой Черткова: «12 марта». Датируем письмо на основании записи в Дневнике Толстого от 11 марта 1884 г.. «Письмо от Черткова. Он недоволен и просит совета о хозяйстве. Я написал».

Первая часть указанного письма Черткова, от 8—9 марта, представляет ответ на письмо Толстого № 6, от 4—6 марта, и приведена нами в заключительном примечании к этому письму. Во второй части Чертков пишет: «Писарев и Стебут очень настойчиво советуют мне для сельско-хозяйственного хуторка пригласить опытного специалиста. Я же склоняюсь к тому, чтобы на первый год... не поручать чужому лицу руководства делом, пока сам еще решительно ничего не смыслю в этом деле. На первый год хочу только сам вместе с своими домашними позаняться хозяйством для ознакомления с условиями крестьянского хозяйства... Хочу пройти через все приемы и мелочи крестьянского хозяйства; для того чтобы стать ближе к ним. Для этого не нужно студента Петровской Академии. Как вы думаете?» — О Писареве см. прим. 2 к письму № 4 от 17 февраля. — О Стебуте см. прим. 2 к письму № 3 от 24 января.

[1] См. заключительную часть комментария к письму № 7, от 9—10 марта.

[2] Кроме Конфуция, о котором см. прим. 1 к письму № 5, от конца февраля, Толстой ознакомился в это время с учением китайского философа Лао-тзе (иначе — Лао-Цзы, Лао-си), жившего, как и Конфуций, в VI в. до н. э. Об этом свидетельствует ряд записей в Дневнике Толстого за 1884 г., начиная с 6 марта. Основные этические идеи Лао-тзе были чрезвычайно близки Толстому, и, перечисляя в разных случаях своих наиболее любимых мыслителей, он всегда называет при этом, рядом с Конфуцием, Лао-тзе. Мысли Лао-тзе вошли в «Круг чтения» (тт. 40—42), в книги «На каждый день» (тт. 43 и 44), в «Путь жизни» (т. 45). См. также перевод Толстого из книги Лао-тзе «Тао-тэ-цзин» («Книга пути и истины») и комментарии к нему в т. 25.

[3] Жена Р. А. Писарева, о котором см. прим. 2 к письму № 4 от 17 февраля, — Евгения Павловна, урожд. гр. Баранова.

На письмо Толстого от 11 марта Чертков отвечает 15 марта письмом, которое еще более четко, чем предыдущее, рисует его жизненные планы на ближайшее время: «Меня очень радует, — пишет он, — что ваш совет о полевой работе подтверждает мое решение самому лично, как вы говорите, проработать всю крестьянскую работу. Только мне придется заняться этим делом не именно вдвоем, — а с несколькими товарищами, ибо для меня уже выделены 100 дес. и хуторок и даны в ссуду 2 тыс. руб. для обзаведения скотом и всем инвентарем... Вместе с тем я, вероятно, соглашусь с мнением управляющего моего отца, весьма опытным хозяином, вести на отведенном участке параллельно три вида хозяйства: одно крестьянское в том виде, в каком оно в настоящее время практикуется местным населением, другое — такое хозяйство, какое по мнению управляющего крестьяне могли и должны были бы вести для получения больше пользы, но вместе с тем не требующее никаких особых затрат. Третье — вполне рациональное, интенсивное. — Если вы возразите что-нибудь на это, Лев Николаевич, то буду вам искренно благодарен, ибо и тогда, когда не можешь вполне согласиться с выраженным кем-нибудь взглядом, знание этого взгляда часто предохраняет от многих крайностей в противоположную сторону». — По получении этого письма, 18 марта, Толстой записывает в Дневнике своем «Письмо от Черткова. Люблю его и верю в него».

* 9.

1884 г. Марта 17. Москва.

Спасибо вамъ за то, что часто пишете. Я только началъ читать ваше послѣднее письмо, гдѣ вы возражаете на мои доводы, и тотчасъ же призналъ свою ошибку и очень радъ сказать вамъ, что вы правы. Но мнѣ мало убѣдиться, что хорошо бы было написать такую книгу, надо, чтобы потребность эта родилась во мнѣ. И мнѣ кажется, что она зарождается. Съ одной стороны — ваше письмо, съ другой — на дняхъ я прочелъ

очень умную статью о крестьянскомъ надѣлѣ; статья хорошая, много вѣрнаго; но такъ много полемики, злости, насмѣшекъ, что мнѣ стало противно. [1] Тоже и въ моей статье. [2] И мнѣ стали ясны ея недостатки. Съ третьей стороны, вчера мой братъ, очень добрый человѣкъ, [3] въ добромъ духѣ сталъ говорить мнѣ о моей статьѣ и сказалъ, что она показалась ему многословна, растянута, и это правда. Но дѣлать извлеченіе я не могу. Надо вновь писать новое съ цѣлью только передать то, что важно и нужно. Я бы очень былъ радъ, если бы это сдѣлалось. Вѣрьте мнѣ, я въ этомъ не властенъ.

Ваше недовольство собой, сознаніе несоотвѣтственности жизни съ требованіями сердца я знаю по себѣ, и одно, что прошу васъ — не говорить объ этомъ, не думать объ этомъ самому съ собой. Это все равно, что путешественнику, идущему къ Іерусалиму, постоянно думать о томъ, какъ онъ мало прошелъ и какъ много остается. Эти мысли могутъ только ослабить его энергію. Думать надо о ближайшей верстѣ, если уже нужно думать о будущемъ. Само собой разумѣется, это относится къ тѣмъ, кот[орые] точно идутъ. Если бы даже случилось, чтобъ я заблудился и очутился на томъ же мѣстѣ, съ кот[ораго] вышелъ, то это никакъ не должно обезкураживать меня. Лучше узнаю дорогу и все таки пойду. Китайская мудрость, кот[орою] я занимаюсь, говоритъ: *Возобновляй самъ себя каждый день сначала и опять сначала и всегда сначала.* Мнѣ это очень нравится. И я стараюсь это дѣлать, и мнѣ довольно знать, что, оглянувшись назадъ, я вижу, что я иду впередъ, а не назадъ, чтобы бодро жить съ увѣренностью, что я иду по настоящ[ей] дорогѣ. Сколько я прохожу въ день, это другой вопросъ. Стараюсь больше, и радуюсь, когда пройду больше, и часто случается, что перейду лишнее и теряю время, отдыхаю, и часто отдыхаю и стою, когда могъ бы итти. Не скучайте на спячку — она иногда должна быть, какъ сонъ. — Страшно только сомнѣніе въ пути, въ радости пути. У меня теперь этого, слава Богу, не бываетъ. Если бываетъ, то на самое короткое время, на полчаса, и то въ полгода разъ, и то въ такія минуты, когда я ясно вижу, что я во временно затуманенномъ положеніи, и я въ глубинѣ души не вѣрю этому сомнѣнію. Все равно, какъ на пути нашло заблужденіе, что я назадъ иду; но заблужденіе такъ слабо, что продолжаешь итти. — Я послѣднее время очень счастливъ и спокоенъ и именно этой увѣрен-

ностью, что путь мой вѣренъ и что благо въ томъ, чтобы мнѣ итти по немъ, и что я иду. Желалъ бы, чтобы вы испытывали тоже. Напишите, как вы?

Иногда я пишу вамъ, какъ предпослѣдній разъ, съ оглядкой на себя, и тогда мнѣ хочется, чтобы вы уничтожили письма. Когда это случится, я буду писать: уничтожьте.

Ужасно сочувствую Шпенглеру. [4] Дай Богъ ему выдержки. Претерпѣвый до конца спасенъ будетъ. [5] Только бы онъ выдержалъ, у него будетъ награда огромная.

Полностью письмо публикуется впервые. Отрывок с значительными искажениями был напечатан в СК, стр. 128. Подписи Толстого на этом письме, как и на многих последующих его письмах к Черткову, не имеется. На письме — пометка рукой Черткова: в левом углу «18 март 84», в правом углу — «21 март 84», соответствующие, вероятно, почтовым штемпелям отправления и получения. Основания для нашей датировки: письмо по содержанию является ответом на письмо Черткова от 13 марта, получение которого Толстой отмечает в Дневнике от 16 марта словами: «Письмо прекрасное от Черткова»; в Дневнике же от 17 марта он говорит: «Написал письмо Черткову».

В письме от 13 марта, на которое отвечает здесь Толстой, Чертков говорит: «Ваше опасение о том, хорошо ли внушать человеку, что надо исполнять учение Христа, потому что он бог, я понимаю, хотя, правду сказать, не вполне разделяю. Моему пониманию доступны только два мотива для исполнения чьей-либо воли: или сознание, что исполнение его воли доставит мне благо, другими словами будет для меня выгодно, или же — признание за ним такого авторитета, что исполнение его воли для меня обязательно... Для меня напр. учение Христа представляется более обязательным, чем выгодным. Само учение непосредственно вызывает во мне отзывчивость всего, что сознаю в себе лучшего и высшего. Поэтому признаю учение божеским... Следовательно, другими словами, — нужно исполнять учение Христа, потому что он бог. Но, составляя книгу для простого люда, в которой обнаруживался бы ясно прямой смысл учения Христа, разве представляется необходимость упирать именно преимущественно на авторитетность Христа? — Не толкование, а обнаружение смысла, напр. нагорной проповеди, написанное в доступной форме, — такая книга именно и содействовала бы облегчению того, чтобы, как вы говорите, весь смысл учения проник в сердце. Такая книга была бы не учительскою, а представляла бы только сообщение другим вашего понимания учения Христа, такое же сообщение, как и ваша последняя книга, только в форме, доступной массе. Масса же нуждается в такой книге, почва готова. Если вы имели что сказать, то почему сказали это только людям развитым?.. — Употребляя слова о проникании в сердце всего смысла учения Христа — относительно других людей — и оглядываясь затем на себя, прихожу к ужасному диаметрально противоположному этим словам состоянию, в котором я сам нахожусь. В теории все обстоит

благополучно, и головные убеждения так чисты и высоки, что возбуждают даже язвительность со стороны людей, сравнительно кротких. Но действительное наличное настроение не имеет ничего похожего на головные убеждения. Там всё Христос, бескорыстное служение богу, прямое понимание учения, отсутствие компромисса и т. д., здесь — апатия, спячка, мелочность, раздражительность, эгоизм, постоянная готовность на самый крайний разврат ... Боже мой, помоги мне хоть понемногу, но отделаться-таки наконец от себя. Вы опасаетесь, что я не тверд. Да, разумеется, я не тверд... — Письма ваши, Лев Николаевич, обещаюсь уничтожать, если вы еще раз подтвердите ваше желание после того, как узнаете, что мне очень больно их рвать, так как они мне дороги в смысле справок для себя лично и для возобновления и проверки возбужденных мыслей и затронутых убеждений. Я от времени до времени их пересматриваю, и это очень помогает мне приводить в систему свои убеждения и постепенно разрешать открытые еще вопросы. Вы можете быть уверены, что кроме меня никто их не будет у меня читать... — Был у Спенглера. Он усердно работает с 15 детьми, получает с ребенка 60 коп. в месяц и платит 2 р. 60 к. за квартиру и продовольствие. Следовательно довольствуется наименьшим возможным. Крестьяне его села не настоящие крестьяне, а бывшие содержатели постоялых дворов, следовательно, подходят к типу кулаков. У него были с ними неприятные стычки. Один сделал ему выговор за то, что он недостаточно наказывает детей, другой обещался бить его за то, что он не прервал занятий, когда тот вошел в школу. Вообще он не падает духом, но по вечерам несколько тоскует за полным отсутствием развитого общества... Он еще очень молод и сам нуждается в ободряющем элементе, как впрочем, кажется, и все люди».

[1] Повидимому, Толстой говорит здесь о книжке Д. Д. Голохвастова «Письма из деревни о Письмах из деревни г-на Энгельгардта», М. 1884. В Дневнике от 15 марта Толстой говорит о ней: «Книжка Голохвастова против Энгельгардта, кое что хорошо, но как ужасна полемическая злость. Это урок для меня, и мне противна злость моей последней статьи. Надо бы написать то же понятно и кротко».

[2] Очевидно, речь идет о статье «В чем моя вера», так как в цитированной записи Дневника от 15 марта (см. предыдущее прим.) Толстой говорит в этом же смысле о своей последней, т. е. недавно законченной статье.

[3] Гр. Сергей Николаевич Толстой (1824—1904). В молодости был военным. После женитьбы на цыганке московского хора, Марии Михайловне Шишкиной, жил в своем имении Пирогово Тульской губ. Несмотря на разность взглядов был и в последние годы жизни душевно связан с Толстым, который, по его собственному признанию в Дневниках 1847—1854 гг. (т. 46), восхищался старшим братом.

[4] Ф. Э. Спенглеру. Толстой так живо интересовался Спенглером, что Чертков в кратком не приведенном здесь письме от 11 марта переслал ему полученное от Спенглера письмо, что было отмечено Толстым в Дневнике его от 15 марта словами: «Письмо от Черткова с милым письмом Шпенглера».

[5] Слова из Евангелия от Матфея, гл. 10-я, ст. 22.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА СССР

10.

1884 г. Марта 27. Москва.

... Про себя напишу: хотѣлось бы сказать, что я бодръ и счастливъ, и не могу. Не несчастливъ я — далекъ отъ этого и не ослабѣлъ еще — болѣе далекъ отъ этого. Но мнѣ тяжело. У меня нѣтъ работы, которая поглощала бы меня всего, заставляя работать до одуренія и съ сознаніемъ того, что это мое дѣло, и потому я чутокъ къ жизни, окружающей меня, и къ своей жизни, и жизнь эта отвратительна.

Вчера ночью я пошелъ гулять. Возвращаюсь, вижу на Дѣвичьемъ полѣ что-то барахтается, и слышу, городовой кричитъ: «Дядя Касимъ, веди же». Я спросилъ — что? — Забрали дѣвокъ изъ Проточнаго переулка: трехъ провели, а одна пьяная отстала. Я подождалъ. Дворникъ съ ней поровнялся съ фонаремъ: дѣвочка по сложенью какъ моя 13-лѣтняя Маша,[1] въ одномъ платьѣ грязномъ и разорванномъ — голосъ хриплый, пьяный; она не шла и закуривала папироску. «Я тебя, собачья дочь, въ шею», кричалъ городовой. Я взглянулъ въ лицо, курносое, сѣрое, старое, дикое лицо. Я спросилъ: сколько ей лѣтъ, она сказала: 16-ый. И ее увели. (Да, я спросилъ, есть ли отецъ и мать; она сказала, мать есть). Ее увели, а я не привелъ ее къ себѣ въ домъ, не посадилъ за свой столъ, не взялъ ее совсѣмъ — а я полюбилъ ее. Ее увели въ полицію сидѣть до утра въ сибиркѣ, а потомъ къ врачу свидѣтельствовать. Я пошелъ на чистую покойную постель спать и читать книжки (и заѣдать воду смоквой). Что же это такое? Утромъ я рѣшилъ, что пойду к ней. Я пришелъ въ полицію, ее уже увели. Полицейскій съ недовѣріемъ отвѣчалъ на мои вопросы и объяснилъ, какъ они поступаютъ съ такими. Это ихъ обычное дѣло. Когда я сказалъ, что меня поразила ея молодость, онъ сказалъ: «*Много и моложе есть*».

Въ это же утро нынче пришелъ тотъ, кто мнѣ переписываетъ, одинъ поручикъ Ивановъ.[2] Он потерянный и — прекрасный человѣкъ. Онъ ночуетъ въ ночлежномъ домѣ. Онъ пришелъ ко мнѣ взволнованный. «У насъ случилось ужасное: въ нашемъ номерѣ жила прачка. Ей 22 года. Она не могла работать — платить за ночлегъ было нечѣмъ. Хозяйка выгнала ее. Она была больна и не ѣла до сыта давно. Она не уходила. Позвали городового. Онъ вывелъ ее. «Куда же», она говоритъ, «мнѣ итти?» Онъ говоритъ: — «околѣвай гдѣ хочешь, а безъ денегъ

жить нельзя». И посадилъ ее на паперть церкви. Вечеромъ ей итти некуда, она пошла назадъ къ хозяйкѣ, но не дошла до квартиры, упала въ воротахъ и умерла». Изъ частнаго дома я пошелъ туда. Въ подвалѣ гробъ, въ гробу почти раздѣтая женщина съ закостенѣвшей, согнутой въ колѣнкѣ ногой. Свѣчи восковыя горятъ. Дьяконъ читаетъ что-то вродѣ панихиды. Я пришелъ любопытствовать. Мнѣ стыдно писать это, стыдно жить. Дома блюдо осетрины, пятое, найдено не свѣжимъ. Разговоръ мой передъ людьми мнѣ близкими объ этомъ встрѣчается недоумѣніемъ — зачѣмъ говорить, если нельзя поправить. Вотъ когда я молюсь: Боже мой, научи меня, какъ мнѣ быть, какъ мнѣ жить, чтобы жизнь моя не была мнѣ гнусной. Я жду, что Онъ научитъ меня... [3]

Печатается с выписки, сделанной Чертковым из письма, уничтоженного им по желанию Толстого. Впервые было напечатано, почти полностью, в книге Б, III, Госизд., М., 1922, стр. 16—17. Датируем на основании записи в Дневнике Толстого от 26 марта 1884 г., где об эпизоде с молоденькой проституткой сообщается вкратце, как о только что виденном, тогда как в письме о нем говорится, как о происшедшем накануне. В записи Дневника от 27 марта имеется пометка: «Написал письма Страхову, Урусову, Черткову. От него хорошее письмо».

Письмо Толстого написано под впечатлением писем Черткова от 21, 22, 24 и 25 марта, близких ему по мыслям и бодрых по тону. Получение их он отмечает в своем Дневнике и до указанной уже записи 27 марта: *23 марта* — «... Письмо от Черткова и нынче — суббота — другое. Как он горит хорошо»; *24 марта* — «... Письмо прекрасное от Чёрткова». Откладывая ответ на некоторые части этих писем до ближайшего времени, в данном письме Толстой высказывается в ответ на следующие строки письма Черткова от 22 марта: «Ваше последнее письмо было для меня настоящим благодеянием, и я невыразимо рад за вас, Лев Николаевич, и за себя, что вы в таком хорошем состоянии. После спячки настало для меня опять движение, и я пустился на полных парах и вот тут как раз получил ваше светлое письмо. Оно мне было нужно. Совет о том, чтобы не сокрушаться бесполезно о том, что мало прошел, — бьет как раз в сердце и разум. Он меня сильно ободрил. Я рад за вас, что вы уверены, что путь ваш верен. Это действительно большое счастье». — Повидимому, несоответствие этих строк с тяжелыми настроениями, вновь и вновь возникающими у Толстого от сознания недопустимости той праздной сытой жизни, которой продолжала жить его семья среди окружающей городской и деревенской нужды, и побудило его сказать в этом письме: «Хотелось бы сказать, что я бодр и счастлив, и не могу».

[1] Марья Львовна Толстая, вторая дочь Толстого (1871—1906), вышедшая в 1897 г. замуж за кн. Николая Леонидовича Оболенского. Подробнее о ней см. в прим. в первому письму ей, в т. 64.

[2] Александр Петрович Иванов (1836—1911) — артиллерийский отставной поручик, страдавший запоем и опустившийся. В Ясной поляне впервые появился в 1878 г. Толстой питал к нему теплое чувство и поддерживал его, давая ему переписывать свои рукописи. Временами он жил в Ясной поляне, потом, имея непреодолимую склонность к бродячей жизни, вновь исчезал. После сближения Толстого с Чертковым, он жил иногда в деревне у Чертковых. Скончался в Ставрополе во время одного из своих странствий.

[3] Оба рассказанные здесь эпизода — о молоденькой проститутке и о прачке — вошли в XXIV главу книги Толстого «Так что же нам делать»?, к писанию которой он приступил еще в начале 1882 г. См. т. 25.

* 11.

1884 г. Марта 28. Москва.

Милый Владиміръ Григорьевичъ,

Письма ваши для меня радость и утѣшеніе. А какъ вы видите изъ моего послѣдняго письма, мнѣ нужно иногда утѣшеніе, — поддержка бодрости духа.

Я понимаю вашу réticence[1] о томъ, что исполненіе ученія не для личнаго блага. По ученію Христа нѣтъ блага: оно есть и благо, и путь, и истина, и оно же Богъ. — Только отчего же не давать Петру.[2] Пускай понимаетъ и принимаетъ по своему. Знаете какъ кубики съ картинками укладываютъ. Одинъ пойметъ картину по одной парѣ кубиковъ, другой по другой. Но только бы сложилъ первую пару — то доберется до всей. Я опытомъ знаю и умѣю теперь различать людей, к[оторые] переставляютъ кубики на обумъ, и тѣхъ, к[оторые] сложили осмысленно два и потому навѣрно узнаютъ всю картину, не нынче, такъ завтра, и все ту же единственную и вѣчную. И потому я читаю ваши разногласія со мной и даже не волнуюсь, я знаю впередъ, что у насъ одна неизбѣжная и вѣчная картина. И потому я во всемъ согласенъ съ вами, не отъ того, что нарочно хочу соглашаться, а отъ того, что знаю, что разногласіе только отъ того, что вы съ одной стороны сводите кубики, а я съ другой, но они тѣ же. — Съ тѣми же, кот[орые] не начинали еще сводить и кот[орые] увѣряютъ, что они то-то и то-то видятъ, я впередъ не согласенъ. А съ тѣми, кот[орые] впередъ говорятъ, что ничего и не выйдетъ и не можетъ выдти, съ тѣми мнѣ больно, на тѣхъ мнѣ сердиться хочется и я едва удерживаюсь.

До скораго свиданія.

Л. Толстой.

Полностью публикуется впервые. Отрывок был напечатан с искажениями в СК, стр. 133. На подлиннике пометка рукой Черткова: «29 мрт. 84». Устанавливаем дату на основании записи Толстого в Дневнике от 28 марта: «Письмо от Черткова и написал ему».

Письмо Толстого является ответом на письма Черткова от 22 и 25 марта, под впечатлением которых он писал, как мы видели, и предыдущее письмо, от 27 марта. Оба эти письма Черткова развивают мысль об отношении «истинности пути» к счастью или «блаженству». В письме от 22 марта Чертков говорит: «... Я *знаю*, что с пути не собьюсь никогда вполне... Что касается до блага, или счастья, то оно мне не нужно, я его не ищу и боялся бы придавать ему большое значение, и боюсь видеть в счастии подтверждение истинности пути...» — В письме от 25 марта он развивает эту мысль подробнее, возражая Толстому на одну его формулировку в IV главе «Краткого изложения Евангелия», которое он читает в это время в рукописном экземпляре: «В кратком изложении Евангелия вы говорите: «Соблюдать эти пять заповедей должно не для того, чтобы заслужить похвалу от людей, а *для себя, для своего блаженства*». На каком основании вы понимаете, что соблюдать заповеди Христа следует *для себя, для своего блаженства*? Я понимаю иначе... Людское счастье не *цель*, а неизбежное побочное *последствие* стремления к настоящей цели. Христос мне представляется так: Стремление к богу безусловное — ради славы того бога, перед которым уничтожаешься и уничтожаясь перед которым становишься его проводником... Я хотел дать переписать Петру для удовлетворения и пользы моей, его и других вашу главу IV Кратк. извлож. Еванг., но эти слова «для себя», «своего блаженства» меня остановили». — Цитированные здесь слова Толстого, на которые Чертков возражает, вошли в первое издание книжки «Краткое изложение Евангелия» Л. Н. Толстого, Génève, M. Elpidine, 1890, стр. 55. В заключительных строках своего письма от 25 марта Чертков говорит: «Я вас очень люблю. Вы для меня очень много. И я буду, если не остановите (а вы, мне чувствуется, не остановите) с вами душа в душу откровенен и правдив до бесконечности. — День славный, бог близок. Но земля для меня только переходная инстанция, не «постоялый двор», в этом я с вами согласен, но тем не менее *переходная инстанция*». —

[1] Толстой употребляет здесь слово réticence в смысле мягко выраженного несогласия.

[2] Петр Апурин. См. прим. 1 к письму № 6 от 4—6 марта.

В промежуток времени между вышеприведенным письмом Толстого от 28 марта 1884 и следующим письмом его к Черткову, от 10 апреля, мы находим в Дневнике его от 29 марта следующую запись: «Письмо после обеда от Черткова. Он сердится за «разумение» вместо «Бога». И я с досадой подумал: коли бы он знал весь труд и напряжение и отчаяние и восторги, из которых вышло то, что̀ есть. Вот где нужно уважение. Но чтобы оно было, нужно его заслужить. А чтобы его заслужить, нужно его не желать... Чертков огорчил меня, но не надолго». — Запись эта вызвана письмом

Черткова от 26 марта, в котором он протестует против следующих строк в рукописи «Краткого изложения Евангелия», передающих 1 ст. 1 главы Евангелия от Иоанна: «В основу и начало всего стало разумение жизни. Разумение жизни стало вместо бога. Разумение жизни есть Бог». (См. «Краткое изложение Евангелия» Л. Н. Толстого, Génève, M. Elpidine, 1890, Введение, стр. 24.) В каноническом русском тексте стих этот переводится так: «В начале было Слово, и слово было у Бога, и слово было Бог». Не принимая толкования Толстого, к которому он пришел по его словам через «труд и напряжение и отчаяние и восторги», Чертков пишет ему: «Почему разумение жизни стало *вместо* бога? Где это сказано? Разумение жизни есть бог. От бога перехожу к разумению. Но от разумения без бога перешел бы только к сумасшествию. Это относительно меня. С другим может быть иначе. Когда первый раз читал ваше изложение Евангелия, то не заметил этого основания... Теперь, перечитывая в связи... с желанием найти в вашем изложении Евангелия простое, ясное выражение учения Христа..., я сталкиваюсь с мыслями, с пониманием мне *не* сродным. Изменять насильственно своего понимания, разумеется, не хочу, да и не мог бы. Вспоминаю, как вы скоро согласились, *что человек, как ни сходится с другими*, всё-таки в конце концов каждый остается один сам по себе... Как-то раз даже повторили мне это. А я чувствую, что сознание это нехорошее. Что же тогда Сын Человеческий в вашем понимании слова, если каждый сам по себе? Если результат — обособленность, то к чему же ведет общность, проповедуемая Христом? Нет, положительно, мы *все* ошибаемся... не то что *ошибаемся*, а смотрим с разных сторон, всего обнять не можем и потому видим разное, — но в сущности то же самое». — Ответа на это письмо от Толстого не последовало, так как вскоре он имел возможность увидеться с Чертковым. — Историю текста «Краткого изложения Евангелия» см. в комментариях к этому сочинению, т. 24.

* 12.

1884 г. Апреля 10. Москва.

.... Вы пишете: «Жду, когда зародится во мнѣ дѣйствительная любовь къ людямъ». Не можетъ ея не быть (она во всѣхъ), а тѣмъ болѣе въ тѣхъ, кто въ ней одной ищутъ свое благо. Но сказано: люби Бога и ближняго. О ближнемъ сказано: дѣлай другимъ то, что̀ бы ты хотѣлъ, чтобы тебѣ дѣлали. Больше этого нельзя. И есть ближніе, которыхъ я не могу (не то, что не хочу) но не могу любить, если я люблю Бога. Не могу я любить того, для кого не нужно отъ меня любви ни въ какой формѣ — ни въ формѣ денегъ и вещей (у него все есть), ни въ формѣ моего труда (ему и такъ служатъ во всемъ, что ему нужно), ни въ формѣ общенія моего съ нимъ — ему противно мое дорогое и главное. Просто любить его я не могу, потому, что я люблю

Бога, отъ закона котораго онъ отступаетъ. Я могу не ненавидѣть его — не злиться (и это часто случается со мной, и я какъ умѣю поправляю себя), могу быть готовымъ служить ему и любить его, когда ему будетъ нужно, но любить не могу. Часто прежде мои попытки любить, жалѣть приводили меня къ фальши и раздраженію. Дальше того, чтобы дѣлать другому то, что желалъ бы, чтобы тебѣ дѣлали, нельзя итти. — А я, находясь въ его положеніи, желалъ бы одного, чтобы меня не раздражали и въ добрую минуту сказали бы мнѣ истину такъ, чтобы я повѣрилъ ей. И это все, что я стараюсь дѣлать по отношенію другихъ, не раздѣляющихъ моей вѣры. И чѣмъ спокойнѣе, тѣмъ лучше не для себя, а для другихъ...

Печатается впервые, с выписки, сделанной Чертковым из письма, уничтоженного по желанию Толстого. На выписке — пометка рукой Черткова: «11 апреля 84. М. Уничтожено»... Указанная на выписке дата, повидимому, соответствует штемпелю отправления. Датируем на основании записи Толстого в Дневнике от 10 апреля 1884: «Писал письмо Черткову».

Письмо это было первым со стороны Толстого после свидания его с Чертковым, состоявшимся в Москве 5—6 апреля, при проезде Черткова из Воронежской губ. в Петербург. О намерении повидаться с Толстым и остановиться ради этого на два дня в Москве говорится в коротеньком письме Черткова от 1 апреля, а 6 апреля Толстой записывает в своем Дневнике: «С Чертковым поехали к Пругавину. Он, [очевидно, Чертков] удивительно одноцентрен со мной» [А. С. Пругавин, 1850—1920, известный исследователь сектантства, знакомый Толстого со времени пребывания его в 1881 г. в Самарской губ. и посвятивший ему в дальнейшем несколько своих работ]. После отъезда Черткова в Петербург, 9 апреля, Толстой отмечает в Дневнике: «Письмо от Черткова прекрасное». В этом письме Чертков сообщает ему о состоявшемся в Петербурге, в частном порядке, съезде выдающихся представителей русских религиозных сект «с целью попытаться прийти к взаимному соглашению насчет основных верований», и о том, что полиция уже успела заподозрить их в заговоре и подвергнуть временному аресту. Затем, переходя к своим впечатлениям от окружающего аристократического общества, в связи с праздником Пасхи, Чертков пишет: «Здесь по случаю воспоминания о Христе все разряжаются в шелка и ленты и рассылают друг другу дорогие цветы и подарки, т. е. по-простому изящно обирают все те нищие семейства, которые каждый букет прокормил бы целый год. Мне больно смотреть на это и быть принужденным почти что улыбаться этому, но еще мне больнее то, что отношусь я к этим людям как-то холодно, сухо, почти что с ожесточением, одним словом без того смирения и той любви, которые преимущественно и следовало бы чувствовать именно к тем ближним, которые наиболее заблуждаются и ошибаются. Жду я не дождусь когда зародится во мне действительная непосредственная любовь к людям, вместо теперешнего старания, за неимением

самого чувства, по крайней мере делать то, что подсказывала бы эта любовь, т. е. чему учил Христос». — Сохранившаяся часть письма Толстого является ответом на эти строки. Начало и конец уничтоженного письма касались, по сообщению А. К. Чертковой, семейных отношений Толстого, отзывавшихся на нем в это время чрезвычайно тягостно. О настроениях его в те дни, когда писалось это письмо, можно судить по следующей записи в Дневнике его от 11 апреля: «Затягивает и затягивает меня илом, и бесполезны мои содрогания. Только бы не без протеста меня затянуло. Злобы не было. Тщеславия тоже мало или не было. Но слабости, смертной слабости полны эти дни. Хочется смерти настоящей».

* 13.

1884 г. Апреля 16. Москва.

Что за отвратительное лицемѣріе! If all criminals are *mad* and must be kept out of mischief for their own *dear* sakes and in pure love и т. д. [1] Вѣдь это ужасно. Развѣ можно говорить съ такими людьми. Онъ думалъ, думалъ и выдумалъ и очень доволенъ. И правда, не скоро найдешь, что́ отвѣтить; какъ не скоро найдешь, даже я почти никогда не умѣю находить, разъясненіе софизма или математической «*пѣшки*», доказывающей, что 2=3. Но самый пріемъ показываетъ, что они, бѣдные, *должны* лгать самимъ себѣ. «*И не шли къ свѣту, п*[*отому*] *ч*[*то*] *дѣла ихъ были злы*». [2] Хорошо, преступники — сумасшедшіе. Ну такъ тогда и лечи ихъ, какъ сумасшедшихъ. А я никогда не слыхалъ, чтобы сумасшедшихъ лечили тѣмъ, что рубили головы или заставляли сидѣть запертыми или ходить въ цѣпяхъ. Мало того, во всѣхъ лучшихъ домахъ сумасшедшихъ теперь уже не употребляютъ и этой самой «рубашки», даже дверей не запираютъ.—Душа моя, нельзя съ ними спорить. Вы ему докажете, что онъ себя обманываетъ. Онъ не убѣдится, онъ будетъ думать, они всѣ будутъ думать, пока не подойдутъ еще съ другой неожиданной стороны, чтобы доказать, что надо мучить, убивать людей for their own dear benighted sakes. [3] И вы не догадаетесь сразу, какъ опровергнуть ихъ новый софизмъ. А пока вы не догадаетесь, они будутъ мучить людей и постараются привлечь васъ въ участіе. Вотъ и люби ихъ, когда они, люди, всѣми силами души служатъ дьяволу.

Печатается впервые. На подлиннике пометка рукой Черткова: «16 апреля 84», означающая, судя по целому ряду аналогичных пометок, поддающихся точной проверке, почтовый штемпель отправления. Датируем письмо, исходя из того, что в Дневнике своем от 16 апреля Толстой гово-

рит о получении того письма Черткова с запиской англичанина, на которое он здесь отвечает.

Эта записка англичанина, представляющая собой, судя по цитате из нее в письме Толстого, краткое изложение его взглядов на необходимость насильственного устранения из общества преступников, не сохранилась. Непосредственным откликом на нее со стороны Толстого являются следующие его строки в упомянутой записи его Дневника: «Я получил письмо Черткова с возмутительной запиской англичанина. For their own dear sakes. Все преступники сумасшедшие. Судья лечит. Зачем же он судит, а не свидетельствует. Зачем он наказывает. Как он либерально жестоко туп. Мне очень больно было...» Ответ же Черткову относится к заключительным строкам его письма, не снабженного против обыкновения точною датою, из которого мы приводим здесь всё наиболее существенное: «Несколько дней тому назад я провел вечер с одним англичанином, бывшим моим учителем, с которым я тогда еще очень сдружился. И действительно, это человек замечательно честный и приятный. Он знаток английской литературы, поклонник Шекспира и вместе с тем весьма талантливый акварелист. Характер у него благородный, прямой и замечательно увлекающийся. Всё дурное его возмущает, всем хорошим он восхищается. Помню, за его уроками мы бывало забывали орфографические ошибки и увлекались горячими спорами о самых высших вопросах в течение нескольких часов под ряд. Третьего дня пришлось высказать ему свое понимание учения Христа. У него был еще один англичанин, и я должен был защищать свою точку зрения от самых ожесточенных нападок. Положение о непротивлении злу их в особенности возмущало. Он спросил меня, надел бы ли я на сумасшедшего рубашку сумасшедшего. Я сказал, что для пользы самого сумасшедшего, для предохранения его от нанесения себе самому вреда, я, пожалуй, надел бы, как вообще в отношении больных людей, действующих бессознательно... Единственное мое оправдание заключается в уверенности, что они сами желали бы, чтобы я так поступил, еслиб видели и знали то, что в данную минуту скрыто от них, но доступно мне... В каждом отдельном случае вопрос о своем поведении разрешается не на основании устава, в котором предусмотрены все возможные случаи, а поведение христианина прямо вытекает из его чувства любви и непоколебимой решимости... избегать действий, противных духу учения. Но было бы очень желательно выяснить черту, отделяющую один вид насилия от другого, для того, чтобы при изложении желательного поведения людей в разных случаях, спорах... быть в состоянии разумно поддерживать свое убеждение... Присылаю вам записку англичанина, из которой вы увидите, в чем состоит наше разногласие».

Англичанин, о котором говорит здесь Чертков, — Карл Осипович Хис (Heath, 1826—1900), занимавший должность воспитателя в имп. Александровском лицее, затем — преподаватель английского языка и помощник воспитателя детей Александра III. Чертков, поддерживавший с ним добрые отношения, в дальнейшем пользовался его услугами при редактировании английского перевода книги Толстого «В чем моя вера». Впоследствии и Толстой, повидимому, отошел от предубеждения против него, как человека, потому что, судя по письму его к Е. И. Чертковой от

19 сентября 1887 г., имел в виду Хиса, как посредника для передачи своего письма Николаю II с указанием на административные жестокости, чинимые молоканам. Подробнее о Хисе, см. статью Н. В. Чарыкова «Карл Осипович Хис», «Историч. вестник», 1902, август.

[1] ... Что если все преступники сумасшедшие и их нужно лишить возможности делать зло в их собственных интересах и из чистой любви.

[2] Не вполне точная цитата из канонического перевода Евангелия от Иоанна, III, 19, где та же мысль выражена словами: «... люди более возлюбили тьму, нежели свет; потому что дела их были злы».

[3] Неточная цитата из записки Хиса, выражающая ту же мысль: «... в их собственных интересах».

* 14.

1884 г. Апреля 18. Москва.

Сейчасъ получилъ ваше письмо. Ужасно жалко мнѣ васъ и страшно за васъ. Не живите въ тѣхъ условіяхъ, кот[орыя] такъ вліяютъ на васъ. Но радуюсь за вашу правдивость и учусь ей. Я хуже дѣлаю и не говорю.

Каждый день радуюсь мысли, что скоро увижу васъ. Не увидите ли Алек. Андр. Толстую?[1] Что она вамъ скажетъ о письмѣ, которое я писалъ ей?[2]

Очень люблю васъ.

Толстой.

Печатается впервые. На подлиннике пометка рукой Черткова: «19 апреля 84», означающая, вероятно, почтовый штемпель отправления. Датируем письмо на основании записи Толстого в его Дневнике от 18 апреля: «Письмо от Черткова и ответ ему на его правдивое признание».

От этого письма Черткова сохранилась лишь вторая его половина, но к ней-то и относится ответ Толстого. Одно место из сохранившихся строк впоследствии заклеено А. К. Чертковой, и тут же выражена ее просьба не расклеивать его. Остальное приводим почти полностью: «... Ах, Лев Николаевич, не мне рассуждать об этих высоких и важных предметах. Я сам так низок, так гадок, так самому себе противен, что теперь после небольшого перерыва мне просто почти смешно читать начало этого письма, писанное утром, до такой степени значение вопросов, о которых я так развязно рассуждаю, противоречит действительному моему внутреннему состоянию... Во мне два внутренних человека, один такой низкий, грязный, что его постыдился бы даже самый крайний из действительно живущих развратников, а другой — другой хватает звёзды с неба. Я хотел кое-что расспросить вас о собственности; но собственность или не собственность не имеет никакого значения, когда внутри меня сидит дьявол. Сначала надо от него отделаться... Л. Н., не беспокойтесь за меня. Это как-нибудь обойдется. Только я должен взяться за главное и не хочу обманывать

и вас и себя, рассуждая об истине и боге с такими нечистыми руками». — Ответное письмо Толстого, адресованное Черткову в Петербург, не застало его там, так как в день написания его, 18 апреля, он выехал уже в Лизиновку через Москву, о чем свидетельствует следующая запись в Дневнике Толстого от 19 апреля: «Пошел дать телеграмму и встретил Черткова. Пошли на телеграф. Я или не понял его письма или он не хотел говорить о нем. Но это было разделение. Пришли домой. Обед, после обеда хорошо. Я устал, он тверд».

[1] Гр. Александра Андреевна Толстая (1817—1904), двоюродная тетка Толстого, сначала фрейлина при дворе Николая I и воспитательница дочери его Марии Николаевны, затем воспитательница дочери Александра II, Марии Александровны, а по выходе ее замуж в 1874 г., — статс-дама при дворе императрицы Марии Федоровны. Знакомство ее с Толстым началось в 1855 г., по приезде его в Петербург из Севастополя, и перешло в теплую дружбу, выразившуюся и в их обширной переписке. После внутреннего перелома в Толстом дружбе этой не раз угрожал разрыв, потому что, будучи убежденной монархисткой и искренно-верующей православной, гр. А. А. Толстая не раз выражала резкое несогласие с его новыми взглядами. Но ее ум и большая природная сердечность поддерживали в нем старую привязанность к ней. Подробнее о ней см. в примечании к обращенному к ней письму Толстого от 1 мая 1857, т. 60.

[2] Письмо, о котором говорит здесь Толстой, было написано им гр. А. А. Толстой, после двухлетнего перерыва в их переписке, 17 апреля 1884 г. и заключало в себе просьбу передать императрице и поддержать своим влиянием ходатайство вдовы профессора Московского Университета доктора А. А. Армфельда, Анны Васильевны Армфельд, о разрешении ей поселиться подле дочери ее, Натальи Александровны Армфельд, присужденной в мае 1879 г. за «участие в тайном революционном сообществе» к каторге на Каре. В записях Дневника 1884 г. Толстой не раз упоминает о личных и письменных сношениях с матерью Армфельд и многократно возвращается к вопросу об ее ходатайстве в письмах своих к гр. А. А. Толстой, которая живо принимала к сердцу это дело. Однако ходатайство А. В. Армфельд было удовлетворено только в середине января 1885 г. Подробнее см. прим. к письму Толстого к гр. А. А. Толстой от 17 апреля 1884 г., т. 63.

* 15.

1884 г. Апреля 25—27. Москва.

Милый другъ Владиміръ Григорьевичъ,

Свиданіе мое съ вами — короткое и съ другими[1] — оставило мнѣ самое хорошее впечатлѣніе. Я говорю хорошее впечатлѣніе — въ томъ смыслѣ, что вы все тотъ же, какимъ я знаю и люблю васъ. А я всегда боюсь, чтобы вы не стали другимъ,

не потому, что я не надѣюсь на васъ, предполагаю непрочность вашей вѣры, напротивъ, — но потому что для меня слишкомъ важно и радостно то, что вы такой, какой вы есть. — Началъ я писать введеніе къ Наг[орной] Пр[оповѣди] и написалъ два такихъ, но оба не годятся, и я убѣдился, что я не могу и не имѣю права писать такого введенія. [2] Я вновь нѣсколько разъ перечелъ Наг[орную] Пр[оповѣдь]. И не думайте, чтобы было преувеличеніе въ моихъ словахъ: слова Евангелія 5, 6, 7 гл. М[атфея] такъ святы, такъ божественны, всѣ отъ начала до конца (одинъ стихъ только VII гл. 6 можетъ показаться неяснымъ), что прибавлять къ нимъ, рядомъ съ ними ставить какое-нибудь объясненіе, толкованіе — есть кощунство, кот[орое] я не могу дѣлать. [3] Я не только бы могъ, но я и хочу написать объясненіе къ Наг[орной] Пр[оповѣди], но только потому, что она ложно перетолковывается, что смыслъ ея умышленно скрывается, т. е. не объясненіе, а опроверженіе, очищеніе отъ ложныхъ объясненій. Но этого объясненія я для нашей цѣли не могу дѣлать, и потому все, что я буду писать, будетъ кощунство. Все, что можно, это сдѣлать заглавіе:

Проповѣдь народу и заповѣди спасенія Господа нашего Іисуса Христа.

Если бы только въ такомъ видѣ въ нашемъ переводѣ (еще лучше бы было славянскій текстъ en regard [4] съ русскимъ) можно бы было напечатать ее, и то бы было *доброе* дѣло. А я думаю, что напишу именно введеніе къ Наг[орной] Пр[оповѣди], но не стѣсняясь уже церковно-цензурными соображеніями. Эта мысль занимаетъ меня, и это то самое, про что вы писали и говорили мнѣ. [5]

Я началъ печатать въ Р[усской] М[ысли] свою статью о томъ, что вышло изъ моей статьи о переписи [6] (я говорилъ вамъ), но не знаю, кончу ли. Развиваются другія мысли. [7] Я начинаю чувствовать себя болѣе бодрымъ, чѣмъ послѣднее время, и хотѣлось бы періодъ этой бодрости употребить на дѣло Божье. Жду письма отъ васъ.

Вашъ Л. Толстой.

Полностью печатается впервые. Большая часть письма (со слов «начал писать введение...») была напечатана в «Толстовском Ежегоднике 1913 года», в отделе «Письма Л. Н. Толстого», стр. 11—12. На подлиннике пометка рукой Черткова: «27 апр. 84 г.», означающая, вероятно, почтовый штемпель отправления. Датируем письмо, исходя из того, что первые стро-

ки его говорят о новом свидании Толстого с Чертковым в Москве, состоявшемся, как видно из Дневника Толстого, 24 апреля 1884 г.

В Дневнике от 23 апреля Толстой отмечает получение от Черткова, только что проехавшего в Лизиновку, телеграммы, сообщающей о смерти отца его, скончавшегося в этот день, 23 апреля 1884 г., от удара в Петербурге, куда Чертков немедленно и выехал. При проезде его через Москву Толстой виделся с ним на Николаевском вокзале, о чем свидетельствует запись в его Дневнике от 24 апреля: «Поехал верхом к Юрьеву... Оттуда на Николаевский вокзал. Чертков, Писарев, Голицын. Чертков так же тверд и спокоен. Сказал, что мало огорчен. Говорили хорошо». — Об отце Черткова, Григории Ивановиче Черткове, см. в биографии Черткова, в комментарии к п. № 1, от 5 декабря 1883 г.

[1] «Другие», — как видно из Дневника Толстого, — Писарев и Голицын. О первом из них см. прим. 2 к п. № 4 от 17 февраля 1884 г. Второй — Василий Павлович Голицын, знакомый Черткова, помещик Рязанской губ., филантроп.

[2] Как видно из писем Черткова от 6 и 13 марта, он уговаривал Толстого написать для народа изложение Нагорной проповеди и вообще учения Христа. Ответные письма Толстого, от 11 и 17 марта (№№ 8 и 9), указывают на то, что задача эта волновала его, но приступить к работе он еще не решался. В Дневнике от 24 апреля, после разговора о Христе с редактором «Русской мысли» С. А. Юрьевым, он записывает: «Мне пришла в голову мысль об издании Нагорной проповеди» — т. е. о напечатании соответствующего отрывка из Евангелия отдельным изданием. При свидании с Чертковым на Николаевском вокзале, куда Толстой поехал от Юрьева, он (как упоминается в одном из ближайших к этому времени писем Черткова, от 27 апреля) высказал эту мысль Черткову, который, без сомнения, отнесся к ней чрезвычайно сочувственно. В дальнейшем, после возникновения «Посредника», Чертков хотел издать листок с текстом Нагорной проповеди и картиной, изображающей Христа среди народа, но цензура не разрешила его.

[3] То же отношение к Нагорной проповеди выражено в Дневнике Толстого от 26 апреля 1884 г.: «Дома читал святую Нагорную проповедь и пробовал писать введение к ней. Нельзя».

[4] Параллельно.

[5] В этом случае Толстой говорит, повидимому, уже не о введении к листку с Нагорной проповедью, а о небольшой книжке для народа, хотя бы и не имеющей шансов быть напечатанной, с изложением своих взглядов на учение Христа вообще, как просил его о том в своих письмах от 6 и 13 марта Чертков. Полтора месяца спустя, 13 июня, Толстой отмечает в Дневнике своем: «Писал изложение ученья для народа. Я думаю, — пойдет». Однако план этот не осуществился.

[6] Толстой говорит о возвращении его к работе, которая явилась результатом глубоких умственных и душевных процессов, вызванных его участием в московской переписи 1882 г. Первые впечатления от этой переписи отразились в статье его, озаглавленной «О переписи в Москве», вышедшей в Москве в 1882 г. отдельным изданием. Но внутренняя работа,

связанная с этими впечатлениями, углублялась, переходила в критику существующего социального строя и выливалась постепенно в обширный труд, получивший заглавие «Так что же нам делать?» В то время, когда писалось комментируемое письмо к Черткову, Толстой, найдя у себя первые черновые наброски этой статьи, обещал редактору «Русской мысли», С. А. Юрьеву, приготовить ее для одной из ближайших книжек журнала. Работа продолжалась в течение всего 1884 г. К концу года 20 глав статьи были написаны и вошли в январский № «Русской мысли» за 1885 г. Но цензура потребовала изъятия их из книжки журнала. Дальнейшую историю этого труда Толстого см. в относящихся к нему комментариях Н. К. Гудзия в т. 25.

[7] Из записей в Дневнике Толстого, начиная с 30 марта до 1 мая 1884 г., явствует, что у него бродили в это время замыслы двух художественных произведений — «Записок несумасшедшего», переименованных позднее в «Записки Сумасшедшего» (см. т. 26) и повести «Смерть Ивана Ильича» (см. там же), которую он называет вначале «Смерть судьи». *30 марта* Толстой записывает в Дневнике: «Пришли в голову Записки несумасшедшего... Ох, как живо я их пережил»; *12 апреля* — «Бродят опять мысли о записках несумасшедшего»; *18 апреля* — «Попытки разных работ, из которых ни на одной не остановился»; *27 апреля* — «Пытался продолжать статью. Не идет... Хочу начать и кончить новое. Либо смерть судьи, либо записки несумасшедшего», и, наконец, *1 мая* — «Стал поправлять «Ив. Ил.» и хорошо работал. Вероятно, мне нужен отдых от той работы, и эта — художественная — такая».

* 16.

1884 г. Мая 2. Москва.

Пишу, дорогой другъ, только нѣсколько словъ, чтобы сказать, что я получилъ ваше послѣднее, что я живъ и здоровъ и безпрестанно думаю объ васъ.

Радость у меня была за это время одна большая, это письмо сына Ге [1] къ своему брату, кот[орое] мнѣ сообщили. Это человѣкъ совершенно той же вѣры, какъ мы, — и человѣкъ вѣрующій, т. е. исполняющій. Онъ кончаетъ курсъ въ Кіевск[омъ] университетѣ. Бросаетъ дипломъ, будущую службу и учится ремеслу, чтобъ кормиться. Прекрасное письмо. Я покажу вамъ, когда увидимся. Нагорн[ую] Проп[овѣдь] нельзя печатать. Можно ли подчеркивать ее и распространять такія Евангелія? Какъ на это смотрятъ?

Я купилъ нѣсколько народныхъ духовныхъ книгъ и въ томъ числѣ изъ алфавита духовнаго Дмитрія Ростовскаго [2] «О еже не зѣло скорбѣти въ скорбныхъ». — Читая это, я вспомнилъ

о горѣ вашей матери и подумалъ, что ей хорошо прочесть это.[3] Очень хорошо. Начиная с 7) и до конца.

Л. Толстой.

Полностью печатается впервые. Последний абзац был напечатан в ТЕ 1913, отдел «Письма Л. Н. Толстого», стр. 12. На подлиннике пометка рукой Черткова: «3 мая 84» — вероятно, согласно штемпелю отправления. Датируем на основании записи в Дневнике Толстого от 2 мая: «Написал письмо Ге, Черткову... всё дурные».

Толстой отвечает здесь на два письма Черткова — от 25 и 27 апреля 1884 г. В первом из них Чертков пишет в связи со смертью своего отца: «Панихиды, золото, ленты, возгласы дьякона, массы народа, великие князья, отец в гробу уже совсем разлагается, мать не спит, не ест, но, слава богу, здорова...» Переходя к мысли Толстого об издании Нагорной проповеди, высказанной им накануне при свидании их на московском Николаевском вокзале, он сообщает мнение главы евангелической секты «пашковцев», В. А. Пашкова, о том, что печатание отдельных глав из Евангелия разрешено не будет: Пашков пробовал, и ему это не удавалось. В письме от 27 апреля Чертков вновь возвращается к этому вопросу: «Все люди опытные говорят в один голос, что несколько глав из Евангелия отдельно взятых никогда не допустят у нас к печати, что издание Евангелия составляет прерогативу Синода и что только он пользуется правом (!) издавать Евангелие. Тем не менее, если пришлете ваше вступление, то сделаю всё возможное. А именно, вероятно, пошлю к одному знакомому в Одессу и попрошу его всячески похлопотать». Затем Чертков вновь высказывает совет написать изложение Нагорной проповеди, с введением к ней и заключением, имея в виду читателя из народа и передавая заповеди Христа тем доступным Толстому «простым детски-народным слогом, который имеет такую прелесть и силу». В заключение переходя к личным обстоятельствам, связанным со смертью отца, Чертков пишет: «Мать ужасно едко страдает, и больно, раздирает сердце смотреть на нее. Когда заговаривают с нею, то она временно развлекается, но когда сколько-нибудь сосредоточивается, то невыразимо страдает. Разумеется, нахожусь постоянно около нее».

[1] Речь идет о письме старшего сына художника Н. Н. Ге, близкого друга Толстого (см. о нем ниже, в прим. к письму № 29, от 10 октября 1884 г.), Николая Николаевича, к брату его Петру Николаевичу. Н. Н. Ге-сын (род. 1857 г.), вероятно, под влиянием Толстого, взгляды которого разделял и его отец, решил в это время бросить университет и жить физическим трудом. Намерение это он привел в исполнение, поселившись на хуторе отца, в Черниговской губ., где он женился на крестьянке и стал заниматься хозяйством, как простой крестьянин. Годы 1885—1887 жил у Толстого, помогая Софье Андреевне в деле издания сочинений Толстого. В 1891—1892 гг. работал с Толстым на голоде. Позднее, после смерти отца, в 1894 г., резко изменил свои убеждения. Поселившись с 1901 г. в Швейцарии, принял французское подданство. Письмо его к брату, о котором

здесь говорится, до сих пор не найдено, но о том, какое впечатление оно произвело на Толстого, можно судить еще в большей степени, чем по данному письму его к Черткову, по краткой записи в Дневнике и особенно по письму, написанному им в тот же день, 30 апреля 1884 г., к Н. Н. Ге-старшему. В этом письме он говорит: «Вы видали меня в минуты уныния и грусти. В сто раз, в 1000 раз больше грусти готов пережить за такие минуты невыразимой радости, которую я испытал, узнав по письму вашего Николая. Я не то, что согласен с каждым его словом, чувством и мыслью. Но всё это как будто мои слова, чувства и мысли. Меня поразило даже то, что некоторые мысли те самые, к[оторые] я выразил в моем последнем писании, к[оторого] он не читал... Покуда я жив, не перестану смотреть на него с особенным чувством замиранья сердца и любви, как смотрят на любимого человека, поднявшегося на колокольню, чтобы поставить крест. Страх и за то, что он оборвется и убьется, и за то, что он заробеет, и за то, что не сделает нужного нам всем дела». (См. письмо к Н. Н. Ге от 30 апреля 1884, т. 63.)

[2] Димитрий Туптало (1651—1709), с 1702 г. митрополит Ростовский, составитель весьма популярных в свое время «Четьи-Миней» («житий святых»), автор многочисленных сочинений нравоучительных, полемических (против старообрядчества), исторических и драматических. Уроженец Киевской губ. По переезде на север, в Ростов, занялся просвещением духовенства и мирян и борьбой с невежеством и пьянством, учредил школу для детей всех сословий, причем ввел в преподавание латинский и греческий язык. Книга его, о которой говорит Толстой, — «Алфавит духовный» (т. е. «азбука духовной жизни») представляет собой сборник нравоучительных увещаний на разные случаи жизни.

[3] О матери Черткова, Елизавете Ивановне Чертковой, см. в биографии Черткова, в комментарии к п. № 1, от 5 дек. 1883 г.

17.

1884 г. Мая 7—8. Москва.

Сейчасъ получилъ ваше письмо 6-го мая. Оно порадовало меня за васъ. Мнѣ кажется, что вамъ хорошо. Хорошо въ томъ смыслѣ, что вы не сомнѣваетесь въ томъ, что дѣлаете то, что вамъ нужно дѣлать. Я на вашемъ мѣстѣ дѣлалъ бы тоже: всѣ свои силы отдавалъ бы матери, т. е. содѣйствовалъ бы сколько могъ ея благу. Благо же ея и всѣхъ людей въ одномъ, и потому нечего остерегаться. Остерегаться долженъ только тотъ, кто ищетъ своего блага или кто допускаетъ справедливость насилія или всякаго причиняемаго другому страданія. Я въ своей жизни упрекалъ себя (въ дурныя минуты) за то, что я не настаивалъ на своемъ, но никогда не могъ настаивать не только на дѣлѣ, но и на словахъ. Какъ только я видѣлъ, что дѣйствія или слова

мои заставляютъ страдать, я останавливался, или если не останавливался, то раскаивался въ этомъ. И не могъ иначе, потому что цѣль моя, признаваемая мною, есть благо другихъ. Если же выходитъ имъ зло, значитъ я виноватъ, и вѣрно, что-нибудь не такъ дѣлаю. Но мало того, я убѣдился, что слова: *никто не приходитъ ко Мнѣ, какъ только тотъ, кого приведетъ Отецъ*, [1] суть самое точное опредѣленіе дѣйствительности. Какъ совершается это возрожденіе, воскресеніе людей къ жизни истинной, это тайна, совершающаяся на нашихъ глазахъ, но постигнуть ея процессъ невозможно. Это тайна Бога — это Его отношеніе съ каждымъ человѣкомъ. Мѣшаться въ это — нельзя, грѣхъ. Привлечь, обратить другого никто никогда не можетъ, и желаніе привлечь, обратить другого, именно опредѣленнаго человѣка или людей есть причина страшныхъ золъ. Но свѣтить тѣмъ свѣтомъ, который есть въ насъ, передъ людьми (всѣми людьми) есть святое дѣло жизни. Это очень трудно сначала, но потомъ это даетъ большую силу и спокойствіе. Не моя воля будетъ, но Его. Мнѣ хочется служить этимъ людямъ, а Онъ хочетъ Свое, и мнѣ нельзя вмѣшиваться въ Его распоряженія. Мое дѣло искать Его волю и исполнять ее. А воля Его есть любовь ко всѣмъ, къ тѣмъ, которые ближе всего ко мнѣ, покорность Ему и смиреніе передъ ними. Такъ чего жъ мнѣ остерегаться? —

Если же ваша мать сама идетъ по этому пути — установленія болѣе правильнаго баланса между тѣмъ, что мы беремъ у людей и даемъ имъ, то для васъ это должна быть большая радость; и дорого и радостно не извѣстное положеніе, а движеніе и направленіе.

Статья Б. Г., [2] которая васъ огорчила, меня не огорчила. Отвѣтъ такъ простъ: для общаго блага нужны судьи и пр. Прекрасно. Я не призванъ учреждать это общее благосостояніе. И даже если и думаю объ общемъ благосостояніи, то не могу думать иначе, какъ такъ, какъ меня научаетъ думать о немъ Христосъ, какъ о состояніи Ц[арства] Б[ожьяго]. Но такъ какъ я не призванъ учреждать это благосостояніе, то единственная моя обязанность въ этомъ отношеніи это та, чтобы жить такъ, чтобы не нарушать общее благосостояніе; а жить такъ я не могу иначе, какъ не дѣлая никогда зла другому ни въ какой формѣ. А приговорить человѣка въ тюрьму есть зло для этого человѣка и для его родныхъ. Мнѣ это такъ просто и ясно, что удивляюсь только тому, что можно возражать.

Я началъ писать статью, но не кончилъ.[3] — Не скажу, чтобы я былъ въ дурномъ духѣ. Я спокоенъ, не несчастливъ, но мысль о смерти чаще и чаще представляется мнѣ, какъ что-то запрещенное пока мнѣ, но очень желательное.[4] Я знаю, что это дурно, что это возмущеніе противъ Его воли, но каюсь, что меня радуетъ при этомъ освобожденіе отъ всякаго страха передъ личной смертью. Если она манитъ меня, то значитъ, что я могу быть свободенъ отъ личной жизни.

Обнимаю васъ, милый другъ. Неужели мы не увидимся передъ вашимъ отъѣздомъ. (Разорвите письмо).

Письмо печатается с копии, сделанной рукою Черткова: подлинник, как видно из пометки Черткова на копии и из заключительных слов самого Толстого, уничтожен по его просьбе. Заключал ли он в себе какие-либо строки, не вошедшие в копию, как это было в предшествующих письмах, уничтоженных по желанию Толстого, а также подпись Толстого, выяснить не удалось. Сохранившийся текст был напечатан, с искажениями, в СК, стр. 141—142, а затем в журнале «Голос Толстого и Единение», М. 1917—1918, в «Новогоднем добавлении» к № 6, стр. 17. Датируем письмо, исходя из пометки Черткова, сделанной на копии: «8 мая 84», означающей, вероятно, штемпель отправления, и заключающегося в письме сообщения о только что полученном (из Петербурга) письме Черткова от 6 мая.

Письмо Толстого является ответом на два письма Черткова — от 1 мая и от 6 мая. В первом из них, посылая Толстому № 3 рукописного журнала П. И. Бирюкова «Переписка с друзьями» (См. прим. 2 к письму № 6, от 4—6 марта), Чертков выражает свое огорчение по поводу помещенной в ней статьи кн. Бориса Борисовича Голицына, друга П. И. Бирюкова, офицера морской службы (впоследствии профессора физики и академика). «Он, казалось, был так близок к правильному разрешению вопроса, а между тем спотыкается об это несчастное недоразумение о приложимости учения Христа исключительно к личным отношениям, а не к общественным», — пишет Чертков. Письмо его от 6 мая, в связи со смертью его отца, почти целиком посвящено состоянию его матери. Отвечая на совет Толстого дать прочесть матери главу из «Алфавита духовного» Димитрия Ростовского, Чертков говорит: «Дмитрия Ростовского непременно приобрету для матери; она ужасно, ужасно скорбит и страдает. Мы приискали более скромную квартиру в 3 тысячи вместо нынешней в $6^1/_2$ т... Сначала мать думала ехать прямо к себе в деревню. Но теперь она склоняется на то, чтобы съездить за границу месяца на два, и я думаю, что такая поездка ей окажет существенную пользу и, быть может, поможет ей собраться с силами для дальнейшего служения ближнему... Вообще она хочет в будущем возможно меньше тратить на себя, не изменяя некоторым привычкам и «приличной» обстановке, которые разрушать не следует по ее искреннему убеждению. Я, разумеется, служу исполнителем ее желаний и стараюсь для нее так распоряжаться, как она желает, что, разумеется, по-

стоянно ставит меня в обстановку прямо противоречащую моим личным убеждениям и желаниям... Если мать поедет за границу, я поеду с ней». Далее Чертков отвечает на вопрос Толстого, обращенный к нему в письме от 2 мая, сообщая, что «раздавать подчеркнутые Евангелия можно, ибо Пашков делает это», и в заключение уведомляет Толстого, что продолжает начатую им работу над переводом на английский язык статьи его «В чем моя вера?» и надеется довести это дело до конца.

[1] Цитата из VI гл. Евангелия от Иоанна, но не совсем точная. В Евангелии от Иоанна одна и та же мысль выражена в двух вариантах. В ст. 44 указанной главы, в русском переводе, говорится: «Никто не может прийти ко мне, если не привлечет его Отец, пославший меня». В ст. 65 той же главы:« ... «никто не может прийти ко мне, если то не дано будет ему от Отца моего».

[2] Статья Б. Г. — статья кн. Б. Б. Голицына (см. выше, пояснение письма Черткова от 1 мая).

[3] Без сомнения, Толстой говорит здесь о своей статье «Так что же нам делать?»: по Дневнику его этого периода можно видеть, что он всё время возвращается к этой работе, которая то «уясняется» для него, то «не идет» (см. прим. 6 к письму № 15 от 25—27 апреля).

[4] Записи в Дневнике Толстого за этот период и особенно за первую неделю мая 1884 г. говорят о необычайно тяжелых настроениях его вследствие полного внутреннего расхождения его, по принципиальным мотивам, с женой и всеми окружающими его в семье. Так, в Дневнике от *3 мая* он пишет: «... нашел письмо жены. Бедная, как она ненавидит меня. Господи, помоги мне. Крест бы, так крест, чтобы давил, раздавил меня. А это дерганье души — ужасно не только тяжело, больно, но трудно... Я ничтожное, жалкое, ненужное существо и еще занят собой. Одно хорошо, что я хочу умереть»; *5 мая* — «Дома всё та же всеобщая смерть. Одни маленькие дети — живы. Какой-то опять за чаем тяжелый разговор. Всю жизнь под страхом»; *6 мая*—«Тоска, смерть»; *7 мая*—«...тяжело то, что возненавидели меня напрасно»; *8 мая*—«Точно моя жизнь на счет их, чем я живее, тем они мертвее... Живу в семье, и ближе всех мне золоторотец Александр Пет[рович] и Лукьян — кучер». Об Александре Петровиче Иванове см. прим. 2 к письму № 10 от 27 марта 1884 г.

18.

1884 г. Мая 19. Я. П.

Я получилъ ваше письмо уже въ деревнѣ. Жалко, что не увижу васъ, но видно такъ надо. Недавно я думалъ о васъ и меня поразила смерть вашего отца — значеніе ея для васъ. Не сумѣю вамъ сказать, какъ и почему, но я чувствую, что такъ было нужно для васъ. Я не вѣрю въ вмѣшательство Божества въ наши дѣла, не вѣрю потому въ возможность просительной молитвы, но вѣрю въ разумность и любовность всего, что

совершается; вѣрю, что для человѣка большое счастье понимать эту разумность и любовность. И часто я не вижу этого въ моихъ дѣлахъ, и отъ того только бываю не такъ радостенъ, какъ бы я долженъ быть. Но на другихъ это виднѣе.

Разборъ богословія[1] я бы очень былъ радъ сообщить Гейдену,[2] но я увезъ оба экземпл[яра] съ собой въ деревню. (Я хотѣлъ просмотрѣть и поправить описки писцовъ). Если будетъ случай и вы думаете, что ему нужно, то я доставлю ему, — но я не думаю, чтобъ это сочиненіе было *нужно* ему. Несмотря на то, что это сочиненіе — обзоръ богословія и разборъ Евангелій[3] — есть лучшее произведеніе моей мысли, есть та одна книга, которую (какъ говорятъ) человѣкъ пишетъ во всю свою жизнь. (Я имѣю на это свидѣтельство двухъ ученыхъ и тонкихъ критиковъ, обоихъ несогласныхъ со мною въ убѣжденіяхъ. Оба, всегда прямо говорившіе мнѣ правду, признали сочиненіе неопровержимымъ).[4] Несмотря на это, книга эта не убѣдитъ того, кто не убѣдился однимъ сопоставленіемъ нашей жизни и церкви съ духомъ Евангелія. — Книга эта есть разчищеніе пути, по кот[орому] уже идетъ человѣкъ. Но когда человѣкъ идетъ по другому пути, ему вся работа эта представляется безполезною. Вы не повѣрите тому, какъ я радуюсь на то, что въ послѣдніе три года во мнѣ изчезло всякое желаніе прозелитизма, к[оторое] было во мнѣ и очень сильно. — Я такъ твердо увѣренъ въ томъ, что то, что для меня истина, есть истина всѣхъ людей, что вопросъ о томъ, когда какіе люди придутъ къ этой истинѣ, мнѣ не интересенъ. Вчера я мололъ кофе и иногда глядѣлъ, какъ и когда попадаетъ подъ зубцы замѣченная мною кофеинка. Очевидно, что это праздное занятіе и даже вредное, п[отому] ч[то], занявшись одной кофеинкой, я останавливался молоть и засовывалъ ее туда. Всѣ смелются, если мы будемъ молоть, а не молоть мы не можемъ, п[отому] ч[то] не мы, а Богъ черезъ насъ и весь духовный міръ дѣлаетъ это. Недавно мнѣ уяснилась одна укрѣпляющая меня мысль:

Законъ, нравственный законъ Христа — его 5 заповѣдей, это законъ вѣчный, который не прейдетъ, пока не будетъ исполненъ. Это законъ такой же необходимый, неизбѣжный, какъ законъ тяготѣнья, химическихъ соединеній и другіе физическіе законы. Можно предположить, что тѣ законы физическіе точно также когда-то колебались, были не общи всѣмъ явленіямъ — вырабатывались; но всѣ законы эти не измѣнились,

пока не исполнилось все, и наконецъ стали необходимостью. Тоже и съ нравственнымъ закономъ — онъ нами вырабатывается. Мы суемся туда-сюда и послѣ милліардовъ ложныхъ путей узнаемъ единый истинный, и онъ устанавливается. И потому мы разумомъ знаемъ, что это такъ должно быть, и всѣмъ существомъ чувствуемъ это. И придетъ время, что это будетъ такъ и будетъ такъ же твердо, какъ и другіе законы природы. — Тогда будутъ вырабатываться новые законы. — Мнѣ эта мысль очень нравится, она даетъ мнѣ большую силу и твердость. [5] Еще въ томъ письмѣ я хотѣлъ сказать вамъ, что едва ли вамъ удастся напечатать по-англійски «*Въ ч[емъ] м[оя] в[ѣра]*» съ выпусками. [6] — Читатели будутъ недовольны. Они захотятъ, чтобы согласиться съ ней или опровергнуть, а знать всю мысль автора. — Кромѣ того, оно печатается по французски. Выпуски, кот[орые] вы сдѣлаете, даже передѣлки, на к[оторыя] даю вамъ carte blanche, [7] мнѣ очень интересны и важны и нужны для меня. Я непремѣнно ими воспользуюсь и одобрю ихъ. Впрочемъ дѣлайте, какъ вы знаете. Прощайте. Пишите.

Л. Толстой.

Что дѣлаетъ Петръ? Какъ онъ живетъ въ Петербургѣ, и на сколько пострадали ваши отношенія съ нимъ? [8]

Полностью письмо печатается впервые. Отрывки были напечатаны в СК, стр. 114—115 и 142—143 (с большими искажениями), в журнале «Голос Толстого и Единение» 1917—1918 г., в «Новогоднем добавлении» к № 6, стр. 17, и в Б, III, Госизд., М. 1922, стр. 3. На подлиннике пометка рукой Черткова: «Пол. 21 мая 84». Датируем на основании как этой пометки, так и записи в Дневнике Толстого от 19 мая: «Написал письма — Черткову...»

Толстой отвечает здесь на письмо Черткова от 11 мая, которое уже не застало его в Москве, так как 12 мая он выехал на лето в Ясную поляну, и было получено им там, как видно из Дневника его, 16 мая. Письмо это начинается следующими строками: «Вы, должно быть, были в очень хорошем расположении духа, когда писали мне последнее письмо: оно не только доставило мне большое удовольствие, но и так вообще хорошо на меня подействовало». — Далее Чертков обращается к Толстому с просьбой — дать для прочтения рукописный экземпляр книги его «Критика догматического богословия» одному его знакомому, гр. А. Ф. Гейдену (см. прим. 2 к настоящему письму), который увлекался одно время Владимиром Соловьевым, не удовлетворился им, остановился временно «на православно-церковном направлении», но очень хочет познакомиться с «Критикой догматического богословия». «Я могу поручиться, — пишет Чертков, — что это не из какого-либо любопытства или даже любознатель-

ности, а из действительной потребности возможно основательно, всесторонне, взвесить церковную точку зрения». О самом себе Чертков сообщает, что всё его время по прежнему занято делами матери, что в начале следующего месяца они рассчитывают уехать в Англию и, хотя до отъезда ему придется еще съездить в Лизиновку, но в виду невозможности провести ни одного лишнего дня вдали от матери, он уже не сможет ни остановиться в Москве, ни заехать в Ясную поляну. В заключение он пишет: «Ну, а насчет смерти, Лев Николаевич, вам еще рано умирать, вы слишком еще молоды. Говорю это очень серьезно — вы всегда на меня производите впечатление человека не пожилых лет, а совсем молодого, часто даже моложе меня самого, т. е. бодрее, предприимчивее, сильнее. Я к вам отношусь, я это чувствую, совсем как к сверстнику, и меня это часто удивляет».

[1] «Критика догматического богословия», или, иначе, «Исследование догматического богословия», труд, законченный Толстым в 1881 г., но в 1884 г. еще не напечатанный. В октябре этого года Толстой взялся за дополнительную обработку его. Однако первое издание его, очень неисправное, вышло в свет только в 1891 г., в Женеве, у Элпидина. В исправленном виде книга была напечатана Чертковым в Полн. Собр. запрещенных русской цензурой соч. Толстого, Ч. II, в Англии в изд. «Свободного слова», в 1901 г. Подробнее см. в комментариях к «Исследованию догматического богословия», т. 21.

[2] Гр. Александр Федорович Гейден, — как видно из письма Черткова, кандидат университета, служивший в то время «за неимением лучшего» в одном из департаментов.

[3] Повидимому, Толстой имеет здесь в виду не только «Критику догматического богословия», которую он иногда называет в письмах «обзором богословия», но также и труд свой — «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий», законченный в 1882 г. Это подтверждается последующими строками данного письма, где он говорит о своих «сочинениях», во множественном числе. Есть все основания думать, что Толстой рассматривал эти два больших труда свои, как нечто внутренне-единое, неразрывно связанное основным критическим устремлением по отношению к церковной догматике. (См. прим. 1 к п. № 27 от 1 октября 84 г.) «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий» напечатано впервые в двух томах в Женеве, в изд. Элпидина, в 1892—1893 гг. Дальнейшую историю этого труда в печати см. в комментарии к названному сочинению, тт. 22 и 23.

[4] Установить документально, каких двух ученых и тонких критиков имеет здесь в виду Толстой, не удалось. Суждения их могли быть высказаны устно. Повидимому, одним из этих ученых является Николай Николаевич Страхов (1828—1896), критик и мыслитель, старый друг Толстого, снабжавший его, в период создания «Критики догматического богословия» и «Соединения, перевода и исследования четырех Евангелий», трудами западно-европейских ученых, критически разрабатывавших историю возникновения Евангелий. 2 февраля 1880 г., работая над «Критикой догматического богословия», Толстой пишет ему: «Боюсь, что много пишу

лишнего, и каждый день думаю о вашем суде». Что касается отношения Страхова к произведениям Толстого, направленным против догматического богословия, то о нем можно судить по следующим его письмам. 19 июля 1883 он пишет Н. Я. Данилевскому из Ясной поляны: «Л. Н. Толстой... выучился за эту зиму по-еврейски, и это уже помогает ему в понимании Писания, главном его занятии. Иные из его открытий в этом деле и поразительны своею верностью, и приводят к важным, глубоким результатам. Не подозревайте меня в пристрастии, я, вы знаете, не легко отдаюсь новым взглядам. Но напрасно я ищу у его ведомых и неведомых противников какого-нибудь основательного возражения. Положительная сторона его понимания христианства несомненна, но в отрицательной есть много слабых мест и преувеличений». (Напечатано у Б, II, Госизд., М., 1923, стр. 208.)

[5] Толстой развивает здесь мысль, высказанную ему за несколько дней перед тем профессором математики Московского университета Н. В. Бугаевым (1837—1903) . В Дневнике его за май месяц того же 1884 г. имеются следующие записи на этот счет: *11 мая* — «Пошел к Стороженко... Бугаеву. Бугаев — математик»; *16 мая* — «Прелестная мысль Бугаева, что нравственный закон есть такой же, как физический, только он im Werden [в процессе становления]. Он больше, чем «im Werden», он сознан...»; *19 мая* — т. е. в день, когда Толстой пишет Черткову, — «... Мысль Бугаева зашла мне в голову и придает мне силы». См. об этом также разговор Толстого с Чертковым и П. И. Бирюковым, записанный последним в дневнике его от 22 ноября 1884 г.— в Б, II, Госизд., М,. 1923, стр. 226.—

[6] Как уже было указано, в одном из предыдущих своих писем, от 6 мая, Чертков кратко уведомлял Толстого о том, что перевод этого сочинения его продолжается и он надеется довести его до конца. Но указания на то, когда именно Чертков задумал эту работу и взялся за нее, в письмах его не имеется. Повидимому, уговор на эту тему между ним и Толстым состоялся во время одного из их свиданий в Москве, причем он тогда же высказал намерение исключить из книги, при переводе, наиболее резкие по смыслу места ее. На это указывают относящиеся к данному вопросу строки в письме Толстого № 19, от 6 июня. Дальнейшие письма Черткова и Толстого вновь возвращаются к этой теме. В конечном счете, представив на одобрение Толстого свои небольшие сокращения, Чертков получил его согласие на них. О самой работе над переводом, продолжавшейся с перерывами до середины 1885 г., тоже не раз говорится в дальнейших письмах Черткова, причем из этих писем выясняется, что, оставив за собой общее руководство работою, Чертков вскоре передал ее лектору английского языка петербургского университета Чарльзу Э. Тёрнеру, но перевод оказался местами слишком буквален, вследствие чего был подвергнут Чертковым серьезной переработке, сначала при участии живущего в Петербурге англичанина К. О. Хиса (см. о нем комментарии к п. № 15, от 16 апреля), потом, в Англии, при участии молодого английского литератора Г. В. Баттерсби (H. W. Battersby). В 1885 г. он был издан в Лондоне вместе с переводом «Исповеди» и «Краткого изложения Евангелия», собственно той части его, которая является кратким изложением каждой главы, в книге, получившей по мысли Черткова общее наименование

«Христианство Христа» («Christ's Christianity» by count Leo Tolstoi. Translated from the Russian. London, 1885). Повидимому, Толстой был доволен переводом «В чем моя вера», потому что в мае 1886 г. на просьбу некоей Е. В. Винер выслать ей экземпляр этого сочинения, он, не имея возможности выслать книжку на русском языке, пишет ей: «Если вы свободно читаете по-английски, я пришлю вам английскую. Очень хороший перевод» (см. т. 63, письмо от 20—21 мая 1886 г. Е. В. Винер).

[7] Свободу действий.

[8] Петр Апурин, к которому Чертков был горячо привязан. См. о нем прим. 1 к письму № 6 от 4—6 марта 1884. После смерти отца Чертков вызвал его в Петербург в качестве помощника по текущим делам, но при этом сомневался в правильности своего поступка, усматривая в нем долю эгоизма со своей стороны.

* 19.

1884 г. Июня 6. Я. П.

Получилъ вчера ваше длинное письмо, милый другъ Владиміръ Григорьевичъ. Повторяю вамъ то, что и писалъ и говорилъ— то, что мнѣ очень радостны — нужны ваши письма. Не то, чтобы, оставаясь одинъ, какъ я остаюсь очень часто, я отчаивался, или чтобы находила хотя тѣнь сомнѣнія въ истинѣ, но бываетъ тяжело — быть одному. И голосъ *живаго* человѣка радуетъ и освѣжаетъ. — Ваши опыты хозяйства интересны тѣмъ, что они показываютъ, какое страшно трудное и сложное дѣло предстояло бы вамъ разрѣшать, если бы вы остались независимымъ хозяиномъ. Разрѣшить это дѣло невозможно никакъ иначе, какъ отказавшись отъ всего. — Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы не думали, что можно быть добрымъ владѣльцемъ большого имѣнія. Нельзя быть христіаниномъ, имѣя собственность. Нельзя свѣтить свѣтомъ Христа, когда самъ весь зараженъ ложью жизни. Мы счастливы тѣмъ, что мы можемъ искренно избѣгать собственности, не терпя тѣхъ искушеній, которымъ подвержены бѣдные; но какъ только мы начнемъ что-нибудь дѣлать, пользуясь собственностью, какъ только мы начнемъ соблюдать ее, такъ мы измѣняемъ себѣ. Все, что мы можемъ дѣлать, это — отдавать то, что другіе считаютъ нашимъ, и готовить себя къ тому, чтобы быть въ силахъ довольствоваться наименьшимъ. Тѣ, кот[орые] употребляли морфинъ, лѣчатся тѣмъ, что медленнымъ процессомъ деморфинизируются. Мы такъ заражены, испорчены привычкой пожирать труды другихъ людей (то, что мы называемъ собственностью), что наше

главное дѣло — излѣчиться отъ дармоѣдства, отъ привычки роскоши и искусственныхъ потребностей. И это можно дѣлать всегда и вездѣ. Я этимъ очень занятъ теперь. (Продолжаете вы не курить?)[1] Статью свою о переписи я все продолжаю обдумывать, но еще не написалъ.[2] Тамъ я бы хотѣлъ это ясно выразить.

Сочиненіе свое я отдамъ переписывать и тогда пришлю. Оно будетъ стоить, вѣроятно, рублей 25 или 30. Впрочемъ не знаю. У меня лежатъ два писанные хорошимъ почеркомъ и литографированные экз[емпляра] «Вѣры». Не думайте, что вамъ нужно ихъ взять. Два ужъ я долженъ послать, и остальные мнѣ могутъ понадобиться.

Насчетъ выпусковъ въ англійскомъ переводѣ я вамъ тогда въ Москвѣ сказалъ самую мою искреннюю мысль, что я вамъ вполнѣ довѣряю и что мнѣ даже особенно радостно будетъ видѣть, что̀ именно̀ тутъ лишнее. Потомъ же я написалъ вамъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ соблазна тщеславія — желанія видѣть по-англійски вполнѣ, что лучше бы не выпускать. Даже и теперь я боюсь, что меня руководитъ тщеславіе, и поэтому лучше всего со мной про это не говорите, а дѣлайте какъ хотите.

Вчера вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ получилъ письмо, которое вамъ посылаю.[3] Вотъ тѣ радости, кот[орыя] я имѣю за тѣ тяжелыя минуты глупого унынія, кот[орыя] иногда переживаю.

Ужасно глупое унынiе: унываю о томъ, что посѣянныя сѣмена, и не мои, а Божьи, спрятаны въ землѣ и прорастаютъ въ ней, а не вылѣзаютъ наружу, какъ мнѣ, по глупости моей, хочется, чтобы я могъ видѣть, что сѣмена цѣлы.

Письмо очень хорошее, простое, ясное.[4] Одно, что я по письму не могу вполнѣ понять человѣка (по личному общенію я могу всегда рѣшить главный вопросъ искренности). Если вамъ можно, повидайте его. Я сейчасъ попытаюсь написать ему.

Напишите же мнѣ, въ чемъ вы несогласны со мной. По отношенію къ вамъ у меня странное чувство: ваше несогласіе впередъ нисколько не огорчаетъ меня (огорчаетъ потому, что я или былъ неправъ или неясенъ), но только интересно. Должно быть отъ того, что я васъ истинно люблю. Л. Т.

Адресъ мой: Тула (И больше ничего).

Полностью печатается впервые. Отрывки были напечатаны в СК, стр. 129 и в сборнике «Толстой и о Толстом», М., 1924, стр. 39. На подлиннике пометки рукой Черткова: слева — «9 июня 84», справа — «Пол. 15 июня 84». Датируем на основании записей в Дневнике Толстого от

5 и 6 июня: в первой из них говорится о получении писем от «Черткова и офицера», во второй — о том, что ответ, написанный офицеру, не послан, а письмо Черткову послано. В тексте этого письма речь идет и о письме офицера (см. ниже).

Толстой отвечает здесь на два письма Черткова— от 15—16 мая и от 31 мая. В первом из них Чертков выражает просьбу заказать для его знакомого, гр. А. Ф. Гейдена (о нем см. предыдущее письмо Толстого № 18, от 19 мая, и прим. 2 к нему) рукописную копию книги «В чем моя вера». Затем, сообщая последние сведения о состоянии своей матери, он пишет, что читал ей из книги А. С. Пругавина «Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством» рассказ о Соловецких узниках и что такого рода явления, как описываемые Пругавиным, всё больше и больше отталкивают его от церкви, «представители которой допускают попытки поддерживать ее такими злодеяниями».В заключение он говорит о религиозных настроениях вышеупомянутого гр. А. Ф. Гейдена и П. И. Бирюкова (о Бирюкове см. прим. 4 к письму № 50 от 25—26 марта 1885), которые приходили к нему накануне читать «В чем моя вера»; «Гейдена очень интересует, но во многом он склонен не соглашаться. Бирюков же находится в таком положении, что признает, что Христос именно то хотел сказать, что вы говорите... Но Бирюков еще не решается признать справедливость, практичность учения. Он всё старается сообразить, какие могут быть последствия от безусловного исполнения этого учения. И он сомневается в удачности этих последствий. А мне кажется, что человеку не дано знать последствий своих поступков. Его природа слишком ограничена для того. Разумею, конечно, последствия не ближайшие, которые, действительно, поддаются обсуждению и тем многих обманывают, а — последствия дальнейшие, т. е. именно те, которые имеют наибольшее значение для общества, для совокупности людей». Толстой отмечает получение этого письма в своем Дневнике от 20 мая 1884 следующими словами: «Получил письмо Черткова. Луч света в мрак...» — Следующее письмо Черткова, от 31 мая, есть то «длинное письмо», упоминанием о котором Толстой начинает свой ответ. Оно затрогивает несколько различных тем, и все они встречают тот или иной отклик в письме Толстого. Первая часть письма относится к деловой поездке его в Лизиновку, где Чертков за несколько времени перед тем решил обосноваться хозяйственным образом на отведенном ему хуторе: «Вчера, — пишет он, — я вернулся из деревни, куда ездил на два дня, чтобы повидаться с управляющим и сделать кое-какие необходимые распоряжения. Он, видимо, старался вовлечь меня в интерес управления имениями... на разные лады высказывая необходимость ему знать мой личный взгляд на ведение хозяйства и т. п. Я с своей стороны категорично ему высказал, что мой взгляд в этом деле не причем, так как имением теперь владеет моя мать, я играю только роль ее посредника...». И далее: «Я там вечерком поехал верхом с Петром и Петром-кучером на поля, отведенные под мой хуторок, и мы застали в нескольких местах крестьянский скот на моем сенокосе. Я приступил к новой системе предупреждения этого и отнесся дружелюбно к пастухам, упрекнул их в том, что они не держатся своих полей, просил их больше этого не делать и получил от них обещание. Разумеется, они, может быть, в ту же ночь опять

вернулись, но тем не менее я уверей, что настойчивостью и кротостью можно в этом деле добиться своего, как и во всяком другом. Любопытно было за ужином прислушиваться к отзывам об этой системе кучеров и конюхов. Один только Петр признает возможность таких отношений с крестьянами. Другие все поднимали на смех мои идеалистические опыты и предсказали полную неудачу». Говоря о поездке в деревню, Чертков попутно отвечает на вопрос Толстого, в письме его от 19 мая, об отношениях со своим молодым деревенским другом Петром Апуриным, которого он временно вызывал в Петербург, а затем, как это можно заключить из текста его письма, вновь отвез в деревню: «Отношения мои с Петром, — говорит он,— вовсе не пострадали во время нашего пребывания в Петербурге, хотя мы здесь и меньше виделись. Дружба наша спокойная и, мне кажется, прочная. Расставаясь с ним, я всё больше и больше убеждаюсь, до какой степени он мне дорог и близок». Следующая часть письма Черткова относится к высылке главы «пашковцев», В. А. Пашкова, мужа его тетки по матери (см. о нем прим. 2 к п. № 22, от 24 июля 1884), и единоверца его гр. Модеста Корфа, организовавшего вместе с Пашковым съезд представителей сектантов: «Вернувшись сюда, — пишет Чертков по этому вопросу, — я был возмущен до буквальной тошноты известием, что Пашкова и его единоверца Корфа изгоняют из России. Им предложили... подписать такие условия, на которые не может согласиться не только никакой верующий, но даже просто честный человек. Они должны были отказаться от всякого распространения своих убеждений, обещаться не раздавать никому ни одной книги, никогда не собираться для молитвы, не входить ни в какие сношения с сектантами. Они отказались подписать эту бумагу. Тогда им было передано повеление выехать из России с тем, чтобы и из-за границы они не вступали в переписку и ни в какие другие отношения с кем-либо из сектантов. В противном случае будет наложен секвестр на всё их имущество. О дне выезда им будет сообщено... Меня возмущает не отношение государственной власти, которая вся основана на насилии, но меня возмущает, что церковь, считающая себя представительницей учения Христа, допускает *такую* защиту того, что она считает истиной. Я чувствую, что для меня это последняя капля в стакане, и хотя я вовсе не разделяю понимания Пашкова, однако, еслибы теперь меня спросили, какого я вероисповедания, я ответил бы — христианского, не причисляя себя ни в какому из признанных вероисповеданий». В последней значительной части своего письма Чертков отвечает на возражение Толстого против напечатания перевода книги его «В чем моя вера» с пропусками (см. прим. 6 к № 18, от 19 мая): «Что вы говорите о печатании «В ч[ем] м[оя] в[ера]» с пропусками в Англии, — говорит он, — я хорошо понимаю, и мне не хотелось бы этого делать особенно теперь, что знаю, что вы видите в этом неудобство. Но я уверен, что и вы поймете, что в этой книге есть места, которым я настолько не сочувствую, что не решусь быть орудием их издания и распространения. Слово сказанное или переданное часто действует сильнее многих дел — вы с этим наверное согласны. А потому, как я не считаю себя вправе делать того, что против моих убеждений, так точно я не считаю себя вправе издавать то, что противно им. Может быть, я вовсе не издам вашей книги. Может быть, гектографирую ее и разошлю

некоторым лицам. Во всяком случае ничего не предприму, не сообщив вам предварительно. Боюсь, что вам неприятна такая как будто цензура с моей стороны ваших мыслей. Но я не *мешать* хочу распространению вашей мысли в ее полности, а только желал бы самому содействовать распространению только таких мыслей, которые, положа руку на сердце, я признаю за истину». — Толстой, как видно из его письма, принял это заявление Черткова наилучшим образом.

[1] Сам Толстой старался в это время отучить себя от куренья, что давалось ему очень трудно. В Дневнике от 12 мая 1884 г. он записывает: «Пытался не курить. Подвигаюсь». Но окончательно бросить курение ему удалось лишь четыре года спустя — весною 1888 г.

[2] Статья «Так что же нам делать». См. прим. 6 к п. № 15 от 25—27 апреля.

[3] Толстой говорит о письме незнакомого ему офицера, которого Чертков, ознакомившись с этим пересланным ему письмом и отвечая Толстому, называет «стрелковым прапорщиком». Письмо его не сохранилось, и установить его фамилию не удалось. Из дальнейших слов Толстого и ответа Черткова видно только, что он жил в Петербурге. О содержании же его письма и о причинах той радости, которое оно принесло Толстому, можно судить по сохранившемуся ответному письму Толстого от 6 июня 1884 г., из которого приводим всё наиболее в данном случае существенное: «Если я мог написать то, что изменило ваш взгляд на жизнь и если вы могли так понять то, что я написал, то это только потому, что это не мои (Льва Николаевича) мысли, а это истина Божеская, которая в сердце вашем, в моем, в сердце всех людей. Если же бы я написал вам, что̀ вам делать в тех условиях, в которых вы находитесь, я бы написал вам свои, Л[ьва] Н[иколаевича], мысли, которые не имеют никакого значения и, вероятно, были бы вздор... Вы говорите, что вы находитесь в ложном положении. Всякий находится в нем в нашем мире; но ученик Христа сознает это свое ложное положение. Не надо думать, что христианин может выйти из соблазнов мира и жить вне их... Для вас теперь первый вопрос — военная служба. Разумеется, нельзя продолжать служить, и вы выйдете из службы, если вы искренни; но жизнь ваша никогда не может устроиться так, чтобы вы были вне зла, — явятся другие соблазны: — брачной жизни, собственности, с которыми вы опять будете бороться»... (Письмо это полностью см. в т. 63.) Однако Толстой этого письма, повидимому, так и не отослал, потому что в Дневнике своем, отметив 5 июня получение письма от «офицера», на следующий день, 6 июня, он записывает: «Писал письма: Толстой и офицеру, не послал. Черткову послал». Никаких дополнительных сведений о сношении его со «стрелковым прапорщиком» не имеется.

[4] См. предыдущее прим. к данному письму.

* 20.

1884 г. Июня 24. Я. П. *24 июня.*

Получилъ ваше хорошее письмо изъ Лондона, милый другъ Вл[адиміръ] Гр[игорьевичъ], и порадовался на то, что вы мнѣ

пишете о вашемъ взглядѣ на собственность. Складывается у васъ это по своему, но пониманіе дѣла настоящее — единственно возможное для всякаго человѣка, а для христіанина неизбѣжное. Что вы дѣлаете въ Лондонѣ? Какъ живете? Кого видаете? Что работаете? «Нетрудящійся да не ястъ».[1] Прелестное изреченіе Павла. Я на своихъ дѣтяхъ вижу ужасъ этой привычки жить на всемъ готовомъ на счетъ другихъ. И на себѣ видѣлъ и вижу. — Вашъ разговоръ съ Петромъ [2] о цѣпочкѣ мнѣ не понравился. Содержаніе его очень важно. Вы, вѣрно, очень пристрастны къ нему. Вы были совершенно правы. И зачѣмъ же не обличать другъ друга? Надо обличать. Всякому радостно обличеніе, хотя и бываетъ горько его принимать, — какъ хининъ, тѣмъ болѣе отъ любящаго человѣка. Я напримѣръ, страшно нуждаюсь въ этомъ — въ обличеніи. И рѣдко имѣю это счастіе. Большей частью меня обличаютъ, и съ желчью, въ томъ, что я не служу дьяволу. Этого рода обличенія только вредятъ, ибо производятъ сознаніе своей относительной справедливости и раздраженіе. Людей же одной со мной вѣры около меня нѣтъ, а когда они со мной, то они слишкомъ снисходительны ко мнѣ отъ радости единенія, такъ же, какъ и я.

У насъ въ семьѣ все плотское благополучно. Жена родила дѣвочку. [3] Но радость эта отравлена для меня тѣмъ, что жена, противно выраженному мною ясно мнѣнію, что нанимать кормилицу отъ своего ребенка къ чужому есть самый не человѣческій, неразумный и нехристіанскій поступокъ, все-таки безъ всякой причины взяла кормилицу отъ живого ребенка. — Все это дѣлается какъ-то не понимая, какъ во снѣ. Я борюсь съ собой, но тяжело, жалко жену.

Живу я нынѣшній годъ въ деревнѣ какъ то невольно по новому: встаю и ложусь рано, не пишу, но много работаю, то сапоги, то покосъ. Прошлую недѣлю всю проработалъ на покосѣ. И съ радостью вижу (или мнѣ кажется такъ), что въ семьѣ что то такое происходитъ, они меня не осуждаютъ и имъ какъ будто совѣстно. Бѣдные мы, до чего мы заблудились. У насъ теперь много народа—мои дѣти [4] и Кузьминскихъ, [5] и часто я безъ ужаса не могу видѣть эту безнравственную праздность и обжираніе. Ихъ такъ много, они всѣ такіе большіе, сильные. И я вижу и знаю весь трудъ сельскій, кот[орый] идетъ вокругъ насъ. А они ѣдятъ, пачкаютъ платье, бѣлье и комнаты. Другіе для нихъ все дѣлаютъ, а они ни для кого, даже для себя — ничего. И это

всѣмъ кажется самымъ натуральнымъ, и мнѣ такъ казалось; и я принималъ участіе въ заведеніи этого порядка вещей. Я ясно вижу это и ни на минуту не могу забыть. Я чувствую, что я для нихъ trouble fête, [6] но они, мнѣ такъ кажется, начинаютъ чувствовать, что что-то не такъ. Бываютъ разговоры — хорошіе. Недавно случилось: меньшая дочь заболела, [7] я пришелъ къ ней, и мы начали говорить съ дѣвочками, кто что̀ дѣлалъ цѣлый день. Всѣмъ стало совѣстно разсказывать, но разсказали и разсказали, что сдѣлали дурное. Потомъ мы повторили это на другой день вечеромъ, и еще разъ. И мнѣ бы ужасно хотѣлось втянуть ихъ въ это — каждый вечеръ собираться и разсказывать свой день и свои грѣхи! Мнѣ кажется, что это было бы прекрасно, разумѣется, если бы это дѣлалось совершенно свободно. [8] Пишу вамъ и постоянно думаю о вашей матери. Мнѣ почему то кажется, что она относится ко мнѣ враждебно. Если можете, напишите мнѣ про это. Отъ меня же передайте ей мою любовь. Потому что я не могу не любить *вашу* мать. И мнѣ бы больно было знать, что я ей непріятенъ. [9] Прощайте.

Л. Т.

Полностью печатается впервые. Отрывок был напечатан в Б, III, Госизд., М., 1922, стр. 1—2. На подлиннике — дата «24 июня» проставлена рукой самого Толстого, и никаких других пометок на нем не имеется.

В промежутке времени от написания Толстым его предшествующего письма к Черткову до этого письма он получил от Черткова три письма: два из Петербурга, от 2 июня и 9 июня, и одно из Лондона. В первом из этих трех писем Чертков сообщает, что они с матерью переехали в дом уезжающих за границу Пашковых (см. прим. 2 к п. № 22 от 24 июня), что учрежденное Пашковым и его друзьями «Общество для распространения духовных книг» закрыто и даже благотворительной деятельности матери его, Елизаветы Ивановны Чертковой, принадлежащей к группе евангеликов-пашковцев, угрожают гонения со стороны полиции, которые могут заставить ее, несмотря на желание продолжать работу в приюте и среди бедных в Петербурге, последовать за Пашковыми в Англию. Описывая тяжелое положение матери, лишившейся всего, что составляло привычную для нее жизнь, Чертков говорит: «... иногда, когда сидим вместе и оба молчим, она посмотрит на меня так, так уныло, покачает головой, челюсть запрыгает, и она тихо заплачет. У самого себя тогда чувствуешь какое-то неполагающееся сокращение в горле. Теперь мы с нею идем в старую квартиру распоряжаться укладкою». По получении этого письма, 9 июня, Толстой отмечает в своем Дневнике: «Письмо от Черткова. Мать из него будет веревки вить», — и прибавляет: «ужасные люди женщины, выскочившие из хомута». — В небольшом письме Черткова от 9 июня,

написанном накануне отъезда в Лондон и являющемся как бы продолжением краткого уведомления его об этом от 30 мая, он сообщает, что гектографированный им «ответ Энгельгардту», который Толстой дал ему с разрешением поступать с ним по собственному усмотрению, «пошел по миру». (Об «ответе Энгельгардту», см. ниже, прим. 4 к письму № 56 от 7 мая 1885, а подробнее — в т. 63, в прим. к письму Толстого Энгельгардту от 20 дек. 1882—10 января 1883 г.) «Мне кажется, — пишет далее Чертков, — что ответ этот может быть полезен революционерам (в полицейском смысле слова), может побудить их призадуматься. Но я лично не со всем, что там сказано, согласен». Получение этого письма Толстой тоже отмечает в своем Дневнике, 12 июня: «Письмо Черткова. Он гектографировал письмо Энгельгардту и пишет бодро и любовно». — Третье письмо Черткова, от 15 июня, из Лондона, куда было переслано ему из Петербурга не заставшее его там предыдущее письмо Толстого, от 6 июня, приводим здесь в тех частях, на которые имеется ответ в письме Толстого или которые отвечают на его предыдущее письмо: «Сегодня получил от вас письмо (с письмом к вам от Стрелкового прапорщика)..., — пишет Чертков. — Письмо прапорщика действительно отрадное, и я уверен, что таких людей должно постепенно набраться много и много. В Петербурге непременно с ним познакомлюсь. Сомнения относительно искренности новых знакомых я также слишком понимаю. Для меня эти сомнения бывают очень мучительны, и я взял за правило всегда поступать с человеком, как бы вполне ему доверяя... По этой системе я несколько раз попадался впросак и часто терпел много серьезных неприятностей, и всё-таки не отказываюсь от нее, потому что это единственный путь избежать суда над ближним. Притом я уверен, что беспредельное доверие хорошо влияет на человека неправдивого и может ему помочь, т. е. вызвать в нем сожаление, а это уже первый шаг к исправлению. Что вы говорите о собственности, мне кажется почти вполне справедливым. ... Я себя спрашивал, как я поступил бы, еслиб в силу обстоятельств стал юридическим владельцем имения моего покойного отца, и уже разрешил вопрос в том смысле, что продал бы дешево крестьянам земли и угодья, принадлежащие к их сёлам и им весьма нужные. Деньги бы определил на какое-нибудь дело полезное для них в совокупности и по их собственному выбору. Затем я больше не вмешивался бы. По крайней мере вмешивался бы только настолько, насколько они сами обращались бы ко мне за содействием... Теперь отвечу вам на ваши вопросы. 1. Не курить я продолжаю. 2. Отношения с Петром в Петербурге нисколько не пострадали, да и не могут они, мне кажется, скоро пострадать... Он для меня столько в жизни, что еслиб, боже сохрани, с ним что-нибудь случилось бы, то мне жутко только об этом думать. В Петербурге у нас было довольно оживленное рассуждение по поводу серебряной цепочки (очень впрочем дешевой), которую он себе купил. Он меня постоянно предупреждает против лишних расходов, и я очень [доволен] этими указаниями, так как я склонен всё предпринимать на широкую ногу и тратить много лишнего. Поэтому мне стало жаль, что он сам начал отступать от нашего уговора тратить как можно меньше на самих себя. Я чувствовал, что если он сам будет отступать от этого положения, то и для меня его указания потеряют много своей силы и что нам обоим и нашему

делу будет от этого хуже. Я ему всё это высказал... Последовал довольно оживленный спор, настойчивый с той и другой стороны, в конце которого он согласился, что я был прав... Но он при этом высказал мне, что лучше было бы пожалуй, еслибы каждый из нас замечал свои собственные уклонения и не учил бы другого, когда тот этого не спрашивает. Я тогда ясно понял свою ошибку и увидел, что, как обыкновенно, он был прав: я понял, что наш уговор указывать друг другу на наши ошибки истекал из моей головы и отличался искусственностью. Я понял, что чем проще делать вещи, тем лучше, и главное, что не надо обличать других, а только помогать им в тех случаях, когда они просят помощи... — Относительно вашего сочинения [«В чем моя вера», в английском переводе] я думаю поступить таким образом: не делая никаких пропусков, напечатать его отдельною книгою в незначительном количестве экземпляров для раздачи некоторым личностям. Кроме того, попытаться напечатать сочинение сполна в одном из самых серьезных журналов. Но дать этой книге более широкое распространение в настоящем ее виде я не могу взять на себя,ибо чувствую, что если она случайно будет попадать в руки молодых людей, недостаточно закаленных в различных сомнениях, то отрицательная сторона ее может искусственно возбудить сомнения там, где без них пока лучше».

[1] 2-е послание ап. Павла к Фессалонникийцам, гл. III, ст. 10. В русском переводе: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь».

[2] Петр Апурин, см. прим. 1 к п. № 6, от 4—6 марта 1884 г.

[3] Девочка — Александра Львовна, родившаяся за неделю до написания этого письма — 18 июня 1884 г.

[4] Старшие дети Толстого, о которых он говорит здесь: Сергей (род. 1863), Татьяна (род. 1864), Илья (род. 1866), Лев (род. 1869), Мария (1871—1906).

[5] Дети младшей сестры Софьи Андреевны, Татьяны Андреевны, урожд. Берс (1846—1925), и мужа ее, Александра Михайловича Кузминского (1843—1914), в то время председателя петербургского окружного суда, впоследствии сенатора. Трое сыновей их — Михаил (р. 1875), Александр (р. 1880), Василий (р. 1882) — и две дочери, Мария (р. 1869) и Вера (р. 1871), были дружны с детьми Толстого.

[6] Помеха.

[7] Марья Львовна, в то время тринадцатилетняя девочка, от рождения очень болезненная.

[8] В Дневнике Толстого от 20, 24 и 25 июня он говорит об этих попытках установить откровенные беседы с молодежью, которые должны были, по его убеждению, пробудить в них нравственную сознательность. Однако в дальнейших записях Дневника того времени упоминаний об этом больше не имеется.

[9] В своем примечании к этим словам А. К. Черткова говорит: «Предположение Толстого о враждебном отношении к нему Е. И. Чертковой было основано на том, что критическое отношение его к религиозным догматам должно было вызвать неприязнь как церковников, так и евангеликов, верования которых разделяла Е. И. Черткова. Действительно, она постоянно опасалась влияния Толстого на ее сына и только к концу жизни,

с развитием в ней полной терпимости, стала относиться к нему беспристрастно и доброжелательно». На эту тему см. комментарий к письму Толстого № 22, от 24 июля 1884 г., и самое его письмо.

* 21.

1884 г. Июля 11. Я. П.

Давно не писалъ вамъ и давно не получалъ отъ васъ писемъ. Въ вашемъ послѣднемъ письмѣ вы опять говорите о собственности. Я боюсь, что вы защищаете себя. Я думаю такъ: собственность съ правомъ защищать ее и съ обязанностью государства обезпечивать и признавать ее есть не только не христіанская, но антихристіанская выдумка. — Для христіанина важно одно: *не жить такъ, чтобы ему служили, а такъ, чтобы самому служить другимъ.* И эти слова, если признавать ихъ въ ихъ простомъ и ясномъ смыслѣ, надо относить къ самымъ простымъ и очевиднымъ вещамъ, т. е. чтобы не мнѣ служили за столомъ, а я служилъ бы другимъ, не мнѣ закладывали лошадь, а я бы заклад[ывалъ] ее другимъ, не мнѣ бы шили платье и сапоги, не мнѣ бы варили супъ, кофе, кололи дрова, выносили горшки, а я бы дѣлалъ это для другихъ. Изъ того, что всего нельзя самому дѣлать и есть раздѣленіе труда, никакъ не вытекаетъ то, что я ничего не долженъ дѣлать, какъ только умственную, духовную работу, кот[орая] выражается моей физической праздностью, т. е. работою однимъ языкомъ или перомъ. Такого раздѣленія труда, при к[оторомъ] одни люди должны нести непосильную, безостановочную работу, часто старики, дѣти и подъ рядъ безъ выбора и глупые, и геніальные люди, а другіе тоже безъ выбора, а подъ рядъ глупые съ умными занимаются играніемъ на фортепьяно, или чтеніемъ лекцій, или книгъ, или проповѣдей, такого раздѣленія труда не можетъ быть и никогда не было, а есть рабство, угнетеніе однихъ другими, т. е. самое антихристіанское дѣло. И потому для христіанина самое умственное и духовное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы не содѣйствовать этому, лишать себя возможности эксплуатировать трудъ другихъ и самому сознательно становиться въ положеніе тѣхъ, к[оторые] служатъ другимъ. — Я такъ думаю. — И потому считаю, что деньги мѣшаютъ этому, и потому единственное отношеніе къ нимъ христіанина это то, чтобы избавиться отъ нихъ. Hamilton [1] ужасно интересуетъ меня, напишите пожалуйста о немъ еще. [2]

Полностью печатается впервые. Большой отрывок, с сокращениями, был напечатан в СК, стр. 156—157. На подлиннике пометка рукой Черткова: «Получ. 19 июля». Датируем на основании записи в Дневнике Толстого от 11 июля: «Написал Черткову», принимая во внимание, что других писем его к Черткову с 24 июня до конца июля не было.

Толстой отвечает здесь на два письма Черткова из Лондона — от 18 июня и 25 июня 1884 г. Первое из этих писем, вызвавшее пространное возражение Толстого, приводим почти целиком. «В понимании собственности, — пишет Чертков, — мы, кажется, очень сходимся. Но этот вопрос для меня соединен еще с некоторыми затруднениями, которые мне еще не удалось удовлетворительно выяснить. Вы говорите: «Нельзя быть христианином, имея собственность». Но я не уверен, что вполне понимаю ваш взгляд. С моей точки зрения для христианина собственности *нет* и не может быть. Всё принадлежит одному хозяину — богу. Собственность — понятие вымышленное, относительное — в действительности не существующее само по себе. Но все мы имеем в нашем распоряжении различные средства, которыми мы вольны так или иначе распоряжаться. Главное, ничего не считать своим, своей собственностью, — ни свой ум, ни свои способности, ни свою силу, в какой бы форме она ни осуществлялась, в форме ли нравственного и умственного влияния на ближнего или в форме физической работы, или в форме денег, т. е. возможности влиять на материальную обстановку людей. Отказаться от какого-либо разряда этих средств навряд ли кто из нас имеет право... В настоящую минуту меня занимает вопрос о собственности в тесном смысле слова, т. е. о денежных средствах, находящихся в моем распоряжении. Я буду говорить о себе лично. Я получаю теперь около 20 тыс. рублей ежегодно от своей матери. Деньги эти достаются мне без всякого насилия с моей стороны. Мать моя мне их передает, а каким образом она их получает, мне до этого дела нет. Я мог бы от них отказаться, жить около своей матери на ее иждивении. Но что из этого вышло бы? — Для меня лично громадное удобство и упрощение своей жизни, уменьшение своих забот. Но вместе с тем громадная потеря для той массы лиц, нуждающихся именно в материальной помощи, которых я постоянно встречаю в жизни. Не знаю, но мне кажется, что пока деньги лезут в карман сами собою или по крайней мере совершенно независимо от каких-либо моих усилий и пока никто другой не отнимает их от меня, покуда мне не приходится защищать их, я не имею права отказываться от возможности помогать тем, кто нуждаются в материальной помощи. Другое дело, еслиб я должен был производить над другими некоторое насилие для получения этих денег, напр., заставлять рабочих работать и т. п...» По получении этого письма Толстой пишет в Дневнике своем от 25 июня: «Вечером из Тулы письмо от Черткова. Ему страшно отказаться от собственности. Он не знает, как достаются 20 т. Напрасно. Я знаю — насилием над замученными работой людьми. Надо написать ему».

В письме от 25 июня Чертков сообщает о свидании «с одним из вожаков так называемых христианских социалистов», пастором англиканской церкви. «Мы с ним сошлись в очень многом, чего я, признаться, вовсе не ожидал, — пишет Чертков. — Я к своей радости убеждаюсь, что и здесь, в Англии, есть движение в том же направлении, которому мы оба сочув-

ствуем». В подтверждение этого он передает содержание двух прочитанных им книг, которые он несколько времени спустя переслал Толстому; одна из них, в данном письме не названная им, — повесть английского автора Г. В. Пэллей «The Ground Ash» (см. о ней ниже, прим. 2 к п. № 23, от 13—15 августа 1884), другая — роман Л. Олифанта «Piccadilly». Этот роман обнаруживает всю безнравственность, все ханжество лондонского «высшего общества», — говорит Чертков, — и автор кончает свои записки решением уехать в Америку с одним другом и попытаться там зажить согласно учению Христа. «Но, главное, говорят, что этот человек действительно прожил вместе с своей женой в одном братстве в Америке, которое, судя по отрывочным рассказам, старается осуществлять учение в том же смысле, как мы его понимаем. Я стараюсь добраться до этого Oliphant, автора книги, и узнать от него об этом американском «Братстве новой жизни», основанном неким Thomas Harris. Все это в высшей степени отрадно и интересно».

Лоуренс Олифант, о котором говорит в этом письме Чертков (Laurence Oliphant, 1829—1888) — английский писатель и путешественник, написавший, между прочим, и книгу о путешествии в Россию, с 1865 г. — член английского парламента, под влиянием религиозного мыслителя Т. Л. Гарриса (Thomas Lake Harris) отказался от своей парламентской деятельности и переселился в основанную Гаррисом общину, в Брентон, в Сев. Америке, где прожил три года, занимаясь земледельческим трудом. О некоторой связи идей Гарриса с идеями Толстого можно судить по тому, что в списке книг яснополянской библиотеки имеются названия нескольких книг Гарриса, присланных Толстому их автором с соответствующей надписью, в том числе книги: «Brotherhood of new life». Santa-Rosa, 1891 и «God's Breath in man and in human society», Santa-Rosa, 1891.

[1] Обращаясь к Черткову с просьбою написать ему еще о Hamilton'е, который «ужасно интересует его», Толстой, очевидно, имеет в виду не Hamilton'а, а Harris'а, о котором только что писал ему Чертков (см. выше). Известно, что Толстой не обладал хорошей памятью на имена и иногда путал их. Какого-либо упоминания о Hamilton'е нет не только в предшествующих письмах Черткова, но и в письмах других корреспондентов Толстого того времени.

[2] Подписи Толстого на этом письме, как и на некоторых других его письмах к Черткову, не имеется.

* 22.

1884 г. Июля 24. Я. П.

Милый и дорогой другъ Владиміръ Григорьевичъ. Я только что упрекалъ себя за то, что давно не писалъ вамъ, не отвѣчалъ на послѣднія ваши письма, съ отвѣтомъ вашей матери, какъ получилъ ваши два послѣднія письма: одно о томъ, чтобы я

писалъ для народа, и о любви къ ближн[ему], *какъ къ самому себѣ*, а другое съ выписками изъ книги Math[ew] Arnold'a [1] и съ 2-мя вопросами: о помощи, получаемой черезъ молитву отъ внѣшняго Бога, и о томъ, хорошо ли отречься отъ отвлеченнаго чтенія и «опроститься» умственно. Письма прекрасныя, т. е. радостныя для меня, заставляющія меня больше и больше любить васъ. Кстати скажу — я всѣ письма ваши получилъ (и о Пашковѣ) [2] и книги, за к[оторыя] очень благодаренъ. Я прочелъ и брошюру, [и] Picadilly. [3] Брошюра мнѣ не понравилась. [4] Ее писалъ несвободный человѣкъ, тотъ, въ к[оторомъ] есть ложка дегтю, портящая всю бочку меду. Picadilly же прекрасно. Единственный недостатокъ — но очень большой, что о предметахъ святыхъ, о единомъ на потребу, говорится рядомъ съ пустяками и тономъ легкимъ и бьющимъ на художественность и остроуміе. То, что для насъ составляетъ весь смыслъ жизни — нашу вѣру, знаютъ многіе, но кнесчастью очень немногіе знаютъ, что это не только главное, но единое и что про это нельзя говорить съ украшеніями, съ изяществомъ. Про это нельзя говорить, это надо выплакивать слезами, и когда нѣтъ этихъ искренныхъ слезъ, нельзя говорить «нарочно», нельзя осквернять легкомысленнымъ прикосновеніемъ. — Вы говорите мнѣ, что я долженъ это сдѣлать. Но, другъ мой, я только одного этаго желаю, живу только тѣмъ, что надѣюсь сдѣлать это — передать свою вѣру другимъ. Но знаю, что если я это буду дѣлать для себя, я ничего не сдѣлаю, а сдѣлаю только тогда, когда я буду покорнымъ и не имѣющимъ своей личной цѣли орудіемъ воли Божьей. Я боюсь сказать даже, что я надѣюсь сдѣлать то, что вы отъ меня требуете. Но то, что вы требуете этаго отъ меня, радуетъ и поощряетъ меня. Ваши упреки были бы мнѣ больнѣе, если бы я чувствовалъ, что я дѣлаю что нибудь другое, чѣмъ то, что вы мнѣ велите дѣлать. А, слава Богу, я ничего другаго нынѣшнее лѣто не дѣлалъ, какъ только живу такъ, чтобы приготовить себя къ этому. Я много пережилъ въ это лѣто. Много перестрадалъ, и — дай Богъ, чтобы я не ошибался — многое, кажется мнѣ, сдѣлалъ въ семьѣ. Какая радостная и противуположная всѣмъ человѣческимъ дѣламъ [?] — то, что на пути Божьемъ нѣтъ ни усталости, ни охлажденія, ни, тѣмъ болѣе, возврата. Я вижу это по себѣ, по васъ, по всѣмъ тѣмъ рѣдкимъ людямъ, к[оторыхъ] я знаю и к[оторые] вступили на этотъ путь. — Тяжело, мучительно часто въ мірскомъ

смыслѣ, что дальше, то тяжелѣе и мучительнѣе, надежды на осуществленіе чего-нибудь въ этомъ мірѣ при себѣ — никакой, и никогда не только вопроса о томъ, не измѣнить ли мнѣ мой путь, но никогда сомнѣнія, колебанія или раскаянія. Это именно тотъ единый истинный тѣсный путь. Гдѣ бы и какъ бы удобно и пріятно я ни шелъ, если я не на пути — можетъ быть сомнѣніе. Его нѣтъ только на одномъ узкомъ и истинномъ. И на всѣхъ другихъ путяхъ есть разнообразіе и споръ, на одномъ этомъ единство полное не только съ тѣми, к[оторые] одинаково со мной думаютъ и говорятъ, но со всѣми, съ тѣми, к[оторые] отрицаютъ Христа, даже и съ тѣми, кот[орые] каждый по своему понимаютъ его. Удивительное дѣло (какъ это имъ самимъ не бросается въ глаза!), ваша мать, Пашковъ (которому передайте мой дружескій привѣтъ), православные, католики, атеисты осуждаютъ, отвергаютъ меня (христіане часто противно ученію Христа дѣлаютъ мнѣ больно), но я нетолько не осуждаю ихъ (и это я говорю не for argument's sake),[5] а искренно, какъ я и не могу иначе чувствовать и говорить, но привѣтствую ихъ на истинномъ пути всякій разъ, какъ они стоятъ на немъ, радуюсь ихъ успѣхамъ и не могу иначе выразить моего чувства къ нимъ, какъ люблю ихъ. Недавно я читалъ газету de l'armée du Salut.[6] Мнѣ странна, непонятна ихъ форма выраженія, но дѣятельность ихъ, ведущая къ воздержанію, къ любви, къ вниманію къ ученію Христа, возбуждаетъ во мнѣ любовь и уваженіе къ нимъ и радость. Неужели то ученіе Христа, при кот[оромъ] нужно спорить съ 9/10 міра и отвергать ихъ отъ себя, ближе духу Христа, чѣмъ то, при [которомъ] нѣтъ даже возможности съ кѣмъ нибудь расходиться изъ-за ученія Христа, и вмѣстѣ съ тѣмъ такое, при кот[оромъ] вся жизнь поглощена имъ и руководима имъ?

Но я напрасно увлекся аргументами, к[оторые] никого не убѣждаютъ. Слѣпому нельзя говорить о цвѣтахъ и еще меньше можно спорить о нихъ. Недавно, читая статьи «арміи спасенія», я себѣ объяснилъ ихъ дѣятельность и душевное состояніе и мое отношеніе къ нимъ. Помню, вы мнѣ объяснили путь, к[оторымъ] они приходятъ къ Христу: 1) страхъ передъ вѣчными мученьями, 2) надежда на спасеніе отъ нихъ, 3) ученіе объ искупленіи, 4) вѣра въ это ученіе и есть то спасеніе. — Путь этотъ очень страненъ для меня. Я съ дѣтства никогда не вѣрилъ въ загробныя мученія и знаю большую половину людей, к[оторые] не

могутъ вѣрить въ это. Но знаю и людей, к[оторые] вѣрятъ въ это — преимущественно женщины. Этотъ 2-ой разрядъ людей (мнѣ кажется, что ихъ характерная черта есть сердечная холодность) мало способенъ къ тому, чтобы познать радость любви, и потому онъ приводится къ любви — страхомъ. — Знаете, какъ стадо гонятъ поить. Одни, энергическіе субъекты, бѣгутъ сами къ водѣ отъ жажды, другихъ надо подогнать. — И вотъ мнѣ кажется, что эта армія спасенія и ученіе это исполняетъ это дѣло — то дѣло, к[оторое] прежде исполняла церковь (но устарѣла и компрометировалась). Это ученіе подгоняетъ людей къ ключу воды живой — и больше ничего уже не можетъ дѣлать. Оно приводитъ людей, отошедшихъ отъ Христа, опять къ нему. И прекрасно, что они дѣлаютъ это, и больше отъ нихъ требовать нечего. Тотъ, кто придетъ къ ключу живой воды и въ комъ есть жажда, тотъ найдетъ самъ, что дѣлать съ водой и какъ ее пить. Ошибаются они только в томъ, что они настаиваютъ на томъ, что воду надо пить именно такъ, а не иначе, и въ такомъ именно положеніи. И ошибка эта имъ вредитъ тѣмъ болѣе, что объ этомъ пріемѣ, какъ именно пить воду, они никогда и не думали и не думаютъ, а берутъ старое, давно избитое и оказавшееся на дѣлѣ неудобнымъ преданіе. Мое отношеніе къ нимъ ужасно странное. Исканіями, страданіями и, разумѣется, прежде всего милостью Божьей я былъ приведенъ къ ключу, я умиралъ и сталъ живъ, я живу только водою этой, и вдругъ къ тому же ключу приходятъ люди. Я съ восторгомъ и любовью привѣтствую ихъ, и вдругъ вмѣсто не то, что любви, но простой незлобивости, к[оторую] я ожидаю встрѣтить, я встрѣчаю осужденіе, отверженіе и поученіе о томъ, что я долженъ прежде, чѣмъ пить, пройти всѣ тѣ несвойственные мнѣ психологическіе процессы, к[оторые] они прошли, отречься отъ сознанія жизни и счастья, к[оторыя] даетъ мнѣ вода жизни, а признать то, что я дѣлаю это только изъ страха передъ пастухами, к[оторые] пригнали меня къ водопою. Я вѣдь не говорю, что они или кто бы то ни было долженъ пройти моимъ путемъ. Дѣло не въ томъ, какъ пришелъ, а въ томъ, къ чему. А если мы пришли къ Христу и хотимъ имъ однимъ жить, то мы не будемъ спорить. — Вашъ 1-й вопросъ: о внѣшней помощи отъ Бога? Кто станетъ отрицать, что дѣлаетъ во мнѣ все хорошее одинъ Богъ. Но вопросъ о томъ, внѣшній ли Онъ? — опасенъ. Не могу ничего говорить про это. Онъ все, я не все, поэтому Онъ внѣ меня. Но знаю я Его только тѣмъ,

что во мнѣ божественно, стало быть, Онъ всегда и во мнѣ, и внѣ меня. Но это опасная и, боюсь, кощунственная метафизика. Вопросъ о молитвѣ и помощи по молитвѣ? Этотъ вопросъ и въ послѣднее время занималъ меня. Я теперь почти каждый день чувствую потребность молиться, просить помощи у Бога. Потребность эта (намъ, по крайней мѣрѣ, пріученнымъ съ дѣтства) естественна; можетъ быть, и я думаю, естественна всѣмъ людямъ. Чувствовать свою слабость и искать помощи извнѣ, т. е. не одною борьбою съ зломъ, но искать пріемовъ, посредствомъ к[оторыхъ] можно бы было побороть зло — это называется — молиться. Молиться не значитъ употреблять пріемы, избавляющіе отъ зла; но въ числѣ пріемовъ, избавляющихъ отъ зла, есть и то дѣйствіе, к[оторое] мы называемъ молитвою. Особенность молитвы отъ всѣхъ другихъ пріемовъ — въ томъ, что это пріемъ, угодный Богу. — Если это справедливо, то, во-первыхъ, спрашивается, почему молитва, т. е. дѣйствіе, угодное Богу и спасающее меня отъ зла, должна выражаться только словами или поклонами и др., не долго продолжающимися, какъ обыкновенно понимается. Почему молитва не можетъ выражаться продолжительными дѣйствіями рукъ, ногъ (молитва ногами — это странствованіе богомольцевъ)? Если я пойду и цѣлый день проработаю или недѣлю для вдовы, будетъ ли это молитва? Я думаю, что будетъ. Во-вторыхъ, молитва есть просьба объ осуществленіи какого нибудь желанія внѣшняго или внутренняго. Напримѣръ, я прошу, чтобы дѣти мои не умерли, или о томъ, чтобы мнѣ избавиться отъ моего порока, слабости. Для чего я буду обращаться къ непостижимому и столь великому Богу съ такими просьбами, кот[орыя] могутъ быть исполнены его явленіями на землѣ — людьми, соединенными исполненіемъ Его воли — церковью въ истинномъ значеніи этого слова. — И я пришелъ къ тому заключенію, что молитва къ Богу есть суевѣріе, т. е. самообманъ. — Все, о чемъ я молился и молюсь, все это можетъ быть исполнено людьми и мною. Я слабъ, я дуренъ, во мнѣ порокъ (это не примѣръ, а правда, во мнѣ ужасный порокъ), съ к[оторымъ] я борюсь. Мнѣ хочется молиться и я молюсь словами; но не лучше ли расширить мое понятіе молитвы, не лучше ли мнѣ поискать причины этого порока и найти ту божескую дѣятельность, не часа, а дней и мѣсяцевъ, к[оторая] была бы молитвенная дѣятельность, противудѣйствующая этому пороку. И я для себя находилъ ее.

Я чувственъ и я веду праздную, жирную жизнь и молюсь. Не лучше ли мнѣ перемѣнить мою безбожную жизнь, работать для другихъ, меньше удовлетворять своему тѣлу — жениться, если я не женатъ, и окажется, что у меня будетъ молитва всей моей жизни, и молитва эта навѣрно будетъ исполнена. Но мало этого, самая потребность именно молитвы — просьбы прямой помощи отъ живого существа, и та удовлетворяется самымъ простымъ, несверхъестественнымъ образомъ. Я слабъ и дуренъ и знаю, въ чемъ, и страдаю. Я открываю свою слабость другому и прошу его помочь мнѣ совѣтомъ, иногда прямо своимъ присутствіемъ, своимъ препятствіемъ мнѣ. Я дѣлалъ это. — Но молитва, обращенная къ Богу, скажете вы, развѣ это можетъ быть дурно? Разумѣется, нѣтъ. Я не только не считаю это дурнымъ, но самъ по старой привычкѣ молюсь, хотя не считаю этаго важнымъ. Важно только то, чтобы исполнять все то, чего хочетъ отъ меня Богъ и на что онъ далъ намъ орудія. И потому, если у меня б[ыло] средство спасти себя помощью извѣстныхъ поступковъ, помощью другихъ людей, а я ничего этаго не дѣлалъ, а молился Богу, я буду чувствовать, что я сдѣлалъ дурно.—

Не могу оторваться, такъ много хочется сказать. Скажу вамъ то, что со мной было и что я никому еще не говорилъ. Я подпалъ чувственному соблазну. Я страдалъ ужасно, боролся и чувствовалъ свое безсиліе. Я молился и всетаки чувствовалъ, что я безъ силъ. [7] Что при первомъ случаѣ я паду. Наконецъ, я совершилъ уже самый мерзкій поступокъ, я назначилъ ей свиданье и пошелъ на него. Въ этотъ день у меня б[ылъ] урокъ со 2-мъ сыномъ. Я шелъ мимо его окна въ садъ, и вдругъ, чего никогда не бывало, онъ окликнулъ меня и напомнилъ, что нынче урокъ. Я очнулся и не пошелъ на свиданье. Ясно, что можно сказать, что Богъ спасъ меня. И дѣйствительно онъ спасъ меня. Но послѣ этаго развѣ искушеніе прошло. Оно осталось тоже. И я опять чувствовалъ, что навѣрно паду. Тогда я покаялся учителю, к[оторый] б[ылъ] у насъ, [8] и сказалъ ему не отходить отъ меня въ извѣстное время, помогать мнѣ. Онъ б[ылъ] человѣкъ хорошій. Онъ понялъ меня и, какъ за ребенкомъ, слѣдилъ за мной. Потомъ еще я принялъ мѣры къ тому, чтобъ удалить эту женщину, и я спасся отъ грѣха, хотя и не отъ мысленнаго, но отъ плотскаго, и знаю, что это хорошо. Чтоже, развѣ молитва спасла меня. Знаете, нельзя молиться

тоже и тому, кто точно любитъ Бога. Если я люблю Бога, то я считаю Его любящимъ, благимъ. Если Онъ любитъ меня, то Онъ спасетъ и сдѣлаетъ все, что мнѣ нужно, какъ Онъ заставилъ (если Онъ заставилъ) сына выглянуть въ окно. Объ чемъ же мнѣ просить Его. Все равно, какъ ребенокъ просить супу, когда мать не даетъ ему, п[отому] ч[то] дуетъ на ложку.

Другое еще. Одинъ разъ въ нынѣшнемъ году я лежалъ на постели подлѣ жены. Она не спала, и я не спалъ, а мучительно страдалъ отъ сознанія своего одиночества въ семьѣ съ своими вѣрованіями, о томъ, какъ они всѣ на моихъ глазахъ, видя истину, идутъ прочь отъ нея. Я страдалъ и за нихъ, и за себя, и за то, что нѣтъ надежды увидать.... Не помню уже какъ, но мнѣ тяжело, грустно было, и я, чувствуя, что у меня слезы выступаютъ на глаза, сталъ молиться Богу о томъ, чтобы онъ тронулъ сердце жены. Она заснула, я слышалъ ея спокойное дыханіе, и мнѣ вдругъ пришло въ голову: я страдаю отъ того, что жена не раздѣляетъ моихъ убѣжденій. Когда я говорю съ ней подъ вліяніемъ досады на ея отпоръ, я чаще говорю холодно, даже недружелюбно, никогда не только со слезами я не умолялъ ее повѣрить истинѣ, но просто любовно, мягко не высказалъ ей всего, и она тутъ лежитъ подлѣ меня, я ей ничего не говорю, а то, что̀ и какъ должно бы говорить ей, это я говорю Богу. —

Прощайте, милый другъ, пишите чаще. Когда вы пріѣдете?

На второй вопросъ — умственно опроститься? — скажу, что желать этаго должно, но достигнуть этаго намъ нельзя иначе, какъ дойдя до конца умственнаго пути, чтобы узнать всѣ его обманы. И путь этотъ не дологъ. Человѣкъ не одинъ. Мы всѣ въ этомъ помогаемъ другъ другу.

Еще о молитвѣ и главное: вспомните, что говоритъ Іисусъ Самарянкѣ: поклоняться должны люди Богу въ духѣ и истинѣ — вѣрный переводъ — истиною — дѣломъ.[9] Вотъ этотъ одинъ изъ текстовъ, кот[орый], какъ говоритъ Arnold,[10] долженъ стать на первое мѣсто.

Полностью печатается впервые. Большие отрывки были напечатаны, с значительными искажениями, в СК, стр. 20—55 и 114. На подлиннике пометка рукой Черткова: «25 июля 84. Ясная Поляна», причем дата, вероятно, означает почтовый штемпель отправления. Датируем на основании записи в Дневнике Толстого от 24 июля: «Письмо прекрасное от Черткова. Написал ему длиннейшее письмо».

Это письмо является ответом на четыре письма Черткова из Англии:

два первые из них помечены одним и тем же числом — 4 июля 1884 г., затем следуют письма от 15 и 17 июля. В первом, судя по содержанию, письме от 4 июля Чертков пишет: «Вы спрашиваете, чем я теперь зарабатываю право на жизнь? Вопрос этот заставляет меня краснеть, потому что всё это последнее время я нахожусь в довольно слабом и гадком настроении. К матери замечаю в себе мало любви и сострадания и, кажется, часто огорчаю ее. Даже думая о вас, замечаю скверную черточку в моем отношении к вам. К моей искренней дружбе к вам часто подмешивается подленькое чувство самодовольства тем, что я в близких, коротких отношениях с таким «замечательным» человеком, как вы. Чувствую это совершенно подобно тому тщеславному удовольствию, которое я прежде испытывал, когда Государь, или даже какой-нибудь великий князь, обращал на меня особенное внимание при других. Итак в ответ на ваш вопрос я могу только ответить, что я низок и гадок и не заслуживаю своих харчей. Но я хочу их заслужить и буду стараться». Затем Чертков переходит к волнующей его теме, которую он развивает и в последующих письмах: «Лев Николаевич, — пишет он, — могу ли я вам сказать откровенно, что мне очень, очень как-то тяжело и грустно, что вы теперь не пишете в печати. Мне всё кажется, что вы не можете не знать, какое значение имеет ваш голос в настоящее время для массы людей, ищущих истины и путающихся между всеми различными течениями, нас окружающими... Простите мне, если я вмешиваюсь не в свое дело, но имеете ли вы право зарывать таким образом те средства, которые поручены вам и которых лишены другие? Неужели теперь, что вы ясно поняли цель и значение жизни, вы не воспользуетесь вашим «дарованием», чтобы передать то, что вы приобрели, в художественном произведении? Такое произведение имело бы гораздо большее влияние, чем ваши последние напечатанные сочинения, хотя бы проводило бы ровно те же мысли». Второе, дополнительное письмо Черткова от 4 июля является ответом на заключительные строки письма Толстого от 24 июня, в которых он высказывает предположение, что Елизавета Ивановна Черткова относится к нему враждебно, но вместе с тем просит передать ей его любовь, потому что он не может не любить ее, как мать того, кто ему так близок. «Вот поручение моей матери, которое я переписываю дословно с черновой, на которой она его сама записала, — говорит Чертков: «Мать моя поручает мне *искренно* поблагодарить вас за дружеский привет и передать вам, что она не может к вам ни в каком случае враждебно относиться. На нашу же (мою) дружбу с вами она смотрела бы радостнее, если бы была уверена, что сын ее стоит твердо на непоколебимой скале, т. е. Христе; но она не хочет скрыть от вас, который так откровенно к ней обращается, что часто ею овладевает огромная грусть при мысли, что человек, подобный вам, — не у ног Спасителя-Искупителя и что служит своим умом и сердцем враждебному Христу лагерю. Она спрашивает у меня, может ли она, не огорчая вас, подобным образом вам высказаться, и прибавляет, что она, впрочем, все свои заботы в отношении меня, как и все остальные возлагает на Того, Кто сказал, что он муж вдовицы и отец сиротам». С своей стороны прибавлю, что трудно не огорчаться, когда бьют по щеке. Но мне показалось, что лучше исполнить поручение, так как вы достаточно проницательны, чтобы увидеть, что сказано это не по

желанию бить по щеке, а из искренней, хотя и односторонней веры... Уведомьте меня, пожалуйста, получили ли вы мое письмо из Петербурга, в котором я рассказываю про изгнание Пашкова». — Ответ Е. И. Чертковой взволновал Толстого. Это видно не только по той части ответного письма его, где он говорит об отношении к нему людей, принимающих христианскую догму, но и по следующей записи в Дневнике его от 12 июля: «Два письма от Черткова. Мать его, как и следует, ненавидит меня. Видел сон о Черткове: он вдруг заплясал cancan».

Два следующие письма от Черткова, от 15 и 17 июля, были получены Толстым, как это видно по цитированной записи его Дневника от 24 июля, одновременно и, вместе с ранее полученными письмами, вызвали его «длиннейшее» письмо. В письме от 15 июля Чертков говорит: «Всё это последнее время меня так и подмывает изложить простым, понятным неграмотным людям слогом некоторые размышления по поводу «любви к ближнему, как к самому себе», которая, по указанию Христа, представляет, вместе с безграничною любовью к Богу, всю суть его учения. Это определение христианской любви, выраженное в трех словах «как самого себя», именно и представляет, мне кажется, всю глубину, всю силу мысли Христа. А между тем именно эти три слова как-то постоянно упускаются из виду большинством даже тех, кто считают себя учениками Христа... Еслиб было просто сказано «люби ближнего»... то, давая пятачек нищему на улице, каждый из нас имел бы право считать себя исполнителем учения Христа, ибо прервать свою прогулку, обратить внимание на нищего и вынуть из кошелька пятачек, всё это проявляет известную долю любви к ближнему... Еслиб Христос учил *очень* любить ближнего, то напр. любитель картин, отказываясь от приобретения подходящей для своей галлереи картины ради того, чтобы пожертвовать стоимость картины в пользу каких-нибудь голодающих, вполне исполняет учение Христа, ибо ради ближнего отказывается от большого удовольствия и, следовательно, он *очень* любит ближнего. Но Христос говорит «люби как самого себя», и всё Его учение развивает именно такую любовь. Если смело, беспристрастно посмотреть на эту ослепительную любовь, ничем не заслоняя от нее своих глаз, если взвесить все выводы, прямо из нее истекающие, то становится вполне очевидно, что начни мы осуществлять такую любовь, — всё, что считается теперь порядком, все существующие рамки, всякое понятие о собственности, одним словом, $^{9}/_{10}$ окружающей нас жизни полетит кувырком... Я не писатель и каждый раз, что брался за это, убеждался, что не в силах письменно передать простым людям то, что так хочется и так нужно им передать. А между тем у нас в России тысячи священников систематически искажают значение слов Христа и путают понятия своих прихожан... И когда я вижу всё это, то так ясно вижу потребность в народных книгах, которые, написанные художественно, производили бы на читателей сильное впечатление и популяризировали бы учение Христа. Такие книги необходимы для противодействия церковному катехизическому учению, которое развращает понятие детей о Евангелии еще со школьной скамьи... Эти книги, еслиб сразу и не убеждали, то, во всяком случае, возбуждали бы среди крестьян вопросы. Теперь у нас в Лизиновке постоянно собираются для чтения. Но читают преимущественно пустые

или даже часто скверные книги. Когда я вижу эту потребность в народных книжках, выставляющих истинный смысл учения Христа, когда я постоянно натыкаюсь на новые доказательства, что эта потребность действительно существует, — то я думаю о вас, и мне становится так грустно, так тяжело, что вы не даете этих книг, между тем, как, пожалуй, одни вы в состоянии удовлетворить этой потребности. Вы написали книгу для образованных людей, в которой изложили вашу веру. Но из простого народа никто не поймет как следует ни одной полной страницы из этой книги. Я пробовал читать места из этой книги простым людям, выбирая самые понятные страницы, и я видел, что многое непонятное в словах и способе изложения их смущает и восстановляет против меня... А вы — вы ничего еще не сделали, чтобы хоть немного пособить в этом отношении всей этой массе... Прежние ваши народные книги читаются охотнее всяких других. «Чем люди живы» и «Бог правду видит» производят на слушателей везде сильное впечатление. А вы молчите. Ах, Лев Николаевич, ведь это ужасно. «Просящему дай...» Разве они не просят? Хотя они и немы и, пожалуй, сами неясно сознают свои потребности, но разве не равносильны просьбе все эти порывы за истиною, за светом, которые иногда так дико и односторонне проявляются. Нам, например, в Лизиновке нужны от вас несколько маленьких рассказов, писанных независимо от цензурных соображений, в которых ярко обнаруживался бы и выяснялся истинный простой смысл «Заповедей спасения Христа», как вы сами их называете. Это было бы убедительнее всяких рассуждений, потому что действовало [бы] одновременно и на чувство и на разум... Теперь нужны притчи больше, чем когда-либо. Дайте несколько таких рассказов — они быстро разойдутся в рукописях, будут устно передаваться среди народа... и сделают свое великое дело. А, кроме того, нужны еще печатные рассказы, наводящие читателя всё на тот же путь, но дозволенные цензурой. Эти должны распространяться в большом количестве по всей России, как и прежние ваши народные книги, но с большим истинным успехом». — В этом письме, как мы видим, Чертков уже развивает мысли, которые несколько месяцев спустя привели к основанию народного издательства «Посредник».

В последнем письме из тех, на которые отвечает Толстой, Чертков говорит:... «Мы, кажется, доживаем последние дни нашего странствования за границею. Я буду очень рад вернуться домой в Лизиновку, хотя моя жизнь там около матери в обстановке барского дома и с занятиями «делами» с управляющим — всё это, признаюсь, представляется мне в ужасно черном виде... Я начал это письмо в гостиной Пашковых, где мы все вместе сидели. Теперь моя мать пошла спать, и я перебрался в свою спальню. Каждый вечер я вхожу в свою спальню с замиранием сердца, потому что именно в это время начинают преследовать меня самые скверные, порочные мысли. Начинается во мне борьба, которая, признаюсь, и признаюсь с ужасной болью, — редко кончается благополучно. А между тем я знаю, что вот именно в эти минуты, когда остаешься один со своим богом, вот в эти-то минуты и одерживаются те победы над плотью, которые дают потом силу и авторитет в общении с людьми. И вот в эти-то минуты я всё падаю. Мне удается одержать верх над плотью только тогда, когда я успею с полной искренностью и от глубины души обратиться к богу, как

к началу *вне* меня находящемуся, и просить у *него* извне силы. Это есть единственное ощущение, единственный личный опыт, который меня убеждает, что бог существует, как отдельное от нас Начало, ибо еслиб он существовал только настолько, насколько мы в состоянии его себе представить, то для укрепления себя в критические минуты достаточно было бы сосредоточиться в самом себе. А этого со мной не бывает. Единственное, что мне помогает, это сознание своей полной беспомощности и обращение ко Христу. И в этом смысле он для меня действительно воскрес. Скажите мне, пожалуйста, как с вами, — мне очень хочется знать? Жизнь вместе с женою представляется мне не только в виде земного блаженства, но вместе с тем — и источником громадной силы для исполнения своего дела, какое бы оно ни было. Но я меньше и меньше предвижу возможность такой жизни для себя, потому что не могу зажить с женою, которая не разделяла бы, по крайней мере в основных чертах, мой взгляд на жизнь. А такую женщину я навряд ли встречу в той среде, из которой я обязательно должен был бы взять жену, еслиб не хотел причинить самое глубокое горе матери и даже рискнуть полным разрывом с нею...»—Конец этого письма Черткова утерян: сохранившаяся часть его обрывается на полуфразе, а из ответного письма Толстого видно, что она заключала в себе выписку из книги Матью Арнольда (см. ниже прим. 1) и вопрос о том, хорошо ли отречься от отвлеченного чтения и «опроститься умственно».

[1] Матью Арнольд (Matthew Arnold, 1822—1888), английский поэт и литературный критик, профессор поэзии в Оксфорде, переводчик Гомера. Постепенно перешел от ортодоксально-англиканских взглядов к свободомыслию. Главнейшие труды его: «Literature and Dogma. An Essay towards a better appreciation of the Bible», 1873 г., «God and the Bible», 1875 г., «Last Essays on Church and Rebellion», 1877 г. Толстой заинтересовался им на основании выписок, присланных ему Чертковым, и позднее с величайшим увлечением читал первую из вышеназванных книг, «Литература и догма». Позднее она вышла на русском языке в изд. «Посредника» под более приемлемым для цензуры заглавием. «В чем сущность христианства и иудейства?», М., 1908 г. Толстой говорит о ней ниже, в письмах №№ 54 и 55.

[2] Василий Александрович Пашков (1831—1902), муж тетки Черткова, Александры Ивановны, сестры его матери, богатый помещик, полковник кавалергардского полка. Познакомившись через Е. И. Черткову с известным англиканским проповедником-евангелистом, лордом Редстоком, приезжавшим в 1874 г. в Россию, и с учением его «revival» («возрождение»), основа которого состояла в том, что каждый человек может спастись от грехов верою в искупление, в пролитую за людей кровь Христа, Пашков сделался его последователем и, отказавшись от светской жизни, отдался устной и литературной проповеди этого учения. Благодаря энергии его и его приверженцев, «пашковцев», это учение вскоре распространилось в Петербурге и в провинции, захватывая все слои общества, от великосветских, придворных кругов до трудящегося городского и даже деревенского населения. Духовенство и Синод, во главе с Победоносцевым, обратили внимание на огромное увеличение числа «верующих», отпадающих

от православия, и возвели на пашковцев гонение, окончившееся в 1884 г. административной высылкой Пашкова из России без права возвращения туда (о высылке Пашкова см. комментарии к письму № 19 от 6 июня 1884 г.). По характеристике Лескова Пашков был человек «искренний, горячий и способный беззаветно отдаваться тому, что он принял за истину» (см. Н. С. Лесков, «Великосветский раскол», М. 1876 г.). Толстой, знавший Пашкова, повидимому, только по наслышке, через Черткова, относился к нему с уважением и теплотой (см. ниже письмо его к Черткову № 70 от 9—10 июня 1885 г.). Учение Пашкова, как и все вообще вне-ортодоксальные религиозные течения, интересовало его. Известный исследователь раскола А. С. Пругавин в книге своей «О Льве Толстом и о толстовцах», М. 1911, стр. 96, сообщает, что однажды он встретил Толстого на собрании пашковцев, у некой Л. Ф. Сомовой. В Дневнике Толстого от 29 апреля 1884 мы встречаем запись, подтверждающую это сообщение: «Пришел Орлов. С ним к Сомовой. Дитман проповедует. Кое что хорошо. Но лицемерно. Я ушел от молитвы». Подробнее о Пашкове и пашковцах см.: А. С. Пругавин «Пашковцы», «Русская мысль», 1884, 5.

[3] См. комментарий к предыдущему письму, № 21, от 11 июля.

[4] О какой брошюре здесь идет речь, выяснить не удалось.

[5] «Для красного словца».

[6] Французское название «Армии спасения», религиозной ассоциации, имеющей целью духовное «спасение людей вне храмов», посредством проповеди Евангелия и общих молений. Основателем ассоциации, в 1860-х гг., был Вильям Бутс (W. Booth, 1829—1912), в молодости бедный портной из семьи крещеных евреев, человек больших дарований и фанатической веры. В 1878 г. он организовал разраставшуюся ассоциацию на подобие армии, с военной дисциплиной, военной иерархией командного состава, военной формой одежды как для мужчин, так и для женщин и дал ей ее нынешнее наименование. «Армия спасения» переходила из города в город, из страны в страну, привлекая к себе общее внимание своим военным строем, знаменами, боем барабанов, пением гимнов и переходя затем к проповеди покаяния и молитвам. Не представляя собой какой-либо секты с особым вероучением, Армия спасения легко мирилась со всеми вероисповеданиями, признанными в том или другом государстве, как и со всеми разновидностями государственного строя. После многолетних наблюдений над жизнью угнетенных классов и «подонков» общества Бутс пришел к убеждению, что нельзя думать о нравственном возрождении приниженных людей, не позаботившись о поднятии их благосостояния, но, отвергая самую мысль о социальной революции, он видел единственный исход для помощи городской нищете в организации таких учреждений, как дешевые столовые, больницы, ясли, ночлежные дома, школы для брошенных детей, на основе личной инициативы и на средства, собираемые с этой целью Армией спасения. Большая часть этих учреждений должна была, по его мнению, окупаться или работать лишь с незначительными убытками. В дальнейшем Бутс присоединил к этой программе проект устройства городских, сельских и заморских трудовых колоний. Свои наблюдения над ужасными картинами городской нищеты, как и проект устройства колоний, Бутс изложил в книге своей «In darkest England and

the way out», London, 1890 (русский перевод Р. Сементковского: «В трущобах Англии», Спб., 1891). Книга имела исключительный успех и вызвала огромный прилив пожертвований. Численность Армии спасения в Англии и за ее границами росла и в 1908 г. достигла уже 2 000 000 человек, рассеянных в 49 государствах.

[7] *Зачеркнуто:* погибаю.

[8] Василий Иванович Алексеев (1848—1919), проживший в доме Толстого в качестве учителя его детей с 1877 до конца лета 1881 г. и сделавшийся для него самым близким человеком в период ломки его мировоззрения. Происходил из тамбовских дворян, кончил физико-математический факультет петербургского университета, где сошелся с известным впоследствии революционером народнического направления Н. В. Чайковским и с его кружком. Интересуясь социологией и социализмом с христианской окраской, занимался в этом направлении с фабричными рабочими. Познакомившись с А. К. Маликовым, основателем религиозно-этического учения о «богочеловечестве», эмигрировал в 1875 г. вместе с ним и Чайковским в Америку, в Канзас, где они основали интеллигентскую земледельческую колонию. Через два года колония распалась, и Алексеев вернулся в Россию. К этому времени и относится его поступление в дом Толстого, которого он застал тогда в полосе увлечения православием, как религией простого народа. Споры их о собственности, в которых Толстой, чувствуя непрочность собственнической позиции, по словам Алексеева, очень горячился, не могли не оставить следа в душе Толстого. В марте 1881 г., когда Толстой, потрясенный предстоящей казнью революционеров, убивших Александра II, решил написать письмо Александру III и попытаться доказать ему недопустимость казни (см. письмо к Александру III, т. 63), он пришел советоваться об этом с Алексеевым, что вызвало вражду к Алексееву со стороны Софьи Андреевны и окончилось отъездом его из дома Толстых. После этого Алексеев поселился в Самарском имении Толстых на отведенном ему участке земли и работал там четыре года, до нового столкновения с Софьей Андреевной. Потом он сделался инспектором сельско-хозяйственного училища в Костромской губ., а с 1900 г. был директором коммерческого училища в Нижнем Новгороде. Толстой был привязан к нему и после отъезда его из Ясной поляны в 1881 г. в его письмах Алексееву встречаются такие выражения: «я люблю вас», «я скучаю по вас часто» (см. письмо к Алексееву от 6—7 ноября 1882 г., т. 63), а в июле 1884 г., приблизительно в то же время, когда он вспоминает о нем в письме к Черткову, он пишет ему: «Мы как будто забываем друг друга. Я не хочу этого забывать — не хочу забывать того, что я вам во многом обязан в том спокойствии и ясности моего миросозерцания, до которого я дошел. Я вас узнал, первого человека (тронутого образованием), не на словах, но в сердце исповедующего ту веру, которая стала ясным и непоколебимым для меня светом. Это заставило меня верить в возможность того, что смутно всегда шевелилось в душе. И поэтому вы как были, так и останетесь всегда дороги...» (см. письмо Толстого к Алексееву от июля 1884, т. 63). — Связанный с Алексеевым эпизод, о котором Толстой говорит в письме к Черткову, подробно рассказан в ненапечатанных еще, очень ценных для изучающих Толстого «Записках В. И. Алексе-

ева», в гл. VIII. Говоря об этом эпизоде в жизни Толстого, Алексеев замечает: «С одной стороны он [Толстой] был человек огромных инстинктов, с другой — человек великих запросов человеческого духа — совести. В то время, когда в нем поднимались его огромные инстинкты, большой бурей поднималась в его душе и его огромная совесть. У него была постоянная борьба в душе, доходившая до мысли о самоубийстве». Самое же повествование Алексеева о происшедшем подтверждает точность каждой строчки Толстого в сообщении его Черткову, давая лишь некоторые дополнительные детали. «Подходит однажды Лев Николаевич ко мне, взволнованный, и просит меня помочь ему. Смотрю— на нем лица нет,— рассказывает Алексеев. — Что с вами, Лев Николаевич? — спрашиваю его. — «Меня обуревает чувственный соблазн, и я испытываю полное бессилие, боюсь, что поддамся ему. Помогите мне»... — Да что же я должен сделать, говорю, чтобы помочь? — «Не откажитесь сопутствовать мне во время моих прогулок. Мы будем вместе с вами гулять, разговаривать, и соблазн не будет приходить мне на ум».— Мы пошли, и тут он мне рассказал, как он во время прогулок почти каждый день встречает Домну, людскую кухарку, как он сначала молча несколько дней следовал за ней, и это ему было приятно... Потом, следуя за ней, стал посвистывать; затем стал ее провожать и разговаривать с нею и, наконец, дело дошло до того, что назначил ей свиданье. Затем, когда он шел на свиданье мимо окон дома, в нем происходила страшная борьба чувственного соблазна с совестью. В это время Илья, увидав отца в окно, окликнул и напомнил ему об уроке с ним по греческому языку, который был назначен на этот день, и тем самым помешал ему. Это было решающим моментом. Он точно очнулся, не пошел на свидание и был рад этому. Но этим дело не кончилось. Чувственный соблазн продолжал его мучить. Он пробовал молиться, но и это не избавляло его от соблазна... Чувствовал, что наедине он каждую минуту может поддаться соблазну и решил испытать еще одно средство — покаяться перед кем-нибудь, рассказать всё подробно о силе подавляющего его соблазна. Вот почему он и пришел ко мне. Затем он принял меры, чтобы Домна эта ушла куда-то на другое место». О самой Домне Алексеев сообщает, что она была «молодая женщина, нанятая кухаркой для людской». «Муж ее кажется был в солдатах. Она была лет 22—23-х, не скажу, чтоб красивая, — говорит Алексеев, — но кровь с молоком, — высокая, полная, здоровая и привлекательная молодуха». — Вся эта пережитая Толстым история, относящаяся к августу 1880 г., отчасти нашла отражение в повести его «Дьявол» (см. т. 27).

[9] Толкование этого места см. в книге «Соединение, перевод и исследование четырех евангелий», ч. I, гл. 2-я, «Беседа с самарянкой» (Том 22).

[10] Об Арнольде см. выше прим. 1 к настоящему письму. — Последние строки письма, со слов «Еще о молитве и главное...», приписаны Толстым, очевидно, позже — карандашом.

* 23.

1884 г. Августа 13—15. Я. П.

Я получилъ ваше письмо изъ Варшавы и очень обрадовался тому, что вы въ Россіи, что мы ближе. Напишите мнѣ поподр-

робнѣе, если ничто не мѣшаетъ, какъ вы пріѣхали, почему, какъ устроились, и какіе планы, и когда увидимся? Я собираюсь въ Кіевъ [1] и дѣлалъ планы, какъ проѣхать къ вамъ. — Я живу, какъ мы всѣ, и хорошо, и дурно, но теперь нахожусь въ періодѣ переходномъ отъ лѣтней внѣшней жизни въ природѣ къ внутренней жизни и работѣ. И не безъ радости готовлюсь къ работѣ внутренней и писательской, если Богъ велитъ.

Вашъ Л. Т.

Я прочелъ и Ground Ash. [2] Очень хорошо. Очень мнѣ интересно ваше впечатлѣніе отъ Англичанъ. Что они не свободны, это кнесчастью очень справедливо. —

Молодой Ге былъ у меня. [3] Я очень желалъ бы, чтобы вы узнали другъ друга. Если онъ заѣдетъ ко мнѣ, я спрошу его позволенья послать вамъ его одно письмо. Вы узнаете его изъ этаго письма.

Печатается впервые. На подлиннике пометка рукой Черткова: «15 августа 84 г.», означающая, вероятно, почтовый штемпель отправления. Датируем, исходя из того, что, судя по ответному письму Черткова от 18 августа, это письмо Толстого было получено им в Лизиновке 17 августа, следовательно, не могло быть написано позже 15 августа, но могло быть написано и за день, за два до отправления его с железнодорожной станции.

В промежутке времени между предыдущим и этим письмом Толстого к Черткову им было получено от последнего два письма: первое из Лондона, от 21 июля, второе, написанное в дороге, при возвращении Чертковых в Россию, и посланное, судя по ответу Толстого, из Варшавы, с соответствующим штемпелем, от 3 и 4 августа. Получение первого из этих писем отмечено в Дневнике Толстого от 26 июля записью: «Прелестное еще письмо от Черткова с выпиской из Matthew Arnold. Чтение для народа и для нас. Но Чертков настаивает, что надо прежде всего объяснить народу Евангелие, — он прав». В этом письме, от 21 июля, Чертков делает выписку на английском языке из сочинения Матью Арнольда «Литература и догма», которое он уже цитировал в других частях в одном из предыдущих писем, а затем говорит: «Его понятие о culture, to know the best that has been thought and said in the world [о культуре, как знании того лучшего, что было продумано и высказано во всем мире], напомнило мне ваш проект издания книг для русских людей. Как подвигается это дело? Подвигается ли оно? Вы собирались тогда издавать на русском языке различных классиков... Я, кажется, вам тогда этого не говорил, но я думал тогда, как и теперь, что важнее всего, прежде всего очистить учение Христа от всех накопившихся перетолкований, обнаружить русским людям Евангелие, как оно есть, в его простом, прямом смысле. И лучше всего сделать это не в виде исследования или рассуждения, а в форме рассказов, таких,

о каких я вам говорил в моем предпоследнем письме. О других книжках можно будет подумать тогда, когда Христос будет доступен и понятен массе». — В письме, написанном с дороги, от 3 и 4 августа, Чертков спрашивает мнение Толстого о книге под заглавием «Ground Ash» (см. ниже прим. 2), которую он послал ему вместе с романом Л. Олифанта «Piccadilly»; затем, переходя к вопросу о своем возвращении из Англии, замечает: «Возвращаюсь в Россию с радостью, что возвращаюсь из-за границы, — пишет он. — Во время этого пребывания меня поразило то, что там меньше истинной свободы, чем у нас. У нас сами *люди* свободнее... Разумеется, мы зато в некоторых других отношениях уступаем им...» Отмечая в своем Дневнике получение этого письма Черткова, Толстой тоже называет его «прелестным письмом».

[1] Толстой собирался навестить своего друга, художника Н. Н. Ге (см. ниже прим. 1 к письму № 29, от 10 окт. 84 г.).

[2] Книга евангелического направления «The Ground Ash. A public school story», Salisbury, 1874, английского писателя Г. В. Пэллей (H. W. Pulley). В письме от 25 июня 1884 г. из Лондона, Чертков, не называя этой книги, которую он вскоре послал Толстому, излагает ее содержание в следующих словах: «в ней описывается жизнь в большой английской школе одного мальчика, который благодаря воспитанью, полученному дома, старается во всех своих поступках осуществлять то самое учение Христа, которое все официально исповедуют на словах. В книжке весьма ярко обнаруживается несовместимость современной жизни с исповедуемой обществом и государством верою. После целого ряда преследований мальчик подвергается телесному наказанию и умирает от истощения и нервного изнеможения...» Знакомясь с этой книгой, Толстой отмечает в Дневнике своем от 27 июля: «Читал Ground Ash. Это revival'ское [евангелическое] сочинение. Жалко, но хорошо».

[3] О «молодом Ге» см. прим. 1 к письму № 16 от 2 мая 1884.

* 24.

1884 г. Августа 28—29. Я. П.

Я получилъ ваше письмо изъ деревни съ дневникомъ и былъ очень радъ узнать про васъ хоть то, что узналъ. Мнѣ все хочется знать про васъ. Я часто объ васъ думаю, какъ думаютъ про людей, к[оторые] дороги. Думаю и то и другое, и третье — противорѣчивое другъ другу, и разумѣется этаго не напишешь. Это говорить можно, и то едва ли хорошо.

Что вы выпускаете изъ моей послѣдней книги? Это не праздный и не эгоистическій вопросъ. Напротивъ — мнѣ хочется знать, что вамъ кажется соблазнительнымъ, — вовсе не чтобы спорить, а чтобы исключить или смягчить, и главное, въ будущемъ знать, что для другихъ соблазнительно. Я истинно не

знаю и истинно впередъ говорю, что передъ тѣми людьми, к[оторые] признаютъ святость и обязательность 5 запов[ѣдей],[1] я прямо признаю себя виноватымъ, если я чѣмъ нибудь оскорбилъ ихъ, какъ н[апр.] Мар[ью] Вл[адиміровну], про к[оторую] вы пишете.[2] То, что она, по старой привычкѣ, считаетъ меня погибшимъ гордецомъ, это для меня прекрасно, для нея только немножко дурно, но это не важно, если она признаетъ обязательность 5 зап[овѣдей]. Если она ихъ признаетъ и будетъ всегда держать передъ собой, то она меня не осудитъ и не презритъ. А это только и нужно. Пожалуйста, напишите мнѣ: какія мѣста, отъ какихъ страницъ и строкъ до какихъ вы пропускаете. Трудно среди той умственной оргіи, среди к[оторой] я живу, удержаться отъ увлеченія, умствованія и гордости. И я впередъ знаю, что тамъ такъ много такого, что я не знаю, которое больше вредно. Я иногда досадую на васъ за то, что вы какъ то не то соглашаетесь, не то несоглашаетесь — воздерживаетесь, а теперь хвалю васъ: благодаря этому, мы никогда с вами не спорили. И это очень радостно. И не будемъ. —

Теперь опять о собственности. Вы говорите, что вамъ не совсѣмъ ясно. И вы правы — вамъ неясно отношеніе къ ней христіанина, практическое отношеніе къ ней. Мнѣ ясно. Собственность это фикція — воображаемое что-то, к[оторое] существуетъ только для тѣхъ, к[оторые] вѣрятъ мамону и потому служатъ ему. Вѣрующій въ ученіе Христа освобождается отъ собственности не какимъ нибудь поступкомъ, передачей собственности сразу или понемножку въ другія руки (онъ не можетъ этаго дѣлать уже потому, что, не признавая значенія собственности для себя, онъ не можетъ признавать и значеніе ея для другаго), а христіанинъ освобождается отъ нея внутренно, сознаніемъ того, что ея нѣтъ и не можетъ быть, и главное, что она ему не нужна, ни для себя, ни для другихъ. — Я ставлю истиннаго христіанина въ ваше положеніе. Что онъ будетъ дѣлать? Онъ будетъ жить, отвѣчая по божьи на тѣ требованія жизни, к[оторыя] будутъ предъявляться ему, само собою разумѣется, невольно руководимый своими связями съ прошедшимъ, но дѣятельность свою онъ будетъ строить никакъ не на отношеніяхъ собственности. Ученики хотятъ продолжать учиться въ ремесленномъ училищѣ, или мужикъ погорѣвшій проситъ помочь на избу. У христіанина на вашемъ мѣстѣ ничего нѣтъ и ничего быть не можетъ. Но его просятъ, п[отому] ч[то] его считаютъ

собственникомъ. Что же дѣлать? Онъ долженъ исполнить то, о чемъ его просятъ,— если это не противно заповѣдямъ Христа.— Я считаю, что онъ ничего бы опредѣленнаго не могъ бы брать ни отъ кого — отъ отца ли, отъ матери, или просто отъ управляющаго. Онъ не считаетъ себя собственникомъ и п[отому] брать ничего не можетъ. Если же его считаютъ и просятъ, онъ исполняетъ просьбу и больше ничего.

Такъ я думаю, и такъ я для себя разрѣшаю. Но нисколько не настаиваю, чтобы это было разрѣшеніе для всѣхъ. Обнимаю васъ, милый другъ. Если вы не пріѣдете ко мнѣ, я пріѣду къ вамъ.

Л. Толстой.

Полностью печатается впервые. Отрывки были напечатаны, с некоторыми искажениями, в СК, стр. 153—154. На подлиннике пометка рукой Черткова: «пол. 1 сент. 84». Датируем, руководствуясь этой пометкой и учитывая, что письма из Ясной поляны в Лизиновку шли не менее двух суток и иногда не сразу привозились на станцию и попадали в почтовый вагон.

Толстой отвечает здесь на письмо Черткова от 18 августа и приложенный к этому письму дневник его. В письме своем Чертков говорит: «Вчера вечером я получил ваше письмо, в котором вы говорите, что собираетесь в Киев, и просите меня сообщить вам о том, как мы вернулись из-за границы и устроились здесь... Нарочно для вас я пишу теперь свой дневник в двух экземплярах. Прилагаю записанное мною с тех пор, как вернулся из-за границы, — вы из этого увидите, что́ преимущественно занимало и волновало меня за последние дни... Пожалуйста сообщайте мне без всякой осторожности ваши впечатления о моих мыслях и чувствах и ваши разногласия со мною... Неосторожно оттолкнуть меня от соглашения с вашими убеждениями слишком настойчивым их выражением вы не можете, потому что даже если вы будете нарочно молчать и не возражать, я тем не менее буду отлично чувствовать, что вы не соглашаетесь... С другой стороны слишком сильно повлиять на меня также не опасайтесь, потому что я очень осторожно отношусь, хотя и внимательно, к тому, что вы говорите. Много обдумываю, взвешиваю, применяю к своей окружающей обстановке и со многим не соглашаюсь, хотя и не возражаю...» Затем, дав живой отклик на выраженное Толстым намерение посетить его в Лизиновке, Чертков сообщает о разговоре своем с другом его матери, Марьей Владимировной Сергиевской, последовательницей Пашкова, которая, ознакомившись с последним произведением Толстого «В чем моя вера», чрезвычайно заинтересовалась им. [О М. В. Сергиевской см. ниже в отрывках дневника Черткова и в прим. 2 к настоящему письму Толстого.] Далее Чертков говорит о получении письма от друга и последователя Толстого, кн. Л. Д. Урусова [о нем см. в прим. 15 к письму № 46 от 24 февраля 1885 г.] «с весьма удачным изложением в немногих словах его веры», в которой

однако не всё оказалось близким ему, Черткову. Затем, рассказав вкратце о своем образе жизни в Лизиновке, Чертков пишет: «Хутор, отделенный для меня, я еще не принял. А когда приму, то мне невозможно будет работать на нем, как раньше предполагал, в качестве полевого рабочего, так как время мое занято около матери и ее дел. Всё-таки хочу принять этот хутор для того, чтобы, живя около матери, не вполне потерять из виду крестьян и иметь общий интерес с ними в форме маленького хозяйства, более или менее подходящего к их хозяйствам по размеру и системе обработки земли». Приложенный к письму дневник Черткова обнимает время с 6 по 16 августа и подробно рисует его жизнь в Лизиновке. Приводим из него те отрывки, которые нашли прямой или косвенный отклик в письме Толстого: «*9 августа.* Я разговаривал с Марией Владимировной про Л. Н. Толстого. Она очень поражена им. Соглашается с его пониманием заповедей Христа, но говорит, что для исполнения их он рассчитывает исключительно на свою собственную силу и что этого недостаточно. Она говорит, что жаль, что такой искренний и сильный человек не начинает с приведения читателя к любви к Богу и ближнему, которая одна может дать человеку силу исполнять учение Христа... Она очень бы хотела повидаться с ним.—*12 августа.* Ездил... к Н. Д. Кившенко [См. прим. 1 к п. № 79 от 14 сент.]. Решили относительно перемены состава преподавателей в Александровской школе и окончания переписки «Веры» Л. Н. Т-го для гектографирования ее в количестве 50 экз. Пропущенные места будут гектографированы отдельно в виде дополнения. Полные экземпляры я буду давать тем, насчет которых моя совесть будет спокойна в том отношении, что я этим не рискую быть проводником вреда для них. *16 августа.* Мария Владимировна уехала обратно в Петербург. Она приехала сюда в нашем отсутствии и стала читать и толковать Евангелие, где только имела случай, не только школьным дворовым девочкам, из которых она образовала швейную артель, но и рабочим в поле и больным в приемном покое. Священник, человек тихий и до сих пор... вполне безвредный, сказал однако в церкви проповедь, в которой советовал прихожанам не итти слушать новых сектантов. Все отнесли его слова к Марье Владимировне. Пошли толки, споры, рассуждения. Одна старуха пришла на следующий день на чтение Марии Владимировны в поле, стала ругать ее и даже собиралась бить палкою. Марья Вл. навестила священника и узнала от него, что он получил строжайшее приказание противодействовать новой секте и что, боясь лишиться места, он должен был говорить против этих чтений. М. В-на уехала отсюда в самых дружеских отношениях с священником, хваля его нравственную жизнь и делая выгодные для него сравнения его с другими священниками, которые ведут безнравственную жизнь и обирают народ... Между прочим, она читала и артели рабочих, которая строит для меня пристройки к ремесленной школе... И я решил, что еслиб меня кто-нибудь заставил читать им Евангелие, то я прочел бы Нагорную проповедь и потом постарался бы указать примерами из нашей теперешней жизни, как должно применяться каждым из нас учение Христа. Но потом я сообразил, что еслиб после этого кто-нибудь из них провинился в отношении своей работы по постройке, то управляющий поступил бы наверное с ним совершенно противоположно тому, как учит Христос в Нагорной

проповеди... Работники, слышавшие от меня Нагорную проповедь и знающие, что постройка делается для меня, потеряли бы веру в мою искренность и отнеслись бы недоверчиво к самой Нагорной проповеди. Часто приходится делать такие размышления; но выхода из этого положения я теперь еще не вижу для себя. Совсем отказаться от всяких денег, которые я получаю от матери?.. Отказаться самому от этих денег, т. е. не брать их вовсе от матери — мне кажется, что я не имею права перед самими крестьянами. Крестьянин придет попросить меня выучить его сына в школе сапожному ремеслу. А я ему скажу: ремесленную школу я перестал содержать, потому что деньги, на которые я ее содержал, не мои, а ваши. А он естественно скажет: «где эти деньги? Дай мне мою долю из них». А я скажу: от денег этих я отказался, они остались в экономии, и в настоящее время управляющий строит на них каменные овчарни и покупает паровые молотилки. Крестьянин найдет, что я поступил несправедливо, и он, мне кажется, будет прав. Во всяком случае вопрос этот очень трудный и не доступен еще моему разрешению».

[1] «Пять заповедей Нагорной проповеди», которые легли в основание книги Толстого «В чем моя вера», переданы им так: первая — «не гневайся», вторая — «не прелюбодействуй», третья — «не клянись», четвертая — «не судись и не противься злу злом», пятая — «не воюй» («любите врагов ваших»).

[2] Мария Владимировна Сергиевская (ум. в 1916 г. около 80 лет от роду), по матери из семьи Ганнибал, родственной Пушкину. Уже пожилой женщиной сделалась последовательницей Пашкова. На этой почве стала близким другом Е. И. Чертковой и ее правой рукой в деле помощи бедному населению Гавани (в Петербурге) и заведующей ее детским приютом. Человек горячего, сильного и самоотверженного характера.

* 25

1884 г. Сентября 5—7. Я. П.

Сейчасъ получилъ ваше письмо, оба письма, дорогой Вл[адиміръ] Гр[игорьевичъ], и не столько отвѣчаю, сколько спрашиваю. Вы хорошо дѣлаете, что пишете мнѣ про себя; но зачѣмъ не все? — Прежде всего, знайте, что мнѣ важно, очень важно знать ваше состояніе, вашу душевную болѣзнь, важно и потому, что я васъ люблю, очень дорожу вами и очень боюсь за васъ, и еще потому, что я тѣмъ же самымъ и страдалъ и страдаю и съ тѣмъ же самымъ почти безнадежно борюсь. — Отчего вы не женитесь? Скажите мнѣ просто, прямо. Нельзя вамъ жить противно закону природы — Бога. Это испытывать Бога. Этаго нельзя. Одно упустишь, все погубишь. — Какъ бы я желалъ васъ видѣть! Я бы все сказалъ вамъ и отъ васъ узналъ. И мы

вмѣстѣ искали бы и нашли бы. Я должно быть пріѣду къ вамъ. Но вамъ необходимо, если вы не женитесь, — скудная жизнь и работа физическая — не напущенная на себя, какъ баловство, а работа, сдѣлавшаяся необходимостью. Знаю, знаю по себѣ всю трудность этаго; но тутъ дѣло то слишкомъ важное — вся жизнь, все, чѣмъ дорога вся жизнь. Можетъ быть, нельзя побороть, но бороться надо всѣми тѣми силами (разумными и любовнымъ общеніемъ), кот[орыя] даны намъ. — Еще — въ вашихъ письмахъ мало простой любви ко мнѣ, какъ къ человѣку, к[оторый] любитъ васъ. Если это такъ въ душѣ, то дѣлать нечего, а если есть какая перегородка, сломайте ее, голубчикъ. Намъ будетъ лучше обоимъ.

На ваши два вопроса о собственности отвѣчаю: если вопросъ о собственности рѣшенъ во мнѣ, то то́, что я возьму или не возьму деньги, не можетъ ничего измѣнить; чтобы сдѣлать пріятное, чтобъ не огорчить, я возьму. Но взявъ, я сейчасъ забуду про нихъ.

Второй же вопросъ невѣрно поставленъ. Нужды, кот[орая] призываетъ моей помощи, нѣтъ конца. Я не то, что свои всѣ имѣнья отдамъ, но всѣ доходы Россіи, и будетъ мало, и потому я, не имѣя собственности, освобождаюсь отъ этаго труда наполнять бездонную бочку. Помогать деньгами нельзя. Деньги— это насильно отнятое отъ другихъ въ видѣ исполнительнаго листа на бѣдныхъ.[1] Развѣ можно въ помощь другому дать ему исполнительный листъ, по к[оторому] продадутъ у бѣдняка послѣднюю корову. Все, что́ можно сдѣлать, — это разорвать исполн[ительный] листъ, а потомъ помогать своимъ трудомъ. — А когда сдѣлаешь это, то увидишь, какъ самъ еще плохъ. Я, встающій въ 10 часовъ, пьющій кофе и чай, спящій на чистыхъ простыняхъ, слабый, безсильный, испорченный всѣми похотливыми привычками, не могущій жить иначе, какъ паразитъ на чужой шеѣ, я вдругъ хочу помогать — кому же? Мужику, к[оторый] заснетъ въ грязи на улицѣ подъ шапкой, не будетъ спать 5 ночей и сработаетъ въ день то, чего я не сдѣлаю въ 10, к[оторый] при этомъ добръ, кротокъ и веселъ. Какъ мнѣ помогать ему? Вѣдь это смѣшно. Можно дѣлать себѣ эту иллюзію, отдавая ему исполн[ительные] листы на другихъ; но это не помощь, а развращеніе его. Вотъ объ этомъ я хотѣлъ бы тоже написать въ статьѣ, к[оторую] я началъ и вѣроятно не кончу.[2] Прощайте, мой милый дру́гъ. Пишите мнѣ чаще. И все.

Съ тѣмъ, что вы пишете о томъ, что́ вы выпускаете и почему, я совершенно согласенъ и, если Богъ велитъ, воспользуюсь. Вы меня спрашиваете о собственности, я пишу вамъ все, что я думаю. Другому я не написалъ бы — не отъ того, что я скрывалъ бы — но отъ того, что онъ не понялъ бы меня и вообразилъ бы, что отдавать деньги другому хуже, чѣмъ оставлять ихъ у себя и для себя. — Разумѣется, лучше отдавать (хотя и тутъ, если примѣшивается тщеславіе, едва ли лучше), но *хорошаго* въ отдаваніи денегъ другому ничего не можетъ быть. — Это въ родѣ игры въ фофаны. [3]

Л. Толстой.

Полностью печатается впервые. Небольшой отрывок был напечатан в СК, стр. 154. На подлиннике пометка рукой Черткова: «7 сент. 84 г.»— вероятно, почтовый штемпель отправления. В виду прекращения Дневника Толстого, помогавшего точно устанавливать даты написания писем, датируем это письмо, исходя из того, что оно не могло быть написано ранее 5 сентября, так как является ответом на письмо Черткова от 3 сентября, и позднее 7 сентября, так как Чертков уже отвечает на него 9 сентября.

Начало письма — «сейчас получил ваше письмо — оба письма» — имеет в виду письма Черткова от 2 и 3 сентября 1884 г. В первом из них Чертков, отвечая на письмо Толстого от 28—29 (№ 24) августа, говорит: «Действительно, Лев Николаевич, я до сих пор намеренно избегал даже всякого подобия пререкания с вами. Вы мне были нужны, и я чувствовал, что могу лучше пользоваться вами, не споря с вами, а сравнивая ваши мысли и выводы с моими и стараясь проверить, насколько те и другие не отступают от духа учения Христа... Я в жизни до знакомства с вами встретил только двух людей, признающих, что последовательный христианин должен во что бы то ни стало и вопреки всякому постороннему, добавочному авторитету стараться во всем и всегда применять к своим поступкам прямой и полный смысл учения Христа. Люди эти Крамской и Бирюков [художник И. Н. Крамской — о нем см. прим. к п. № 37 от 2 декабря 1884 г.; о П. И. Бирюкове см. прим. 4 к письму № 50 от 25—26 марта 1885 г.]. Благодаря им одним я не чувствовал себя безусловно одиноким в самую трудную и очень важную минуту своей жизни, т. е. именно тогда, когда мне постепенно обнаружилось, насколько существующий строй человеческой жизни основан на началах, прямо противоположных учению Христа. Но в вас я встретил первого человека, не только признающего законность (возможность) этой точки зрения, но, как и я, решившегося смотреть на жизнь исключительно с этой точки зрения и, по возможности, действовать согласно ей. Вместе с тем я нашел в вас человека, лучше знающего и понимающего людей. Нашел я в вас еще человека, умеющего особенно удачно оформить, выразить то хорошее, что у меня у самого бывает на душе, но не высказывается, и потому не особенно определенно выясняется.. Теперь вы просите меня сообщить вам, что именно я пропускаю в вашей книге «В чем моя вера». Действительно, я кое-что пропускаю

в гектографированном издании, которое теперь здесь готовлю для раздачи тем из своих знакомых, которых почему-либо мне очень хотелось бы познакомить с вашей книгой. Между ними есть такие, которые с детства по-детски верят в искупление, воскресение и личную загробную жизнь. Вера эта нисколько не лишает их возможности понять прямой, полный смысл 5 заповедей Христа. Между тем как категорическое опровержение этой веры производит в них неизбежно одно из двух: 1) или, не потрясая их прежней веры в искупление и пр., восстановляет их против всего образа мысли нового для них учителя... 2) или же, действительно потрясая прежнюю их веру, ввергает их в целый хаос сомнений и вопросов и в полное одиночество среди той среды, где им приходится жить... При том я не могу содействовать распространению этого опровержения искупления, воскресения и личной загробной жизни уже по тому одному, что я вовсе не уверен, что действительно это опровержение справедливо. Для меня это опровержение так же мало убедительно, как и противоположное утверждение. Если я отстранил эти вопросы, как ненужные и недоступные мне, то почему же я стану вводить другого в сомнения относительно их, в особенности, если я знаю, что возбужденные таким образом сомнения отвлекут внимание его от главного — от истинного (по моему мнению) — понимания 5 заповедей, или вообще практической стороны учения».

Письмо Черткова от 3 сентября является продолжением его ответа на письмо Толстого от 28—29 августа. «Мне немножко совестно за малодушие, с которым я вчера оборвал свое письмо к вам — пишет он. — Я теперь устроил так, что буду опять спать в одной комнате с Петром. Не знаю почему, но когда я сплю в одной комнате с кем-нибудь другим, то сплю гораздо лучше и спокойнее в этом отношении. Теперь про собственность. Я совершенно с вами согласен, что собственность это фикция, что для христианина это понятие не должно существовать. Но это не избавляет христианина от того, что у него бывают в его распоряжении различные средства, орудия, и в том числе и материальные средства — деньги, вещи, и что он должен решить, что ему делать или не делать с этими средствами. Мать кладет мне в руку сто рублей, я отказываюсь, но она просит меня принять, и я вижу, что ей будет очень больно, если я не приму. Я принимаю, и вы в этом со мною согласны. Если при этом мать меня предупреждает, что она завтра опять даст мне 100 р. и будет давать каждый день, я прошу ее этого не делать, но она настойчиво просит меня теперь согласиться на такое периодическое получение от нее этих ста рублей... Я вижу, что ей причиню своим отказом настоящее горе, и — соглашаюсь. Как поступили бы вы? Вот, следовательно, первый вопрос. А второй: вы говорите, что христианин, у которого есть в распоряжении средства, когда его просят о материальной помощи, должен исполнить то, о чем его просят, если это не противоречит заповедям Христа. Я с этим также вполне согласен, если только под понятием прошения разуметь не только прошение, выраженное в определенных словах и прямо сознательно обращенное ко мне лично, но также признавать прошением, призывом к моей помощи — всякую нужду, так или иначе обнаружившуюся мне... Как для художника известные сцены или типы прямо просятся на полотно, так для христианина, видящего нужду, известная деятельная или материальная помощь сама

собою напрашивается. Вот как я понимаю прошение. Согласны ли вы с этим и, когда говорите — он должен исполнить то, о чем его просят,— понимаете ли и в этом значении слово «просят»?»

[1] См. в гл. XIII статьи «Так что же нам делать?» (т. 25) сравнение денег с «постоянным векселем, предъявляемым ко взысканию и погашаемым трудом бедняка».

[2] «Так что же нам делать?». См. прим. 6 к письму № 15 от 25—27 апр. 1884 г.

[3] Старинная карточная игра.

Отвечая в одном из дальнейших своих писем, от 25 сентября 1884 г., на слова Толстого в данном письме: «в ваших письмах мало простой любви ко мне, как к человеку, который любит вас», Чертков пишет: «я вас люблю, хотя вообще я мало люблю отдельных личностей... за исключением детей, и в особенности мальчиков, которых особенно люблю. Но вас я положительно люблю, хотя немножко и побаиваюсь. Вот вам ответ на ваше замечание относительно отсутствия в моих письмах простой любви к вам, как к человеку».

* 26.

1884 г. Сентября 22 — 23. Я. П.

Получилъ вчера ваши помарки и примѣчанія, милый Владиміръ Григорьевичъ. Вчера я только мелькомъ взглянулъ и прочелъ примѣчанія; и съ радостью могу сказать вамъ, что не только непріятнаго чувства не испыталъ, но напротивъ, почувствовалъ только большую любовь — интересъ къ вамъ. Нынче перечелъ мѣста, изъ к[оторыхъ] вымарано, съ тѣмъ, чтобы увидать — теряется ли смыслъ. Немножко есть; но за то съ другой стороны — много выигрываетъ. Я думаю, что для того, кто согласенъ съ основными моими положеніями, дальнѣйшіе выводы неизбѣжно вытекаютъ; но можетъ быть для нѣкоторыхъ выводы эти преждевременны, и потому очень хорошо уничтожить ихъ. Твердо и ясно только то, до чего самъ дойдешь.

Теперь о предпослѣднемъ письмѣ вашемъ. Вы на слова, не мои, но Свящ[еннаго] писанія и Христа: не искушай Бога, говорите: а я хочу искушать Бога. Это нехорошо. Нельзя безнаказанно искушать Бога. Искушать же Бога значитъ не слѣдовать Его закону, велѣнію. Законы же и велѣнія Бога бываютъ написаны на бумагѣ, выражены словами. Въ этихъ велѣніяхъ возможно сомнѣніе, должно даже — большая осмотрительность. Другія велѣнія написаны въ нашихъ сердцахъ. И этимъ не

всегда сразу надо вѣрить. Сердца наши могутъ [быть] испорчены и выдавать свое за Божье. Но есть еще велѣнія, к[оторыя] написаны и въ книгѣ, и въ сердцѣ, и во всемъ существѣ нашемъ. Такія, напр., пища и трудъ, производящій ее, любовь къ родителямъ и дѣтямъ и брачная жизнь, производящая эти условія. [1]

Человѣкъ все можетъ: можетъ и застрѣлиться; но никакъ не можетъ безнаказанно отступить отъ закона, т. е. навѣрное онъ сдѣлаетъ себѣ хуже и не достигнетъ того, чего желаетъ.

Вы скажете: а если человѣкъ не имѣетъ призванія къ брачной жизни. — Если онъ не имѣетъ призванія, то не имѣетъ и похоти. — Вы скажете: а если онъ ненавидитъ эту похоть и хочетъ побѣдить ее? — Побѣдить похоть можно только однимъ путемъ — подите жить, какъ живетъ рабочій мужикъ — на его трудѣ и на его пищѣ. А живя такъ, какъ вы должны жить съ вашей матерью, бороться съ похотью это значитъ искушать Бога.

Ну вотъ, вы не разсердитесь за то, что я вамъ рѣзко высказываю свою мысль. Прощайте, обнимаю васъ.

Л. Толстой.

Полностью печатается впервые. Отрывок, с искажениями, напечатан в СК, стр. 82—83. На подлиннике пометка рукой Черткова: «23 сент. 84», означающая, вероятно, почтовый штемпель отправления. Датируя, исходим из того, что в письме Черткова от 26 сентября об этом письме говорится как о только что полученном.

Письмо это является ответом на два письма Черткова — от 9 и 10 сентября 1884 г. В первом из них Чертков отвечает на предыдущее письмо Толстого. «Я вам говорю всё сполна, — пишет он. — Ничего не скрываю. А если не всегда договариваю, то только потому, что вдруг становится противно и совестно так много останавливаться на себе. — Вы спрашиваете, отчего я не женюсь? Во-первых от того, что никого не люблю достаточно для этого. Во-вторых, потому что хочу в своей жене найти помощника, а для этого необходимо, чтобы мы оба одинаково понимали значение и цель жизни. В-третьих потому, что чувствую, что если бы и нашел подходящую мне жену, то именно такая жена, вероятно, очень не нравилась бы моей матери... Жениться же только с гигиенической целью я, разумеется, не хочу. Вы правы относительно скудной жизни и работы. Но мне кажется, что главное — воля, внутренняя борьба, а успех этого зависит от внутреннего настроения духа. Вы говорите — это испытывать бога. Но знаете ли, я именно это-то и хочу делать — испытывать бога, своего бога, свое представление о нем и свое общение с ним. Я убежден, что при верном сознании бога, при большем единении с ним, в воображении должно оставаться всё меньше и меньше места для плотских чувственных мыслей,

самое искушение должно ослабеть. И это я на опыте замечал именно в такие периоды, когда я бывал ближе к богу. (Не знаю, допускаете ли вы такие выражения, как «ближе к богу» и «дальше от бога». Но я уже буду выражаться, как чувствую, — дело ведь не в терминологии.) А потому мне даже радостно, что я могу из такой скверной слабости извлекать довольно значительную пользу, а именно пользоваться ею для проверки, действительно ли я на дороге, или сбиваюсь с нее... — Мне очень интересно, что вы говорите о собственности. Много очень справедливого, но в общем меня ваш взгляд не удовлетворяет, может быть от того, что я его не достаточно понимаю... Если деньги — исполнительные листы, то мне кажется, что во всяком случае это такие исполнительные листы, по которым взыскание у ж е п р о и з в е д е н о, а потому их следует не рвать, а по возможности возвращать по принадлежности то, что было взыскано»... Затем, возвращаясь к вопросу о молитве, уже затронутому ранее в переписке с Толстым [см. письмо Толстого № 22, от 24 июля], Чертков говорит: «Я вчера получил из Англии письмо от своего друга, который 4 года тому назад должен был жениться на девушке, на которой я было хотел жениться. Она теперь опять согласилась выйти за него, но он не очень уверен, что она действительно его любит... Он просит меня молиться за них обоих, чего я делать не могу, потому что не верю в молитву об определенных вещах и за третьих лиц, хотя очень верю в пользу молитвы для самого молящегося». — В письме от 10 сентября, отвечая на предыдущее письмо Толстого, Чертков возвращается к вопросу о собственности: «Лев Николаевич, у меня есть к вам просьба, — говорит он. — Дайте мне прочесть продолжение вашей статьи о переписи [«Так что же нам делать»]. Мне нужна она для выяснения вопроса. Помню, ваша статья о переписи мне ужасно понравилась. С одним я тогда не вполне согласился — с тем, что вы говорите о деньгах. Но я тогда приписывал это некоторому увлечению в выражениях и понял так — что не в деньгах сила, суть, а в чувстве, которое побуждает человека помогать другому... Но теперь вы настаиваете на вашей мысли и повторяете, что именно деньги не могут вовсе помочь. Этого я не понимаю. Я вполне согласен с вами, что смешно желать помогать крестьянину, когда он настолько выше меня стоит и сильнее меня. В этом смысле я никогда не думал покровительствовать ему и всегда смотрел на него снизу вверх, с чувством, что мне следует учиться у него. Но как бы силен ни был человек, а бывают случаи, где и самое слабое существо может помочь ему... Когда крестьянина постигло какое-нибудь чисто внешнее несчастье — покража лошади, пожар, болезнь, — то я, имея деньги, могу весьма существенно помочь ему, и он признает и ценит эту помощь. Тут материальная помощь такая очевидная, осязательная, что я не думаю, чтобы вы ее отрицали»... — На оба эти письма Толстой ответил, как мы видим, не сразу. Ближайшим же побудителем к его письму явилась, судя по началу этого письма, присылка ему Чертковым рукописного или, вернее, гектографированного экземпляра книги его «В чем моя вера» с теми сокращениями, которые сделал в ней Чертков, и примечаниями к ним, сделанными, повидимому, с целью оправдать их в глазах Толстого. О времени отсылки этого экземпляра книги никаких указаний в письмах Черткова не имеется.

[1] Отношение к браку, выраженное Толстым в этом письме, характерно для него лишь до известного периода его жизни. В дальнейшем, как это видно и по переписке его с Чертковым, он значительно изменил свою точку зрения на брак, склонившись к требованию целомудрия.

* 27.

1884 г., Октября 1. Я. П.

Кажется больше недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ я каждый [день] собираюсь вамъ писать и все откладываю. И теперь напишу только нѣсколько словъ.

О моей большой рукописи,[1] *почему я ее не посылаю еще вам?* — Я сталъ было ее укладывать, но заглянулъ въ нее, нашелъ неясности, неточности, и рѣшилъ, что надо пересмотрѣть. И вотъ теперь уже нѣсколько дней пристально работаю надъ ней. Работы оказалось больше, чѣмъ я предполагалъ, но дѣло подвигается, и чрезъ недѣлю надѣюсь кончить хоть первую часть. Когда кончу — пришлю. — То, что вы переводите изложеніе Еванг[елія],[2] меня очень радуетъ. Вы ближе узнаете мое дѣло, увидите его недостатки и скажете мнѣ ихъ. Немножко вы меня огорчили мыслью о томъ, что ваши возраженія могли мнѣ быть непріятны. — Мнѣ ужасно непріятно — больно бы было узнать, что вы несогласны съ требованіями нравствен[наго] закона Христа, съ его 5-ю заповѣдями, что вы считаете возможнымъ элюдировать,[3] смягчить какую нибудь изъ нихъ, какъ это часто бываетъ. И это было бы мнѣ больно, пот[ому] что я чувствовалъ бы, что мы не едино. Но всякое несогласіе въ метафизической области ученія не только не огорчаетъ меня, но радуетъ меня, пот[ому] что оно мнѣ полезно — показываетъ мнѣ, какъ надо быть осторожнымъ въ этомъ и въ утвержденіяхъ, и въ отрицаніяхъ, чтобы изъ-за отвлеченныхъ мыслей не нарушить самаго дорогаго — единенія любви.

Теперь о журналѣ вашемъ. Разумѣется, что сочувствую этому и радъ помогать вамъ и хочу писать для народа; но я знаю впередъ, что дѣло будетъ само гораздо ниже, гораздо, гораздо ниже того, чѣмъ вы его воображаете. Много опасностей, соблазновъ тоже въ такомъ дѣлѣ. Но если бы вопросъ поставить мнѣ такъ: хорошо ли для васъ заниматься этимъ дѣломъ? я бы отвѣтилъ, что болѣе шансовъ, что хорошо, чѣмъ дурно.

Я пишу в попыхахъ, пот[ому] ч[то] мальчики мои,[4] трое, живущіе уже въ Москвѣ и пріѣзжавшіе на два праздника, сейчасъ уѣзжаютъ.

Пожалуйста, пишите мнѣ. Я буду аккуратнѣе.

Когда вы ѣдете въ Петербу[ргъ]? И ѣдете ли?

Полностью печатается впервые. Отрывок о журнале напечатан в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 12—13. На подлиннике пометка рукой Черткова: «2 окт. 84» — вероятно, почтовый штемпель отправления. Датируем, основываясь на том, что в этом письме говорится об отъезде в Москву трех учащихся сыновей Толстого, приезжавших в Ясную поляну «на два праздника». 1 октября был праздник Покрова, а на канун его приходилось в 1884 г. воскресенье. Учащиеся несомненно должны были уезжать в Москву с вечера 1 октября.

Письмо Толстого является ответом на три письмаЧерткова — от 15, 18 и 21 сентября, разминувшихся с его предыдущим письмом. 15 сентября Чертков пишет: «Всю эту неделю я как-то проболтался зря... Хуторок мой не дает мне настоящего дела, потому что я там сам не работаю.., а болтаюсь около работников в качестве несведующего зрителя. Я сплю много и неспокойно и вообще недоволен собою и не знаю, за что взяться... Лучше всего было бы, еслиб вы в свободное время писали бы повести и рассказы для народа и позволили бы мне взять на себя издательскую, корректурную и пр. сторону дела. Я издавал бы эти рассказы сериями, да, наверное, воодушевился бы делом и в Петербурге познакомился бы с писателями, которых также уговорил бы принимать участие. Можно было бы заручиться и содействием кое-каких художников, которые доставляли бы рисунки. Так как я не гнался бы за барышами, то издания эти можно было бы пустить в продажу очень дешево. Польза была бы несомненная. Может быть, образовалось бы из этого постепенно хорошее периодическое издание для того полуграмотного народа, которому теперь нечего читать, кроме скверных лубочных изданий. Еслиб вы дали мне один рассказец, то этим бы пустили в ход всё дело. Я уже пошел бы и пошел. Пожалуйста, подумайте об этом и напишите, что думаете». Как мы видим, Чертков развивает здесь мысль, высказанную им уже в письме от 15 июля [см. комментарии к письму Толстого № 22, от 24 июля 1884 г.], и теперь мысль эта уже не оставляет его. — В небольшом письме от 18 сентября Чертков сообщает, что взялся за перевод «Краткого Евангелия» Толстого. «Кончаю Предисловие и на этих днях приступаю к самому изложению. Так как эта работа доставит мне случай основательно вдумываться в переводимые мною мысли, то я *очень* и *очень* желал бы иметь под руками ваш подробный основной перевод для справок. Вы хотели дать переписать для меня и этот подробный переводи Критику догматического Богословия. Очень прошу вас, пришлите мне по почте, если можно, и то и другое»... Эта просьба, как видно из письма Толстого, привела его к тому, что он вновь взялся за переработку «Критики догматического богословия». — Письмо Черткова от 21 сентября начинается с выражения беспокойства о том, что намеченные им сокращения в книге «В чем моя вера» и объяснения этих сокращений, высказанные

«слишком откровенно и резко», произвели на Толстого неприятное впечатление. «Мне было бы очень жаль и больно, еслиб действительно так было — пишет он. — И потому я с особенным нетерпением поджидаю писем от вас». В письме Толстого от 22—23 сентября, разминувшемся с этим письмом, он уже высказался по этому вопросу в таких словах, которые должны были дать Черткову полное успокоение и удовлетворение. — Дальше Чертков вновь переходит к изложению своего проекта об издании народного журнала. «Мысль об издании народного журнала меня всё больше завлекает. То обстоятельство, что народ в настоящее время питается самою скверною литературою, лубочными книгами самой низкой пробы, и что мало-мальски сносные книги редко когда доходят до него, — это грустное обстоятельство меня значительно ободряет в отношении моей мысли, ибо, как бы посредственны ни были статьи, которыми мне удастся заручиться, уже весьма полезным в отрицательном отношении, в виде отвода от прямо дурного и безнравственного чтения, окажется такое периодическое издание, которое компилируется, по крайней мере, не из желания наживы... При этом кое-что хорошее нет-нет да и проскользнет, а от прямо вредного издание обеспечено. С другой стороны, мне кажется, что я обладаю как раз главными условиями, необходимыми для того, чтобы пустить в ход это дело. Покуда мать жива, в моем распоряжении будут денежные средства. Некоторые связи среди влиятельных людей в Петербурге могут значительно облегчить отношения с администрацией и цензурою... Характер издания я предположил бы такой: наружно — строгое отсутствие всякого направления или тенденции, внутренне же, по содержанию, строгое избегание всего, что сколько-нибудь противоречит духу учения Христа, и затем хватание за всё, что содержит в себе что-либо хорошее и здоровое... насколько это, разумеется, возможно при отсутствии слишком очевидного обличительного направления и вообще в зависимости от условий цензуры. Содержание, по возможности, разнообразное, соответствующее потребности массы сельского полуграмотного люда. В этом отношении пришлось бы пользоваться советами и указаниями и содействием людей опытных и хорошо знакомых с бытом и строем мысли предполагаемых читателей. Полагал бы, что в содержание входило бы и повествовательное, и имеющее отношение к хозяйству, гигиене и основным началам медицины, естественной истории. Форма издания — ежемесячные выпуски тетрадок большого формата в роде журнала «Русский рабочий», который имеет успех из-за большого формата рисунков [О журнале «Русский рабочий» см. прим. 1 к письму № 50 от 25—26 марта 1885 г.] Я не скрываю от себя всех трудностей этого дела и хорошо сознаю всю свою неподготовку для ведения даже механической части. Но ведь на безводьи и рак рыба. И потом я рассчитываю на помощь других, которую, мне кажется, в настоящее время в России легче всего получить именно в таком деле».

[1] По свидетельству Марии Львовны Толстой, на которую ссылается в этом вопросе А. К. Черткова, «большой книгой» или «большой рукописью» Толстой называл в своих письмах и дневниках «Критику догматического богословия» и «Соединение, перевод и исследование 4-х Евангелий», представлявших собой нечто единое по замыслу (см. прим. 3 к письму

№ 18 от 19 мая 1884 г.). Исправление этого, давно уже законченного, но еще не напечатанного труда продолжалось не «неделю», как предполагал в письме к Черткову Толстой, а больше месяца. Так еще 30 октября он говорит в письме к Софье Андреевне, что продолжает эту работу, а 23 октября он пишет ей же: «Сел, стал читать, поправил и до 6 часов, со свечей, еще работал. Ты скажешь: «пустое занятие». Мне самому так казалось. Но потом я вспомнил ту главу, которую я поправлял и над которой больше всего сидел — это глава об искуплении и божественности Христа. Как ни смотри на это, для миллионов людей этот вопрос огромной важности». Повидимому, мотив особенно внимательного пересмотра данной главы возник у Толстого под влиянием писем Черткова и его указаний на излишнюю резкость и недостаточную убедительность некоторых частей книги «В чем моя вера», потому что в следующем письме он благодарит Черткова за то, что он задал ему эту задачу, «побудил» его к этому.

[2] «Краткое изложение Евангелия», впервые появившееся в печати в Женеве, в издании Элпидина, лишь в 1890 г. В. И. Алексеев сообщает в своих «Записках» (см. прим. 7 к письму № 22 от 24 июля), что, покидая Ясную поляну и не имея возможности переписать для себя только что законченный Толстым огромный труд его, известный под названием «Соединение, перевод и исследование 4-х Евангелий», он попросил разрешения извлечь из книги только изложение учения Христа, опустив все объяснения и доказательства точности перевода. Толстой проредактировал сделанное Алексеевым извлечение, а впоследствии написал предисловие и заключение к нему. Подробнее см. в комментариях к этому сочинению, т. 24.

[3] Обходить, — от французского глагола «éluder».

[4] Старшие сыновья Толстого: Сергей, Илья и Лев.

* 28.

1884 г. Октября 3. Я. П.

Получилъ вмѣстѣ ваши три послѣднія письма, милый В[ладиміръ] Г[ригорьевичъ]. И всѣ они произвели на меня одно впечатлѣніе — желаніе не терять васъ, быть поближе къ вамъ. Не скрою, что вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ страшно за васъ. Вы отрицаете выраженіе — искушать Бога, но я стою на своемъ, что вы именно это дѣлаете. Одно то, что, какъ мнѣ кажется, все, что вы дѣлаете, вы дѣлаете съ такой искренностью и любовью къ истинѣ, что вы найдете того, чего ищете. —

Мысль вашего журнала мнѣ очень, очень сочувственна. Именно по тому, что она слишкомъ дорога мнѣ, я боюсь возлагать на нее надежды. Что я буду желать только писать туда — это вѣрно.

Вотъ что: о программѣ не думайте. Сдѣлайте только такую,

к[оторая] бы была одобрена. Программа журнала будет видна черезъ 3 года его изданія. А что̀ вы хотите въ журналѣ, это мы знаемъ очень твердо. Коротко сказать: чтеніе ни въ чемъ не противное Хр[истову] ученію и, если Богъ дастъ, выражающее это ученіе, чтеніе доступное массѣ. —

Новое, если будетъ, то прекрасно; но прежде новаго надо дать все старое, что удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. А эта сокровищница не исчерпана и не почата. Согласны? —

О себѣ скажу, что я весь ушелъ въ работу, к[оторую] вы мнѣ задали — переправляю обзоръ богословія.[1] И очень благодаренъ вамъ, что вы меня побудили къ этому. Если бы Богъ далъ также поправить и привести въ порядокъ четвероеванг[еліе].[2]

Живемъ мы въ деревнѣ, я, жена, двѣ дочери, 3 маленькихъ мальчика и новорожденная дѣв[очка].[3] И я не ошибусь, говоря, что намъ очень хорошо, — чисто, дружно и небезбожно. За это лѣто у меня много было тихихъ, но большихъ радостей. Въ семьѣ моей большое приближеніе ко мнѣ. А радость это чувствовать — не могу вамъ передать. Только такихъ радостей, какъ увидать смягченіе сердца, отреченіе отъ прежняго и признаніе истины и чувствовать, что ты въ этомъ былъ участникомъ, — такихъ радостей я никогда не испытывалъ.[4] Старшіе мальчики въ Москвѣ и потому по инерціи мы, должно быть, поѣдемъ. Жена говоритъ—около 20-го. Но жизнь въ Москвѣ будетъ другая. О свѣтѣ и рѣчи нѣтъ. Я все-таки не могу подумать, какъ я поѣду. Чувствую, что мнѣ никуда не надо и не должно ѣх[ать]. Обнимаю васъ.

Пишу съ станціи, куда привезъ письма.

Полностью печатается впервые. Отрывок был напечатан в ТЕ 1913 г., отдел «Письма Л. Н. Толстого», стр. 13. Письмо написано на сложенной пополам четвертушке писчей бумаги. Сверху пометка рукой Черткова: «3 окт.» — вероятно, почтовый штемпель отправления. Датируем, основываясь на том, что в ответном письме Черткова, от 6 октября, говорится об этом письме как о полученном накануне, т. е. 5 октября. Так как Толстой писал на станции, на пересылку письма в Лизиновку достаточно было двух дней. Кроме того, если бы оно было написано 2 октября, Толстой, вероятно, упомянул бы в нем о своем предыдущем письме, написанном накануне.

Толстой отвечает здесь на три письма Черткова, очевидно, задержавшихся в дороге или залежавшихся на почте: от 25, 26 и 28 сентября 1884 г. В первом из них, написанном еще до получения уже отправленных ему двух последних писем Толстого, Чертков выражает беспокойство по поводу

его длительного молчания, пробуя объяснить это молчание то обидою на критические замечания, относящиеся к книге «В чем моя вера», то несочувствием Толстого к проекту народного журнала: «Я уже представил себе, — пишет он, — что через некоторое время, когда досада ваша на меня (если она есть) пройдет, вы напишете мне письмо, в котором совсем обойдете молчанием вопрос мой относительно издания листка, или мягко вскользь выразите опасение, не схожу ли я с истинного пути, увлекаясь своими личными затеями». Затем Чертков сообщает Толстому свои впечатления от «Краткого изложения Евангелия», над переводом которого он продолжает работать. «Местами ваше изложение мне очень и очень нравится, освещая темные и трудно понимаемые места, оно является живым и непрерывным комментарием, который «suggest» [внушает] более подходящее, цельное и светлое понимание. Только я не могу не жалеть, что изложение это имеет форму последовательного рассказа о жизни и учении Христа. Пробелы против канонического перевода слишком чувствительны и резки, да и мысли в роде того, что Иисус не знал своего отца и потому считал своим отцом бога... неприятно поражают даже меня, а других, разумеется, совсем отталкивают, ни за что ни про что. Эти два недостатка и еще некоторые другие второстепенные — можно было бы избежать, если придать изложению форму не последовательного рассказа, а отрывков, передающих содержание отдельных мест Евангелия, напр. Искушения в пустыне, Нагорной проповеди, Беседы с Никодимом и т. д.» Наконец, Чертков вновь возвращается к захватившему его проекту народного журнала. «Проектом издания народного листка я очень занят, — говорит он. — Кое-кому об этом написал, между прочим Крамскому и Писареву. [О Крамском см. прим. 4 к п. № 37 от 2 декабря 1884 г., о Писареве — прим. 2 к п. № 4, от 17 февраля 1884 г.] Очень зову сюда Бирюкова [см. прим. 4 к п. № 50 от 25—26 марта 1885 г.] для совместного составления программы содержания для представления в цензуру и опубликования. Так как программа эта имеет большое значение, то хочу составить ее так: сначала набросать кое-как, потом разослать для изменений, пополнений и примечаний нескольким лицам, хорошо знающим потребности народа в этом отношении, первым делом, разумеется, к вам, когда узнаю, как вы отнеслись вообще к этому предприятию... Ах, еслиб я был свободен, как я махнул бы к вам на несколько дней, чтобы на этих первых порах переговорить обо всем этом с вами. Ведь мне даже не пришлось в Москве послушать то, что говорили у вас на собраниях по поводу издания новых книжек общедоступных. [См. прим. 3 к п. № 4 от 17 февраля 1884 г.] Я не зову вас сюда... Но если вы отнесетесь сочувственно к мысли издания, то имею надежду, что вы приедете ради подания помощи для самого дела. Странная вещь — я никак не могу себе представить, как вы отнесетесь к моему предприятию. То кажется одно, то другое». — На эту же тему написано и следующее письмо Черткова, от 26 сентября: «Мне иногда кажется, — пишет он, — что вы ожидаете, что внутренняя работа под известным влиянием внешних условий постепенно доведет меня до определенных, вам известных выводов, которых я еще не вижу и не допускаю. И потому мне отчасти сдается, что вы, пожалуй, могли бы отнестись несочувственно к моей издательской работе, опасаясь, чтобы она слишком меня не поглотила

и не затормозила мое внутреннее поступательное движение к этим выводам. Если это так, то относительно этих выводов я вам пока ничего сказать не могу... Но относительно издательской деятельности скажу вам, что мне тягостно до изнеможения это постоянное взвешивание всяких важнейших отвлеченных вопросов *без* постоянной обязательной работы над каким-нибудь практическим делом. То и другое вместе — хорошо; но одно без другого тягостно. И мне кажется, что по интересу, который я в себе сознаю к подобному изданию, именно издательская работа над ним как раз удовлетворила бы этой потребности в постоянной обязательной работе, в пользе которой я не сомневался бы. И при этом всякие хорошие выводы должны не удаляться, но приближаться». В приписке к этому письму Чертков обращается к Толстому с вопросом личного характера. «Зачем вы про себя ничего не пишете и не отвечаете на мои вопросы о вас? Разве я не имею одинакового права желать знать, что вы делаете? При вашем долгом молчании о себе во мне вырастает чувство, что я переписываюсь с отвлеченностью, а не с близким и живым человеком». На эту приписку Толстой и отвечает в конце своего письма.

Письмо Черткова от 28 августа посвящено главным образом вопросу о браке, о котором Толстой, в письме от 22—23 сентября, говорит, как о «велении, написанном во всем существе нашем» и отказ от которого считает «искушением бога». Но и это письмо Черткова начинается с сообщений, касающихся задуманного им народного журнала: «Я обратился письменно к нескольким лицам, прося их высказать мне их представление о том, как следовало бы повести подобное издание, и прислать мне черновые предположительные программы самого содержания по отделам... И вообще, если с божьей помощью удастся завести это дело, я желал бы по поводу этого журнала постоянно поддерживать сношения с людьми, близко стоящими к народу и хорошо понимающими его вкус, для того чтобы узнавать, какие статьи и рисунки больше нравятся, какие — неудачны. Поддерживая таким образом постоянную связь с читателями, можно было бы постоянно улучшать самое издание и постепенно довести его до того, что оно действительно будет как раз удовлетворять потребности читателей». Переходя же к вопросу о браке, Чертков говорит: «Я вполне согласен почти со всем, что вы об этом говорите... Кроме того я не скажу, что не имею призвания к брачной жизни, потому что, напротив того, сознаю это призвание всем моим существом и считаю брачную жизнь высшим земным счастьем, которое только могу себе представить, такое счастье, что избегаю его себе воображать, становится жутко. Согласен я также с вами в том, что лучшими средствами для борьбы с похотью это — труд и пища простого рабочего, а также — удовлетворение похоти путем брака. Но я чувствую, что, по крайней мере, в моем личном случае есть еще одно средство, а именно — воля, под влиянием духа... Известные условия иногда создают вокруг человека пустыню в каком-нибудь одном отношении. Когда не находишь себе подходящей жены, то волею-неволею приходится жить холостой жизнью... Это всё равно, что пустыня, воздвигнутая обстоятельствами в отношении половых потребностей. А как надо поступать в пустыне. мы знаем. «Я жив не хлебом, а духом. И дух мой может пренебречь плотью»... И это в моем случае вовсе не значит броситься с крыши храма,

ибо делаю я это не по своей воле, а в силу обстоятельств, которых теперь, сейчас изменить не могу... Мой дух еще может пренебречь плотью, и этим пересилить плоть, а я не пренебрегаю и не пересиливаю... Если я действительно искренен, когда при людях исповедую более полное, чем они, понимание и *принимание* учения Христа, если я искренен и вера моя живая, то это принимание Христа в сильнейшей сравнительно с другими степени должно дать мне больше *воли*, больше *силы*, чем у других... Здесь, очевидно, ошибка в моей вере. Я или исповедую бога только на словах, или же у меня в чем-нибудь ложное о нем представление. И только тогда, когда дух мой будет сильнее плоти, только тогда могу я признать, что Бог близок ко мне, что вера моя верна».

[1] «Критика догматического богословия». См. прим. 1 к п. № 18 от 19 мая 1884 г., а также письмо № 27 от 1 октября 1884 г. и прим. 1 к нему.

[2] «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий». См. прим. 3 к п. № 18 от 19 мая, а также письмо № 27 от 1 октября 1884 и прим. 1 к нему.

[3] Две дочери — Татьяна 20 лет и Мария 13 лет, три маленьких мальчика — сыновья Андрей 7 лет, Михаил 5 лет и Алексей 3 лет и четырехмесячная дочь Александра.

[4] Очевидно, отрадные впечатления последних недель заслонили для Толстого всё то чрезвычайно тяжелое, что он переживал в своей семье в течение всего лета и что постоянно отмечается им вплоть до 5 сентября в Дневнике, который с 13 сентября 1884 г. на очень долгое время прерывается.

* 29.

1884 г. Октября 10. Я. П.

Нынче — среда, 10, ѣду въ Кіевъ, т. е. къ Ге[1] на недѣлю— самое большое, поэтому вашъ пріѣздъ соображайте съ этимъ. Въ Москву ѣдемъ 20-го. Послѣднее письмо ваше получилъ и радуюсь и боюсь за васъ. Только что подумаешь: я побѣдилъ, и торжествуешь, какъ и готовъ, въ ямѣ. Такъ со мной бываетъ. Обнимаю васъ.

Л. Толстой.

Письмо печатается впервые. Написано на оторванном полулистке почтовой бумаги. Вверху — пометка рукой Черткова: «10 октября 84, Я. П.», соответствующая дню написания письма, указанному в самом его тексте и подтверждаемая сведениями о времени отъезда Толстого в Киев.

Толстой вкратце отвечает здесь на три письма Черткова — от 4, 6 и 7 октября 1884 г., основной темой которых вновь является вопрос о невоз-

можности женитьбы и о связанных с воздержанием тяжелых состояниях и искушениях.

Из двух последних писем видно, что Чертков переживает в это время полосу каких-то душевных брожений, что бывают «минуты очень трудные, тяжелые», что ему воспрепятствовали «искреннее человеческое сближение с одной девушкой», сестрой местной учительницы. В общем однако все эти письма говорят о том, что Чертков продолжает твердо выдерживать свою линию. Письмо от 6 октября кончается вопросом: «Скажите, можем ли мы с Бирюковым приехать к вам, если придется, так невзначай, на день, чтобы вместе подумать об издании? Это очень важно, ответьте».

В последнем из своих писем, от 7 октября, возвращаясь к обстоятельствам, которые держат его в беспокойном, неуравновешенном состоянии, Чертков говорит в заключение: «...Превозмогу, если бог даст, или сойду с ума, или умру — всё как Бог даст — всё к лучшему».

[1] Николай Николаевич Ге (1831—1894) — художник, друг Толстого. Учился в Киевском и Петербургском университетах, откуда перешел в Академию художеств. По окончании ее был командирован за границу, пробыл там четыре года и вернулся оттуда с картиной «Тайная вечеря», которая новизной реалистической трактовки темы произвела, по выражению В. Стасова, впечатление «громовое». Во время вторичной поездки за границу познакомился с Герценом и написал портрет его. Написал несколько выдающихся картин на исторические темы и ряд портретов современных ему писателей и художников. В 1875 г. покинул Петербург и навсегда поселился у себя на хуторе подле станции Плиски Киево-Воронежской ж. д., в Черниговской губ. В 1882 г., прочитав статью Толстого «О переписи», отвечавшую его собственным настроениям, отправился в Москву, чтобы познакомиться с Толстым, и вскоре сделался его близким другом и последователем. В январе 1884 г., имея доступ в его кабинет во время его работы, изобразил его на портрете читающим корректуры книги «В чем моя вера». В том же 1884 г. дважды посетил Толстого в Ясной поляне — в июле и в августе. В последнее десятилетие жизни написал несколько реалистических картин на темы из Евангелия, направленных к разрешению тех же религиозно-этических проблем, которые волновали Толстого. Кроме того Ге сделал иллюстрации к рассказу Толстого «Чем люди живы?» (изд., в виде альбома рисунков Ге, Пановым, М. 1886 г.) и к «Сказке об Иване-Дураке» (не изд.) Об отношении к Ге со стороны Толстого говорят не только многочисленные письма его к нему, но и некоторые записи в Дневнике Толстого. Так 24 июля 1884 г. во время приезда Ге он пишет: «... Ге очень хорош, ощущение, что слишком уж мы понимаем друг друга», и на следующий день, 25 июля: «...Вернулись домой с Ге. Прелестное чистое существо...»

Подробно о нем см. книгу В. В. Стасова: «Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка», изд. «Посредник», М., 1904. и книгу «Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка. Вступительн. статья и примечания С. П. Яремича, «Academia», М.—Л., 1930.

* 30.

1884 г., Октября 15. Я. П.

Сейчасъ вернулся. Пріѣзжайте сюда. Всѣ переѣзжаемъ Москву субботу.[1]

Толстой.

Текст, ранее не опубликованный, представляет собой телеграмму, посланную Толстым в Москву с железно-дорожной станции Козловка-Засека. На телеграфном бланке—пометка рукой Черткова: «№ 30». Служебные отметки указывают, что телеграмма подана 15-го. Относим ее к октябрю 1884 г. как на основании проставленного на ней архивного номера, так и на основании того, что, судя и по означенному на ней адресу Черткова (Москва, Мал. Дмитровка, дом Мансурова), и по содержанию, она бесспорно является ответом на небольшое письмо Черткова от 10 октября 1884 г.

В письме этом Чертков сообщает Толстому, что к его матери приехала тетка его по отцу, гр. Шувалова, и что, желая продлить ее пребывание в Лизиновке, он едет на два дня в Москву, чтобы заменить ее в праздничные дни при ее сыне, обучающемся в Катковском лицее. Дальше Чертков повторяет просьбу сообщить в Москву (указывается вышеозначенный адрес), может ли он приехать в Ясную поляну один или вместе с Бирюковым, которого он намеревается вызвать для этого из Петербурга, чтобы поговорить о задуманном народном издании. Письмо это, очевидно, пришло в отсутствие Толстого, ездившего в Черниговскую губернию к Ге, и телеграфный ответ его, посланный Толстым немедленно по возвращении, уже не застал Черткова в Москве.

[1] Суббота приходилась в 1884 г. на 20 октября. На этот день, как сказано и в последнем письме Толстого, от 10 октября, назначен был отъезд всей семьи из Ясной поляны в Москву, но со дня отправления телеграммы до 20 октября оставалось еще достаточно времени, чтобы Чертков мог побывать в Ясной поляне.

* 31.

1884 г. Октября 31. Я. П.

Что вы дѣлаете? Я не писалъ вамъ отъ того, [что] каждый день ждалъ васъ. Особенно ждалъ, п[отому] ч[то] очень желалъ этого. Я двѣ недѣли прожилъ одинъ въ деревнѣ. Семья вся въ Москвѣ. Что ваше дѣло? Мнѣ оно теперь кажется желательнѣе, чѣмъ прежде. Я такъ привыкъ и такъ дорожу общеніемъ съ вами, что мнѣ очень недостаетъ вашихъ писемъ. Я странно и совсѣмъ особенно провелъ эти двѣ недѣли: мало работалъ, но

много передумалъ и обо многомъ хотѣлось бы поговорить съ вами. [1] Въ пятницу 2-го поѣду въ Москву, коли буду живъ. Тамъ увидимся, а лучше бы было въ деревнѣ. Передайте мой привѣтъ матушкѣ. [2]

Л. Толстой.

Воронежской губер.
Станція Россошь
Лизиновка
Владиміру Григорьевичу
Черткову.

Письмо печатается впервые. Представляет собой «открытку». В углу — пометка рукой Черткова: «1 ноября 84». Штемпеля: «Тула 1 ноября 84», «Россошь 3 нояб. 84». Датируем письмо, исходя из того, что оно было отправлено 1 ноября не со станции Козловка-Засека, а из Тулы, куда ездили по хозяйственным делам с раннего утра, а потому было написано, всего вероятнее, накануне, т. е. 31 октября.

Толстой не уехал с семьей в Москву, как предполагал в письме от 10 октября и телеграмме от 15 октября, а остался в Ясной поляне до 2 ноября. Комментируемое письмо его написано, очевидно, в ожидании писем от Черткова, которые должны были задержаться доставкой, так как согласно указаниям Толстого адресовались в Москву

[1] О мыслях и настроениях Толстого этого времени дают представленье следующие строки письма его к Софье Андреевне, написанного в один из предшествующих дней: «Нынче я вспомнил, что мне 56 лет, и я слыхал и записал, что семилетний период — перемена в человеке. Главный переворот во мне был: $7 \times 7 = 49$, именно, когда я стал на тот путь, на котором теперь стою. Семь лет эти были страшно полны внутренней жизнью, уясненiем, задором и ломкой. Теперь, мне кажется, это прошло, — это вошло в плоть и кровь, и я ищу деятельности на этом пути. И или я умру, или буду очень несчастлив, или найду деятельность, которая поглотит меня всего на моем пути. Разумеется, писательская, самая мне родственная и тянущая к себе». Быть может, в связи с этими мыслями стоят слова Толстого в комментируемом письме: «Что ваше дело [дело народного журнала]? Мне оно теперь кажется желательнее, чем прежде».

[2] Привет, посылаемый в этом письме Толстым Елизавете Ивановне Чертковой, вызван, всего вероятнее, следующим сообщением Черткова в одном из предыдущих писем его, от 6 октября 1884 г.: «Спешу сообщить вам, что у меня теперь был очень тяжелый разговор с моей матерью по поводу вас. Насколько я мог заметить,... она огорчена тем, что вы не ответили на ее поручение из Англии [см. комментарии к п. № 22 от 24 июля 1884 г. и косвенный ответ на слова Е. И. Чертковой в указанном письме]. Она искренно считает свои тогдашние слова вызванными теплым чувством к вам и желанием сблизиться с вами. И потому видит бессердечие или, как она сама выражается, «отсутствие христианской любви» к ней в том, что,

вы прямо не ответили ей... Одним словом, я вижу, что она вами очень интересуется (из за меня, к сожалению), хотела бы вас любить, вернее, думает, что вас любит, и желала бы вступить с вами в прямые отношения».

* 32.

1884 г. Ноября 3. Москва.

Сейчасъ пріѣхалъ Москву. Очень желаю видѣть.

Левъ Толстой.

Телеграмма. Публикуется впервые. На телеграфном бланке пометка Черткова: «№ 32.3.84.» и служебные отметки: «Москва, подана 3-го».

Телеграмма эта, энергичнее прежнего выражающая желание видеть Черткова, бесспорно вызвана двумя его письмами, адресованными в Москву, — от 24—25 октября и 29—30 октября, из которых первое могло быть переслано Толстому в Ясную поляну в последние дни его пребывания там, а второе ожидало его в Москве. Письмо Черткова от 24—25 октября начинается с сожаления о том, что ему не удалось попасть в Ясную поляну, так как телеграмма Толстого от 15 октября, с приглашением приехать туда, пришла уже после его отъезда из Москвы. Далее Чертков пишет: «Хотя я в Москву ездил по семейному делу и оставался там только один день, однако, к счастью, успел повидаться с Маракуевым, Пругавиным, Златовратским и Орловым. Они все отнеслись весьма сочувственно к моему желанию издавать периодическое издание для народа. Но они что-то уж очень обрадовались тому, что я упомянул о газетной форме издания и настойчиво напирали именно на такую форму... Я же скорее склоняюсь на периодические выпуски, не имеющие газетного характера и из которых каждый представлял бы одно целое, годное для розничной продажи... Мне очень хотелось бы приехать к вам в Москву в первых числах ноября, но не знаю, удастся ли, и боюсь, что, пожалуй, не удастся... Во-первых, мать, потом ремесленная школа, которую следует пустить в ход, несколько соседних учителей навестить, ободрить, созвать их на маленький частный съезд для большего общения и обоюдной поддержки. Одним словом дела много и — такого, от которого я еще не считаю себя в праве отказаться».

Лица, с которыми Чертков виделся в Москве по делу народного журнала: Николай Николаевич Златовратский (1845—1911), беллетрист-народник, привлекавшийся и к обсуждению проекта народного издательства, задуманного Толстым и М. П. Щепкиным в первые месяцы 1884 г.; Владимир Николаевич Маракуев, деятель по народному образованию и издатель народных книжек (о нем см. ниже прим. 14 к письму № 46 от 24 февраля 1885 г.); Александр Степанович Пругавин — исследователь раскола, знаток народной жизни (см. комментарий к п. № 12 от 10 апреля 1884 г.). Владимир Федорович Орлов (см. ниже, прим. 5 к п. № 37 от 2 декабря 1884 г.)

В письме от 29 октября Чертков говорит: «Дорогой друг, Лев Николаевич, как видите, я в первый раз обращаюсь к вам с несколько теплым вы-

ражением. Это происходит от того, что я теперь сознал и потому признаю, насколько вы мне дороги и насколько вы мне друг... Мне грустно, очень грустно, что опять долго не придется вас повидать и повидать так, как я вас никогда не видел, т. е. хорошо, как видаются братья, родственники, не в виде посещения с приходом и уходом, а деля несколько дней под ряд семейную обстановку... Братья, родственники видаются как-то иначе, чем не братья, не родственники. Знаете ли, я за последнее время много думал об отношениях семейных и не семейных и пришел к заключению, что в существующих теперь семейных отношениях есть много языческого (в смысле нехристианского). И чем больше современный человек «хороший семьянин», тем, пожалуй, в нем больше языческого в отношении ближнего вообще. «Любить ближнего как самого себя» — эта идея собственно говоря разрушает семью, или вернее — исключительность семейного чувства, как она разрушает и собственность и всякий аристократизм, сословный, умственный и всякий другой, в том числе и аристократизм чувства, на котором основывается так называемая дружба. Всё должно быть общее, никакой исключительности, никаких секретов или тайн, или сокровенных мыслей. Всем говорить всё, первому встречному, в глаза и за глаза. Всем показывать всё и вообще ломать все преграды. Или, пожалуй, лучше, чем ломать (здесь насилие), лучше — подкапываться под все и всякие преграды и ограничения, так чтобы они сами проваливались по частям, постепенно, почти незаметно...» Письмо это кончается припиской от 30 октября: «Чувствую потребность покаяться в одной недобросовестности перед вами: в прошлом письме я писал не совсем искренно... Я тогда думал сделать так: посмотреть, не приедете ли вы сюда, когда узнаете, что я в Москву не могу ехать. Но в случае, если б вы не приехали, я собирался к вам именно на этой неделе. Видите, как мелочно и грязно я хотел вас надуть. В настоящую минуту в этом отношении совесть у меня чиста. Я говорю спроста и честно. Ехать к вам не могу и не ожидаю вас сюда, несмотря на то, что ужасно хотелось бы, чтобы вы приехали и что мать вчера попросила меня передать вам, что зовет вас сюда».

* 33.

1884 г. Ноября 7. Москва.

Милый и дорогой другъ Владиміръ Григорьевичъ, мнѣ ужасно было на себя досадно и стыдно, что я проспалъ. Я понялъ, что вы уѣхали потому, что не хотѣли насиловать меня. «Если, молъ, онъ понимаетъ, какъ это мнѣ важно, и хочетъ мнѣ сдѣлать доброе, то онъ самъ пріѣдетъ». Это такъ, но мнѣ все таки ужасно жалко. Мнѣ хотѣлось, чтобъ вы меня увлекли; хотѣлось и хочется ѣхать; но я почему-то очень слабъ это время, и нѣтъ энергіи. Изъ всего, что вы отъ меня ожидаете, мнѣ кажется, что самое существенное это знакомство съ вашей матушкой и — можетъ быть, я заблуждаюсь гордостью — сближеніе съ

ней, и содѣйствіе вашему не то, что сближенію съ ней, но устраненію недоразумѣній. Мнѣ кажется, что вамъ необходимо давать счастье другъ другу и что этому мѣшаютъ какія нибудь крошечныя недоразумѣнія, к[оторыя] вамъ не видны и к[оторыя] я, со стороны и любя васъ, увидалъ бы. — Практическія же дѣла ваши не важны. Если они не ладятся, то виновата постановка дѣла, ваши требованія отъ него, и вполнѣ устранить то, что мѣшаетъ, можете только вы. — Разумѣется, я бы радъ былъ содѣйствовать хорошему дѣлу при случаѣ, но дѣло это не мое, а ваше. У меня есть свое, и въ моемъ — самомъ моемъ дѣлѣ, я знаю, что никто мнѣ помочь не можетъ. — Очень вы тревожны, милый другъ. Очень вы себя мучаете. — Я знаю это состояніе и знаю, что остановить этого нельзя, но мнѣ жутко смотрѣть на васъ, какъ было жутко переживать это. —

Мнѣ бы ужасно хотѣлось пожить съ вами. Мнѣ хочется видѣть, всегда ли вы въ такомъ напряженномъ состояніи, въ какомъ я вижу васъ. Не можете вы дома быть такимъ (хотя, судя по письмамъ, вамъ большей частью некогда [)]. Знаете ли, я одно время писалъ о Петрѣ 1-мъ, [1] и одно у меня было хорошо. Это объясненіе характера Петра и всѣхъ его злодѣйствъ тѣмъ, что онъ постоянно былъ страстно занятъ — корабли, точить, путешествовать, писать указы и т. д. Праздность есть мать пороковъ, это труизмъ; но то, что горячечная, спѣшная дѣятельность есть всегдашняя спутница недовольства собой и главное людьми, это не всѣ знаютъ. [2] — Я бы желалъ вамъ больше спокойствія и праздности, добродушнаго, ласковаго и снисходительнаго къ людямъ спокойствія и праздности. Я бы желалъ пожить съ вами и, если будемъ живы, то поживу съ вами. Не переставайте же любить меня, какъ я васъ люблю. — Я часто бываю физически, какъ я это называю, въ 100-лѣтнемъ состояніи — точно мнѣ 100 лѣтъ, и вы въ такомъ состояніи застали меня теперь. Можетъ быть, я бы и рѣшительно поѣхалъ съ вами и во всякомъ случаѣ не проспалъ бы васъ, если бы не былъ въ такомъ состояніи.

А все таки я желаю вамъ праздности, больше праздности — меньше задирающихъ съ разныхъ сторонъ требованій; впрочемъ и это неправда, надо сказать: желаю вамъ такого состоянія, въ к[оторомъ] праздность, отсутствіе требованій извнѣ переносилось бы вами радостно. —

И по письму вы можете видѣть, что мнѣ 100 лѣтъ, и я сплю.

Я не выдумываю, что писать; пишу, что мнѣ хочет[ся], но все это такъ мелко и неярко, хотя то самое, что я думаю и чувствую о васъ.

Л. Т.

Печатается впервые. На подлиннике пометки рукой Черткова: «7 нояб. 84» и «№ 34»: № 33 проставлен Чертковым на телеграмме Толстого от 8 ноября, так как она была получена им ранее этого письма. Датируем, исходя из того соображения, что, судя по содержанию этого письма, оно было написано в день отъезда Черткова из Москвы, и потому, помечая дату его написания, Чертков руководствовался не штемпелем отправления, а точной осведомленностью на этот счет.

Обстоятельства, при которых было написано это письмо, уясняются в значительной степени анализом настоящего письма и следующих за ним. К сожалению, ответное письмо Черткова на эти письма не сохранилось, но оно возмещается тем сделанным по воспоминаниям сообщением его, которое А. К. Черткова дала в своем примечании к настоящему письму. В сообщении этом говорится: «Приехал я тогда ко Льву Николаевичу в очень трудную минуту своей жизни, переутомленный и душою и телом, как некоторыми усложнениями в моей внешней деятельности, так, в особенности, и тем душевным кризисом, который я в то время переживал. Лев Николаевич, вместе с гостившим у него Николаем Николаевичем Ге (младшим), не заметили моего душевного состояния и еще больше утомили меня своими настойчивыми разговорами на те самые темы, которых мне в то время хотелось избегать, как слишком волновавших меня и еще не выясненных моим сознанием, в особенности в присутствии третьего — для меня чужого лица [Ге-младшего], который крайне нечутко добивался от меня категорических ответов. Проведши ночь в кабинете Льва Николаевича и на следующее утро не допущенный к нему его домашними в виду его занятий, не имея возможности оставаться долее, — я, не простившись с ним, уехал обратно в Воронежскую губернию. Об этом неожиданном для Льва Николаевича моем отъезде он и упоминает в своем письме». Внимательное рассмотрение писем Черткова и самого Толстого за данный период вносит значительные дополнения к сообщенному здесь. Чертков приехал к Толстому 6 ноября, по его приглашению, выраженному в телеграмме от 3 ноября. Из предшествующих этой телеграмме писем Черткова мы знаем, что он был в это время очень занят разными срочными местными делами (см. комментарий к № 32, — телеграмме от 3 ноября). Следовательно, он мог приехать лишь на короткое время. Но из этих же писем его мы знаем, что он мечтал увидеть Толстого у себя в Лизиновке. Судя по первому абзацу комментируемого письма, такой разговор — о поездке Толстого в Лизиновку на следующий же день, вместе с возвращающимся туда Чертковым — между ними, действительно, состоялся, причем Чертков, в качестве мотивов своего настойчивого приглашения, выдвигал свое горячее желание познакомить его с матерью, а также необходимость обстоятельно переговорить о задуманном народном журнале, к которому Толстой в последних своих письмах начинал уже проявлять живой интерес. — О

беспокойном, напряженном состоянии Черткова в день этого московского свидания свидетельствует как вышеприведенное его собственное сообщение, так и вся вторая половина комментируемого письма Толстого к нему. Толстой же в эти первые дни своего пребывания в Москве, как видно из его письма, был в состоянии несколько апатичном. К этому обстоятельству, отнюдь не благоприятному для живого, чуткого общения, присоединилось то, что к нему приехал в это же время Н. Н. Ге-младший (см. о нем прим. 1 к п. № 16 от 2 мая 1884 г.). Что в общем разговоре на очень серьезные темы со стороны Толстого и Ге действительно было что-то неладное, как это отмечено в сообщении Черткова, свидетельствует и признание самого Толстого в одном из последующих его писем (см. № 36, от 13—14 ноября 1884 г.). Под этим тяжелым впечатлением Чертков расстался вечером с Толстым, надеясь утром вновь увидеть его и, может быть, всё таки увезти его с собой в Лизиновку, как это было уговорено днем. Но увидеться с ним ему не удалось. По его воспоминанию, он не был допущен к Толстому его домашними «в виду его занятий», — как это бывало, может быть, в других случаях; по свидетельству же самого Толстого в комментируемом письме он просто проспал час отъезда Черткова. Как бы то ни было, Чертков уехал, даже не простившись с ним, и это вызвало в душе Толстого очень острое и тревожное чувство своей вины перед ним, высказанное как в письме от 7 ноября, так и в следующем письме, от $^{7}/_{8}$ ноября, и в одновременно посланной телеграмме.

[1] В 1870—1873 гг. Толстой начал писать исторический роман о Петре I, для которого внимательно изучал исторические материалы петровской эпохи, но вскоре прекратил работу над романом. Из сохранившихся набросков его одна часть, под редакцией М. А. Цявловского, была напечатана в журнале «Новый мир», 1925, 5 и вышла затем отдельной книжечкой в Библиотеке «Огонька» (№ 73), М. 1925 г., другая часть, до последнего времени не напечатанная, выходит вместе с указанной, напечатанной в т. 15.

[2] Мысль эта позднее развита и обоснована Толстым в статье его «Неделание», напечатанной впервые в журн. «Северный вестник», 1893, 9. См. т. 31.

* 34.

1884 г. Ноября 7/8 ночью. Москва.

Не сплю ночь, и меня мучаетъ и то, что я не видалъ васъ передъ отъѣздомъ, и то, что не поѣхалъ съ вами, и то, что написалъ вамъ дурное холодное письмо. Пожалуйста не сердитесь на меня. Вы мнѣ ужасно дороги и близки. Я чувствую это теперь и страдаю отъ того, что думаю, что сдѣлалъ вамъ больно. Получилъ нынче телеграмму на ваше имя. [1] Пошлю это письмо рано утромъ и еще пошлю телеграмму, чтобы узнать, простили ли вы меня.

Л. Т.

Письмо печатается впервые. На подлиннике пометка рукой Черткова «8 Нояб. 84. М» и «№ 35», несоответствующий нашей порядковой нумерации, основанной на времени написания писем, а не получения их. Датируем, исходя из содержания самого письма, указывающего на то, что оно отправлено вместе с телеграммой того же содержания, т. е. телеграммой от 8 ноября, которая печатается следующим номером.

Об обстоятельствах, при которых писалось это письмо, см. комментарий к предыдущему письму, № 33, от 7 ноября 1884 г.

[1] О какой телеграмме на имя Черткова здесь говорится — сведений не имеется.

* 35.

1884 г. Ноября 8. Москва.

Ѣхать теперь почти не могу. Нездоровъ. Простите.

Толстой.

Текст телеграммы печатается впервые. На телеграфном бланке пометка рукой Чертѣкова «8 ноября 84». Датируем на основании текста письма № 34 от 7/8 ноября 1884 г. и служебных отметок на телеграфном бланке: «8, подана в 5 ч. попол.»

Обстоятельства, при которых написана телеграмма, разъяснены полностью в комментарии к предшествующему ей письму. Относительно слова «почти» в словах телеграммы «ехать почти не могу» возможно некоторое сомнение, правильно ли оно передано телеграфом, хотя фраза в целом до некоторой степени правдоподобна, передавая то состояние физической и психической вялости при отсутствии явного нездоровья, о котором Толстой говорит в письме от 7/8 ноября.

* 36.

1884 г. Ноября 13—14. Москва.

Сейчасъ получилъ отъ васъ давно ожидаемое письмо, милый другъ, и такое именно, какое я желалъ. —

Вы правы — нашъ разговоръ съ вами съ Ге былъ нехорошій. Мнѣ чувствовалось, что тутъ что-то тяжелое и дурное. Дьяволъ силенъ. Самъ не замѣтишь, какъ въѣдешь во что-то неестественное и лишнее. Но я очень радъ, что вы согласились съ мыслью моего перваго письма.

Вы мнѣ со всѣхъ сторонъ дороги. Ваша тревога, все ваше состояніе, к[оторое] я не сумѣю назвать, я знаю очень хорошо, п[отому] ч[то] я только что пережилъ его (и то слишкомъ смѣло

сказать — *пережилъ*). И знаю, какъ оно — не мучительно, но тяжело, напряженно, какъ не мучительна, но тяжело напряженна бываетъ полевая страдная работа,[1] и знаю, какъ оно необходимо и неизбѣжно. Надо пережить его. Я былъ старше и, думаю, менѣе горячъ. И думая объ васъ, всегда думаю — помогай ему Богъ. Но хорошо, что вы признаете то, что нужно меньше напряженія, нужно придти къ успокоенію. —

Вскорѣ послѣ васъ Шувалова[2] просила меня пріѣхать къ ней, чтобы узнать о васъ. Я засталъ у нея Пейкеръ.[3] Онѣ говорили про васъ, и Е[лена] И[вановна] понравилась мнѣ больше, чѣмъ Пейкеръ. Онѣ, разумѣется, не понимаютъ того, что двигаетъ вами, и, не понимая, хотятъ судить. Я и не пытался объяснить имъ. И уѣхалъ подъ впечатлѣніемъ неразрѣшимаго недоразумѣнія, но очень дружелюбно, въ особенности съ Шуваловой.

Вашу телеграмму я получилъ въ тотъ день, когда послалъ свою, и эту телеграмму я показалъ имъ. Право отвѣта на вашу телеграму[4] я берегу, чтобы воспользоваться, если понадобится.

Я спокоенъ, и мнѣ и вокругъ меня хорошо. — Жизнь моя не та, какую я одну считаю разумной и не грѣшной, но я знаю, что измѣнить ее силъ у меня нѣтъ, я уже пытался и обломалъ руки, и знаю, что я никогда или очень рѣдко упускаю случай противодѣйствовать этой жизни тамъ, гдѣ противодѣйствіе это никого не огорчаетъ. —

Скоро послѣ васъ былъ у меня Сютаевъ — сынъ,[5] тотъ, к[оторый] былъ въ солдатахъ. Онъ $2^1/_2$ года пробылъ въ крѣпости, изъ нихъ 5 мѣсяцевъ былъ въ сумасшедшемъ домѣ на испытаніи и $1^1/_2$ года отслужилъ; но не присягалъ. Вы его видѣли. Его зовутъ Иванъ, маленькой ростомъ. Мы съ нимъ во всемъ согласны, кромѣ внѣбрачныхъ отношеній, кот[орыя] онъ считаетъ не грѣхомъ. Онъ впрочемъ согласился, что это зло. Онъ пробылъ у меня 3 дня, и мы полюбили другъ друга. Я шутя говорилъ, что я бы его истолокъ съ вами въ ступѣ и сдѣлалъ бы изъ васъ двухъ людей прелестныхъ. Разумѣется это вздоръ, и Богъ знаетъ лучше, и вы лучше, какой вы есть. — Еще получилъ «Въ чемъ моя вѣра», напечатанное по-нѣмецки и прекрасно переведенное.[6] — Ничего еще не знаю о томъ, отозвалось ли оно тамъ въ комъ нибудь. Это была радость для меня, больше дурная, тщеславная. Передайте мой привѣтъ вашей

матушкѣ. Е. И. Шувалова сказала мнѣ, что, по ея мнѣнію, мы полюбимъ другъ друга. И я былъ этому очень радъ.

Еще хочется вамъ сказать: вы мало обращаете вниманіе на искушеніе Христа въ пустынѣ. Мнѣ это мѣсто ужасно близко и постоянно служитъ руководствомъ. Нельзя искушать Бога — ни тѣмъ, чтобы убить себя, ни тѣмъ, чтобы отступать отъ тѣхъ требованій тѣла, которыя вложены въ насъ Отцомъ же. Должно себя лишать, но есть тотъ предѣлъ, гдѣ я, моя душа, мое сердце, моя мысль перестаютъ дѣйствовать свободно и по Божьи. А вы дѣлаете это. Не ломайте слишкомъ круто своихъ привычекъ — сна, ѣды, даже увеселеній, отдыха, подъ к[оторымъ) я разумѣю искуство — чтеніе — музыка.

Полностью печатается впервые. Отрывок был напечатан в Б, III, Госизд., М., 1922, стр. 4. На подлиннике пометки рукой Черткова: «М. 14 ноября 84» (вероятно соответственно штемпелю отправления) и «№ 36». Датируем, исходя из того, что в Москве штемпель отправления мог соответствовать дню написания письма, но мог быть положен и на следующий день.

Повидимому, Чертков, уехав из Москвы утром 7 ноября в Лизиновку, послал Толстому телеграмму немедленно по приезде на ближайшую к ней железно-дорожную станцию Россошь или даже с дороги, потому что Толстой говорит в своем письме о получении этой телеграммы в тот самый день, когда он послал свою, т. е. 8 ноября. Телеграмма эта не сохранилась, но судя по тому, что Толстой, как это видно из его письма, показал ее тетке Черткова гр. Шуваловой и ее приятельнице Пейкер, в ней не заключалось ничего интимного и затрагивающего вопрос об обстоятельствах, при которых он уезжал из Москвы. Почти немедленно после отсылки этой телеграммы Чертков должен был получить телеграмму Толстого от 8 ноября, но, повидимому, и она не дала ему еще возможности найти в себе настроение, нужное для откровенного объяснения с Толстым по вопросу о неприятно поразившем его разговоре с ним и с Ге-младшим [см. комментарий к п. № 33 от 7 ноября], и только по получении взволнованного письма Толстого, написанного в ночь с 7 на 8 ноября, он чистосердечно высказался на эту тему. К сожалению, это письмо Черткова тоже не сохранилось.

[1] *Слова*: полевая страдная *вписаны поверх строки.*

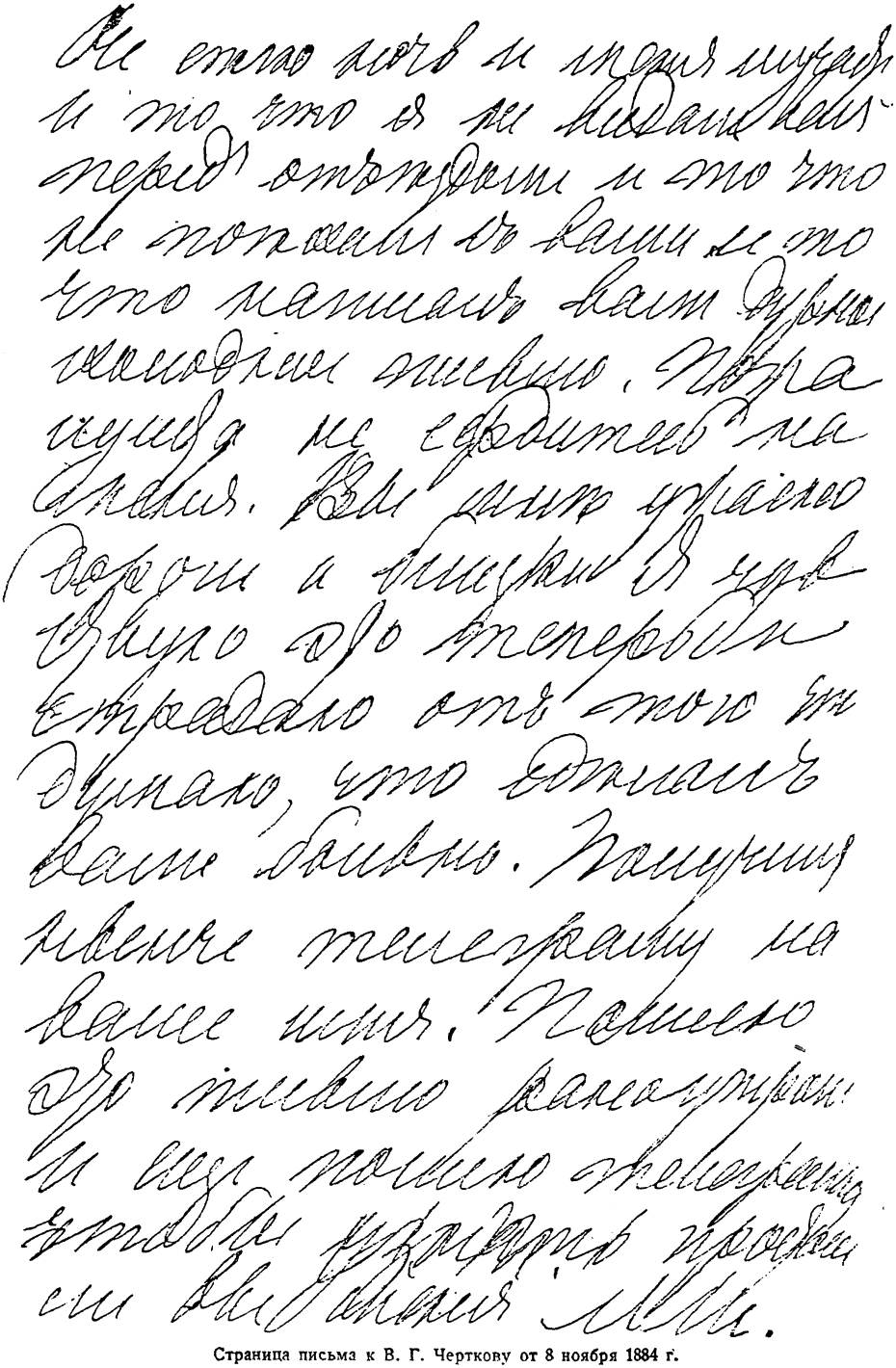
[2] Гр. Елена Ивановна Шувалова (1830—1922), родная тетка Черткова по отцу, жившая в то время с сыном в Москве. В первом браке — за гр. М. В. Орловым-Давыдовым, после смерти которого вышла замуж за гр. П. А. Шувалова, известного при Александре II цередворца, начальника III отделения, ведавшего государственными преступлениями, позднее — русского посла в Лондоне. Принадлежа к тому же великосветскому кругу, увлеченному проповедями Пашкова, как и Е. И. Черткова, есте-

ственно разделяла ее тревогу по поводу отпадения В. Г. Черткова, своего племянника, от христианской догмы.

[3] Александра Ивановна Пейкер (р. 1854 г.), дочь Олонецкого губернатора. Образование получила за границей. Обладала большими музыкальными способностями и прекрасным голосом, который открывал перед ней оперную карьеру, но под влиянием проповеди евангеликов отказалась от светской жизни и, примкнув к группе пашковцев, посвятила себя проповеди Евангелия и благотворительности. На этом поприще близко сошлась с Елиз. Ив. Чертковой и на всю жизнь стала ее лучшим другом. С 1880 г. взяла на себя издание и редактирование основанного ее матерью, М. Г. Пейкер, журнала евангелического направления «Русский рабочий» (об этом журнале см. прим. 1 к п. № 50 от 25—26 марта 1885 г.).

[4] Чертков, очевидно, послал Толстому телеграмму с оплаченным ответом.

[5] Иван Васильевич Сютаев, младший сын Василия Кирилловича Сютаева (ум. 1892 г. около 73 лет от роду), крестьянина Тверской губ., самобытного религиозного мыслителя, отвергавшего все догмы и обряды, последовательного коммуниста в вопросах собственности, оказавшего в начале 1880-х гг. огромное влияние на Толстого. Об этом влиянии Толстой много раз говорил в самых ярких словах в письмах к разным лицам и особенно в «Письме к Энгельгардту» от декабря 1882 г. (см. т. 63) и в статье своей «Так что же нам делать?», в гл. XIV и XXXVIII (см. т. 25). Услышав о нем впервые летом 1881 г. от А. С. Пругавина, он в ту же осень посетил его в родной деревне его Шевелино, Новоторжского у., воспользовавшись для этого пребыванием в этом уезде у знакомых своих Бакуниных, а в последующие годы Сютаев, будучи в Москве, не раз был у Толстого (см. об этом в указанной XIV главе в статье «Так что же нам делать?», а также в книге И. Л. Толстого «Мои воспоминания», М., 1914, гл. XVII). В 1884 г. Толстой уже не имел возможности видеться с Сютаевым: в письме своем к А. С. Бутурлину от 19 февраля названного года, отвечая на вопросы о Сютаеве, он говорит: «Сютаев жив. Я не мог видеть его. Велено меня не пускать к нему, а его ко мне» (см. т. 63). Младший сын Сютаева, Иван Васильевич (р. 1856 г.), глубже двух старших братьев воспринял влияние своего отца. В то время когда В. К. Сютаев пришел самобытным внутренним процессом к отпадению от православия и, приказав вынести из дому иконы, навлек на себя как этим, так и другими открытыми заявлениями своих новых взглядов озлобление священников и крестьян, Ивану Сютаеву было всего 17 лет, и всё происшедшее произвело на него очень сильное впечатление. В 1877 г., когда ему нужно было отбывать воинскую повинность, он, руководствуясь своими религиозными убеждениями, отказался от исполнения военных обязанностей, за что просидел несколько лет в разных местах заключения, в том числе и в Шлиссельбургской крепости. После освобождения он работал одно время вместе с братьями в Петербурге. Интересовавшийся Сютаевым-отцом и его сыновьями Чертков в письме от 15 июня 1884 г., между прочим, писал Толстому: «В Петербурге я повез Крамского [художника И. Н. Крамского] к сыновьям Сютаева, которые там работают в монументальной мастерской. Мы имели с ними два непродолжительных свидания и много

Страница письма к В. Г. Черткову от 8 ноября 1884 г.
Размер подлинника

хорошего и интереснаго мы оба вынесли из этого общения... Младший из них очень симпатичен и, кажется, очень бескорыстно и кротко ищет истину». Когда в 1885 г. в Петербурге был открыт склад «Посредника», Иван Сютаев, сблизившийся с Чертковым, одну зиму жил при складе, исполняя обязанности артельщика, истопника и т. п.; затем снова вернулся на землю. После смерти отца старшие братья его изменили тем взглядам, которые они усвоили от него. Но Иван продолжал вести строгую жизнь, воздерживаясь от вина и табаку и в то же время не венчаясь с женой, не крестя детей и т. д. Составленные им интересные записки обо всем пережитом до сих пор не напечатаны. Подробные сведения об И. В. Сютаеве и отце его В. К. Сютаеве см. в статье К. С. Шохор-Троцкого «Сютаев и Бондарев» в ТЕ 1913 г.

[6] Немецкий перевод книги «В чем моя вера?»: Graf Leo Tolstoy. Worin besteht mein Glaube. Eine Studie. Aus dem russischen Manuscript übersetzt von Sophie Behr. Dunker und Humblot. Leipzig, 1884—85.

37.

1884 г. Декабря 2. Москва.

Отрываюсь отъ работы, чтобы написать вамъ, милый другъ. Получилъ ваши два письма и одну карточку: истязаніе Хр[иста]. [1] Прекрасно. Мнѣ тотчасъ же, увидавъ ее, пришла мысль, что вотъ то, что мы продолжаемъ дѣлать съ Хр[истомъ] нашею жизнью. И страшно стало, и плакать захотѣлось. Работалъ для васъ вчера — не вышло. [2] Не отчаиваюсь, возьмусь еще. Нынче пишу статью переписи. [3] Она томитъ меня, пока не разрожусь ею. Завтра хочу уѣхать въ деревню. Мнѣ тяжело стало здѣсь. Поцѣлуйте отъ меня Крамского. [4] Вы очень раззадорили меня, такъ что я сталъ суетиться. А это вреднѣе всего. Важно жить, а не писать. Пожалуйста, пожалуйста, вы меньше хлопочите — ищите отдыха и спокойствія. Орлова [5] увижу нынче, 2-го. Двухъ картинокъ не получилъ для Орлова.

Л. Т.

Петербургъ
32. Милліонная
Владиміру Григорьевичу
Черткову.

Письмо почти полностью было напечатано в ТЕ 1913 г., в отделе «Письма Л. Н. Толстого», стр. 13—14. На открытом почтовом бланке письма — пометка рукой Черткова: «2 дек.» и почтовый штемпель: «Москва, 3 дек. 1884». Датируем на основании указания, заключающегося в самом письме: «нынче 2-го».

Толстой отвечает здесь на два письма Черткова — от 27/28 ноября и от 1 декабря 1884 г., представляющие собой ценные документы по вопросу о возникновении издательства «Посредник» и позволяющие точно установить время этого возникновения. Они были написаны после нескольких дней пребывания Черткова в Москве, по дороге из Лизиновки в Петербург, причем вместе с Чертковым приехал из Лизиновки гостивший там П. И. Бирюков. Вероятно, они приехали 21 ноября, потому что в этот день вечером состоялось первое знакомство Бирюкова с Толстым, к которому он приехал вместе с Чертковым (см. описание этого посещения в отрывке из Дневника Бирюкова от 22 ноября, приведенном в Б, II, Госизд., М., 1923, стр. 225—226). Отъезд же Черткова в Петербург нужно отнести, на основании ниже приведенных писем его, к 26 ноября. За время пребывания его в Москве и положено было основание издательству «Посредник», т. е. заключен был договор Черткова с московским издателем лубочной литературы И. Д. Сытиным (см. о нем прим. 1 к п. № 51 от начала апреля 1885) об издании им общедоступных картин и книжек, редактируемых Чертковым. В воспоминаниях Сытина, записанных с его слов, он сообщает об этом первом своем свидании с Чертковым в таких словах: «Шел ноябрь 1884 г. В один счастливый день в лавку зашел молодой человек в изящной дохе и предложил, не хочу ли я издавать для народа более содержательные книжки. Посредничество между авторами и издателем он берет на себя. Книжки эти будут произведения лучших авторов — Толстого, Лескова, Короленки, Гаршина и др. Издателю обойдутся они дешево. Часть литературного материала будет бесплатная. Но издавать их обязательно в одну цену с дешевыми народными книжками. Если народная листовка продается по 80 коп. за сотню, то и эти должны быть в ту же цену. Они должны иметь дешевого потребителя и итти взамен существующих пошлых изданий. Предлагавший эти условия был В. Г. Чертков. С большим вниманием выслушал я это предложение. Поблагодарил его за такое милое внимание к издателю лубка... Так начались издания Посредника» (см. ст. И. Сытина «Из пережитого» в сборн. «Полвека для книги», посвященном пятидесятилетию его издательской деятельности. М., б. г. [1916], стр. 21—28).

Когда и при каких условиях план издания народного журнала, который вынашивал всё время Чертков и о котором он говорил в конце октября с А. С. Пругавиным, В. Н. Маракуевым и др. (см. комментарий к п. № 32 от 3 ноября 1884 г.), заменился планом издания картин для народа с маленькими рассказами, поясняющими их содержание, остается невыясненным. Но из письма Черткова от 27/28 ноября видно, что мысль о печатании небольших рассказов в виде отдельных книжек с картинками на обложке, — наподобие тех лубочных книжек, изданием и широким распространением которых через коробейников занимался Сытин, возникла уже в разговоре с последним и исходила именно от него: Чертков пишет, что «Сытин просит не только содержания для картинок..., а также и для книжек». Что касается обращения Черткова к Сытину, то, по сообщению самого Черткова, оно было подсказано ему Маракуевым. Во всяком случае утверждение Бирюкова, что в деле издания книжек для народа, развившемся в изд-во «Посредник», инициатива принадлежала Толстому

(см. Б, III, изд. Госиздата, М., 1922, стр. 5), нужно считать неправильным: из предшествующих писем Черткова и Толстого мы убеждаемся, что мысль об издании для народа, начиная с середины июля 1884 г., всё время занимала Черткова (см. комментарии к п. № 22 от 24 июля); Толстой же, пережив момент увлечения этой идеей в начале 1884 года, в период общения на эту тему с М. П. Щепкиным и др., и разойдясь с ними по этому вопросу, временно как бы охладел к этому делу и, поглощенный своей новой большой работой «Так что же нам делать?», на призывы и проекты Черткова отвечал весьма сдержанно (см. письма его № 27 от 1 октября, № 28 от 3 октября, № 31 от 31 октября, № 33 от 7 ноября). Однако, при личных беседах с ним между 21 и 26 ноября, Черткову вновь удалось увлечь Толстого идеей изданий для народа, о чем ясно свидетельствуют слова в комментируемом письме: «Работал для вас вчера — не вышло. Не отчаиваюсь, возьмусь еще... Вы очень раззадорили меня». Чертков со своей стороны взялся за дело очень горячо, привлек к нему в первые же два дня своего пребывания в Петербурге художника И. Н. Крамского [см. ниже, прим. 4 к настоящему письму], наметил открытие особой петербургской конторы для нового предприятия и выслал несколько картинок в Москву — Толстому и Орлову (о нем см. ниже прим. 5 к настоящему письму) в надежде получить объяснительный текст к этим картинкам.

Два указанных письма Черткова на эти темы приводим почти полностью. В первом из них, от 27/28 ноября, он пишет: «Вчера я позабыл вам сказать то, что собирался и что мне кажется очень важным, а именно, что Сытин просит не только содержания для картинок на большом листе, а также и для книжек, подобных той, которую я вам показывал, — «Убиение младенцев». Напоминаю вам об этом «к сведению» для того, чтобы, если какой-нибудь из ваших рассказов невольно растянется так, что не поместится под картинкою на отдельном листе, то в таком случае вы знали бы, что это не только не жаль, но даже очень хорошо, так как крестьяне могут в таком случае получить этот рассказ в форме книжечки, причем на обертке мы поместили бы два раскрашенные рисунка, иллюстрирующие рассказ. Одним словом, позволю себе, Лев Николаевич, вам высказать мое мнение, что для пользы читателей вам не следовало бы рассчитывать размер и вообще думать о размере ваших рассказов. Присылайте их того размера, в какой они естественно выльются, всё равно как при живом рассказе рассказывающий не стесняет себя заботою о том, сколько минут и пол-минут его займет рассказать тот случай, который он хочет рассказать. А наше уже издательское дело будет состоять в том, чтобы подобрать под размер каждого рассказа подходящую форму, — или картинки с текстом, или книжечки с картинками с самым крупным общедоступным шрифтом и, следовательно, необъемистого содержания. Или, наконец, книжечки с обыкновенным шрифтом и объемистым содержанием. Если вы будете иметь это в виду, то, вероятно, будете свободнее в изложении и в выборе самых рассказов и будете писать уже совершенно как говорите, следовательно, без переделок и сокращений, что и необходимо в таких изданиях, где приходится конкурировать с массою рассказов, писанных, напр., отставными дьяконами, которые за 2, 3 рубля отваливают в один вечер трех отдельных «святых»... Надеюсь, что вы не подумаете,

что я возымел желание вам преподавать советы по писательской части. Я чувствовал только непреодолимую потребность поделиться с вами этими соображениями... Вчера я целый день приводил в порядок свою комнату, свои вещи и бумаги, которые слишком многочисленны и разнообразны. — Бирюков радуется и совсем просветлел тому, что дело наше так отрадно завязывается. Он, вероятно, получит в Петербурге хорошее место, при лаборатории, с возможностью безвозмездно отдавать половину своего времени занятиям предполагаемою конторою... Завтра или сегодня — не знаю как сказать, так как я уже лег спать, заснул, проснулся и опять сейчас лягу — теперь 3 часа ночи. Ну, скажем, сегодня я отправлюсь к Крамскому и сейчас сообщу вам, как он отнесется к нашему плану. Желательно было бы, чтобы я получал здесь ваши рассказы по одиночке, лишь только вы кончаете каждый из них, так как в таком случае я могу удобнее и скорее заинтересовать художников, а они будут скорее браться за рисунки, и, вообще, дело таким образом пойдет спорее».

В письме от 1 декабря Чертков сообщает: «На следующий день после приезда сюда я навестил Крамского и, к своему полному удивлению, застал его совсем больным. Кашляет, как чахоточный, лихорадка вот уже вторая неделя. Боткин шлет его за границу. Но он говорит, что не имеет возможности ехать. Ужасно его жаль и ужасная, ужасная потеря, если он умрет. Он прочел отрывок ваших Декабристов и — в восторге. К нашему делу он отнесся совсем сочувственно. Радуется, что вы опять взялись за рассказы. Хотя он сам теперь не в состоянии работать (он совсем себя считает вычеркнутым из рядов), — тем не менее он предлагает собрать нескольких друзей-художников и содействовать их привлечению к делу улучшения содержания лубочных изданий. Повидимому, в содействии недостатка не будет, так как одно ваше участие в этом деле многих ободряет и подталкивает. Вчера я выслал вам две картинки для передачи Орлову, так как не знаю, в районе ли московской городской почты он живет, и думал, что он вернее и с меньшими хлопотами получит через вас [об Орлове см. ниже прим. 5 к настоящему письму]. При сем присылаю для него же еще маленькую фотографию, о которой я вам говорил на извозчике. Эти картины присылаю ему с тем, чтобы он, когда будет к тому расположен, написал текст к тем из них, которые сильнее в нем отзываются. Текст прошу его прислать мне сейчас же, когда напишет, а картины пока оставить у себя. Разумеется я могу условиться с художниками относительно исполнения этих картин для лубочных изданий только тогда, когда буду иметь в руках самый текст Орлова, который будет при них напечатан. Пожалуйста передайте всё это ему и скажите ему, что очень, очень хочется ему писать, но — завален всякими мелкими хлопотами по водворению матери на новой квартире... С сегодняшнего дня надеюсь распределить всё время, свои занятия правильно. До сих пор положительно не было возможности. — Странное дело — попавши в Петербург, я оказался как бы совсем отрезанным от всего того мира, в котором преимущественно осталось мое сочувствие, моя симпатия. *Ни одного* письма *ни от кого* еще не получил. Странно [вычеркнуто: «и — одиноко, очень одиноко»]. Впрочем неправда — здесь Петр Апурин [см. прим. 2 к п. № 6 от 4—6 марта 1884 г.] и с ним живется и работается всё

лучше и лучше... Бирюков бодр и весел. На этих днях собирается в свою деревню до Рождества. Вообще мне очень хорошо...». — Упоминаемый в последнем письме Боткин, лечивший Крамского, — Сергей Петрович Боткин (1832—1889). — Отрывок из «Декабристов» Толстого, восхищавший Крамского, был напечатан в «Сборнике О-ва для пособия нуждающимся литераторам и ученым», Спб., 1884

[1] Толстой говорит о присланном ему снимке с картины известного французского художника Вильяма Адольфа Бугро (W. A. Bouguereau, 1825—1905). Произведения его отличаются большой внешней красотой, тонкостью и художественным благородством рисунка, но не обнаруживают глубины и оригинальности творчества и носят в общем «академический» характер. Картина эта была предназначена к изданию в красках для намеченной Чертковым серии «Картин для народа» с текстом. О судьбе этой картины, при издании ее в намеченной серии, см. прим. 3 к п. № 51 от начала апреля 1885 г.

[2] Повидимому, Толстой работал, как это было условлено с Чертковым, над текстом, предназначенным для сопровождения какой-нибудь картины, но над каким именно в данном случае, —установить не удалось.

[3] «Так что же нам делать?». См. прим. 6 к п. № 15 от 25—27 апреля 1884 г.

[4] Иван Николаевич Крамской (1837—1887) — художник, создавший ряд картин, в том числе чрезвычайно ценимую Толстым картину «Христос в пустыне» (находится в Третьяковской государственной галлерее) и ряд портретов. Род. в небогатой мещанской семье в г. Острогожске Воронежской губ., рисовать и писать акварелью стал с ранних лет; до поступления в Академию служил ретушером в разных фотографиях. В Академии художеств проявил большой талант, но не пошел по проторенному академическому пути, а вступил вместе с другими художниками того же нового тогда направления в «Товарищество передвижных выставок». В 1873 г. жил невдалеке от Ясной поляны и написал два портрета Толстого. Был в дружеских отношениях с Чертковым, который хотел сблизить его с Толстым. В письме от 15 июня 1884 г., рассказывая Толстому о посещении вместе с Крамским сыновей Сютаева (см. прим. 5 к п. № 36 от 14 ноября 1884 г.), он прибавляет: «Мне так хотелось бы, чтобы вы опять сошлись с Крамским, он славный и умный человек, полон жизни».

[5] Владимир Федорович Орлов (1843—1898) — в то время близкий Толстому человек. Сын сельского священника Владимирской губ., кончил семинарию во Владимире. Еще в семинарии стал размышлять о тяжелом положении трудящихся классов общества и перечитал множество книг по социальным и политическим вопросам. Не удовлетворенный ими, пришел к убеждению, что народ прежде всего нуждается в образовании, добился учреждения школы в родном селе и сам сделался сельским учителем. Увлекшись сестрой известного революционера С. Г. Нечаева, сошелся с его семьей. Идей Нечаева он не разделял, — отталкивал его главным образом террор, но близкие отношения с несколькими «нечаевцами» окончились заключением его в крепость, где он просидел два года. В 1871 г. его судили, и он был оправдан. Защитник его на суде, К. Ф.

Хартуляри, в книге своей «Итоги прошлого», Спб., 1891, стр. 152—153, говоря об Орлове, отмечает в нем знание жизни, страшное терпение, постоянную сосредоточенность, своеобразный ригоризм и необычайную твердость в раз сложившихся убеждениях. В 1880-х гг. он был учителем железнодорожной школы, под Москвой. Толстой познакомился с ним в 1881 г. и вскоре почувствовал в нем что-то близкое своим исканиям. В Дневнике Толстого за 1884 г. имя Орлова встречается много раз. Он приходил к Толстому и иногда оставался у него ночевать. Так *17 марта* Толстой пишет: «Пришел Орлов... Говорили о юродивых, и Лаотцы назвал философией юродивого. Ночевал. Как мне весело было стелить ему постель»; *6 апреля* — «С Орловым немного неясно. Я дорожу его единомыслием и не совсем в него верю»; *28 апреля* — «Орлов хорошо объяснил свою любовь к золоторотцам. Правда, это дети — неиспорченные рефлексами, люди — на добро и зло искренно способные»; *6 мая* — «Орлов. Я всегда рад ему». Наконец, в Дневнике от *25 июля*, вернувшись в Ясную поляну из Тулы, куда он ходил с другом своим Н. Н. Ге к кн. Л. Д. Урусову, с которым он был тоже очень близок (см. о нем прим. 15 к п. № 46 от 24 февраля 1885), Толстой пишет: «Вернулись домой с Ге. Прелестное чистое существо. Он — Чертков, Вас[илий] Ив[анович] [Алексеев], Урусов, Орлов», — как бы перечисляя таким образом всех наиболее близких и дорогих ему людей того времени и среди них уделяя место и Орлову. Об Орлове см. также ниже письмо Толстого № 46 от 24 февраля 1885 г. и комментарий к этому письму.

* 38.

1884 г. Декабря 8. Я. П.

Милый другъ. Не перестаю думать о васъ и о нашемъ дѣлѣ для дѣла и для васъ. — Но боюсь, что вы многаго ждете, что вы sanguin. [1] Ждите, что ничего изъ этаго не выйдетъ. Я очень желаю успѣха, но постоянно себя осаживаю, т. е. сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Я теперь въ деревнѣ, мнѣ очень хорошо, немного разлука съ своими тревожитъ. Я ничего еще не сдѣлалъ и потому, что не могу и, главное, потому, что статья о переписи загородила дорогу. Мнѣ необходимо сказать все, что я знаю въ этомъ направленіи. Меня огорчила дороговизна картинъ. [2] Передъ Пилатомъ [3] — прекрасно, но для этихъ картинъ есть препятствія. Вчера, ѣдучи на жел[ѣзной] дор[огѣ], встрѣтилъ Маковскаго. [4] Онъ говорилъ, что ему нужно меня видѣть по дѣлу, точно такое же, какъ ваше. Я пока доволенъ.

Т.

Петербургъ Милліонная, 32.
Владиміру Григорьевичу
Черткову.

Полностью печатается впервые. Отрывок напечатан в ТЕ 1913 года, в отделе «Письма Л. Н. Толстого», стр. 14. На открытом почтовом бланке пометка рукой Черткова «№ 38» и почтовые штемпеля: «Москва 9 дек. 1884», «С. Петербург 10 дек. 1884». Датируем, исходя из того соображения, что письмо должно было быть написано по крайней мере за сутки до того, как пришло со станции Козловка-Засека в Москву, где наложен был первый почтовый штемпель; раньше же 8 декабря это письмо Толстого не могло быть написано, потому что, как видно из писем его к Софье Андреевне от 7 и 8 декабря, он приехал на Козловку-Засеку только к вечеру 7 декабря.

Письмо это написано Толстым по внутреннему побуждению, до получения новых писем от Черткова. Прожив немногим более месяца в Москве, Толстой устал от городской жизни и, как он говорит в кратком письме своем к Софье Андреевне, написанном на станции, ему стала необходима «ванна деревенской жизни». В письме ей же от 8 декабря он пространно описывает свои деревенские впечатления, начиная с момента приезда: «Вчера — пишет он — когда вышел и сел в сани и поехал по гладкому, рыхлому в пол-аршина (выпал в ночь) снегу, в этой тишине, мягкости и с прелестным зимним звездным небом над головой, с симпатичным Мишей, испытал чувство, похожее на восторг...» (см. т. 83). Далее идет сообщение о чтении, работе над статьей «Так что же нам делать?», о разговорах с крестьянами, поездке в санях с крестьянскими детьми и рассказывании им китайской сказки. Однако и в этой обстановке Толстой, как видно из первых же строк его письма к Черткову, не перестает думать о начатом им деле издания картин и книжек для народа.

[1] «Сангвиник» — в смысле способности увлекаться, горячности характера.

[2] Объяснение этой фразы мы находим в письме П. И. Бирюкова к Черткову от 9 декабря 1884, где он, повидав Толстого в Москве, сообщает: «Он, Толстой, недоволен, что ты покупаешь такие дорогие гравюры» (АЧ). Гравюры эти предназначались для воспроизведения хромолитографическим способом в серии картин для народа.

[3] Картина венгерского художника Михаила Мункачи (Michael Munkacsy, 1846—1900) с множеством фигур и с большим, несколько театральным драматизмом в передаче движения при реалистической трактовке бытовой стороны изображаемого события. Предположение Толстого, что цензура не пропустит картину для народного издания, в дальнейшем оправдалось.

[4] Владимир Егорович Маковский (1846—1920) — художник-жанрист. Окончил московское училище живописи, ваяния и зодчества. Был деятельным членом Товарищества передвижных выставок с самого его основания. Картины его, отличающиеся мастерством рисунка, изображают преимущественно сцены из быта низшего и среднего сословий и проникнуты добродушным юмором или общественной сатирою. Две из них— «Оправданная» и «Осужденный» были изданы впоследствии «Посредником» в серии «лучших произведений русской живописи». О встрече с Маковским, упоминаемой в настоящем письме к Черткову, Толстой подробнее

говорит в письме к Софье Андреевне от 11 декабря 1884 г.: «Когда я уезжал из Москвы, на Покровке мне встретился Маковский Владимир, остановил меня и стал говорить, что ему очень нужно меня видеть по делу. Дело такое, что есть один богач Кузнецов, который хочет издавать для народа хорошие лубочные картины, то самое, что Чертков» (т. 83).

* 39.

1884 г. Декабря 17. Москва.

Получилъ ваше послѣднее письмо двойное уже въ Москвѣ. Я пріѣхалъ вчера. Писать все, что я думаю и чувствую о васъ, нельзя, п[отому] ч[то] это слишкомъ много. Одно скажу: холодно разумная христіанская жизнь есть христіанская и святая жизнь. Любовь есть тоже, что весна въ году. Она приходитъ и проходитъ, но не было бы весны, если бы не было осѣни и зимы, и не можетъ быть любви безъ разумной христіанской жизни. И признавать состояніе любви только состояніемъ христіанскимъ это все равно, что весну считать только жизнью. — Человѣкъ всегда чувствуетъ себя отвѣтственнымъ. Въ любви онъ не властенъ, а въ разумной жизни властенъ. Вотъ онъ перенесетъ всю силу и на любовь, плачетъ, что ея нѣтъ, говоритъ фразы о кимвалѣ звенящемъ и хочетъ чувствовать себя не виноватымъ. Страшное зло сдѣлало ученіе П[авла] о любви. [1]

Л. Толстой.

Вы навѣрно думаете, что я васъ люблю гораздо меньше, чѣмъ я васъ въ дѣйствительности люблю.

Я много писалъ въ деревнѣ. [2] Не знаю еще, хорошо ли.

Петербургъ
Милліонная, 32
Владиміру Григорьевичу
Черткову

Письмо печатается впервые. На открытом почтовом бланке подлинника имеется пометка рукой Черткова: «№ 39» и почтовые штемпеля: «Москва 17 дек. 1884» и «С. Петербург 18 дек. 1884». Датируем на основании заключающегося в письме сообщения: «я приехал вчера» и указаний в письмах того времени к С. А. Толстой, что Толстой мог вернуться в Москву из Ясной поляны не ранее 16 декабря.

Под двойным письмом Черткова Толстой подразумевал вложенные в один конверт письма его от 8 декабря и 14 декабря: первое из них — написанное в «малодушном настроении» и потому задержанное отсылкою,

второе — сообщающее о том, что он понемногу возвращается к жизни, хотя и не может «ничего взять назад из того, что сказал в малодушном письме». Далее, отвечая в этом письме от 14 декабря на две полученные им открытки Толстого, Чертков говорит, что он еще не имеет основания особенно увлекаться делом улучшения лубочных изданий. «Я верю, я знаю, — продолжает он, — что этим путем можно сделать много добра тем, кто больше всего нуждается в таком добре. Но успех дела вполне зависит от тех, кто имеет возможность доставлять содержание для этих изданий. Моя роль посредническая — до такой степени побочная, что я не могу очень увлекаться. Лишь только получу материал, я сделаю всё возможное для скорейшего доставления его крестьянам. А пока, эти последние дни, я хлопочу о доставлении заказов одной коробочной мастерской, переходящей здесь в мои руки и первоначально открытой надзирательницей приюта моей матери. Работники в этой мастерской люди самого симпатичного закала — то, что вы называете «потерянными» — пьяненькие, беспутные, выгнанные со всех возможных мест, но желающие работать и во время работы — довольные и непьющие. Чувствую, что найду около них и теплый уголок, чего я, признаюсь, никак не рассчитывал найти в Петербурге». — Ответ Толстого относится собственно к письму Черткова от 8 декабря, которое мы и приводим здесь почти полностью: «Нехорошо мне, Лев Николаевич. Я впал в такой стих, что всё что ни делаю, — всё нехорошо. Здесь пусто, хотя знаю, что люди, те же люди кругом. Но у меня нет человеческого чувства к ближнему вообще. Для меня ближний только тот, кто *моей личности* доставляет удовольствие. А моей личности доставляют удовольствие только те в прошлом моем общении, с которыми я лично играл роль более или менее достойную в моих собственных глазах. А расположения, сочувствия к человеку, просто как к брату, к ближнему — у меня нет. Христос и его учение для меня только теория, и я начинаю приходить к заключению, что можно теоретически вполне последовательно и логически анализировать учение Христа, и вместе с тем по духу быть гораздо дальше от Христа, чем многие простые души, чистосердечно понимающие отдельные заповеди Христа вкривь и вкось. Я прихожу к заключению, для меня вполне неожиданному, что можно напр. убивать на войне людей при внутренней любви к ближнему. И, наоборот, что можно воздерживаться от убийства — при полнейшем отсутствии любви к людям. То понимание истины, которое получается только от отвлеченного представления о том, что̀ именно хотел сказать Христос, такое понимание истины само по себе, пожалуй, еще страшнее полного непонимания истины. Да какая это истина? Это не истина. Истина — это любовь. Христос — любовь. Во мне же любви нет, следовательно я не христианин. С приездом сюда я подпал припадку равнодушия. Всё — мне всё равно... Кругом меня голые стены, на улицах гуляют какие-то тени, а не люди. И я один, и один только по причине своего всепоглощающего эгоизма. Одним словом равнодушие, т. е. живая смерть...»

[1] «Учение Павла о любви» — см. 1-е послание ап. Павла к Коринфянам, гл. 12, ст. 1—8 и 13. Мысль Толстого, выраженная в этом письме, еще

полнее развертывается им в записях его Дневника от 1 и 2 августа 1884. Там он пишет 1 августа: «... Это не шутка, что я ненавижу любовь, как учение. Это прямой qui pro quo. Любовь есть сама жизнь, цель, закон, а они [редстокисты и им подобные] выставляют ее правилом. Как правило, это величайшая ложь». В дальнейших своих писаниях Толстой, придавая любви всё большее и большее значение, как основе человеческого единения и блага, поправляет и дополняет эти мысли другими, с одной стороны определяющими ее сущность, с другой — указывающими условия развития любви к людям. Так в письме к М. А. Новоселову от 1889 г., советуя ему «вырабатывать в себе вдумчивость, проницательность любви и не принимать за любовь некоторую мягкость, чувствительность в отношении с людьми...», он говорит: «Любовь — это стремление человека расширить свое сознание, включив в него сознание другого, других... Любим мы тогда, когда входим в душу другого и чувствуем за него и знаем так же, как и тот знает, что ему дорого, что больно, чем он страдает, чему радуется, в чем его сила и его слабость» (т. 64).

[2] Как видно по письмам от 7—15 декабря к Софье Андреевне, Толстой за это время пребывания своего в Ясной поляне был занят работою над статьей «Так что же нам делать?», значительную часть которой он обещал сдать в редакцию «Русской мысли» для напечатания в ближайшей, январской книжке этого журнала. См. прим. 6 к п. № 15 от 25—27 апреля 1884 г.

* 40.

1884 г. Декабря 17. Москва.

Письмо было написано, когда получилъ ваше.

1) Я думаю такъ: I do not believe the order of the master или the master's order. Развѣ нельзя такъ?[2] А впрочемъ такъ выходитъ неопредѣленная мысль, и такъ, какъ у васъ переведено, — хорошо.

2) Матѳ. XXVI, 42.[3]

Спасибо за справку.[4]

Л. Т.

Петербургъ
32 Милліонная
Владиміру Григорьевичу
Черткову.

Печатается впервые. На открытом почтовом бланке письма — пометка рукой Черткова «№ 40» и почтовые штемпеля: «Москва 17 дек. 1884» и «С. Петербург 18 дек. 1884». Датируем, исходя из первой фразы письма, тем же числом, как и предыдущее письмо.

Письмо это является ответом на запрос Черткова, связанный с переводом на английский язык книжки «В чем моя вера?», над проверкой и

исправлением которой Чертков работал в это время вместе с К. О. Хисом (см. комментарии к п. № 13 от 16 апреля 1884 г.). Чертков сообщает по этому поводу, что Хис, как свободомыслящий человек, восхищается отношением Толстого к Евангелию, но как «идеалист, художник и поклонник природы» не соглашается с его толкованием Нагорной проповеди, находя в нем многое противным нашей природе. В отдельном же приложении к своему письму Чертков просит Толстого ответить на вопросы, связанные с двумя местами исправляемого им перевода, причем указывает те страницы гектографированной им рукописи «В чем моя вера?», к которым относятся эти места, а именно: *Стр. 12 рукописи*—«Говоря это, я говорю одно из двух: или то, что я не верю тому, что говорит хозяин, или то, что я не хочу делать того, что велит хозяин». Точно ли передана мысль в следующем переводе: «By thus answering I say one of two things: either that I do not believe that the master gives that order, or else that I will not obey it». — *Стр. 17:* « — А читал: «и кто накормит голодного»?... Я сказал ему это место». «Где это место в Евангелии?» — спрашивает Чертков. Этот последний пункт в его запросе относится к тем строкам книжки «В чем моя вера», где Толстой рассказывает о встрече с нищим в Боровицких воротах Кремля и о бравом молодом гренадере, который, увидев нищего, стал, согласно распоряжению начальства, гнать его из кремлевских ворот. «Когда он поравнялся со мной, я спросил его: знает ли он грамоте. — Знаю, а что? — Евангелие читал? — Читал. — А читал: ...«и кто накормит голодного»?... Я сказал ему это место. Он знал его и выслушал его. И я видел, что он смущен...» (См. «В чем моя вера», в издании «Свободного слова», Christchurch, 1902, гл. II, стр. 18, или в томе 24.)

[1] Предлагаемый Толстым вариант перевода относится к одной части фразы, выписанной в запросе Черткова, а именно к словам: «... я не верю тому, что говорит хозяин»... Слова эти и в том варианте перевода, который дал Чертков, и в том, который сначала предложил, а затем, в этом же открытом письме, отбросил сам Толстой, не передают русского текста с буквальной точностью, но стремятся передать оттенок мысли Толстого. Буквальный смысл английской фразы в переводе Черткова: «...я не верю тому, что хозяин дает это повеление»; буквальный смысл фразы, предлагаемой Толстым: «... я не верю повелению хозяина, или хозяйскому повелению».

[2] *Слова:* Разве нельзя так? *надписаны над зачеркнутыми:* а то как там другая мысль.

[3] Указание Толстого не точно. Слов «и кто накормит голодного» в Евангелии от Матфея, как и у других евангелистов, нет. Указанный Толстым стих 42 гл. 26-й Евангелия от Матфея по содержанию своему не имеет ничего общего с словами: «и кто накормит голодного», но мысль о том, что голодный должен быть накормлен, выражена другими словами в ст. 42 гл. 25-й, где Христос, присуждая людей, безучастно проходивших мимо голодного, итти в огонь вечный, говорит им: «ибо алкал я, и вы не дали мне есть; жаждал и вы не напоили меня». Мысль эта заканчивается в ст. 44 той же главы словами: «истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали мне». Повидимому,

Толстой, назвав стих 42 гл. 26-й вместо ст. 42 гл. 25-й, имел в виду это место Евангелия от Матфея, хотя та же мысль в положительной форме, более близкой к тому, что сказано у него в книге «В чем моя вера?», выражена в ст. 34—40 той же 25-й главы Евангелия от Матфея в обращении высшего судьи к праведникам: «Ибо алкал я, и вы дали мне есть... Истинно говорю вам, так как вы сделали это одному из сих братьев моих меньших, то сделали мне».

[4] Повидимому, Толстой благодарит здесь Черткова за то, что он нашел нужным справиться у него, удовлетворяет ли его перевод выписанной фразы из книги «В чем моя вера?».

1885

* 41.

1885 г. Января 2—3. Москва.

Благодарю васъ за книги и за письма. Странникъ [1] — хорошо. Статьи Савихина, [2] въ нихъ тоже много хорошаго. Но ни то ни другое не для народа. Орлова не вижу. Есть ли картина — порядочная бѣднаго Лазаря? [3] Я не могу заниматься самымъ дорогимъ мнѣ дѣломъ, я очень радостно занятъ своимъ писаньемъ. Мнѣ такъ стало ясно то, что прежде было неясно. Коли бы другимъ стало только вполовину также. Надѣюсь, что выйдетъ въ Январѣ.

Л. Толстой.

Петербургъ
32 Милліонная
Владиміру Григорьевичу
Черткову.

Полностью печатается впервые. Отрывок напечатан в ТЕ 1913 года, в отделе «Письма Л. Н. Толстого», стр. 14. На открытом почтовом бланке подлинника рукой Черткова проставлено: «№ 41» и имеются почтовые штемпеля: «Москва. 3 янв. 1885» и «С. Петербург. 4 янв. 1885». Датируем, исходя из того, что письмо могло быть написано как в день наложения первого почтового штемпеля, так и накануне.

Письмо это является ответом, повидимому, на два письма Черткова, из которых одно не сохранилось: на это указывает в письме Толстого как начальная фраза его — «благодарю вас за... письма», так и слова: «Орлова не вижу», как бы отвечающие на какой-то относящийся к Орлову вопрос. Сохранившееся письмо Черткова, от 21 декабря 1884 г., тоже указывает на это, так как из первой фразы его видно, что он уже писал Толстому о первом посещении Л. Е. Оболенского. Приводим это письмо с некоторыми сокращениями: «Вчера я опять был у Оболенского, издателя «Русского богатства» [см. ниже, прим. 6 к п.№ 46 от 24 февраля 1885]. Он мне с каждым

разом больше нравится. Я раньше слышал про него много хорошего, и, действительно, видно, что он человек совсем искренний, ужасно много работающий для своего журнала и желающий в нем проводить убеждения хорошие и честные. Он собрал около своего дела несколько человек весьма интересных, между прочим двух-трех писателей из среды простых крестьян. Про одного в особенности он мне много рассказывал и указывает на него, как на хорошего сотрудника для народных изданий [Чертков говорит о В. И. Савихине — см. ниже прим. 2 к комментируемому письму]. Он мне дал прочесть несколько его рассказов, помещенных в «Русском богатстве». Я вам их пришлю на этих днях. Он занимается литературою между прочим, а служит постоянным мастеровым на монетном дворе... Оболенский прочел мне свой собственный маленький рассказ «Странник», который мне очень понравился. Присылаю его вам. Думаете ли вы, что он может подойти для лубочного издания?.. Присылаю вам на просмотрение рассказ того же Оболенского «Раскольник». Сам Оболенский жалок в том отношении, что дела его журнала идут плохо, число подписчиков не увеличивается, и у него нет достаточно средств, чтобы сделать обширные объявления. Он решился даже попросить меня сообщить вам, что еслиб вы ему дали напечатать что-нибудь вашего, хоть две странички, то этим бы вы поставили на ноги его изданье... Он говорит, что... напечатал бы что угодно из того, что вы последнее время пишете, не стесняясь никакими цензурными соображениями, так он сочувствует вашим настоящим взглядам. Он говорит, что и он сам другой дорогой ведет к тем же самым выводам и что вы легко можете в этом убедиться из подчеркнутого им в конце его книжки «Развитие чувствований». Я не мог отказать ему исполнить его поручение, и потому передаю вам его просьбу и его книгу». — О Л. Е. Оболенском см. ниже — прим. 8 к п. № 46 от 24 февраля 1885 г.

[1] «Странник» — рассказ, вошедший в сборн. «Жаждущие света» М. И. Красова [Л. Е. Оболенского], Спб. 1884. Рассказ этот позднее был переработан автором по указаниям Толстого и в 1886 г. напечатан, без имени автора, «Посредником».

[2] «Статьями» Савихина Толстой, очевидно, называет беллетристические произведения его, присланные Чертковым. Слово «статья» с начала 1850-х гг. было общепринятым для обозначения разнородных литературных жанров, не исключая стихотворений, и Толстой употреблял его, уже с того времени, в этом расширенном смысле. Так, напр., посылая в «Современник» «Записки маркера», он называет их, в письме к Некрасову от 17 сент. 1853 г., «небольшою статьею» и точно так же в 1885 г. называет статьею «Смерть Ивана Ильича» и рассказ Свешниковой (см. письмо к Черткову № 67 от 1—2 июня 1885) — Василий Иванович Савихин (настоящая фамилия Иванов) — писатель крестьянского происхождения, рабочий монетного двора в Петербурге. Рассказы, помещенные им в «Русском богатстве» за 1884 г. в № 2, 8, 11 и посланные Толстому: «Крестьянское детство», «Деревенские вечера» и «Старые годы». Последующие его произведения — «Дед Софрон», «Кривая доля», «Аника-воин» и др. были одобрены Толстым для «Посредника» и напечатаны там. Кроме рас-

сказов Савихин писал иногда стихи. О рассказе его «Дед Софрон» см. ниже — прим. 1 к п. № 45 от 15 февраля 1885.

[3] Очевидно, Толстой имеет в виду картину, иллюстрирующую притчу о богатом и о нищем Лазаре в Евангелии от Луки, гл. 16, ст. 19—31. Через несколько лет «Посредником» была издана картина на эту тему Густава Дорэ (см. каталог «Посредника» от 1894 г.).

В письме Черткова от 3 января 1885, которое разминулось с комментируемым письмом, имеются сведения, дополняющие краткие замечания Толстого о рассказах Савихина и Оболенского, а также сообщения, характеризующие жизнь «Посредника» в этом первом, раннем периоде его существования. Приводим из указанного письма Черткова всё существенное. «Вчера я много слышал про вас и потому явилось особенное желание поговорить с вами, — пишет Чертков. — Только вчера я узнал, что ваш сын Сергей Львович здесь и остановился у Кузминских. Я тотчас поспешил туда и застал их всех. Наконец пришлось познакомиться с Кузминскими... Там я застал Стаховича [см. прим. 2 к п. № 104 от 3 апреля 1886], которого вы недавно видели, и вот от него-то я больше всего узнал про вас. Как я обрадовался, что вы находитесь в особенно бодром и даже веселом настроении и что вы много работаете... Стахович мне также довольно обстоятельно передал ваш отзыв о тех рассказах Савихина, что я вам прислал. Он мне также сказал, что рассказ «Странник» вам понравился, а «Раскольник» — нет. Я так вперед и чувствовал. — Бирюков и я мы усиленно занимаемся пересмотром существующих книг для народного чтения и оценкою их с точки зрения христианской. Много приходится браковать, но кое-какие попадают в список тех книг, которые мы будем распространять при помощи склада. Мы думаем исходатайствовать разрешение на этот склад тогда, когда наберется в этом списке достаточно книг и когда служебная участь Бирюкова разрешится. На-днях я познакомился с Гаршиным и он обещался безотлагательно написать для нас рассказ. Гл. Успенский также выражает сочувствие к этому делу; но мне не удалось еще повидаться с ним вследствие болезни его сына. Гаршин скоро собирается в Москву и хочет навестить вас... Ваш сын говорил мне про какого-то Шаховского, студента или бывшего студента, который также интересуется народною литературою и желал бы заняться делом, весьма схожим с нашим. Сегодня я должен его встретить у Кузминских»...—

Упоминаемый в этом письме Гаршин — писатель Всеволод Михайлович Гаршин (1855—1888), произведения которого, особенно рассказы из военного быта, чрезвычайно ценил Толстой. О личном знакомстве Гаршина с Толстым см. «Мои воспоминания» Ильи Львовича Толстого, М., 1914, стр. 150—156. После разговора с Чертковым в феврале 1885 г. Гаршин, будучи в Москве, опять заходил к Толстому, но он был тогда в Ясной поляне. С Чертковым у Гаршина установились дружеские отношения. В сохранившихся письмах его к Черткову, выражается живое сочувствие к делу «Посредника»; одно из этих писем говорит об «ошеломляющем» впечатлении от знакомства с религиозно-философскими произведениями Толстого. Гаршин написал для «Посредника» текст к картине «Бичевание Христа» (См. прим. 3 к п. № 51 от начала апреля 1885) и рассказы

«Сигналъ» и «Сказание о гордом Аггее». Кроме того в «Посреднике» были перепечатаны его рассказы «Медведи» и «Четыре дня на поле сражения». — О Г. И. Успенском и его отношении к «Посреднику» см. прим. 1 к п. № 68 от 4—5 июня 1885. — Об упоминаемом в письме Черткова Дмитрии Ивановиче Шаховском см. в комментарии к п. № 43 от 5—6 февраля и в прим. 2 к п. № 62 от 13—14 мая 1885 г.

* 42.

1885 г. Января 30 — февраля 3. Я. П.

Милый другъ Владиміръ Григорьевичъ. Одна сторона ученія Христа, связанная со всѣмъ остальнымъ и даже основа всего, была скрыта отъ меня обоготвореніемъ Хр[иста], именно его ученіе о посланничествѣ. Вспомните, сколько разъ онъ говоритъ: Отецъ послалъ меня, я посланъ, я творю волю пославшаго меня. Мнѣ всегда эти слова были неясны. Богъ не могъ послать Бога. А другаго значенія я не понималъ или понималъ неясно. Только теперь мнѣ открылся простой, ясный и радостный смыслъ этихъ словъ. Я пришелъ къ пониманію ихъ своими сомнѣніями и страданіями. Безъ этаго ученія нѣтъ разрѣшенія всѣхъ тѣхъ сомнѣній, к[оторыя] мучаютъ каждаго ученика Хр[иста]. Смыслъ тотъ, что Хр[истосъ] учитъ всѣхъ людей той жизни, кот[орую] онъ считаетъ для себя истиной. Онъ же считаетъ свою жизнь посланничествомъ, исполненіемъ воли пославшаго. Воля же пославшаго есть разумная (добрая) жизнь всего міра.

Стало быть — дѣло жизни есть внесеніе истины въ міръ. Жизнь на то только дана (по ученію Христа) человѣку съ его разумомъ, чтобы онъ вносилъ этотъ разумъ въ міръ, и потому вся жизнь человѣка есть ничто иное, какъ эта разумная его дѣятельность, обращенная на другія существа вообще, не только на людей. Такъ понималъ Христосъ свою жизнь и такъ училъ насъ понимать нашу. Каждый изъ насъ есть сила, сознающая себя — летящій камень, который знаетъ, куда и зачѣмъ онъ летитъ, и радуется тому, что онъ летитъ, и знаетъ, что самъ онъ ничто — камень, а что все его значеніе въ этомъ полетѣ, въ той силѣ, кот[орая] бросила его, что вся его жизнь есть эта сила. [1] И въ самомъ дѣлѣ, внѣ этаго взгляда, — т. е. того, что человѣкъ всякій есть посланникъ Отца, призванный только затѣмъ къ жизни, чтобы исполнять волю Отца, — внѣ этаго взгляда

жизнь не только не имѣетъ смысла, но отвратительна и ужасна. И напротивъ, стоитъ хорошенько понять и сдѣлать своимъ этотъ взглядъ на жизнь, и жизнь становится не только осмысленной, ясною, но прекрасною, радостною и значительною. — Только при этомъ взглядѣ уничтожаются всѣ сомнѣнія борьбы и всѣ страхи. Если я посланникъ Божій, то дѣло мое главное не только въ томъ, чтобы исполнять пять заповѣдей, не имѣть собственности, не предаваться похоти и т. п. — все это условія, при к[оторых] я долженъ исполнять посланничество. Это тоже для меня теперь главный смыслъ моего посланничества, но дѣло мое главное въ томъ, чтобы жить, внося въ міръ всѣми средствами, какія даны мнѣ, ту истину, к[оторую] я знаю, к[оторая] повѣрена мнѣ. Можетъ случиться, что я самъ буду часто плохъ, буду измѣнять своему призванію, все это ни на минуту не можетъ уничтожить значеніе моей жизни — свѣтить тѣмъ свѣтомъ, к[оторый] есть во мнѣ, до тѣхъ поръ, пока могу, пока свѣтъ есть въ васъ. [2] Только при этомъ ученіи уничтожаются праздныя сожалѣнія о томъ, что есть или было не то, чтобы я хотѣлъ, и праздныя желанія чего-то опредѣленнаго въ будущемъ, уничтожается и страхъ смерти, и вся жизнь переносится въ одно настоящее. Смерть уничтожается тѣмъ, что если моя жизнь слилась съ дѣятельностью внесенія разума и добра въ міръ, то придетъ время, когда физическое уничтоженіе моей личности будетъ содѣйствовать тому, что стало моей жизнью — внесеніе добра и разума въ міръ. —

Я написалъ вамъ очень дурно, но чувствую я все это хорошо и сильно, и очень радостно живу и смотрю на жизнь. Практически это дѣйствуетъ на меня такъ: (говорю для себя и знаю, что для васъ тоже). Кромѣ физическихъ потребностей, въ к[оторыхъ] стараюсь ограничиваться меньшимъ, какъ только меня тянетъ къ какой-нибудь дѣятельности — разговора, письма, работы — я спрашиваю себя (даже не спрашиваю, а чувствую, что этимъ дѣломъ я служу пославшему меня), и я радостно отдаюсь дѣлу и забываю всѣ сомнѣнія и лечу какъ камень, радуясь тому, что лечу. Если же дѣло не для пославшаго, то оно уже и не тянетъ меня. Мнѣ просто скучно, и я только стараюсь, отдѣлываясь отъ него, соблюсти всѣ правила, для посланниковъ данныя. Но этаго и не бываетъ. Мнѣ кажется, что можно жить такъ, чтобы или спать или всей душой съ восторгомъ служить пославшему.

Не показывайте моего этаго письма людямъ, не любящимъ Хр[иста]. Я писалъ какъ попало, и ошибки словъ могутъ отнести къ мысли, а она дорога. Вы поймете и, можетъ быть, вамъ будетъ что-нибудь на пользу. [1]

Полностью печатается впервые. Большой отрывок был напечатан в Б, III, Госизд., М., 1922, стр. 18—19. На подлиннике не имеется никаких пометок Черткова, кроме архивного номера письма. На основной машинной копии письма — в общей серии этих копий, сделанных в Англии, но иногда не вполне точных — имеется датировка: «Тула, 2 февраля 1885 г.» На чем основана эта датировка, установить не удалось. Датируем расширительно, исходя из того, что письмо это, как видно из следующего письма, было написано из Ясной поляны, куда Толстой, пробыв два дня в Туле, приехал вечером 20 января и где пробыл, почти ежедневно бывая в Туле, до вечера 3 февраля. Судя по ежедневным письмам Толстого к Софье Андреевне, в которых он описывает свою деревенскую жизнь, наиболее вероятным днем написания этого письма является всё же 2 февраля, о котором он говорит: «Я провел весь день дома: писал, читал и тихо сидел и думал».

Настоящее письмо Толстого написано, очевидно, из потребности поделиться своими мыслями с близким человеком, без определенного внешнего повода к тому. Предшествующее письмо Черткова, от 12 января, было получено Толстым еще за две недели до отъезда его в Ясную поляну. Это письмо Чертков писал в вагоне, по дороге в Лизиновку, после свидания с Толстым в Москве, где, судя по письму С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 9 января, он пробыл не менее трех дней. Приводим из этого письма Черткова строки, наиболее важные для понимания его отношений с Толстым: «Друг, дорогой друг Л[ев] Н[иколаевич], — пишет он, — я прочел вашу статью «Так что же нам делать» и в несколько часов отрадного волнения и умиления я еще больше, даже гораздо больше вас полюбил, хотя уже очень, очень любил вас, я глубже сошелся с вами... Многое выяснилось, где были пробелы в моем знакомстве с вами и о чем как-то всё не приходилось при коротких наших свиданиях расспросить. Но, главное, отрадно, так отрадно было убедиться, как аналогичны, параллельны были наши жизни, наши впечатления, наши мысли и наши заключения за последние годы. Я вполне, безусловно согласен со всем, что вы говорите, — вы сказали то, до чего я и додумался и дожился, но сказали с такою ясностью, неотразимою логикою, убедительностью и искренностью, что буквально при чтении слезы навертывались на глаза... Высказывая мысли, подобные тем, которые вы излагаете в вашей статье, и делая слабые, микроскопические попытки в жизни осуществлять те практические выводы, какие вытекают из этих мыслей, я постоянно встречал сопротивление и возражения. Эти возражения заставляли меня часто много думать и передумывать и проверять свои заключения... Разумеется, не только возражения, но и свои собственные внутренние затруднения и недоумения. Ваша статья привела мне на память... такие положения, и мне хотелось бы знать, согласны ли вы с ними. 1. Покуда

где-нибудь на земле существует хоть один человек, не могущий заработать себе дневного пропитания, трудовыми деньгами можно назвать не все деньги, которые, вследствие тех или других условий, человек получает за свой труд, а только ту часть этих денег, которая удовлетворяет... минимуму необходимых потребностей для правильного поддержания своего существования и способности нормально трудиться дальше. Всё, что сверх этого, хотя и заработано, тем не менее составляет такие же «чужие» деньги, как и, напр., наследственные, п[отому] ч[то] оно есть такое же проявление ненормальных условий общежития между людьми. 2. Трудовыми деньгами следует называть необходимый для существования минимум тех денег, что человек получает не за какой-нибудь определенный труд, а просто необходимый минимум вообще тех денег, которые *свободно*, без насилия с его стороны попадают в его руки. «Нетрудящийся да не ест» — справедливо, но никто не имеет права судить и решать для другого, что — труд, что — не труд...»

[1] Та же тема, что в настоящем письме к Черткову, — о «посланничестве» — еще пространнее развита Толстым в письме к Ге-сыну от 4 февраля 1885 г. (см. том 63) и много лет спустя, в Дневнике его от 4 апреля 1897 г. мы снова встречаемся с нею: «Спокойствие не потеряно, но душа волнуется... О Боже! Если бы только помнить о своем посланничестве, о том, что через тебя должно проявляться (светить) Божество!»

Отвечая, 5 февраля 1885 г., на письмо Толстого, Чертков пишет: «Милый друг, Л[ев] Н[иколаевич], с большим нетерпением и удовольствием прочел ваше письмо о посланничестве. Вы сказали много очень хорошего... Не могу теперь ответить вам, потому что сговорился... проверить окончание перевода вашей Исповеди».

* 43.

1885 г. Февраля 5—6. Москва.

Я вамъ писалъ изъ деревни. Теперь только пишу съ тѣмъ, чтобы сказать — посылаю слѣдующія тетради богословія. Остается немного. Мнѣ интересно — понадобится ли оно вамъ, и если кому, или вамъ понадобится, то пригодится ли? [1] На исключеніе тѣхъ мѣстъ, о кот[орыхъ] вы писали, я очень радостно согласенъ и благодаренъ. [2] Только сдѣлайте сами. Если бы я сталъ дѣлать, я бы все передѣлалъ, а время нужно на другое.

Л. Толстой.

Владиміру Григорьевичу
Черткову
32 Милліонная.

Письмо печатается впервые. Лист почтовой бумаги, на котором оно написано, сложен втрое, краями в друг друга, как записки, отправляемые без конверта, с адресом без обозначения города, и имеет с наружной стороны несколько потертый вид — как бы от хранения в кармане. Очевидно, что письмо было послано не по почте, а «с оказией», вместе с рукописями, о которых в нем говорится. Предположительной даты рукой Черткова на нем не имеется, но на основной копии, сделанной в Англии, имеется дата: «М. 5 февраля». Происхождение ее выяснить не удалось, однако она является вполне правдоподобной: первая фраза письма указывает на то, что оно писалось уже из Москвы, куда Толстой вернулся из Ясной поляны 4 февраля. Но оно не могло быть написано и позже 6 февраля, потому что 7 утром Толстой уже посылает Черткову телеграмму (очевидно, в ответ на телеграфный же запрос его от 6-го февраля), из которой видно, что он ждет его в Москве. (См. телеграмму его, № 44, от 7 февраля.)

Письмо это во второй своей половине несомненно является ответом на письмо Черткова от 31 января, которое должно было прийти в Москву до возвращения Толстого из Ясной поляны и было прочитано им лишь по приезде. Приводим из него всё существенное: «Признаюсь, что пишу вам больше из желания получить в ответ письмо от вас, — говорит Чертков. — Наконец удалось поручить одному художнику нарисовать акварели искушения и воинов Пилата и сделать рисунки для дешевого издания «Чем люди живы», «Бог правду видит» и «Кавказского пленника»... Вчера я был с Бирюковым на собрании кружка, в котором участвует Шаховской. Он делал род разбора литературного отдела книги «Что читать народу» [Х. Д. Алчевской]. Говорили также о житиях святых и о том, следует ли их распространять или нет. Вашего «Кавказского пленника» я в первый раз прочел теперь. Мне понравился рассказ в высшей степени. Но скажу вам откровенно про одну вещь...В двух местах сочувствие и веселое одобрение читателя возбуждается такими поступками Жилина, которые с первого взгляда кажутся находчивостью, а в действительности— ни более, ни менее, как обман для достижения своей цели. На стр. 20 сказано: «Заболел раз татарин, пришли к Жилину: «поди полечи». Жилин ничего не знает, как лечить. Пошел, посмотрел, думает: «авось поздоровеет сам». Ушел в сарай, взял воды, песку, помешал. При татарах нашептал на воду, дал выпить. Выздоровел на его счастье татарин». Затем еще на стр. 23. Жилин, желая пойти на гору высмотреть окрестную местность, говорит малому, сторожившему его: «Я далеко не уйду, — только на ту гору поднимусь: мне траву нужно найти, — ваш народ лечить»... Если смотреть на Жилина, как на изображение живого человека с его достоинствами и недостатками, то с этой литературной точки зрения приведенные отрицательные черты, пожалуй, придают только больше реальности описываемому типу. Но я смотрю на книгу с точки зрения ее практического влияния на впечатлительного читателя, и я наверное знаю, что эти два места должны вызывать в таких читателях одобрительный смех и, следовательно, давать им еще один толчек в том уже слишком господствующем направлении,которое признает, что несравненно практичнее при достижении своих целей не слишком строго разбирать средства.

Поэтому мне очень хотелось бы, чтоб вы мне позволили в лубочном издании пропустить эти несколько строк... — Раз коснувшись этого вопроса, я уже скажу вам... о том, что меня давно мучает в вашем рассказе «Бог правду видит». Когда начальник спрашивает о подкопе и говорит Аксенову: «Старик, ты правдив, скажи мне перед Богом, кто это сделал?» Аксенов отвечает: «Я не видал и не знаю». А между тем он «и видал и знает» и, следовательно, прибегает к сознательной лжи ради спасения своего товарища, между тем самый этот его поступок производит впечатление высшего подвига его жизни. И таким этот поступок мог бы остаться и при освобождении его от обмана. Аксенов мог сказать, что не он совершил подкоп, и промолчать относительно того, знает ли или нет, кто совершил. Если вы не находите, что ошибаюсь, то, Лев Николаевич, вы доставили бы мне настоящее счастье, еслиб немножко изменили это место сами для лубочного издания. — ...Вы вероятно видите Гаршина, кот[орый] поехал в Москву, и посоветуете ему, в каком роде написать для наших изданий. Он согласился написать краткий разбор картин лубочных, которые мы напечатаем с вашим изложением».

Упоминаемый в этом письме Черткова кружок, в котором участвовал Д. И. Шаховской (о нем см. прим. 2 к п. № 62 от 13—14 мая 1885 г.) был характерным явлением петербургской общественной жизни 1880-х гг. Целью его было изучение народной литературы и «литературы для народа» в прошлом и настоящем, составление ее общих и рекомендательных каталогов, издание книжек для народа. В кружок входили молодые люди, кончающие или кончившие университет, большинство которых стало видными научными и общественными деятелями: кроме названного уже Д. И. Шаховского, братья Ольденбурги — Фед. Фед. (1861—1914), деятель по народному образованию, и Серг. Фед. (1863—1934), филолог-индианист, с 1900 — академик; Ив. Мих. Гревс (р. 1860), профессор истории; Влад. Ив. Вернадский (р. 1863), профессор минералогии, с 1906 г. — академик, Андр. Никол. Краснов (1862—1914), географ-ботаник, путешественник, профессор географии; Александр Александр. Корнилов (р. 1862), писатель по вопросам истории и общественной мысли, и др. В 1885 г. кружок сблизился с членами редакции «Посредника», и на заседаниях его бывали Чертков, Бирюков, А. М. Калмыкова [см. прим. 10 к п. № 55 от 2 мая 1885 г.], Е. П. Свешникова [см. прим. 8 к п. № 67 от 1—2 июня 1885 г.]. Две последние, несколько отдалившись от «Посредника», теснее примкнули к кружку Шаховского и Ольденбургов. Подробнее о кружке см.: А. А. Корнилов, «Воспоминания о юности Ф. Ф. Ольденбурга», «Русская мысль», 1916, 8, И. М. Гревс, «В годы юности», «Былое», 1918, 12 и 18.

[1] Толстой имеет в виду копию с рукописи его «Критика догматического богословия», заказанную им для Черткова по его просьбе.

[2] В виду разрешения, данного Толстым в настоящем письме, при напечатании «Кавказского пленника» в «Посреднике» в нем было выкинуто первое из указанных Чертковым мест — от слов «Заболел раз татарин»... до слов «Выздоровел на его счастье татарин». В посмертном изд. Полн. собр. соч. Толстого изд. Сытина, под ред. Бирюкова, М. 1913 г., оно было

восстановлено (см. т. XIV, стр. 94). — В рассказе «Бог правду видит» Толстой установил следующую окончательную редакцию для того места, на которое указал ему Чертков. — «Не могу сказать, ваше благородие. Мне Бог не велит сказать. И не скажу. Что хотите со мной делайте — власть ваша. — Сколько ни бился с ним начальник, Аксенов ничего больше не говорил». В этой редакции рассказ напечатан им как в «Посреднике», так и в более поздних Собраниях сочинений [см. изд. Сытина 1913 г., т. XIV, стр. 80].

* 44.

1885 г. Февраля 7. Москва.

Я Москвѣ радуюсь васъ видѣть.

Толстой.

Телеграмма, адресованная Черткову в Петербург. Печатается впервые. На телеграфном бланке подлинника пометка рукой Черткова: «№ 44» и служебная отметка: «Подана 7/II 9 ч. 5 м. н. Москва». Датируем согласно этим данным.

Телеграмма эта, вероятно, является ответом на несохранившийся телеграфный запрос Черткова: судя по тексту ее, нужно думать, что, не получивши еще письма Толстого от 5—6 февраля, он сомневался в том, вернулся ли уже Толстой в Москву.

* 45.

1885 г. Февраля 15. Москва.

Савихина[1] пришлю завтра. Ученіе апостоловъ[2] исправляю пришлю.

Толстой.

Телеграмма. Печатается впервые. На телеграфном бланке подлинника пометка «№ 45» и служебные отметки: «15/II. Под. 5 ч. 45 д.» Датируем согласно этим данным.

Телеграмма эта и в данном случае является ответом на несохранившуюся телеграмму Черткова. Из письма его от 16—17 февраля видно, что оно было первым его письмом после поездки в Москву, где он был у Толстого вместе с Л. Е. Оболенским (о нем см. прим. 8 к письму № 46 от 24 февраля). Судя по письму Оболенского к Черткову от 10 февраля (АЧ), они должны были выехать в Москву вечером указанного дня. Пробыли они там не долее, чем до 13 февраля, так как к 15 февраля Чертков успел уже послать Толстому телеграфную просьбу о возвращении рассказа Савихина и о присылке перевода «Учения двенадцати апостолов» (см. ниже, прим. 1 и 2).

[1] Повидимому, речь идет о рукописи рассказа Савихина (см. прим. 2 к письму № 41 от 2—3 янв. 1885 г.) «Дед Софрон», которую Чертков привез показать Толстому, как подходящую для «Посредника»: ее нужно было срочно вернуть в Петербург,так как названный рассказ шел в набор для мартовской книжки «Русского богатства» (см. ниже, прим. 6 к п. № 46 от 24 февраля), откуда он был перепечатан «Посредником». Он был выпущен в количестве 100 000 экземпляров и имел такой огромный успех у народного читателя, что через три месяца пришлось думать о втором издании. В письме Черткова к Бирюкову от 17 октября 1885 г. дословно приводится следующее сообщение Толстого о «Деде Софроне», написанное им для «внесения в собрание отзывов» об изданиях «Посредника»: «Я захожу по вечерам в школу, где собираются взрослые слушать чтения и бывают беседы, очень хорошие... Здесь Софрон имеет поразительный успех и трогает сердца. Л. Н. Т.» (АЧ). См. также письмо № 81 от 11 октября 1885 г.

[2] «Учение двенадцати апостолов» — один из древних памятников церковной письменности, относящейся к концу I или началу II в. н. э. и открытый в 1875 г. в библиотеке иерусалимского монастыря. Работая над переводом его, Толстой писал Софье Андреевне: «Сел заниматься над переводом 12 апостолов. Оно очень заняло меня. Оно очень глубоко и может выйти большой важности народная книга, что я и сделаю» (см. т. 83, письмо от 29 января 1885 г.). Очевидно, что при свидании с Чертковым Толстой говорил ему об этой вещи, как о предназначенной для «Посредника», но еще не вполне готовой к печати. Как видно из письма его к кн. Л. Д. Урусову от 26 февраля того же года, работа его над переводом и предисловием к «Учению двенадцати апостолов» несколько затянулась. Напечатать эту вещь в «Посреднике» по цензурным условиям не удалось. Она была напечатана, без подписи Толстого, в журн. «Детская помощь», 1885 г. № 8. См. об этом письмо № 71 от 17—18 июня 1885 г. и прим. 4 к нему, а также комментарии к «Учению двенадцати апостолов» в т. 25.

* 46.

1885 г. Февраля 24. Москва.

Это письмо написалъ Орловъ [1] въ отвѣтъ на письмо однаго Лисицына, [2] но полученнаго мною и к[оторое] я показалъ Орлову. Смыслъ письма Лисицына такой: какъ понимать слова Христа — X, 34, 35, 36, 37, 38 Матѳея, въ особенности 34. [3] Онъ спрашиваетъ: «Какую религію избрать въ жизни, религію любви и снисхожденія къ людскимъ слабостямъ — путь совершенствованія и всепрощенія, или, по духу ученія 34-го стиха, слѣдуетъ взять принесенный мечъ и проникнуться духомъ порицанія, кары и неустанной борьбы». Я приписалъ ему нѣсколько словъ, [4] но отвѣтъ Орлова, вырвавшійся у него, —

прекрасенъ. Орловъ знаетъ этихъ людей — онъ говоритъ, это зарождающійся, колеблющійся революціонеръ.[5] — Что вы дѣлаете, милый другъ. Давно нѣтъ отъ васъ писемъ. Книжки Р[усскаго] Б[огатства][6] и «Два полюса»[7] получилъ. И то и другое хорошо, какъ я и ожидалъ. — Въ романѣ есть очень хорошія мѣста — есть и много недостатковъ *литературныхъ*, т. е. порожденныхъ нашей скверной литературой. — Я остаюсь при моемъ мнѣніи — Оболенскій человѣкъ, выплывающій изъ бездны и хватающійся уже за берегъ.[8] Что онъ будетъ дѣлать на берегу? — Это не мѣшаетъ тому, чтобы я признавалъ вполнѣ, что его журналъ самый близкій мнѣ по направленію, и непремѣнно помѣщу у него. Я даже думаю прислать ему отрывки изъ «Ч[то] н[амъ] дѣлать».[9] Я сдѣлаю это, когда вновь займусь этой статьей. Теперь же я на время удалился отъ нея. Я былъ нездоровъ съ недѣлю и былъ поглощенъ Georg'емъ и послѣдней и первой его книгой, — Progress and Poverty, к[оторая] произвела на меня очень сильное и радостное впечатлѣніе.[10] Прочтите, когда будетъ время. Оболенскому необходимо прочесть. Книга эта замѣчена, но не оцѣнена, п[отому] ч[то] она разрушаетъ всю эту паутину научную, Спенсеро-Милевскую[11] — все это толченіе воды, и прямо призываетъ людей къ нравственному сознанію и къ дѣлу и опредѣляетъ даже дѣло. Есть въ ней слабости, какъ во всемъ человѣческомъ, но это настоящая человѣческая мысль и сердце, а не научная дребедень. Я здѣсь поручилъ узнать его адресъ и хочу написать ему письмо.[12] Я вижу въ немъ брата, однаго изъ тѣхъ, к[оторыхъ] по ученію Апост[оловъ] любишь больше, чѣмъ свою душу.[13] — Ученіе Апост[оловъ] я отдалъ Маракуеву.[14] Онъ хотѣлъ попытаться провести черезъ цензуру. Оболенскому, я думаю, неудобно напечатать. А впрочемъ, пришлю. У меня есть планъ вмѣсто поѣздки въ деревню проводить Урусова въ Крымъ.[15] Не знаю, захочетъ ли Богъ, а мнѣ улыбается. Цѣлую васъ, милый другъ. Дай Богъ вамъ того же спокойствія и счастія, к[оторыя] я все больше и больше испытываю, независимо отъ всѣхъ внѣшнихъ условій, и даже — отъ здоровья. Поклонитесь отъ меня Лизаветѣ Ивановнѣ и попросите ее, чтобы она была снисходительна и добра ко мнѣ.

Полностью печатается впервые. Отрывок был напечатан в Б, III, Госизд., М., 1922, стр. 31. Подлинник представляет собой большую

приписку Толстого, сделанную на копии письма В. Ф. Орлова к М. М. Лисицыну (см. ниже, прим. 1 и 2). Даты на письме Орлова, как и пометки Черткова, указывающей приблизительную дату приписки, на подлиннике нет. Датируем, основываясь на том, что письмо это — как видно из ответного письма Черткова, было получено им 27 февраля, а время от написания письма до получения его в Петербурге занимало обычно около двух суток. Кроме того, письмо Толстого к Лисицыну, посланное ему вместе с письмом Орлова и написанное несколько ранее, чем это письмо к Черткову, сохранилось с конвертом, на котором имеется московский штемпель от 24 февраля,— значит, письмо к Черткову было написано не ранее 24 февраля.

Письмо это в значительной своей части, относящейся к Л. Е. Оболенскому (о нем см. ниже, прим. 8), является ответом на большое письмо Черткова от 16—17 февраля, написанное вскоре после свидания его с Толстым в Москве (см. комментарий к № 45, от 15 февраля). Приводим из этого письма всё наиболее существенное: «Я был третьего дня у редактора книг Комитета Грамотности, передал ему ваше разрешение и указал на пропуски и изменения в книгах, — пишет Чертков. — Он, разумеется, охотно на всё согласился. Причем сообщил, что он сам написал предисловие к Севастопольской Обороне и чувствует, что оно написано весьма плохо. Я ему объяснил, что вы не думали осуждать это предисловие в литературном отношении, а только, что оно противоречит вашим убеждениям, так как настраивает читателя в сторону сочувствия войне и оправдания ее. Он сказал, что он вполне понимает ваш взгляд и даже сочувствует ему, но он выразил опасение, что по выпуске предисловия книга эта будет исключена из списка произведений, одобренных для распространения в войсках и что поэтому она получит гораздо меньшее распространение... Однако мы разошлись, вполне согласившись, что вы... как автор имеете полное право ожидать точного исполнения вашего желания.— Я вернулся в Петербург с Оболенским и много с ним говорил. Он мне больше и больше нравится, и я всё больше прихожу к убеждению, что он действительно заодно с нами. Часто, когда он пускается в научную терминологию и подымает всякие философские системы, я боюсь за предстоящие выводы и опасаюсь, что они окажутся в противоречии с простыми, ясными положениями Христа. Но выходит наоборот... Я теперь читаю его роман «Два полюса», который мне очень нравится по направлению... Я уверен, что если мы его поддержим, то легко можем обратить его журнал в путь для проведения учения Христа. Я был вполне уверен, что, когда он затронул с вами вопрос о материальной поддержке журналу, он не думал о себе, а о деле исключительно. И теперь я в этом окончательно убедился. Ему приходится тратить много усилий и времени для того только, чтобы сводить концы с концами, и потому приходится пользоваться часто материалом слабым. Он согласен поэтому совсем сбыть журнал в чужие руки (только человеку нашего направления) и желал бы только сотрудничать для дальнейшего развития своей идеи — обнаружения полного согласия научных выводов с основаниями учения Христа, — довольствуясь самым малым заработком для пропитания себя и семьи. Я положительно уверен, что здесь он совсем искренен, и вот что сам думаю про

это: представляется удобный случай для попытки содействия объединению лучших из пишущих людей для проведения в общество христианского учения в применении к оценке и освещению самых разнообразных явлений нашей жизни. И я думаю, что такой опыт принесет столько же добра писателям, сколько и читателям. Ведь ломает же и гнет всякий журнал, всякая газета естественное направление каждого сотрудника под свою специальную тенденцию. Отчего же не делать того же самого в хорошую сторону? оно будет легче, п. ч. не ломать и гнуть придется, а только вызывать и поддерживать лучшие стремления всякого человека... — Следовало бы поддерживать Русское богатство, издавать (всего лучше в связи с ним) газету, и — у нас будет три пути (считая лубочные издания) для проведения мысли Христа в самых разнообразных формах и приемах. Мы этим дадим возможность массе «интеллигентов» применить свои силы к общей пользе, и сама работа в таком направлении будет вызывать в них те общечеловеческие, христианские начала, которые теперь в литературе подавляются и искажаются. Быть может, даже наверное, не сегодня так завтра, вы найдете среди людей, сочувствующих вам и вашей задаче, таких, которые готовы будут посвятить на это дело часть свободных материяльных средств, находящихся в их распоряжении; другие, и их будет много, посвятят свои природные средства, свой труд, талант, свое развитие. Разумеется искусственно, насильственно вызвать этого нельзя; но насколько я могу судить, присматриваясь к людям, которых встречаю у вас и не у вас, время для этого настало, люди готовы пуститься по этому направлению». — «Редактор книг Комитета Грамотности», о котором говорится в этом письме, — Александр Фомич Петрушевский (1826—1904) — ген.-лейтенант, автор популярных исторических книг, деятельный член Петербургского Комитета грамотности, существовавшего при Имп. Вольно-Экономическом О-ве с 1861 до 1896 г., когда Комитет был разгромлен правительством. В числе разных отраслей деятельности Комитета, имевшего целью содействие народному образованию, было и издание для народа лучших русских авторов. Из произведений Толстого в течение 1884 и 1885 г. Спб. Комитетом грамотности были напечатаны с его разрешения «Кавказский пленник», «Бог правду видит», «Чем люди живы».

[1] Владимир Федорович Орлов. См. о нем прим. 5 к п. № 37 от 2 дек. 1884. О письме его см. ниже, прим. 5.

[2] Михаил Михайлович Лисицын (1862—1913) — в то время молодой человек, окончивший гимназию в г. Ельце, Орловской губ., откуда он и написал Толстому. В следующие годы, занимаясь литературой, он в то же время учился в харьковском, а затем дерптском ветеринарном институте. Затем заведовал русской общественной библиотекой в Дерпте и писал публицистические статьи в местных изданиях, а в 1893—1894 г. редактировал в Риге газету «Прибалтийский листок», где пытался проводить принцип братского отношения между народностями Прибалтийского края, однако с уклоном в сторону «обрусения». Перебравшись в центральную Россию, напечатал в «Русск. старине», 1904, октябрь-декабрь, статью под заглавием «Десять лет в прибалтийском крае». В последние годы жизни работал ветеринарным врачом в Сахалинской области. — Отношения

его с Толстым начались в 1885 г. с того письменного запроса его, о котором говорится в комментируемом письме Толстого, и продолжались, повидимому, до 1891 г. В 1888 г. Лисицын побывал в Ясной поляне. Толстой ценил его с нравственной стороны, признавая, в письме к нему от 30 ноября 1888 г., что в нем «есть та главная сила души, которая дает цену жизни для себя и для других — сила самосознания, суда над собой» (см. т. 64).

[3] В указанных Лисицыным ст. 34—38 X гл. Евангелия от Матфея говорится: «Не думайте, что я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ я принести, но мечъ. — Ибо я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцомъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку со свекровью ея. И враги человѣку домашніе его. Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели меня, не достоинъ меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели меня, не достоинъ меня. И кто не беретъ креста своего и не слѣдуетъ за мною, тотъ не достоинъ меня». Комментируя эти слова в V гл. своего соч. «Соединение, перевод и исследование 4-х Евангелий», Толстой пишет: «Только если понимаешь..., что Иисус запрещает всякого рода не только убийства, но противление злу... запрещает суд, т. е. наказания, всякое противодействие насилию и похищению, и потому запрещает собственность, как и поняли его первые ученики, запрещает отдельность народов, пресловутую любовь к отечеству, — тогда только понятны те гонения, которым подвергся Иисус, ученики его первые и последующие... Понятно и разделение, которое должно произойти между людьми, о котором он говорит».

[4] В своем ответе Лисицыну, представляющем собой приписку к письму Орлова, Толстой говорит: «Я показал письмо ваше близкому мне человеку — Орлову и вот он написал вам это. Я подписываюсь под каждым словом его письма. Я то же самое говорил в книжке «В чем моя вера». Если вы не читали, то найдете там всё, что я успел ответить на этот ваш вопрос. На последний вопрос ваш: какой путь избрать — самоотвержения или смирения или борьбы? отвечаю: проникнуться истиной учения Христа, и эта истина научит вас всему — научит, когда борьба порицания, обличения, когда самоотречение, но самосовершенствование — всегда».

[5] Приводим письмо Орлова к Лисицыну, о котором говорит здесь Толстой, в наиболее существенных частях его: «Родной мой! Вы не ищете того, чтобы уразуметь учение Христа, а ищете того, чтобы вам самим хотелось уразуметь в нем. Вы поранены неправдой жизни и ищете того, чтобы унять ту боль и те муки, которые причиняет вам ваше пораненое сердце. Вы ищете утоления боли и думаете найти его «в неустанной борьбе». Но правда живет в вас, и она... дает вам всё-таки чувствовать неправду того, на что вас толкают только: ваша личная боль, ваше личное страдание. Вы... ищете оправдания в указанных вами словах Христа. Но Христос не пришел ни обвинять, ни оправдывать... Он пришел сказать истину. «Ищите истины и Истина сделает вас свободными». Но эта же Истина сделает и то, чего вы теперь как будто желаете так: она сделает, что могут быть врагами нашими даже домашние наши...; она может породить разделение, поднять меч, но не меч в моих руках против других, но меч этих других на меня самого. Но может быть еще худшее и острого лезвия меча: отделение, одиночество, клевета, обида, напраслина, презрение

всех и собственные при этом сомнения и колебания и удвоенные отсюда страдания — всё это может быть ужаснее и самого креста Христова, который был легче для Него тем, что Он шел на него *добровольно*... Но кто не берет креста *своего* и не следует за Истиной, тот не достоин ее. — А Истина — в следующем: «*Не противься злому*!... Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, добро творите ненавидящим вас»... — Не знаю почему, но нудит меня что-то сказать вам еще и следующее. Никогда не бывши революционером, но любя их, как истинно страдающих, и всячески домогаясь, чтобы снять с души их истому их, я всю жизнь мою (мне 42 года) вожусь с ними: и два года в крепости сидел и судим был; меня освобождали, оправдывали и снова несколько раз брали... Брали меня по недоразумению. Но чего я искал — искал сознательно и добился своего: — Я знаю вас... И так как я хотел понять самых лучших из вас, то и знаю именно, именно этих лучших. — Ваши страдания от неудовлетворенной любви к истине, от любви к человеку и человечеству... И теперь не любовь и истина, а только эти страдания... Но плюньте на них. Что наши личные страдания перед тем, что может освободить и всех и от всяких страданий?!... А это истина. Ищите ее».

[6] Ежемесячный журнал, редактором-издателем которого с 1883 по 1891 г. был Л. Е. Оболенский (см. ниже, прим. 8). В 1891 г. журнал перешел в руки писателей-народников, во главе с Н. К. Михайловским.

[7] «Два полюса» — роман М. И. Красова (Л. Е. Оболенского), напечатанный сначала в ж. «Мысль» за 1883 г., вышедший в том же году отдельной книгой и перепечатанный в сборнике Красова: «Два полюса. Роман и вторая серия рассказов «Жаждущие света», Спб. 1885. Роман, очевидно, произвел впечатление на Толстого, потому что в письме к кн. Л. Д. Урусову от 26 февраля 1885 он рекомендует роман «Два полюса» его вниманию (см. т. 63).

[8] Леонид Егорович Оболенский (1845—1906), — писатель, журналист. Сын землевладельца Орловской губ. Слушал лекции в Спб. университете и Медико-хирургической академии по естественным наукам и в Московском университете по юридическим наукам и философии. В 1866 г. был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Обвинялся в недонесении о существовании известного ему тайного общества и в агитации среди рабочих. С 1878 г. вместе с проф. Вагнером издавал журнал «Свет», позднее переименованный в «Мысль», где был напечатан ряд его беллетристических произведений и критических, научных и философских статей. В 1883 г., приобретя в собственность «Русское богатство», нес на себе огромный труд в виду недостатка нужных оборотных средств. Среди журналистов 1880-х гг. Оболенский занимает особое место: эклектик по своему мировоззрению, он соединяет отрицание материализма и позитивизма с приверженностью к эволюционным теориям и вместе с тем, тяготея к вопросам этики, близко подходит к некоторым сторонам учения Толстого. Отсюда и перебои в отношении к нему со стороны Толстого, то раздражающегося его эволюционным подходом к вопросам нравственности (см. непосланное письмо к Оболенскому в комментарии к п. № 52 от 12—15 апреля), то радуется на его работы (см. письмо к нему от 15—16 февр. 1886, т. 63). Общая же оценка его журнала выражена Толстым в письме

его к нему в следующих словах: «Вы пишете уныло, а я за вас, за ваш журнал и вашу работу всегда радуюсь. Как ни много читателей других журналов, читатели эти люди готовые, кладут на стол книжку своего направления журнала и потом отыскивают в ней, нет ли чего почитать. Но только одни читатели «Р. Б.», учителя, фельдшерицы, студенты, курсистки читают для того, чтобы найти направление» (см. письмо к Оболенскому от 17 (?) окт. 1886 г., т. 63). В 1891 г., вынужденный отказаться от издания «Русск. богатства», он сотрудничал в газете «Новости» и «Одесский листок», в журнале «Новое слово» (ред. С. Н. Кривенко) и занимался редактированием переводов сочинений Фулье, Тарда, Гефдинга и др. Большая часть самостоятельных трудов Оболенского была напечатана в издаваемых им журналах. Отдельными изданиями вышли затем: «Развитие чувствований и опыт их новой классификации», Спб., 1884; «Л. Н. Толстой, его философские и нравственные идеи» (7 статей о Толстом), Спб., 1886; «Нравственное воспитание ребенка с точки зрения современной науки», Спб., 1887.

[9] Отрывки из статьи «Так что же нам делать» были, действительно, вскоре даны Толстым Оболенскому и напечатаны, с цензурными сокращениями, в «Русск. бог.» за 1885 г., под отдельными заголовками: «Жизнь в городе» (№ 3—4), «Из воспоминаний о переписи» (№ 10), «Деревня и город» (№ 12).

[10] Генри Джордж (Henry George, 1839—1897) — северо-американский писатель-экономист, идеями которого Толстой увлекался со времени первого знакомства с его книгами в феврале 1885 г. до конца жизни. Названная им в письме книга Джорджа «Progress and Poverty» («Прогресс и бедность») вышла в свет в 1879 г.; книга, которую он не называет, обозначая ее, как «последнюю» книгу того же автора — «Social Problems» («Общественные задачи») относится к 1884 г. Джордж род. в Филадельфии, в юные годы совершил много путешествий в качестве простого корабельного служащего, затем сделался журналистом, в 1872 г. основал в Сан-Франциско социалистическую газету «Evening Post», в конце 1880-х гг. переселился в Нью-Йорк, где сделался редактором рабочей газеты «Standart». Популярность его, как писателя и человека, была огромная, и когда он умер — похороны его превратились в грандиозную народную демонстрацию. В первом же крупном труде своем — книге «Прогресс и бедность», — вскоре переведенном на все европейские языки, Джордж выступает страстным проповедником идеи национализации земли, и, как средства, ведущего к этой цели, «единого земельного налога», который, поглощая все доходы землевладельцев, получаемые ими путем эксплуатации трудящихся, приводил бы их к отказу от земельной собственности. О том, какое впечатление произвела на Толстого эта книга Джорджа, можно судить на основании письма его к Софье Андреевне, написанного за три дня до комментируемого письма к Черткову: «Читаю своего George'а — пишет он. — Это важная книга. Это — тот же важный шаг на пути общей жизни, как освобождение крестьян, — освобождение от частной собственности земли... Мои требования гораздо дальше его, но это шаг на первую ступень той лестницы, по которой я иду» (см. письмо к Софье Андреевне от 21 февраля 1885 г., т. 83). Идея национализации земли посредством

единого земельного налога настолько владела Толстым и во все последующие годы жизни, что он неустанно популяризировал ее в личных беседах со своими посетителями, а также в небольших книжках, предназначавшихся для массового читателя и издаваемых «Посредником». Таковы брошюры Толстого: «Великий грех», М. 1905 и «Единственное разрешение земельного вопроса», М. 1907. Кроме того, Толстой написал предисловие к русскому переводу книги «Social Problems», сделанному С. Д. Николаевым (Генри Джордж «Общественные задачи». Изд. «Посредник», М. 1907), за издание которой оффициальный представитель «Посредник» в те годы — И. И. Горбунов-Посадов, был привлечен к суду. Подробнее см. прим. к письму Г. Джорджу в т. 69.

[11] Герберт Спенсер (H. Spencer, 1820—1897) — английский философ-позитивист, автор серии научных трудов, под общим заголовком «Система синтетической философии», в которых он излагал, с эволюционной точки зрения, основные принципы биологии, психологии, социологии и этики.— Джон Стюарт Милль (J. S. Mill, 1806—1873) — английский ученый и мыслитель позитивного направления, автор «Оснований политической экономии» и «Системы логики». В 70-х и 80-х гг. прошлого столетия сочинения Спенсера и Милля имели огромное влияние на умонастроение русской интеллигенции. Толстой, напротив, с молодых лет был противником эволюционных теорий и позитивной философии, и о «спенсеро-милевских» подходах к волнующим его вопросам этики и общественности не мог говорить без возмущения. (См. гл. XXX соч. «Так что же нам делать», т. 25.)

[12] Мысль написать письмо Генри Джорджу в то время не была осуществлена. Толстой написал ему, в ответ на письмо, полученное от него, только 11 лет спустя — 8 апреля 1896 г.

[13] Слова, цитируемые здесь Толстым, относятся к следующему месту из «Учения двенадцати апостолов» (см. прим. 2 к п. № 45 от 15 февраля 1885 г.): «Не держи зла на ближнего своего, не ненавидь никакого человека, но одних обличай, за других молись, а иных люби более души своей» (см. т. 25).

[14] Владимир Николаевич Маракуев — деятель по народному образованию и с 1882 г. издатель народных книжек художественных и сельскохозяйственных, под фирмой «Народная библиотека». В числе художественных вещей им были изданы и рассказы Толстого: «Чем люди живы», «Бог правду видит», «Кавказский пленник», разошедшиеся в десятках тысяч экземпляров. Им самим написаны брошюры: «О школьных библиотеках», М. 1884 и «Что читал и читает русский народ», М. 1886. В феврале 1884 г. Маракуев был в числе лиц, собиравшихся у Толстого для обсуждения проекта народного издательства (см. прим. 3 к п. № 4 от 17 февраля 1884 г.), осенью того же года, как видно из сохранившегося письма его от 1 окт., обсуждал с Чертковым те же вопросы о печатании книг для народа. В 1890—1891 г. издавал в Москве журнал «Сотрудник», в 1897—1900 работал в одесской газете «Южное обозрение». Намерение Маракуева провести через цензуру и напечатать «Учение двенадцати апостолов» не осуществилось.

[15] Кн. Леонид Дмитриевич Урусов (ум. 23 сентября 1885 г.) занимав-

ший в 1876—1885 гг. должность тульского вице-губернатора, переводчик книги «Размышления императора Марка Аврелия Антонина о том, что важно для самого себя», Тула, 1882, и переводчик на французский язык книжки Толстого «В чем моя вера» (см. прим. 7 и п. № 1 от 5 дек. 1883 г.). Познакомился с Толстым около 1879 г., не раз оказывал ему услуги в его хлопотах о крестьянах, которых притесняли помещики или местные власти, и, заинтересовавшись его новыми взглядами, постепенно проникся ими. Не представляя собою особенно яркой самобытной фигуры, Урусов привлекал Толстого своей сердечностью, образованностью, горячим интересом к философским и этическим вопросам, и отношения их, носившие характер знакомства «семьями», постепенно превратились в дружбу. В записях Дневника Толстого за 1884 очень часто мелькает имя Урусова—отмечаются его письма, его посещения, его увлечения теми или другими вопросами. В конце января—начале февраля 1885 г., во время пребывания своего в Ясной поляне, он чуть не ежедневно ездит к Урусову в Тулу, о чем сообщает в письмах к Софье Андреевне, не забывая коснуться вопроса о здоровье Урусова, которое вообще заботило его, так как Урусов был болен туберкулезом. Он даже сам ездил к известному доктору Захарьину советоваться по вопросу о его состоянии. В конце февраля 1885 г., когда для Урусова выяснилась необходимость поехать для поправления здоровья в Крым, а семья его была за границей, у Толстого возникла та мысль проводить его, которую он выражает в комментируемом письме. 6 марта он, действительно, выехал из Москвы в имение тестя Урусова, Мальцова, Дятьково Брянского у. Орловской губ., где находился Урусов, проводил его в Симеиз и, пробыв несколько дней в Крыму, 24 марта вернулся в Москву. Убедившись во время этой поездки, что Урусов слабеет, он в последующие месяцы пишет ему чаще прежнего и с особенною теплотою. Так в письме к нему от 15 апреля он говорит: «Пожалуйста продолжайте мне писать и почаще, всё, что вздумается. Неинтересных мне от вас писем не было и не может быть». 25 мая он пишет ему: «За чаем во время разговора я всегда вспоминаю вас. Вот тут, говорю, Урусов вступил бы в разговор с обычной горячностью и доказал бы то, что мне хочется доказывать».

Отвечая 26 февраля 1885 г. на данное письмо Толстого, Чертков пишет ему: «Ответ Орлова мне понравился за исключением только того места, где он говорит, что крест Христа был легче креста, который некоторым из нас приходится выносить, потому что крест Его был добровольный. Насколько добровольным был крест Христа, настолько и наш должен быть добровольным, и наоборот. Вообще я боюсь этих предложений страдать *больше* Христа... Орлов часто говорит очень хорошие вещи, но иногда наоборот. Напр., мне было очень жаль, когда он перебил вас во время разговора с Оболенским и Златовратским, и вместо вас стал им отвечать. Он говорил с увлечением, и вы повидимому понимали и ценили его чувство, но в его словах было и противоречие и односторонность, и он спутал весь разговор, который шел хорошо и последовательно. Вместе с тем он не только никого не убедил, но и повредил тому, что вы говорили».

* 47.

1885 г. Февраля 25—27. Москва.

Записочку эту передастъ мой другъ Николай Лукичъ Озмидовъ.[1] Онъ ѣдетъ въ Петербургъ по дѣлу изданія журна[ла], на к[оторый] деньги даетъ Сабашникова [2] и издаетъ Евреинова.[3] Онъ никакого участія въ этомъ журналѣ не принимаетъ, кромѣ желанія помочь путаницѣ, въ к[оторую] запуталась Сабашникова. Мнѣ представляется, что изданіе это могло бы соединиться съ Оболенскимъ, или преобразоваться въ народную городскую газету. Сведите Озмидова съ Оболенскимъ и вообще содѣйствуйте тому, чтобы это дѣло приняло хоть не болѣе полезный, то менѣе вредный оборотъ. Кромѣ того, я радъ, что вы познакомитесь съ Озмидовымъ. До свиданія. Когда уѣду изъ Москвы, напишу.

Л. Т.

Письмо печатается впервые. Подлинник представляет собой листок почтовой бумаги, сложенной, как записка, без конверта. На нем пометка рукой Черткова: «№ 47», — без обозначения приблизительной даты. На основной копии, как и на копиях предыдущих писем, проставлена дата — очевидно, предположительная: 27 февраля 1887. Действительно, письмо это не могло быть написано позже 27 февраля, так как 28 февраля Толстой уже получил письмо Черткова от 26 февраля, с сообщением о намерении его выехать в Москву, на что и ответил в тот же день телеграммою (см. № 48). Но возможно, что это посылаемое с Озмидовым письмо Толстого было написано и ранее 27 февраля, однако никоим образом не ранее 25-го, потому что к 24 февраля должно быть отнесено предшествующее его письмо к Черткову (см. № 46), с сообщением о намеченном отъезде в Крым для сопровождения больного кн. Л. Д. Урусова, о чем в данном письме упоминается, как о вещи уже известной. Датируем соответственно этим соображениям.

Письмо это не является прямым ответом на какое-либо незадолго перед тем полученное письмо Черткова. Однако всё его содержание указывает на то, что в этот момент Толстой с необычайною горячностью принимал к сердцу вопрос о возникновении нового журнала «вредного» с его точки зрения уклона (каким являлся основываемый А. М. Евреиновой позитивный по мировоззрению и радикальный по своей политической окраске журнал «Северный вестник») и предпринимал со своей стороны всё возможное, чтобы средства, ассигнованные на этот журнал Н. В. Сабашниковой, направить на поддержку близкого ему по направлению «Русского богатства» Л. Е. Оболенского или на «народную городскую газету». Таким образом это письмо Толстого является косвенным ответом на письмо Черткова от 16—17 февр., в котором он говорит о необходимости создать орган печати, объединяющий «лучших из пишущих людей для проведе-

ния в общество христианского учения» (см. комментарии к п. № 46, от 24 февр. 1885 г.).

[1] См. прим. 1 к письму Толстого № 3 от 24 января 1884 г.

[2] Нина Васильевна (по оффиц. документам Антонина Вас.) Сабашникова (р. в 1861 г.) — сестра московского издателя М. В. Сабашникова, вышедшая впоследствии замуж за А. В. Евреинова. По окончании Высших женских курсов Герье стремилась к общественной деятельности и, познакомившись в 1883 г. с А. М. Евреиновой, предоставила ей в дальнейшем значительные средства для основания журн. «Северный вестник». Толстой, пытаясь повлиять на нее в вышеуказанном смысле, как нам известно, сам заходил к ней для беседы на данную тему, но она осталась верна своему решению. Высказанная в его письме мысль о соединении вновь возникающего журнала с «Русск. богатством» Оболенского не могла осуществиться уже потому, что как задачи, так и умонастроения Оболенского и Евреиновой были совсем не сходны.

[3] Анна Михайловна Евреинова (1844—1916) — первая русская женщина, получившая за границей степень доктора прав. Училась в Гейдельбергском и Лейпцигском университетах. Написала ряд научных работ по специальным вопросам права. Основав во второй половине 1885 г., в Петербурге, журн. «Северный вестник», сделалась редактором его. Первое время в журнале видную роль играл Н. К. Михайловский; к сотрудничеству в беллетристическом отделе привлечены были Короленко, Чехов; большое место уделялось статьям областного характера. К началу 1890 г. материальное положение журнала стало затруднительным, и Евреинова принуждена была передать его в другие руки. Умерла она в большой бедности, в Гатчине.

* 48.

1885 г. Февраля 28. Москва.

Я жду Москвѣ до воскресенья.

Толстой.

Телеграмма печатается впервые. На телеграфном бланке — служебные пометки: подана 28/II в 3 ч. 5 д., на основании которых и проставляем дату.

Телеграмма эта является ответом на письма Черткова от 24 и 26 февраля, с сообщением, что он намерен побывать в Москве, и с некоторым беспокойством по вопросу о том, застанет ли он там Толстого, который собирался в Крым для сопровождения больного кн. Л. Д. Урусова. В первом из этих писем Чертков, между прочим, говорит: «Через неделю должны быть готовы все рисунки к лубочн. книжечкам и обе большие картины. Тогда отвезу их сам опять к Сытину, так как очень важно, чтобы первые издания вышли хорошо во всех подробностях. Будете ли вы тогда в Москве? — Сейчас получил последний № Русской мысли с лаконическою, но слишком содержательною заметкою об участи вашей статьи. [«Так что же нам

делать». Статья была запрещена цензурою.] У меня в комнате сидит переписчик и переписывает эту статью. Я ее литографирую. Знаете,—относительно этой статьи я остался того же мнения, как в начале, что она хорошая — в настоящем смысле слова. Но с тех пор мне часто пришлось наблюдать впечатление, которое она производит на самых различных читателей, и я понял, что еслиб вы теперь передали те же мысли, те же чувства в образах, в притчах, то произвели бы более сильное впечатление... Против так называемой художественной формы изложения, когда она действительно художественна, когда содержание справедливо и когда оно написано под влиянием глубокого искреннего чувства, — невозможно возражать. Сколько мне ни приходилось говорить о ваших книгах, *ни один* человек не брался опровергать мысль книжки «Чем люди живы», это просто невозможно, потому что там ничего не доказывается и не выводится логически. А мысль проникает непосредственно во всё существо читателя. Между тем «Так что же нам делать?» вызывает другие впечатления. Там есть места, соответствующие «Чем люди живы», и это самые сильные места. Но есть и выводы, есть логические заключения, определение некоторых понятий, напр. о собственности, о деньгах. Для тех, кто не проникся еще основаниями, из которых вытекают эти определения, т. е. для большинства читателей, эти выводы не убедительны. Малейшая неточность, недомолвка, всё это бросается невольно им в глаза и предубеждает их против общей мысли статьи...» — В письме от 26 февраля Чертков пишет: «Завтра соберутся молодые люди кружка Шаховского. Я пойду и хочу предложить основательное изучение существующих лубочных изданий для выяснений приемов этого главного пути литературного общения с народом. — Завтра же должны быть готовы и все рисунки и картины первой серии. Я хочу сам их привезти к Сытину. Выеду, вероятно, в четверг и, надеюсь, в пятницу вас еще застать в Москве». — О кружке Шаховского см. комментарии к п. № 43 от 5—6 февраля 1885 г.

49.

1885 г. Марта 17—18. Симеиз.

Получилъ вчера ваше письмо и разсказъ.[1] Поправляю его. Можетъ быть, будетъ лучше. Еще написалъ небольшой разсказъ,[2] пришлю изъ Москвы. Я уѣзжаю 20-го. Жалѣю слово: *христіанскомъ*. Безъ него нѣтъ смысла въ заглавіи. — Жалѣю и раздробленія; но вообще радъ, что все сдѣлано такъ, какъ сдѣлано. — Урусовъ благодаритъ и исполнитъ, но не скоро.[3]

Толстой.

Петербургъ
32 Милліонная
В. Г. Черткову.

Полностью печатается впервые. С небольшим сокращением в конце напечатано в ТЕ 1913 г., отдел «Письма Л. Н. Толстого», стр. 14. На открытом почтовом бланке подлинника рукою Черткова помечен только архивный №. Почтовые штемпеля: «Мисхорская 18 марта 1885», «С. Петербург 23 марта 1885». Датируем, исходя из штемпеля отправления.

Письмо это является ответом на письмо Черткова от 9 марта, написанное приблизительно через неделю после свидания его с Толстым в Москве, откуда Толстой, как уже указано, уехал 6 марта, сначала в Дятьково, Брянского уезда Орловской губ., где находился в то время больной кн. Л. Д. Урусов, потом, вместе с ним, в Крым, в Симеиз (об этой поездке см. подробности в т. 83, письма к С. А. Толстой за время 7—18 марта 1885 гг.).

Приводим письмо Черткова с некоторыми сокращениями: «Л[ев] Н[иколаевич], присылаю вам на просмотр рассказ «Дядя Мартын» [см. ниже, прим. 1]. Я приложил листы чистой бумаги на случай, если вам придет в голову сделать какие-либо изменения или дополнения. Рассказ этот переделан с иностранного и совсем уже потерял автора, а потому мы можем совсем свободно обращаться с этим рассказом, а мысль его до такой степени важна и дорога, что желательно передать ее возможно трогательнее и убедительнее. Я получил от Иванова письмо с указаниями изменений в «Чем люди живы». Изменения эти я уже сделал и сегодня утром отправил обратно поправленные корректурные листы. — Иванов пишет еще, чтобы я выслал вам конец вашей статьи. Я телеграфировал сегодня вашей жене, чтобы узнать, куда именно вам писать, так как меня какое-то сомнение разбирает, действительно ли вам пришлось осуществить вашу поездку в Крым. Если узнаю, что вы туда поехали, то завтра вышлю вам печатный экземпляр вашей статьи, которую как раз сегодня кончают переписывать. Статья, присланная вами Оболенскому, будет напечатана в двух номерах. Так как следующий номер «Русск. богатства» уже в наборе, то мы разделили статью на две части с тем, чтобы напечатать первую немедленно, не присылая вам. Эта первая часть кончается описанием бального веселья и доходит до того места, где вы задаетесь вопросом, каким образом богатые могут так веселиться, когда другие бедствуют? Вторую часть мы вам пришлем для пересмотра. Первая часть уже у цензора, и мы еще не знаем его заключения. Мы с Оболенским внимательно перечитали статью, и он почти ничего не нашел, что бы показалось ему нецензурным. Только название — Жизнь в *христианском* городе — ему показалось очень рискованным в цензурном отношении, и потому мы решились пропустить слово «христианском». — Я очень занят. Разбор существующих народных книг... идет теперь у нас довольно быстро, благодаря Беликову [см. прим. 10 к п. № 67 от 1—2 июня 1885 г.], который исключительно этим занимается. Мы от времени до времени собираемся, Бирюков, Беликов и я, чтобы отдавать друг другу отчет в прочитанных книгах и сообща выяснять наши сомнения. Скоро приступим к открытию склада для доставки книг учителям и другим лицам, живущим в деревне и не знающим, какие именно книги выписывать из всей массы книг, предлагаемых всевозможными обществами и частными издателями. Вместе с тем мы будем поддерживать письменные сношения с покупателями и собирать в складе отзывы

читателей о доставляемых нами книгах». — Иванов, о письме которого говорит Чертков, переписчик Толстого (см. прим. 2. к п. № 10 от 27 марта 1884): вероятно за недосугом перед отъездом Толстой поручил ему написать Черткову, какие изменения он хочет внести в корректурные листы рассказа «Чем люди живы», печатавшегося в серии изданий «Посредника». Говоря о «конце статьи», Чертков имеет в виду запрещенную в «Русской мысли» статью «Так что же нам делать» (см. прим. 6 к п. № 15 от 25—27 апреля 1884 г.), отрывок из которой (XXIV глава) был в то время предоставлен Л. Е. Оболенскому для напечатания в «Русском богатстве».

[1] Рассказ, посланный Толстому Чертковым в русском переводе, «Дядя Мартын» (в оригинале «Père Martin») принадлежит французскому автору Р. Сайанс (R. Saillens) и вошел позднее в сборник его: «Récits et allegories», 3-е изд. которого, вышедшее в Тулузе в 1907 г., сохранилось в яснополянской библиотеке. Рассказы свои, имеющие религиозно-моралистический характер, Сайанс сначала излагал устно перед тулузской общиной евангелистов и затем уже стал отдавать в печать. «Père Martin», повидимому, был напечатан впервые в каком-нибудь евангелическом журнале, откуда и был взят для перевода, помещенного без имени автора в журн. «Русский рабочий» (об этом журнале см. прим. 1 к п. № 50 от 25—26 марта 1885 г.). Толстой, значительно его переработав, озаглавил его «Где любовь, там и Бог». В издании «Посредника» он вышел в конце мая 1885 г. без имени Толстого. В перепечатке «Сиб. Комитета грамотности», изд. 1886 г., на обложке стоит имя Толстого. Авторство же Сайанса выяснилось для редакции «Посредника» значительно позже, когда переработка Толстого появилась на французском языке. См. об этом статью А. Е. Грузинского: „Источники рассказа Л. Н. Толстого «Где любовь, там и Бог»", «Голос минувшего», 1913, март, а также комментарии к этому рассказу в т. 25.

[2] Рассказ, написанный Толстым в Крыму, во время пребывания его в Симеизе у кн. Л. Д. Урусова, — «Ильяс». Черновая рукопись его, хранящаяся в настоящее время в Толстовском музее в Москве, поступила туда из архива Урусова. Рассказ был написан, как текст к картине, но в виду того, что обещавший исполнить ее художник Н. А. Философов (см. ниже прим. 7 к п. № 51 от начала апреля 1885 г.) не сделал ее, и заказ на картину пришлось передать художнику А. Д. Кившенко издание это задержалось до конца сентября 1886 г. В начале же 1886 г. «Ильяс» был включен в изданный «Посредником» сборник рассказов, озаглавленный: «Царь Крез и учитель Солон и другие рассказы». См. комментарии к рассказу в т. 25.

[3] Как видно из дальнейших писем Черткова, он просил Л. Д. Урусова прислать сделанные им сноски на различные места Евангелия, цитированные или упоминаемые у Толстого в соч. «В чем моя вера». Урусову, очевидно, пришлось произвести эту работу при переводе названного сочинения на французский язык. Чертков хотел воспользоваться ею при редактировании перевода того же сочинения на английский язык.

* 50.

1885 г. Марта 25—26. Москва.

Я вернулся 3-го дня. Тамъ получилъ одно письмо ваше и разсказъ изъ Р[усскаго Рабочего] [1] Я его поправилъ какъ умѣлъ. Я думаю, лучше. Еще написалъ маленькій разсказецъ, я думаю для картинки съ текстомъ. [2] Что дѣлать съ тѣмъ и другимъ? [3] Бир[юковъ] [4] разсказывалъ моимъ о участи отрывка въ Р[усскомъ] Б[огатствѣ]. Мнѣ непріятно печатать кастрированное, но если нужно, то мнѣ очень радостно отдать его именно въ этомъ уродливомъ видѣ. Моя carte blanche вамъ продолжается. Когда вы пріѣзжаете? — Всегда думаю о васъ. Напишу еще подлиннѣе, когда буду свободнѣе.

Л. Т.

Петербургъ
32 Милліонная
В. Г. Черткову.

Полностью печатается впервые. Отрывки были напечатаны в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 15. На открытом почтовом бланке подлинника имеются почтовые штемпеля: «Москва 26 марта 1885», «С-Петербург 28 марта, 1885». Из Дневника С. А. Толстой от 24 марта 1885 г. мы знаем, что Толстой вернулся в Москву 23 марта.

Заключающийся в этом письме вопрос Толстого — «Когда вы приезжаете?» ясно указывает, что оно написано до получения письма Черткова от 23 марта, в котором точно указано время проезда Чертковых через Москву. Также и ссылка на Бирюкова по вопросу об участи отрывка статьи «Так что же нам делать», печатающегося в «Русском богатстве», была бы неестественна, если бы Толстой уже прочел сообщение Черткова на эту же тему. Но задержавшееся в пути письмо Черткова от 23 марта дает полное освещение данному вопросу. Приводим его во всех существенных частях. Чертков пишет: «...Вы должно быть теперь вернулись из Крыма или очень скоро вернетесь. Я же с матерью собираюсь во вторник на Святой в деревню. На пути туда мы в Москве не остановимся. Там думаем пробыть 10 дней. На обратном пути, т. е. около 10 апр., мы хотим остановиться в Москве дня на три... Ваша статья для «Русс. богатства» [см. комментарии к п. № 49 от 17—18 марта] выдержала самые разнообразные манипуляции. Цензор «Рус. богатства», получив ее, очень взволновался и представил в цензурный комитет. Там вас боятся, как огня, и статью страшно урезали. Вычеркнули весь конец первой части о бале и много отдельных выражений. Напр., «Помилуйте, да есть 12-ти, а 13-ти и 14-ти сплошь да рядом, — сказал он *весело*». «Мне сказали, что они *были на вечере, очень веселились*, вернулись и уже спят». Подчеркнутое было вычеркнуто. Эпиграфы из Евангелия были также вычеркнуты. Однако, узнав о вашей статье, [председатель] засуетился, послал за нею. Послали

и за Оболенским. Оказалось, что высшие цензурные власти имеют инструкцию пропускать ваши статьи, делая сокращения только в самых крайних случаях. Поэтому некоторые из вычеркнутых мест были восстановлены, и статья была разрешена в том виде, в каком она и напечатана в «Рус. бог.»... Теперь, Л. Н., про себя скажу вам, что появление в печати вашего описания нескольких случаев нищеты меня ужасно обрадовало. Сначала я был в течение целого дня возмущен цензурными урезками. И теперь мне больно, что сократили некоторые места, как напр. сопоставление колокольного звона с звуками выстрелов и пуль... Тем не менее и ослабленные ваши слова приносят громадную пользу. Судя по своему чувству, огорчению, я предчувствовал, что вам, как автору, должно быть еще тысячу раз больнее подобное заглушение некоторых из ваших слов. Ваша личность должна очень страдать, но позвольте мне вам высказать свое глубокое убеждение, что еслиб из-за этого вы дали бы завладеть вами нежеланию к печатанию ваших мыслей с такими урезками, то *дело* пострадало бы еще больше, чем ваша личность. Прачка, умершая под воротами, теперь не даром умерла. С нею вместе страдают многие, и ее страдания и смерть теперь облегчат участь многих ей подобных и побудят многих счастливых по обстановке людей обратить внимание на то, что прежде они просматривали. Я получил сегодня ваше открытое письмо... Ваши сожаления об искажениях в вашей статье меня так и кольнули в сердце, и мне стало опять так больно за вас. Меня ужасно обрадовало, что вы написали еще рассказ. Если вы еще не выслали его по почте сюда, то, пожалуйста, пошлите... Репин симпатичнейший человек. Он охотно взялся сделать рисунки к рассказу Савихина и уже исполнил их. Он очень сочувствует вашим мыслям, ценит последнюю статью (всю), которую я дал ему в рукописи. Он не берет за рисунки никакой платы и охотно делает их для нашей цели, так что им можно будет пользоваться. Ваш рассказ о братьях и золоте ему очень понравился и, когда нужно, он охотно сделает к нему и вообще подобным рассказам большие крашеные картины».

Статья, о которой говорит Чертков, — «Так что же нам делать» (см. комментарии к предыдущему письму, № 49, от 17—18 марта). — О Репине см. прим. 2 к п. № 55 от 2 мая 1885. — Рассказ Толстого «о братьях и золоте» — «Два брата и золото», написанный в это время для издания с картиной, которую и сделал, действительно, Репин. — О рассказе Савихина «Суд людской не божий или Дед Софрон» см. прим. 1 к п. № 45 от 15 февраля 1885 г. —

[1] «Русский рабочий» — ежемесячный журнал евангелического направления, основанный в 1875 г. М. Г. Пейкер, близко стоявшей к Пашкову, и издававшийся после ее смерти дочерью ее А. И. Пейкер (о ней см. прим. 3 к п. № 36 от 13—14 ноября 1884 г.) В последние годы своего существования журнал подвергался особенно суровым репрессиям со стороны духовной цензуры, и в 1885 г. был закрыт. — Помещенный в «Русском рабочем» рассказ — «Дядя Мартын» (см. прим. 1 к п. № 49 от 17—18 марта 1885 г.)

[2] «Маленький рассказец для картинки с текстом» — «Ильяс» (см. прим. 2 к п. № 49 от 17—18 марта 1885 г.)

[3] Как видно из письма Толстого к Л. Д. Урусову от 5 апреля 1885 г., рассказы эти были переданы им Черткову при проезде его с матерью, в конце марта, из Петербурга в Воронежскую губ.: Толстой «выезжал к ним» (очевидно, на вокзал) и «отдал ему статейки».

[4] Павел Иванович Бирюков (1860—1931)—один из ближайших друзей и последователей Толстого и его биограф. Происходил из семьи костромских дворян, обучался в привилегированных уч. заведениях — Пажеском корпусе, Морском училище и Морской академии. Познакомившись с Чертковым, а через него—21 ноября 1884 г.—с Толстым, пренебрег открывавшейся перед ним учено-морской карьерой и, продолжая еще некоторое время, для заработка, служить в главной физической обсерватории, отдался вместе с Чертковым делу «Посредника». В период между 1888 и 1892 г. занимался на родине земледелием, потом работал с Толстым на голоде. В 1897 г. вместе с Чертковым и Трегубовым был выслан за протест против преследований духоборов, жил одно время в г. Бауске Курляндской губ., затем — с Чертковым в Англии, помогая ему в организации газ. «Свободное слово». С 1899 г., поселившись близ Женевы и работая на земле, издавал журнал «Свободная мысль» и написал книгу «Духоборы» (изд. «Поср.», 1907 г.). В то же время начал свой большой труд «Биографию Л. Н. Толстого», законченный только в 1923 г. В 1904 г. приехал в Россию. Работал над изданием Полн. собр. соч. Толстого, изд. Сытина, М. 1913 г. В 1927 г. поехал в Канаду для организации помощи духоборам, в 1929 г. заболел там и, разбитый параличем, был перевезен в Швейцарию, где и умер. «Биография Л. Н. Толстого» вышла в 4-х томах: I т.— М. изд. «Поср.», 1906 г.; изд. Ладыжникова, Берлин, 1921; изд. Госизд., 1923 г., II т. — М., изд. «Поср.»., 1908; изд. Ладыжникова, Берлин, 1921; изд. Госизд., 1923; III т. — Берлин, изд. Ладыжникова, 1921 и изд. Госизд., 1922; IV т. — М., Госизд., 1923. Переписка его с Толстым, снабженная его комментариями и дополненная его воспоминаниями, еще не опубликована. Подробнее см. прим. к первому письму Толстого к нему в т. 63.

* 51.

1885 г. Начало апреля. Москва.

Спасибо за ваши письма, милый другъ. Ваши замѣчанія о «Двухъ братьяхъ» справедливы. Я немного поправилъ въ этомъ смыслѣ. Писать въ этомъ родѣ буду, если живъ буду, но еще ничего не написалъ. Трудно объяснить отчего. Только вы напрасно приписываете этому важность. Не потому, что я другому приписываю важность, а только потому, что вы преувеличиваете. — Вы меня порадовали и заманили писать особенно тѣмъ, что говорите въ концѣ письма, что вы меня осуждаете, и скажете, за что, если я васъ вызову. Вызываю и очень прошу. Мнѣ это такъ нужно. И надѣюсь, что не затѣмъ, чтобы оправды-

ваться, а чтобы воспользоваться. Я васъ мало осуждаю, даже совсѣмъ не осуждаю, потому что слишкомъ вы мнѣ дороги. И потому вѣроятно не вижу много дурного въ васъ. Я Сытину [1] (он б[ылъ] у меня съ Касатк[инымъ]) [2] совѣтовалъ передѣлать фигуру Хр[иста], к[отораго] бьютъ. [3] Надо, чтобъ было страданье. На книжечки я радуюсь, но больше на внѣшность, чѣмъ на содержаніе. [4] *Судъ людской* [5] мнѣ никогда не нравилось, и я имъ не займусь. Къ Ильясу [6] я поручилъ сдѣлать картинку Философову. [7] Онъ женатъ на Писаревой. Онъ очень милый человѣкъ и художникъ, и ему полюбилось все дѣло. — Я занятъ все статьей Что дѣлать, все объ деньгахъ. Очень странно бы было, по той внутренней потребности, к[оторая] во мнѣ есть выяснить это дѣло, чтобы это было заблужденіе съ моей стороны. А можетъ быть. Оболенскому послалъ конецъ статьи съ Бирюковымъ милымъ, съ к[оторымъ] провелъ часа $1^1/_2$, и нынче получилъ отвѣтъ Оболенскаго. Посылаю вамъ дурное письмо, которое я написалъ Об[оленскому] въ отвѣтъ на его. [8] Познакомился я здѣсь съ Гротомъ-философомъ [9] — онъ мнѣ очень понравился — надѣюсь, не только потому, что онъ раздѣляетъ мои взгляды. — Получилъ я еще «Рабочій» [10] и читалъ его и нашелъ, что это очень, очень хорошо. Есть недостатки, но я читалъ съ пользой для души. — Леля [11] выздоравливаетъ. Передайте поклонъ вашей матушкѣ.

Л. Т.

Полностью печатается впервые. Отрывки были напечатаны в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 15—16. На подлиннике рукой Черткова помечен только архивный № письма. Датируем приблизительно, исходя из того, что письмо это несомненно является ответом на письмо Черткова из Воронежской губ. от 30—31 марта, полученное в Москве не ранее 2—3 апреля.

Высказывая в начале письма благодарность Черткову за полученные от него «письма», Толстой, очевидно, подразумевает и приведенное нами выше письмо его от 23 марта, разминувшееся с его письмом от 26 марта. Однако в дальнейших строках Толстой имеет в виду только письмо 30—31 марта, написанное в Лизиновке. Приводим из него всё наиболее существенное. «Рассказ «Дедушка Мартын» теперь переписан набело, — пишет Чертков. — Он очень нравится читателям, и мне очень хотелось бы сохранить его при себе для того, чтобы прочесть некоторым друзьям из крестьян и в школах. Мне кажется, однако, что рассказ этот не годится по объему для большой картины. Между тем он мог бы составить содержание превосходной книжечки, подобной уже изданным. Впрочем, разумеется, мы сделаем, как вы решите. Те два рассказа, «Ильяс» и «Два брата и золото»,

гораздо короче и потому удобнее для картин, хотя и они годятся для книжечек, в случае напр., если вам придется составить еще несколько рассказов еще покороче, напр., в объеме эпизода о торговке и мальчике в «Дедушке Мартыне». (Между прочим я наблюдаю впечатление этого рассказа... на читателях и, к своему еще пущему восхищению, вижу, что хотя мысль рассказа опровергает все существующие понятия о педагогических приемах, об отношении к преступлению и преступнику и вообще о так называемой человеческой справедливости, несмотря на это, никто, решительно никто, не возражает, и не только не возражает, а даже не раздражается, и всем этот рассказ ужасно нравится. Хорошо было бы именно теперь набрать как можно больше рассказов самых разнообразных величин и затем уже их распределить. Некоторые назначить для картинок, другие для книжечек. Имея под руками разом несколько рассказов, несравненно легче их распределить по художникам, — одному одно больше по сердцу, другому другое, — и издавать легче разом целую серию...»

Продолжая это письмо, начатое 30-го марта, и на следующий день, Чертков говорит: «Вчера я читал кучерам и мастерам ваши 3 ненапечатанные рассказа. «Ильяс» вызвал полное одобрение, смех и живые толки, причем все решили, что без богатства гораздо лучше. «Дедушка Мартын» произвел самое сильное впечатление. Всем ужасно понравился и по окончании чтения у всех были сосредоточенные лица, у некоторых почти со слезами на глазах. Рассуждать не стали. Видно было, что прибавлять и расписывать уже нечего. «Два брата и золото» я прочел сейчас после Ильяса, и он им понравился, как содержащий ту же мысль. Но когда стали разговаривать, то обнаружилось, что он всех озадачивает, не разрешая тех вопросов, которые там поднимаются. Иван кучер выразился, что он рассказан «на двое». И это впечатление я всегда наблюдал, сколько ни читал его самым разнообразным по характеру и развитию слушателям. Мне также кажется, что в нем чего-то существенного недостает и, если позволите, изложу вам мое мнение... Мысль этого рассказа высказана голословно и не вытекает из общего впечатления, производимого рассказом. Напротив того, Афанасий вызывает всё время сочуствие читателя, а когда он уходит из города в той же старой одежде, ничем для себя не воспользовавшись, а просто из любви к брату, то сочувствие читателя достигает высшей степени... И вдруг является Ангел и так же непонятно для читателя, как и для самого Афанасия, объявляет ему, что он поступил дурно... Обвинение является голословным и опирается исключительно на ангельский авторитет обвинителя. Выставлять в рассказе сверхъестественное, вообще, мне кажется, вещь рискованная и пользоваться этим сильным приемом следует с крайней осторожностью. Ангел, видение или вообще представитель чудесного, божественного может, не соблазняя читателя, высказывать только то, что несомненно встретит сочувственный отголосок в простом непредубежденном читателе, — это отголосок того бога, которого мы все носим внутри себя самих... Это именно наше собственное, самое святое выражает, напр., ваш же Ангел в «Чем люди живы». Но в рассказе «Два брата» Ангел говорит то, что не все могут внутренне признать за справедливое, что может пониматься только теми, кто разносторонне вдумывались в значение денег... Тому, кто читал «Так что же

нам делать», мысль Ангела по крайне мере понятна. Но опять там вы говорите преимущественно о «дурашных» деньгах. Между тем большинство читателей лубочных картинок имеют дело не с дурашными, а трудовыми деньгами и статьи вашей не читали и не прочтут. Требовать от них, чтобы они отскакивали от клада, едва ли справедливо, когда они окружены людьми работающими и часто нуждающимися в необходимом. И, во всяком случае, если и требовать это от них, то никак уже не на основании голословного приговора явившегося с неба Ангела. Я согласен, что деньги сами по себе зло и скорее всего могут приносить вред, что личный труд— единственное средство безопасно помогать ближнему... Деньги — зло и для того, кто дает, и для того, кто принимает. Вот и можно было бы показать это тем, что Афанасий возгордился и превознесся. (Когда вы читали это место в первый раз в вашей комнате, то у вас было ясно сказано, что он возгордился. Для полноты и цельности следовало бы также указать, что когда Афанасий решился взять деньги, то он думал не исключительно о большой пользе людям, а также и о их большой благодарности к нему. А то в этом месте у него выставлены только самые чистые побуждения.) Вред принимающим деньги легко было бы показать, указав на то, что «благотворительные» дела Афанасия не удались и развратили самих старцев и нищих, которые там даром зажили. Вот тогда слова Ангела вытекали бы естественно из рассказа и никого не озадачивали бы. А в теперешнем виде рассказ этот действительно выходит «на двое». — Я просмотрел несколько отборных житий святых в лубочн. изданиях и, к своему горю, кроме одного, ничего не нашел, что можно было бы издать даже с изменениями. Этот один рассказ — тот самый, который вы мне рассказали. Присылаю его вам. Спрос на жития святых со всех сторон громадный и очень желательно было бы издавать между нашими книжками хоть несколько из лучших житий. Может быть, вы это житие перескажете своими словами для наших изданий. Это значительно подкрепило бы их и подняло в глазах многих из народа. — Присылаю вам еще книжку: «Суд людской и божий», которую вам когда-то показывал [см. ниже, прим. 5]. Она замечательно нравится. Желательно было бы вновь издать. Первую часть—Суд людской — сохранить в своем виде, так как автор, Полисадов, еще жив. Вторую же часть — суд божий — можно было бы с успехом изменить, сократить и пополнить, и никто так хорошо не сделает это, как вы.

Как здоровье вашего сына Левушки?.. — Ну, прощайте, Л[ев] Н[иколаевич], не судите меня так же строго, как я сужу вас, я этого еще не заслуживаю. А я вас сужу строго. У меня есть для вас целый ряд «обличений», но как-то не хочется обличать, неловко, не чувствуешь себя вправе. А потому не стану, разве только вы сами попросите. — В понедельник через неделю мы думаем выехать отсюда и пробыть в Москве несколько дней».

[1] Иван Дмитриевич Сытин (р. 1851 г.) — в то время московский издатель лубочной литературы, впоследствии крупнейший книгоиздатель в России. Родился в Костромской губ., в семье волостного писаря, учился в сельской школе. Пятнадцати лет отдан был «мальчиком» в книжную лавку в Москве, а через несколько лет, сделавшись книготорговцем и

издателем, сумел широко поставить дело распространения лубочной литературы и лубочных картин. В ноябре 1884 г. принял предложение Черткова издавать народные книжки и картины (см. комментарии к п. № 37 от 2 декабря 1884 г.). В первые же 4 года организовавшейся таким образом фирмой «Посредник» было распространено около 12 миллионов книжек, и дело продолжало расширяться. С 1885 г. Сытин сделался собственником большой типографии. Через три года открылась его книготорговля в Петербурге и затем — отделения в других городах. С 1899 г. он делается издателем московской газеты «Русское слово». Расширяется и круг выпускаемых фирмой книг. В 1913 г. Сытин издал Полн. собр. соч. Толстого под ред. П. И. Бирюкова в 20 томах, и в том же году — 2-е издание в 24 томах. С Толстым Сытин познакомился в конце 1884 г. или начале 1885 г. Толстой сам пришел к нему в лавку у Ильинских ворот, чтобы переговорить о готовящихся к печати книжечках «Посредника», и с тех пор отношения их уже не прерывались. — Подробнее о Сытине см. в сборнике, изданном к 50-тилетней годовщине его деятельности, «Полвека для книги», М., б. г. [1916].

[2] Николай Алексеевич Касаткин (1859—1930) — художник-жанрист, преподаватель моск. Училища живописи, ваяния и зодчества, участник Передвижных выставок, с 1903 г. — действ. член Академии художеств. Сын литографа, знавший тяжелую нужду. Более, чем кто-либо другой из Товарищества передвижников, интересовался жизнью рабочего класса, в 1890-х гг. ездил в угольный район и написал цикл картин «Шахтеры». В период революции, несмотря на преклонный возраст, продолжал усиленно работать и дал серию «Комсомол». В 1925 г. получил звание Народного художника Республики. В период расцвета «Посредника» не раз делал рисунки для выпускаемых книжек. Был лично знаком с Толстым и не раз бывал у него в Москве и в Ясной поляне.

[3] Речь идет о картине французского художника Бугро «Бичевание Христа», предназначенной для хромолитографического переиздания в «Посреднике» (см. прим. 1 к п. № 37 от 2 дек. 1884). Цензура не пропустила эту картину, найдя, что страдания Христа изображены в ней слишком реально. Тогда решено было, изъяв из снимка фигуру Христа, заменить ее другою. Но вновь сделанная фигура, как видно из комментируемого письма, не удовлетворила Толстого. Тогда Чертков попросил Ренина сделать для картины фигуру Христа, и эта фигура не только была одобрена Толстым, но трогала его до слез (см. письмо № 55 от 2 мая 1885 г.). В таком виде картина и была, наконец, издана под заглавием «Страдания Господа нашего Иисуса Христа», с двойным текстом: описанием Гаршина и пояснением Толстого, но без указания имени обоих авторов.

[4] «Книжечки» — четыре первые книжки изд. «Посредника»: ранее издававшиеся рассказы Толстого «Кавказский пленник», «Чем люди живы», «Бог правду видит да не скоро скажет» и рассказ Н. С. Лескова «Христос в гостях у мужика», перепечатанный из книги его «Русская рознь. Очерки и рассказы», Спб. 1881. Эти первые книжечки «Посредника» вышли из типографии к 1-му апреля 1885 г., о чем можно судить по письму от этого числа, написанному Черткову Д. И. Шаховским, который с восторгом приветствовал его от имени своего кружка (см. комментарии к п. № 43 от 5—6

февраля 1885 г.). «Внешность» книжек, о которой говорит Толстой, была продумана с точки зрения привлекательности ее для широкого круга читателей: они были в розовых и голубых обложках с красной каемкой и с соответствующими тексту рисунками художника А. Д. Кившенко. Внизу обложки был напечатан девиз «Посредника»: «Не в силе Бог, а в правде». Цена каждой такой книжки в розничной продаже была всего $1^1/_2$ копейки.

[5] «Суд людской и божий» — книжка А. Ф. Погосского и Г. А. Полисадова. Какое издание ее Чертков показывал Толстому, неизвестно. В 1886 г. она была переиздана петербургским Комитетом грамотности. Александр Фомич Погосский (1816—1874) — автор многочисленных рассказов, пьес и побасенок для народа. О Г. А. Полисадове точных сведений у редакции не имеется.

[6] См. прим. 2 к п. № 49 от 17—18 марта 1885.

[7] Николай Алексеевич Философов (1839—1895) — художник. До 1885 г. жил обычно в своем имении Рязанской губ. С 1885 г. был инспектором московского Училища живописи, ваяния и зодчества. Жена его, Софья Алексеевна, была сестрой Р. А. Писарева, друга Черткова (см. прим. 2 к п. № 4 от 17 февр. 1884 г.). Дочь Философовых, Софья Николаевна, впоследствии вышла замуж за второго сына Толстого, Илью Львовича.

[8] О письме Оболенского и ответном, не посланном письме к нему Толстого см. п. № 52 и комментарии к нему.

[9] Николай Яковлевич Грот (1852—1899) — в то время профессор Новороссийского университета, автор книги «Психология чувствований в ее истории и главных основах», Спб., 1879-80 и «Дж. Бруно и пантеизм», Одесса, 1885; с 1886 г. — проф. Московского ун-та, автор ряда трудов по психологии, логике, философии, этике, председатель московского Психологического общ-ва и с 1889 г. редактор журн. «Вопросы философии и психологии». За несколько дней до написания комментируемого письма Толстой, в письме к Страхову от 31 марта, познакомившись с книгой о Дж. Бруно и восхищаясь личностью Бруно, пишет: «Грот молодой Одесский прислал мне свою книжку о нем. Очень хорошо. Мне и Грот нравится. Я не знаю его, но он писал мне». В дальнейшем между Толстым и Гротом установились постоянные отношения, и впечатления его от Грота были чрезвычайно благоприятны (см. воспоминания Толстого о Гроте, написанные в Сентябре 1910 г., в форме письма к его брату, для сборника: «Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей», Спб., 1911. Входят в т. 38).

[10] «Русский рабочий». См. прим. 1 к п. № 50 от 25—26 марта 1885.

[11] Лев Львович, третий сын Толстого. Подробнее см. прим. 9 к п. № 97 от 23 января 1886 г.

* 52.

1885 г. Апреля 12—15. Москва.

Отрыжка отъ нашего разговора осталась мнѣ тяжелая. Я знаю, что вы искренно ищете истины, и потому то, что вы не

только не поняли значенія заповѣдей Христа — *пяти*[1] (я не виноватъ, что ихъ не 2 и не 17), но даже хотите выдумать свои заповѣди, кот[орыя] онъ не догадался сказать, — заповѣдь *не лгать*, мнѣ очень больно. Я виноватъ въ этомъ, я своей поганой личностью, связавъ ее съ ученіемъ Хр[иста], затемнилъ его. — Но вы только можете развязать этотъ грѣхъ 1) тѣмъ, чтобы простить меня и забыть мою гордость, тщеславіе, связавшіяся съ ученіемъ Хр[иста] и затемнившія его, и 2) тѣмъ, что вникните для себя, для своего счастья и для истины, для твердости, несомнѣнности ея, въ смыслъ ученія Христа и его заповѣдей. — Онъ далъ намъ средство выдти изъ блужданія въ жизни, я по крайней мѣрѣ почувствовалъ, что какъ только я понялъ практически 5 заповѣдей, такъ я вышелъ изъ тумана на свѣтъ, и вдругъ я вижу людей, которые боятся этаго свѣта и жмурятся передъ нимъ и меня приглашаютъ вернуться изъ свѣта въ тьму.

Нельзя изъ Спенсера[2] выводить христіанство, т. е. истину. Истина отъ Бога черезъ Христа, и другаго пути нѣтъ. А если выводить изъ Спенсера, то и выйдетъ то, что вышло: найдется азбука христіанства и — не христіанства, а всѣхъ религій — любовь къ Богу и ближнему, данная впередъ и всѣмъ всегда извѣстная, и намъ покажется, что мы все знаемъ и намъ досадно даже станетъ, что Христосъ зналъ больше и требовалъ отъ насъ больше, и мы отвергнемъ, или постараемся отвергнуть то, что онъ зналъ и далъ намъ. Хоть не отвергнемъ, но ослабимъ въ надеждѣ выдумать свои лучшіе законы — лучшіе потому, что они будутъ удовлетворять нашимъ злымъ привычкамъ. — Я пишу это для васъ и для Оболенскаго. Изъ общей — не заповѣди, а изъ общаго опредѣленія смысла человѣческой жизни — любви къ Богу и ближн[ему] — Христосъ вывелъ приложеніе къ жизни для установленія Царства Бога на землѣ, Его царства Бога. Приложеніе это въ 5 зап[овѣдяхъ] осуществляетъ теоретически Ц[арство] Б[ога] на землѣ. Если не осуществляетъ, то надо это показать. Чего еще человѣку, к[оторый] ищетъ Ц[арства] Б[ога] и истины? Нѣтъ, вы говорите, что эти заповѣди недостаточны. Ну, такъ скажите, какія достаточны. Тогда я возьму ваши. Дайте другую программу, свою, или найдите ее въ ученіи Христа. Но позвольте мнѣ, пока вы не выдумали своихъ, лучше жить Христовыми, проводя ихъ въ жизнь, тѣмъ болѣе, что на мой слабый

умъ онѣ осуществляютъ вполнѣ Ц[арство] Б[ога]. Я только что ожилъ надеждой на возможность Ц[арства] Б[ога] на землѣ благодаря этимъ заповѣдямъ, а вы de gaité de coeur, безъ всякаго основанія, разрушаете это зданіе моего блага только потому, что вамъ это кажется слишкомъ хорошо и вы надѣетесь найти, когда вамъ вздумается, еще лучше.

Мнѣ теоретически опредѣлено и дано Ц[арство] Б[ога], дана программа — смѣта на постройку. Мнѣ много дѣла: и подробно разработать эту смѣту, и готовить матерьялъ, и строить, если я смогу, а вы меня увѣряете, что и смѣта то не годится и гораздо лучше строить безъ всякой смѣты. Это ужасно. Это дѣлали или дѣлаютъ только враги Христа. Я повторяю, что начало вины во мнѣ, въ примѣшиваніи себя къ истинѣ, но другая вина ваша — та, что, возненавидѣвъ ту гадину, которая прилипла къ святынѣ, вы оторвали гадину съ святыней. Я пишу по утру — въ постели думалъ. И очень больно мнѣ было. И рѣшилъ, что лучше сказать всю правду — нужную не мнѣ, но вамъ.

Л. Толстой.

Письмо это печатается впервые. Сначала оно не входило в общую серию писем Толстого, полученных Чертковым, и было известно небольшому кругу лиц лишь по далеко не полной копии, сделанной рукой Н. Л. Озмидова в одной из тетрадей «Рукописного собрания сочинений Л. Н. Толстого», хранившихся в архиве Черткова. Повидимому, написав его в припадке гнева, Толстой в свое время решил не посылать его и ограничился лишь беглым мягким намеком на его содержание в следующем своем письме (см. п. № 53 от 16 апреля), но так как в конце концов подлинник его нашелся в архиве Черткова, то нужно думать, что позднее Толстой передал ему это письмо при одном из личных свиданий. Никаких пометок Черткова на нем не имеется. Датируем, исходя из того соображения, что тяжелый разговор между Толстым и Чертковым, вызвавший это письмо, мог происходить только во время проезда последнего через Москву из Воронежской губ., т. е., как это можно заключить по целому ряду указаний, между 9 и 15 апреля 1885 г. Так как Чертков должен был пробыть в Москве не один день, а письмо было написано, очевидно, уже после того, как он расстался с Толстым, относим его к 12—15 апреля.

Обстоятельства, вызвавшие тяжелый разговор между Толстым и Чертковым, были таковы. Получив от Толстого, для напечатания в «Русском богатстве», часть статьи Толстого «Так что же нам делать», Л. Е. Оболенский (см. прим. 8 к п. № 46 от 24 февраля 1885 г.) не согласился с некоторыми радикальными выводами ее. В одном, недатированном, письме своем к Черткову, которое нужно отнести к марту 1885 г., он писал: «Во 2-й половине статьи Л. Н. [т. е. во 2-й половине отрывка, разбитого на две части и печатавшегося в мартовской и апрельской книжках «Русск. бог.»

под заголовком «Жизнь в городе»] есть места, с которыми я расхожусь, хотя их напечатаю» (АЧ). Очевидно, что Оболенский тогда же решил откровенно высказаться в письме к Толстому по вопросу о своем разногласии с ним, потому что уже 13 марта, во время пребывания Толстого в Крыму, Чертков писал ему: «Оболенский написал вам письмо и спрашивает меня, послать ли его, или нет. Я внимательно прочел письмо, и оно мне очень, очень понравилось. Вы знаете, что я во многом разделяю те мысли, которые он в письме излагает... Нравится мне также откровенность и искренность его отношения к вам. Он честно высказывает то, что думает. Еслиб он сколько-нибудь был человеком расчета, то никогда не рискнул бы на такое письмо. Каюсь вам, Лев Николаевич, — я одну минуту задался вопросом, не раздражит ли вас это письмо, не восстановит ли против него. Но мне тотчас же стало совестно и за себя и за свое предположение о вас». Упоминаемое здесь письмо Оболенского к Толстому не сохранилось, но о содержании его можно судить как по общему характеру взглядов Оболенского, близких Толстому в этических принципах, но эволюционных, отрицающих немедленный переход от теории к практике с ломкою исторически сложившихся условий культурной жизни, так и по сохранившемуся ответному письму Толстого к Оболенскому, которое он не отправил ему, а переслал Черткову в письме своем от начала апреля (см. предыдущее письмо, № 51), назвав это письмо «дурным». В этом письме к Оболенскому Толстой говорит: «Я совсем не согласен с вашим письмом. Не только не согласен, но, правду скажу, оно меня огорчило. Вы в нем отстаиваете себя. Я 40 лет работал над собой, чтобы из тумана философских воззрений и религиозных ощущений выработать ясные и определенные взгляды на явления жизни — моей самой близкой, ежедневной моей жизни для того, чтобы знать, что хорошо и что дурно. А вы хотите меня уверить, что гораздо выгоднее напустить опять того тумана, от которого я 40 лет освобождался, — тумана философии и любви вообще, возвышенной христианской любви, для того чтобы не видеть опять различия между добром и злом и спокойно пользоваться трудами других людей, есть плоть и кровь людей, утешаясь возвышенными словами. Нет, это не годится. — Если христианское учение и любовь (которую я ненавижу, потому что это стало фарисейским словом) ведет к тому, чтобы спокойно курить папиросы и ездить в концерты и театры и спорить о Спенсере и Гегеле, то пропади оно совсем — такое учение и такая любовь. Я лучше возьму буржуазную мораль, та, по крайней мере, без фарисейства. Оно хуже всего. Простите за резкость». — При свидании Толстого с Чертковым в 10-х числах апреля разговор их, коснувшись Оболенского, перешел в спор, в котором Чертков, защищая Оболенского, отчасти принял его сторону. Так, по крайней мере, освещает этот момент — несомненно, на основании слов самого Черткова — А. К. Черткова. Как окончился этот спор, нам неизвестно, но письмо Толстого, написанное после отъезда Черткова и очень близкое по содержанию к неотправленному письму его к Оболенскому, свидетельствует о том, что спор этот крайне взволновал Толстого. Из того, что и это письмо к Черткову не было им отправлено, явствует, что, успокоив себя, он и его признал «дурным» — если не по содержанию, то по его гневному, местами саркастическому тону.

[1] О пяти заповедях, извлеченных Толстым из Нагорной проповеди для практического руководства в жизни см. в прим. 1 к п. № 24 от 28—29 августа 1886 г.

[2] О Спенсере см. прим. 11 к п. № 46 от 24 февр. 1885 г.

53.

1885 г. Апреля 16. Москва.

Посылаю вамъ это полученное мною нынче письмо. Я отвѣчалъ ему,[1] обѣщая, что вы побываете у него и разскажете ему наши взгляды на такой журналъ. — Можетъ быть, такъ надо. Я написалъ Пряничникову [2] картинку. Отъ разговора нашего мнѣ осталось больное впечатлѣніе. Обнимаю васъ и люблю. Будемъ передъ Богомъ искать Его, т. е. истины, и тогда будемъ всегда вмѣстѣ.

Полностью печатается впервые. Первая половина была напечатана в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 16. На подлиннике, представляющем собой приписку к письму К. М. Сибирякова, никакой пометки о времени написания письма не имеется — только архивный номер. Письмо Сибирякова тоже не имеет даты. Датируем на основании того, что в письме Черткова из Петербурга от 19 апреля, несомненно являющемся ответом на это письмо, говорится, что оно получено накануне, т. е. 18 апреля. В виду того, что от написания письма в Москве до получения его в Петербурге проходило обычно два дня, считаем наиболее правильным отнести его к 16 апреля.

Основное содержание этого письма относится к обращению К. М. Сибирякова, который, под впечатлением статьи «Так что же нам делать», просит Толстого взять на себя труд ежемесячной раздачи нуждающимся определенной суммы, ассигнуемой им, Сибиряковым, с этою целью, а затем продолжает: «Слабое здоровье с одной стороны и разбросанность дел и имений с другой заставляют меня часто путешествовать... Живя в такой зависимости от обстоятельств, чувствуешь, что хотя и много работаешь, но не приносишь всё-таки той пользы, которую бы желал. Предпринимая какое-либо дело, я всегда имел в виду общественную пользу, но к несчастью в большинстве случаев сотрудники оказывались людьми, ищущими наживы. Жажда полезной деятельности увлекала меня — я завел народную библиотеку с читальней по полкопейки за вход.., издавал журнал, поддерживал другой, издаваемый литературной артелью, но все эти предприятия встречали неудачи... Но разочарования не убили во мне веру в порядочность людей и энергию — я готов жертвовать своим трудом и средствами в пользу русского общества и простого народа в особенности». (АЧ) Переходя далее к вопросу о необходимости повысить умственное развитие крестьян, Сибиряков говорит: «Раздумывая об этом я пришел к мысли о возможности предпринять издание журнала (иллюстрированного), доступного пониманию простолюдина: в нем могли бы помещаться статьи,

касающиеся его общественной жизни.., статьи общеобразовательные с целью поднять нравственный уровень его развития; исторические рассказы и повести, статьи о сельском хозяйстве и ремеслах. Стоимость журнала должна быть самая незначительная, — напр., один рубль в год». (АЧ) В заключение Сибиряков просит Толстого высказать свое мнение об этом проекте народного журнала и о том, какого направления и какой программы он должен держаться. Если принять во внимание, что Толстой сам думал уже в это время о «народной городской газете» (см. его письмо № 47 от 25—27 февраля), которая должна была быть связана по мысли Черткова с «Русским богатством» (см. письмо Черткова в комментариях к п. № 46 от 24 февраля), то станет ясно, что письмо Сибирякова не могло не встретить сочувствия в Толстом. И действительно он немедленно откликнулся на него. Отклоняя просьбу Сибирякова о раздаче денег нуждающимся, так как это вовсе не соответствовало бы его взглядам, и переходя к вопросу о журнале,он пишет ему: «Вы говорите об издании народного журнала. Писать теперь мои планы было бы длинно, но, к счастью, есть в Петербурге очень мне близкий человек, Чертков, мы с ним-то и толковали о таком журнале. Я напишу ему и он, вероятно, побывает у вас... Я вперед подписываю всё то, что он вам скажет о нашей мысли журнала. Мы с ним совершенно одних убеждений и взглядов. Если вы, как я надеюсь, судя по вашему письму, сойдетесь с ним, то с божьей помощью выйдет хорошее и полезное дело». (См. т. 63.)

[1] Константин Михайлович Сибиряков, сын богатого сибирского золотопромышленника, отказавшийся от всякой промышленной деятельности и тративший полученные по наследству деньги на просвещение. С 1878 по 1881 гг.издавал вместе с А. А. Жемчужниковым журнал «Слово».Одно время был близок с кружком народников и с революционерами, но отошел от них. Войдя в сношения с Толстым, поддался до известной степени влиянию его взглядов. Задуманный им народный журнал, о котором говорится в настоящем письме и в последующих, не осуществился. Тогда он решил отдать свою землю в Самарской губ. и на Черноморском побережье под христианские земледельческие общины. Но и эти начинания его в конце концов не удались. Попытки его заняться устройством сельско-хозяйственных школ были прекращены вмешательством полиции, усмотревшей в народнических стремлениях богатого человека нечто подозрительное. В последующие годы Сибиряков не раз оказывал денежную поддержку «Посреднику».

[2] Илларион Михайлович Прянишников, фамилию которого Толстой ошибочно пишет Пряничников (1839—1894) — художник, член Товарищества передвижных выставок. Толстой был знаком с ним. В Дневнике его от 15 апреля 1884 г. имеется сообщение о том, что он собирается к Прянишникову, и запись: «С Пряничниковым хорошо беседовали. Сказал ему неприятную правду». Текст Толстого к картине, упоминаемой в настоящем письме, повидимому, — маленький рассказ «Девченки умнее стариков». Однако, как видно из письма Толстого к Черткову от 13—14 мая (№ 61) Прянишников не исполнил обещания сделать картинку к этому рассказу. Ее сделал в Петербурге художник-жанрист К. А. Савицкий (1845—1905), тоже член Товарищества передвижных выставок.

Отвечая 19 апреля на это письмо Толстого, Чертков пишет: «Вчера получил письмо Сибирякова с вашей припискою. Постараюсь навестить его сегодня же». Затем он говорит об исполнении поручений, данных ему Толстым в Москве, а именно — передать Л. Е. Оболенскому его согласие на напечатание письма к Энгельгардту (см. прим. 4 к п. № 56, от 7 мая 1885 г.), побывать у гимназиста Грибовского (см. прим. 9 к п. № 55 от 2 мая) и похлопотать через Елизавету Ивановну Черткову об участи заключенного, которого Чертков в письме не называет и для установления имени которого данных не имеется. Далее сообщается, что 2-я часть печатающегося в «Русском богатстве» отрывка статьи «Так что же нам делать» («Жизнь в городе»), так же как и 1-я часть, «кастрирована» цензурою; однако и в этом виде она сохраняет свое значение. «С разных сторон я слышу о сильном впечатлении, производимом тем маленьким отрывком, который уже был помещен в Русском богатстве», — пишет Чертков. Заключительные строки письма Толстого — с упоминанием о происшедшем между ними тяжелом разговоре — вызывают и со стороны Черткова такой же сдержанный и примирительный ответ. «Разговор наш и на мне оставил тяжелое впечатление — говорит он. — Но и я также вас люблю и также согласен, что если будем перед богом искать его, тогда будем всегда вместе. И теперь я чувствую себя вместе с вами». — Вторая половина письма Черткова посвящена главным образом делам «Посредника»: «Бирюков, Беликов и я, мы очень заняты устройством нашего книжного склада. Разрешение получено, помещение нанято, и очень удачно, на одной из самых людных улиц такого квартала, где много мастеровых, фабричных и студентов. Так что там и розничная продажа будет иметь большое значение. Я очень занят и не знаю, как справлюсь со всей предстоящей разнообразной работой до 1 мая — срок, назначенный для нашего выезда за границу...» — Дело «Посредника», действительно, быстро развивалось. Через несколько дней после написания этого письма, 24 апреля 1885 г., книжный склад с лавочкой для розничной продажи книжек «Посредника» был уже открыт в упомянутом Чертковым помещении — на Большой Дворянской ул. на Петербургской стороне в доме № 25. Заведующим складом и соредактором Черткова был П. И. Бирюков. Кроме того в качестве постоянной сотрудницы редакции тогда же была приглашена Анна Константиновна Дитерихс, позднее вышедшая замуж за Черткова (см. о ней комментарии к п. № 119 от конца сентября — начала октября 1886 г.). Продавцом в лавке и счетоводом был определен деревенский друг и воспитанник Черткова, юноша П. С. Апурин (см. прим. 1 к п. № 6 от 4—6 марта 1884 г.), артельщиком и упаковщиком — мальчик Степан Переяславцев, тоже из деревенских друзей Черткова. В этом составе склад «Посредника» и начал свою быстро расширявшуюся деятельность. О том, какую роль для развития этого издательства играло участие в нем Толстого, можно судить по следующим строкам его в письме к Урусову, написанным перед открытием склада, 18 апреля 1885 г.: «Сейчас видел Сытина, торговца-издателя этих книжек. У него есть товарищи по изданию, молодые люди богатого мира [Д. А. Воропаев, В. А. Нечаев и П. И. Соколов]. Он говорил, что они сейчас только прочли письмо к Энгельг[ардту] и что чтение разъяснило для них значение этого дела из-

дания и так подействовало на них, что они решили издавать в убыток. Торговец бумаги тотчас же спустил $1^1/_2$ к. за фунт бумаги — это тысячи рублей. Вообще сочувствие со всех сторон я вижу огромное» (см. т. 63).

54.

1885 г. Апреля 26. Москва.

Пишу вамъ отъ Сытина. Хотѣлъ съ нимъ послать назадъ свой разсказъ, [1] но я очень перемаралъ его и не успѣлъ переписать, да и то не совсѣмъ доволенъ. Не лучше ли его отдать въ цензуру здѣсь? Сытинъ вамъ все передастъ. —

Немировича-Данч[енко] разсказъ превосходенъ по содержанію. [2] Лучше ничего нельзя желать, но онъ невозможенъ по искусственности языка и излишествамъ описаній и природы и чувствъ. Надо попросить самого Немировича пересмотрѣть его и поправить его, имѣя въ виду чтеніе народное. — Очень бы было хорошо. Но если бы нельзя было это сдѣлать, то все-таки лучше напечатать его и такъ, какъ есть. —

Благодарю за M. Arnold. [3] Мнѣ хочется набрать 10 картинокъ и 10 разсказовъ, [4] и такъ и выйдетъ. Нужно только три Евангельскія картины.

1 Хр[истосъ] Келера и Наг[орная] Пр[оповѣдь], [5]

2 Хр[истосъ] у фарисея и женщина, омывающая ноги. Текстъ я имѣю въ виду, и

3 Богатый юноша.

И книжекъ съ Петромъ Мытаремъ [6] и Сократомъ [7] выйдетъ 10.

Переписанныя тетради [8] я вамъ пришлю до вашего отъѣзда. Не присылаю п[отому], ч[то] всего одна маленькая. Что вы рѣдко пишете? Хорошо ли вамъ?

Л. Толстой.

Почти полностью напечатано в ТЕ 1913 г., отдел «Письма Л. Н. Толстого», стр. 16—17. На подлиннике рукой Черткова пометка: «26 апреля 1885 г.». Так как, судя по первым строкам этого письма и началу ответного письма Черткова от 29 апреля, Толстой послал письмо не по почте, а с оказией — через Сытина, Чертков имел возможность точно установить в данном случае дату написания письма.

Письмо это является ответом на небольшое письмо Черткова от 22 апреля, которое мы и приводим лишь с небольшими сокращениями: «Присылаю вам ваш рассказ, — говорит Чертков. — Пожалуйста, пришлите мне его по почте, когда исправите. Я здесь закажу к нему рисунки и пропущу через цензуру [см. ниже, прим. 1]. Я очень занят складом, так что

не имею возможности написать вам письмо. Постепенно находится всё больше людей, сочувствующих нашей оценке книг и предлагающих свои услуги для пересмотра книг и составления новых. Этому много способствовали ваши последние сочинения, которые ясно выразили применение к жизни учения Христа и привлекли сочувствие многих людей, не имеющих своих определенных убеждений и стремящихся к добру. — Присылаю вам рассказ Немировича, который мне очень понравился. Хотелось бы его напечатать в наших изданиях... Как вы думаете?»

[1] Очевидно, речь идет о рассказе «Где любовь, там и бог» («Дядя Мартын»), так как Толстой говорит в своем письме о посылке с Сытиным рассказа, который он «очень перемарал», а Чертков в письме от 29 апреля, упоминая о том, что посылает ему с возвращающимся в Москву Сытиным «беловой» (т. е. уже переписанный в редакции) экземпляр «Где любовь, там и бог», прибавляет: «Хорошо, если б вы просмотрели еще один раз...» Кроме того, как в настоящем письме Толстого, так и в следующем (№ 55 от 2 мая) имеются указания на то, что рассказ этот, вкратце обозначаемый им в п. № 55 «Сапожником», должен проходить цензуру и набираться в Москве. Действительно, цензурное разрешение на печатание этого рассказа было получено 24 мая 1885 г. в Москве. (Об этом рассказе см. выше прим. 1 к п. № 49 от 17—18 марта 1885 г.)

[2] Василий Иванович Немирович-Данченко (р. в 1844 г.) — писатель-беллетрист, известный также своими яркими, но не всегда точными в описаниях путевыми очерками и военными корреспонденциями; сотрудник «Отечественных записок», «Вестника Европы» и целого ряда других журналов, а также газет. Большую часть жизни провел в разъездах по России и другим странам Европы. Был на Дальнем Востоке во время японской войны, события которой описывал в смело-обличительном тоне. В своих небольших рассказах из народного и военного быта проявлял свободу от национализма и неподдельную теплоту к угнетенным классам общества. — Рассказ «Махмудкины дети», из эпохи русско-турецкой войны, был напечатан в «Русских ведомостях» (1884 г., № 1) и отдельной книжкой — в издании Д. И. Тихомирова. В издании «Посредника» рассказ этот вышел в 1886 г.

[3] О М. Арнольде (M. Arnold) см. прим. 1 к п. № 22 от 24 июля 1884. Книга, за присылку которой Толстой благодарил Черткова, — несомненно «Literature and Dogma», потому что в письмах к Урусову от 4 и 25 мая он подробно говорит о ее содержании (см. прим. 13 к п. № 55 от 2 мая).

[4] Какие 10 картинок и 10 рассказов рассчитывал увидеть в издании «Посредника» Толстой — полностью установить не удается. Кроме трех названных им картин, из которых две последние не осуществились, он очевидно имел в виду «Бичевание Христа» (с его текстом) и «Искушение Христа», воспроизведение картины Ари Шеффера, тоже с текстом Толстого; кроме того он имел в виду красочные иллюстрации к написанным им маленьким рассказам «Два брата и волото», «Ильяс», «Девченки умнее стариков», и, может быть, «Вражье лепко, а божье крепко» — картинку к рассказу, в это время уже близкому к исполнению. Что касается «рассказов», то в счет намеченных на ближайшую очередь должны были войти два

последних его рассказа — «Где любовь там и Бог» и «Упустишь огонь, не потушишь», а кроме того ряд произведений других авторов, частью уже готовых к печати, как «Странник» Л. Е. Оболенского, «Дед Софрон» Савихина, частью находившихся в работе, как «Житие Филарета Милостивого», которое излагала в это время А. К. Дитерихс, и другие, о которых речь идет в дальнейшей переписке Толстого и Черткова.

[5] Иван Петрович Келер (1826—1899) — художник, профессор исторической и портретной живописи в Академии художеств. Картину его, изображающую фигуру Христа с протянутыми вперед руками и подписью «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные», предполагалось издать с текстом Нагорной проповеди. Такое издание Нагорной проповеди для народа давно уже имели в виду Толстой и Чертков (см. письмо № 15 от 25—27 апреля 1884 г. и прим. 2 к нему), но цензура не пропустила этого издания.

[6] Житие, над которым работал в то время сотрудник «Посредника» П. П. Беликов (о нем см. прим. 10 к п. № 67 от 1—2 июня 1885 г.) и которое вошло в книжку «Житие св. Петра, бывшего прежде мытарем, и преподобного Моисея Мурина», с рисунками А. Д. Кившенко, М. 1886. В письме к Бирюкову от 1—2 июня 1885 г. Толстой писал: «Житие Петра Мытаря» надо бы изложить и издать... Я было начал делать из него народную драму, но затерял начало, да если бы и нашел, постарался бы закончить в драматической форме». В дальнейшем эта драма получила название «Петр-Хлебник» (см. т. 31).

[7] О книжке, посвященной Сократу, см. прим. 11 к п. № 55 от 2 мая 1885.

[8] Тетради переписываемого для Черткова «Соединения и перевода четырех Евангелий» (см. прим. 3 к п. № 18 от 19 мая 1884 г. и прим. 1 к п. № 27 от 1 октября 1884 г.).

55.

1885 г. Мая 2. Москва.

Получилъ ваши оба письма и посылки, милый другъ, и радуюсь за то, что дѣло ваше идетъ. Но не радуйтесь тому, что бѣсы повинуются, а ищите того, чтобы имена ваши были записаны на небесахъ.[1] Не могу достаточно повторять это самъ себѣ. —

Радость великую мнѣ доставилъ Рѣпинъ.[2] Я не могъ оторваться отъ его картинки и умилился.[3] И сколько людей умилятся. Буду стараться, чтобы передано б[ыло] какъ возможно лучше. — Посылаю вамъ черновую моего разсказа.[4] Извините, что измарано. Я отдамъ ее набирать завтра. Равно и сапожника.[5] Только картинокъ нѣтъ къ поджигателю.[6] Не заказать ли кому въ Москвѣ? — Нынче пришла мнѣ мысль картинокъ героевъ съ надписями. У меня есть два. Одинъ

докторъ, высосавшій ядъ дифтеритный и умершій.[7] Другой учитель въ Тулѣ, вытаскивавшій дѣтей изъ своего заведенія и погибшій въ пожарѣ.[8] Я соберу свѣдѣнія объ этихъ и, если Богъ дастъ, напишу тексты и закажу картинки и портреты. Подумайте о такихъ картинкахъ героевъ и героинь. Ихъ много, слава Богу. И надо собирать и прославлять въ примѣръ намъ. Эту мысль мнѣ нынче Богъ далъ, и она меня ужасно радуетъ. Мнѣ кажется, она можетъ дать много. — Я Грибовскому[9] написалъ письмо, но не послалъ. Я не могу писать незнакомому лично. А онъ возбуждаетъ во мнѣ такое чувство уваженія и любви, что боюсь погрѣшить словами, не чувствуя его. — Рѣпину, если увидите, скажите, что я всегда любилъ его, но это лицо Христа связало меня съ нимъ тѣснѣе, чѣмъ прежде. Я вспомню только это лицо и руку, и слезы навертываются. — Калмыкова[10] была и читала то, что она поправила и прибавила. Эта книга[11] будетъ лучше всѣхъ, т. е. значительнѣе всѣхъ. — Прощайте, милый другъ, пишите мнѣ чаще. Мнѣ хорошо. Тихона житіе[12] плохо, нѣтъ содержанія.

Половина M. Arnold'a это мои мысли. Я радуюсь, читая его. Если можно, доставьте ему въ Англіи «Ma religion».[13]

Л. Т.

Полностью печатается впервые. Большая часть письма была напечатана в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 17. На подлиннике пометка рукой Черткова: «М. 2 мая». Так как письмо это, судя по письму Черткова от 5 мая, было получено 4 мая, датируем согласно с этой пометкой.

Письмо это является ответом на два письма Черткова — от 26 и 29 апреля, сопровождаемые посылкою с рукописями, о которых говорится в тексте этих писем. В письме от 26 апреля Чертков говорит: «Присылаю вам переложение Павловской «Катакомбы» [см. прим. 1 к п. № 58 от 9 мая]. Изложено оно, как увидите, слабо. Слог литературный и притом — плохой. Но тем не менее, мне кажется, что и в этом виде такая книга может послужить в лубочной литературе хорошим противовесом книгам не только плохого изложения, но и скверного содержания... Калмыкова читала мне отрывки из ее Сократа. Какой прекрасный рассказ. Вот уж там изложение и слог превосходны. Признаюсь, я первый раз из этого рассказа несколько познакомился с личностью Сократа. Какой замечательно благородный и честный человек он должен был быть. Только как бросается в глаза в нем отсутствие смирения и кротости...» [О Калмыковой и «Сократе» см. ниже прим. 10 и 11.] Сообщив далее о посещении Грибовского, которому он, не застав его дома, оставил записку [о Грибовском см. ниже, прим. 9], Чертков заканчивает письмо известиями о «Посреднике»: «Дело склада, кажется, завязывается

хорошо. Являются люди, сочувствующие и предлагающие кто личное сотрудничество, кто материальную поддержку. Последнею я покуда не пользуюсь, так как в ней еще нет надобности, а личным участием пользуюсь в деле разбора книг и подыскивания материала для издания». — В письме от 29 апреля, пересланном с Сытиным, Чертков говорит о смете народной газеты, составленной, повидимому, в связи с предложением К. М. Сибирякова дать средства на такого рода издание (см. комментарии к п. 53 от 16 апреля): «Иван Дмитриевич Сытин приехал сюда как раз кстати. Он, между прочим, проверил смету для народной газеты, составленную у Оболенского, и указал, что можно гораздо дешевле и удобнее издавать такую газету в Москве в его типографии. Оболенский соглашается с этим, и, вообще, говорит, что он сам не может взять на себя редакцию такой газеты. Я хочу написать про это Сибирякову и пошлю вам свое письмо на прочтение. Программа составлена Оболенским очень полно; если удастся осуществить хоть $^1/_{10}$ часть ее, то и это будет хорошо. Разумеется, всё зависит от редактора, которого укажут Сибирякову...» Затем Чертков переходит к делам «Посредника»: «Картину Келера к Нагорной проповеди я дал Сытину. Также дал и самую проповедь. Кажется, для читателя удобнее было бы напечатать ее всю на полях без обозначения стихов и с разделением на параграфы по смыслу содержания... Сытин вам передаст беловой экземпляр «Где любовь, там и бог». Хорошо, еслиб вы просмотрели еще один раз. Я там синим карандашом отметил два места. Одно вопросительным знаком. Там что-то не совсем ясно... Другое место, где вы вскользь упоминаете о содержании 7-й главы Луки, перечисляя описанные там события. В виду того, что простые, полуграмотные читатели мало знакомы с фактами из жизни Христа, мне кажется, что очень хорошо было бы здесь несколькими своими словами рассказать самую суть этих событий, т. е. про сотника, про сына вдовы, про ответ ученикам Иоанновым. Для того чтобы в воображении читателя эти сцены получили какую-нибудь форму, какое-нибудь содержание... Со всех сторон заявляют спрос на жития святых. Почти все существующие жития составлены так, что мы не можем их одобрить... Но доставлять их по поручению придется. Поэтому, я предложил нескольким лицам, изъявившим желание сотрудничать нам, пересоставлять жития некоторых святых, по возможности пропуская и стушевывая чудесное, суеверное и обрядное... Сытин охотно напечатает их вместо существующих житий тех же святых, и они могут пойти в тех же прежних обложках. Таким образом, независимо от наших новых вполне содержательных изданий, и та неизбежная еще на долгое время масса заурядных житий будет постепенно очищаться от положительно вредного... Эти жития мы можем держать и в складе. В виде первого опыта посылаю вам житие Тихона, которое постоянно требуется. Там уже было выпущено несколько чудес...» Кроме этих деловых соображений, письмо Черткова заключает в себе небольшую бытовую картинку из жизни только что открытого склада «Посредник», которую мы считаем нужным привести полностью: «Я сижу в конторе, — пишет Чертков. — В нашу лавку, в соседнюю комнату зашли два маленьких мальчика. Один вчера накупил все четыре наших книжки и сегодня привел своего товарища и посоветовал

ему купить за $1^1/_2$ коп. «Бог правду видит». Тот купил. Потом сам вчерашний мальчик вынул 8 коп. и потребовал на них 6 книжек. Мы ему сказали, что таких дешевых других нет. Показали несколько книжек в 5—8 коп. Но он говорит, что мало. Мы разошлись на том, что он будет ждать наших следующих выпусков». — Рассказанный здесь случай указывает, между прочим, на то, какое значение имело для широкого распространения изданий «Посредника» выпускать книжки по минимальной цене. — Упоминаемые в этом письме более дорогие книжки других издательств распространялись «Посредником» в том случае, если признавались редакцией «Посредника» более или менее полезными.

[1] Цитата из Евангелия от Луки, гл. X, 20, как это часто бывает у Толстого, не совсем точная. В Евангелии от Луки сказано: «Однакож тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах».

[2] Илья Ефимович Репин (1844—1930) — художник, член Т-ва передвижных выставок, впоследствии — академик и профессор живописи в Академии художеств. С Толстым познакомился в 1880 г. и не раз гостил у него в Ясной поляне. В 1887 г. написал портрет Толстого, сидящего в кресле, и весьма распространенную в снимках картину-портрет «Толстой—пахарь»; летом 1891 г. написал портрет Толстого за работой в яснополянском кабинете и вылепил бюст его. Репин очень сочувственно отнесся к изданиям «Посредника» и бесплатно сделал, кроме фигуры Христа, о которой Толстой говорит в комментируемом письме, картинки к его текстам: «Два брата и золото», «Вражье лепко, а божье крепко», и в дальнейшем еще целый ряд иллюстраций — обложек к рассказам Толстого и других авторов. Из картин Репина в «Посреднике» были воспроизведены и изданы, в серии «Русских картин», две: «Проводы новобранца» и «Вернулся». Подробнее см. в прим. к письму Толстого к Репину, т. 63.

[3] «Картинкой» Репина Толстой называет фигуру Христа, сделанную им для воспроизведения картины Бугро «Бичевание Христа». См. прим. 3 к п. № 51 от начала апреля 1885 г.

[4] Рассказ, черновую которого Толстой посылает Черткову, отдавая его в то же время для набора в Москве Сытину, — «Упустишь огонь, не потушишь», написанный им после поездки в Крым, — повидимому, в апреле. Несколькими строками ниже Толстой, говоря о том, что к нему еще нет картинок, называет его для краткости «поджигателем». Рассказ был вскоре набран. 30 мая 1885 г. получено было цензурное разрешение на него, и в этом же году он вышел в издании «Посредника» без обозначения имени Толстого. Картинки к нему на обложке были сделаны для 1-го изд. художником К. А. Савицким.

[5] «Сапожником» Толстой называет здесь рассказ «Где любовь, там и бог» (иначе — Дядя Мартын» или «Сапожник Мартын»). См. прим. 1 к п. № 49 от 17—18 марта 1885 и прим. 1 к п. № 54 от 26 апреля.

[6] Т. е. к рассказу «Упустишь огонь, не потушишь». См. выше прим. 4.

[7] Ил. Ив. Дуброво (1843—1883) — ординатор московского военного госпиталя, редактор «Летописей хирургического о-ва». В 1883 г. был

приглашен к дифтеритной больной для трахеотомии и, высасывая посредством трубки из горла больной дифтеритные пленки, заразился и через несколько дней умер. В письме к Л. Д. Урусову, сообщая ему ту же мысль о «картинках героев», Толстой ошибочно называет д-ра Дуброво — Добраго.

[8] Более точных сведений о сообщаемом здесь случае редакции получить не удалось.

[9] Вячеслав Михайлович Грибовский (р. 1867) — в то время оканчивавший одну из петербургских гимназий. Весной 1885 г. Толстой получил от него письмо, в котором Грибовский говорил о себе следующее: «В 11 лет я был атеист, в 16 лет я дошел до мысли о бесполезности жизни и до самоубийства. Судьба меня доводила до буквальной нищеты..., заводила в притоны дикого разгула и разврата,... я участвовал в заговорах поляков, я вращался во всевозможных политических кружках, сидел в доме сумасшедших, был под надзором полиции и при всем этом я гимназист, мне 18 лет, и я сын бедного отставного чиновника. Но вынес я все невзгоды, попал на некоторую дорогу, разъяснил себе вздорный механизм всех кружков, сам своими страданьями понял, что мне нужно, и познал новую религию» (АТ.) Заинтересовавшись юношей, Толстой просил и Черткова и Бирюкова сходить к нему и поговорить с ним. Черткову, как мы видим из его письма, не удалось застать Грибовского, Бирюков же был у него, услышал от него еще разные сообщения о его жизни и проникся большим уважением к нему, как к человеку, успевшему в 18 лет «перечитать всех философов и теологов» и перенесшему за свое свободомыслие насильственное содержание в доме сумасшедших. Бирюков написал обо всем этом Толстому и завязал также личные отношения с ним. (См. Б, III, изд. Госизд., 1922, стр. 27—28.) Грибовский сообщал о себе вещи мало-правдоподобные, и только огромная доверчивость Бирюкова позволила ему принять все эти сообщения без всякой критики. Однако и на Толстого, при свидании с ним, он произвел очень благоприятное впечатление. Толстой охотно разрешил ему использовать его запрещенные сочинения в статьях, в которых «искусно сплетая действительность с фантазией», по выражению Бирюкова, Грибовский изображал свои беседы с Толстым, влагая в его уста отрывки из его «Исповеди». Эти статьи и печатались некоторое время в «Неделе», пока их не запретило Главное управление по делам печати. Позднее, в 1890 г., будучи уже студентом Спб. университета, Грибовский обращался к Толстому с письменной просьбой разрешить ему гектографировать для распространения «Крейцерову сонату» и другие его произведения, а в 1905 г. просил у него позволения вернуться, в открывшейся газете «Слово», к тому способу распространения его идей, который уже был испытан им в «Неделе». Тем временем жизнь Грибовского шла по путям, не имеющим ничего общего с учением Толстого. В 1890-х гг., когда Грибовский печатал в книжках «Недели» свои стихотворения, а также рассказы из студенческой жизни и публицистические статьи за подписью Гридень, пишущая эти строки не раз встречалась с ним и знала его, как студента «белоподкладочника», по выражению того времени, — т. е. студента-франта, — превосходного танцора и остроумного, неглупого собеседника,

достаточно начитанного по разным предметам, но очень далекого от каких-либо глубоких философских и общественных вопросов. Окончив юридический факультет университета и защитив в 1897 г. магистерскую диссертацию на тему «Народ и власть в Византийском государстве», он стал очень быстро делать свою карьеру. В 1903 г. он был уже доктором права и сделался приват-доцентом спб. университета. С 1909 г. состоял профессором Новороссийского университета, а в 1911 г. занял кафедру истории русского права в Спб. университете по назначению тогдашнего министерства, что вызвало враждебные демонстрации со стороны студенчества, у которого он и в дальнейшем пользовался нелестной репутацией профессора-чиновника и консерватора. После революции уехал за границу.

[10] Александра Михайловна Калмыкова, урожд. Чернова (1849—1926) — общественная деятельница, главным образом в области народного просвещения. Весной 1885 г., в виду назначения мужа ее, Д. А. Калмыкова, сенатором, переехала в Петербург из Харькова, где она уже заявила себя как публицистка, напечатав в местной газете ряд ярких фельетонов, вышедших отдельной книгой («Еврейский вопрос в России», Харьков, 1881), как преподавательница женской воскресной школы и как сотрудница Х. Д. Алчевской по составлению книги «Что читать народу». По приезде в Петербург она окончательно отошла от того слоя общества, к которому принадлежала по положению своего мужа, и сделалась типичной представительницей трудовой интеллигенции, чрезвычайно скромной в своих жизненных потребностях и проникнутой общественными интересами. В первый год пребывания в Петербурге была очень близка к редакции «Посредника» и содействовала ее начинаниям со всей свойственной ей активностью. Затем, познакомившись через деятелей «Посредника» с кружком изучения народной литературы, во главе которого стояли в то время Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбурги (см. комментарии к п. № 43 от 5—6 февраля 1885 г.), перенесла свою работу в этот кружок. Одновременно, с самого приезда в Петербург, преподавала в рабочей воскресной школе на Шлиссельбургском тракте. С 1889 г. открыла свой склад народной литературы, просуществовавший до 1902 г. Изданный ею в 1890 г. каталог склада являлся ценным пособием для составления народных библиотек. В этот же период она издавала две серии книг для народа под общими заголовками «Жизнь прежде и теперь» и «Силы природы и труд человека» и, будучи близкой с П. С. Струве и М. И. Туган-Барановским, принимала участие в редакции легального марксистского журнала «Начало». В этот же период своей жизни была тесно связана с группой «Освобождение труда», сыгравшей важную роль в формировании с.-д. партии. Познакомившись с Лениным, Классоном и др. видными деятелями партии, она предоставляла им помещение своего склада для явок, собраний и т. п. До 2-го съезда партии в 1903 г. содержала на свои средства «Искру» и, перебравшись, после закрытия ее склада, в самом конце 1890-х гг., за границу, поддерживала самые близкие отношения с ее редакцией. В 1905 г., вернувшись в Петербург, она отдалась педагогической деятельности, которую продолжала с прежней энергией и после революции, работая, несмотря на преклонный возраст, в детских

домах и клубах и ведя преподавание в Педагогическом техникуме им. Ушинского, пока, в самые последние годы ее жизни, тяжелая длительная болезнь не приковала ее к постели в Детскосельской санатории Цекубу, где она и скончалась.

[11] Речь идет о книжке Калмыковой, посвященной греческому мудрецу Сократу (469—399 до н. э.), который, в противоположность софистам, учившим искусству доказывать, смотря по надобности, совершенно противоположные вещи, развивал в своих учениках, путем наводящих вопросов, умение анализировать явления и понятия ради отыскания истины и «различения добра и зла». Обвиненный врагами в развращении юношества, он был присужден к смерти и в ожидании ее продолжал наставлять своих учеников, а когда настал час казни, спокойно выпил принесенную ему чашу с ядом. Работать над этой книжкой Калмыкова начала вскоре после своего знакомства с Толстым, живя еще в Харькове. Как видно из дальнейших писем Толстого, он много потрудился над этой книжкой и, увлекаясь ее содержанием и углубляя его, очень значительно переделал ее, а одну главу (VII) написал сам. (См. т. 25.) Эти переделки, которым и Калмыкова шла навстречу, очень задержали печатание книжки. Она была набрана и разрешена цензурою только 8 сентября 1885 г., а вышла в свет, с рис. А. Д. Кившенко, в 1886 г. под заглавием «Греческий учитель Сократ».

[12] «Тихона житие» — «Житие Тихона Задонского» в изложении одной из сотрудниц «Посредника» в начальном периоде его существования, М. Павловской. Это изложение было потом переработано в редакции и издано, вместе с другим житием, в начале 1886 г. под заглавием: «Житие св. Тихона Задонского и преп. Трифона» в серии книжек, рекомендуемых «Посредником», но не снабженных названием его фирмы и его девизом.

[13] О М. Арнольде см. прим. 1 к п. № 22 от 24 июля 1884 г., а также п. № 54 от 26 апреля и прим. 3 к нему. Сказанное о М. Арнольде и его книге в настоящем письме Толстой подробнее развивает в письмах к Л. Д. Урусову от 4 мая и 25 мая. В первом из них он говорит: «Теперь я читаю Matthew Arnold Literature and Dogma. Половина моих мыслей, выраженных в Евангелии и Критике богословия, высказаны там». 25 мая он пишет: «Я вам хотел сделать выписки из M. Arnold'a. Он доставит вам большое удовольствие, потому что он особенно настаивает на уничтожении понятия бога, как чего-то внешнего... Он находит в Еврейском учении понятие бога не как о лице... Евреи видели какой-то общий закон, общий всему существующему и человеку, который требует порядка для мира, праведности для человека и ведет его к ней... Только под условием соблюдения этого закона человек получает благо. И этот-то закон и ничто другое он называет богом и утверждает, что это самое и подразумевали Евреи под словом бог. Понятие это, он говорит, исказилось, и Христос восстановил его» (см. т. 63.) Обращаясь к Черткову с просьбой доставить М. Арнольду, во время пребывания в Англии, книжку «Ma religion», Толстой подразумевает французский перевод книжки его «В чем моя вера», сделанный Л. Д. Урусовым и вышедший в 1885 г. в Париже. Чертков переслал М. Арнольду «В чем моя вера», и Арнольд

ознакомился не только с этим, но и с другими произведениями Толстого данного периода и в 1887 г., делая в «Fortnightly Review» обзор его художественной и религиозно-философской деятельности, дал сжатое изложение «Исповеди», «В чем моя вера» и «Так что же нам делать?». Признавая в Толстом «великую душу и великого писателя» и разделяя его основные устремления, он считает однако, что в его толкованиях Библии «на ряду с многим весьма остроумным и гениальным есть много сомнительного».

56.

1885 г. Мая 7. Москва.

Житіе это прекрасно и по формѣ и по содержанію.[1] Жду сейчасъ Сытина, чтобы передать ему надпись для Наг[орной] Пр[оповѣди]. Очень бы хотѣлось, чтобъ ее пропустили. И надѣюсь, что пропустятъ.[2] Философовъ обѣщалъ нарисовать, Маковскій Вл. тоже обѣщалъ на бытовую картинку, к[оторую] я давалъ Пряничникову.[3] Если письмо застанетъ васъ, В[ладиміръ] Г[ригорьевичъ], а то Павелъ Ивановичъ, пожалуйста, передайте при случаѣ Оболенскому, что письмо к N. N., я боюсь, будетъ неудобно къ напечатанію.[4]

Радуюсь очень на вашу дѣятельность и жду отъ нея добра. Книга Mathew Arnold'a замѣчательное произведеніе.[5] Я плохъ здоровьемъ и съ каждымъ днемъ все больше и больше занятъ и счастливъ, чего и вамъ желаю.

Л. Т.

Катакомбы не читалъ.[6] Что съ ними дѣлать? Галя[7] — не очень нравится. Много лишнего. И выдуманно. Много есть мученическихъ житій — много лучше.

Просмотрите книгу «О трехъ мужикахъ и бабѣ вѣдуньѣ»[8] Она не годится, но интересна, какъ программа.

Полностью печатается впервые. С исключением нескольких фраз было напечатано в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 18. Подлинник написан на четвертушке писчей бумаги, представляющей собой, с обратной стороны, конец какой-то четко переписанной рукописи. На письме рукой Черткова пометка: «8 мая 85 г.» — вероятно соответственно штемпелю отправления. Относим это письмо к 7 мая в виду того, что письмо, помеченное в настоящем томе № 58, имеет в тексте определенное указание на дату его написания, а именно — 9 мая, и в нем говорится, что предыдущее письмо, № 57, было написано накануне, т. е. 8 мая, настоящее же письмо очевидно было написано еще на день раньше, так как если бы оба письма были написаны в один день, естественно было бы оговорить это в последнем из них.

Письмо это, от 7 мая, является ответом на письмо Черткова от 1 мая. Как видно из содержания его, оно писалось в ожидании прихода Сытина, несколько поспешно и отвечает только на один из вопросов, затронутых Чертковым, но дает отзыв о двух рукописях, полученных из редакции «Посредника» для просмотра, как это видно из предыдущего письма, еще ко 2-му мая. Приводим здесь из письма Черткова, с некоторыми сокращениями, лишь то, что относится к делам «Посредника»: «Сытин говорил мне, — пишет Чертков, — что вы отдали переписать исправленный вами рассказ «Упустишь огонь, не потушишь» и передадите ему для представления в цензуру и печатания: — это отлично. Только не можете ли вы прислать мне черновую копию, на которой вы сделали пополнения и изменения, для того чтобы я мог прочесть ее Савицкому, который взялся сделать рисунки... Сократа, мне кажется, лучше пропустить через цензуру здесь, так как он должен здесь легко пройти, а в Москве у Сытина может возбудить опасения... Я просмотрел житие Филарета Милостивого и сделал самые незначительные пропуски и изменения. [См. конец прим. 4 к п. № 54 от 26 апреля 1885 г.] Из него может выйти прекрасное житие, ни в чем не противоречащее нашему мерилу... Я заказал одной очень нуждающейся писательнице рассказ. Она написала. Он изложен довольно хорошо, но не довольно содержателен для издания в наших сериях. Но так как он в тысячу раз лучше всех лубочных книжечек, то я отдал его Сытину, который с радостью взял его и предложил за него 25 р. Таким образом сам собою напрашивается новый разряд рассказов, писанных в виде пробы для наших изданий, вполне соответствующих нашему направлению, но не достаточно хороших для наших изданий. Эти рассказы Сытин с радостью будет печатать среди массы пошлых и совсем скверных книжечек. Калмыкова говорила мне, что вы брались за переложение жизни Петра Мытаря. Так ли это? и что вышло? [См. прим. 6 к п. № 54 от 26 апреля 1885 г.]... Сижу за столом у окна, скрытый от прохожих выставкою с книгами. Всякие люди останавливаются у окна, читают заглавия книг, делают самые разнообразные замечания, не зная, что всё слышно в комнате. Можно было бы составить самую оригинальную книжку из всех этих подслушанных разговоров. — Присылаю вам рассказ «Галя», который ужасно понравился мне, и Петру, и Бирюкову и, я думаю, наверное понравится вам по чувству, которое он вызывает в читателе. С исторической и художественной стороны и со стороны изложения он, может быть, во многом грешит. Но по мысли, возбуждаемой им в читателе, он мне нравится, как немногие книги [см. ниже, прим. 7]... Хочу попросить у автора разрешения напечатать в наших изданиях. Сочувствуете ли вы и находите ли какие-нибудь желательные изменения?»

[1] Житие, которое одобрял Толстой, — это «Житие Павлина Ноланского», составленное, как сообщает Чертков в письме от 5 мая, сотрудником редакции «Посредника» П. П. Беликовым (о нем см. прим. 10 к п. № 67 от 1—2 июня 1885 г.). Оно вошло, вместе с двумя другими житиями, в книжку, озаглавленную: «Житие св. Павлина Ноланского и страдания св. мученика Феодора и Никифора», с рисунками А. Д. Кив-

шенко, М. 1886 г. Часть книжки, озаглавленная «Страдания св. мученика Феодора», написана в 1885 г. самим Толстым (см. т. 25).

[2] По сообщению А. К. Чертковой, Нагорная проповедь в том виде, в каком хотел напечатать ее Толстой, не была пропущена духовной цензурой, не согласившейся на изъятие из текста канонического Евангелия двух мест, которые Толстой считал позднейшими искажениями церковников, а именно: 1) в Евангелии от Матфея V, 22 — «а я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего *напрасно*, подлежит суду, 2) ibid. V, 32—... «кто разводится с женою своею, *кроме вины любодеяния*, тот подает ей повод прелюбодействовать»: в первом случае Толстой считал подчеркнутое слово вставленным; во втором случае он считал подчеркнутые слова неправильно поставленными перед словом «тот». По его мнению, место это надо было понимать в таком смысле: «тот кто разводится с женой своей, кроме вины любодеяния (которую совершает он сам), подает и ей повод прелюбодействовать». Канонический же текст дает основание истолковывать это место в том смысле, что только по вине любодеяния можно разводиться с женой.

[3] Художник Н. А. Философов обещал сделать картинку к рассказу «Ильяс» (см. прим. 7 к п. № 51, от начала апреля 1885); И. М. Прянишникову Толстой предназначал для иллюстрации рассказ «Девченки умнее стариков» (см. прим. 2 к п. № 53 от 16 апреля 1885 г.), но, повидимому, Прянишников почему-либо отказался сделать это, и за иллюстрацию названного рассказа взялся В. Е. Маковский (см. прим. 4 к п. № 38 от 8 декабря 1884 г.). Однако все названные художники не исполнили своего обещания, и «Ильяс» был издан с картинкой А. Д. Кившенко, а «Девченки умнее стариков» с картинкой К. А. Савицкого.

[4] Письмо к N. N. — письмо Толстого к Михаилу Александровичу Энгельгардту (1861—1915), сыну А. Н. Энгельгардта (известного своими «Письмами из деревни»), высланному из Петербурга за участие в студенческих волнениях, впоследствии — журналисту и автору нескольких книг на социально-экономические и сельско-хозяйственные темы. В 1882 г., под впечатлением статьи Вл. Соловьева «О церкви и расколе» и переписки по поводу нее с И. Аксаковым, редактором газ. «Русь», где она была напечатана, Энгельгардт, желая проверить свои мнения, написал Толстому, высказываясь в том смысле, что учение церкви, расходящееся с учением Христа, должно быть признано несостоятельным и что необходимо бороться с церковью, но рядом с этим необходима и политическая, революционная борьба. Толстой ответил ему длинным письмом, в котором обосновывал идею непротивления злу насилием. Письмо это распространялось в рукописном виде и нелегальных изданиях. Л. Е. Оболенский просил у Толстого разрешения напечатать это письмо в «Русском богатстве» с неизбежными по цензурным условиям сокращениями. Толстой согласился, но затем решил, что «письмо к N. N. будет неудобно к напечатанию». Со своей стороны и Оболенский, попытавшись привести это письмо в такой вид, чтобы можно было хлопотать о разрешении его цензурою, пришел к убеждению, что это совершенно исказило бы смысл письма. Подробнее см. в прим. к этому письму от 20 декабря 1882 г. — 10 января 1883 г. в т. 63.

[5] О книге M. Arnold'a см. прим. 13 к п. № 55 от 2 мая 1885 г.

[6] Одна из работ, сделанных для «Посредника» и присланных Толстому на одобрение в рукописи. См. письма Толстого № 57 от 8 мая и № 58 от 9 мая, прим. 1 к последнему из них.

[7] «Галя» — рассказ из первых времен христианства в России. Автор его — Ольга Ильинишна Шмидт (Московитинова) (р. в 1851 г.), учительница и писательница для детей и юношества. Напечатала с 1880-х гг. ряд книг — сказок, рассказов и переложений классических произведений, как «Путешествие доктора Гулливера», Спб. 1885, «Дон-Кихот Ламанчский», Спб. 1885 г. и др. — Рассказ «Галя» вышел в «побочной серии» «Посредника», с рисунками А. Д. Кившенко, в начале 1886 г. и, по свидетельству Д. И. Шаховского, вызывал очень бурные споры, при оценке его, среди городских учительниц, интересовавшихся народной литературой.

[8] «Сказка про трех мужиков и бабу ведунью», Спб., 1879 — напечатанное без имени автора произведение Марии Константиновны Цебриковой (1835—1917), написавшей в 1880-х гг. «Письмо Александру III», в котором беспощадно разоблачались язвы царского режима и которое ходило по рукам в рукописных экземплярах, удивляя всех своей смелостью. Цебрикова была за него выслана на север. Воспитанница своего дяди декабриста Н. Р. Цебрикова, она с юных лет выдвинулась, как одна из передовых женщин своего времени, и заняла видное место в оппозиционной русской журналистике народнической окраски, как автор многочисленных статей на литературные и общественные темы. Весьма много сделано Цебриковой и в области профессионального женского движения и в области педагогической и детской литературы. В период возникновения «Посредника» Цебрикова являлась центром кружка, который, по выражению А. С. Пругавина в письме его к Черткову от 19 марта 1885 г., «давно уже стремился что-нибудь сделать по части изданий для народа» (АЧ). Вскоре после этого одна из наиболее деятельных участниц этого кружка, Е. П. Свешникова (о ней см. ниже, прим. 8 к п. № 67 от 1—2 июня 1885 г.) завязала сношения с редакцией «Посредника» и связала ее и с Цебриковой, которая со свойственным ей бескорыстием охотно предоставила «Посреднику» право бесплатно перепечатывать ее произведения и, в случае надобности, даже переделывать их. Это разрешение, как видно из письма Бирюкова к Черткову от 26 мая 1885 г., относилось и к «Сказке про трех мужиков и бабу ведунью» (АЧ). Однако сказка эта в «Посреднике» не появилась. Об издании «Посредником» другой работы Цебриковой см. прим. 8 к № 81 от 11 октября 1885 г.

* 57.

1885 г. Мая 8. Москва.

Житіе Павлина прекрасно и по формѣ и по содержанію. Я уже писалъ вамъ объ этомъ. *Катакомбы* сейчасъ примусь читать. И Грибовскому и Оболенскому буду *особенно* радъ и

въ Москвѣ и въ деревнѣ. — Для передѣлокъ не могу сейчасъ вспомнить и указать. Вотъ что помню: Завоеваніе Мехики — Прескота.[1] Дикенса: Эдвинъ Друдъ, Оливеръ Твистъ;[2] Кингслея — Гипатія.[3] Я впрочемъ называю наобумъ и не вѣрю, чтобы изъ этаго могло выйти очень хорошее. Надо читать, искать, примѣривая все къ одной цѣли, и тогда найдется. Оливеръ Твистъ, кажется, могла бы выйти хорошая книга, если совершенно свободно передѣлать. Тоже и исторія завоеванія, если бы хорошенько, всей душой перейти на сторону Мехиканцевъ и освѣтить невѣжественную ухарскую жестокость Испанцевъ. —

Программу и ваши письма прочелъ. Программа прекрасна[4] — есть въ ней и несбыточное, какъ во всѣхъ программахъ, но есть и свѣжее и живое. И я вѣрю въ возможность ея исполненія. — Постараюсь написать Сибирякову.[5] Только не знаю, куда послать письмо. Спрошу, нѣтъ ли въ Москвѣ такого дома Трапезн[икова] и К°. Если нѣтъ, то пришлю въ Петер[бургъ].[6] Да, земли у меня собственно нѣтъ, но въ Самарѣ отдаются участки рядомъ съ нашей землей. — Поселиться на землѣ хуже всего въ Самарѣ. Тамъ пшеничное торговое хозяйство. Лучше въ черноземной полосѣ. Помоги ему Богъ. Это первое дѣло — но такъ оказывается трудно. Спасибо вамъ за ваше длинное хорошее письмо. Мнѣ такъ всегда хочется знать про ьасъ и чувствовать васъ. — Помните, вы мнѣ разсказывали, что крестъ выходитъ отъ того, что одна часть стоитъ поперекъ.[7] Вамъ нѣтъ выбора: нести крестъ или поставить обѣ части въ одномъ направленіи. И то и другое хорошо, какъ все на свѣтѣ. — Я очень много почерпнулъ изъ M. Arnold'a.[8] Онъ говоритъ, что ученіе Хр[иста] въ двух вещахъ: his method and his secret.[9] Method — это inwardness[10] — обращеніе въ себя и къ себѣ, а secret — пріемъ дѣйствія, это самоотреченіе — отдать жизнь, чтобы получить ее. — Общій же характеръ Христа и тѣхъ, к[оторые] хотятъ быть его учениками, онъ тоже прелестно выражаетъ sweet reasonableness».[11] Тяготитесь, милый другъ, своими грѣхами, но не отчаивайтесь. Я по себѣ знаю, какъ они смиряютъ. Сила Божія въ немощи совершается. Куда бы я залетѣлъ въ своей безумной гордости, коли бы не всегдашнее очевидное униженіе, въ кот[орое] меня приводитъ моя слабость. Такъ-то и вы. То, что вы писали о вашемъ тяжеломъ разговорѣ съ вашей матерью, мнѣ было больно и нужно знать, тоже для униженія себя. Если бы былъ sweet reasonableness,

которой я чувствую неподолгу возможность, — этого бы не было. — Я устроилъ надписи на картинкѣ съ Наг[орной] Пр[оповѣдью] и, кажется, хорошо.[12] Жду завтра Сытина.

Написалъ Сибирякову.

Полностью печатается впервые. Отрывки были напечатаны в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 18—19. На подлиннике рукой Черткова пометка: «9 мая». Относим письмо к 8 мая на том основании, что в следующем письме, бесспорно относящемся к 9 мая, Толстой говорит об этом письме, как о написанном накануне.

Письмо это является в большей своей части ответом на письмо Черткова от 5 и 6 мая; в конце же своего письма Толстой с значительным запозданием отвечает на письмо Черткова от 1 мая. В письме от 5 и 6 мая, которое приводим с сокращениями, Чертков говорит: «Посылаю вам свое письмо к Сибирякову вместе со сметою и программою народной газеты, составленными у Оболенского, и его письмо к Сибирякову. Быть может, вы просмотрите всё это и от себя припишете несколько слов. Дело, кажется, стоит того, и ваше слово будет иметь самое большое значение для Сибирякова, который, повидимому, совсем решился издавать газету. Говорят, что у него очень много средств. Еслиб вы подтвердили ему, что сочувствуете направлению «Рус. богатства», то он мог бы легко поддержать Оболенского. И это, кажется, было бы хорошо... Что вы ничего не говорите про переложение «Катакомбов»? И меня и Павловскую очень интересует ваш отзыв о ее работе. Она даже не хочет брать от меня платы, покуда вы не выскажетесь. — Продажа в складе идет бойко, как розничная, так и оптовая. Розничные покупатели в этом квартале именно такие, которым преимущественно попадают дурные книги,— солдаты, ремесленники, фабричные и их дети. А потому каждый раз, что кто-нибудь из них входит в лавку, мы радуемся, как рыболов пойманной рыбе. Мы следим даже, как она клюет у окна. Заглавие или картинка понравится, дешевая цена приманит. Они рассуждают между собой о том, что следовало бы зайти и купить. Нам всё слышно, и мы с волнением поджидаем. И, главное, радостно то, что это происходит в разных концах и захолустьях России. — Грибовский бывает по вечерам в складе. Это, кажется, для него хорошо, п. ч. он, повидимому, нуждается в таком общении, при котором может всё выложить, что на душе. Он симпатичный. Он одержим идеею, что все положения Христа могут быть доказаны наукою. В этом он сходен с Оболенским... Это подтверждает то, что научный путь приближения ко Христу действительно нужен некоторым... Но я согласен с вами, что это только азбука и желал бы видеть в Грибовском больше непосредственной любви, больше непосредственного проникновения всем духом Христовым, одним словом того же, что желал бы видеть и в себе, но не вижу. А потому я особенно буду рад за него, когда он лично познакомится с вами. Он только к концу мая кончит свои экзамены и тогда поедет в Киев. По дороге он очень желал бы *заехать к вам* в Москве или в Туле и просил меня узнать, желаете ли вы этого. Оболенский также просил меня сказать ему откровенно, думаю ли я, что если он навестит

вас — это вам не будет неприятно... Посылаю вам на просмотрение Житие Павлина, составленное Беликовым с славянского Дм. Ростовского. Слог, как увидите сами, несравненно лучше книги жития Тихона Павловской. Она составляла по русскому. Теперь буду постоянно давать оригинал Дм. Ростовского. Рассказ о Павлине вышел очень короткий, но ведь можно издавать по 2 жития в одной книжке... Жития святых постоянно спрашивают, и именно разнообразных святых». 6 мая Чертков продолжает: «Сейчас видел Оболенского. Он только нынче ночью прочел как следует «Что же нам делать», и она произвела на него самое сильное и радостное впечатление. Он в среду уезжает через Москву и хочет навестить вас. Он в очень мягком и не самоуверенном настроении, и я уверен, что с любовью вы ему можете духовно помочь, и существенно. — У меня есть двоюродная сестра Черткова, которая хочет летом заняться переложением для нас. Пожалуйста, укажите, *какие иностранные классики или писатели* вообще по вашему желательны. — Шаховской имеет приятеля, который хочет поселиться на земле под впечатлением ваших статей. Он слышал, что в Самарской губ., будто в вашем имении, отдаются участки. Так ли это? и вообще не укажете ли, где можно навести справки по такому делу». — То, что Толстой пишет по поводу тяжелого разговора Черткова с его матерью, вызвано следующими его строками: «Моя мать сегодня уехала. Жизнь моя на несколько дней упрощается... Наружно мы с матерью ладили последнее время. Но внутри существует полное *разобщение*, которое очень меня давит. Совершенно случайно на этих днях в присутствии гр. Шуваловой у нас завязался разговор о Христе и Евангелии. Вдруг без всякого повода с моей стороны, она напала на меня, говоря, что я повторяю ваши слова. (Я говорил от себя то, что думаю уже по крайней мере 6 лет, и не упоминал о вас.) Не стану повторять вам всех тех несправедливых и жестоких обвинений, которые возводили на вас. Мне было больно и вместе с тем я был возмущен. Вернувшись в свою комнату, я весь буквально трясся и чувствовал то, что должны чувствовать люди, выдержавшие какую-нибудь совершенно незаслуженную казнь. Разумеется тут ничего нового не было, вырывалось у них только то, что они чувствуют и думают по отношению нас и нашей веры. Но я как-то яснее увидал, какая непреодолимая стена стоит между ими и мною...»

[1] Вильям Хиклинг Прескот (W. H. Prescott, 1796—1859) — североамериканский историк, автор ряда научных трудов, отличающихся яркою художественностью изложения и гуманистическим подходом к изображаемым событиям. «История завоевания Мексики» («History of the Conquest of Mexico», 3 vol., Boston, 1843) печаталась в русском переводе в 1850-х и 1860-х гг. в журналах «Современник» и «Отечественные записки». Толстой пишет «Завоевание Мехики», вместо «Мексики» — по-старинному. По сообщению самого Толстого соч. Прескота имело большое влияние на него в возрасте от 14 до 20 лет (см. Н. Гусев, «Толстой в молодости», М. 1927, стр. 162 и 164). — Издать эту книгу в 1885 г. «Посреднику» не удалось, а в 1886 г. она вышла в свет в изд. В. Н. Маракуева.

[2] Чарльз Диккенс (Charles Dickens, 1812—1870) — один из любимейших писателей Толстого, произведения которого он перечитывал

много раз и даже в последнее десятилетие своей жизни называл в числе самых «нужных» ему книг. В частных беседах он не раз называл Диккенса «мировым гением», «гением, какие родятся раз в сто лет», а в статье своей «Что такое искусство» в числе других, очень немногих образцов «высшего искусства» указывал некоторые произведения Диккенса. (Подробнее об отношении Толстого к Диккенсу см. статью Н. Апостолова «Толстой и Диккенс» в сб. «Толстой и о Толстом», изд. Толстовского музея, М., 1924.) — «Оливер Твист» («Oliver Twist», 1837 г.), роман из жизни низших слоев английского общества, одно из ранних произведений Диккенса, написанное в то время, когда тяжелые испытания его юности — сначала на службе у торговца ваксою, потом на службе в конторе стряпчего — сменились удачами на поприще журналистики и расцветом быстро прославившего его художественного таланта. Роман этот позднее был издан «Посредником» в доступном переложении под заглавием: «Воровская шайка. Приключения бедного Оливера Твиста», М. 1900. — «Тайна Эдвина Друда» («Mystery of Edwin Droud, 1870) — последний роман Диккенса, писавшийся в пору упадка его сил, после многочисленных разъездов по Англии, Шотландии и Америке с публичными выступлениями в качестве прославленного чтеца собственных произведений. Роман этот остался незаконченным, так как работа над ним была прервана смертью Диккенса. — Почему в данном письме Толстой рекомендует для «Посредника» именно эти вещи Диккенса, остается неясным. В дальнейшем он указывает для той же цели другие его произведения (см. письмо № 89 от конца ноября — первых чисел декабря 1885 г.).

[a] Чарльз Кингслей (Ch. Kingsley, 1819—1875) — английский романист и проповедник, с окраскою христианского социализма. Будучи приходским священником, за проповедь свою о задачах церкви по отношению к трудящимся чуть было не лишился права проповедывать, но зато приобрел большую популярность среди рабочих. Как статьи, так и многочисленные художественные произведения его полны живого участия к городскому и сельскому рабочему населению. Он беспощадно обличал несправедливость землевладельческих законов, однако до радикальных выводов по отношению к господствующему социальному строю не доходил, и вся деятельность его, навлекавшая на него всё более и более ожесточенную ненависть со стороны правоверных церковников, в то же время вызывала протест со стороны социалистов. С 1860 по 1869 гг. он занимал кафедру историка в кембриджском университете. — Роман его «Гипатия» («Hypatia», London, 1853), представляющий собой наиболее яркое и значительное из его художественных произведений, рисует с большой симпатией к греческой культуре картину нарождающегося христианства в его борьбе с греческой философией в V в. н. э. в Александрии. Героиней его является историческое лицо — дочь известного математика и астронома Теона Александрийского, сделавшаяся в силу своих исключительных дарований главою школы александрийских неоплатоников и убитая толпою христианских фанатиков. Толстой познакомился с этим романом в мае 1884 г.: в Дневнике его за это время не раз встречается запись: „Читал «Hypatia»“. Несколько времени спустя роман «Гипатия» был издан «Посредником» в несколько сокращенном виде.

[4] Присланная Чертковым программа народного журнала, о которой говорит Толстой, к сожалению, не сохранилась.

[5] О К. М. Сибирякове см. прим. 1 к п. № 53 от 16 апреля 1885.

[6] Сибиряков просил адресовать письма к нему на «Торговый Дом Трапезникова и К-о», известный в то время в Москве, не указывая более точного адреса.

[7] Символическое объяснение креста, полученное Чертковым от одного пастора и напечатанное в сб. «Цветник», изд. «Посредника», М. 1912, стр. 118—119, состоит в следующем: «... Длинная палочка изображает волю божию, коротенькая, — это наша собственная воля. Когда я кладу коротенькую палочку поперек длинной, свою волю поперек воли божьей, то и выходит для нас крест. Если же я к длинной палочке приложу коротенькую так, чтобы она покрывала другую, то креста нет и не может быть; это бывает, когда наша собственная воля направлена в одну сторону с волей божьей и совпадает с ней, и тогда бывает для нас одна радость... Нам нельзя отказываться от своего креста; мы должны поднять и нести его, исполняя не свою волю, а волю отца нашего небесного, но по мере того, как мы отвыкаем от исполнения наших личных желаний ради исполнения воли бога, повелевающей нам жить для блага всех людей... наш крест становится всё легче, и еслиб, наконец, наша воля во всем совпала с волей божьей, то не было бы уже для нас никакого креста».

[8] О книге М. Арнольда см. прим. 13 к п. № 55 от 2 мая 1885.

[9] Т. е. «его метод и его тайна».

[10] «Внутренняя сторона».

[11] «нежная (проникнутая любовью) разумность».

[12] См. прим. 2 к п. № 56 от 7 мая.

58.

1885 г. Мая 9. Москва.

Сейчасъ прочелъ Катакомбы [1] и завтра, 10-го, посылаю ихъ вамъ по почтѣ. Это превосходная вещь по содержанію. Языкъ совсѣмъ другаго тона, чѣмъ народный, и я началъ б[ыло] дѣлать замѣчанія, но этотъ языкъ нельзя и не надо измѣнять — надо только его подчистить и обойти иностранныя слова и иногда обороты рѣчи. Но и такъ, какъ есть, это превосходная книжка для народа. Только бы пропустила цензура. — Это непремѣнно съ красной рамкой. [2] — Вчера я писалъ вамъ о работѣ для вашей кузины. [3] Пусть она возьметъ всего Диккенса. Въ немъ найдется много прекраснаго, — его маленькіе разсказы и романы. Еще Augustin Thierry [4] — его Іоаннъ Златоустъ — это переведено Поливановымъ [5] и онъ самъ

хочетъ передѣлать для народа, и его же, A. T.,[6] St. Jérome. Еще François d'Assise[7] и Саванаролла.[8] — Есть G. Elliot романъ.[9] Кажется, тоже хорошо. Въ деревнѣ у меня житія Дм. Ростовскаго[10] всѣ отчеркнутыя на тѣхъ мѣстахъ, к[оторыя] можно взять, и я постараюсь написать. — Если журналъ состоится, то редакторомъ его надо быть вамъ.[11] Если нѣтъ, то скажите хорошенько, почему — нѣтъ.

Л. Т.

Напечатано полностью в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 19. На подлиннике рукой Черткова архивный № и пометка: «9 мая», совпадающая с указанием, которое имеется в самом письме: «завтра 10-го»...

Письмо это составляет как бы продолжение предыдущего и является ответом на приведенное уже письмо Черткова от 5 и 6 мая 1885 г.

[1] Рукопись, прочитанная Толстым, представляла собой изложение для массового читателя книжки «Катакомбы», повесть из первых времен христианства (с англ.) Евгении Тур, М., 1866. Евгения Тур — псевдоним Елизаветы Васильевны Салиас де Турнемир, рожд. Сухово-Кобылиной (1815—1892), наиболее известной сказками и повестями, написанными ею для детей и юношества — «Последние дни Помпеи», «Княжна Дубровина», «Катакомбы» и др. Изложение последней повести для «Посредника» было сделано некоей М. Павловской. О нем Толстой и дает свой отзыв. Однако изложение это не удовлетворило редакцию «Посредника», и она поручила переработку его Е. П. Свешниковой (о ней см. прим. 8 к п. № 67 от 1—2 июня 1885 г.), причем повесть получила новое название: «Фабиола или древние христиане».

[2] Красной рамкой на обложке и девизом «Не в силе бог, а в правде» обозначались в «Посреднике» книжки первого разряда, т. е. те, которые выходили под его фирмою, — в отличие от книжек, которые редакция передавала, как менее ценные, фирме Сытина, хотя и принимала на себя в известной степени ответственность за них, помещая их список в своих каталогах. Позднее, в конце 1885 г., Сытин получил разрешение от редакции «Посредника» и эту серию изданий, названную «побочной серией», печатать с красной рамкой, но только без фирмы «Посредника» и без его девиза.

[3] Кузина Черткова (троюродная сестра его) — Александра Григорьевна Черткова, вышедшая потом замуж за А. В. Пашкова, в то время только что окончившая гимназию и желавшая заниматься переводами и переложениями для народа французских и английских авторов.

[4] В одном из дальнейших писем (см. п. № 66 от 20—22 мая 1885 г.) Толстой говорит, что ошибся, назвав в данном случае Августина Тьерри вместо брата его, Амедея Тьерри. Оба они — французские историки, одаренные литературным талантом, и оба еще в молодые годы были избраны в члены Академии. Амедеем Тьерри (A. Thierry, 1797—1873),

в числе других исторических его трудов, была написана серия произведений, относящихся к IV—V в. истории Рима,—в том числе названные Толстым: об Иоанне Златоусте («St. Jean Chrysostome et l'impératrice Eudoxie», P., 1872) и о св. Иерониме («Saint Jerome. La société chrétienne à Rome et l'émigration romaine en Terre Sainte», 2 vol., P., 1867). — Иоанн Златоуст (род. около 344, ум. в 407 г. н. э.) — один из «отцов церкви», образованнейший человек своей эпохи, страстный проповедник социального равенства. Сделавшись епископом Константинопольским, он начал беспощадную борьбу в защиту бесправных и угнетенных с привилегированными и власть имущими, вплоть до самой императрицы. В этой борьбе он нажил себе бесчисленных врагов, был низложен и в 404 г. отправлен в ссылку, что вызвало сильные волнения среди приверженной к нему городской бедноты. — Иероним, прозванный Блаженным (р. между 331 и 340 гг., ум. в 420 н. э.),— ученый, пересмотревший и исправивший по еврейскому тексту латинский перевод Библии. Происходя из состоятельной христианской семьи, он получил в Риме прекрасное литературное и философское образование в духе поздней античной культуры. В молодые годы вел бурную жизнь, затем со всей страстностью своей натуры отдался религиозным интересам и, примкнув к аскетическим кружкам Рима, вступил в ожесточенную борьбу с развращенными нравами общества и церковного клира. Потерпев поражение в этой борьбе, он совершил путешествие в Антиохию, Египет, Александрию и поселился в монастырской келье близ Вифлеема, где и провел 34 года своей жизни «всегда читая, всегда в книгах, не зная покоя ни днем, ни ночью». В писаниях своих, из которых многие связаны с моральными проблемами, он является ярким полемистом, допускающим неумеренные резкости и сарказмы.

[5] Лев Иванович Поливанов (1838—1899) — выдающийся московский педагог и директор частной гимназии его имени, где учились сыновья Толстого, автор книги «Жуковский и его произведения» (под псевд. Загорина), М. 1883; комментатор сочинений Пушкина, составитель целого ряда учебников и пособий по русскому языку. Книга Амедея Тьерри об Иоанне Златоусте, действительно, была переведена им, но издана без имени переводчика: «Св. Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия. Христианское общество Востока. Сочинение Амедея Тьерри. Перевод с французского. Издание Льва Поливанова. М. 1884». Переделка ее для народа не осуществилась, — вероятно, вследствие тех препятствий, которые она неминуемо встретила бы в цензуре.

[6] Инициалы Augustin (читай Amedée) Thierry.

[7] Называя Франциска Ассизского, Толстой не указывает сочинения, которым нужно воспользоваться для ознакомления с ним народного читателя. Судя по тому, что он дает его имя на французском языке, можно думать, что он познакомился с ним по какому-нибудь французскому сочинению. Личность Франциска и его проповедническая деятельность, окруженная поэтическими народными легендами, однако же достаточно освещенная научными исследованиями, не могла не увлечь Толстого. Франциск Ассизский (1182—1226), сын богатого торговца сукнами, жизнерадостный, щедрый, сердечный, проводил свою юность в разгульных

пирушках с богатою молодежью своего города. Но впечатления от нищих, убогих, прокаженных, которые часто встречались тогда в толпе, заставляли его всё чаще задумываться о несовершенствах жизни и вывели его на путь религии. Он признал источником человеческих бедствий институт собственности, порвал отношения со своим отцом, отказался раз навсегда от всякого имущества и некоторое время питался только объедками, которые собирал в городе в обеденное время. К нему стали присоединяться люди, решившиеся итти по его стопам, и создавшееся таким образом «братство» стало заниматься ручным трудом и помощью крестьянам в сельских работах. В 1209 г. братство, взяв на себя проповедническую миссию, превратилось в орден странствующих монахов, которым Франциск дал название «миноритов», т. е. «меньшей братии», не признающей в своей среде никакой иерархии и призванной только служить людям, всячески облегчая их страдания. Несмотря на то, что принципы этого ордена шли в разрез с практикой католического духовенства и являлись своего рода протестом против него, как против одного из господствующих классов, умный папа Иннокентий III не решился наложить запрет на него. Орден стал быстро расти, и в течение десяти лет число членов его достигло 5000. Однако он постепенно утрачивал первоначальный характер и перестал удовлетворять Франциска, по прежнему отвергавшего всякую собственность и всякую иерархию. Поэтому последние годы своей жизни Франциск проводил уже вдали от своего ордена, в уединении и молитве. Но и в это время он сохранял свое поэтическое воззрение на мир, свое «братское» отношение ко всем без исключения живым тварям и ко всем явлениям и стихиям его, и самый аскетизм его, примыкавший с одной стороны к средневековым идеалам, сопровождался не отчуждением от жизни, а любовью к ней, потребностью служения людям и «осуществления царства божия на земле». — Мысль Толстого о популярном жизнеописании Франциска Ассизского вскоре была осуществлена изданием книжечки, написанной Е. П. Свешниковой и вышедшей в издании «Посредника» с рисунками А. Д. Кившенко, в конце 1885 г. под заглавием: «Жизнь Франциска Ассизского». Позднее, в 1890-х гг., в серии книг «для интеллигентных читателей» «Посредник» издал кроме того перевод новейшего труда о Франциске Ассизском Поля Саббатье.

[8] Иероним Савонарола (Girolamo Savonarola, 1452—1498) — религиозный проповедник и писатель. Родился на севере Италии, в состоятельной семье. С юности суровый и сосредоточенный в своих религиозных настроениях, на двадцать четвертом году жизни ушел в доминиканский монастырь, где, согласно традиции доминиканцев, погрузился в изучение наук. Здесь сложилось его отрицательное отношение к духовенству, погрязающему в пороках, и к самой церкви, требующей внешней обрядности вместо настоящей веры, связанной с любовью к людям и нравственными подвигами. Перейдя затем во флорентийский монастырь Сан-Марко и сделавшись настоятелем его, он стал выступать в качестве проповедника с бесстрашными обличениями не только церкви, но и государства, требуя, во имя божественного права, свободы народов и призывая к созданию нового теократически-республиканского строя жизни, в котором верховная власть принадлежала бы народу. В своей фанатической борьбе

с извращениями культуры он громил и такое проявление культуры, как все разновидности искусства. Эти проповеди, так же как и писания его, создавали ему одновременно и пламенных приверженцев, и врагов, даже покушавшихся на его жизнь. Одно время флорентинские власти, поддавшись его влиянию, издали декрет, по которому во Флоренции уничтожались «соблазнительные» картины, музыкальные инструменты и даже экземпляры новелл Боккачио. Но при смене властей восторжествовали противники Савонаролы, и папа Александр VI добился изгнания его из города. Вскоре однако он вновь появился и стал еще беспощаднее нападать на римскую церковь. Через некоторое время монастырь Сан-Марко был окружен войсками, Савонарола вместе с двумя его приверженцами был арестован, подвергнут пыткам и, наконец, по постановлению папы, повешен и сожжен. — Мысль Толстого об изложении его биографии была осуществлена значительно позже, когда «Посредник» издал книжку Н. Н. Гусева: «Борец за правду Иероним Савонарола», М. 1906.

[9] Джордж Элиот (George Eliot, псевдоним Марии-Анны Эванс, 1820 — 1880) — английская писательница. Дочь зажиточного фермера, вышедшего из рабочих. Воспитывалась в строго-религиозном духе, но затем решительно порвала с церковью, едва не разойдясь из-за этого с отцом. Прекрасно владея не только новыми, но и древними языками, она сделалась одной из образованнейших женщин своего времени. В 26 лет перевела «Жизнь Иисуса» Штрауса, затем «Сущность христианства» Фейербаха и два философских сочинения Спинозы. С 1850 г. стала сотрудничать в «Westminster Review», органе английских позитивистов. Здесь она сблизилась со Спенсером, Миллем, Льюисом и др. В 1859 г. она привлекла к себе всеобщее внимание романом из деревенской жизни «Адам Бид» (Adam Bede). Затем последовали романы «Мельница на Флоссе» («The Mill on the Floss»), «Сайлас Марнер, ткач из Равело» («Silas Marner the weaver of Raveloe»), «Феликс Гольт радикал» («Felix Holt the radical»), «Даниель Деронда» — роман из еврейской жизни, проникнутый сочувствием к еврейству, и др. По общему характеру своих воззрений Дж. Элиот примыкала к контовской «религии человечества». — Какой из романов Элиот Толстой имеет в виду для перевода и издания в «Посреднике», установить нельзя. В письме к Софье Андреевне от 2 февраля того же 1885 г. он говорит: «Читаю я Elliot'a Felix Holt. Превосходное сочинение... Вот вещь, которую надо бы перевести, если она не переведена». Однако, в данном случае он вряд ли имеет в виду этот роман, потому что иначе он отзывался бы о его достоинствах с большей уверенностью. В дальнейшем «Посредником» были изданы в упрощенном изложении В. С. Толстой, племянницы Толстого, роман «Мельница на Флоссе», «Адам Бид» и «Сайлас Марнер».

[10] Жития разных святых, так называемые Четьи-Минеи, — над изложением которых Димитрий Туптало, впоследствии епископ Ростовский, работал около 20 лет. (О Димитрии Ростовском см. прим. 2 к п. № 16 от 2 мая 1884 г.) Через несколько времени, в письме от 1—2 июня того же 1885 г., Толстой пишет Бирюкову: «Я на-днях выпишу страницы из отмеченных Житий святых Д[имитрия] Р[остовского], как мне пишет В[ладимир] Г[ригорьевич], и пришлю вам» (см. т. 63).

[11] Речь идет о народном журнале, который хотел издавать К. М. Сибиряков и программу которого Чертков послал Толстому (см. п. № 57 от 8 мая).

Отвечая на данное письмо Толстого, Чертков, в письме своем от 10 мая, говорит: «Сейчас получил ваши два письма. Они меня согрели. Они напомнили мне ваши прежние письма, которые мне и тогда помогли и продолжают теперь помогать. — Вы спрашиваете, почему я не хочу быть редактором народной газеты? Потому что я не справился еще и с тем, за что взялся. Да и вообще я не чувствую, чтоб такая задача была мне под силу. Впрочем, если я буду нужен и вы найдете это нужным для дела, то я быть может и пойду на это. Только мне кажется, что необходимо искать другого, более подходящего, и подумать обо мне лишь в крайнем случае... Я так рад, что Катакомбы вам понравились. Поступлю с ними согласно вашим указаниям...»

* 59.

1885 г. Мая 10—11. Москва.

Получилъ вчера ваши письма женѣ и телеграмму о Евангеліи. Письма я передалъ, и все вышло хорошо — п[отому] ч[то] правдиво. Она сначала увлеклась желаніемъ успѣха наибольшаго изданій и напечатала эти разсказы — напрасно. И отъ того вышла ей досада. Она мнѣ жаловалась, что они не идутъ. Чтобъ развязать поскорѣе грѣхъ, я предложилъ Сытину ихъ взять. Онъ согласился, но пріѣхалъ къ ней, она приняла его, будучи въ лихорадкѣ, и наговорила лишнее. Онъ смутился. Я вчера пошелъ къ нему, спрашивалъ, какъ и чего онъ хочетъ. Онъ сказалъ, что беретъ за 900 р., т. е. по $1^1/_2$ к. за экз[емпляръ]. Я его просилъ сказать мнѣ, выгодно ли ему. Онъ далъ слово, что да. И я просилъ сказать, если бы былъ убытокъ. Онъ обѣщалъ. И все хорошо, и вы не безпокойтесь. —

Евангеліе переписчикъ не приноситъ, и я вамъ посылаю свое до VIII главы включительно. Остальныя 4 главы не могу прислать, т[акъ] к[акъ] ихъ переписываютъ классныя дамы,[1] но пришлю ихъ вамъ, какъ онѣ освободятся, — до Іюня. Пришлю или съ кѣмъ нибудь или по почтѣ, какъ вы укажете. Оболенскій [2] провелъ у насъ вечеръ. Я такъ радъ, что полюбилъ его. Маковскій и Пряничниковъ не сдѣлали картинки къ разсказу, к[оторый] вы не знаете и к[оторый] пошлю вамъ завтра. [3]

Л. Т.

Полностью печатается впервые. Маленький отрывок (последняя фраза письма) в неточном прочтении подлинника был напечатан в ТЕ 1913, отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 19. На подлиннике рукой Черткова пометка: «11 мая 85». Так как из письма Черткова к Софье Андреевне Толстой от 14 мая видно, что это письмо Толстого было получено им в Петербурге 12 мая, считаем более вероятным, что оно было написано 10 мая.

Те два письма Черткова к С. А. Толстой и «телеграмма о Евангелии», на которые Толстой здесь отвечает, не сохранились. Об основном содержании этих писем можно однако судить, как по ответу Толстого — в этом и следующих двух письмах, так и по письмам Черткова к Толстому от 10 и 12 мая и по вышеупомянутому письму его к Софье Андреевне от 14 мая. В письме от 10 мая он говорит, что решил отложить свой отъезд в Англию до того, как «выяснится вопрос» о трех книжках Толстого, изданных «Посредником». Книжки эти были: «Кавказский пленник», «Бог правду видит, да не скоро скажет», «Чем люди живы». Все эти рассказы С. А. Толстая считала до известной степени своей литературной собственностью, так как 21 мая 1883 г. Толстой, пережив уже кризис своих воззрений и отстраняясь от всяких дел материального характера, выдал ей нотариально засвидетельствованную доверенность в форме письма на ведение всех его дел (см. т. 83). При возникновении «Посредника» Толстой отдал туда эти рассказы, естественным образом, безвозмездно, и Софья Андреевна дала свое добровольное согласие на это. Но в то время, когда книжки эти уже печатались «Посредником» за счет Сытина, она, как видно из письма Толстого, «увлеклась желанием успеха наибольшего изданий» и отпечатала их для продажи сама. Однако, это издание не могло конкурировать с изданием «Посредника», пользовавшегося прекрасным распространительным аппаратом Сытина, и не пошло. «Чтобы развязать поскорее грех» Толстой обратился за советом к Сытину, но когда Сытин приехал к нему, Софья Андреевна, «будучи в лихорадке», «наговорила лишнее». Дальнейшие шаги со стороны Толстого к развязке этого дела выясняются из его писем: Сытин купил у Софьи Андреевны все напечатанные ею книжки. Из писем же Черткова видно, что Сытин немедленно написал ему о неприятном разговоре с Софьей Андреевной, но написал так, что на основании его письма нельзя было составить себе представления о вмешательстве в это дело самого Толстого. Вследствие этого, взволновавшись сообщением Сытина, Чертков и написал два письма — повидимому, одно за другим — Софье Андреевне, пытаясь разъяснить ей роль Сытина в деле «Посредника» и, может быть, дать ей понять, что, причиняя неприятность Сытину и нанося ему ущерб, она рискует интересами «Посредника», имеющего серьезное идейное значение. Толстому же он написал об этом, повидимому, несколько позже, потому что письмо это пришло с запозданием против писем его к Софье Андреевне. Но и это письмо Черткова, которое Толстой называет «взволнованным» (см. п. № 60 от того же числа, как настоящее письмо), тоже не сохранилось. 10 мая, еще не получив разъяснения Толстого, он пишет ему вторично — с просьбою сообщить ему о доверенности, которую Толстой выдал в свое время Софье Андреевне: очевидно, что ее право печатать произведения

Толстого, отданные им народным издательствам, оставалось для него сомнительным, с нравственной же точки зрения — даже недопустимым. О последнем можно судить по письму его к Толстому от 12 мая (см. комментарии к п. № 60).

Почти одновременно с теми письмами Черткова к Софье Андреевне, на которые Толстой отозвался настоящим письмом, он получил письмо Черткова от 8 мая. Хотя Толстой и не ответил на это письмо, но в виду его значения приводим его почти полностью: «С разных сторон меня предупреждают, что кресты на обложках наших изданий вредят их распространению... — пишет Чертков. — У многих крестьян существует и постоянно усиливается такая ненависть к попам, что они с предубеждением смотрят на всё, что напоминает им наше духовенство, и поэтому крест на наших обложках их сразу отталкивает. Слышу я такие отзывы от лиц, сочувствующих нашим изданиям и усердно их распространяющих. Они видят, что сплошь да рядом предпочтение отдается обыкновенным лубочным изданиям именно из-за этого обстоятельства. На этом основании предлагаю вам выпускать наши книжки с тою же пословицею, но без креста... — Я получил сведения о том, что Победоносцев думает предпринять против меня меры из-за того, что я распространяю «направо и налево» ваши рукописи, «завел какие-то литографские станки» и т. п. Хотя я и считаю себя в этом деле на вполне законной почве, так как мой копировальный прибор пропущен таможнею после тщательного осмотра, гектографы вообще разрешены и я давал только своим личным знакомым копии с рукописей, полученных также от знакомых, и притом таких рукописей, которых обращение в таком виде никогда не было официально объявлено незаконным, — несмотря на всё это, я думаю, однако, прекратить дальнейшее распространение в России ваших рукописей, во-первых, потому что не хочу этим повредить делу народных изданий, которое мне дорого, как единственное средство, пока мне доступное, для возвращения крестьянам моего неоплатного долга. А, во-вторых, потому что я знаю, что сочинения ваши всё равно будут распространяться и читаться всеми, кто искренно ими интересуется. — На вас Победоносцев смотрит как на известного сумасшедшего и, мне говорили, не собирается вас трогать, в виду вашего положения общественного и семейного. Меня же он считает деятельным распространителем вашего революционного учения и при первом случае готов меня заключить в сумасшедший дом или сослать. Вот, что мне говорили от лица человека, лично с ним говорившего про это, и я хотел вам всё это передать на всякий случай». — Что касается несохранившейся телеграммы Черткова, которая была получена в те же дни и на которую Толстой отвечает в последнем абзаце своего письма, то несомненно, что она заключала в себе просьбу прислать ему продолжение переписываемой для него книги Толстого «Соединение, перевод и исследование 4-х Евангелий» (См. прим. 3 к п. № 18 от 19 мая 1884 г.).

[1] Классные дамы — Марья Александровна Шмидт (1844—1911) и Ольга Алексеевна Баршева (ум. в 1893 г.) — «классные дамы» или «надзирательницы» Николаевского женского училища при Воспитательном доме в Москве. В апреле 1884 г., прослышав, что почитаемый ими автор

«Войны и мира» написал какое-то «Евангелие» и горячо интересуясь религиозными вопросами в духе господствующей церкви, они принялись наивно отыскивать «Евангелие» Толстого в книжных лавках, а когда им объяснили, что оно запрещено, решили всё же познакомиться с ним при посредстве самого Толстого. С этой целью они и явились к Толстому, о чем имеется отметка в Дневнике Толстого от 20 апреля 1884 г. Он принял их ласково и дал им рукописный текст своего Евангелия, которое сначала очень смутило их реалистическим подходом к евангельским событиям, но в конце концов настолько увлекло их постановкой моральных вопросов, что вскоре они сделались последовательницами Толстого и, отказавшись от своих обязанностей в училище, связанных с исполнением церковных обрядов, стали зарабатывать свой хлеб перепиской запрещенных сочинений Толстого. В 1886 г. они уехали на Черноморское побережье в земледельческую колонию Озмидова и, научившись физическому труду, жили своим маленьким хозяйством вдвоем, в очень глухих местах. После смерти Баршевой, 20 февраля 1893 г., Толстой писал М. А. Шмидт: «... Как вспомню теперь О[льгу] А[лексеев]ну, так слезы навертываются от умиленья. Вспоминаю ее шутки, ее отношение к вам, ее покорность, ее тихую ласковость и совсем яснее, лучше понимаю ту самую внутреннюю ее душу». В дальнейшем М. А. Шмидт поселилась в избушке на хуторе Татьяны Львовны Толстой, Овсянниково, в 5 верстах от Ясной поляны, и добывала средства к существованию продажей овощей и ягод со своего небольшого огорода и молока от своей коровы. Отношения ее с Толстым, как и со всей его семьей, приняли характер тесной дружбы. Толстой глубоко ценил, любил ее, доверял ее суждениям. Вся ее жизнь, начавшаяся в довольстве (она была дочерью очень состоятельного профессора московского университета), но с юности протекавшая в неустанном труде, который она несла легко и бодро, как жизнерадостный от природы человек, была для него образцом нравственной доблести. Еще в 1897 г., в Дневнике своем от 10 декабря, он писал о ней: «Ей 54 г., она слабогрудая, почти всегда больная, не переставая работает и не позволяет себе пользоваться трудом других», а в Дневнике от 18 февраля 1909 г. он говорит о ней: «Не знал и не знаю ни одной женщины духовно выше Марии Александровны». См. о ней также посвященный ей очерк в книжке Т. Л. Сухотиной-Толстой «Друзья и гости Ясной Поляны», М., 1923, и книжку Е. Е. Горбуновой-Посадовой: «Друг Толстого Мария Александровна Шмидт», М., 1929 г.

[2] О Л. Е. Оболенском см. прим. 8 к п. № 46 от 24 февр. 1885.

[3] Рассказ Толстого, к которому обещали сделать картинку сначала Пряшишников, затем Вл. Маковский и о котором до этого времени ни разу не упоминалось в письмах Черткова, как о знакомом ему, — «Девченки умнее стариков» (см. прим. 2 к п. № 53 от 16 апреля 1885 г.).

* 60.

1885 г. Мая 10—11. Москва.

Маленькое письмо это было написано, когда получилъ ваше и предисловіе къ Севас[топольскимъ] разсказамъ. [1] Преди-

словіе прекрасно — возвращаю назадъ. Письмо ваше очень взволнованное, и мнѣ васъ жалко. Все дѣло произошло отъ необдуманныхъ словъ, к[оторыя] сказала жена Сытину. Сытину я не позволю потерпѣть убытка. Вы будьте въ этомъ спокойны. Мысль моя избавить жену отъ хлопотъ, предложивъ Сытину купить (я даже и не думалъ предлагать ему купить, а только хотѣли посовѣтоваться съ нимъ, какъ развязаться съ этими изданіями. Онъ предложилъ мнѣ). Такъ мысль эта пришла мнѣ потому, что я думалъ, эти изданія, пущенныя почти по той же цѣнѣ, какъ и Сытинскія, по $1\frac{1}{2}$ [копѣйки], не только не затруднятъ его, а будутъ полезны, чтобы ими замѣнять тѣ, к[оторыя] требуютъ въ книжныя лавки и земства, и чтобы Сытинскія — наши шли глубже въ народъ. Такъ оно и кончилось. — Здоровье мое не нехорошо, а такое весеннее, желчное слабое состояніе, к[оторое] довольно долго продолжалось. — Я чуть не 30 лѣтъ впереди васъ и въ такихъ со многихъ сторонъ счастливыхъ, естественныхъ условіяхъ, что мнѣ должно быть спокойнѣе васъ, но мнѣ грустно за ваше безпокойство, недовольство. И вамъ слѣдуетъ радоваться и благодарить Бога всегда. — Сейчасъ получилъ Сократа отъ Калмыковой.[2] Это будетъ превосходно, но ужасно боюсь за цензуру. Какіе ваши планы были объ этомъ? Въ Москвѣ или Петербургѣ?[3] Бирюкова поцѣлуйте отъ меня.

Л. Т.

Полностью печатается впервые. Маленький отрывок был помещен в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 20. На подлиннике рукой Черткова пометка: «11 мая 85». По началу письма видно, что оно написано в один день с предыдущим письмом. Датируем его 10—11 мая на том же основании, как и предыдущее.

Настоящее письмо является ответом на несохранившееся письмо Черткова, которое Толстой называет «взволнованным» и которое, несомненно, касалось вопроса о напечатании С. А. Толстой трех рассказов Толстого, изданных «Посредником», и разговора ее с Сытиным (см. комментарии к предыдущему письму, № 59).

[1] Предисловие к «Севастопольским рассказам» Толстого («Севастополь в декабре месяце», «Севастополь в мае 1855 г.», «Севастополь в августе 1855 г.»), напечатанным впервые в «Современнике» 1855 г. №№ 6 и 9, 1856 г. № 1, которые предназначались в сокращенном виде для издания в «Посреднике», было написано Чертковым и Бирюковым. Печатание книжки однако задержалось, вероятно, из-за сокращения толстовского текста, так как решено было выкинуть не только патриотиче-

ские вставки, сделанные в «Современнике» цензурою, но и упростить написанное Толстым. Задача эта была выполнена, с точки зрения редакции «Посредника» и самого Толстого вполне удовлетворительно, только весной 1886 г. Н. Л. Озмидовым (о нем см. прим. 1 к п. № 3 от 24 января 1884 г.); об оценке Чертковым его работы над «Севастопольскими рассказами» см. письмо Черткова от 4 апреля 1886 г. в комментариях к п. № 105 от 11 апреля 1886 г. Книжка вышла в 1886 г. под заглавием «Осада Севастополя» (сокращено по «рассказам о севастопольской обороне» Льва Толстого)», М. 1886. На обложке — рисунки М. Малышева.

[2] См. прим. 10 и 11 к п. № 55 от 2 мая 1885.

[3] Спрашивая Черткова о том, где он намерен проводить через цензуру книжку Калмыковой о Сократе, Толстой имел в виду, что московская цензура была еще тяжелее, чем петербургская. Наиболее рискованные с этой стороны книжки «Посредника» представлялись в цензуру не в Москве, иногда даже не в Петербурге, а где-нибудь в провинции и притом не от редакции «Посредника», а от имени кого-нибудь из сотрудников или друзей ее.

Отвечая на это и предыдущее письмо Толстого, Чертков 12 мая пишет ему: «Спасибо вам, добрый Лев Николаевич, за ваши последние два письма. Они меня сразу успокоили, и я, разумеется, жалею, что беспокоил вас своим беспокойством. Произошло недоразумение. Из письма Сытина я понял, что вы не знаете про это дело с изданиями вашей жены, и подумал, что помимо вас делается с вашими рассказами то, что не хорошо, что противоречит их содержанию. Еслиб я знал, что вы сами знаете, то, конечно, был бы совсем спокоен и не вмешивался бы. Простите мою горячность. — Здесь всё слава богу благополучно, и я много занимаюсь складом... Завязываются сношения с сельскими учителями и земствами, и весьма нужно нам всем сообща выработать на первых же порах определенную систему отношений к ним для лучшего удовлетворения их запросов и избежания всевозможных недоразумений. Павленков [Флорентий Федорович, издатель популярных научных книг] здесь охотно взялся представлять в цензуру наши рассказы. Ему лучше всего отдать Сократа... Пожалуйста, если какая-нибудь урезка постигнет какой-нибудь из ваших рассказов или текстов, то раньше, чем помириться с этим, пришлите их ко мне для испытания здешней, более, говорят, самостоятельной цензуры». Ответ на комментируемое письмо Толстого, с высказанной в нем мыслью о полезности изданных Софьей Андреевной книжек «для удовлетворения книжных лавок и земств», заключается в письме Черткова от 14 мая, адресованном Софье Андреевне. Считаем уместным привести здесь это письмо в значительной его части, тем более, что оно дает интересные дополнительные сведения об организации коммерческой стороны «Посредника», особенно близкого Толстому в этот период его жизни, и вместе с тем до некоторой степени заменяет те несохранившиеся письма Черткова, которые, судя по ответам на них, несомненно взволновали Толстого. «Графиня, — пишет Чертков, — письмо ваше я получил вчера и так обрадовался тому, что вы не рассердились на меня за мои письма к вам. Еще накануне я получил письмо от Льва

Николаевича, в котором он сообщил, что всё дело уладилось благополучно. Я и не думал бы вмешаться, еслиб знал, что он участвует в переговорах с Сытиным... Вы говорите, что вы выпустили издание, которое самому Сытину в убыток. Это не совсем так. Первый выпуск действительно не дал ему никакого барыша и вызвал даже небольшую издержку. Но он пошел на это именно потому, что при получении от Льва Николаевича разрешения издавать эти три рассказа, количество не было ограничено, и, зная, что цель Льва Николаевича — возможно удешевить эти книжки, он довел продажную цену до минимума, рассчитывая, что убыток покроется дальнейшими выпусками этих рассказов, что он этим осуществит желание Льва Николаевича и вместе с тем поднимет значение своей фирмы... Невозможно из лавки продавать неизвестные книги одним покупателям, а другим отказывать. Все свои издания Сытин, как и всякий другой издатель, продает каждому, кто обращается к нему за ними, не входя в разбор того, к какому разряду торговцев его следует причислить, что и было бы невозможно... Да и цель самого содержания издаваемых нами книг — удовлетворение потребностей, общих всем людям вообще, а не именно только тех, кто покупает книги у коробочников. Здесь напр., в нашем складе, и вообще в городских книжных лавках, покупают люди, у которых не бывают коробочники, а между тем это люди бедные, дети, мелкие ремесленники, фабричные,.. не могущие покупать хорошие книги по их дороговизне. Для этих несчастных людей громадное значение имеет возможность приобретения хорошего чтения за самую низкую цену. Еслиб вы видели, с каким удивлением и с какою радостью они накидываются на рассказы вашего мужа, ставшие им доступными, вы бы сами стали от души радоваться — я в том уверен. Вот, Софья Андреевна, я вам сказал, что мог, рассчитывая, что вам будет приятно знать, какое доброе дело сделал Лев Николаевич, доставив возможность покупать некоторые его рассказы тем, кто больше всего в них нуждается, и бедности которых мы все обязаны всеми нашими преимуществами обстановки, образования и даже воспитания. Этот наш долг всегда останется неоплатным».

* 61.

1885 г. Мая 13—14. Москва.

Посылаю вамъ этотъ разсказецъ къ картинкѣ; [1] мнѣ обѣщали сдѣлать картинки, да никто не сдѣлалъ. Не сдѣлаетъ ли кто въ П[етер]б[ургѣ]? —

Довѣренность эта года уже 4 дана мной женѣ на всѣ мои права по всему имуществу и въ томъ числѣ и изданіе сочиненій.[2] Вы все это забудьте. Сытину не будетъ ни убытковъ, ни непріятностей. И жена въ душѣ вѣроятно чувствуетъ, что она согрѣшила. А согрѣшившему хуже.

Л. Т.

Полностью печатается впервые. Первый абзац напечатан в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 20. На подлиннике пометка рукой Черткова: «14 мая 85», — вероятно, согласно штемпелю отправления. Датируем расширительно.

Письмо это является ответом на письмо Черткова от 10 мая, написанное до получения двух последних успокоивших его писем Толстого и потому возвращающееся к вопросу о праве С. А. Толстой на произведения ее мужа. Приводим из этого письма то, что относится к данному вопросу (другая его часть, представляющая собой ответ на предшествующие письма Толстого, цитирована выше в заключительном комментарии к п. № 58).

Чертков пишет: «Я решился остаться здесь, в Петербурге, еще немного, пока окончательно выяснится вопрос об изданных нами ваших трех рассказах. Если будет нужно, могу и съездить в Москву на один день... Пожалуйста, Лев Николаевич, сообщите мне о доверенности, которую вы дали вашей жене. А то я не могу понять, в чем дело. А также, если можно, дайте Сытину письменное разрешение. Сообщите мне, как устроилось дело и следует ли мне высылать 1000 р.». Просьба о «письменном разрешении Сытину» была вызвана очевидно тем, что Софья Андреевна, в разговоре с Сытиным, оспаривала его право, как издателя «Посредника», на печатание рассказов ее мужа, написанных до 1883 г., ссылаясь на выданную ей Толстым доверенность, на основании которой она считала себя как бы собственницей напечатанных им рассказов (см. комментарий к п. № 59 от 10—11 мая). Вопрос Черткова, нужно ли выслать Софье Андреевне 1000 рублей, вероятнее всего, был вызван каким-нибудь указанием ее в разговоре с Сытиным на то, что убытки ее, понесенные на своем издании рассказов вследствие конкуренции его с изданием «Посредника», простираются до 1000 рублей. В виду неосновательных нападок ее на Сытина, Чертков, повидимому, хотел выслать названную ею сумму из своих средств. Но, как мы уж видели из письма Толстого от 10—11 мая (№ 59), Сытин купил у Софьи Андреевны за 900 рублей все нераспроданные экземпляры ее издания, и этим инцидент был исчерпан.

[1] «Рассказец к картинке» — либо рассказ Толстого «Девченки умнее стариков», который он обещал выслать Черткову в письме от 10—11 мая (№ 59. См. прим. 3 к этому письму), либо, как полагает А. К. Черткова,— рассказ о докторе, спасшем ребенка и поплатившемся за это своей жизнью, написанный кем-то из знакомых Толстого (см. прим. 7 к п. № 55 от 2 мая 1885 г.). По сообщению А. К. Чертковой, эскиз для картинки на эту тему по просьбе Черткова был сделан Репиным, но остался незаконченным и неизданным.

[2] Доверенность эта была выдана Толстым Софье Андреевне не за четыре, а лишь за два года до написания настоящего письма — 21 мая 1883 г. См. комментарии к п. № 59 от 10—11 мая 1885 г.

* 62.

1885 г. Мая 13—14. Москва.

Владиміръ Григорьевичъ

Податель сего Ершовъ, братъ несчастнаго студента Петр[овской] Академіи, взятаго по очень неважному дѣлу, но сидящаго цѣлую зиму в острогѣ.[1] Онъ теперь боленъ и лежитъ съ опухающими ногами въ острожной больницѣ — хлопочатъ его взять хоть на поруки, если не выручить. Помогите, какъ можете. Если нельзя черезъ вашихъ, то нельзя ли черезъ Шаховскаго,[2] попросите его отъ меня. — А я напишу ему, если надо.

Вчера провелъ вечеръ съ Оболенскимъ. Онъ очень хорошъ. Письмо Сибирякову послалъ.

Л. Т.

Печатается впервые. Подлинник написан на четвертушке писчей бумаги, представляющей собой с обратной стороны незачеркнутый отрывок какой-то четко переписанной рукописи. На письме рукой Черткова помечено: «14 мая 85, М.». Письмо это было доставлено не через почту, а потому проставленная Чертковым дата против обыкновения не может рассматриваться как соответствующая штемпелю отправления, но обозначает либо день получения письма, либо день его написания согласно указанию «подателя» его. Указываем дату расширительно: 13—14 мая.

С такой же просьбой относительно «студента Петровской академии Ершова» Толстой обращается одновременно и к В. В. Стасову в письме, напечатанном в т. 63 и датированном 12 мая. Очевидно, что дело это, как и все такого рода дела, он принял очень к сердцу. Из ответного письма Черткова от 16 мая видно, что он со своей стороны взялся за дело очень горячо: успел побывать уже и у своего прежнего товарища по военной службе Д. Ф. Трепова, сына известного градоначальника Петербурга Ф. Ф. Трепова, и у некоторых других лиц, а на следующее утро собирался итти к гр. И. И. Воронцову-Дашкову (1833—1916), бывшему министру двора при Александре II и другу детства Александра III. В дальнейших письмах Чертков сообщает о новыхшагах своих по этому делу.

[1] Сведения о студенте Петровской академии Константине Ершове имеются в био-библиографическом словаре «Деятели революционного движения в России», т. I, М. 1928. С 1883 г. он состоял членом центрального народовольческого кружка. В ноябре 1884 г. был арестован и заключен в тюрьму. В начале июня 1885 г. выпущен на поруки. Действительно, после того как 29 мая 1885 г. Чертков сообщил Толстому, что, судя по письму к нему гр. Воронцова-Дашкова, Ершов «сильно замешан», а потому надежды на его освобождение мало, уже 4 июня он пишет

Толстому о получении другого письма Воронцова-Дашкова — с известием, что Ершов будет освобожден. К этому он прибавляет: «Боюсь только, что освобождение Ершова теперь мало принесет ему пользы, так как по словам его брата он совсем плох здоровьем». Строки эти подтверждаются и вышеуказанным словарем, где говорится, что 11 ноября того же 1885 г. Ершов, находившийся в то время в Кременчуге, умер от чахотки. — О брате Константина Ершова, который приехал в Петербург хлопотать о нем с письмами Толстого, сведений получить не удалось.

[2] Дмитрий Иванович Шаховской (р. в 1861 г.) — внук декабриста кн. Фёд. Петр. Шаховского, земский деятель по народному образованию, один из основателей «Союза освобождения». Был членом и секретарем I Госуд. Думы. Участвовал в Выборгском воззвании. После революции работал в области кооперации. В настоящее время работает над опубликованием полного литературного наследья Чаадаева. — Об участии его в 1880-х гг. в кружке по изучению народной литературы и отношениях с «Посредником» см. комментарии к п. № 43 от 5—6 февраля 1885 г. — С Толстым познакомился еще до сближения с деятелями «Посредника», бывал у него в Москве и в Ясной поляне и записал свои воспоминания о беседах с ним в статье «Толстой и русское освободительное движение» («Минувшие годы», 1908, № 9, стр. 313—320). — Мысль Толстого обратиться к Шаховскому с просьбой хлопотать об освобождении Ершова вызвана тем, что сестра Шаховского была замужем за товарищем министра внутр. дел П. В. Оржевским (1839—1897).

* 63.

1885 г. Мая 15. Москва.

Всѣ ваши замѣтки просмотрѣлъ и одну измѣнилъ въ вашемъ — не въ вашемъ, а хорошемъ духѣ. Я поправляю Сократа [1] и, боюсь, не скоро кончу. Хочется, чтобы было какъ можно лучше. Постараюсь скорѣе. Нынче поправлялъ корректуру «Огонь тушить». [2] Завтра ѣду въ деревню. И тамъ надѣюсь не переставать работать въ томъ же направленіи, чтобы къ осѣни приготовить побольше. Сытина жду и нынче. Былъ у него, не засталъ. Мнѣ очень жалко, п[отому] ч[то] я хочу ему сказать, что мнѣ ничего отъ него [не] нужно, только бы ему не было стѣсненій. И жена совершенно согласна — отдать ему на комиссію, если ему удобно, чтобы онъ продалъ, какъ и когда знаетъ. [3]

Жаль мнѣ, что не увижу васъ долго, будемъ переписываться почаще. Что вы такъ скучаете уѣзжать изъ Петерб[урга]? И въ Англіи найдется дѣло. Еще я радъ, что кончилъ нынче разсужденіе политико-экономическое, освободился для продолженія и окончанія статьи. [4]

Полностью печатается впервые. Значительная часть напечатана в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 20—21. На подлиннике, кроме архивного №, никаких пометок не имеется. Датируем на основании имеющегося в письме указания: «завтра еду в деревню». Этот переезд всей семьи Толстых в Ясную поляну совершился в 1885 г. 16 мая, о чем можно судить по письмам Софьи Андреевны к Т. А. Кузминской (ГТМ).

Письмо это, очевидно, является ответом на письмо Черткова, не дошедшее до нас. На это указывают как первая фраза его — о «заметках» Черткова, одну из которых Толстой принял во внимание при изменении какого-то текста — быть может, текста к печатающимся картинкам, — так и слова последнего абзаца: «Что вы так скучаете уезжать из Петербурга»: ни одно из сохранившихся писем Черткова за этот период не дает материала для этих откликов Толстого. Как видно из письма Толстого от 17 мая (см. № 65), уезжая в Ясную поляну, он забыл в Москве последние письма Черткова, к которым относятся как упоминаемое здесь письмо с сообщением о приближающемся отъезде его в Англию, так и следующее его письмо, и оба они затерялись.

[1] О «Сократе» А. М. Калмыковой см. прим. 11 к п. № 55 от 2 мая 1885 г.

[2] Рассказ, названный при отпечатании его «Упустишь огонь — не потушишь». См. прим. 4 к п. № 55 от 2 мая 1885 г.

[3] См. комментарий к п. № 59 от 10—11 мая 1885 г.

[4] Речь идет об окончании политико-экономической части статьи «Так что же нам делать», точнее той части ее, где говорится о деньгах.

* 64.

1885 г. Мая 16. Москва.

Я не успѣю послать вамъ рукопись Евангелія теперь. Дамы [1] списываютъ послѣднее и не кончатъ раньше Іюня. Другой рукописи у меня нѣтъ. Но дѣло сдѣлается вотъ какъ. Англичанка, переводящая здѣсь «Въ чемъ моя вѣра», [2] ѣдетъ въ Англію въ Іюнѣ. Я оставляю рукописи въ Москвѣ и поручаю Ильѣ (сыну) [3] собрать все недостающее и отдать переводчицѣ. Горе только въ томъ, что я адреса не знаю вашего въ Англіи. Пришлите пожалуйста *Ильѣ*, въ Москву.

Л. Т.

Вашъ адресъ въ Англіи прошу васъ переслать въ Москву: Салянка, Николаевское женское училище, Марьѣ Александровнѣ Шмитъ. [4]

Печатается впервые. На подлиннике, кроме архивного №, пометка рукой Черткова: «М. 16 мая», — вероятно, соответственно штемпелю

отправления. Но из письма М. А. Шмидт к Толстому, от 23 мая 1885, мы узнаем, что письмо это было отправлено Черткову ею и О. А. Баршевой «сейчас же» (АТ), — следовательно день написания и отправления его на этот раз несомненно совпадают. Датируем его, исходя из этих данных, 16 мая.

Писалось оно, очевидно, наспех — перед отъездом в Ясную поляну, куда Толстые, как уже было указано, переезжали 16 мая. Было ли оно ответом на какую-нибудь письменную или телеграфную просьбу Черткова выслать ему в Петербург, до приближающегося отъезда его в Англию, последнюю часть труда Толстого «Соединение, перевод и исследование 4-х Евангелий», которое Толстой по частям посылал ему в копии, — остается неизвестным. Быть может, напоминание об этом заключалось в том утерянном письме Черткова, на которое Толстой отвечал ему накануне, 15 мая.

[1] М. А. Шмидт и О. А. Баршева. См. прим. 1 к п. № 59 от 10—11 мая.

[2] Как видно из письма к Толстому М. А. Шмидт от 23 мая 1885 г., англичанка, переводившая соч. «В чем моя вера», уже переведенное в то время под общей редакцией Черткова (см. прим. 6 к п. № 18 от 19 мая 1884 г.), была некая Л. Фрирс (miss Frears). Из дальнейших писем Черткова к Толстому и письма самой Л. Фрирс к Черткову (АЧ) видно, что перевод книжки Толстого она делала вместе с неким К. Поповым, жившим в Англии, или вернее, под его редакцией. Этот перевод был издан в том же году без имени Фрирс: «What I believe». Transl. from the Russian by Constantin Popoff». London, 1885.

[3] Об Илье Львовиче Толстом см. прим. 1 к п. № 95 от 16—17 января 1886 г.

[4] Как видно из приписки к письму, после подписи, Толстой, вероятно после разговора с переписчицами, решил возложить заботу о пересылке Черткову ожидаемой им рукописи не на сына Илью Львовича, а на М. А. Шмидт.

* 65.

1885 г. Мая 17. Я. П.

Вчера мы переѣхали въ деревню. Я послѣднія ваши письма забылъ въ Москвѣ и потому боюсь, что забуду отвѣтить на что-нибудь, что вы спрашиваете. Сытинъ вчера же пріѣхалъ, привезъ 500 р., к[оторые] я отдалъ за изданіе этихъ брошюръ, чего и хотѣла жена, и надѣюсь, что всѣ будутъ теперь довольны. — Сытинъ привезъ же мнѣ корректуры «Гдѣ люб[овь,] т[амъ] и Б[огъ]», и я нынче окончательно поправилъ и отсылаю ему. Мнѣ это очень нравится. «Огонь не потушишь» [1] у Сытина съ моими поправками. Терять времени не надо, но и торопиться

не надо. Текстъ для кар[тины] къ Нагор[ной] Пр[оповѣди] я тоже отдалъ Сытину. Мнѣ кажется, что лучше бы безъ первыхъ 16-ти стиховъ и безъ послѣднихъ 2-хъ стиховъ, не потому, чтобы были менѣе важны эти исключаемые стихи, но п[отому] ч[то] болѣе цѣльное вся проповѣдь, начинающаяся увѣщаніемъ исполненія и кончающаяся тѣмъ же. [2] Вѣроятно, цензура этого не пропуститъ, и тогда, разумѣется, все. Только бы представленіе въ цензуру неполное не испортило бы. Какъ вы думаете? [3]

Радуюсь, что по послѣднему письму вы въ хорошемъ бодромъ духѣ. Такъ и надо, особенно вамъ, которому столько дѣла — настоящаго радостнаго — я разумѣю складъ и издательство.

Я въ деревнѣ въ смыслѣ удовольствія весны и т. п. не испытываю, къ радости своей, рѣшительно ничего. Чувствую только то, что здѣсь мнѣ предстоитъ другое дѣло. Тамъ, въ Москвѣ, очень много было личныхъ сношеній, въ к[оторыхъ] часто удавалось вспоминать, что надо дѣлать то, что должно, и тогда чувствовалъ удовлетвореніе; но много было суеты и дѣло не по моему спеціальному ремеслу. Здѣсь же надѣюсь, что если буду дѣлать, что должно, то буду находить удовлетвореніе въ своемъ ремеслѣ — писательствѣ. Спокойнѣе здѣсь. Такъ показалось мнѣ первый день. Я поработалъ хорошо, и вотъ пойду отдамъ это и письмо Сытину на почту. Думаю я, что должно мнѣ кончить «Что ж[е] н[амъ] дѣлать» и написать по больше разсказовъ для народа — хоть тѣ изъ самыхъ лучшихъ темъ, к[оторыя] у меня записаны. Въ особенности послѣднее. — Я всегда примѣряю такъ: на какой работѣ пріятнѣе бы было, чтобъ застала смерть? Разумѣется, на послѣдней. Тамъ есть гордость мысли, а тутъ нѣтъ. За то тамъ есть свобода выраженія всей мысли, а тутъ нѣтъ. Самое бы лучшее было писать для народа безъ всякихъ соображеній о цензурѣ, все, что думаешь. Можетъ быть, и это сдѣлаю, у меня есть такая одна тема. [4] —

Передъ отъѣздомъ изъ Москвы я б[ылъ] у Иванц[ова]-Платонова [5] (вы его встрѣтили у меня). Онъ былъ у насъ и выразилъ желаніе процензировать для печатанья въ полныхъ сочиненіяхъ: *Исповѣдь*, *В*[ъ] *ч*[*емъ*] *м*[*оя*] *вѣра* и *Ч*[*то*] *н*[*амъ*] *д*[*ѣлать*]. Онъ, хотя и православный, находитъ полезнымъ это печатанье. 3-го дня я снесъ ему эти статьи, и онъ сказалъ мнѣ, что хорошо бы было напечатать еще выдержки изъ изслѣдо-

ванія подробнаго Еванг[елія], к[оторое] онъ давно читалъ. То, что̀ можно. Онъ берется за это. И я чувствую, что это хорошо. Пускай моя мысль будетъ estropiée, [6] но я думаю, что это должно. — Рукопись надѣюсь доставить вамъ.

Въ семьѣ моей все тоже. Есть кое-гдѣ крошечныя отраженія ученія истины, но еще нѣтъ даже борьбы. Однако и то хорошо. Не безнадежно. Обнимаю васъ. Гдѣ то застанетъ васъ это письмо. Пишите чаще, хоть понемногу, чтобы я зналъ, гдѣ вы и что.

Тексты двухъ картинокъ: Алебъ [7] и Ильясъ у меня. Я завтра ихъ поправлю и пошлю.

Полностью печатается впервые. Отрывок напечатан в ТЕ 1913, отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 20. На подлиннике рукой Черткова кроме архивного №: «Я. П. 17 мая». Точность этой даты подтверждается словами письма: «Вчера мы переехали в деревню» (см. комментарий к п. № 63 от 15 мая).

Как видно из первых строк этого письма, оно является суммарным ответом на письма Черткова, полученные перед отъездом Толстых в деревню, забытые там и, в конце концов, затерявшиеся.

[1] Рассказ, получивший название «Упустишь огонь не потушишь». См. прим. 4 к п. № 55 от 2 мая 1885 г.

[2] См. Евангелие от Матфея, гл. 5-я.

[3] Как уже указано в прим. 5 к п. № 54 от 26 апреля 1885 г., картина Келера с Нагорной проповедью цензуру не прошла. Много позднее, в 1891 г., редакция «Посредника» выпустила серию картин Густава Дора с евангельскими текстами, — в том числе картину, озаглавленную «Начало Нагорной проповеди» (Матф., гл. пятая, ст. 1—16).

[4] Возможно, что Толстой имеет здесь в виду тему, использованную им в рассказе «Кающийся грешник».

[5] Александр Михайлович Иванцов-Платонов (1835—1894) либеральный профессор истории церкви в Московском университете, протоиерей, оставивший целый ряд научных трудов исторического, философского и церковно-публицистического характера. В письме Н. Н. Страхова к Толстому от 11 сент. 1882 г. мы находим следующие строки о нем: «В Москве видел много народу: ... Иванцов-Платонов. Он стоит в стороне, умно и тонко наблюдая всё, что делается, и спокойно надеясь, что дело божие не может не сделаться. Его мысли об вашей деятельности, об ее важности и пользе — очень приятно было услышать». О предложении Иванцова-Платонова оказать содействие изданию в России запрещенных сочинений Толстого — «Исповедь», «В чем моя вера» и «Так что же нам делать» — Толстой сообщает в письме к Л. Д. Урусову уже 4 мая 1885 г. Статьи эти Иванцов-Платонов к осени того же года внимательно пересмотрел, кое в чем урезал и снабдил обширными примечаниями,

заполнившими целую тетрадь. Ознакомившись с этими примечаниями, Толстой в октябре того же года, писал Иванцову: «... Я еще больше полюбил вас, прочтя ваши примечания. Я увидел из них, как христианское чувство любви к истине и к единению людей проникает вас и как вы постоянно умеете, не поступаясь своим мировоззрением, удерживать это единение с людьми. На все исключения, сделанные вами, я, разумеется, согласен...» (См. т. 63.) Однако все старания Иванцова-Платонова не привели к желанному результату. Когда в ноябре 1885 г. С. А. Толстая поехала в Петербург хлопотать о цензурном разрешении XII т. Сочинений Толстого, куда должны были войти произведения, взятые под защиту Иванцовым-Платоновым и, узнав, что они пересланы в духовную цензуру, обратилась по этому делу с письмом к обер-прокурору синода К. П. Победоносцеву, он ответил ей, что на разрешение ранее запрещенных статей Толстого «нет никакой надежды» и что «примечания Иванцова-Платонова не только не ослабляют действие сочинений, но еще усиливают его в отрицательном смысле».

[6] Estropiée — искалечена.

[7] Алеб — действующее лицо маленького рассказа Толстого «Вражье лепко, а божье крепко». Картинку в красках, при которой должен был появиться этот рассказ, обещал сделать Репин. Толстой еще возвращался к работе над этим рассказом после того, как обещал в настоящем письме послать его в редакцию «Посредника» на следующий же день. Репин тоже не сразу исполнил свое обещание. Картина с текстом была отпечатана и разрешена цензурой только 12 февраля 1886 г. — О рассказе «Ильяс» см. прим. 2 к п. № 49 от 17—18 марта 1885 г.

* 66.

1885 г. Мая 20—22. Я. П.

Письмо ваше объ уничтоженіи креста я получилъ и не отвѣчалъ, п[отому] ч[то] забылъ, а забылъ п[отому] ч[то] не имѣю насчетъ этаго никакого мнѣнія. И разумѣется согласенъ. Сократа [1] я взялъ съ собой въ деревню, и вотъ ужъ нѣсколько дней работаю надъ нимъ съ большимъ увлеченьемъ. Надѣюсь, что Калмыкова проститъ меня за мои перемѣны. Основа та же, но передѣлываю много. Предметъ необыкновенной важности. Столько самаго главнаго можно сказать свободно въ этой формѣ. Надѣюсь дня черезъ два кончить, потомъ надо переписать, и тогда пришлю въ П[етер]б[ур]гъ. Напишите, какой адресъ. Очень желательно, чтобы прошло въ цензурѣ. Я въ деревнѣ спасаюсь отъ недовольства формами нашей жизни только работой. Въ деревнѣ эта неправильность нашей жизни чувствуется мнѣ больнѣе — особенно нынѣшній годъ. — Ничто такъ не поддерживаетъ меня, какъ мысль о томъ, что надо

дѣлать не для людей, а для Бога. Двадцать разъ въ день повторяю это себѣ и, когда вспомню, успокаиваюсь и утверждаюсь. —

Я ошибся, написавъ Augustin Thierry, — Amédée Thierry. [2] Гдѣ вы? Уѣхали ли вы? Хорошо ли вамъ? Прочелъ хорошее ваше письмо женѣ. [3] И нынче такъ радъ былъ увидать вашъ почеркъ.

Я въ деревнѣ болѣе одинокъ, чѣмъ въ Москвѣ. И въ этомъ много есть хорошаго. — Въ одиночествѣ провѣряешь себя лучше. Изданіе и писаніе для народа въ одиночествѣ только еще больше получило для меня значенія.

Прощайте. Жду писемъ изъ Англіи.

Полностью печатается впервые. Отрывки были напечатаны в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 21. На подлиннике кроме архивного № — пометка рукой Черткова: «Я. П. Получено в Англии 29 м. 85». Письмо это, за неимением у Толстого английского адреса Черткова, было направлено им в Петербург, откуда, судя по письму Бирюкова к Черткову от 26 мая, и было переслано в Англию. Датируем, исходя из того соображения, что при таких условиях пересылка его из Ясной поляны в Англию не могла занять менее 7—8 дней; письмо же Черткова от 17 мая, на которое отвечает Толстой, вряд ли пришло из Петербурга в Ясную поляну ранее 20 мая.

В этом письме от 17 мая Чертков спрашивает Толстого: «Получили ли вы в свое время мое письмо, в котором я вас прошу выслать сюда «Сократа», так как Павленков взялся от себя представить в цензуру, и спрашиваю, согласны ли вы, что можно опустить крест на нашей рамке, так как... этот наружный знак предрасполагает против книжек многих простых читателей, не доверяющих всему записному духовному? Меня очень огорчило бы, еслиб это письмо до вас не дошло. Пожалуйста сообщите». Письмо Черткова от 8 мая — с вопросом относительно снятия с обложки креста, приведено нами в комментарии к п. № 59 от 10—11 мая: оно пришло к Толстому в то время, когда он был расстроен инцидентом, разыгравшимся между Софьей Андреевной и Сытиным, и не вызвало никакого отклика с его стороны, хотя Чертков сообщал в нем важное известие о гонениях, которые замышлял предпринять против него, как против распространителя запрещенных сочинений Толстого, обер-прокурор синода Победоносцев. К этому сообщению и относятся, повидимому, слова Черткова: «Меня очень огорчило бы, если б это письмо до вас не дошло». Что касается сообщения Черткова, относящегося к издателю Ф. Ф. Павленкову в связи с печатанием «Сократа», то оно входило в письмо от 12 мая и отнесено Чертковым к письму от 8 мая ошибочно. См. заключительный комментарий к п. № 60 от 10—11 мая.

[1] О «Сократе» Калмыковой см. прим. 11 к п. № 55 от 2 мая.

[2] Поправка в имени историка Thierry, произведения которого Толстой рекомендовал «Посреднику» для перевода или обработки, относится к письму его от 9 мая (№ 58). См. прим. 4 к этому письму.

[3] Это — письмо Черткова к С. А. Толстой от 14 мая, относящееся к инциденту ее с Сытиным и приведенное нами в заключительном комментарии к п. № 60 от 10—11 мая.

67.

1885 г. Июня 1—2. Я. П.

Получилъ вчера ваше длинное письмо изъ вагона и Берлина и очень былъ радъ его получить. Давно ужъ, мнѣ казалось, не было отъ васъ извѣстій. Спасибо вамъ за то, что вы пишете мнѣ, какъ думаете. Это то мнѣ и радостно. Я замѣчаю, что вагонъ и безсонница дѣйствуютъ возбуждая. Но радостно главное эти минуты, часы счастія общенія съ Богомъ. Знать, что вы ихъ испытываете, мнѣ также — еще больше радостно, чѣмъ самому ихъ испытывать. — Побѣдилъ міръ и спасъ его Христосъ не тѣмъ, что пострадалъ за насъ, а тѣмъ, что страдалъ съ любовью и радостью, т. е. побѣдилъ страданія и насъ научилъ этому. Я знаю это, но научиться еще не могу, хотя и вижу навѣрно, что подвигаюсь въ этомъ ученіи. И увѣренъ, что и вы тоже. Я говорю про то же состояніе, про к[оторое] говорите вы.

То, что вы мнѣ пишете про мои писанья, не только не непріятно мнѣ, но полезно и убѣдительно. Я чувствую, что убѣждаюсь вашими доводами. Но — есть «но» — меня все-таки тянетъ къ умствованію—и не изъ тщеславія — я вѣрно знаю, а какъ будто для того, чтобы раздѣлаться съ той ложью, въ к[оторой] я жилъ съ моими товарищами лжи. Васъ поведутъ казнить за истину изъ гостиницы, въ которой вы стояли, вы лучше сдѣлаете, если, несмотря на важность того, что вамъ предстоитъ, вы не забудете отказать обѣдъ, на к[оторый] вы приглашали, и заплатить хозяйкѣ и прачкѣ, разчесться со всѣми, чтобъ никого не обидѣть. — Такъ и мнѣ чувствуется, что нужно разчесться съ моимъ міромъ — художественнымъ, ученымъ, — объяснить, что и почему я не дѣлаю того, чего они ждутъ. Вы подумаете, это отговорка. Можетъ быть. Но послѣдняя. Еще до полученія вашего письма я говорилъ Грибовскому, [1] к[оторый] б[ылъ] у меня и очень мнѣ понравился (если онъ проживетъ, то этотъ человѣкъ послужитъ Богу хорошо), я гово-

рилъ, что эта моя статья есть послѣдняя (такъ я хочу и надѣюсь), обращенная къ моему кружку заблудшихъ. (Еще будетъ (если б[уду] живъ) смерть Ив[ана] Ильича.[2] Эту я обѣщалъ кончить женѣ для новаго изданья, но эта статья только по формѣ (какъ она начата) относится къ нашему кружку — по содержанію ко всѣмъ). Ваше замѣчаніе, что лучше назвать Что мнѣ дѣлать, справедливо, и я имъ воспользуюсь.[3] И то задоръ и гордость. Ну да это кончить надо. — Только плохо пишется въ деревнѣ. Меня такъ и тянетъ косить, рубить, что я и дѣлаю. И болятъ руки, а сердцу легче.

Теперь по пунктамъ: 1) Бирюковъ прекрасный редакторъ, но вы лучше.[4] Онъ слишкомъ мягокъ. Онъ уступитъ по натурѣ, а вы только по необходимости, но я, разумѣется, согласенъ и радъ. Вообще я васъ благодарю, что вы мнѣ все сообщаете; но не стѣсняйтесь этимъ. Это не изъ учтивости говорю. Я знаю, что въ этомъ общемъ Божьемъ дѣлѣ вы спрашиваетесь того же самаго Хозяина, к[оторый] и мнѣ предписываетъ, и потому всегда оказывается, что то, что Онъ вамъ велѣлъ, то самое и мнѣ.

2) Крестикъ я писалъ, чтобы снять.

3) Нагорная проповѣдь безъ этого названія будетъ, подъ стихами «Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся»...

4, 5, 6) Къ дѣвченкамъ лучше въ видѣ эпиграфа.[5]

7) Съ Сократомъ случилась бѣда. Я сталъ передѣлывать, сталъ читать Меморабиліа,[6] Платона[7] и увидалъ, что все это можно сдѣлать лучше. Сдѣлать я всего не сдѣлалъ, но все измаралъ, и Калмыковское и свое, и запуталъ и остановился пока. Я писалъ объ этомъ Калмыковой и жду ея отвѣта. — Можно напечатать какъ было ея изложеніе, а потомъ вновь передѣлать его; но можно, и по моему лучше, не торопиться и съ ней вмѣстѣ обдумать и исправить. — Удивительное ученіе — все тоже, какъ и Х[ристосъ], только на низшей ступени. И потому особенно драгоцѣнно. Если ясно выразить то, до чего дошло ученіе истины на низшей ступени, то очевидно будетъ, что оно могло пойти дальше въ томъ же направленіи (какъ оно и было), а не пойти назадъ, какъ это выходитъ по церковнымъ толкованіямъ. Богъ насъ наставитъ какъ лучше, но теперь не готово.

8) Бирюкову сейчасъ напишу письмо съ возвращеніемъ ст[атьи] Свѣшниковой.[8] Я вчера только получилъ эту статью[9]

и ваше письмо съ ними. Я вчера прочелъ эту статью вслухъ при нашихъ и кузминскихъ дѣтяхъ и взрослыхъ. Всѣхъ захватило. Языкъ не безупречный въ описаніяхъ, но поправлять не буду — какъ бы не случилось того, что съ Сократомъ, и прибавлять въ концѣ не буду. И такъ хорошо. Какъ вы хотите издать, съ красной рамкой или нѣтъ? По моему, съ красной рамкой.

9) Мѣста изъ житій святыхъ попрошу кого-нибудь изъ домашнихъ выписать и пришлю Бирюкову. Почему житіе Бѣликова [10] безъ рамки?

Я между другими дѣлами написалъ одинъ разсказецъ хорошій изъ записанных мною темъ. [11] Жду Ге и попрошу его сдѣлать рисунки.

Нынче получилъ письмо отъ Урусова. [12] Онъ очень плохъ здоровьемъ. Онъ ѣдетъ къ Мальцову, [13] гдѣ съѣдется съ семьей. Вѣроятно, увижу его.

Не знаю, выслали ли вы адресъ М. А. Шмитъ для доставленія вамъ въ Англію рукописи. [14] Прощайте. Пишите чаще. Сейчасъ писалъ Бирюкову, и мнѣ пришло въ голову, что разсказъ Свѣшниковой опасенъ въ смыслѣ направленія. Могутъ обвинить. Какъ бы не сдѣлать вреда изданіямъ, и потому — мое мнѣніе — если печатать, то безъ рамки. [15]

Полностью печатается впервые. Без первого абзаца и нескольких строк в конце напечатано в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 21—23. На подлиннике рукой Черткова пометка: «получено в Англии 8 июня. Я. П.» Письмо это, как видно из письма Бирюкова к Черткову от 4 июня, было получено им в редакции «Посредника» и переслано в Англию в этот день — 4 июня. На доставку его в Петербург из Ясной поляны достаточно было 2—3 дней. Датируем, исходя из этих соображений.

Письмо это, в наибольшей своей части, является ответом на письмо Черткова, написанное по дороге из Петербурга в Англию — сначала в вагоне, затем в Берлине, и помеченное 22-м мая, хотя законченное позже. Но один из пунктов этого письма Толстого, а именно пункт 8-й, является откликом на предыдущее небольшое письмо Черткова из Петербурга от 16 мая. В этом небольшом письме Чертков говорит: «Присылаю вам рассказ Свешниковой — переложение «93 года» Виктора Гюго. [См. ниже прим. 9.] Впечатление на меня произвело сильное и в хорошую сторону. Но при такой силе необходимо убедиться, что впечатление не может ни на ком оказаться двусмысленным... Кое-какие рискованные места в этом смысле мы сообща исключили. Насчет самого конца, который должен увенчать впечатление, мнения разошлись. Я стоял за то, чтобы просто и прямо сказать, что у Симурдена не хватило любви, чтобы пере-

силить его подчинение искусственному понятию о военной чести... Но другие не соглашались... Мы однако все согласились вычеркнуть последние строки. Но, мне кажется, не следует кончать словами «Симурден застрелился» и предоставлять читателям... делать всякие предположения о мотивах его самоубийства. Случай слишком хорош, чтобы не выразить, что, нарушая закон Христа о любви, человек естественно и легко теряет всё в жизни и доводится до самоубийства в той или другой форме. Пожалуйста, составьте сами конец и вообще измените, что нужно. Переделка — свободная, и имени Виктора Гюго не будет помещено».

Большое письмо Черткова от 22 мая приводим с значительными сокращениями. «С вашей легкой руки, — пишет в нем Чертков, — я стал очень счастлив и пишу вам в самом благодатном настроении из вагона по дороге прочь от того дела, в которое я чуть было не влюбился. И так хорошо, свободно теперь на душе. И столько хорошего, сердечного, умного и остроумного я наговорил бы вам, если б мы теперь были вместе и оба мы были бы так счастливы, и так довольны друг другом. Но всё разумно, всё на свете хорошо, как вы справедливо чувствуете, и меня так радует то, что вы без меня счастливы, и я без вас. За неимением вас я разливаю свое счастье на случайных ближних. И они все такие славные. Кондуктор, дети, продающие цветы на станции. Чувствую, что они все друзья, братья, и так хорошо, когда это сознаешь непосредственно. — Но это непосредственное чувство дается мне после внутренних шагов вперед, после подведения итогов, наблюдения над собою, другими и жизнью вообще и примеривания ко всему этому Его истины... Вы спрашиваете, почему так трудно было мне уехать из Петербурга... Да — мне было трудно. Как свойственно человеку прилепляться к жене, объединяться с нею и дорожить, как дорожишь собою, тем хорошим и радостным, что содержится в ней, не только ее основными достоинствами, но даже и мельчайшими ее приемами,... так, за неимением жены, человек прилепляется к тому временному делу, которое наполняет его жизнь; он сродняется с своим делом, находит в нем удовлетворение и радости не только по существу, но даже и в мельчайших подробностях. Начиная от получения подходящего материала для издания и кончая успехом рисунка и даже удачным положением стола в конторе — всё это его радует, как мужа — ласки жены. Ну и разлучаться трудно, как в том, так и в другом случае... Урок мой задан был мне как раз во время... Отчасти освободившись раньше, в силу таких же уроков, от порабощения личных привязанностей, вследствие постоянных разлук с людьми, мне особенно близкими и дорогими по личному чувству дружбы, я теперь учусь освобождаться от чрезмерной привязанности к определенному, временному (ибо земному) делу. Эти уроки должны выучить меня быть счастливым в настоящем, т. е. вечном (ибо только это исключительно духовно) и независимом от обстоятельств... Вижу уже дальнейший шаг, но не готов еще к нему, — в том, чтобы освободиться от своего собственного состояния... забыть себя и жить не только для ближнего, но в ближнем, не замечая этого, а действительно живя в каждом отдельном ближнем, с которым жизнь сводит. До этого далеко, куда как далеко, — но там сам Христос, и меня туда

тянет. Ваше последнее письмо меня обрадовало необычайно... Вы выражаете сознание бо́льшего удовлетворения в писании притч, чем прежде, благодаря тому, что кончили один отдел вашей статьи. Разумеется, я могу ошибаться, но нет, кажется не ошибаюсь, в этих притчах или рассказах, доступных пониманию и совести человека вообще, т. е. *каждого* человека и *всех* людей, в этой форме изложения вы наиболее живете в той жизни, в которую меня тянет, — в жизни безличной, в жизни в других. Здесь в этой области действительно не может быть гордости, если б она и была, то была бы только сознанием силы божьей, ибо, творя такое — объединяешься с богом и теряешь всякое отношение к своей личности и своей роли в земной жизни. Так ли это бывает, когда задаешься целью определенно выяснить, что *нам* делать? При необходимом для исполнения такой задачи напряжении слабого ума (ибо человеческого), при продолжительности такой работы, возможно ли всё время жить в боге одном? Не переходит ли «что *нам* делать» часто в «что мне делать?». Это всё вопросы, я не думаю утверждать. И, вообще, перейду к другому, чтобы непрошенно не копаться в вашей душе, хотя и близкой, очень близкой, но чужой». Однако, оставляя вопрос о психологической и нравственной стороне работы над такими произведениями, как статья «Так что же нам делать?», Чертков всё же возвращается к тревожащей его мысли об этой статье. Желая заглянуть в будущее, когда Толстой освободится от этой статьи, он выражает опасение, что работа над ней — над этими вопросами нравственного порядка — никогда не закончится, потому что она «по самой задаче своей нескончаема». Затем он прибавляет: «В ней очень, очень много хорошего и нужного, но заглавие не хорошее. Если б вы назвали это «Что мне делать», кажется было бы лучше, и в таком случае, если бы оказалось там для многих, то каждый нашел бы и применил к себе без сознания, что его обличают. Вместе с тем, если б вы назвали «Что мне делать», то чувствовали бы себя свободнее от потребности оканчивать. Такую постановку вопроса, как «что мне делать», можно когда угодно прекратить на бумаге, ибо можно продолжать на деле...» «Пока я не могу не удивляться тому малому значению, которое вы придавали вашим последним рассказам, — продолжает Чертков, вновь и вновь затрагивая эту тему. — Ведь в них то же самое, что в больших ваших статьях, только проще и доступнее большинству и убедительнее для всех»... Вторая половина письма написана уже на следующий день, в Берлине. «Приступаю к «пунктам», набравшимся в моей записной книжке для сообщения вам..., — говорит Чертков: — 1) Для народной газеты я нашел лучшего мне известного редактора — Бирюкова... Но он не решается согласиться на это... Не чувствует в себе уверенности, с одной стороны. А с другой — не знает, достаточно ли это прочное дело, чтоб ему оставить службу в обсерватории. Он стесняется за такое дело брать деньги. А деньги ему нужны для жизни... Если вы сочувствуете ему в редакторы, то напишите ему, уговорите его. Я же думаю так: для газеты нельзя лучше, чем он (я совсем не гожусь — об этом думал, и могу теперь определенно сообщить вам, почему)... Бирюкову теперь очень тяжело (он этого не показывает) с обсерваторией и складом. Разнородные занятия и каждое требующее много напряжения. Редакция же газеты по самой цели сродна складу и

изданиям, и ему было бы легче и, думаю, приятнее всецело отдаться одному делу в двух формах... 2) Про снятие крестика с наших обложек я вам писал. Вы не ответили. Но я так уверен, что вы согласились бы, что сделаю распоряжение о снятии... У наших изданий сохранится наружное отличие — та же рамка без креста и пословица. 3) Относительно помещения Нагорной проповеди не сполна, — я с вами вполне согласен и не думаю, чтобы это труднее было бы провести, чем всю. Только в таком случае я не назвал бы «Нагорною проповедью», а поместил на место заглавия какие-нибудь слова Христа (напр. «Я есмь путь, и истина, и жизнь» или что-нибудь такое). 4) Мне кажется, что вы отлично сделали, что согласились на предложение Иванцова. — 5) К вашему рассказу о девченках [«Девченки умнее стариков»] с радостью взялся сделать картину Савицкий... 6) В этом рассказе не думаете ли, что лучше поместить слова Христа в виде эпиграфа под заглавием? В конце они как-то чересчур неожиданны и нарушают этим замечательную простоту впечатления, получаемого от рассказа [см. ниже прим. 3]. 7) Когда покончите «Сократа», пришлите в склад. Кившенко взялся сделать рисунки, но ему необходимо прочесть. Да и в цензуру представим в Петербурге. 8) Вообще все дела по изданию переданы Бирюкову и, если нужно, вы ему пишите и посылайте. Он всё сделает лучше и проще меня. 9) Если возможно, пришлите безотлагательно, как предложили, в склад указания об отмеченных местах в житиях. У нас там есть славянское издание Димитрия Ростовского. И Беликов, который этим специально занимается, всё найдет по вашим указаниям... 10) «Галю», несмотря на то, что этот рассказ вам не особенно понравился, мы приобретаем у автора с правом значительно сократить... В нем много того, что нравится именно лубочным читателям, и вместе с тем впечатление во всяком случае получается хорошее. Если вы с этим не согласны, то, пожалуйста, скажите Бирюкову остановить. И всегда так делайте. Мне же приходится действовать иногда самостоятельно, потому что мы живем в разных местах и списываться о каждой подробности затруднительно... Но я буду стараться всегда вам сообщать заблаговременно так, чтобы в случае, если я по вашему ошибусь, то вы могли бы остановить... — Меня очень обрадовало ваше желание писать рассказы без посторонних соображений. Так и надо. В какой стране можно будет издать, с пропусками, или изменениями, или пока вовсе не издавать, это всё мелочи в сравнении с жизнью человечества. И вам не следует этим стеснять свою свободу, а писать во всю силу духа... Если наши издания от этого потеряют, то общая польза будет всё-таки больше. Мне смешно, что я как будто вас учу, но вы знаете, что это не так. Я только говорю прямо, как приходит на мысль... Еслиб я не так писал, то пришлось бы сдерживаться перед вами, оглядываться, а этого я больше не хочу делать. До сих пор делал. Но теперь чувствую, что это нехорошо. — Ваш способ проверки своей работы по представлению о наступлении смерти мне очень понравился. Я употребляю способ представления, что Христос вдруг подходит и глядит. К сожалению, редко. Но как это сдерживает и просветляет! А смерть это очень хорошо. Хорошо, что наши часы сочтены, а то мы совсем замечтались бы. — Прощайте. И вы пишите чаще. Я вас так особенно люблю теперь».

[1] О Грибовском см. прим. 9 к п. № 55 от 2 мая 1885 г.

[2] О «Смерти Ивана Ильича» см. прим. 7 к п. № 15 от 25—27 апреля 1884 г.

[3] Об изменении заглавия статьи «Так что же нам делать» под влиянием письма Черткова см. ниже п. № 71 от 17—18 июня и п. № 73 от 3—4 июля 1885 г.

[4] Одновременно с письмом Черткову Толстой послал и письмо Бирюкову, в котором по вопросу о редакторстве в предполагаемой народной газете он высказывается так: «Насчет редакторства будущей газеты я думаю, что вы будете прекрасный редактор, но Чертков еще лучше. Вы во многих отношениях будете лучше его, но в одном, в пуризме христианского учения, никого не знаю лучше его. А это самое дорогое» (см. т. 63).

[5] В первоначальной редакции маленького рассказа «Девченки умнее стариков» в виде заглавия были поставлены в несколько измененном виде слова из Евангелия от Матфея, гл. 18, ст. 3: «Аще не будете как дети, не внидете в царство божие» (у Матфея: «...в царство небесное»). Во второй редакции Толстой, дав рассказу то заглавие, которое за ним осталось, перенес эти слова в конец рассказа в качестве заключения его. Чертков предложил поставить эти слова как эпиграф к рассказу, под заглавием, на что Толстой и согласился.

[6] «Меморабилия» — «Воспоминания о Сократе» (по латински «Memorabilia Socratis») греческого историка Ксенофонта (р. около 430 г., ум. в 354 г. до н. э.). В юности он примкнул к кружку Сократа, нравственное учение которого оказало на него большое влияние. Эта сторона философии Сократа и отражена всего лучше в его «Воспоминаниях», передающих целый ряд разговоров Сократа с разными лицами на этические темы.

[7] Платон (429—347 до н. э.) — греческий философ, в течение девяти лет находившийся под непосредственным влиянием Сократа. Необычайная твердость духа и ясность возвышенной мысли Сократа в ожидании приближающейся казни произвели на него громадное впечатление и дали этическую окраску всей его философии, изложенной в диалогической форме. Во многих из диалогов Сократ выводится в качестве руководящего беседой философа-учителя. Диалоги, которыми Толстой имел в виду воспользоваться при переработке написанной Калмыковой книжки о Сократе, — «Эфтифрон», «Апология Сократа», «Федон» и «Протагор». Последний из них он использовал однако не здесь, а в статье своей «Смерть Сократа», включенной в «Круг чтения» (см. прим. 6 к п. № 68 от 4—5 июня 1885 г.), куда вошла также и статья его «Суд над Сократом». — Толстой читал Платона в разные периоды жизни. Так в Дневнике его от 1852 г., в записях от 22 мая и 2 августа, упоминаются Диалоги «Банкет» («Пир») и «Политик»; в Дневнике от 22 ноября 1896 г. находим запись: «Читал Платона: эмбрионы идеализма». Диалоги «Федон» и «Пир» значатся в списке книг, имевших на него большое влияние в возрасте от 20 до 35 лет. «Федона» он перечитывал в 1910 г. и, по свидетельству В. Ф. Булгакова, говорил, что он не знает «ничего более сильного о смерти».

[8] Елизавета Петровна Свешникова (род. в середине 1840-х гг., ум. в 1918) — в то время энергичная сотрудница «Посредника», давшая редакции, кроме упоминаемой здесь переделки романа В. Гюго, книжки:

«Франциск Ассизский» (см. прим. 7 к п. № 58 от 9 мая 1885), «Фабиола» (см. прим. 1 к п. № 58 от 9 мая 1885), «Скупой и его дочь» — по ром. Бальзака «Эжени Гранде» (см. прим. 4 к п. № 84 от 31 октября 1885 г.) и переработку драмы Островского «Бедность не порок». В 1870-х гг. была постоянной сотрудницей писательниц-журналисток М. К. Цебриковой и Е. И. Конради, передовых радикально-настроенных женщин того времени, и помогала им в их литературных и педагогических работах. В 1880-х гг. была одной из главных участниц журнала «Женское образование» В. А. Сиповского, где поместила ряд статей о воспитании, и в журн. «Воспитание и обучение» (прилож. к журн. «Родник» Альмединген а). В это же время она работала в кружке Цебриковой, стремившемся к изданию «литературы для народа». Возникновение «Посредника» побудило ее в 1885 г. к сближению с редакцией его, которую она связала и с Цебриковой. Однако в следующем, 1886 г., связь ее с редакцией «Посредника» ослабела, о чем она откровенно высказалась в письме к Черткову, упрекая его в «исключительности», в ригоризме при постановке моральных вопросов, которыми сама она живо интересовалась. Деятельность свою она перенесла в кружок по изучению народной литературы Шаховского и Ольденбургов (см. комментарий к п. № 43 от 5—6 февраля 1885 г.). В 1888 г. она, вместе с Ф. Ф. Ольденбургом, руководила учительской школой Максимовича в Твери, а затем взяла скромное место казначея петербургских В. Ж. Курсов и несла эти обязанности до конца жизни.

[9] Статьей Толстой называет сделанное Е. П. Свешниковой изложение одного эпизода из романа Виктора Гюго (1802—1885) «Quatre-vingt-treize» («93-й год»), представляющего собой в своем роде хронику великой французской революции. Оценка готовящейся к печати книжки дана Толстым и в письме к Бирюкову, написанном в тот же день, что и письмо к Черткову. «Содержание статьи прекрасное, — говорит он в этом письме — ... Поправлять я ее не стал и прибавлять заключения. Язык однохарактерный и в разговорах даже очень хорош и чувствуется Hugo, т. е. великий мастер»... (См. т. 63.) В списке книг, оказавших влияние на Толстого в возрасте от 20 до 35 лет, значится роман Гюго «Notre Dame de Paris», причем влияние этой книги определено им самим, как «очень большое». Но и целый ряд других произведений Гюго настолько волновал и умилял его, что уже в 1908 г. он называл себя его «великим поклонником» (см. Н. Гусев «Толстой в молодости», М. 1927, стр. 415). — Книжка Свешниковой, озаглавленная в издании «Посредника» «Брат на брата», была разрешена цензурой 7 января 1886 г. и вышла в свет, без имени автора, в том же году, с рисунками на обложке А. Д. Кившенко.

[10] Петр Петрович Беликов, в то время молодой человек, которого Бирюков в комментарии к ненапечатанной «Переписке» его с Толстым характеризует так: «Странный человек, покушавшийся на самоубийство; живший на Афоне, зараженный немного пашковством, но всё-таки остававшийся православным и льнувший к нам по инстинкту добра». Более точных биографических данных о Беликове не сохранилось. Им написаны «Житие Павлина Ноланского» и «Житие Петра, бывшего прежде мытарем». Обе книжки вышли в изд. «Посредника» с рисунками А. Д. Кившенко в начале 1886 г.

[11] Какой именно «рассказец» подразумевает здесь Толстой, установить не удалось. Около этого времени написаны были «Два старика» и «Свечка» (см. прим. 5 к п. № 71 от 17—18 июня 1885 г.) А. К. Черткова предполагает, что речь идет здесь о легенде «Кающийся грешник», так как Н. Н. Ге, которого Толстой хотел просить о рисунках к написанному им в это время, сделал рисунок к «Кающемуся грешнику». Но этот рисунок был сделан им позже — лишь в 1886 г.

[12] О кн. Л. Д. Урусове см. прим. 15 к п. № 46 от 24 февраля 1885 г. Проводив его в марте этого года в Крым, Толстой оставил его в Симеизе, в доме его тестя, богача С. И. Мальцова, владельца известных чугунолитейных, хрустальных и стеклянных заводов, находившихся в Брянском у. Орловской губ., которые Толстой осмотрел по пути в Крым, заехав за Урусовым в находившееся поблизости от этих заводов имение Мальцова Дятьково. Теперь больной Л. Д. Урусов опять возвращался в Дятьково.

[13] См. предыдущее примечание.

[14] В письме от 16 мая (№ 64) Толстой просил Черткова поспешить высылкой его адреса в Англии на имя М. А. Шмидт (Толстой ошибочно пишет в обоих случаях Шмит), которая взяла на себя поручение доставить Черткову ожидаемую им копию сочинения: «Соединение, перевод и исследование 4-х Евангелий»

[15] Рассказ «Брат на брата» действительно был выпущен, из предосторожности, без обозначения фирмы «Посредника», а потому и без красной рамки.

68.

1885 г. Июня 4—5. Я. П.

Получилъ вчера ваше письмо изъ Англіи. Очень радъ знать, что вы доѣхали хорошо. Гдѣ вы? Съ кѣмъ живете? Опишите мнѣ немного.

Я не согласенъ съ вами объ мысляхъ, на к[оторыя] васъ навело чтеніе Успенскаго,[1] т. е. не во всемъ. Вы говорите, что ничего не нужно читать для обогащенія своего запаса свѣденій. Да, но какихъ? Если это свѣденія для того, чтобы другимъ показать свое знаніе, или не постыдиться за свое незнаніе, то, разумѣется, да. Но есть другія знанія — знаніе всего того, что дѣлали до насъ и теперь дѣлаютъ люди для того, чтобы понять жизнь и смыслъ ея, т. е. свое отношеніе къ Безконечному и къ людямъ. Это очень нужно. И тѣ знанія, к[оторыя] я пріобрѣлъ въ этой области и пріобрѣтаю теперь, мнѣ много дали и даютъ спокойствія, твердости и счастія. И этихъ знаній я и вамъ желаю. Не отъ того, чтобы я думалъ при этомъ о какомъ нибудь недостаткѣ въ васъ. Я слишкомъ люблю васъ

для этого; а отъ того, что я по себѣ знаю, какую это придаетъ силу, спокойствіе и счастіе — входить въ общеніе съ такими душами, какъ Сократъ, Эпиктетъ, [2] Arnold, [3] Паркеръ [4] (странно это сопоставленіе, но для меня оно такъ). Я, благодаря Сократу Калмыковой, перечитываю стоиковъ [5] и много пріобрѣлъ. Это азбука христіанской истины и, читая ихъ, я только больше утверждаюсь въ христіанствѣ. Все ихъ ученіе въ томъ, чтобы класть свое благо въ томъ, что отъ меня зависитъ, въ чемъ я свободенъ, — въ справедливости, добромъ расположеніи къ людямъ, въ чистотѣ нравственной, а всѣ дѣла внѣшнія — общественное мнѣніе, богатство, здоровье, жизнь тѣла считать не моимъ. Этимъ распоряжается Богъ Отецъ мой, а не я. И мое дѣло только по отношенію этаго — желать, хотѣть то, чего Онъ хочетъ. Тогда, говоритъ, ты будешь счастливъ, то, чего и хотѣлъ для тебя твой Отецъ, будешь счастливъ, чувствуя, какъ ты съ каждымъ часомъ будешь приближаться къ Нему, гдѣ все благо. Ну развѣ это не прекрасно? Недосказано только то (да и то есть намеки), что для этаго надо любить не себя, а другихъ, то, что сказалъ Христосъ. —

Очень бы мнѣ хотѣлось составить Кругъ чтенія, [6] т. е. рядъ книгъ и выборки из нихъ, кот[орыя] всѣ говорятъ про то одно, что нужно человѣку прежде всего, въ чемъ его жизнь, его благо. О томъ же, что чтеніе и образованіе себя для образованія есть ужаснѣйшій онанизмъ, съ этимъ я слишкомъ согласенъ. И про это то самое, хотя вы и не велите мнѣ, я напишу, если Б[огъ] дастъ, нѣсколько главъ въ статьѣ Ч[то] н[амъ] дѣлать. Прощайте, милый другъ, пишите чаще. Радуюсь, что вы скоро вернетесь. Можетъ быть, и пріѣдете къ намъ. Мнѣ хорошо — нынче.

Сейчасъ перечелъ ваше письмо и вижу, что я только придираюсь къ вамъ, чтобы высказать свои мысли, но что вы совершенно правы и, вѣроятно, согласны со мной.

Я писалъ Бирюкову и послалъ обратно статью Свѣшниковой. [7]

Вчера получилъ отъ г-жи Бемъ [8] ея силуэты въ подарокъ и нынче, отвѣчая ей, просилъ ее принять участіе въ нашихъ изданіяхъ. Она прекрасно иллюстрируетъ. Не знаю только, будетъ ли брать деньги.

Полностью печатается впервые. Очень значительная часть напечатана в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 23—24. Два отрывка помещены в статье К. С. Шохор-Троцкого «Кругъ чтения Л. Н. Толстого»

в сб. ТП, II, М. 1920, стр. 193—194. На подлиннике рукой Черткова пометка: «Я. П. 5 июня 85» — вероятно, согласно штемпелю отправления. Датируем расширительно.

Толстой отвечает в этом письме на письмо Черткова, написанное из городка Ньюпорт (в Эссексе), где он поселился, 27 и 28 мая. В письме этом Чертков говорит: «Из Петербурга я забрал с собою сочинения Глеба Успенского с целью прочитать всё и отметить то, что годится для издания для народа. Вместе с тем я думал через него несколько познакомиться с жизнью наших крестьян и с отношением к ним той части нашей интеллигенции, представителем которой служит Глеб Успенский. С этою же целью я захватил с собою и «Деревенские будни» Златовратского. Проезжая через Берлин, я приобрел несколько книжечек о сектантском движении в России, напечатанных за границею... Мне казалось, что всё это необходимо прочесть, чтобы знать, что делается, pour être au courant [чтобы быть в курсе], чтобы не пропустить чего-то такого, что необходимо знать. Из Глеба Успенского я прочел два очерка из «Городской нищеты», о том, как барин надул извозчика, и о том, как скупщик старого платья надувает тех бедных,у которых покупает...И вдруг мне стало так ясно, что всё это не то, что ничего читать не нужно ради обогащения своего запаса сведений... Всё это роскошь и барство. Надо забыть себя и свое развитие и думать не о том, как и что еще приобресть, а только о том, как бы отдать как можно больше тому большинству, которому едва удается выучиться грамоте и на счет которого Глебы Успенские учатся в университетах, Павленковы издают их сочинения, а мы покупаем эти сочинения и добросовестно прочитываем эти 8 томов, воображая, что делаем какое-то дело. Какое тут страшное недоразумение. Я рад, что это, наконец, стало для меня ясно до очевидности. Надо иметь дело, при котором по возможности отдаешь массе то, что получаешь от нее. У меня такое дело есть. Но самое естественное — личный труд, предлагаемый при непосредственном общении с массою. Это для меня еще недоступно в виду матери. Но зато дело издания, если не самый простой и прямой путь, то по крайней мере косвенный и всё же путь возвращения нажитых преимуществ. И вот этим-то делом я хочу преимущественно ограничиваться». . Продолжая письмо на следующий день, Чертков говорит о предстоящем ему свидании с другом его молодости Вильямом Батерсби, впоследствии журналистом, который взялся помочь ему в редактировании трех статей Толстого — «Исповедь», «В чем моя вера», «Краткое изложение Евангелия», составивших на английском языке книгу, озаглавленную «Christ's Christianity» (см. прим. 6 к п. № 18 от 19 мая 1884 г.)... «Сегодня ожидаю сюда того молодого человека, с которым условился редактировать для издания ваши сочинения, переведенные... в Петербурге, — говорится в письме. — Завтра мы, вероятно, поедем с ним в Лондон посоветоваться у человека опытного о том, как лучше издать... Надеюсь справиться с редактированием и механическою стороною издания к концу июня. В таком случае в первых числах июля я вернулся бы в Петербург».

[1] Глеб Иванович Успенский (1840—1902). Об отношении Толстого к произведениям Успенского можно судить на основании следующих слов

его, записанных в августе 1883 г. хорошим знакомым его Г. А. Русановым в Воспоминаниях его, под заглавием «Поездка в Ясную поляну» (см. ТЕ 1912 г., стр. 72): «Он [Глеб Успенский] очень хорош, но его беда в том, что к своим прекрасным изображениям народного быта он постоянно примешивает разные идейки свои, и идейки довольно мелкие (неглубокие)». Однако редакция «Посредника» приложила все усилия к тому, чтобы привлечь Успенского к своей работе. 17 октября 1885 г. Бирюков писал Черткову: «Я был на прошлой неделе у Успенского в Чудове, провел с ним целый вечер и ночевал у него. Мне он очень понравился. Он сочувствует нашему делу, готов помогать, но сомневается в своей силе. Говорит, что писать рассказы для народа может только Лев Николаевич». (АЧ) Позднее, в комментариях к своей переписке с Толстым (неизд.), Бирюков писал об Успенском: «Он очень интересовался нашей деятельностью. Но он был Писаревской школы, и религиозный элемент наших изданий отталкивал его. Он делал несколько попыток сотрудничать, но все неудачно».

[2] Эпиктет (конец I и начало II в. н. э.) — философ-стоик. Был привезен из Фригии в качестве раба одного из любимцев имп. Нерона. Отпущенный на свободу за свои исключительные дарования, стал заниматься философией у римских стоиков — последователей греческого философа Зенона (2-я половина IV и 1-я половина III в. до н. э.), основателя стоической школы, которая в основу морали полагала отказ от внешних благ жизни. В 94 г., при имп. Домициане, Эпиктет был изгнан из Рима по декрету, запрещавшему там пребывание философам и, удалившись в Никополис, в Эпире, открыл здесь философскую школу. Стоический аскетизм учения Эпиктета сближает его с христианством ранних веков, вследствие чего это учение было распространено в первых христианских монастырях. В своем пренебрежении ко всему внешнему Эпиктет шел так далеко, что не позаботился оставить потомству ни своего имени (Эпиктет — значит раб), ни своего учения. Оно было записано последователем его Аррианом, который передал его в двух сочинениях: «Беседы» (в восьми книгах, из которых до нас дошли только четыре) и «Руководство». Основная идея морали Эпиктета состоит в том, что счастье человека может быть достигнуто только освобождением от всего, что лежит во внешних обстоятельствах и условиях жизни, и уяснением себе того, что находится в нашей власти. Потому ко всему внешнему мы должны относиться равнодушно. — Эпиктета прислал Толстому в 1882 г. Н. Н. Страхов. В письме к нему от 11 октября этого года он писал Страхову: «Читаю Эпиктета, которого вы мне прислали — как хорошо... Что вы делаете? Неужели тоскуете? И Эпиктет, и Христос не велят. Они велят радоваться. И можно». В списке произведений, оказавших по признанию самого Толстого преобладающее влияние на него в этот период его жизни (см. Б, III, Госизд. М., 1922, стр. 141) в графе «степень влияния», против имени Эпиктета стоит отметка: «огромное». Мысли Эпиктета были включены им в сборники «Круг чтения» и «На каждый день», в серию книжек с изречениями на разные этические и философские темы под общим заглавием «Путь жизни». Кроме того издательством «Посредник» была издана в 1889 г. (без имени автора) довольно значительная книжка Черткова «Римский мудрец Эпиктет.

Его жизнь и учение», а также небольшие книжки: «Раб-мудрец. Рассказ о римском мудреце Эпиктете» и «Эпиктет. В чем наше благо» — извлечения, в четырех книжках, из книжки Черткова, с изложением учения Эпиктета.

[3] См. прим. 1 к п. № 22 от 24 июля 1884.

[4] Теодор Паркер (Th. Parker, 1810—1860) — свободный северо-американский проповедник, писатель, борец против рабства. Сын мелкого фермера и механика в штате Массачузетс. Уже в местной школе выдвинулся огромными способностями и широкой любознательностью. По окончании богословского университета, где работал по философии и изучил множество новых и древних языков, он примкнул к «унитарианству» — зародившемуся в Европе в XVI в. и особенно развившемуся в XVIII в. в Англии рационалистическому движению протестантизма, отрицавшему догматы троичности бога, непорочного зачатия и т. п. Отчасти под влиянием «Жизни Иисуса» Штрауса Паркер в своем свободомысленном отношении ко всей христианской догматике, в историко-критическом исследовании Библии и отрицании ее авторитета пошел еще гораздо дальше своих предшественников и вызвал протест даже со стороны представителей унитарианской церкви. В 1841 г. Паркер произнес в Бостоне проповедь, отпечатанную вскоре под заглавием: «О преходящем и постоянном в христианстве» (The Transient and Permanent in Christianity»), вызвавшую необычайное негодование против него. «В течение многих столетий, — говорил он, — христианские учения были нисколько не лучше, если не хуже языческих. Богословские догматы перешли к нам от иудаизма, язычества и не имеют ничего общего с духом истинного христианства... Наше христианство по мере своего развития впитывало в себя массу грязи, так что теперь оно уже не та чистая вода, которую мы хотели бы пить... Полагаясь на авторитет св. писания, люди научились верить самым бессмысленным легендам...» Не менее решителен был Паркер и в своей критике существующего строя. Около того же времени он писал: «...Наши законы с самого начала отнимают чувство человеческого достоинства у одной половины человечества и приносят ее в жертву другой, быть может, худшей половине. Наши тюрьмы не исправляют, а создают преступников; семнадцать двадцатых преступлений совершается против собственности, а это доказывает, что в начале собственности есть что-то неладное. Само общество создает преступников, а потом вешает их. Церковь еще хуже: это колоссальная ложь. Это приют для глупцов, притон для низких темных людей». В течение зимы 1841—42 г. Паркер прочитал ряд лекций, составивших целый том, который вышел из печати в 1842 г. под заглавием «Исследование вопросов, относящихся к религии» («Discours of matters pertaining to religion». Эта книга имела огромное влияние на многих его современников в Америке и в Европе. Вражда к нему клерикально настроенного общества достигла крайних пределов. Тем не менее он до конца жизни продолжал выступать с публичными лекциями, в которых, кроме вопросов религии, постоянно затрагивал и наиболее жгучие социальные вопросы, в том числе вопрос об освобождении негров. Рискуя самой жизнью, он повсюду защищал их дело и много раз помогал устраивать побеги рабов. В том же направлении он неустанно выступал и в периодической печати. — Толстой познакомился с двумя названными произведе-

ниями Паркера, получив их в начале 1885 г. от Черткова. 22 февраля он писал о Паркере, как о писателе, у которого он находит «прекрасно выраженные свои мысли», С. А. Толстой. В письме к Л. Д. Урусову от 18 апреля называет его «удивительным Паркером». О «большом влиянии» на него Паркера в этот период жизни говорится и в указанном уже списке книг, в Б, III Госизд., М., 1922, стр. 141. О том, что Паркер продолжал увлекать Толстого и близких к нему людей и в позднейшие годы, свидетельствует посвященная ему книжка, написанная для «Посредника» проф. Н. И. Стороженко и вышедшая в 1900 г. под заглавием «Апостол гуманности и свободы Теодор Паркер» (серия книг «Для интеллигентных читателей»); в издательстве же Черткова «Свободное слово», в Англии, вышли в 1901 г. в переводе оба названные сочинения Паркера, которые по цензурным условиям не могли появиться тогда в России: «О вопросах религии» не полностью, но в значительных извлечениях, и «О преходящем и вечном в христианстве».

[5] О стоиках см. выше, прим. 2 к настоящему письму. Говоря о том, что он перечитывает стоиков, Толстой, очевидно, подразумевает Эпиктета и Марка Аврелия, который, как известно, был приверженцем стоической философии и «Размышления» которого перевел Л. Д. Урусов, а также, может быть, и Сенеку-младшего: в яснополянской библиотеке сохранилась с отметками Толстого книга его на французском языке — «Sénèque le Philosophe. Oeuvres complètes», trad. p. J. Boillard, 2 v., P., 1860.

[6] Замысел «Круга чтения», осуществленный только в 1906 г., с появлением этого двухтомного сводного труда в издании «Посредника», возник уже в 1884 г. при чтении Конфуция и Лаодзе. В Дневнике от 15 марта названного года Толстой писал: «Мое хорошее нравственное состояние я приписываю тоже чтению Конфуция и Лаодзе. Надо себе составить Круг чтения: Эпиктет, Марк Аврелий, Лаотцы, Будда, Паскаль, Евангелие. Это и для всех бы нужно». Историю развития этой мысли см. в статье К. С. Шохор-Троцкого «Круг чтения Л. Н. Толстого и его краткая история» в сб. ТП, II, М. 1920.

[7] См. предыдущее письмо, № 67 от 1—2 июня 1885.

[8] Елизавета Меркурьевна Бём (1843—1914), урожд. Эндаурова — художница, известная своими силуэтами и акварелями, главным образом из детской жизни. Обучалась в школе «О-ва поощрения художеств» и у Крамского. Была замужем за профессором петербургской консерватории Л. Ф. Бём. В начале июня 1885 г. послала Толстому несколько тетрадей своих силуэтов и, получив от него благодарность и просьбу принять участие в изданиях «Посредника», сделалась до конца жизни его постоянной сотрудницей-иллюстраторшей. Силуэтные или акварельные иллюстрации ее были сделаны к книжкам Толстого «Первый винокур», «Сказка об Иване дураке», к сборникам «Цветник», «Малым ребятам», к «Перепёлке» Тургенева, «Медведям» Гаршина и мн. др. В серии картин, издаваемых «Посредником», ею сделана «Сказка о дедке и репке». В период борьбы с голодом, в 1891 г., Бём сделала ряд плакатов с изображением голодающих матерей и детей. Более подробные сведения о Бём см. в книжке С. Лаврентьевой «Друг детей Е. М. Бём», Пб., 1911 и у К. С. Шохор-Троцкого— «Е. М. Бём. Памяти отошедших друзей», Ежемесячн. журнал, 1915, 1.

69.

1885 г. Іюня 6—7. Я. П.

Въ послѣднемъ письмѣ я писалъ вамъ, что мнѣ хорошо; а теперь, отвѣчая на 2-ое письмо ваше изъ Англіи, полученное вчера, мнѣ нехорошо. Письменная работа нейдетъ, физическая работа почти безцѣльная, т. е. не вынужденная необходимостью, отношеній съ окружающими меня людьми почти нѣтъ, приходятъ нищіе, я имъ даю гроши, и они уходятъ, и на моихъ глазахъ въ семьѣ идетъ вокругъ меня систематическое развращеніе дѣтей, привѣшиванье жернововъ къ ихъ шеѣ. Разумѣется, я виноватъ, но не хочу притворяться передъ вами, выставлять спокойствіе, к[отораго] нѣтъ. — Смерти я не боюсь, даже желаю ее. Но это то и дурно; это значитъ, что я потерялъ ту нить, к[оторая] дана мнѣ Богомъ для руководства въ этой жизни и для полнаго удовлетворенія. Я путаюсь, желаю умереть, приходятъ планы убѣжать или даже воспользоваться своимъ положеніемъ и перевернуть всю жизнь. Все это только показываетъ, что я слабъ и скверенъ, а мнѣ хочется обвинять другихъ и видѣть въ своемъ положеніи что-то исключительно тяжелое. — Мнѣ очень тяжело вотъ ужъ дней 6, но утѣшеніе одно — я чувствую, что это временное состояніе, мнѣ тяжело, но я не въ отчаяніи, я знаю, что я найду потерянную нить, что Богъ не оставилъ меня, что я не одинъ. Но вотъ въ такія минуты чувствуешь недостатокъ близкихъ живыхъ людей — той общины, той церкви, к[оторая] есть у Пашковцевъ,[1] у православныхъ. Какъ бы мнѣ теперь хорошо было передать мои затрудненія на судъ людей, вѣрующихъ въ ту же вѣру, и сдѣлать то, что сказали бы мнѣ они. Есть времена, когда тянешь самъ и чувствуешь въ себѣ силы, но есть времена, когда хочется не отдохнуть, а отдаться другимъ, к[оторымъ] вѣришь, чтобы они направляли. Все это пройдетъ. И если буду живъ, напишу вамъ, какъ и когда это пройдетъ. — Вчера вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ получилъ письмо отъ Оболенского.[2] Онъ спрашиваетъ, что Сибиряковъ,[3] ищетъ мѣста, средствъ жизни и называетъ безвыходнымъ то положеніе, въ к[оторомъ] онъ находится и къ к[оторому] страстно стремлюсь вотъ уже 10 лѣтъ. Когда я самъ себя жалоблю, я говорю себѣ: неужели такъ и придется мнѣ умереть, не про-

живъ хоть одинъ годъ внѣ того сумасшедшаго безнравственнаго дома, въ к[оторомъ] я теперь принужденъ страдать каждый часъ, не проживъ хоть одного года по человѣчески разумно, т. е. въ деревнѣ не на барскомъ дворѣ, а въ избѣ, среди трудящихся, съ ними вмѣстѣ трудясь по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, обмѣниваясь трудами, питаясь и одѣваясь, какъ они, и смѣло, безъ стыда, говоря всѣмъ ту Христову истину, к[оторую] знаю. Я хочу быть съ вами откровененъ и говорю вамъ все, но такъ я думаю, когда я себя жалоблю, но тотчасъ же я поправляю это разсужденіе и теперь дѣлаю это. Такое желаніе есть желаніе внѣшнихъ благъ для себя — такое же, какъ желаніе дворцовъ, и богатства, и славы, и потому оно не Божіе. Это желаніе ставить палочку поперечную креста поперекъ, [4] это недовольство тѣми условіями, въ к[оторыя] поставилъ меня Богъ, это не вѣрное исполненіе посланничества. [5] Но дѣло въ томъ, что теперь я, какъ посланникъ, въ сложномъ и затруднительномъ положеніи и не знаю иногда, как лучше исполнить волю пославшаго. Буду ждать разъясненій. Онъ никогда не отказывалъ въ нихъ и всегда давалъ ихъ во время.

Л. Т.

Напечатано полностью в Б, III, Госизд., М., 1922, стр. 19—20. На подлиннике рукой Черткова: «Я. П. 7 июня 85» — вероятно, согласно штемпелю отправления. Возможно, что письмо было написано несколько раньше, чем отправлено. Датируем расширительно.

Письмо это написано в ответ на небольшое письмо Черткова из Ньюпорта от 29 мая. Чертков пишет: «Сейчас получил от вас письмо, в котором вы говорите про Сократа [письмо № 66 от 20—22 мая]. Когда кончите, пошлите П. И. Бирюкову в склад. Он знает, как поступить, чтобы возможно благоприятнее представить в цензуру...» Далее идет сообщение о результатах тех хлопот за политического заключенного Ершова, которые Чертков предпринял по просьбе Толстого (эта часть письма уже изложена нами в комментарии к письму № 62 от 13—14 мая). Во второй части своего письма Чертков пишет: «Вы спрашиваете, хорошо ли мне. Должно быть, хорошо, хотя я не особенно сильно это чувствую. Работаю много со своим молодым помощником В. Баттерсби над переводами ваших сочинений. Эта работа доставляет мне настоящее удовольствие».

[1] О В. А. Пашкове и пашковцах см. прим. 2 к п. № 22 от 24 июля 1884.

[2] О Л. Е. Оболенском см. прим. 8 к п. № 46 от 24 февраля 1885 г.

[3] О К. М. Сибирякове см. прим. 1 к п. № 53 от 16 апреля 1885 г. Оболенский, крайне стесненный в материальных обстоятельствах, ждал от него денежной поддержки.

[3] О символическом значении поперечной палочки креста см. прим. 7 к п. № 57 от 8 мая 1885 г.

[4] О «посланничестве» см. п. № 42, от 30 января—3 февраля 1885 г. и прим. 1 к нему.

70.

1885 г. Июня 9—10. Я. П.

Вчера получилъ ваше 3-е письмо изъ Англіи съ выпиской изъ Dymond'a. [1] Очень радуюсь тому, что вы узнаете квакеровъ. [2] Мнѣ всегда было очень сочувственно ихъ ученіе. Радуюсь тоже вашему успѣху по дѣлу Ершова. [3] Не могъ удержаться отъ чувства враждебнаго къ тѣмъ людямъ, к[оторые] мучаютъ этихъ несчастныхъ, при извѣстіи о томъ, что Ер[шова] освободили. Изъ этаго и прежде бывшихъ случаевъ ясно, что большинство сидящихъ сидятъ *такъ*, что стоитъ напомнить о нихъ, чтобы прекратить ихъ страданія и грѣхъ тѣхъ, к[оторые] ихъ мучаютъ. «Заключеннаго посѣтите». [4] Все Онъ сказалъ.

То, что вы говорите о Сократѣ, и правда, и нѣтъ, по моему. Правда важная и к[оторую] вы мнѣ часто напоминаете, что всякая ложь неизбѣжно влечетъ за собой зло, но неправда, мнѣ кажется, то, чтобы жизнь Сократа была дурная. По Эпиктету [5] и Платону напротивъ. Я согласенъ, что не слѣдуетъ приписывать Сократу того, что мы узнали отъ Христа, но и не слѣдуетъ подчеркивать того слабаго, что мы найдемъ въ немъ, если мы и найдемъ такое. Ваше замѣчаніе мнѣ полезно. Если я кончу это дѣло, то я воспользуюсь имъ — вашимъ замѣчаніемъ. — Благодарствуйте, что послали «Ma religion» Arnold'y. [6] Урусовъ очень плохъ. Онъ переѣхалъ къ Мальцовымъ въ Брянскій уѣздъ, и жена и семья его пріѣхали. Онъ не встаетъ. Не знаю, временное ухудшеніе это или конецъ. Я хотѣлъ ѣхать къ нему и телеграфировалъ, но жена его мнѣ отвѣчаетъ, что проситъ не ѣздить до полученія ея письма. А письма еще нѣтъ. Меня это удивляетъ. Мнѣ бы хотѣлось быть при его смерти, если мнѣ суждено умереть послѣ, также какъ хотѣлось бы самому умирать при близкихъ по духу людяхъ.

Отъ Сытина получилъ одушевленное письмо и 3 новые разсказа — вышедшіе. [7] Онъ предвидитъ успѣхъ и торжествуетъ.—

Я уже недѣли двѣ плохо живу — не тѣмъ, чтобы я дѣлалъ бы что-нибудь особенно дурное, но упадокъ силъ и потому не

работаю, какъ надо. Бродятъ разные планы писаній въ головѣ, а ничего не приводишь въ исполненіе.

Вчера вечеромъ пріѣхали изъ Рыбинска два гимназиста, прочитавшіе «Вѣру» и пріѣхавшіе за разъясненіями. [8] Одинъ уже писалъ два раза мнѣ. Наивные и серьезные юноши; и радостно, и жутко съ ними. Какъ бы не сдѣлать зла этимъ открытымъ душамъ. Передайте мой привѣтъ и желаніе душевнаго спокойствія вашей матушкѣ и привѣтъ Пашковымъ, о которыхъ я всегда думаю съ уваженіемъ и любовью. [9]

Полностью печатается впервые. Отрывок помещен в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 24—25. На подлиннике рукой Черткова пометка: «Я. П. 10 июня 85», вероятно, согласно штемпелю отправления. Датируем расширительно.

Письмо Черткова из Ньюпорта от 4 июня, на которое отвечает Толстой, начинается с радостного для них обоих сообщения о том, что хлопоты о политическом заключенном Ершове внезапно увенчались успехом (см. п. № 62 от 12—14 мая и прим. 1 к нему). Дальше Чертков пишет: «На этих днях я ездил в Лондон к одному очень известному издателю, чтобы справиться относительно лучшего способа издания ваших книг... Он просил меня дать ему прочесть всю книгу и после этого даст совет. Первую часть — Исповедь — я ему дал. Третья часть — Евангелие — совсем готова за исключением ссылок на стихи. Вторую часть — «Веру» в настоящее время привожу в окончательный вид, тщательно проверяя перевод по оригиналу... Надеюсь кончить приготовление к печати ваших 3-х сочинений к концу июня и вернуться в Петербург в первых числах июля. Battersby будет держать корректуру и сделает все остальное без меня... Здесь мы живем в местности, наполненной квакерами. Я несколько знакомлюсь с их литературою и, к радости своей, нахожу в их взглядах на некоторые вопросы много общего с нашим пониманием учения. Войну и присягу они безусловно отрицают. Их секта существует уже более 2-х столетий, и они успели выработать и исследовать очень основательно некоторые части учения Христа. Так напр., в книге Dymond [см. ниже, прим. 1], из которой посылаю вам выписку, замечательно полно и убедительно исследовано отношение Христа и его первых последователей к войне. Они большое значение придают положению Христа о непротивлении злу насилием. Но почему-то не доводят до конца начало. Так, например, признают суды. Автор книги, которую я теперь с наслаждением просматриваю, Dymond, умер в начале этого столетия. Выписка, которую посылаю вам, поразила меня своим сходством с одною мыслью, изложенною вами в предисловии к Евангелию. — Я достал очень талантливый исторический очерк о Савонароле и также с наслаждением читаю. Автор — Mrs Oliphant, одна из лучших английских писательниц. Она же написала жизнь «St. François d'Assis» [1871 г.], которую также приобрету. Нашел также книгу Фаррара: «Seekers after God» [«Искатели бога»], в которой изложены жизнь и учение Сенеки, Эпиктета и Марка Аврелия, как раз

тех людей, о которых вы находите нужным писать для народа. Книжку эту я вам доставлю по возвращении. Она тем хороша, что и отрицательная сторона этих людей беспристрастно обнаружена. По этому поводу откровенно скажу вам свое опасение, возбужденное жизнью Сократа — Калмыковой. Я избегал бы слишком крайней идеализации тех учителей, с которыми мы будем впервые знакомить народ в наших изданиях. Как всякое отступление от истины, такое отношение к предмету должно непременно принести свой дурной плод. Так, например, я слышу от людей (и в России и здесь), сведущих в истории, что личная жизнь Сократа была далеко не безукоризненная, что она даже была положительно во многих отношениях скверная. Если это так, то хорошо ли умалчивать про отрицательные стороны его характера? Не лучше ли показывать и дурные стороны даже и этих великих людей, так и называя их дурными. Про Христа и история ничего дурного не сохранила. Также и в отношении ко многим его последователям ничего дурного не сохранилось. Но это всё были люди, всецело охваченные той «верою», которую и мы с вами считаем единственным вполне истинным разумением... Во всяком случае, я уверен, что писать об этих великих людях необходимо, и с громадным интересом прочту жизнь Сократа, которая с самого начала мне страшно понравилась, а теперь, наверное, получила в 10 раз больше силы».

Заглавие книги Маргариты Олифант (1818—1897) с очерком о Савонароле, о которой говорит в этом письме Чертков, — «The makers of Florence: Dante, Giotto, Savonarola and their city», 1876. — Фред. Вильям Фаррар (F. W. Farrar, 1831—1903) — английский духовный писатель, проповедник при университетской церкви в Кембридже, автор переведенной на многие языки книги «The Life of Christ», 1874. — Сенека, которому посвящен один из очерков, входящих в книгу Фаррара «Seekers after God, 1869 г., — Л. Аннэй Сенека - младший (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) — философ стоической школы, автор многих трактатов на этические темы и нескольких трагедий. (См прим. 5 к п. № 68 от 4—5 июня 1885.)

[1] Ионафан Даймонд (1796—1828), выписку из книги которого прислал Толстому Чертков, — принципиальный противник войны. Упоминаемая здесь книга его — «An Enquiry into the accordance of War with the principles of Christianity», London, 1824. Цитаты из этой книги приводятся Толстым в сочинении его «Царство божие внутри вас» (см. т. 28). Присланная Чертковым выписка из Даймонда при письме его не сохранилась.

[2] Квакеры — английская религиозная секта, именующая себя «обществом друзей», отрицающая какую бы то ни было внешнюю церковь, отвергающая все таинства и обряды и вместе с тем всё то, что противоречит основам первоначального христианства — войну, насилие, присягу. Все члены общины должны трудиться, вести строгий образ жизни, чуждаться светских развлечений. Впоследствии они однако отступили от первоначального завета о необходимости трудовой жизни, и многие из них, наживаясь на торговле, сделались богатыми буржуа. Основателем секты в XVII в. был Джордж Фокс (1624—1691). Углубившись в чтение Библии, он пришел к выводу, что «истина заключается не в книгах, а в сердцах людей». Одним из ближайших последователей Фокса был Вильям Пенн, который

во время гонения, начавшегося на квакеров, задумал переселить их в Америку, где ими и была основана колония Пенсильвания, полностью осуществлявшая их религиозную и политическую программу. Одной из главных задач пенсильванских квакеров сделалась борьба с рабством негров. — Интересуясь квакерами, Толстой имел случай лично познакомиться с их представителями в 1890-х гг., когда двое из «общества друзей», Дж. Беллоуз и Эдм. Брукс, приехав в Россию для помощи населению голодающих губерний, дважды посетили его. О той помощи, какую квакеры оказали кавказским духоборам в период обрушившихся на них гонений и переселения их, хлопотами Толстого и его друзей, в Америку, можно судить по письмам Толстого 1898—1899 гг.

[3] О Ершове см. п. № 62 от 13—14 мая 1885 и прим. 1 к нему.

[4] Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 25-я, ст. 36, но не точная. У Матфея: «Был болен, и вы посетили меня; в темнице был, и вы пришли ко мне».

[5] «По Эпиктету» — очевидно, описка: вместо «по Ксенофонту».

[6] О пересылке Матью Арнольду французского перевода книжки «В чем моя вера» см. конец письма от 2 мая 1885 г. (№ 55) и прим. 13 к нему.

[7] Три только что вышедшие книжки «Посредника» были: «Где любовь, там и бог» и «Упустишь огонь, не потушишь» Толстого и «Дед Софрон» В. Савихина (о последней см. прим. 1 к п. № 45 от 15 февраля 1885 г.)

[8] Установить фамилии этих двух гимназистов не удалось.

[9] О В. А. Пашкове, женатом на тетке Черткова Александре Ивановне, см. прим. 2 к п. № 22 от 24 июля 1884 г.

* 71.

1885 г. Июня 17—18. Я. П.

Второй день, какъ получилъ ваше длинное письмо — два — съ выпиской изъ перевода.[1] Заглавія, которыя вы придумали, мнѣ кажутся очень хороши. — Переводъ слова «разумѣніе» — «spirit» и «understanding» кажутся мнѣ не вполнѣ соотвѣтствующими, но, сколько я знаю англ[ійскій] языкъ, мнѣ кажется, что нельзя иначе. И при чтеніи выписки меня ничто не шокировало. Вникнуть же глубже въ это я не то, что не имѣю времени, но меня не тянетъ. Я нарочно такъ пишу, п[отому] ч[то] этимъ я отвѣчаю на вашъ вопросъ. Считаю ли я хорошимъ отдаваться для выбора дѣятельности своимъ влеченіямъ ? — Знаю, что вы спрашиваете безъ задней мысли, и совершенно свободно и искренно отвѣчаю вамъ: я не то, что не хочу, но прямо не могу приписывать своему писательству никакого значенія. То, что мои писанія менѣе дурны, чѣмъ другія, не служитъ мнѣ доказательствомъ, что они хороши, полезны, не имѣютъ въ себѣ дурного передъ Богомъ. Кромѣ того — и, главное — для того,

чтобы они были наименѣе дурны, мнѣ надобно какъ можно менѣе думать о себѣ, придумывать ихъ, имѣть въ виду какіе бы то ни было результаты. И потому не могу считать эту дѣятельность опредѣленной для меня и наилучшей. Наилучшей считаю ту, кот[орая] отвѣчаетъ на требованія, заявляемыя ко мнѣ всякими людьми — въ духѣ отреченія отъ себя и любви къ нимъ. Требованія эти всякаго рода для каждаго изъ насъ; для меня въ числѣ ихъ есть требованія писательства, и я стараюсь удовлетворять имъ. Косить и работать никто отъ меня не требуетъ. И я желалъ бы отдавать этому свой досугъ — тѣмъ болѣе, что это хорошо, здорово дѣйствуетъ и на меня и на окружающихъ меня. Нынѣшній годъ вѣроятно мнѣ не удастся. Да и на здоровье дѣйствуетъ нехорошо.[2] Зачѣмъ вы спрашивали? Вѣдь я увѣренъ, что вы сами точь въ точь такъ же отвѣтили бы на тотъ же вопросъ. — Очень мнѣ жаль, что ваши отношенія съ вашей матерью тяжелы, и вы не можете выработать въ себѣ того смиренія и любви и главное — самоотреченія, при которой нѣтъ возможности разъединенія и страданія. Я старше васъ и страдаю тѣмъ же. Тяжело, стыдно бываетъ, но одно утѣшеніе, что лучше, чѣмъ было прежде.—Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, если бы мы были тѣмъ, чѣмъ мы хотимъ быть— христіанами, исполняющими главный законъ Его, отреченія отъ себя, кто же бы сердился и раздражался въ насъ. Его нельзя въ насъ обидѣть. Онъ самъ стоялъ и постоитъ за себя.—

Думалъ сейчасъ, какое бы придумать заглавіе *Что же н[амъ] д[ѣлать]* и не придумалъ. «*Могу ли я помогать ближнему?*» *Какова моя жизнь? Великое (дѣло добро)*? Не придумаете ли вы? [3]

Я узналъ, что въ Дѣтской помощи издатель священникъ [4] напечаталъ мой переводъ съ примѣчаніями Ученія 12 апостоловъ и что на него за это напали. Я никакъ не думалъ, что его напечатаютъ, и потому оставилъ очень много небрежнаго и слишкомъ смѣлаго, неоправданнаго въ переводѣ. Я не видалъ напечатаннаго. Они мнѣ прислали 25 экз[емпляровъ] въ Москву.—

Я написалъ еще разсказъ для *васъ и, кажется, лучше прежнихъ*.[5] Объ редакторствѣ я съ вами во всемъ согласенъ; но мнѣ кажется, вамъ надо тутъ быть. Впрочемъ это сдѣлается само собой. Вотъ вы въ такомъ же положеніи, какъ и я. Къ вамъ заявляются требованія, к[оторыя] вы признаете правильными. И какъ я радъ, что есть такія требованія, к[оторыя] я

могу удовлетворить, такъ и вы должны радоваться, т[ѣмъ] болѣе, что ваше дѣло нужнѣе и главное чище — меньше самолюбія, личности, а больше труда.

Ссылки на стихи, если не успѣете проставить, то не бѣда, не нужно.[6]

Полностью печатается впервые. Отрывок был помещен в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 25. На подлиннике рукой Черткова: «Я. П. 18 июня 85 г.». Датируем, исходя из того, что эта пометка соответствует штемпелю отправления и что письмо могло быть отправлено на день позже, чем было написано.

Толстой отвечает здесь на большое, двойное письмо Черткова из Ньюпорта от 9 и 10 июня. Начало этого письма является ответом на соображения Толстого, касающиеся редакторства Бирюкова или Черткова в задуманной Сибиряковым народной газете (см. письмо от 1—2 июня, № 67). «Письмо ваше я получил одновременно с письмом от Бирюкова и с вашим к нему, — пишет Чертков. Я ему написал, что после вашего отзыва еще больше убедился, что ему следует быть редактором. Вы признаете за ним нужные для этого качества. А относительно направления, с тех пор, как вы его видели, он очень утвердился, и даже, при совместном разборе рассказов и переложений для издания, он меня поражал определенностью своей оценки и настойчивостью, с которой он придерживался христианского направления. Я ему предложил для успокоения его совести, чтобы мы были совместными редакторами: он действительным, работающим, а я — для совместного разрешения вопросов о направлении в затруднительных случаях... Относительно отношения газеты к цензуре я, кажется, вам уже писал..., что существование газеты можно обеспечить, если поставить себе правилом балансировать между максимумом того положительно-хорошего, что возможно будет проводить, и минимумом, т. е. одним систематическим избежанием всего дурного с нашей точки зрения. В этих границах всегда будет что-нибудь хорошее... Если вы этому сочувствуете, Лев Николаевич, то хорошо было бы, еслиб вы снеслись по этому поводу с Сибиряковым. Кажется, не следовало бы упустить этот случай воспользоваться его добрым поползновением... Если начать издание, то с января. А для этого уже пора готовиться. В начале Июля, если я вернусь в Россию, то могу заняться устройством этого дела». Следующая часть письма Черткова посвящена вопросу о подготавливаемой им к печати книге Толстого на английском языке. «Я здесь много работал с Battersby над вашим кратким изложением Евангелия, — говорит он. — Всё проверил. Всё, кажется, выходит понятно и хорошо за исключением одного слова — разумение — которое еще труднее перевести на английский язык, чем «logos» на русский. Введение долго было совсем непонятно для английского читателя. Только теперь, переводя «разумение» местами словом «spirit», местами «understanding», оно стало совсем понятным и, кажется, сохранило вашу общую мысль. На всякий случай присылаю вам на утверждение или для замены другим словом по вашему усмотрению... Слова, подчеркнутые синим, у вас в оригинале выражены одним

и тем же словом «разумение». — Мне пришлось прийти к заключению, что я не успею найти ссылки на евангельские стихи. «Вера» потребует еще много работы. А потому, если можете получить от Урусова... эти ссылки, то пришлите мне. В противном случае придется издать без них. Я обсуждал здесь общее заглавие всех трех книг и убеждаюсь, что слово rational в заглавии «a rational Christian faith» [«разумная христианская вера»] может многих предубедить против книги, как вы сначала и подумали. Мне в голову пришло другое заглавие, которое здесь встречает сочувствие, а именно «Christ's Christianity» [«Христианство Христа»]. А затем каждая книга имела бы свое частное определение: 1. How I came to believe [«Как я пришел к вере» — «Исповедь»]. 2. What I believe [«В чем моя вера»]. 3. The spirit of Christ's Teaching [«Дух учения Христа» — «Краткое изложение Евангелия»]. Согласны ли вы с этим?.. — Я так рад, что вы согласны относительно заглавия «Что же *нам* делать». Я столько раз видел, что заглавие это портило впечатление от статьи... По желанию Свешниковой я привез из России экземпляр «Веры» и «Что же нам делать» и доставил одной ее знакомой в Париже, которая в свою очередь, вероятно, сдаст для издания в Женеве на русском языке (пока издана только «Исповедь»)... Я по случаю доставил в Россию 2 экз. «Веры» по-немецки и 2 «Исповеди» по-русски, которые поручил Бирюкову послать вам по почте в Тулу вместе с книгою, которую посылает вам Mathew Arnold с своими «compliments» [приветствиями] в ответ на вашу «Ma religion», которую я ему доставил. Он говорит, что это — продолжение или в связи с той книгой, которую вы прочли». [См. прим. 13 к п. № 55 от 2 мая 1885 г.] — Продолжая свое письмо на следующий день, 10 июня, Чертков говорит (цитируем с значительными сокращениями): «Всё то, что вы говорите про вашу статью, обращенную к вашему кружку, я совершенно понимаю... и даже сочувствую вам в этом чувстве. Дай бог вам скорее сказать, что нужно (не больше) и освободиться от этой статьи. Меня так обрадовало ваше сообщение о том, что вы написали еще рассказ, и мне так хочется его прочесть... Я ценю каждый ваш рассказ. Но мне кажется..., что когда вы освободитесь от той статьи и вполне отдадитесь писанию для всех, то эти рассказы еще больше выиграют, не каждый в отдельности, а все вместе. Вы теперь занимаетесь ими между прочим. Когда будете ими исключительно заниматься, то будете выбирать более разнообразные темы... Применение учения Христа так же разнообразно, как и сама жизнь... Мне еще очень интересно и не вполне ясно еще ваше отношение к определенной работе и к временным влечениям. Признаете ли вы, что следует до известной степени выяснить то, что следует делать,.. и по возможности придерживаться этого, волею отстраняя другие влечения, которые могут мешать этому делу? Или вы считаете, что следует отдаваться тем влечениям, которые в данную минуту испытываешь, лишь бы они не были дурными? С тех пор, как знаю вас, меня этот вопрос в вас интересует очень, я вас наблюдаю и не могу хорошенько разобрать. Вы часто говорите о внутренней потребности, объясняя этим то или другое, что вы делаете или не делаете. Считаете ли вы, что свобода духа именно заключается в этой возможности отдаваться своим влечениям, не связывая себя определенной деятельностью или определенными задачами?.. Этот вопрос у меня у

самого далеко не выяснен, и мне хотелось бы знать, как вы относитесь к нему. Сейчас он вновь возбудился тем, что вы говорите, что вас тянет работать в поле, косить, рубить. В прошлом году вы на это потратили много времени. А мы ожидаем от вас побольше вашего специального товара — результата писательского «ремесла», как вы сами выражаетесь... Я готов радоваться тому и другому, но, не зная еще ваших оснований, не могу не жалеть, когда узнаю, что вы отдаетесь влечению к ручному труду. Или это только развлечение, необходимое для бодрости духа? — ...Я вполне сочувствую тому, что вы говорите про учение Сократа, и при чтении рассказа Калмыковой получил именно такое впечатление. Но мне кажется, что именно потому, что учение его ниже учения Христа, не следует его идеализировать. Если мы считаем учение Христа выше всякого другого учения, то нам следует всегда так и говорить... Вот я рассуждаю развязно об учении Христа. А между тем внутри меня нет той любви, того смирения, без которых не следовало бы и касаться этих вопросов... Вот хоть сейчас. Я имел разговор с матерью. Отношения мои с нею нехороши. Она думает, что вина моя, я думаю, что ее. Выходит разговор неприятный, больной и для нее и для меня. Разумеется, я виноват, а между тем не умею исправиться. Я очень скверен..., а занимаюсь изданием книг, в которых проводится любовь к ближнему до самозабвения, — очищением этих книг от всяких дурных пылинок. Согласитесь, что в этом есть что-то несообразное. Не лучше ли быть полотером, или там вообще заниматься каким-нибудь скромным темным делом в уголку, в глуши. Я последнее время всё больше и больше об этом думаю, и меня всё больше тянет жениться на крестьянке и зажить среди крестьян, деля их скромные интересы, делая для них, что можешь, и, разумеется, несравненно больше получая от них. Однако оставлю мечты, покуда несбыточные, и вернусь к изданиям... Житие Петра Мытаря я поручил составить Беликову. Я послал ему также жизнь Савонаролы, которую здесь прочел. Она произвела на меня очень сильное впечатление, и я указал Беликову [см. прим. 10 к п. № 67 от 1—2 июня], как по-моему следовало бы ее переложить, не стушевывая его отрицательных сторон. Несмотря на все свои великие достоинства, он был суеверен и церковник..., но это нисколько не умаляет его хорошие стороны, и даже придает его жизни особенно живой, страстный характер... Теперь я стал читать жизнь «François d'Assis», изложенную тою же даровитою писательницею — Mrs Oliphant. Судя по первым страницам, эта книга еще больше подходит для нас. Тон его жизни и самого изложения мне ужасно нравится, и я чувствую, что чем дальше, тем будет увлекательнее. У меня теперь есть целый запас книг с сюжетами из гонения на христиан. Я думаю, что из них можно будет составить несколько хороших книжек, которые с успехом будут конкурировать с разбойничьими лубочными рассказами, в смысле описания волнующих происшествий. Свешникова [см. прим. 8 к п. № 67 от 1—2 июня] сначала взялась немного исправить Катакомбы, но потом убедилась, что следует совсем переделать слог. Она предложила это сделать даром. Вообще мы с ней согласились, что подобные переложения мы будет заказывать через нее... Я вам еще не писал, что в Петербурге мы сошлись с одною курсисткою Дитерихс [А. К. Дитерихс, вышедшая

в 1886 г. замуж за Черткова,—см. коммент. к п. № 119 от конца сентября—начала октября 1886 г.], которая *вполне* разделяет нашу веру и поэтому искала и нашла случай с нами познакомиться. Она нам значительно помогла в разборе книг и изложила житие Филарета Милостивого. Житие это вышло совсем особенного характера. Мы осветили жизнь Филарета многими выписками из Евангелия. Вышло поразительно сильно, в роде живого комментария, хотя с художественной стороны это изложение далеко уступает Беликовским. Но я знаю, что такое житие страшно понравится всевозможным сектантам и молоканам, которые ценят книгу в зависимости от ее связи с содержанием Евангелия и для которых великая радость находить ссылки на Евангелие и таким образом глубже вдумываться и в Евангелие, и в самый рассказ. Очень мне интересно знать, как вам понравится это житие. Дитерихс вложила туда много своего внутреннего чувства, и вышло трогательно и убедительно. Нравится мне в Филарете и то, что он был веселый, даже в душе шутник, и с легким сердцем делал свои дела любви. Местами это очень трогательно и смешно. Отношения его к жене замечательно реальны. Я вам доставлю этот рассказ».

[1] «Выписка из перевода», о которой упоминает здесь Толстой, до нас не дошла. По письму Черткова видно, что речь идет о выписке того места из Введения в «Краткое изложение Евангелия», которое стало понятным на английском языке только в виду того, что в одном случае слово разумение переводилось английским словом spirit (разум), в другом случае — словом understanding (понимание).

[2] В предыдущей фразе Толстой говорит, что такой физический труд, как косьба и т. п. «здорово» действует на него и на окружающих, и замечание его, что этот труд нехорошо действует на здоровье, с первого взгляда противоречит этому. Но, повидимому, в первом случае он имеет в виду психическое, моральное здоровье свое и окружающих, тогда как во втором случае говорится о физическом здоровье.

[3] О перемене заглавия статьи «Так что же нам делать» см. письмо Черткова от 22 мая в коммент. к п. № 67 от 1—2 июня.

[4] Григорий Петрович Смирнов-Платонов (1825—1898), редактор-издатель журнала «Детская помощь» (1885—1894), посвященного вопросам защиты детей и издававшегося на филантропические средства. Переведенное Толстым «Учение двенадцати апостолов» (см. прим. 2 к п. № 45 от 15 февраля 1885 г.) было напечатано там в № 8 (от 24 мая) 1885 г. без подписи Толстого, как переводчика, под заголовком «Учение Господа, преподанное народам двенадцатью апостолами, с предисловием и послесловием Толстого». О надежде своей увидеть этот перевод в «Детской помощи» после того, как В. Н. Маракуеву не удалось провести его в цензуре для отдельного издания, Толстой писал в начале мая кн. Л. Д. Урусову: «...Священник, бывший издатель «Православного обозрения», Смирнов-Платонов... обещался напечатать мой перевод «Учения 12 апостолов» с моим послесловием». Слова Толстого о том, что он оставил в переводе «слишком много небрежного» нужно принимать с оговоркою: от работы его над этим переводом сохранилось двенадцать редакций (см. комментарий к «Учению двенадцати апостолов» в т. 25). О «скандале»,

вызванном в духовных журналах напечатанием перевода Толстого в «Детской помощи», упоминается и позднее — в письме Черткова от 25 августа 1885 г. (см. комментарий к п. № 77 от 29—30 августа 1855).

[5] Рассказ, о котором говорит здесь Толстой, несомненно — «Два старика». В это время он был уже написан: в письме от 18 июня к Н. Я. Данилевскому Н. Н. Страхов, гостивший в то время в Ясной поляне, называет этот рассказ, рядом со «Свечкой», в числе вновь написанных рассказов Толстого, прибавляя к этому: «все это он делает для тех народных изданий, которые я вам показывал; два последние рассказа удивительны по своей художественности и по чудесному смыслу; они взяты из народных рассказов». (См. письма Н. Н. Страхова к Н. Я. Данилевскому в журнале «Русский вестник», 1901, 3.) Из двух названных Страховым рассказов — «Два старика» и «Свечка» — первый, как видно из комментариев Бирюкова к еще ненапечатанной «Переписке» его с Толстым и из письма того же Бирюкова к Черткову (АЧ), был сравнительно обработан и прислан в редакцию «Посредника» ранее второго. Однако, и отослав его в редакцию, Толстой продолжал делать дополнительные исправления в нем. Цензурное разрешение на него было получено в октябре 1885 г., и вскоре он был выпущен в свет с рисунками А. Д. Кившенко. Имени Толстого по цензурным соображениям на нем не было обозначено.

[6] О ссылках на ст. Евангелия, которые Чертков хотел получить от Урусова, см. прим. 3 к п. № 49 от 17—18 марта 1885.

Отвечая на это письмо Толстого, Чертков, между прочим, говорит: «Относительно заглавия... статьи «Так что же нам делать» мне кажется, что нельзя лучше придумать, чем одно из приведенных вами: «Какова моя жизнь». Это просто и вполне соответствует духу статьи... Пожалуйста... сообщите мне ваше окончательное решение относительно заглавия и могу ли я послать вышеприведенное заглавие женевским издателям...» — Ответ на этот вопрос см. в письме Толстого № 73 от 3 и 4 июля.

* 72.

1885 г. Июня 23—24. Я. П.

Письмо ваше въ отвѣтъ на мое застало меня, какъ вы и угадали, въ лучшемъ состояніи. То, что я писалъ вамъ, то говорилъ и говорю себѣ: если я христіанинъ, т. е. отрекся отъ себя, то нельзя мнѣ ни на кого сердиться и ничѣмъ огорчаться, и жизнь моя будет неперестающей радостью, чего и хотѣлъ Богъ и чему научилъ насъ Христосъ. И иногда — хорошо. Часто даже. Мнѣ сейчасъ, нынче грустно, больно за дѣтей, за жену, за ихъ безумную и жалкую жизнь, но не сержусь, не желаю ничего, а только думаю и ищу, какъ имъ любовно помочь. И если буду живъ, найду. — Получилъ ваше письмо Сиротининой.[1] Очень хорошо и полезно. Послалъ. Вчера получилъ отъ Сытина

извѣстіе, что картинки Искуш[еніе] и Истязаніэ запрещены.[2] Это будетъ жалко, но [не] будемте унывать и сердиться. Пропустятъ другое. — Получилъ житіе Филарета Мил[остиваго].[3] Прекрасно. Я не стану трогать. — Очень хорошо. Я помню, что когда онъ ходилъ съ ящикомъ съ тремя отдѣленіями — золотымъ, мѣднымъ, серебрянымъ, — то случилось, что одинъ нищій получилъ мѣдную и забѣжалъ опять. Ему сказали: онъ уже получилъ. Тогда Ф[иларетъ] далъ серебряную монету. Нищій переодѣлся и забѣжалъ опять. Филарету указали, что это тотъ же, обманываетъ. Тогда Ф[иларетъ] далъ ему золотую монету. И когда у него спросили, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, онъ сказалъ: я боюсь, что не самъ ли это Христосъ искушаетъ меня.[4] Мнѣ это очень нравится. Только не изъ житія ли это Іоанна, тоже Милостиваго. Я боюсь, что это письмо не застанетъ васъ въ Лондонѣ, и потому не хочется писать. Радуюсь мысли, что вы пріѣдете въ Ясную. Пріѣзжайте, если можно.

Свои мысли о томъ, какъ, вы думаете, мнѣ надо поступить, непремѣнно напишите или скажите. Мнѣ нужно это знать. До свиданья.

Л. Т.

Полностью печатается впервые. Отрывок напечатан под ошибочной датой 18 июня в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 25—26. На подлиннике рукой Черткова пометка: «Я. П. 24 июня 85» — вероятно, согласно штемпелю отправления. Датируется расширительно.

Толстой отвечает здесь на письма Черткова от 14 июня из Ньюпорта и 15 июня из Лондона. Первое из этих писем является ответом на то письмо Толстого от 6—7 июня (№ 69), которое он писал в состоянии душевного упадка и отчаяния от бессилия изменить жизнь своей семьи. Чертков пишет ему по этому поводу (цитируем с значительными сокращениями): «Дорогой Лев Николаевич, милый друг, я получил вчера ваше письмо, в котором вы говорите о ваших затруднениях, и, если возможно, полюбил вас еще больше, почувствовал себя еще ближе к вам. Всё, что вы чувствуете, я так хорошо понимаю. Мне самому подобное состояние так сродно. Мне больно за вас, что вам приходится страдать, я хотел прибавить, что мне жаль, но мне не жаль — я так уверен, что это нужно, и что это приведет вас к хорошему, к лучшему, к такому, до чего другим путем невозможно было бы дойти... Я так в этом уверен, что думаю, что к тому времени, как вы получите это письмо, вы уже, вероятно, будете в этом состоянии удовлетворительного разрешения временного затруднения. А потому почти напрасно с моей стороны высказать вам все те мысли, которые возбудило во мне ваше письмо. Я однако их выскажу, потому что не могу говорить вам другого, как только то, что думаю и чувствую в данную минуту под данным впечатлением... Я пишу любя вас больше, чем могу сказать, и

всё время сознавая, что я могу вполне ошибаться. Но приготовьтесь слышать вещи неприятные, я хочу говорить без оговорок и смягчения, потому что думаю, что так следует, мне это диктует любовь. — Вы говорите, что живете в обстановке, совершенно противной вашей вере. Это совершенно справедливо. И потому вполне естественно, чтобы у вас по-временам являлись планы убежать или перевернуть всю семейную обстановку. Но я не могу согласиться с тем, что это доказывает, что вы слабы и скверны. Напротив того, сознание в себе возможности стать в случае нужды совсем независимым от окружающей обстановки, направить свою фактическую жизнь по совершенно новой линии, доказывает только присутствие силы. И... убежать или перевернуть жизнь — в моих глазах вовсе не такие действия, которые сами по себе были бы вперед предосудительны. Христос так сделал и увлекал других именно по этому пути. Учение Его вполне революционное. Помните, вы мне приводили китайскую мысль: «Возобновляй сам себя каждый день сначала и опять сначала, и всегда сначала». Такое состояние требует готовности, если нужно, проявить это возобновление хотя бы и в совершенно непредвиденной и радикальной форме. Не говорю, чтобы непременно следовало привести в исполнение временное желание убежать и что-нибудь подобное.. Можно только отдаться такой потребности, когда чувствуешь, что она почти непреодолима, когда знаешь всю ее силу... Но раньше всего... следовало бы сделать всё возможное, чтобы, не изменяя фронта, привести в действие все орудия убеждения и привлечения окружающих к тому, что сам считаешь истиною. Если сидишь в тюрьме, то прежде всего следует убедиться, не представляется ли в самой этой тюрьме возможность исполнить задачу посланничества (как вы это называете); если да, то это именно и есть моя задача, потому что никто другой из живущих вне тюрьмы, на свободе, не в состоянии ее исполнить. Но если в тюрьме сознаешь себя связанным по рукам и по ногам и в одиночном заключении, или подвергаешься истязаниям, которые организм буквально не в состоянии вынести, то, разумеется, не только можно, но и должно постараться убежать, для того чтобы опять стать в условия возможности служения. Вот в этом-то и весь вопрос — сделали ли вы всё, что можете, в вашей тюрьме? Вы одни можете решить этот вопрос... Желаете ли вы, чтобы я сообщил вам свои мысли об этом?.. Хотелось бы видеть ваше выражение, слышать от вас поощрение раньше, чем говорить». Заканчивая свое письмо уже несколько часов спустя, Чертков сомневается даже, должен ли он высказать те критические соображения относительно жизни Толстого, которые шевелятся в нем. «Быть может, вовсе и нет надобности, чтобы я сообщал это вам даже, — пишет он. — Вы часто говорите, что слишком меня любите, чтобы порицать меня. Не знаю, отсутствие порицания есть ли непременно условие любви. Я по крайней мере иногда не одобряю вашего поведения в некоторых случаях и между тем очень, очень вас люблю». В дальнейшем, по просьбе Толстого, выраженной в настоящем письме, Чертков высказал то, чего не договорил в цитированном письме [см. ниже в комментарии к п. Толстого № 75 от 23—24 июля 1885 г.].— Маленькое письмо Черткова от 15 июня затрагивает уже другую тему. В нем он говорит: «Посылаю вам письмо, которое я почувствовал непре-

одолимую потребность написать в ответ на письмо одной курсистки [Сиротининой], сочувствующей народной литературе (см. ниже прим. 1.) Ее письмо также прилагаю. Мне хотелось поделиться с вами своими впечатлениями и тем чувством, которое во мне возбудило ее письмо... По прочтении, пожалуйста, пошлите оба письма в прилагаемом конверте Бирюкову, который доставит по назначению».

[1] Анна Николаевна Сиротинина (р. 1860), вышедшая вскоре замуж за кн. Д. И. Шаховского, сестра известного терапевта проф. В. Н. Сиротинина. Окончив в 1884 г. Петербургские высшие женские курсы, работала в воскресной школе и давала частные уроки. Принадлежала к кружку Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбургов и Д. И. Шаховского, изучавшему народную литературу (см. комментарии к п. № 43 от 5—6 февраля 1885 г.). Желая принять участие в работе «Посредника», она вошла в переговоры с Чертковым, причем между ними обнаружились некоторые разногласия по вопросам принципиального характера. Об этом свидетельствуют сохранившиеся у А. Н. Сиротининой-Шаховской письма к ней Черткова от 16 мая и 15 июня 1885. Этому последнему письму, касающемуся вопроса о «переделке» или обработке исторических рассказов, Толстой и выражает в комментируемом письме свое полное сочувствие. В письме этом Чертков пишет: «Вы говорите, что «в исторических явлениях всё построено на стороне фактической и скорее говорит за неизбежность, причинность явлений... Они учат не как учение, а как могут учить факты из жизни в известной связи»... Вы говорите о людях, как будто они стадо бессознательных животных, действующих только в зависимости от неизбежных законов инстинкта. Я признаю в людях сознательность и возможность отличать хорошее от дурного и в зависимости от силы и искренности этого сознания вносить в цепь причинностей новые элементы, которые могут заставить человека уклониться от направления общего течения и даже поплыть против течения. Факты истории меня учат тому, что ряд безобразных явлений доводит человечество до того безобразного личного, общественного, государственного, экономического состояния, в котором оно теперь находится... Передавая читателю сведения об исторических событиях, я хочу не искажать эти события, а передавать и мое отношение к ним, как решительно все учебники истории... передают отношение к этим событиям того государства, которое рекомендует эти учебники в виде руководств в школе, и как все отдельные историки делают, освещая события в зависимости от взглядов своей научной или политической партии и в редких случаях — сообразно со своей личной самостоятельной оценкою... Для того чтобы передавать свое личное отношение к историческим фактам, нет надобности ни искажать их, ни делать нравоучительные отступления. Это достигается просто выбором того или другого предложения, иногда только того или другого слова».

[2] Воспроизведение картины французского художника Ари Шеффера (1795—1858) с текстом из Евангелия от Матфея, гл. IV, ст. 1—11 вверху картинки и текстом Толстого под картинкой. О картине «Истязание Христа» (иначе «Бичевание Христа») см. прим. 3 к п. № 51 от начала апреля 1885 г. О цензурных затруднениях, связанных с выпуском

этой последней картины, Бирюков пишет Черткову в Англию 27 июня 1885 г.: «В картине «Бичевание» цензура не одобрила текста [Толстого]. Цензор написал по своему, — конечно, в обратном смысле. Л. Н. говорит, что воины не били бы Христа, если бы им не велели, а цензор говорит: смотрите на жестокосердных воинов. И остальное в таком же роде. Мне кажется, что в таком роде, как написал Л. Н., никакая цензура не пропустит» (АЧ). В конечном счете, после некоторых смягчений, текст обеих картин прошел цензуру.

[3] О книжке «Житие Филарета милостивого», написанной А. К. Дитерихс, см. в комментарии к предыдущему письму, от 17—18 июня (№ 71). Книжка вышла в свет в том же 1885 г.

[4] Рассказанный здесь Толстым эпизод, отнесенный им к Филарету Милостивому, действительно имеется в Четьи-Минеях в житии Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского (ум. в 617 г.). Иоанн милостивый был избран на патриарший престол по желанию народа, причем он роздал всё свое личное имущество нищим, а в доме своем устроил приют для бедствующих.

* 73.

1885 г. Июля 3 и 4. Я. П.

Опять довелъ до поздней ночи, не написавъ вамъ. Я виноватъ — могъ бы успѣть, да все нездоровится, и я въ слабости. Нездоровится — желудокъ, печень. Спасибо за ваши письма. Я на два не отвѣчалъ. Разсказы я не могу переписать, я послалъ уже ихъ Сытину и надѣюсь, что онъ скоро пришлетъ набранные. Картинки Крамского было бы чудесно.[1] — Переводъ Поповъ можетъ печатать, какъ онъ хочет.[2] Я ничего не имѣю противъ. — Радуюсь мысли увидать васъ. Когда пріѣдете въ Москву, пріѣзжайте пожалуйста къ намъ. — Бирюкова письмо получилъ. Не успѣлъ еще отвѣтить. До свиданья.

Л. Т.

Вчера, 3-го, написалъ вамъ это безсодержательное письмо. Оно не поспѣло на почту, и нынче получилъ отъ Бирюк[ова] телеграмму, что вы еще остаетесь въ Англіи на мѣсяцъ. Мнѣ это жалко съ трехъ сторонъ: за себя, что долго васъ не увижу, за дѣло, для к[отораго] ваше присутствіе полезно, и для васъ, п[отому] ч[то] вамъ вѣрно хотѣлось быть въ Россіи. Но радуюсь тому, что вы очевидно остались потому, что такъ нужно не для васъ, а для другихъ. А это всегда радостно сдѣлать, если только удается сдѣлать это съ добротой и безъ сожалѣній. Заглавіе статьи, если вы одобряете, такъ и пошлете.[3] —

Не знаю, что можетъ выйти изъ вашего плана разсужденій между лицами, взятыхъ изъ комментарій на Евангелія, только сомнѣваюсь. — Буду писать подлиннѣе въ слѣдующій разъ. Чувствую усталость и надо написать еще 10 писемъ. Только вы не забывайте меня, а пишите почаще.

Л. Т.

Вотъ адресъ отца нашей гувернантки. [4]

Полностью печатается впервые. Небольшой отрывок напечатан в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 26. На подлиннике рукой Черткова пометка: «Я. П. 4 июля 85». Датируем соответственно указанию, заключающемуся в тексте письма.

В промежутке времени между предыдущим и этим письмом Толстого он получил четыре письма от Черткова: от 19, 24, 25 и 26 июня. Большая часть первого из них, от 19 июня, написанного в Ньюпорте после возвращения из поездки в Лондон, посвящена лондонским пашковцам, к которым принадлежала и мать Черткова, Елизавета Ивановна, принимавшая участие в евангелической майской конференции и посещавшая собрания евангелистов, на которых они проповедывали, молились и пели. Двое или трое единомышленников его матери занимались благотворительностью в самом бедном квартале Лондона, East End, и Черткова поразило, что «люди богатые, поющие гимны, торжественно читающие Евангелие со своими домочадцами..., могут спокойно пользоваться такой роскошью тогда, когда они знают, что в East End тысячи работников без заработка умирают почти с голода...» По вопросу, затронутому в предыдущем письме, о применении взглядов Толстого в его семейной жизни, — Чертков пишет на этот раз: «Я очень рад, что случай помешал мне докончить то письмо, в котором я хотел надавать вам советов о том, как обойтись с вашими семейными. Я теперь ясно чувствую, что... вы сами знаете всё то, что я могу вам сказать... Мне иногда кажется, что никто так, как вы, не сумел бы изложить в форме живого рассказа все те затруднения, сомнения и ошибки, через которые неизбежно должен проходить каждый, ставший христианином и имеющий семью, не разделяющую его веру. Такого рода повесть, изложенная в форме доступной всем, хотя бы и из среды людей культурных, принесла бы много пользы и ободрила и поддержала бы многих, потому что... положение это присуще многим...» «В заключение этого письма Чертков сообщает, что приехавшая в Лондон miss Frears (см. прим. 2 к п. № 64 от 16 мая) привезла ему, наконец, рукописную копию соч. Толстого «Соединение, перевод и исследование 4-х Евангелий», и просит сообщить адрес отца гувернантки Толстых, miss Gibson, которому она послала с Чертковым какие-то пакеты.

В письме от 24 июня Чертков высказывает мысль, к которой Толстой в своем ответе отнесся с некоторым сомнением: «Лев Николаевич, — пишет он, — я получил вашу рукопись и с большим удовольствием просматриваю. Эта рукопись дала мне мысль, кажется, хорошую. Но мне нужно знать ваше мнение. Вы помните рассказ «Катакомбы», который вам понра-

вился (см. № 58 от 9 мая 1885 и прим. 1 к нему). Мне кажется, что такие книги имеют большое значение в том отношении, что содержание их со стороны животрепещущего интереса самих эпизодов может успешно конкурировать с лубочными разбойничьими рассказами... В каждой из подобных книг, рядом с людьми, обратившимися ко Христу, описываются язычники, которые постепенно привлекаются к нему примером последовательности мучеников и, главное, неопровержимою истиною самого учения. Авторы этих книг, описывая самое учение Христа, разумеется, вкладывают в изложение свое собственное понимание этого учения, часто очень низменное и ничем не отличающееся от обыкновенной церковной веры в личную выгоду мученического венца в этой жизни ради приобретения больших личных выгод в будущей жизни. Если нельзя отрицать, что мученики первых веков верили в личную загробную жизнь и что эта уверенность отчасти поддерживала их при перенесении страданий, однако я не могу согласиться... что этот ошибочный расчет на личную выгоду служил их единственным побуждением. Им были близко знакомы те же писания, из которых мы теперь черпаем учение Христа о смысле жизни... А потому у меня и явилась мысль местами заменить вымышленные автором разговоры о духе учения Христа переложениями в подходящую форму некоторых мест из вашего изложения Евангелия. Разумеется, сделать это следует осторожно и разумно, не допуская никаких натяжек и сохраняя всё время полную естественность рассказов».

Письмо Черткова от 25 июня является ответом Толстому на его письмо от 17—18 июня (№ 71) и потому цитировано нами в заключительной части комментария к этому письму. — 26 июня Чертков вновь пишет Толстому. В этом небольшом письме он говорит: «Хочу сказать вам два слова деловых по поводу ваших двух рассказов последних, которые я еще не читал («Два старика» и «Свечка»). Я говорил с Крамским по поводу рисунков в наших книжках, и он имеет очень верное понятие о том, каковы должны быть рисунки в подобных книжках, и совершенно справедливо не одобряет приемы исполнения некоторых из наших рисунков, которые нарисованы слишком эскизно и неопределенно. Он обещался нарисовать для нас летом несколько рисунков, если я доставлю ему рассказы. Это было бы очень желательно... А потому хочу предложить вам следующее: не пошлете ли вы мне в склад черновые ваших последних двух рассказов. Тотчас по прибытии в Петербург я переписал бы их набело и сам понес бы к Крамскому, который проводит лето в окрестности Петербурга. Этим мы получили бы наилучшие возможно рисунки и, вообще, подвинули бы вперед доброкачественность наших изданий. Мы воспроизвели бы их новым способом, «цинкографией», о котором меня Сытин уже давно спрашивал».

[1] Об И. Н. Крамском см. прим. 4 к п. № 37 от 2 декабря 1884 г. Обещание Крамского сделать рисунки к рассказам Толстого осталось неисполненным.

[2] О переводе соч. Толстого «В чем моя вера», сделанном Л. Фрирс и К. Поповым, см. прим. 2 к п. № 64 от 16 мая 1885 г.

[3] Речь идет о перемене заглавия статьи «Так что же нам делать». В

письме от 17—18 июня, № 71 Толстой, соглашаясь с Чертковым относительно необходимости дать этой статье более скромное название, предлагает ему несколько названий на выбор. Чертков, имея в виду известную ему первую часть статьи, останавливается на заглавии «Какова моя жизнь». С этим заглавием первая часть статьи и была напечатана в 1886 г. в Женеве у Элпидина, которому переслал ее Чертков. В дальнейшем Толстой вернулся однако к прежнему ее заглавию. Подробнее см. комментарий к этой статье в т. 25.

[4] Адрес отца гувернантки Толстых, miss Gibson, был написан очевидно посторонней рукой на отдельной не сохранившейся бумажке.

* 74.

1885 г. Июля 13—14. Я. П.

Не получивъ еще вашего послѣдняго письма, я былъ увѣренъ, что вы остались въ Англіи по самымъ хорошимъ причинамъ. Такъ и вышло, и я этому очень радъ за васъ. Но странное дѣло, я такъ гадокъ, что когда мнѣ случится сдѣлать также, какъ вотъ вамъ теперь, поступокъ самый простой и естественный, я сейчасъ же называю его себѣ хорошимъ поступкомъ, даже жертвой, ставлю его себѣ въ заслугу и этимъ довольствомъ собою испорчу все дѣло, сдѣлаю хуже. — Не сердитесь, милый другъ, что я это говорю вамъ изъ боязни, чтобы съ вами того же не случилось. Разумѣется, всѣ практическія дѣла, какую бы они не имѣли цѣль, есть вздоръ и пустяки въ сравненіи съ тѣми требованіями добра, к[оторыя] заявляются у насъ въ душѣ.

Вы мною будете совсѣмъ недовольны. По утрамъ пишу все статью «Ч[то] н[амъ] д[ѣлать]» о деньгахъ, податяхъ и значеніи правительства и государства, и по вечерамъ кошу такъ, что руки болятъ; но мнѣ кажется, что я ничего дурного этимъ не дѣлаю. Въ писаніи моемъ много мнѣ открывается новаго и важнаго для меня самого. И я не могу быть спокоенъ, не разъяснивъ этаго, тѣмъ болѣе, что все это только служитъ разъясненіемъ ученія Христа.

Получаю письма, часто радующія меня, указывающія на то, что другіе дѣлаютъ тоже, что и я — какъ я вѣрю — дѣло Божіе. И вижу людей такихъ. На дняхъ былъ такой молодой Еврей, бывшій революціонеръ.[1] Вчера же получилъ письмо съ рукописью того сибирскаго молоканина,[2] про к[отораго], помните, пишетъ Успенской, — о первородномъ законѣ «въ

потѣ лица снѣси хлѣбъ». Удивительно вѣрно и сильно. Я написалъ ему письмо, а рукопись перепишу для васъ.

На дняхъ тоже получилъ письмо Сибирякова — прилагаю его.[3] Я ему отвѣчалъ, что веденіе всего дѣла — учрежденія, разрѣшенія журнала, вѣроятно, вы возьмете на себя и что редакторомъ лучше всего будетъ Бирюковъ.

Разсказъ свой одинъ я поправилъ уже 2-й разъ корректуру и послалъ Сытину печатать, а другой набирается.[4] Прощайте до свиданья, надѣюсь, въ Ясной. Передайте мой привѣтъ Лизаветѣ Ивановнѣ и Пашковымъ. М. Arnold'а книжка очень хороша,[5] но не такъ, какъ первая. Есть задоръ полемики и забота о *себѣ* и *своихъ* мысляхъ. Впрочемъ это я напрасно говорю. Благодарствуйте за книги. Мнѣ прислалъ ихъ Бирюковъ. Хорошо ли вамъ? Что-то я боюсь, что вы какъ-нибудь себѣ испортите. Голубчикъ, сдѣлайте, чтобы вамъ было хорошо.

Л. Т.

Полностью печатается впервые. Небольшой отрывок напечатан в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 26. На подлиннике против обыкновения нет отмеченной Чертковым точной даты отправления письма, а только: «Я. П. июль 85». Датируем, исходя из того, что письмо это было получено в Ньюпорте к 20 июля, а время пересылки писем туда из Ясной поляны занимало обыкновенно 6—7 дней. Кроме того письмо это было написано одновременно с письмом к Л. Д. Урусову (и в том, и в другом письме говорится, что накануне была получена рукопись Бондарева), а на письме Урусова сохранилась пометка адресата: «получено в Дятькове 16 июля».

Письмо это является ответом на письмо Черткова от 2 июля, из которого приводим всё наиболее существенное: «Пишу вам с парохода, на котором сейчас приехал из Англии и на котором сейчас возвращаюсь обратно в Англию. — Покончив все свои дела, я сегодня утром распростился с матерью... взял билет до Петербурга. Мать заплакала при прощанье, вообще ее лицо выражало ужасную тоску. Я увидел, что ей очень тяжело со мною расставаться и, следовательно, что мое присутствие при ней имеет для ее благосостояния существенное значение... Расставшись с матерью под впечатлением ее тоски, я стал подводить итоги результатов моего пребывания в Англии и соображать, достиг ли я цели своей поездки в Англию и хорошо ли сделал, что уехал. Я пришел к отрицательному ответу на оба эти вопроса. А потому ничего не осталось, как вернуться к матери. Я должен сначала сделать оговорку. Я много думал о вопросе о причинении другим огорчения по поводу некоторых ваших мыслей на этот счет. Но я не могу решить его в том смысле, что во что бы то ни стало никого не следует огорчать и что, раз другие огорчаются мною, то значит я поступаю не по-христиански и следует прекратить то, что

огорчает. Если признать, что, поступая по-христиански, человек *никогда никого* не огорчит, то пришлось бы тогда с волками жить, по-волчьи выть, всегда исполнять желания тех, среди которых в данную минуту находишься... С этим я согласиться не могу... Я сделал эту оговорку для того, чтобы вы не подумали, что из-за впечатления тоски матери я нашел нужным вернуться к ней. Нет, это только послужило поводом к тому, чтобы снова обдумать... Я понял следующее. Пока—главная цель моей жизни—мать... Еслиб не необходимость жить при матери, я не занимался бы изданиями, а жил бы где-нибудь в глуши своим трудом. Следовательно, считая отношения к матери своей главною задачею, я должен, по крайней мере, достигать этой главной цели. А этого я еще и не сделал... Как часто бывает — толчек дан чувством, а разум проверил и разрешил. И теперь я чувствую, что, бог даст, сближусь с матерью и стану в те отношения к ней, какие должно. И я очень рад и счастлив этому сознанию. И я вижу, что влекло меня назад в Россию много эгоистического... Хотелось пожить на свободе при симпатичном деле в простой обстановке. Хотелось мне побывать у вас в Ясной недельки две, и я надеялся, что смогу хоть немножко помочь с вашими рукописями. И это было бы само по себе важное дело, которому я считаю, что стоило бы кому-нибудь посвятить всю свою жизнь. Но при матери никто меня заменить не может. А потому приходится и этим пока пожертвовать».

[1] О ком именно говорит здесь Толстой, установить не удалось.

[2] Сибирским молоканином Толстой ошибочно называет жившего в Сибири крестьянина Тимофея Михайловича Бондарева (1820—1898), автора обширного рукописного труда, озаглавленного им «Торжество земледельца или трудолюбие и тунеядство», которым Толстой заинтересовался по очерку Глеба Успенского «Скучающая публика» (из серии очерков «Трудами рук своих» — «Русская мысль», 1884, 11). Бондарев был крепостным помещика Чернозубова Новочеркасской обл. На 37-м году за мнимую провинность был сдан в солдаты. Отбывая воинскую повинность на Кавказе, под влиянием сектантов — иудействующих (субботников), перешел в иудейство, за что в 1867 г. был сослан в Сибирь, в Минусинский у. Енисейской губ. Там он и прожил до конца своей жизни. Вышеназванный труд его писался там в течение пяти лет и по окончании был послан им в Минусинский музей, откуда и попал в руки Г. Успенского. Основная мысль этого труда состоит в том, что главным источником всех зол и несправедливостей, наблюдающихся в современном общественном и государственном строе, является пренебрежение людей к самой первой и несомненной нравственной обязанности их, указанной в первой главе Библии: «в поте лица своего снеси хлеб твой». Это сочинение Бондарева Толстой признал замечательным «по силе, ясности и по красоте языка». Впечатление, которое оно произвело на него, было огромно, так же как и впечатление от устной проповеди Сютаева (см. прим. 5 к п. № 36 от 13—14 ноября 1884 г.). «Бондарев превосходно, гениально... да, да, гениально доказал, что земледельческий труд должен быть нравственной обязанностью всякого», — говорил он А. С. Пругавину (см. статью последнего «Из встреч с Л. Н. Толстым. Два гениальных мужика», Русск.

вед., 1911, № 157). Впрочем, мысль Бондарева о земледельческом труде нужно понимать несколько шире. Сам Толстой в заметке о нем, написанной для V т. Критико-биографического словаря С. А. Венгерова, говорит: «Бондарев не требует того, чтобы всякий непременно надел лапти и пошел за сохой, хотя он и говорит, что это было бы желательно и освободило бы погрязших в роскоши людей от их заблуждений..., но Бондарев говорит, что всякий человек должен считать обязанность физического труда, прямого участия в тех трудах, плодами которых он пользуется, своей первой, главной, несомненной обязанностью и что в таком сознании этой обязанности должны быть воспитываемы люди». Сам Бондарев считал, что учение его «в четыре года» перестроит мир, и, заботясь об отпечатании и распространении его, наивно подавал прошения об этом разным сановным лицам, в том числе и министру внутр. дел. Толстой пытался объяснить в письме к нему, что «министры все запрещают даже говорить про это» (см. письмо Толстого к Бондареву от ноября-декабря 1885 г., т. 63). Однако он сделал всё от него зависящее, чтобы опубликовать сочинение Бондарева. В 1888 г. он добился того, что оно было напечатано, хотя и с значительными сокращениями, в «Русском деле» С. Ф. Шарапова (№№ 12 и 13), за что Шарапов получил от министра внутренних дел «предостережение». Наконец, в 1906 г. отрывки из рукописи Бондарева были напечатаны, с предисловием Толстого, в издании «Посредника». В полном же своем виде она осталась ненапечатанной.

[3] В письме этом, выражая удовлетворение той программой предполагаемого народного журнала, которая была выработана Чертковым при помощи Оболенского, К. М. Сибиряков (см. прим. 1 к письму № 53 от 16 апреля 1885 г.) указывает на необходимость, до начала хлопот о разрешении журнала, подыскать для него редактора, увлеченного теми идеями, которые должны лечь в основу дела, и вместе с тем «широко развитого, образованного и обладающего литературным талантом». Называя трех известных лиц из петербургского литературного мира, которых ему рекомендуют окружающие его, Сибиряков говорит о них в тоне нерешительности. «Идеальным редактором я считаю вас, Лев Николаевич, — заключает он. — В крайнем случае можно найти фиктивного..., без права вмешательства в дела» (АЧ).

[4] Первый из этих двух рассказов — «Два старика», второй — «Свечка».

[5] Вторая книга Матью Арнольда (см. прим. 1 к п. № 22 от 24 июня 1884 г. и прим. 13 к п. № 55 от 2 мая 1885 г.), присланная ему через Черткова автором, — либо «Last Essays on Church and Religion», 1877 г., либо «God and the Bible», 1875.

* 75.

1885 г. Июля 23—24. Я. П.

Не обвиняйте меня, дорогой В[ладиміръ] Г[ригорьевичъ], что давно не писалъ вамъ. Получилъ отъ васъ, кажется, 3

письма за это время. Послѣднее — дурное, т. е. вы дурны и страдаете этимъ. Эка какъ твердо установилъ Богъ нравственный т. е. какъ жить — законъ для человѣка: ни на право, ни на лѣво, а иди прямо по узкой дорожкѣ, а то дурно. И ни на чемъ это такъ не ясно (мнѣ — теперь), какъ на половыхъ сношеніяхъ. Сдѣлай себѣ изъ этаго потѣху съ разными женщинами, какъ тѣ господа въ Лондонѣ да и вездѣ, и скверно и другимъ, и имъ еще хуже. Сдѣлай себѣ потѣху даже съ женой, и ей и себѣ скверно. Оскопись, какъ Оригенъ, [1] — скверно. Мучься всю жизнь воздержаніемъ и похотливостью — скверно. Только и хорошо на узкой дорожкѣ — ѣсть то, что сработаешь (тогда жирнаго лишняго не съѣшь), и наработавшись лечь спать съ работающей и рожающей и кормящей женой. Тогда только будетъ и всѣмъ другимъ и тебѣ хорошо. Внѣ же этаго все скверно и все страданія.

Вотъ за эту мудрость и любовь, съ которыми обставленъ нашъ вѣчный путь страданіями, чтобы мы не сбивались съ него, я чувствую благодарность къ Богу. Я не пройду по пути, я обстрекаюсь и обдерусь, такъ я не одинъ, а я скажу тѣмъ, кот[орые] пойдутъ послѣ меня, да и самъ узнаю этотъ путь именно потому, что сбился съ него. Только бы не считать кривой путь прямымъ, а Богъ выведетъ. — Не писалъ я вамъ долго отъ того, что былъ боленъ. Болѣла печень, былъ слабъ и въ унломъ духѣ недѣли двѣ, а потомъ разошлось до болей сильныхъ и жару, а нынче совсѣмъ здоровъ и особенно веселъ и бодръ. Не помню, спрашиваете ли вы что у меня въ вашихъ послѣднихъ письмахъ, помню только, что нѣтъ ничего, съ чѣмъ бы я не былъ согласенъ. Письмо къ Сибирякову я послалъ и все хорошо. — Не помню и не понимаю, какое разногласіе было у меня о правѣ на мои сочиненія, — въ душѣ у меня нѣтъ разногласія, т. е. что я никакого права за собой ни на что не признаю. [2] Очень мнѣ хочется васъ видѣть. Многое, кажется, что хотѣлось бы переговорить. Оболенскій прислалъ мнѣ письмо изъ Черн[иговской] губерніи съ описаніемъ того, как губер[наторъ] Анастас[ьевъ] [3] наказывалъ тамъ жестоко ужасно розгами мужиковъ. Онъ пишетъ, что хорошо бы довесть это до свѣдѣнія Государя, или чтобы вы напечатали это въ англ[ійской] газетѣ. Я не согласенъ съ этимъ. Это раздраженіе. Не могу, не умѣю сказать, почему, но это мнѣ не по сердцу. Вотъ если бы можно сказать этому губернатору и становымъ и

солдатамъ, кот[орые] сѣкли, что это не должно и грѣшно. — Какъ вы провели этотъ мѣсяцъ, к[оторый] остались. Дай Богъ, чтобъ хорошо, чтобъ счастливо и любовно. Я въ эти двѣ недѣли былъ нехорошъ, т. е. больше нехорошъ, чѣмъ всегда.

Ничего вамъ не посылаю. Вы уже скоро будете. Я все поправлялъ корректуры. Я думаю, надоѣлъ Сытину, и все писалъ, поправлялъ о деньгахъ. [4] Вы увидите, что это интереснѣе, чѣмъ вамъ кажется. Хотя согласенъ, что есть темы для меня болѣе полезныя. Впрочемъ, что̀ полезно, то Богъ знаетъ, только бы во всѣхъ дѣлахъ идти по пути единому. Прощайте, милый другъ. Какъ мнѣ хотѣлось бы видѣть и знать васъ болѣе счастливымъ и менѣе напряженнымъ. Но можетъ быть, этаго нельзя. Можетъ быть, тогда вы бы не были тѣмъ, за что вы главное и дороги и мнѣ и всѣмъ, кто васъ любитъ. Письмо ко мнѣ Оболенскаго я всетаки вамъ посылаю.

Полностью печатается впервые. Отрывок приведен в книге В. А. Жданова «Любовь в жизни Толстого», кн. II, М. 1928, стр. 88. На подлиннике рукой Черткова: «Я. П. 24 июля 85» — вероятно, согласно штемпелю отправления. Датируем расширительно.

Толстой говорит, что со времени написания его последнего письма к Черткову, он получил от него «кажется, 3 письма». Первым из них несомненно является письмо Черткова из Ньюпорта от 7 июля, на существеннейший пункт которого — о некоторых противоречиях в жизни Толстого — последний очень кратко отвечает во второй половине своего письма. В письме своем от 7 июля Чертков говорит: «..Вы меня просите сообщить вам свои мысли о том, как мне кажется, вам следовало бы поступать с вашими домашними, — пишет он. — Очень трудно и как-то совестно, боишься касаться таких вопросов у другого. Но у меня есть, если — весьма возможно—и ошибочное, то во всяком случае теперь ясно определившееся понятие об этом. Если вы непременно хотите, я вам сообщу письменно. Только для этого мне следовало бы узнать одно обстоятельство вашей жизни, которое мне еще непонятно. А именно, почему вы один вечер (в бане), признавши возможность целесообразности объявления ваших сочинений общественным достоянием, на следующий день совсем отстранили от себя эту мысль? Мне это надо знать не для того, чтобы настаивать на том же, напротив того, я теперь сам вполне допускаю возможность неправильности такого поступка, но для того, чтобы пополнить свое понимание вашего положения раньше, чем решиться высказать свои мысли по этому поводу».

Следующее за этим письмо Черткова, ответом на которое является вся первая половина письма Толстого, было от 14 июля. На это указывает начало его письма от 15 июля: «Прошлою ночью я писал вам...» Письмо от 14 июля не дошло до нас. О содержании его можно судить по ответу Толстого, который наводит на мысль, что письмо Черткова было

уничтожено, — может быть, по его же просьбе. Что же касается письма от 15 июля, то неизвестно, дошло ли оно до Толстого к моменту написания его письма (Толстой называет «дурное» письмо Черткова, на которое он отвечает, последним из полученных им). Во всяком случае письмо это, затрагивающее целый ряд не связанных между собой тем, не вызвало ответа со стороны Толстого.

[1] Ориген (р. 185 или 186 г., ум. в 254 или 255 г.) — религиозный мыслитель и писатель, ученый комментатор философских систем и Библии. Родился в Александрии в христианской семье, в ранней юности пережил мученичество своего отца, которого поддерживал, во время пребывания его в тюрьме, твердостью своих христианских убеждений. Состоял преподавателем, потом заведующим «огласительной школы», где проходили курс молодые люди и женщины, желающие сделаться христианами. В это время — в силу ли своих аскетических наклонностей и жажды подвига, или из желания «отнять у неверных всякий повод к гнусной клевете» по поводу его занятий с женщинами — решил оскопить себя, что и привел в исполнение. Продолжающиеся гонения на христиан и, на ряду с этим, преследования со стороны правоверных церковников, с которыми Ориген расходился в освещении многих вопросов христианской догматики, заставляли его не раз менять место своего пребывания и жить в разных странах. При императоре Деции, во время нового гонения на христиан, он подвергся тюремному заключению и пыткам, которые окончательно подломили его здоровье и привели к смерти. Учение Оригена продолжало однако вызывать в пределах самой церкви ожесточенные нападки и страстные споры. В VI в., в правление Юстиниана, Ориген был окончательно опорочен при участии самого императора, написавшего целый трактат, где доказывалось, что учение Оригена проложило дорогу всем еретикам.

[2] Отвечая на письмо Черткова по вопросу об отношении его к литературной собственности, Толстой умалчивает о той стороне дела, на которую осторожным намеком указывал ему Чертков, а именно о том, что, несмотря на готовность объявить все свои сочинения общественным достоянием, Толстой не решается сделать этого и оставляет право собственности на них за своей женой. Вопрос этот несомненно был чрезвычайно трудным и болезненным для Толстого. В дневниковой записи от 27 марта 1895 г., представляющей собой набросок духовного завещания, он прямо говорит: «То, что сочинения мои продавались эти последние 10 лет, — было самым тяжелым для меня делом в жизни». Но радикальное разрешение этого вопроса в желательном ему смысле наталкивалось на упорное сопротивление Софьи Андреевны, которая, сопротивляясь желанию мужа отказаться от разных видов собственности, указывала ему, что это было бы «насилием» над ней, вышедшей за него замуж, как за человека обеспеченного, и привыкшей к обеспеченности, насилием и над детьми, воспитанными в обеспеченности и не желающими отказаться от нее. Этот аргумент — о насилии, отрицание которого составляло один из основных пунктов мировоззрения Толстого, был для него, по словам Софьи Андреевны, неотразимым. Но сознание противоречия в своей жизни всё обострялось для него, и он пытался разрешить его частью полумерами, — как

отказ от права собственности на свои сочинения в пользу жены, частью — стараньем убедить Софью Андреевну в необходимости объявить общественным достоянием хотя бы те его сочинения, которые были написаны после совершившегося в нем перелома. Так в июле 1891 г. он пишет ей из Ясной поляны во время кратковременного пребывания ее в Москве: «...Я всё это время думал составить и напечатать объявление об отказе в праве собственности от моих последних писаний, да всё не думалось об этом; теперь же думаю, что, может быть, это будет даже хорошо в отношении упрека тебе со стороны публики в эксплуатации, как пишет артельщик, — если ты напечатаешь от себя в газетах такое объявление...» И он предлагает ей текст такого объявления, начинающийся словами: «Муж мой, Лев Николаевич Толстой, отказывается от авторского права на последние сочинения свои...» Далее следует перечень этих сочинений, начиная с «Чем люди живы». Но тут же, очевидно, боясь оказать какое-либо давление на Софью Андреевну, он прибавляет: «... Но если это не нравится тебе, то не делай, не печатай от себя, а пусть будет от меня». И еще несколькими строками ниже: «Если же и это тебе не нравится, не делай и этого...» Необходимо отметить, что, предавая печати это письмо (см. «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», М. 1915, стр. 356), Софья Андреевна делает примечание к нему: «На предложения эти я тогда не согласилась, считая несправедливым обездоливать многочисленную, и так не богатую семью нашу. На руках же моих оставалось много уже напечатанных книг...» Разговор на эту тему возобновился однако по возвращении Софьи Андреевны в Ясную поляну и, как видно по записи в ее дневнике от 21 июля (см. «Дневники С. А. Толстой», т. II. М. 1929), вызвал бурную сцену, после которой она побежала к железнодорожной станции, чтобы лечь на рельсы под поезд, и была остановлена только случайной встречей с А. М. Кузминским. Однако и после этого Толстой не отказался от мысли добиться согласия от Софьи Андреевны и в сентябре того же 1891 г. снова просил ее в письме напечатать его письмо в редакцию: «Не посылать заявления очень мне тяжело... — пишет он. — Пожалуйста, голубушка, подумай хорошенько... и сделай это с добрым чувством, с сознанием того, что тебе самой это радостно, потому что ты этим избавляешь человека, которого ты любишь, от тяжелого состояния»... Но Софья Андреевна, очевидно, и на этот раз не поддалась увещанию, потому что вышеприведенное примечание ее к июльскому письму Толстого на ту же тему заканчивается словами: «Намерение свое Лев Николаевич исполнил уже без моего участия, от себя лично, в сентябре 1891 г». Действительно, 16 сентября этого года в «Русских ведомостях» появилось письмо его в редакцию, в котором все произведения, написанные им с 1881 г. и всё, что он написал бы впредь, он объявлял подлежащим безвозмездному изданию и переизданию всеми желающими, как в России, так и за границей, по-русски или в переводах.

[3] Александр Константинович Анастасьев (1837—1900), бывший в 1885—1892 гг. черниговским губернатором и оставивший по себе в населении дурную память своею жестокостью. — Письмо Л. Е. Оболенского, о котором говорит Толстой, не сохранилось.

[4] Главы XVIII—XX о деньгах в статье «Так что же нам делать».

* 76.

1885 г. Августа 12. Я. П.

Большою радостью жду обоихъ.

Толстой.

Печатается впервые. На подлиннике — бланке телеграммы, посланной из Козловки-Засеки, ближайшей станции к Ясной поляне, — имеются служебные отметки, из которых видно, что телеграмма отправлена 12 августа 1885 г.

Повидимому, телеграмма эта является ответом на телеграфный же, не дошедший до нас, запрос возвратившегося в Петербург Черткова о том, удобно ли Толстому принять у себя в Ясной поляне его и Бирюкова. Из писем Толстого к Софье Андреевне в Москву от 17—20 августа и из письма его к Л. Д. Урусову от 20 августа видно, что Чертков и Бирюков пробыли в Ясной поляне с 16 до ночи 19 августа. В письме к Урусову Толстой пишет: «Вчера уехал только Чертков с Бирюковым. Они приезжали на 3 дня... Он мне очень помог в семье. Он имел влияние на наш женский персонал. И может быть влияние это оставит следы. Меня же он раззадорил писать для народа — тем бездна, не знаю, что̀ выбрать». В письмах к Софье Андреевне о пребывании Черткова и Бирюкова говорится еще подробнее, день за днем. Так 17 августа Толстой пишет: «После тебя [т. е. после отъезда Софьи Андреевны] я пошел с моими гостями за грибами. Потом читал им статью.... Утром, оглядев весь народ,... пошел за грибами с Чертковым и Бирюковым... Обедали все наши. После обеда переливали из пустого в порожнее. Чертков смешил молодежь мнимым спиритизмом». 18 августа Толстой говорит о том вечере в кабинете его, о котором вспоминает в Биографии Толстого и Бирюков: «Вечером сошлись в кабинете: Андрюша, Миша Кузминский, Файнерман (см. прим. 5 к п. № 77 от 29—30 августа 1885), Бирюков, Чертков и я; и я предложил каждому рассказать историю, начиная с младших. И все, начиная с Андрюши и до меня, рассказали. Все в темноте — очень хорошо было. Вечером читал вслух Катакомбы». Бирюков говорит об этом вечере подробнее: «... Мы сидели кучей на диване в полутемной комнате со Львом Николаевичем. Он был весел и общителен. Он предложил каждому из нас рассказать что-нибудь замечательное из своей жизни. Мне помнится, что я рассказал эпизод из своей службы во флоте. Когда дошла очередь до Льва Николаевича, то он рассказал нам о том, как на Кавказе во время сражения с горцами у его ног разорвалась граната и разбила в щепки колесо пушки, которую он наводил». (См. Б, III, Госизд., М., 1922, стр. 40.) На следующий день, 19 августа, Толстой пишет Софье Андреевне: «Чертков и Бирюков остались нынче утром до ночи... Я его просил поговорить с тобой о подписке и помочь через Сытина, всё это знающего. Они очень милы и, кажется, для всех не тяжелы, просты». Наконец, в письме от 20 августа он пишет: «Гости уехали. Чертков имел успех и влияние на девочек. Турнюры опять сняты, и разные хорошие планы».

* 77.

1885 г. Августа 29—30. Я. П

Стихи изъ Іоанна, кот[орые] вы выписали, очень хорошо бы было помѣстить, но какъ бы цензура не помѣшала.[1] Въ Фабіолѣ[2] лучше бы помѣстить «Ученіе 12 Ап[остоловъ]» не въ моемъ переводѣ, а по Кіевскому переводу первыя 5 главъ.[3] Нагорная пр[оповѣдь] будетъ въ картинѣ.[4] Да и вообще хорошо распространять это божественное писаніе. Вашу рукопись возвращу вамъ; также и англ[ійскія] дѣтскія книжки перешлю въ Москву. Сытину скажите, что онъ может печатать мои разсказы, но только какъ можно дешевле продавать ихъ. — Бумаги давать — подписывать никакой не нужно. Препятствій и недоразумѣній никакихъ быть не можетъ и не будетъ. —

Спасибо вамъ, что вы пишете мнѣ, мнѣ всегда радость увидать вашъ почеркъ. Спасибо и за то, что вы, будучи у меня, хорошо поговорили съ моей семьей. Мнѣ кажется, что вы помогли мнѣ. Вы и милый Бирюковъ. Вообще отъ вашего пребыванія у насъ осталась самая хорошая «отрыжка». Вы пожалуй подумаете: надо вмѣстѣ держаться всѣмъ единовѣрующимъ и помогать другъ другу. Я боюсь такихъ мыслей: надо каждому человѣку стараться жить по Божьи, дѣлать дѣло Божье всегда и вездѣ, и тогда всѣмъ хорошо будетъ точно такъ, какъ хочетъ того Богъ.

Файнермана[5] переходъ въ православіе я не сужу. Мнѣ кажется, что я бы не могъ сдѣлать этаго, п[отому] ч[то] не могу себѣ представить такого положенія, въ к[оторомъ] бы было лучше не говорить и не дѣлать правду; но знаю, что было время, когда я могъ. И потому думаю, что и онъ въ переходномъ состояніи. — До слѣдующаго письма, милый другъ, пожалуйста, исполните ваше намѣреніе заѣхать въ Ясную. — Я началъ писать продолженіе «Что дѣлать» и нѣсколько дней не работалъ. И нынче пошелъ рубить лѣсъ и такъ усталъ, что насилу двигаюсь. Но очень хорошо.

Полностью печатается впервые. Отрывок напечатан в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 26—27. На подлиннике отметка рукой Черткова: «Пол. 1 сент». На то, что письмо это относится к 1885 г., указывает не только архивный № его, но и то обстоятельство, что оно несомненно является ответом на датированное письмо Черткова от 25/26 августа 1885 г. Время написания письма устанавливаем, исходя из

того соображения, что письма из Ясной поляны в Лизиновку, где находился теперь Чертков, и обратно приходили обыкновенно на третьи сутки.

Письма Черткова от 25 и 26 августа, на которые отвечает здесь Толстой, написаны частью под впечатлением недавнего пребывания его в Ясной поляне, частью под впечатлением всех тех вопросов, касающихся «Посредника», которые перед отъездом в Воронежскую губернию задержали его на несколько дней в Москве. В первом из этих писем Чертков пишет (цитируем с значительными сокращениями): «В Москве мы с П. И. Бирюковым застали у себя Иванцова-Платонова (см. прим. 5 к п. № 65 от 17 мая 1885 г.). Он был очень любезен и высказал сочувствие нашему делу. Сказал, что будет охотно помогать нам чем может; но что, во всяком случае, для этого необходимо, чтобы он получал рукописи раньше их представления в цензуру. В таком случае он охотно возьмется лично их передать цензору, которого он немного знает. С нашими же рукописями, уже бывшими в цензуре и запрещенными, он не может помочь, так как не имеет достаточно влияния на цензоров, чтобы с успехом повлиять на них в смысле отмены состоявшегося постановления. — К описанию смерти Франциска [см. ниже, прим. 1] я подобрал стихи из 13, 14 и 15 глав Иоанна и послал Бирюкову, а при сем прилагаю копию для вас. В «Фабиоле» [см. ниже прим. 2], мне кажется, не благоразумно помещать Учение 12 апостолов в виду скандала, возбужденного напечатанием его в Детской помощи. Да и вообще лучше, мне кажется, поместить при описании богослужения в Катакомбах — чтения из Евангелия, а именно отрывки из Нагорной проповеди. Пожалуйста, укажите мне, какие стихи следовало бы поместить... Это будет очень хорошо, если в одной книжке таким образом будет подлинно изложено самое существенное из заповедей Христа, а в другой книжке (о Франциске) будет бо́льшая часть прощальной беседы Христа, в которой он ставит непременным условием исполнение его заповедей и сам дает пример служения ближнему. — Я позабыл у вас книжки с картинками. Пожалуйста, Лев Николаевич, если будет случай, пошлите их в ваш дом в Москву до востребования мною...» Затем, возвращаясь мысленно к последнему свиданию с Толстым, Чертков продолжает: «С удовольствием вспоминаю о своем пребывании у вас в Ясной. Там мне было очень хорошо, и я был так рад вас видеть таким бодрым, веселым, молодым. Во всем мы всегда желаем большего, и теперь я желаю еще когда-нибудь пожить с вами не праздно, а занимаясь каким-нибудь делом. Не знаю, осуществится ли это когда-нибудь. Одно только тяжелое впечатление я вынес — от крещения этого несчастного еврея [см. ниже прим. 5]. Это был ужасный обман и жалкая комедия, и ничего хорошего, божеского такими средствами не может достигаться. Такие приемы, предпринимаемые ради последующих результатов, могут только вредить, а не помогать делу Христа, насколько я понимаю и чувствую. И если этот молодой еврей останется при убеждении, что он поступил правильно и что... обман и комедия, хладнокровно и преднамеренно предпринятые, составляют мелочь, пред которой не следует останавливаться для достижения известного положения, для деятельности, то кроме дурного и ужасного я ничего не могу себе представить для

его будущих учеников. По этой системе священник будет в школе прививать обрядную церковность, а этот учитель — лицемерное отношение к этим обрядам. Что из двух должно хуже отразиться на детях? Когда Бирюков сказал вам, что он не имеет на этот счет никакого мнения, то вы посмотрели на меня и сказали, что действительно судить чужой поступок не следует. Я хотел потом, при случае, вам высказаться. Крепко, крепко обнимаю вас, Лев Николаевич, я вас так люблю. Теплый привет всем вашим домашним. Какие они милые люди». — Письмо от 26 августа является как бы продолжением предыдущего: «Вчера я забыл спросить вас про одну вещь, — пишет Чертков. — Сытин спрашивал меня, может ли он выпустить ваши рассказы, изданные им (в том числе и «Чем люди живы» и «Бог правду видит» и «Кавказский пленник») в издании с более крупной печатью и большим числом рисунков? В таких изданиях есть большая потребность. Я ему сказал, что, насколько я вас понял, издание этих книжек теперь вполне предоставлено нам для лубочной литературы и что поэтому он, вероятно, может издавать их во всех тех формах, на какие имеется спрос у покупателей. Но я обещал, во всяком случае, спросить у вас о том, как вы на это смотрите и чего вы желаете. Пожалуйста, не откладывайте дать мне ответ на этот вопрос. Еще он хотел дать мне 400 р. для передачи вашей жене. Он говорит, что тогда, когда шла речь о рассказах, изданных одновременно им и ею, он обещал выплатить 900 р., но дал только 500. С тех пор он узнал, что графиня жаловалась Маракуеву, что он, Сытин, не платит ей своего долга, и это вредит Сытину даже в глазах его компанионов... Позвольте мне это сделать и в таком случае укажите мне пожалуйста, куда доставить эти 400 р. Мне неприятно писать вам о денежных расчетах, но уверен, что лучше такие недоразумения выяснять и прекращать. Сытин меня спрашивал, может ли повториться какое-нибудь недоразумение относительно этих изданий. Ему, разумеется, крайне важно это знать, так как, если он обеспечен от всяких уплат за содержание, то в состоянии выпускать издания по возможно низшей цене и в возможно лучшей форме. Если вы подпишете и вернете мне прилагаемую бумагу, то этим окончательно упростите всё дело и отвратите всякую возможность недомолвок и недоразумений со всех сторон».

[1] Как видно из письма Черткова от 25 августа, речь идет здесь о включении некоторых стихов из Евангелия от Иоанна в книжечку «Жизнь Франциска Ассизского», написанную Е. П. Свешниковой, повидимому, по книге Маргариты Олифант «St. François d'Assis», о которой Чертков писал Толстому из Англии [см. комментарий к п. № 70 от 9—10 июня и к п. № 71 от 17—18 июня], вышедшую в издании «Посредника» в том же 1885 г. с рисунками А. Д. Кившенко. — В книжку эту вошли стихи только из 13 гл. Евангелия от Иоанна.

[2] О «Фабиоле», переделке из ром. «Катакомбы», см. прим. 1 к п. № 58 от 9 мая 1885.

[3] Об «Учении 12 апостолов» см. прим. 2 к п. № 45 от 15 февраля 1885. Киевский перевод «Учения двенадцати апостолов», сделанный К. Д. Поповым и снабженный его введением и примечаниями, был напечатан в

1884 г. в «Трудах киевской духовной академии» и затем вышел отдельным изданием в 1885 г.

[4] О тексте Нагорной проповеди при картине Келера см. письмо № 65 от 17 мая и прим. 3 к нему.

[5] Исаак Борисович Файнерман (1863?—1925), окончивший гимназию в Киеве, по профессии учитель, увлеченный взглядами Толстого, в начале лета 1885 г. приехал в Ясную поляну и, поселившись в избе крестьянина, стал по вечерам заниматься с крестьянскими детьми. Занять место учителя яснополянской школы мешало ему его иудейское вероисповедание, которое при царском режиме было несовместимо с преподаванием в русских учебных заведениях. В виду этого Файнерман решил принять православие. Толстой не воспротивился этому и, как видно из писем его к Софье Андреевне от 17 и 18 августа, крещение Файнермана «благополучно» состоялось 18 августа при участии Татьяны Львовны Толстой, которая согласилась быть его крестной матерью. Компромисс оказался однако напрасным: в письме от 22 октября Толстой сообщает Софье Андреевне, что «Файнермана выгнали и назначили другого учителя». Но Файнерман не изменил своего решения остаться в Ясной поляне и, нанявшись батраком к крестьянину, исполнял всю требующуюся от него работу, жил в нужде, спал на соломе, а по вечерам беседовал с крестьянами, затрагивая религиозные и нравственные темы в духе Толстого. По словам близкого Толстому человека, М. А. Шмидт, «Лев Николаевич очень увлекался им»: «бывало, он лежит на траве, всклокоченный, рубаха черная в штаны заправлена, а Лев Николаевич сидит рядом и беседует» [см. кн. «Друг Толстого М. А. Шмидт», М. 1927, стр. 25]. Осенью к Файнерману приехала жена его. Толстой старался материально поддержать их, давая им переписывать для продажи свои запрещенные сочинения. Осенью 1886 г. Файнерман был призван на военную службу, которая была неприемлема для него по его убеждениям, и Файнерман подумывал об отказе, но дело обошлось: он был зачислен ратником ополчения. После этого для него начались годы странствий и метаний от одного дела к другому. В 1892 г., живя в Полтаве, он затевает вместе с некоторыми своими единомышленниками съезд толстовцев, на который просит приехать и Толстого, но встречает решительное несогласие его на это. Невозможность прийти к взаимному пониманию в этом вопросе внесла некоторое охлаждение в отношения Толстого к Файнерману, но переписка их еще продолжалась до 1899 г. В 1908 г. он переходит на поприще журналиста и печатает под псевдонимом Тенеромо целый ряд книжек и статей, в которых утилизирует свои воспоминания о Толстом, примешивая к ним однако не мало вымысла. Так, по поводу книжки «Л. Н. Толстой о евреях», Спб., 1908, Д. П. Маковицкий пишет 25 октября 1908 г. от имени Толстого К. П. Стукману, приславшему эту книжку: «О книжке Тенеромо он поручил мне сказать вам, что в ней ничего справедливого нет, всё выдумки». Подробнее см. в прим. к письму Толстого к Файнерману в т. 63.

Отвечая на это письмо Толстого 1 сентября 1885 г., Чертков между прочим пишет: «... Передам Сытину ваше поручение и, кажется, согласен,

что давать подписывать бумаги никакой никогда не нужно... Говоря у вас с вашей семьей, я чувствовал, что хорошо и им и мне и вам. Они такие славные, и, может быть, гораздо ближе к богу, чем мы с вами. Говорю это нарочно, чтобы вы почувствовали, насколько я согласен с вами в том, что не надо людям «единоверующим» желать вместе держаться и помогать именно друг другу»...

* 78.

1885 г. Сентября 7. Я. П.

Получилъ нынче ваше письмо къ Е. Н.,[1] которое вполнѣ одобряю, и послалъ его къ Бирюкову.[2] Очень хорошая статья. Я получилъ отъ Сибирякова письмо[3] черезъ Москву поздно, такъ что не успѣлъ отвѣтить. То, что вы пишете о журналѣ, это самое испытываю и я. Скажите пожалуйста Сибирякову, что я очень благодаренъ ему за его согласіе и увѣдомленіе мнѣ и если буду живъ, то, вѣроятно, буду стараться писать въ этомъ журналѣ много; и что я очень желаю съ нимъ лично познакомиться (что можетъ легко исполниться), но что я полагаю, что я не нуженъ для совѣщанія о журналѣ по своей непрактичности, а кромѣ того вполнѣ довѣряю вамъ и Бирюкову.

У меня нынче голова болитъ, отъ того письмо глупое. Заѣзжайте же на обратномъ пути.

Л. Т.

Полностью печатается впервые. Вторая половина напечатана в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 27. На подлиннике рукой Черткова пометка: «7 сент. 85». Датируем, исходя из того, что Чертков обычно помечал число на основании штемпеля отправления, следовательно письмо не могло быть написано позже 7 сентября, раньше же 7-го оно не могло быть написано потому, что оно заключает в себе ответ на письмо Черткова из Лизиновки от 5 сентября.

Кроме этого письма от 5 сентября материалом для ответа Толстому послужило и письмо Черткова от 1 сентября, часть которого, относясь по содержанию к предыдущему письму Толстого (№ 77 от 29—30 августа), была цитирована нами в заключительном примечании к нему. Здесь же приводим те строки, на которые Толстой отвечает в настоящем письме: «Вы, вероятно, получили письмо от Сибирякова и, вероятно, также от Павла Ивановича Бирюкова относительно газеты. Я ответил тому и другому, что не хочу ни предвидеть успеха, ни опасаться затруднений. Вообще не думать о возможных результатах, которые в руках божьих. Лишь бы каждый из нас действовал по совести — и выйдет что должно выйти. Дело мне кажется хорошим и меня интересует. Я рад также за Павла Ивановича, что он теперь, вероятно, отделается от наблю-

дения, ради заработка, за тем, откуда приходит и куда уходит ветер, и будет более сосредоточен над одним делом. — Я написал ему и Сибирякову, что с своей стороны предлагаю собраться в Москве, если бог даст, на 14-е и 15-е сент. и что предложу вам то же». — Первые строки письма Толстого являются ответом на письмо от 5 сентября, в котором Чертков пишет: «Из нескольких прочтенных мной статей по поводу наших изданий одна только прилагаемая вызвала во мне серьезное желание поговорить с автором, и я думаю, что автором этой статьи мы можем воспользоваться для некоторых вещей. Но так как я пишу про вас и даже пользуюсь одним выражением в вашем последнем письме ко мне, то мне захотелось раньше попросить вас прочесть и сообщить мне ваше мнение. Всё вложенное в прилагаемый конверт прошу вас отправить по почте к П. И. Бирюкову». [См. ниже, прим. 1.] В заключительной части письма Чертков сообщает, что 7 сентября собирается выехать прямо в Петербург, а на 14 и 15 сентября приехать оттуда в Москву — очевидно, для упомянутого в его предыдущем письме совещания относительно предстоящих хлопот по организации и открытию народного журнала. — Как видно из следующего письма Черткова, от 16 сентября, туда, в Москву на имя Сытина, Толстой и адресовал свое письмо, которое либо было получено Чертковым от Сытина при проезде через Москву, либо переслано в Петербург.

[1] Чертков послал Толстому на одобрение свое письмо к Екатерине Степановне Некрасовой и ее статью «Книжки для народа», рассматривающую издания «Посредника» и напечатанную под инициалами Е. Н. в газете «Новости», 1885 г., № 193 от 16 июля. Статья эта вызвала, как видно из ответа Толстого, полное одобрение его.— Е. С. Некрасова (род. в 1850-х гг., ум. в 1905 г.) исследовательница по истории русской литературы. Окончив в Москве Высшие женские курсы, с конца 1870-х гг. делается сотрудницей лучших ежемесячных журналов — «Отечественных записок», потом «Вестника Европы», «Русской мысли», «Северного вестника», «Артиста» и др., печатая там ряд статей и материалов, большая часть которых относится так или иначе к Герцену. С 1884 г. она работала и в «Русских ведомостях», где напечатала между прочим ряд рецензий на народные книги. Принимая живое участие в деле борьбы с так называемой лубочной литературой, постоянно составляла библиотечки из лучших дешевых изданий и рассылала их народным учителям, школам и отдельным крестьянам. Итоги ее работы по народной литературе закреплены в книжке ее «Народные книги для чтения в их 25-тилетней борьбе с лубочными изданиями», изд. кн. склада Вятского губ. земства. Для «Посредника» Некрасова написала книжки «Иоанн-воин», рассказ из времен первых христиан, М. 1886 и «Юлиания Лазаревская», вышедшая с 1887 г. в «побочной серии» «Посредника».

[2] В письме Е. С. Некрасовой Чертков, устанавливая для всех писаний, предназначенных народу, строгие принципы правды и любви, вместе с тем высказывается против изображения темных сторон народной жизни. Одобрив это письмо Черткова и пересылая его для доставки по назначению Бирюкову, Толстой пишет этому последнему: «Посылаю письмо В. Г.

Письмо хорошо, но о предмете этого письма можно и должно сказать кое-что, если говорить о художественном произведении — о книжке, например. Я теперь поправляю рассказ бабы, поехавшей в Сибирь за мужем. [Толстой говорит о рассказе Т. А. Кузминской «Бабья доля», записанном со слов бабы и напечатанном в 1886 г. в «Вестнике Европы», а вслед за тем и в издании «Посредника».] Это — вся развратная жизнь и лживая, и в ней высокие черты. Нельзя и не должно скрывать лжи, неверности и дурное. Надо только осветить всё так, что то — страданья, а это радость и счастье. Не правда ли так, В[ладимир] Г[ригорьевич] и П[авел] И[ванович]?»

[3] Письмо К. М. Сибирякова, за которое Толстой просит передать ему благодарность, не сохранилось, но о содержании его можно судить по письму Толстого к Сибирякову от 13—17 сентября, повторяющему отчасти в более пространной форме то, что он просит Черткова передать ему на словах: «Я очень благодарен вам за ваше согласие обеспечить журнал и радуюсь полному согласию, установившемуся между вами, Чертковым и Бирюковым. И они и я — мы одинаково смотрим на дело; видим его большую важность и робеем за свои силы. Я надеюсь, если и пока буду жив, вести один или два отдела». Письмо заканчивается приглашением Сибирякову заехать в Ясную поляну по пути в Крым, куда он направлялся.

* 79.

1885 г. Сентября 14. Я. П.

Жду васъ и Спенглера. Даму принять неудобно [1]

Толстой

Печатается впервые. Подлинник представляет из себя телеграфный бланк без каких-либо пометок Черткова, кроме архивного номера. Датируем на основании служебных отметок, указывающих, что телеграмма была отправлена со станции Козловка-Засека 14 сентября.

Телеграмма эта является ответом на небольшое письмо Черткова из Петербурга от 11 сентября. Чертков пишет (приводим с сокращением): «Сибирякова мы с Бирюковым видели здесь. 13-го вечером Павел Иванович и я мы хотели поехать в Москву, чтобы 14-го сговориться с Сытиным относительно издания журнала. Оттуда Павел Иванович вернется в Петербург для окончательного соглашения с Сибиряковым и представления программы на утверждение Правительства. — Я хочу выехать из Москвы 15-го утром и быть у вас днем того же дня на лошадях из Тулы таким же образом, как в прошлый раз. Н. Д. Кившенко, о которой я несколько раз вам говорил [см. ниже прим. 1], возвращается из Петербурга в наш уезд для занятий в своей сельской школе. Ей очень хотелось бы повидаться с вами, но она боится навязываться или попасть не кстати. Так как я знаю, до какой степени ей было бы полезно и хорошо познакомиться с вами, то сообщаю вам про это и прошу вас телеграфировать на мое имя

в Москву, Малая Дмитровка, дом Мансуровой, желаете ли вы, чтобы она приехала со мною, или лучше нет. В последнем случае я пойму, что у вас на отказ имеются основательные причины. — Федор Спенглер [см. прим. 4 к п. № 4 от 17 февраля 1884 г.] кончает свои летние полевые занятия и собирается также в свою школу в наш уезд. Ему легко приехать к вам. Ему этого очень хочется, но он также стесняется. Однако, так как вы уже говорили мне, что рады будете его посещению, то я сообщаю ему о дне моего приезда к вам и зову его... Про Н. Д. Кившенко я вам пишу, потому что она посвятила себя именно той жизни в крестьянской среде, которой мы так сочувствуем, и притом подвергается всем соответствующим затруднениям. Поддержка ей очень нужна и теперь, перед началом учебного года, пришла бы как раз во время». —

О том, что приезд в Ясную поляну Черткова и Спенглера состоялся, можно видеть из последующих писем Толстого. Так в письме к Бирюкову от 17—18 сентября он говорит: «Пишу несвязно: слушаю разговор Черткова с Файнерманом».

[1] Надежда Даниловна Кившенко (ум. в 1903 г.), о которой говорит Чертков, — сестра художника А. Д. Кившенко, крестьянского происхождения, по словам всех знавших ее была не только идейным работником на поприще народного образования, но и выдающимся человеком. Сохранившиеся письма ее к Черткову по делам «Посредника», с конца апреля до середины сентября 1886 г., когда во время отсутствия Черткова и Бирюкова она согласилась взять на себя обязанности заведующей редакцией и складом, свидетельствуют о широте ее горизонта и тонком внимании к интересам народного издательства (АЧ). Большая часть ее жизни прошла однако в деревне, в тяжелом труде сельской учительницы, сначала в Воронежской губ., затем в Весьегонском уезде Тверской губ., где она вышла замуж за крестьянина. Книжка ее: «Дневник сельской учительницы», Спб., 1887 г., обратила на себя общее внимание тем более, что она была первая женщина учительница, проводившая систему свободного воспитания и обучения. Комментируя последнюю фразу телеграммы Толстого, относящуюся к приезду Н. Д. Кившенко, А. К. Черткова говорит, что, повидимому, Лев Николаевич отклонил прием в Ясной поляне гостьи из-за хозяйки дома, «которая всегда очень предубежденно относилась к посетительницам не светского круга, особенно к единомышленницам своего мужа. Сам же он был крайне щепетилен в этом отношении и никогда не приглашал и не принимал у себя лиц женского пола без личной санкции на то своей жены. Так и не состоялось никогда знакомство между Львом Николаевичем и Н. Д. Кившенко, о чем последняя с горечью вспоминала в разговоре с друзьями».

* 80.

1885 г. Сентября 19—20. Я. П.

Жена посылаетъ вамъ обѣщанную рукопись.[1] А я кладу въ конвертъ письмо отъ Лиз[аветы] Ив[ановны], которое я

нечаянно распечаталъ, за что прошу извинить. У насъ все очень хорошо. Я кое-что началъ писать — не статью. [2] Прочел письмо Фрея[3] — очень хорошее. — Хорошо ли вы доѣхали? Передайте мой поклонъ матушкѣ.

Вашъ Л. Т.

Печатается впервые. Подлинник написан на восьмушке писчей бумаги. На нем пометка рукой Черткова: «20 сент. 85». Датируем, исходя из того, что эти его пометки обычно делались на основании штемпеля отправления.

Небольшое письмо это написано очевидно после отъезда Черткова из Ясной поляны в Лизиновку, при посылке ему рукописи, которую, повидимому, еще при свидании обещала дать ему для прочтени Софья Андреевна (об этом см. ниже прим. 1), и письма его матери, Елизаветы Ивановны, посланного ему в Ясную поляну, но уже не заставшего его там.

[1] Рукопись, обещанная Софьей Андреевной, почти несомненно содержала в себе повесть «Смерть Ивана Ильича». Начало работы над ней относится еще к весне 1884 г. (см. п. № 15 от 25—27 апреля 1884 и прим. 7 к нему). В августе 1885 г. Толстой, как видно из письма его к Л. Д. Урусову от 20 августа, вновь взялся за нее и хотел окончить ее к дню рождения Софьи Андреевны, 22 августа, но не окончил. В своем примечании к одному из писем Толстого, от 5 сентября 1891 г., по поводу намерения его включить «Смерть Ивана Ильича» в число его произведений, право на перепечатку которых предоставляется всем желающим, — Софья Андреевна говорит: «Когда я издавала полн. собр. соч. [осень 1885 г. и зима 1886 г.], Лев Николаевич принес мне в день моих именин эту повесть и сказал: это мой подарок для нового издания» (см. «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене». Изд. 2-е, М. 1915, стр. 358). Вероятнее всего, что эту только что подаренную ей повесть Софья Андреевна и обещала Черткову дать для прочтения. Но работа над ней Толстого продолжалась и позже: об этом свидетельствуют письма его к Софье Андреевне за октябрь 1886 г. (см. т. 83).

[2] Повидимому, Толстой начал писать в это время «Сказку об Иванедураке и его двух братьях...», которая в октябре была уже закончена и о которой он писал Черткову в письме от 23—24 октября (см. письмо № 83 и прим. 7 к нему).

[3] Вильям Фрей, принявший это имя с переходом в североамериканское подданство, русский, Владимир Константинович Гейнс (1839—1888), происходил из семьи эстонских дворян. По окончании кадетского корпуса в провинции блестяще окончил в Петербурге Академию генерального штаба по геодезическому отд. и 24 лет был назначен преподавателем высшей математики при последней. Но его мучили социальные вопросы. Одно время, будучи еще в Академии, он примкнул к обществу «Земля и воля», которое было основано Чернышевским и Серно-Соловьевичами, однако в некоторых пунктах не сошелся с ними. В 1868 г., резко оборвав научную карьеру, открывавшую перед ним широкие житейские возмож-

ности, он переселился с молодой женой в Северную Америку, где основал на коммунистических началах небольшую земледельческую колонию. После распадения ее, в многолетних скитаниях изведал разные формы наемного физического труда: был извозчиком, наборщиком, батраком и т. п. и перебывал в нескольких свободных общинах, пытавшихся осуществлять идеал социальной справедливости. Встреча с одним позитивистом, приверженцем Огюста Конта и его «религии человечества», изложенной в его «Système de politique positive» (4 т., 1852—1854 гг.), открыла перед Фреем новые перспективы, отвечающие сложившемуся в нем убеждению, что без глубоких нравственных побуждений человечество не сможет обновить основы своей социальной жизни. Контовская «религия человечества», принятая только одной частью научных последователей Конта, отвергая идею бога, ставила на ее место идею человечества, как некоего единого, целостного существа, находящегося в процессе своего образования и устремленного в далекое будущее. Из религии человечества вытекают и все нравственные принципы, поскольку она объединяет людей и утверждает преобладание симпатических или социальных влечений над индивидуальными и господство альтруизма над эгоизмом. Фрей, сделавшись страстным приверженцем этого учения, в некоторых отношениях переработал его по своему, внеся в него коммунистический элемент и требование крайней простоты жизни. В 1884 г. он переселился в Англию, где и познакомился впервые с некоторыми произведениями Толстого. Летом 1885 г., по приезде в Россию, ближе познакомившись с его деятельностью последних годов и надеясь привлечь его к деятельности по распространению религии человечества, он написал ему 24 августа небольшое письмо, выражая желание лично познакомиться с ним, а затем, 10 сентября, послал ему большое письмо, в 60 страниц, с изложением основных принципов своей религии. Очевидно об этом-то письме Толстой и пишет в комментируемом письме Черткову, потому что немного раньше, 17—18 сентября, он сообщает Бирюкову, что ответил Фрею на его первое письмо и прибавляет: «Теперь буду читать его длинное письмо». В ответ на него Толстой пригласил Фрея приехать в Ясную поляну. Сам Фрей, значительно позднее, в напечатанном им письме к русскому обществу, рассказывает об этом так: «Вскоре после получения моего письма Лев Толстой написал мне братское приглашение приехать к нему, чтобы словесно разобраться в недоразумениях, всегда сопровождающих сжатое изложение нового мнения. Я поспешил воспользоваться его приглашением и провел с ним пять незабвенных для меня дней (от 7 до 12 октября)... Мы не только поняли друг друга, но расстались, скрепленные духовным родством, взаимным уважением и глубокой симпатией...» (О впечатлениях Толстого, вынесенных из этого свидания, см. следующее его письмо, № 81, от 11 октября 1885 г.) После этого Фрей уехал на юг России, откуда прислал Толстому обширную заметку, где формулировал свои мысли, вызывающие разногласие с Толстым, в виде тезисов. В это время он еще не терял надежды склонить его к «религии человечества». Довольно много времени спустя Толстой приписал к каждому из тезисов Фрея свое мнение по затрогиваемому им вопросу. Таким образом создался документ, наглядно формулирующий их принципиальные

расхождения. В декабре того же 1885 г. в Москве состоялось новое их свидание. В это время Толстой заканчивал работу над 30-й главой статьи «Так что же нам делать», в которой учение Конта подвергается жестокой критике. В предшествующей, 29-й главе, он подверг такой же критике разные философские и научные системы, не способные служить нравственным руководством для людей в их практической жизни, и потому он надеялся встретить сочувствие Фрея к этой части своего труда. Действительно, Фрей отнесся к 29-й главе очень сочувственно, но 30-я глава вызвала в нем такой протест, что, оставшись ночевать в кабинете Толстого, он встал рано утром и написал ему большое письмо с убедительной просьбой уничтожить всю 30-ю главу и исправить 29-ю главу так, чтобы учение Конта было отчетливо выделено из тех позитивных течений науки, которые отвергаются Толстым. Толстой остался однако при своем. — Вернувшись после этого свидания в Петербург, Фрей нашел живое участие в том кругу, который группировался вокруг Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбургов (см. комментарий к п. № 43 от 5—6 февраля 1885), в том числе у А. М. Калмыковой. Фрей вскоре уехал в Англию. Там он прожил свои последние годы, зарабатывая хлеб типографским трудом и посвящая всё свободное время распространению религии человечества. После смерти Фрея Толстой писал 21 августа 1889 г. Е. П. Свешниковой: «На памятник я денег посылать не буду, но хотел воспользоваться адресом написать ей [жене Фрея], прося сведений о жизни ее мужа, глубоко уважаемого и горячо любимого мною человека, о к[отором], если буду жив, напишу как умею, с тем, чтобы познакомить русских людей с одним из замечательнейших людей нашего и не только нашего времени по самым редким нравственным качествам». О переписке и свиданиях их см. П. И. Бирюков «Л. Н. Толстой и В. Фрей», «Минувшие годы», 1908, 9 и статью «Вильям Фрей» в «Русских пропилеях» под ред. М. О. Гершензона, т. I, М., 1915, стр. 276—362. См. также по Указателю т. 50.

* 81.

1885 г. Октября 11. Я. П.

Получилъ ваше 2-е письмо, дорогой другъ, не успѣвъ отвѣтить на первое. Очень радуетъ меня ваша забота о дѣлѣ — о картинахъ.[1] Буду стараться пока живъ: на дняхъ примусь за работу. Въ книжкахъ для чтенія[2] поручите кому-нибудь или сами ищите сюжеты. Я думаю, что кое-что тамъ можно найти. — Вотъ 4-й день, что у меня гоститъ Фрей, онъ очень интересный, очень умный, искренній и, главное, добрый человѣкъ.[3] Онъ много, много говорилъ о позитивизмѣ, и я говорилъ было, но потомъ сталъ воздерживаться. Слишкомъ больно ему слышать то, что разрушаетъ его вѣру. А онъ живетъ ею, и вѣра хорошая. Хотя онъ и отвлекъ меня отъ занятій, я не жалѣю объ этомъ: онъ много новаго мнѣ сообщилъ изъ американской

жизни — перенесъ меня совсѣмъ въ эту чуждую намъ жизнь, потомъ для нашего журнала — я надѣюсь, что онъ будетъ намъ очень полезенъ. Я просилъ его писать намъ 3 вещи: 1) технологію самыхъ простыхъ пріемовъ въ самой обыкновенной работѣ — топоры, пилы, телѣги и т. п. (Эту часть онъ не обѣщалъ, но если онъ не сдѣлаетъ, надо намъ всѣмъ искать такого человѣка, который бы велъ этотъ отдѣлъ), 2) гигіену — о томъ, что̀ ѣсть, какъ ѣсть, какъ одѣваться, какъ воздухомъ пользоваться, какъ спать — все это по отношенію особенно къ тѣмъ несчастнымъ, к[оторые] по городамъ гибнутъ не столько отъ недостатка, сколько отъ неумѣнія употребить то, что у нихъ есть, и отъ незнанія того, что имъ нужно. (Это онъ обѣщалъ, и надо будетъ настаивать на томъ, чтобы онъ сдѣлалъ это), и 3-е Свои записки о томъ, какъ онъ, баринъ, ученый офицеръ, поѣхалъ въ Америку работникомъ, какъ и горе хватилъ тамъ, и работать и жить научился въ 17 лѣтъ, и какъ тамъ люди живутъ. — Это было бы превосходно. И мнѣ кажется, что онъ можетъ это сдѣлать, и онъ обѣщалъ мнѣ.[4] —

Нынче уѣхали мои всѣ въ Москву, и я остался одинъ на неопредѣленное время. Чувствую, что нельзя будетъ прожить такъ всю зиму. А впрочемъ ничего не загадываю. — Какъ я радуюсь, что вегетаріанство вамъ пошло на пользу. Это не можетъ быть иначе.[5] — Продолжаются ли ваши сношенія съ мужиками? Это, какъ все хорошее, и радостно, и здорово, и полезно. Благодаря Файнерману,[6] я захожу по вечерамъ въ школу — гдѣ собираются взрослые слушать чтеніе и бываютъ бесѣды очень хорошія. Меня порадовалъ успѣхъ моего разсказа, больше, чѣмъ порадовалъ, — умилилъ. А здесь Софронъ[7] имѣетъ поразительный успѣхъ и трогаетъ сердца. — Пожалуйста, простите меня, если я виноватъ, но мнѣ кажется, что вы увезли оба разсказа, о которыхъ вы пишете: изъ Зола и сказка.[8] Я ихъ искалъ и не нашелъ. — Урусова жалко,[9] но — между нами сказать — горя, также и радости для меня отъ внѣшнихъ событій быть не можетъ... — Прощайте, милый другъ. Дай вамъ Богъ идти все по той же дорогѣ.

Л. Т.

Полностью печатается впервые. С исключением некоторых строк напечатано в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 27—28, с ошибочной датой 14 октября 1885 г. Подлинник написан на почтовой бумаге, разграфленной в мелкую клетку, с бланком «Посредника».

На нем рукой Черткова пометка: «Я. П. 14 окт. 85», вероятно, соответствующая на этот раз штемпелю получения за неразборчивостью штемпеля отправления. Письмо по всем данным написано 11 октября: в нем говорится, что Фрей находится в Ясной поляне 4-й день (он приехал туда 7 октября) и кроме того в письме к Софье Андреевне от 11 октября Толстой пишет: «Теперь написал письмо Черткову и пишу тебе».

Письмо это является ответом не на два письма Черткова из Лизиновки, как говорит Толстой, а на три: от 27 сентября, от 4—5 октября и от 8 октября. В первом из них Чертков сообщает о себе: «... С вашей легкой руки стал я посещать здешних крестьян. Каждый день к вечеру я хожу пешком... и вхожу в разговоры с теми крестьянами, которые ко мне подходят. Меня обыкновенно зазывают в хату. Иногда сходятся соседи... Они в большинстве случаев относятся ко мне просто, доверчиво и откровенно. Первые года моей жизни здесь было наоборот, и оттого я перестал с ними водиться. Теперь я очень рад их отношению ко мне, и то время, которое я провожу с ними, самое отрадное и освежительное занятие дня. Но, разумеется, я не меньше, а еще больше чувствую, что действительное, нормальное общение с ними требует жизни в одинаковой с ними обстановке и при собственной работе, одинаково-напряженной с их работой. Когда они того желают, я им читаю. Прочел я им «Два старика» и «Упустишь огонь». Успех этого чтения превысил всякие ожидания. С тех пор приходили в школу, желая приобрести «Два старика». А во время чтения «Упустишь огонь» меня прерывали восклицаниями подтверждения и одобрения. В середине чтения, там, где вы описываете ссоры баб, один выбежал на двор созвать соседних баб, пришлось начать снова, и когда я кончил и осмотрелся, то хата оказалась наполненной битком мужиками, женщинами и детьми, и все были видимо растронуты. В начале рассказа много смеялись над ссорой из-за курицы, а к концу рассказа все смолкли и у многих были слезы на глазах. По окончании чтения долго молчали и думали, а один заметил: «Да, если бы то всегда помнить, что рассказывается в этой книжке, то никакой вражды между нами не бывало бы. Да беда в том, что не помнишь этого». Другой стал возражать: «Ты чего — не помнишь»..., — и пошли разговоры. Оказалось, что именно из-за яиц в нашей деревне завелась какая-то вражда, и что судились и всё прочее по этому поводу. Они сначала подумали, что книжка на это и написана»... — В очень большом письме от 4—5 октября, Чертков пишет: «Ну что-то давно ничего не слышу от вас, дорогой друг Лев Николаевич. А между тем мысли мои постоянно переносятся к вам... Думая о вас, вспоминаю смерть Урусова [см. ниже, прим. 9]. Я знаю, как он был для вас дорог. И между тем мне представляется, что смерть его не может на вас слишком сильно отразиться. Ну — жил, следовательно и умер, вот как мы живем и, следовательно, непременно умрем. Если ваша жизнь мне дорога, и я отчасти живу в ней и ею, то эта наша общая жизнь не может прекратиться для меня вашей смертью. «Как Ты, Отче, во мне, и я в Тебе, так и они да будут в нас едино»... Но вот, покуда вы и я, мы органически живы и представляем отдельные частички одного целого, мне очень отрадно то, что я могу входить с вами в личные сношения. — Последнее время я как-то

странно себя чувствую... Испытываю что-то в роде пустоты или вернее неопределенности. Я думаю, это происходит от того... что я никуда не прикреплен, не прирос. А главным образом, что не имею дома — в смысле семьи. Я везде гость и больше всего в доме своей матери. Моя ли это вина, или просто неизбежное последствие моей обстановки, не знаю, — но знаю, что постоянно всё больше и больше испытываю потребность делить жизнь с женою... Впрочем, довольно про себя. Ах да, еще два слова про себя и вегетарианство.. К своей несказанной радости, я окончательно убеждаюсь, что для успокоения половых потребностей, когда приходится воздерживаться в этом отношении, нет ничего лучшего, чем воздержание от мясной пищи. Как рукой снимает эти страшные муки... — Вероятно. Павел Иванович уже был у вас и, может быть, уже уехал. Я так рад за него, что он освободился от своей казенной службы. И дело от этого значительно выиграет... Я только что, наконец, получил исправленную рукопись «Франциска» [см. прим. 1 к п. № 77 от 29—30 августа 1885 г.]. «Фабиолу» мне также прислали... При чтении книжек в роде «Франциска» и «Фабиолы» меня продолжает смущать несостоятельность того, что я занимаюсь изданием, а не исполнением на деле этих книжек. Имеете ли вы подобное чувство? Вместе с тем я сознаю, что исполнять их каждый из нас может и, слава богу, отчасти исполняет в своей частной жизни... и что не надо жалеть, что в наше время исполнение это не принимает такой картинной и видной формы, как в те времена. Борьба та же, или могла бы и должна бы быть такою же и при нашей будничной, незаметной для других обстановке, хотя «mise-en-scène» почти отсутствует. И, слава богу, отсутствуют также... эти острые формы костров, колесования...» Продолжая письмо на следующий день, Чертков пишет: «Вчера получил письмо от Свешниковой. Она сообщает, что Цебрикова [см. прим. 8 к п. № 56 от 7 мая 1885 г.] согласна на бесплатное издание всех своих рассказов для лубочной литературы. Только, к сожалению, мне кажется, что мало подходящего у нее найдется. Свешникова спрашивает про «Жизнь рабочего люда» из Золя [см. ниже прим. 8]. Она предлагает пересмотреть эту вещь... «чтобы утратилась довольно значительная сероватость, бесцветность тона». Этот рассказ я вам послал вместе с «Ткачем и хлебопеком» [См. ниже прим. 8]. Не посвятите ли вы часочек на прочтение этого рассказа «Жизнь рабочего люда...» Так как здесь дело идет о Золя, то желательно отнестись возможно внимательнее и в случае нужды сделать другое, более полное переложение «Assommoir»... Во всяком случае, верните мне, пожалуйста, сюда этот рассказ, если возможно с кое-какими отметками на полях для руководства при отделке его». — Письмо от 8 октября Чертков посвящает полностью вопросу об издании картин. «Хочу вам написать несколько слов собственно о наших картинах, — говорит он. — Как я вам уже писал... картинки ко всем составленным вами рассказам уже нарисованы художниками и готовятся к печати у Сытина, равно как и обе картины из жизни Христа, из которых «Бичевание» только на этих днях, наконец, разрешили к нашей великой радости. Сытин говорит, что в нынешнем месяце должны выйти в продажу все эти картины. Между тем по окончании изготовления их его состав живописцев, изготовляющих камни и проч., окажутся без работы, и Сытину придется

задать им воспроизведение еще серии картин. Вот тут-то желательно, чтобы он не возвращался к прежним сюжетам, а продолжал занимать свою литографию изготовлением таких картин, какие мы можем ему доставить. Он сам этого желает, можно сказать, просто — страстно и постоянно умоляет меня, чтобы ему доставляли побольше сюжетов для картин. Ему самому противно, что он прибегает к каскадным французским сюжетам вперемежку с нашими картинами... С другой стороны художники, рисующие к вашим рассказам, как, напр., Репин, Крамской и друг., не могут очень скоро к сроку исполнять их, и при том... для того чтобы заручиться их охотным содействием, необходимо предлагать им... одновременно десяток сюжетов, из которых они могли бы выбирать то, что вызывает в их личном сознании наибольшую отзывчивость... Для успешного преследования нашей цели необходимо сейчас же заручиться по возможности десятком сюжетов. ...Одним словом я вам сказал, что мне кажется существенно для правильного развития нашего предприятия, а вы, главный и пока единственный источник сюжетов, уже поступите, как знаете. — За границей я усиленно искал сюжета для картин «Христа у фарисея на пиру» и «Богатого юноши», на которые вы мне указывали. Но мне не удалось найти подходящее... То же самое относительно «Христа перед Пилатом», к чему уже имеется у меня ваше изложение. «Архиерей и разбойник с подсвечниками» [см. ниже прим. 1] представляет отличный сюжет для картины, но рисунок Сытинский (Касаткина) не годится: архиерей изображен плохо, а группа исправника с преступником нарисована с задором ненужным и который непременно вызовет порицание цензуры. Но нужны еще около 9-ти сюжетов. Не можете ли вы кое-какие набрать из ваших книжек для чтения? Это не нанесет никакого ущерба графине. [См. ниже прим. 2.] Напротив того. Но всё это дело испещрено такою массою мелких затруднений и задержек, о которых нельзя себе составить понятия, не вошедши в сношения с художниками, цензурою и т. п.».

[1] Из картин, которые должны были войти и вошли в первую серию издания «Посредника», были готовы в это время: «Искушение Христа» Ари Шеффера и «Бичевание Христа» Бугро (см. прим. 3 к п. № 51 от начала апреля 1885 г.), картинки с маленькими рассказами Толстого «Два брата и золото» и «Вражье лепко» Репина, а также «Девченки умнее стариков» Савицкого и кроме того картина «Спесь» — к стихотворению того же заглавия Алексея Толстого, сделанная художником гр. Ф. Л. Соллогубом (1850—1890), родственником Черткова и хорошим знакомым Толстого. Для дальнейшего намечалась в это время позднее осуществленная серия преимущественно бытовых картин русских художников. Так в письме к Черткову от 16 сентября Бирюков говорит о переснимке для издания картины Г. Г. Мясоедова, которая вошла потом в эту серию под названием «Чтение Положения 19 февраля». Из четырех же картин, о которых Чертков говорит в конце своего письма (трех на евангельские темы и одной на мотив из романа «Les misérables» В. Гюго в переложении Толстого на русские нравы, сделанном для кн. II его «Азбуки») ни одной не удалось осуществить.

[2] Четыре «Русские книги для чтения» Толстого, предназначенные для обучающихся детей и вышедшие впервые под этим заголовком в 1874 г., представляют собой собрание тех же маленьких рассказов, басен и т. п., которые входили первоначально в его «Азбуку» (1-е издание — 1872 г.). Из этих «Русских книг для чтения» были уже взяты для первой серии книжек «Посредника» две вещи Толстого: «Бог правду видит, да не скоро скажет» и «Кавказский пленник». Чертков надеялся найти там еще небольшие рассказы в виде текста для картин. Но вопрос этот имел и щекотливую сторону: прекрасно расходившиеся и постоянно переиздававшиеся «Русские книги для чтения» составляли как бы собственность С. А. Толстой. Поэтому, обращаясь к Толстому с просьбой поискать в Книжках для чтения подходящих вещей, он и подчеркивает, что «это не нанесет никакого ущерба графине».

[3] О том, какое сильное и приятное впечатление Фрей произвел на Толстого своей личностью, свидетельствуют письма его к разным лицам как во время пребывания Фрея в Ясной поляне, так и после его отъезда. Так в письме к Софье Андреевне от 11 октября Толстой пишет: «Файнерман спорит с Фреем и я слушаю одним ухом и вижу, что Файнерман его побеждает. Но я молчу. Фрей так мил, такой хороший человек, что жалко смущать его». В письме к Т. А. Кузминской от 16 октября он вспоминает о пребывании Фрея в следующих словах: «Без тебя был Фрей... Он интересен тем, что от него веет свежим, сильным, молодым миром американской жизни... Он 17 лет прожил большею частью в русских и американских коммунах, где нет ни у кого собственности, где все работают не «головой», а руками и где многие мужчины и женщины счастливы очень». В письме от 19—20 октября Бирюкову он говорит: «Поблагодарите Александру Михайловну Калмыкову за Фрея. Как мне кажется, она оценила его больше всех. Он пробыл здесь 4 дня, и мне жалко было и тогда и теперь всякий день жалко, что его нет. Во-первых, чистая, искренняя, серьезная натура, потом знаний не книжных, а жизненных, самых важных — о том как людям жить с природой и между собой — бездна... Он был в школе со мною на вечернем чтении, начал разговор с мужиками. Надо было видеть, как разинули они рты на его рассказы». (См. т. 63.) — Несколько лет спустя, в письме к Н. В. Рейнгардт от 22 февраля 1889 г., вспоминая это посещение Фрея, Толстой сообщает следующий эпизод, характерный для их отношений: «Помню, в Ясной поляне мы спорили. Я жестоко возражал ему и когда он вышел из комнаты, я опомнился и устыдился своего недружелюбного тона. Когда он вернулся, я сказал ему, что мне совестно за свою горячность, что я прошу его извинить меня. Я не успел договорить, как он уже со слезами на глазах обнял и поцеловал меня. Я многим ему обязан». (См. т. 65.)

[4] Об участии Фрея в предполагаемом народном журнале Толстой пишет почти в тех же словах и в вышецитированном письме от 19—20 октября к Бирюкову. Вопрос о научном отделе в этом журнале очень занимал Толстого. Еще до приезда Фрея, в письме к Бирюкову от 17—18 сентября, он говорит: «Журнал очень вызывает меня к деятельности... Пришлите пожалуйста программу, если у вас есть. Меня смущает научный отдел. Это как раз самое трудное. Как раз выйдет пошлость. А этого надо бояться

больше всего. Язык надо бы по всем отделам держать в чистоте — не то, чтобы он был однообразен, а напротив, чтобы не было того однообразного литературного языка, всегда прикрывающего пустоту. Пусть будет язык Карамзина, Филарета, попа Аввакума, но только не наш газетный...» В письме к Бирюкову, где Толстой говорит о Фрее, он употребляет такое выражение: «Я его просил быть сотрудником нашего полуфантастического пока журнала», а в заключении письма прибавляет: «Что журнал? Вы ждете, чтобы я вас подбадривал, а я, чтоб вы»... Последние строки этого письма уже указывают на то, что в редакции «Посредника» возникала неуверенность в осуществимости задуманного журнала. Смущали неизбежные трудности цензурного характера и сложность ведения дела при все расширяющейся деятельности в пределах самого «Посредника». В сентябре и первой половине октября в письмах Черткова и Бирюкова еще говорится о том, как исхлопотать разрешение на журнал, но уже 22 октября Чертков, остававшийся еще в Лизиновке, пишет Бирюкову в ответ на несохранившееся письмо его от 19 октября: «Мне кажется, что ты совершенно прав в том, чтобы не торопиться с журналом. Дело журнала тождественно с делом склада и потому было бы неразумно браться за одно в ущерб другому» (АЧ). Затем в течение пяти месяцев о журнале не встречается больше никаких упоминаний ни в письмах Черткова и Бирюкова, ни в письмах Толстого, которого и тот, и другой несомненно осведомляли о своих сомнениях при личных свиданиях с ним. Наконец, в письме от 29 марта 1886 г. Чертков сообщает Толстому: «П. И. Бирюков отказывается от мысли начать теперь журнал. И я этому очень рад, так как издание наших книжечек далеко еще не установилось, как следует, и дело это требует всего нашего внимания». Разъясняя это свое решение в письме к пишущей эти строки, в ответ на запрос ее, в последний год своей жизни, 15 мая 1931 г., Бирюков говорит, что одной из причин его отказа от журнала была неуверенность в своих силах и в возможности вести это дело, сохраняя необходимую искренность.

[5] Чертков познакомился с идеей вегетарианства и стал вегетарианцем независимо от Толстого и раньше его, в Англии, откуда он привез литературу по этому вопросу, которая заинтересовала и Толстого. Сам Толстой в то время — 1884 и 1885 гг. — не был еще вегетарианцем.

[6] О Фейнермане см. прим. 5 к п. № 77 от 29—30 августа 1885 г.

[7] «Софрон» — рассказ В. Савихина «Дед Софрон». См. прим. 1 к п. № 45 от 15 февраля 1885 г.

[8] Об этом рассказе — эпизоде из романа Золя «L'assommoir» в переделке М. К. Цебриковой — говорится выше в письме Черткова. Рассказ этот был напечатан в «побочной серии» «Посредника» в 1886 г. под заглавием «Жервеза. Рассказ из жизни рабочего люда». Сказка Цебриковой «Ткач и хлебопек» перепечатана «Посредником» не была.

[9] Друг Толстого кн. Л. Д. Урусов скончался в имении своего тестя Мальцова, Дятьково, Брянского у. Орловской губ., 23 сентября 1885 г. В этот день Софья Андреевна писала сестре своей Т. А. Кузминской: «Сейчас принесли телеграмму. Урусов сегодня умер. Сегодня 23 года тому назад нас венчали. Какое совпадение. Левочка не поехал, жаль, к нему, верно ему больно было это» (ГТМ). Действительно, Толстой летом этого

года не раз собирался поехать к нему, но поездка эта не состоялась. Последнее письмо его к Урусову — после быстро следующих друг за другом писем в течение июня и июля — было от 20 августа 1885 г. — Сведения об Урусове см. в прим. 15 к п. № 46 от 24 февраля 1885 г.

82.

1885 г. Октября 15—16. Я. П.

Живу 4-й, кажется, день (не вижу, какъ дни идутъ) одинъ въ деревнѣ — одинъ съ Ал[ександромъ] Петр[овичемъ]. [1] Работается такъ много, какъ давно не было. Только горе, пишу все разсужденія въ статью Ч[то] н[амъ] д[ѣлать]. И знаю и согласенъ съ вами, что другое нужнѣе можетъ быть людямъ, да не могу — нужно вышерхнуть то, что засѣло въ горлѣ. И кажется, скоро освобожусь. Вчера получилъ ваше письмо и очень радъ былъ. 1) О Тараскѣ нѣтъ описки. У насъ выводятъ лошадей за ворота, привязываютъ на улицѣ и тогда ужинаютъ и убираются въ ночное. Но это многіе замѣчали. Я никакъ не умѣю вставить объясненіе этаго. Если вы придумаете, вставьте. Но, впрочемъ, если крестьяне найдутъ нужнымъ объясненіе. [2]

2) Ч[ѣмъ] л[юди] живы. [3] О томъ, какія три слова Божія надо знать людямъ и ангеламъ.

Б[огъ] п[равду] в[идитъ]... или исторія о [4] томъ, какъ за чужой грѣхъ [5] померъ на каторгѣ невинный и простилъ своего злодѣя.

Кав[казскій] пл[ѣнникъ] или исторія о томъ, какъ былъ въ плѣну и бѣжалъ изъ плѣну русскій офицеръ.

Уп[устишь] ог[онь], н[е] п[отушишь] [6] или [7] о томъ, какъ [8] мужикъ по злобѣ къ сосѣду самъ себя сжегъ и какъ онъ одумался.

Сапожникъ Мартынъ, [9] разсказъ о томъ, какъ старикъ увидалъ во снѣ Христа и увидалъ на яву у себя въ горницѣ. [10]

Свѣчка [11] или какъ добрый мужикъ пересилилъ злого прикащика.

Два старика или притча о томъ, что спастись можно во всякомъ мѣстѣ.

Все это или почти все не хорошо. Я постараюсь придумать лучше. Должно быть, вамъ лучше будетъ еще, когда вы останетесь одни. Впрочемъ все благо въ своей душѣ, а не внѣ ея.

Пишите. Цѣлую васъ.

Л. Т.

Напечатано почти полностью (за исключением двух последних строк) в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 28—29. На подлиннике рукой Черткова пометка: «Я. П. 17 октября 85», соответствующая, вероятно, штемпелю, поставленному в «почтовом вагоне», потому что, как видно из ближайшего письма Черткова, 18 октября вечером оно было уже в Лизиновке. Вернее всего оно было написано 15 октября: Толстой говорит в нем, что живет «4-й, кажется, день» один в деревне, — считая, вероятно, с отъезда Фрея, который уехал 12-го, но можно допустить по ряду соображений, что оно было написано и 16 октября.

Толстой отвечает в нем на письмо Черткова от 12 октября, в котором говорится: «Сытин хочет снять гальвано-пластический снимок с набора наших книжек, для того чтобы при повторениях изданий не приходилось снова набирать каждый рассказ. По этому случаю я занимаюсь окончательною корректурою наших книжек, т. к. потом исправлять будет уже очень затруднительно. Пересматривая «Упустишь огонь», я наткнулся на одно место не вполне ясное: на стр. 23 и 24 подчеркнутые места. Если Иван выпустил Тараску с лошадьми на улицу ехать в ночное и запер ворота, то каким образом Тараска потом оказался еще в избе и убирался в ночное? Другие читатели также замечают здесь некоторую несообразность. Не описка ли это с вашей стороны? В таком случае, пожалуйста, поправьте на прилагаемом экземпляре и верните мне. Так как теперь будут изготовляться... клише для этих рассказов, то теперь как раз время пополнить заглавия ваших рассказов, согласно тому, что мы говорили в Ясной. Пожалуйста, Л. Н., запишите и пришлите мне более подробные заглавия, наподобие «Битва русских с кабардинцами или прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа», или же в форме—«Рассказ о том, как и т. д.» — Пришлите их к каждой вашей повести: 1. Чем люди живы. 2. Бог правду видит. 3. Кавказский пленник. 4. Упустишь огонь. 5. Где любовь. 6. Свечка. 7. Два старика. — Это имеет большое значение в глазах покупателей и, сделав это, вы приведете эти книжечки в самую подходящую форму для лубочных изданий. — Я показывал здесь крестьянам рисунок Репина к «Вражье лепко» и читал при этом самый рассказ. Это вызывает самый большой интерес, и я даже был удивлен, до какой степени слушатели входят в самую глубину смысла рассказа и картины, и — до какой степени никакой малейший намек на картине не пропадает для них даром. Выслушавши рассказ, они долго разбирают картину и поясняют друг другу и обсуждают ее. С таким воодушевлением они делают это, что со стороны кажется, будто они обсуждают не картину, а живую сцену, происходящую на их глазах. Мне было очень отрадно это видеть и мне так хотелось, чтобы вы были с нами и присутствовали при этом... Я начинаю опять немного втягиваться в более деятельную жизнь. Вчера целый день много работал. — Шуваловы вероятно уезжают на этих днях, и я опять останусь вдвоем с моей матерью. А с вами что, Л. Н.? Вы мне как-то раз говорили, что будете писать мне, если не будете заняты другою письменною работою. Я теперь утешаю себя в неполучении от вас писем тем, что вы вероятно что-нибудь пишете для всех...

[1] С Ивановым, старым переписчиком. (См. прим. 2 к п. № 10 от 27 марта 1884 г.)

[2] Очевидно, после объяснения Толстого Чертков уже не нашел нужным добавлять что-либо к его тексту в рассказе «Упустишь огонь, не потушишь», так как текст остался в прежнем виде.

[3] *Зачеркнуто:* притча

[4] *Зачеркнуто:* невинно

[5] *Зачеркнуто:* умер

[6] *Над этим, прежним заглавием—зачеркнутое:* Два мужика.

[7] *Зачеркнуто:* притча

[8] *Зачеркнуто:* злоба на соседа погубила мужика и как он опомнился.

[9] *Зачеркнуто:* или

[10] Рассказ, названный здесь «Сапожник Мартын», — озаглавлен в печати «Где любовь, там и Бог». См. прим. 1 к п. № 49 от 17—18 марта 1885 г.

[11] Рассказ «Свечка» был написан Толстым, вероятно, в первой половине июня 1885 г., потому что Н. Н. Страхов в письме к Н. Я. Данилевскому от 18 июня говорит о нем, как о прочитанном им в Ясной поляне в это время, вместе с рассказом «Два старика» (см. прим. 5 к п. № 71 от 17—18 июня 1885 г.). Рассказ этот был напечатан в журнале «Книжки Недели», 1886 г., январь, а затем вышел в изд. «Посредника», с рис. А. Д. Кившенко, под тем заголовком, который Толстой дал ему в комментируемом письме: «Свечка или как добрый мужик пересилил злого прикащика», М., 1886.

Ответ на вторую половину письма Толстого мы находим в следующих строках письма Черткова от 19 октября 1885 г.: «Вчера вечером я получил ваше письмо с дополнительными заглавиями. Они мне кажутся очень хорошими — простыми, ясными и вообще как нельзя более подходящими. Сытин советует прибавить эти заглавия тогда, когда по истечении года придется снова возобновлять цензурное разрешение на наши книжки. Если сейчас представить в цензуру эти новые заглавия, то легко могут выйти усложнения, которые задержат ближайшие выпуски наших уже разрешенных книг. Я с ним согласился».

* 83.

1885 г. Октября 23. Я. П.

Получилъ вашу рукопись[1] и тотчасъ же просмотрѣлъ ее и поправилъ, какъ умѣлъ на скоро. Вы напрасно такъ несмѣло сами поправляете. — Началъ писать вамъ это письмо, когда отправлялъ Пет[ра] М[ихайловича],[2] но не успѣлъ кончить. Съ тѣхъ поръ получилъ два письма — одно вчерашнее съ выраженіемъ неодобренія тому, что я посвящаю все свое время статьѣ, — и нынѣшнее о двухъ старик[ахъ].[3] Я согласенъ съ вами, что другое я бы могъ писать, и оно какъ будто дѣйствительнѣе, но не могу оторваться, не уяснивъ прежде всего себѣ (и другимъ, можетъ быть) такую странную, непривычную мысль,

что считающееся такимъ благороднымъ — занятіе нашими науками и искусствами — дурное, безнравственное занятіе. И мнѣ кажется, что я достигаю этаго и что это очень важно. Нынче съ Ал[ександромъ] Петр[овичемъ] говорили. Онъ говоритъ, что нескоро люди будутъ жить хорошо, а мнѣ всегда кажется, что скоро. Стоитъ только разрушить соблазнъ— ложное, обманчивое разсужденіе, на к[оторое] они опираются.[4] Люди разумныя существа и не могутъ жить съ сознаніемъ, что они живутъ противъ разума. И вотъ, когда они дѣлаютъ это, имъ на помощь приходитъ умъ, строящій соблазны. Стоитъ разрушить соблазнъ, и они покорятся. Они построятъ новые, но обязанность каждаго, если онъ ясно видитъ обманъ соблазна, — указать его людямъ. Я это-то и пытаюсь дѣлать. Но ваши замѣчанія мнѣ очень дороги и полезны, и пожал[уйста] дѣлайте ихъ и порѣзче. — Слова, вышущенныя въ двухъ старикахъ,[5] помѣстите, только бы цензура не помѣшала. Я все живу одинъ и очень хорошо, очень много работаю. И особенно радостна серьезность, отсутствие глупостей жизни. Въ томъ письмѣ, к[оторое] пропало, помню только, что я писалъ о журнале и о Бирюковѣ, какой онъ хорошій человѣкъ. — Не знаю, долго ли я проживу здѣсь. Хотѣлось бы всю жизнь. Статья моя приходитъ къ концу. Сейчасъ ѣздилъ на Козл[овку] и думалъ[6] заключеніе. Спенглеръ совершенно правъ. Она растянута вся ужасно, но это въ мою пользу. Я мало отдѣлываю ее — отъ того она длинна. Мнѣ нужно только все высказать. —

Фейнерманъ-учитель не утвержденъ попечителемъ и остается жить въ деревнѣ у мужика. Не знаю, что будетъ съ нимъ, но чѣмъ больше я его знаю, тѣмъ больше вижу въ немъ искренности и силы душевной, не говоря ужъ объ умѣ. —

Спасибо вамъ, что пишете.

Л. Т.

Я написалъ сказку.[7] Хорошо бы было ее издать у Сытина, но цензура не пропуститъ, и потому хочу попытаться напечатать ее или въ Недѣлѣ или въ полномъ собраніи. Мнѣ эта сказка нравится. Желалъ бы знать ваше впечатлѣніе. Теперь скоро увидимся.

Полностью печатается впервые. С пропуском первых строк и отдельных фраз во 2-й половине было напечатано в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 29—30. На подлиннике рукой Черткова пометка:

«Я. П. 24 октября», но письмо, очевидно, было написано днем раньше, так как 26 октября Чертков уже отвечает на него. Кроме того в письме к Софье Андреевне от 23 октября Толстой, упоминая о получении одновременно с ее письмом письма от Черткова, говорит, что ответы на эти письма отправит на следующий день.

Два письма Черткова, о которых Толстой упоминает здесь и на которые отвечает, это письма от 19 и 20 октября. Первое из них, являясь ответом на предыдущее письмо Толстого, в одной части уже цитировано нами выше. Другая его часть — о статье «Так что же нам делать» — связана больше с комментируемым письмом. «... Так вы работаете всё над статьей,— пишет Чертков. — Ну, что ж, от всей души желаю вам успеха и понимаю, что можно писать только то, что само напрашивается. Мое впечатление от ваших глав «о деньгах» подтверждается. Люди, не сочувствующие вашей точке зрения, находят там... мало такого, что не было сказано в разные времена разными писателями. Но в особенности важен отзыв одного читателя, вполне согласного со *всем*, что вы говорите (молодого Спенглера); он прочел внимательно и нашел, что очень растянуто. Сообщаю это вам не ради критики того, что вы делаете, а потому что думаю, что вам хорошо это знать»... — В заключение Чертков снова возвращается к вопросу о текстах для картин: — «Неужели вы не можете в промежутках между той работой набросать несколько сюжетов для картин? В «Книжках для чтения» ищу и кое-что нахожу. Но в ваших теперешних изложениях гораздо больше содержания и силы в форме». — На следующий день, 20 октября, Чертков пишет: «Как я радуюсь, Л. Н., тому, что разрешили «Двух стариков». (Разрешили и житие Филарета Милостивого.) По поводу «Двух стариков» хочу спросить вас о следующем. Когда я читал последние корректурные листы, исправленные вами, то мне было очень жаль заметить отсутствие нескольких строчек, которые в первоначальном варианте меня тронули и очень мне понравились... Я несколько раз читал самым разнообразным читателям ваш рассказ в первоначальном виде, и это место всегда вызывало добродушный смех слушателей. Наблюдая собственное впечатление и впечатление слушателей при чтении ваших рассказов, я придаю большое значение именно подобным местам, кое-где разбросанным в ваших рассказах. Они вызывают самый невинный, добродушный смех, подбодряют читателя и несколько прерывают сдержанную напряженность, с которой слушается рассказ, внося элемент веселости, оживленности. А в веселом настроении человек гораздо восприимчивее ко всему хорошему (как и к дурному). Одним словом я придаю большое значение этим пестреньким мазкам в общей картине, и мне было очень жаль в новой редакции не найти своего маленького друга, не допускающего, чтобы Елисей мог быть ангелом. Не знаю, впрочем, что вас побудило выкинуть это место. А потому решаюсь предложить вам сохранить его. Посылаю вам оба варианта... П. И. Бирюков мне пишет, что из Ясной он мне написал письмо, в котором вы кое-что приписали. Оказывается, что это письмо, как и два других, отправленных тогда же из Ясной, не дошло до назначения. Мне ужасно досадно. Не припомните ли, что вы мне тогда писали? Я дорожу всем, что вы пишете, и мне очень досадно было бы лишиться того, что вы тогда хотели мне сказать». О приписке Толстого

к письму Бирюкова, которое не дошло до Черткова, Бирюков пишет ему 17 октября: «Когда я был у Л. Н., 3-го числа, мы написали письмо. Я написал тебе и А. К. Дитерихс, в моем письме к тебе приписал Л. Н... Получил ли ты?»

[1] Рукопись, которую поправил Толстой, как видно из приписки Черткова к письму его от 26 октября, заключала в себе «Житие Петра Мытаря», написанное П. П. Беликовым (см. прим. 10 к п. № 67 от 1—2 июня 1885 г.)

[2] Петр Михайлович — управляющий имением Толстых. Фамилия не восстановлена.

[3] Заглавие своего рассказа Толстой пишет здесь и ниже, в этом же письме, не только без ковычек, но и маленькими буквами, как если бы речь шла о реальных двух стариках.

[4] *Слова:* на которые они опираются *зачеркнуты*, но *карандашом, и неизвестно, самим ли Толстым.*

[5] Строки, которые были выпущены Толстым в «Двух стариках» и которые Чертков просил восстановить, относились к гл. XI, где ребенок из семьи, облагодетельствованной Елисеем, слыша, что старшие называют его за это — в разговоре с Ефимом, — ангелом, говорит: «Как же..., бабушка, он табак нюхал, да и плешивый был! Разве ангелы плешивые бывают!» Толстой заменил их словами: «нет, бабушка, он прежде посередь хаты поставил сумку, а потом на лавку убрал».

[6] Слово написано поверх другого и так перемарано, что «думал» читается предположительно.

[7] Сказка, о которой говорит Толстой, это «Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане и немой сестре Маланье и о старом дьяволе и трех чертенятах». Под юмористически-фантастической формой ее, близкой к народным сказкам, таилась острая сатира на монархию, милитаризм и капитализм, положительные же социальные идеалы Толстого открывались в образе «Иванова царства» с его единым законом: «У кого мозоли на руках, полезай за стол, а у кого нет мозолей — тому объедки». Провести эту сказку через цензуру для народного издания было, конечно, невозможно. Поэтому Толстой и имел в виду напечатать ее ранее в «Книжках Недели», а затем в XII т. Собрания его сочинений, переиздававшихся С. А. Толстой. Но и редактор «Недели», П. А. Гайдебуров, решался печатать эту сказку лишь с некоторыми пропусками. Сообщая об этом Софье Андреевне в письме от 19 октября 1885 г., Толстой прибавляет: «Я подумал, не лучше ли в самом деле в полное издание, как ты хотела». Разрешение на XII т. Соб. соч. Толстого, куда вошла эта сказка, было получено только в начале апреля 1886 г. Вскоре после разрешения XII тома, 23 апреля, удалось получить цензурное разрешение на печатание сказки и «Посреднику», хотя с исключением некоторых ее мест. Но цензурные вклюкчения «Сказки об Иване-дураке» на этом не кончились. В том же 1886 г. против народных рассказов Толстого, содействующих проникновению его идей в массы, началась кампания со стороны «О-ва любителей духовного просвещения» и «О-ва распространения религиозно-нравственного просвещения», которая еще усилила бдительность Главного управления по

делам печати и вызвала появление целого ряда «Толстовских» циркуляров. Один из них, от 20 января 1892 г., был специально посвящен «Сказке об Иване-дураке» и воспретил дальнейшую перепечатку ее. В тот же день распоряжением министра внутренних дел воспрещалась и продажа ранее напечатанных экземпляров сказки «на улицах, площадях и других публичных местах, а ровно через ходебщиков и офеней» (см. статью С. М. Брейтбурга «К цензурной истории Сказки об Иване-дураке» в сб. «Толстой и о Толстом», изд. Толстовского музея, М. 1924). Новое издание сказки в издании «Посредника» могло появиться только после революции 1905 г. — в 1906 г.

На комментируемое письмо Толстого Чертков отвечает письмом от 26 октября 1885, из которого приводим наиболее существовенное: «Вашу сказку я еще не получил от П. И. [Бирюкова] и жду ее с нетерпением. — Относительно «Двух стариков» я попросил Сытина поскорее издать их *без* вставки того места об ангеле и без более полного заглавия. Так как этот рассказ и так с трудом прошел, то я побоялся, чтобы как-нибудь при вторичном представлении в цензуру не остановили бы его опять совсем. Я позволил себе только перевести еще две строчки на малороссийский язык в том разговоре, где всё остальное на этом языке. Кто переводил остальное, вероятно, просмотрел это место. Я решился сделать это, не спросившись вас, потому что был уверен, что вы будете согласны и не хотел дольше задерживать выход этой книжки. — Здесь наши издания продолжают иметь большой успех среди крестьян. Я выставил пробные оттиски с картин в чайной, и они читаются и обсуждаются с оживлением. На этих днях один соседний домашний учитель у одного помещика дал «Упустишь огонь» прочесть одному крестьянину в таком хуторе, где ваши рассказы еще не читались. Прочитавши, крестьянин принес назад книгу, поклонился в ноги и попросил еще таких же книжек. Хохлы не легко кланяются в ноги: видно уж очень рассказ этот в нем отозвался».

* 84.

1885 г. Октября 31. Я. П.

Пишу вамъ наканунѣ отъѣзда. Завтра утромъ, 1-го Ноября, думаю ѣхать въ Москву. Надолго ли, не знаю. Тяжело ѣхать, [1] но надо быть тамъ [со] своими и, можетъ быть, меня тамъ ждутъ радости — сближенія со мной кого-нибудь изъ семьи. Мнѣ кажется, что это есть и будетъ. [2] Нынче получилъ «Признаніе подр[ядчика»]. [3] Буду читать дорогой. Вчера получилъ отъ Свѣшниковой. [4] Прочту въ Москвѣ. Пишите же теперь въ Москву, какъ вы живете? Что не пишете о себѣ? Въ сколькихъ письмахъ — ни слова. Напишите же. Мнѣ кажется, что вы живете хорошо. Такъ хочется, чтобъ это такъ было.

Л. Т.

Я начерно кончилъ свою статью и, вѣроятно, теперь возьмусь за другое.

Полностью печатается впервые. Маленький отрывок напечатан в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 30. На подлиннике рукой Черткова пометка: «Я. П., 31 окт. 85». Дата эта совпадает с указанием, имеющемся в самом письме: «Завтра утром, 1 ноября...»

Краткое письмо это является в известной части ответом на письмо Черткова от 26 октября, где кроме выше цитированной части его, относящейся к предыдущему письму Толстого, имеется сообщение о посылке повести «Признание подрядчика» и просьба дать отзыв о ней.

[1] О том, почему Толстому было тяжело ехать в Москву и почему он всё-таки поехал туда, говорит письмо его к Софье Андреевне от 17 октября 1885 г.: «Присутствие мое в Москве в семье почти что бесполезно; условность тамошней жизни парализует меня, а жизнь тамошняя очень мне противна, опять по тем же общим причинам моего взгляда на жизнь, которой я изменить не могу, и менее там я могу работать...» И далее: «знаю одно, что для моего душевного спокойствия и потому счастья нужно, чтоб с тобой были любовные отношения, и потому это условие прежде всего. Если увижу, что тебе нехорошо без меня или мне станет тяжела разлука со всеми, и работа станет, то приеду». К концу октября Толстой закончил, хотя и вчерне, работу над статьей «Так что же нам делать», а 28 октября он пишет ей: «Ты нездорова и скучна. Это еще более поощряет меня скорее приехать».

[2] Надежда на сближение с кем-нибудь из семьи ожила в Толстом, вероятно, после получения в середине октября того же 1885 года письма от старшей дочери, Татьяны Львовны, в ответ на которое он писал ей: «Ты в первый раз высказалась ясно, что твой взгляд на вещи переменился. Это моя *единственная* мечта и возможная радость, на которую я не смею надеяться, — та, чтобы найти в своей семье братьев и сестер, а не то, что я видел до сих пор, — отчуждение и умышленное противодействие, в котором я вижу не то пренебрежение — не ко мне, а к истине, не то страх перед чем-то...» (См. письмо к Татьяне Львовне Толстой от 18 октября 1885 г. в т. 63.) — Ответное письмо ее поддержало в нем зародившуюся надежду. — Татьяна Львовна — старшая из дочерей Толстого. Род. в 1864 г. Образование получила домашнее. Затем училась в Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве. В 1899 г. вышла замуж за Михаила Сергеевича Сухотина и жила в имении мужа, в дер. Кочеты Тульской губ. В 1914 г. овдовела. В 1921 г. переехала в Москву, где открыла студию живописи. С 1923 до 1925 г. заведовала Толстовским музеем и выступала с лекциями о семейной жизни отца. В 1925 г. уехала с дочерью за границу, где дочь ее вышла замуж за итальянца. Из печатных ее произведений нужно отметить здесь: «Мария Монтессори и новое воспитание», М. 1914; «Друзья и гости Ясной поляны», М. 1923; «О том, как мы с отцом решали земельный вопрос» — в сб. «Толстой и о Толстом», М. 1924. Подробнее см. прим. к первому письму ей за 1871 г. в т. 62.

[3] «Признание подрядчика» — повесть О. Хмелевой. См. прим. 10 к п. № 86 от 11 ноября.

[4] Работой Е. П. Свешниковой, полученной Толстым от Черткова, была написанная ею для «Посредника» переделка одной части романа Бальзака «Eugénie Grandet», под заглавием «Скупой и его дочь». Об окончании этой работы Свешникова уведомляет Черткова в письме к нему от 26 октября, а 4 ноября запрашивает его, получил ли он ее рукопись, посланную через Бирюкова (АЧ). Книжка Свешниковой вышла в свет в издании «Посредника» под указанным заглавием в 1886 г.

* 85.

1885 г. Ноября 6. Москва.

Я скоро недѣлю въ Москвѣ. Никуда не выхожу. Цѣлый день занятъ. И мнѣ хорошо. [1] Пишите сюда. Теперь, если будемъ живы и вы не измѣните намѣреній, то скоро увидимся здѣсь. Статью Свѣшн[иковой] получилъ. [2] «Жизнь раб[очаго] люда» [3] очень хорошо. Я не посылаю вамъ, потому что при свиданіи все переговоримъ.

Л. Т.

Воронежской губ.
Россошь. Лизиновка.
Влад. Григ. Черткову.

Полностью печатается впервые. Деловая часть письма напечатана в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 30. На открытом почтовом бланке подлинника пометка рукой Черткова: «М. 7 нояб. 85», совпадающая со штемпелем отправления. Но почти несомненно, что письмо было написано и опущено в ящик 6 ноября и проштемпелевано утром 7-го, потому что, как видно из ответного письма Черткова, вечером 8-го оно было уже получено в Лизиновке.

Письмо это, как видно и из слов: «Пишите сюда», не было вызвано письмом Черткова, который, не будучи осведомлен заранее о дне переезда Толстого в Москву, написал ему 30 октября в Ясную поляну. Это письмо его, от 30 октября, было переслано в Москву с большим запозданием и цитируется нами при письме Толстого № 88 от 20 ноября 1885 г.

[1] О настроении и характере жизни Толстого в первое время после переезда его, 1 ноября 1885 г., из Ясной поляны в Москву говорят следующие строки в письме Софьи Андреевны к сестре ее Татьяне Андреевне Кузминской от начала ноября: «...Левочка вернулся 1-го ноября. Мы все повеселели от его приезда, а сам он очень мил, спокоен, весел и бодр. Только он переменил еще привычки. Всё новенькое что ни день. Встает в семь часов, темно. Качает на весь дом воду, везет огромную кадку на

салазках, пилит длинные дрова, и колет, и складывает в сажень. Белый хлеб не ест, никуда положительно не ходит» (ГТМ).

[2] О работе Свешниковой см. прим. 4 к предыдущему письму, № 84, от 31 октября.

[3] Работа М. К. Цебриковой. См. прим. 8 к п. № 81 от 11 октября.

86.

1885 г. Ноября 11. Москва.

Получилъ я ваше письмо, милый другъ, и цѣлый вечеръ думалъ о «Свѣчкѣ» [1] и начиналъ писать и написалъ другой конецъ. Но все это не годится и не можетъ годиться. Вся исторійка написана въ виду этаго конца. Вся она груба и по формѣ и по содержанію, и такъ я ее слышалъ, [2] такъ ее понялъ, и иною она не можетъ быть — чтобы не быть фальшивою. Я написалъ было такъ: послѣ словъ на 16 стр.: *пропалъ я, говоритъ, побѣдилъ онъ меня*, остальное все вычеркнуть и замѣнить слѣдующимъ: (сейчасъ хотѣлъ переписывать, и пришелъ въ голову другой конецъ, к[оторый] попробую сейчасъ написать). Побѣдилъ онъ меня. Уйди ты, пока цѣла, не твоего ума дѣло. Такъ и не всталъ. [3]

На утро всталъ, взялся за прежнее, да ужъ не тотъ сталъ Михаилъ Семенычъ, видно чуяло его сердце. Сталъ тосковать [4] и не сталъ ни до чего доходить. Все дома сидѣлъ. Не долго послѣ того и поцарствовалъ. Пріѣхалъ Петровками баринъ. Нынче позоветъ, прикащикъ — боленъ, говорятъ, завтра позоветъ, — боленъ. Дознался баринъ, что пьянствуетъ, ссадилъ его съ прикащиковъ. Сталъ Михаилъ Семенычъ на дворнѣ безъ дѣла жить. Еще больше заскучалъ, обовшивѣлъ весь, что было — пропилъ, обнизился такъ, что [5] у жены платки кралъ, въ кабакъ носилъ. [6] Даже мужики жалѣли, похмѣлиться давали. И году не прожилъ [7] послѣ того. [8] Отъ вина и померъ. Такъ еще возможно. [9]

Повѣрите ли, что мнѣ было непріятно ваше желаніе перемѣнить и перемѣна Калмыковой, но это было одну минуту, и послѣ стало очень пріятно. Я согласенъ, что есть что-то дикое въ этой смерти, и лучше, чтобъ ея не было. А главное, мнѣ такъ дороги тѣ причины, по к[оторымъ] вы и Калм[ыкова] желаете перемѣнить, что потомъ стало пріятно. Я тороплюсь идти спать, п[отому] ч[то] встаю рано, и кончаю. Да, забылъ сказать, что Признаніе подрядчика [11] прекрасно сначала, но по-

томъ не выдержано, фальшиво, преувеличено, ненатурально и потому испорчено, но всетаки можно напечатать. Жалко, что испорчено — такъ задумано хорошо. Жаль, что не скоро васъ увижу. Напишу скоро еще.

Л. Т.

Письмо это полностью напечатано в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 30—31. На подлиннике рукой Черткова пометка: «12 ноября». Исходя из того, что Чертков, проставляя даты на письмах Толстого, указывает их соответственно штемпелю отправления, а письмо, как видно из его содержания, написано вечером, относим его к 11 ноября.

Толстой отвечает здесь на часть большого письма Черткова из Лизиновки, начатого 7-го и законченного 8-го ноября. Это письмо Черткова начинается сообщением о том, что он ездил в г. Острогожск, чтобы совместно с двумя земскими деятелями Воронежской губ., Н. Д. Ростовцевым и В. Н. Тевяшевым, облегчить крестьянам приобретение сельскохозяйственных орудий хорошего достоинства. Далее, говоря об улучшении своих отношений с матерью, он замечает: «Мать думает выехать отсюда около 2 декабря и пробыть тогда несколько дней в Москве. Следовательно, мы еще не так скоро увидимся». Затем он переходит к вопросу о «Свечке» Толстого. Как первая фраза относящегося к ней абзаца, так и дальнейшее замечание Черткова: «Вы тогда не хотели сами браться за переделку этого рассказа, повидимому, не находя этого нужным», указывают на то, что Чертков уже высказывал Толстому свое мнение о конце «Свечки» — повидимому устно, в одно из своих последних свиданий с ним: 16—19 августа, когда он был в Ясной поляне с Бирюковым, или 17—18 сентября, когда он заезжал туда со Спенглером. Теперь, возвращаясь к этому вопросу в связи с печатанием «Свечки», он пишет: «Простите меня, если я вам этим докучаю, дорогой Лев Николаевич, но я чувствую и потребность и обязанность еще снестись с вами по поводу «Свечки». Рассказ этот мне не только в высшей степени нравится.. но я чувствую, что он положительно *нужен*. Но вместе с тем последние его строки меня совсем смущают. Эта ужасная смерть приказчика как раз после того, как он сознал торжество добра над злом и признал себя побежденным, это буквальное исполнение дурных пожеланий крестьян о «беспокаянной смерти» и о том, чтобы у него «пузо лопнуло и утроба вытекла», всё это ужасно тяжело напоминает мне ветхозаветный рассказ о пророке, отомстившем смертью детям, смеявшимся над ним, который всегда поражал меня своей несправедливою жестокостью. И кто ни читает этот рассказ из лиц, вполне разделяющих наши взгляды, и из лиц только симпатизирующих им, все в один голос находят, что рассказ и по форме и по содержанию прекрасен, только вот конец всё портит. Лежачего не бьют. Приказчик лежит с той минуты, как признал себя побежденным». Затем, под непосредственными впечатлениями дня, Чертков переходит к другой теме (эта часть его письма приводится в комментариях к следующему письму Толстого, заключающему в себе ответ на нее), но на следующий день, продолжая письмо, вновь возвращается к «Свечке». «Докончу начатое о «Свечке» —

пишет он. — Вы тогда не хотели сами браться за переделку этого рассказа, повидимому, не находя этого нужным. Не знаю, как вы отнесетесь к моему предложению, но на основании того, что я вам высказал в начале этого письма, было бы боязливо и недобросовестно с моей стороны не сделать еще попытки убедить вас согласиться на маленькое по форме, но мне кажущееся весьма важным по существу изменение конца. Посылаю вам на усмотрение две редакции: одну, составленную Калмыковой по моей просьбе, другую — составленную мною по вашему и ее изложению. Разумеется, лучше всего было бы... если бы вы, согласившись с моим впечатлением, сами составили бы другой конец. Главная истина, дорогая нам, это — неизбежная сила добра, победа его над грехом. Сила эта проявилась, и победа совершилась с той минуты, как приказчик понял и признал, что он пропал, что победил его Петр. Смерть же приказчика и все эти ужасные подробности... удовлетворяют только чувству мести в людях, между тем «мне отмщение, Аз воздам» [цитата из «Послания ап. Павла к Римлянам», гл. 12, ст. 19, поставленная Толстым в виде эпиграфа к «Анне Карениной»]. Если народу действительно нравится такое представление об участи грешника, то это по той же причине, как нравится ему и расписывание всевозможных мук в аде, которым так богата лубочная литература, и я не думаю, чтобы следовало трогать эту струну. Я в дурную минуту желаю, чтобы у Победоносцева пузо лопнуло и утроба вытекла. Неужели ради той истины, за которую я стою, бог исполнит и это мое дурное желание, и победа истины совершится именно в этой определенной мною форме, и Победоносцев попадет пузом прямо на кол? А смерть приказчика вызывает во мне именно подобное впечатление...»

[1] О рассказе Толстого «Свечка» см. прим. 11 к п. № 82 от 15—16 октября 1885 г.

[2] В комментариях к своей еще неопубликованной Переписке с Толстым Бирюков, говоря о рассказе «Свечка», сообщает: «Лев Николаевич говорил мне, что сюжет его рассказал ему пьяный мужик и что он от себя почти ничего не добавил».

[3] *Зачеркнуто:* И на утро не всталъ. Велѣлъ себѣ въ постель водки подать. Сталъ пить и что бол

[4] *Зачеркнуто:* и пить началъ (дальше — два слова неразборчиво).

[5] *Зачеркнуто:* оборванцемъ у кабака Христа ради просить сталъ

[6] *Зачеркнуто:* И году не прожилъ, померъ дурною смертью

[7] *Зачеркнуто:* померъ

[8] *Зачеркнуто:* Мих. Сем. померъ

[9] В журн. «Книжки Недели», 1886, январь, и в изд. «Посредника» 1886 г. «Свечка» была напечатана с тем концом, который дан Толстым в настоящем письме. В XII т. его Собр. соч. 1886 г. Толстой восстановил первоначальную редакцию. По словам Черткова, в последующие годы, при свидании с ним Толстой высказал ему, что изменение конца «Свечки», на которое он согласился, было ему неприятно. После этого и в изданиях «Посредника» рассказ печатался в первоначальной редакции.

[10] «Признание подрядчика» — повесть, написанная Ольгой Неоновной Хмелевой. Повесть была принята редакцией «Посредника» к печати

и, как видно из письма Черткова к Толстому от 20 декабря 1885 г., была уже совсем готова для представления в цензуру, но дальнейших сведений о ней не имеется: вероятно, цензура не пропустила ее. Другая повесть О. Хмелевой, «Марья-кружевница», вышла в издании «Посредника» в 1886 г. (о ней см. прим. 2 к п. № 89 от конца ноября—начала декабря). Точных сведений об авторе этих двух повестей собрать не удалось. Из оригинальных произведений Хмелевой в словаре С. И. Пономарева «Наши писательницы», Спб. 1891, кроме «Марьи Кружевницы» указана только книжка: «Горемычные приключения одного безродного и беспаспортного», Спб., б. г. Дата рождения Хмелевой не указана. Краткая характеристика ее имеется в письме Бирюкова к Черткову от 19 октября 1885 г.: «Сегодня познакомился с интересной личностью... г-жи Хмелевой. Барыня, похожая на мужчину. Принцип «непротивления злу» она вставила по собственному опыту, говорит, что сама испытала его силу, и когда я обратил внимание на это место, то она думала, что это мне не нравится. Она произвела на меня хорошее впечатление». Из сохранившихся писем ее в редакцию «Посредника» видно, что она сильно нуждалась (АЧ). Впоследствии она сделала для «Посредника» краткое переложение ром. Диккенса «Лавка древностей», вышедшее под заглавием «Бедная внучка».

* 87.

1885 г. Ноября 17—18. Москва.

Только хотѣлъ отвѣчать вамъ на ваше предпослѣднее письмо, какъ получилъ ваше грустное, усталое письмо, милый другъ. Я знаю, что въ немъ нѣтъ желанья выказаться (ухорства), но есть желаніе сочувствія. И спасибо вамъ, что написали мнѣ — во мнѣ есть это сочувствіе и любовь къ вамъ. И не можетъ не быть, п[отому] ч[то] я знаю точно такіе состоянія, и п[отому] ч[то] знаю, что это только та неизбѣжная черная тѣнь къ свѣту, неизбѣжная при нашей слабости. Это все отголоски нашего прошедшаго — желанія счастія личнаго себѣ. Если вы знаете (а вы знаете это въ хорошія минуты), что вы запряжены хозяиномъ, то если у васъ нѣтъ стремленія къ личному счастью, то что же можетъ намъ быть тяжело? Намъ надобно радоваться, если мы измучены на хозяйской работѣ. Я не понялъ хорошо вашихъ сомнѣній о рекрутствѣ. Если васъ ужасаетъ то, какъ такую очевидно злую вещь дѣлаютъ такъ спокойно и съ такимъ успѣхомъ — не дурные, увѣренные въ своей правотѣ люди, то это я понимаю. Но неужели въ васъ западаетъ сомнѣніе въ вашемъ взглядѣ на это? — Тутъ надо не ужасаться и удивляться на слѣпоту людей, а радоваться на ту силу врѣнія, к[оторая] дана мнѣ, и употреблять ее — безъ спѣха и безъ отдыха. —

Ваши[ми] замѣчанія[ми] о Иванѣ Дур[акѣ] я воспользовался. Онъ печатается въ полномъ собраніи. Жена везетъ въ П[етер]б[ур]гъ и если пройдетъ, то съ измѣненіями напечатаемъ у Сытина. — Отчего на васъ напала тоска? Я предполагаю двѣ причины — одна половое воздержаніе, — другая трудовое воздержаніе, т. е. отсутствіе работы тяжелой на воздухѣ, чтобы рубаха была мокра и чтобъ чувствовать себя замученнымъ, не въ силахъ и перестать и еще работать. Безъ этихъ обоихъ условій очень трудно. Вы спрашиваете, что я работаю. Я кончаю (кончилъ, могу сказать) статью «Ч[то же намъ] д[ѣлать]?» И много работаю руками и спиной въ Москвѣ. Вожу воду, колю, пилю дрова. Ложусь и встаю рано, и мнѣ одиноко, но хорошо. Вижу я однаго Ге молодого. [1] Онъ очень хорошъ. Онъ взялся рисовать картинки къ нашимъ изданьямъ — *Упустишь огонь*. Я этому очень радуюсь, и за изданіе и за него. [2]

Ахъ, милый другъ, я ужъ мечтать пересталъ, что поживу передъ смертью хоть похоже на то, какъ надо жить, мнѣ уже не къ чему, а вы еще поживете, если Богъ позволитъ. Васъ застало пробужденіе на такой высокой башнѣ лжи, что вамъ долго и трудно съ нея спускаться, и вы вотъ устаете спускаться и ноете, отдыхая на площадкахъ. Ничего, либо дойдете въ живыхъ до земли, до правды, либо спуститесь много, приблизитесь къ ней, какъ я, и умирать легко и весело будетъ, зная, что другимъ помогли и сдѣлали, что могли. Прощайте. Я бы уѣхалъ раньше въ деревню, но теперь подожду васъ, очень хочется васъ видѣть.

Полностью печатается впервые. Отрывок напечатан в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 31—32. На подлиннике пометка рукой Черткова: «18 ноября 1885». Исходя из того, что штемпель отправления мог быть наложен на следующий день после написания письма, датируем расширительно.

Письмо это является ответом на три письма Черткова. То, которое Толстой называет «предпоследним», от 7 ноября, заключало в себе критические замечания, относящиеся к рассказу «Свечка», и в этой части вызвало ответ Толстого в письме от 11 ноября, в комментариях к которому оно и было цитировано. В настоящем же письме Толстой отвечает на следующие строки Черткова (цитируем с сокращениями): «Сейчас меня прервали новобранцы. 18 человек парубков пришли просить, чтобы чайную открыли, так как они сегодня целый день гуляют, а завтра идут в соседнюю слободку жеребий вынимать... Когда они не пьяны, их хорошие стороны становятся как-то больше внаружу. Торжественность ли и неизвестность предстоящей для них полной перемены в жизни, или

что-то другое, не знаю; но они как-то в это время бывают добрее, благодарнее за всякое внимание к ним, как-то мягче, более похожи на детей, как будто пользуются последним случаем быть тем, чем природа создала человека, — готовыми при малейшем общем толчке пойти к свету и стеною стоять за добро, отдать свою жизнь за него. А завтра — завтра вместо этого толчка к добру, при внушающей официальной обстановке, люди в вышитых воротничках (сделанных на счет этих же парубков и их отцов) будут при помощи сложнейшего обмана, обставленного в самые торжественные формы, подставлять им, одному за другим, ножку и сталкивать с обрыва в пропасть, из которой через несколько лет они, быть может, вернутся домой, но уже это будут не они... Это будут изуродованные машины, готовые быть убийцами... Неужели это так, Л. Н.? Неужели механически, наружно может душиться это святое зерно, которое есть теперь в этих парубках, как и в каждом нетронутом человеке? Но в таком случае, что это за слабое, беспомощное зерно, которое может быть п[illegible]ливовано каким-нибудь сочетанием предводителя дворянства с ротным командиром. Это я серьезно спрашиваю, п. ч. не понимаю, хотя мне самому почти страшно ставить такой вопрос». — Письмо Черткова от 11 ноября продолжает в одной своей части тему о новобранцах в связи с несколькими строками Толстого в письме его от 11 октября (№ 81). «Когда я чувствую, что внешние вещи меня расстраивают, вызывают упадок духа, — говорит Чертков, — когда мне тяжело и грустно и страшно, я вспоминаю ваши слова в одном из последних писем, что вы не испытываете уже горя и радости от внешних событий, и я радовался за вас, и удивлялся: неужели вас донесло так далеко, и сомневался, не минутное ли это настроение... Мне казалось, что я никогда не доживу до такой независимости. Мне было очень тяжело сегодня, я попал в атмосферу воинского присутствия, набиравшего новобранцев. Пришлось хлопотать за 2-х стариков — пенсии. Обедал у предводителя со всем составом присутствия. Мне было очень скверно. Мне казалось, что воинский начальник смотрит на меня, как на злодея, которого следовало бы затереть в порошок, да еще плюнуть туда; в этом роде, казалось, относился ко мне и исправник, доктора психически наблюдали меня — один из них, который считается подленьким, мне очень нравится. Я его давно знаю. Я думаю, он ворует, но он самый лучший, искренний из всех, и он меня согрел немного. Ну вот, мне было тяжело, и я спрашивал себя, неужели вы так независимы от внешних обстоятельств, что вы ничего неприятного не почувствовали бы, так как это внешнее. Я заглянул в ваше то письмо... и вижу, что вы говорите про горе и радость. И я лучше теперь понимаю, что действительно так может быть. Может быть очень тяжело, больно и физически и внутренно, можно теряться, сомневаться в себе, можно кричать на костре от боли, но это не есть — горе. И действительно я вас понимаю, и... почти готов сказать то же про себя. Но радость у меня, мне кажется, часто бывает от внешних обстоятельств... Например, когда я вижу до очевидности, что я послужил в отношении к кому-нибудь проводником добра (что я вижу очень, очень редко), тогда мне становится ужасно радостно, и я делаюсь внутренно скромным, кротким, счастливым. — В конце этого письма Чертков делает те критические замечания относительно «Сказки об Иване-

дураке» [см. прим. 7 к п. № 83 от 23 октября 1885 г.], которые Толстой полностью принял и использовал как для ближайшего, так и для всех последующих изданий. Коснувшись вопроса о задержке с печатанием рассказа «Два старика», Чертков пишет: «Этот рассказ мне всё больше и больше нравится... Я его всё глубже понимаю. Он — для *всех*, как и «Иван-дурачек». Только в Иване-дурачке кое-что есть, мне кажется, что не совсем удачно и немножко вредит. Зачем «немец» купец? Просто «богатый» купец. Потом скажу, последние слова рассказа: «со свиньями» я выпустил бы. Они здесь не нужны и вредят. Я бы кончил так: «Только один есть у него обычай в царстве — у кого мозоли на руках, полезай за стол, а у кого нет — тому объедки». Понятие о *законе* в царстве Ивана-дурачка противоречит его характеру: там всё больше «ну что ж». — Наконец, письмо Черткова от 12 ноября, о котором Толстой говорит как о только-что полученном и которому посвящена большая часть его ответного письма, касается его личных настроений. Приводим значительную часть его. «Мне не хорошо, и потому для вас лучше бы, чтоб я не писал, — говорит Чертков. — Впрочем, не знаю, может быть, наоборот — общение. Вы всегда близки ко мне; но что-то я вас потерял из виду. Вы работаете много — это отлично; но что́ вы работаете, я не знаю. И не знаю, доходят ли до вас мои письма, и какие именно доходят, какие нет. Мне больше, чем когда-либо, чувствуется потребность простой, тихой работы в одном месте и с женою. Голова начинает трещать, как у дьявола на каланче. Я сознаю себя маленьким, маленьким, приниженным, трусливым. Муха меня испугает. В такие минуты мне смерть представляется особенно уютной. Я знаю, чувствую, что если я сейчас умру, много любви останется и обнаружится, которая прошла через меня, и моя ничтожная индивидуальность стушуется, которая теперь отталкивает многих, или вернее отталкивается от многих, и которая мешает мне. Мать там в той комнате за дверьми через комнату. Только дверь бы растворить и обняться с ней (но я бы в настоящую минуту расплакался, и она стала бы очень беспокоиться, любя). [Фраза, поставленная в скобки, в оригинале была вычеркнута.] Я устал и отдохнул бы в смерти, но если я еще нужен, то готов остаться. Но в настоящую минуту следовало бы, казалось бы, подставить другую лошадь на мое место, я пообился. Но, вероятно, негде еще ее взять. Хозяин Сам знает... Я стал вычеркивать, потому что подумал, что вы не поймете меня и можете принять за ухарство, или что-нибудь подобное, чего нет».

[1] О Н. Н. Ге-сыне см. прим. 1 кп. № 16 от 2 мая 1884 г.

[2] Рисунки, которые Ге-сын обещал сделать для 2-го издания рассказа «Упустишь огонь не потушишь», не были сделаны им

Отвечая несколькими строками, 20 ноября, на это письмо Толстого, Чертков благодарит его за его «доброе, хорошее письмо» и сообщает, что он и его мать 26 ноября вечером рассчитывают уже быть в Москве, где пробудут несколько дней. «Кроме того, что мне лично очень хочется видеться с вами, еще и наше общее дело — издание — нуждается в этом», — пишет он.

88.

1885 г. Ноября 20. Москва.

Я вчера захворалъ — флюсъ сильный, жаръ и лежалъ и въ этотъ день получилъ письмо отъ брата Залюбовскаго,[1] того, который отказался отбывать воинскую повинность и присягать.[2] Оказывается, что это человѣкъ очень сильный, и онъ перестрадалъ уже пропасть. Сидѣлъ въ больницахъ, пересылался съ этапами, съ каторжными, переводился изъ одной части въ другую и вездѣ отказывался отъ исполненія военной службы на основаніи того, что христіанинъ не можетъ убивать. Очевидно, начальство взволновано, не знаетъ, какъ поступить, — дѣло доходило до военнаго министра и главнаго штаба, и его отправили въ Закаспійскій край, въ Асхабадъ. — И на вопросы его брата, офицера въ артилер[ійской] академіи, сказали ему, что дѣло его брата — тайна, и братъ боится, чтобы его не разстрѣляли. Я сейчасъ написалъ Ел. Ив. Шуваловой и женѣ въ Петербургъ (она 3-го дня уѣхала). Нужно выхлопотать то, чтобы съ нимъ было поступлено, какъ съ меннонитами[3] и др., т. е. по закону, и главное, чтобы мучители знали, что онъ не одинъ. — Я сейчасъ спишу вамъ названіе части, гдѣ онъ, и вы напишете, кому можно. Поправились ли вы духомъ? Жду васъ съ большою радостью. Сейчасъ получилъ изъ Ясной Пол[яны] ваше длинное письмо о томъ, какъ вы собой недовольны. Правда, что мнѣ очень грустно становится, читая это. Но я радъ и благодаренъ вамъ за то, что вы мнѣ все такъ пишете. Правда все покрываетъ. Постараюсь написать тексты.

Письмо Залюбовскаго осталось у Шуваловой. Сейчасъ послалъ за нимъ.

Залюбовскій былъ зачисленъ въ 14 артилер[ійскую] бригаду и по распоряженію Главнаго Штаба 23 октября отправленъ съ перепиской о немъ въ распоряженіе начальника штаба закаспійской области для назначенія его этимъ начальникомъ въ одну изъ тамошнихъ батарей. Больше ничего брату его въ Штабѣ не сказали.

Печатается впервые. Одна коротенькая фраза напечатана, под датой 21 ноября в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 32. Подлинник — на полулистке почтовой бумаги; последний абзац — отдельно, на кусочке лучшей почтовой бумаги, оторванном очевидно от какого-нибудь полученного письма. На подлиннике рукой Черткова пометка:

«М. 21 ноября 85», соответствующая несомненно штемпелю отправления: письмо написано 20 ноября, так как в нем говорится, что Софья Андреевна уехала в Петербург «третьего дня», а этот отъезд ее относится к 18 ноября.

Письмо это было вызвано делом Залюбовского, которое до чрезвычайности взволновало Толстого. Но в то время как Толстой уже заканчивал свое письмо, он получил из Ясной поляны пересланное ему оттуда с большим заповданием, не заставшее его там письмо Черткова от 30 октября, на которое он тут же ответил несколькими строками. В этом письме Чертков рассказывает Толстому о своем тягостном душевном состоянии, в котором равнодушие к окружающему соединяется с тяжелыми впечатлениями от матери и прерывается мучительными укоризнами самому себе за то, что «в теории так хорошо и высоко, а на практике так низко и пошло». «Простите меня, милый, дорогой Лев Николаевич, — заканчивает Чертков эту часть письма, — если я навожу на вас тоску этою исповедью... Я часто думаю, даже совсем уверен в этом, что вы, несмотря на постоянную работу вашего ума, гораздо сердечнее меня, добрее. Вы по природе очень добрый, сердечный человек; а я, наоборот, холоден до жестокости и эгоист. И когда я высказываюсь вам, как теперь, должно быть в меня входит немножко вашей доброты, и мне становится лучше». Дальше Чертков переходит к вопросу о «Посреднике», который и в это время составляет «самое живое» в нем, и о своем чтении намечаемых для издания рассказов лизиновским кучерам. Конец этого письма, повидимому, не сохранился: вместо него к письму случайно приложен конец другого, утраченного письма. Слова Толстого «постараюсь написать тексты», повидимому, являются ответом на возобновленную просьбу Черткова написать тексты для издаваемых «Посредником» картин, заключавшуюся в утерянном конце его письма.

[1] Брат Алексея Петровича Залюбовского, Анатолий Петрович Залюбовский, в то время — офицер Михайловской артиллерийской академии в Петербурге, впоследствии — начальник Сестрорецкого оружейного завода.

[2] В 1884 г. проживавший в Москве Алексей Петрович Залюбовский (р. в 1863 г.), знакомый Н. Л. Озмидова и через него связанный отчасти с Толстым, в ожидании призыва на военную службу написал Толстому письмо с просьбой о совете, как ему поступить: он сознавал, что отбывание воинской повинности не согласуется с его воззрениями, но вместе с тем его мучила мысль о горе, которое он причинит матери последствиями своего отказа. Так же, как и в случае с обращением «Стрелкового прапорщика» [см. п. Толстого № 19 от 6 июня 1884 и прим. 3 к нему] Толстой решил оставить письмо без ответа. О мотивах такого своего решения он пишет теперь брату Алексея Залюбовского, Анатолию, в ответ на сообщение о тех мытарствах, которым тот подвергается вследствие своего отказа нести военную службу и присягать. «Я много думал над его письмом, — говорит он, вспоминая его просьбу о совете, — и решил тогда не отвечать. Учение Христа никаких поступков не предписывает, оно показывает истину, вопросы же о том, как поступить в данном случае,

решаются каждым в своей душе... и решаются не так, что я хочу или не хочу поступить по учению Христа, а так, что я не могу поступить иначе...» [См. письмо к Анат. Залюбовскому от 21 ноября 1885 г. в т. 63.] Узнав о решении Алексея Залюбовского отказаться от исполнения воинской повинности, Толстой, по его словам в том же письме к Анат. Залюбовскому, следил за его судьбою и — на основании дошедших до него, неверных, как оказалось, сведений — считал, что он благополучным образом уволен от фронтовой службы. Поэтому письмо от Анат. Залюбовского, содержание которого он передает Черткову, произвело на него особенно сильное впечатление. «То, что ваш брат сделал и делает, — пишет он Анат. Залюбовскому, — это великое дело, которое может совершить человек в жизни. Не знаю, как бы я выдержал, но я ничего так не желал бы для себя и для своих детей». В тот же день, когда было написано письмо к Черткову, Толстой, обращаясь с просьбой сделать для Залюбовского всё возможное к петербургскому художественному критику В. В. Стасову, пишет ему: «Дело, о котором прошу, огромной важности, никогда ничто так не было мне близко к сердцу и важно». В тот же день Толстой писал об этом в Петербург Софье Андреевне и предлагал ей посоветоваться относительно возможных ходов с зятем ее А. М. Кузминским. Одновременно он писал о том же и Бирюкову, которого просил поговорить с Софьей Андреевной, и направил дочь Татьяну Львовну со своим письмом и письмом Анатолия Залюбовского к жившей в Москве тетке Черткова, гр. Е. И. Шуваловой, сильной связями через своего мужа (см. прим. 2 к п. № 36 от 13—14 ноября 1884 г.). Этими обращениями своими к разным лицам Толстой надеялся достигнуть если не смягчения участи Залюбовского, то более или менее широкой огласки этого дела, которое власти старались держать в тайне. Он чувствовал потребность описать всё это дело для печати, о чем сообщил в письмах к Бирюкову и к Стасову, но, конечно, напечатать что-нибудь на данную тему было невозможно. Нужно отметить, что и С. А. Толстая, и гр. Шувалова, и Чертков, который еще до получения письма от Толстого получил от Анатолия Залюбовского письмо о том же деле, датированное 17 ноября 1885 г., энергично принялись за хлопоты, которые однако еще не скоро привели к каким-нибудь реальным результатам. Так из сохранившегося письма Анатолия Залюбовского к Черткову от 29 января 1886 г. видно, что по только что полученному сообщению его брата, он предан батальонному суду за «умышленное неповиновение», за что «лишается особых прав и преимуществ и отсылается в дисциплинарный батальон на 2 года» (АЧ). Повидимому, этот приговор над ним удалось аннулировать и добиться перевода Залюбовского на нестроевую должность, но 10 августа 1886 г. Анатолий Залюбовский вновь пишет Черткову: «Опять беда с братом, вышли какие-то неприятности, и его посадили под арест на 15 суток». Наконец, в марте 1887 г. он был начисто освобожден. В апреле этого года Бирюков сообщает в письме к Толстому, что Залюбовский уже вернулся к матери в Кишинев. «Я читал его письмо оттуда очень бодрое и веселое», — прибавляет он. — После освобождения Залюбовский жил некоторое время в Тверской земледельческой общине, основанной М. А. Новоселовым. Затем он в течение четырех лет состоял управляющим одного имения

в Новгородской губернии. К этому времени он уже отошел от своих прежних взглядов и отказ свой от военной службы считал ошибкою. В дальнейшем он занимал место бухгалтера и одно время служил даже кассиром в винном магазине. Однако, по сообщению А. К. Чертковой, империалистическая война 1914 г. вновь пробудила в нем яркие антимилитаристические настроения и побудила его снова вступить в сношения с друзьями и единомышленниками Толстого.

[2] Меннониты — протестантская религиозная секта, возникшая в северной Германии в эпоху реформации. Основателем ее был голландец Симон Менно (1492—1559), отказавшийся от сана католического священника, отбросивший мистическую сторону христианства и проповедывавший в своем сочинении 1556 г. «Основоположение истинно-христианской веры» (на голландском языке) отказ от присяги, войны и всякого рода мести. Учение его нашло группы приверженцев в разных странах Европы и позднее — Америки. В конце XVIII в., когда меннониты Пруссии стали подвергаться преследованию, Екатерина II предложила им, в виду их трезвости и трудоспособности, переселиться в Екатеринославскую губ., где — взамен целого ряда обязанностей перед государством — они получили свободу вероисповедания. Позднее меннониты селились и в других губерниях России. Когда в 1874 г. все вообще колонисты в России были признаны подлежащими отбыванию воинской повинности, меннониты хотели обратно переселиться в Германию, где с 1868 г. они отбывали воинскую службу на нестроевых должностях, но это обратное переселение было приостановлено дарованием им соответственных прав по отбыванию воинской повинности и в России.

89

1885 г. Конец ноября — первые числа декабря. Москва.

1) Передѣлывать повѣсти иностранныя, какъ Eugénie Grandé, на рус[скіе] нравы значитъ лишать эти повѣсти интереса знанія быта не русскаго и, главное, реальности. А лучше въ выноскахъ или въ текстѣ дѣлать разъясненія — чуждыхъ обычаевъ и условій. [1]

2) Повѣсть Хмелевой [2] очень, очень хороша будетъ, если выкинуть всѣ разсужденія, описанія природы и красоты и, главное, уничтожить форму словеснаго разсказа и обращенія къ слушателю. Это можетъ выдти одна изъ лучшихъ нашихъ книжекъ.

3) Уменьшить расходы, [3] п[отому] ч[то] расходовъ при расширеніи дѣла предстоитъ очень много.

4) Дикенса романъ Bleak House или Little Dorrit попробовать перевести весь съ коментаріями непонятнаго и съ исключеніями того, на что укажетъ опытъ чтенія рукописи въ

школахъ взрослыхъ. Стоитъ того попытать это, и именно на Дикенсѣ, передать всю тонкость ироніи и чувства — выучить понимать оттѣнки. Для этаго нѣтъ лучше Дикенса.[1]

Полностью печатается впервые. Три последние абзаца напечатаны в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Толстого», стр. 106, среди писем 1893 г. По сообщению Черткова, текст представляет собой памятную записку, лично переданную ему Толстым. Никаких пометок Черткова касательно времени написания или получения ее на ней нет. В АЧ она хранилась под № 344, относившим ее к письмам 1893 г.: повидимому, как это предположила и А. К. Черткова, записка эта находилась в архиве «Посредника» и была перенесена оттуда в АЧ в 1893 г., когда, отказавшись от редакторской работы в «Посреднике», Чертков сдавал редакционный архив П. И. Бирюкову и И. И. Горбунову-Посадову. Внешний вид записки является весьма необычным для Толстого: она написана на сложенном пополам полулисте писчей бумаги (в формате четвертушки), причем оставшаяся чистою четвертушка вопреки обыкновению Толстого не оторвана. Особое внимание обращает на себя то обстоятельство, что строки, соответствующие пункту 2-му записки, вырезаны из первой, исписанной Толстым четвертушки, а через вырезанное место видна неиспользованная им четвертушка, на которой весь пункт 2-й четко воспроизведен, в том же числе строк, почерком Черткова. По его собственному разъяснению, он вырезал строки Толстого для передачи их тому автору, о котором в них говорится, т. е. О. Н. Хмелевой. Что касается даты этой записки, то ее можно установить с приблизительной точностью на основании следующих данных. В копировальной книге «Посредника» сохранился оттиск письма Черткова к А. А. Рутцен от 15 декабря 1885 г., где он точно цитирует пункт 4-й данной записки, — значит, в это время она была уже в его руках; по содержанию же своему, касающемуся переделки Свешниковой из романа Бальзака и повести О. Хмелевой, она должна быть отнесена к ноябрю 1885 г. Учитывая то обстоятельство, что памятная записка эта была передана Черткову при свидании его с Толстым и что за указанный период времени — с начала ноября до половины декабря — они виделись только при остановке Черткова в Москве, проездом из деревни в Петербург, с 26 ноября до 2 декабря (см. комментарий к п. № 90 от 6—7 декабря), относим ее к этому времени, но расширительно, допуская, что Толстой мог написать ее и в ожидании приезда Черткова, чтобы не забыть передать ему те мысли, которые явились у него в связи с делом «Посредника».

[1] Повидимому, замечания Толстого относительно книжки Свешниковой, сделанной по роману Бальзака «Eugénie Grandet» (Толстой ошибочно пишет — Grandé) и вышедшей в «Посреднике» под заглавием «Скупой и его дочь», не вызвали значительных редакционных изменений в ней, потому что она сохранила тот характер переложения иностранного сюжета на русские нравы, который был не одобрен Толстым. (Об этой книжке см. прим. 4 к п. № 84 от 31 октября 1885 г.)

[2] В письме № 86 от 11 ноября Толстой дает не вполне благоприятный отзыв о повести О. Н. Хмелевой «Признание подрядчика» (о Хмелевой см. прим. 10 к указанному письму). Как видно из письма Черткова к Толстому от 20 декабря, почти одновременно с этой повестью Хмелева доставила в редакцию «Посредника» другую повесть, под заглавием «Безвестная труженица». В виду того, что отзыв Толстого о работе Хмелевой в комментируемом письме значительно отличается от его отзыва о «Признании подрядчика», нужно думать, что в данном случае речь идет о повести «Безвестная труженица». Она была напечатана под этим заглавием сначала в журнале «Родник» 1886, № 1, а затем была издана «Посредником» под заглавием «Марья-кружевница». В эту повесть Толстой сам внес редакционные исправления, что явствует из сохранившегося письма Хмелевой к Черткову от 1886 г. (без точной даты), где она просит его возвратить ей «на память» тот экземпляр «Марьи-кружевницы», «который исправлен гр. Л. Н. Толстым» (АЧ). Книжка эта вышла в изд. «Посредника» в 1886 г. с рисунками М. Малышева.

[3] По сообщению Черткова слова Толстого о необходимом уменьшении расходов относились не ко всему издательству в целом, а только к производству дорого стоящих многокрасочных картин.

[4] Об отношении Толстого к Диккенсу см. прим. 2 к п. № 57 от 8 мая 1885 г. В этом письме он рекомендовал для перевода в «Посреднике» романы Диккенса «Оливер Твист» и «Тайна Эдвина Друда». Роман «Холодный дом» («Bleak House», 1853 г.), о котором говорится в настоящей записке, он перечитывал в Ясной поляне в октябре 1885 г., что видно из письма его к дочери Татьяне Львовне от 19 октября, где он советовал ей заняться обработкой этого романа так же, как и романа «Оливер Твист», для общедоступного издания. Вскоре Чертков предложил романы «Холодный дом» и «Крошка Доррит» («Little Dorrit» 1855—57 гг.) для сокращенного перевода упомянутой уже А. А. Рутцен, но она остановилась на другом произведении Диккенса. Затем в 1886 г. сам Толстой предложил поработать над «Крошкой Доррит» Н. Л. Озмидову, но остался не вполне доволен начатой им работой. В дальнейшем «Посредник» издал ряд общедоступных переложений Диккенса, сделанных гр. В. С. Толстой и В. И. Лукьянской, под заголовками, более завлекательными для широкого читателя, чем заголовки Диккенса. Так появились в «Посреднике» книжки: «Любовь в тюрьме или маленькая Доррит», «Дочь каторжника или из кузницы в богатство» («Большие ожидания»), «Страшные виденья или воскресшая душа» («Рождественская песнь»), «Дети богача» («Домби и сын») и др.

* 90.

1885 г. Декабря 6—7. Москва.

Сейчасъ получилъ ваше второе письмо, милый другъ. Оба очень мнѣ были радостны; вчерашнее — тѣмъ, что вы пишете о Салтыковѣ. [1] Какъ бы хорошо было помочь ему, вызвавъ на

ту дорогу, на к[оторой] онъ найдетъ успокоеніе; а нынѣшнее — тѣмъ, что вы пишете о себѣ, о полнотѣ дня и работѣ. Пріятно тоже и о миломъ Рѣпинѣ. — Я еще съ вашего пріѣзда ослабѣлъ, — почти ничего не пишу и грустенъ. Все такъ грустно, мертво вокругъ меня, и такъ хочется осуждать и досадовать. Спасительна физически занятая жизнь, легче переносится тяжелое — меньше столкновеній безполезныхъ, словесныхъ. Радостно мнѣ было отчасти свиданіе съ Озмидовымъ.[2] Онъ очень цѣленъ, прекрасно живетъ, но не вполнѣ мнѣ ясенъ. Впрочемъ это скверно съ моей стороны. Онъ написалъ опять нѣсколько прекрасныхъ по чистотѣ и почерку экз[емпляровъ] «Въ ч[емъ] м[оя] вѣра?» Онъ продаетъ ихъ 20 р. и дешевле, онъ говоритъ: Не нужно ли кому? Онъ оставилъ Бароновскаго[3] и опять живетъ перепиской. Ал[ександръ] Петр[овичъ][4] промоталъ и 25 р. Но явился. Очень мнѣ б[ыло] грустно и хотѣлось упрекать его. Мар[ья] Ал[ександровна] Шмитъ,[5] классная дама, узнала это и экипировала его опять. И онъ опять пишетъ. Самое же пріятное мнѣ было получить «Christ's Christianity».[6] Я не могъ оторваться — читалъ ее вчера и нынче. Исповѣдь мнѣ понравилась очень — переводъ. Въ предисловіи къ Еванг[елію] есть темныя мѣста, и въ «Въ ч[емъ] м[оя] в[ѣра]?», к[оторую] я пробѣгалъ, я нашелъ ошибку: Св. Августинъ[7] поставленъ вмѣсто Іоанна Злат[оуста]. — Мнѣ б[ыло] очень пріятно видѣть эту книгу, держать ее въ рукахъ и думать, что найдутся, можетъ б[ыть], Англич[ане], Америк[анцы], к[оторые] сблизятся съ нами черезъ эту книгу. Главное, просто б[ыло] пріятно. — Очень благодаренъ вамъ за это. —

Я въ уныломъ и низкомъ настроеніи. Поцѣлуйте за меня дорогого П[авла] И[вановича][8] и пишите.

Л. Т.

Продавать отдѣльно не будутъ томы.[9]

Полностью печатается впервые. Начало было напечатано в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 32. На подлиннике рукой Черткова: «М. 7 дек. 85». Письмо могло быть написано и 6 декабря, так как о письме Черткова от 4 декабря в нем говорится, как о только что полученном.

Толстой отвечает здесь на два письма Черткова, из которых первое, полученное накануне, «о Салтыкове», к сожалению не сохранилось. Оно было написано несомненно 3 декабря, в день возвращения Черткова в Петербург после шестидневного пребывания его в Москве, куда нена-

долго приезжал в это же время и Бирюков. Об этом свидетельствуют как некоторые письма Черткова и Бирюкова, сохранившиеся в архиве «Посредника», так и письмо от 30 ноября только что вернувшейся из Петербурга Софьи Андреевны к Т. А. Кузминской: «К обеду назвались человек 6 гостей: Чертков, Бирюков, Орлов и проч.» (ГТМ). В это время, как мы увидим ниже, было решено привлечь к участию в «Посреднике» Салтыкова. — По возвращении в Петербург Чертков, повидимому, нашел там пересланную из Англии, незадолго перед тем вышедшую книгу Толстого на английском языке «Christ's Christianity» («Христианство Христа»), в которую вошли «Исповедь», «В чем моя вера» и «Краткое изложение Евангелия» и над которой так долго работал Чертков. Он поспешил переслать ее Толстому, вероятно, указывая на это в несохранившемся письме своем от 3 декабря. — В небольшом письме от 4 декабря Чертков пишет (цитируем с сокращениями): «Сегодня встал в $6^1/_2$ (Вчера лег в 10 ч.). Убравшись, пошел в склад. Работал там до 1 часа. Дела бездна... Был у Репина. Он переделал, что нужно было; но согласился с большим трудом. Я не настаивал; и его, главным образом, убедило ваше мнение. От «Стариков» он и всё семейство его в восторге. Он был крайне рад тому, что его рисунок к «Вражье лепко» вам понравился. Он говорит, что вы его подбиваете рисовать для наших изданий. Спрашивал, нет ли еще текстов. Вообще видно, что к вашим рассказам он будет всегда охотно рисовать и с настоящим удовлетворением для себя. Был у Крамского. Он обещает рисунки к «Свечке» на будущей неделе... Встретил у него Ярошенко, который доказывал, что и прежде вы писали для всех, так как, действуя на культурный слой, вы действовали косвенно и на народ. Крамской болен и вместе с Ярошенко находится в петербургском настроении, т. е. отвлеченном и враждебном тому, в чем для нас все значение жизни»... В приписке к своему письму Чертков просит узнать, можно ли покупать тома издаваемого Софьей Андреевной Собр. соч. Толстого отдельно. — Заключающееся в этом письме сообщение Черткова о какой-то переделке, которой желали добиться от Репина, как помнит Чертков, относится к картинке его с текстом Толстого «Два брата и золото». Николай Александрович Ярошенко (1846—1898) — художник, один из членов-основателей Товарищества передвижников. Такие картины его, как «Кочегар» и «Всюду жизнь», позднее изданная в воспроизведении «Посредником», очень нравились Толстому. В 1890-х гг. Ярошенко лично познакомился с ним и написал его портрет.

[1] Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826—1889). В письме, написанном в день своего возвращения из Москвы, Чертков, несомненно, сообщал о своем посещении Салтыкова, к которому он пошел с письмом Толстого, чтобы просить его об участии в «Посреднике». Об этом свидетельствуют не только последующие письма Черткова — от 9 и 20 декабря 1885 г., но и сохранившееся письмо к Салтыкову самого Толстого, в котором он говорит: «Те книжки «Посредника», которые вам покажет Ч[ертков], разошлись в полгода в ста тысячах экземпляров и требования на них всё увеличиваются. Про себя скажу, что, когда я держу корректуру писаний для нашего круга, я чувствую себя в халате, спокойным и раз-

вязным, но когда пишешь то, что будут через год читать миллионы и читать так, как они читают, ставя всякое лыко в строку, на меня находит робость и сомнение... Мне кажется, вспоминая многое и многое из ваших старых и теперешних вещей, что если бы вы представили себе этого мимого читателя и обратились к нему и захотели бы этого, вы бы написали превосходную вещь или вещи и нашли бы в этом наслаждение — то, которое находит мастер, проявляя свое мастерство перед настоящими знатоками... У вас есть всё, что нужно: сжатый, сильный, настоящий язык, характерность, оставшаяся у вас одних, не юмор, а то, что производит веселый смех, и по содержанию — любовь и потому знание истинных интересов жизни народа. В изданиях этих есть не направление, а есть исключение некоторых направлений... Мы называем это так, что мы издаем всё, что не противоречит христианскому учению; но вы, называя это может быть иначе, всегда действовали в этом самом духе и потому-то вы мне и дороги и дорога бы была ваша деятельность, и потому вы сами будете действовать так. Вы можете доставить миллионам читателей драгоценную, нужную нам и такую пищу, которую не может дать никто, кроме вас». — Толстой часто встречался с Салтыковым в молодые годы — в Петербурге в 1856 г., но близости между ними никогда не было. К крупнейшим художественным произведениям Толстого Салтыков относился, в общем, отрицательно. Тем не менее, сделавшись редактором «Отечественных записок», он не раз обращался к Толстому с просьбой о сотрудничестве. Но обстоятельства сложились так, что ни одного художественного произведения своего Толстой не смог предоставить журналу Салтыкова. Со своей стороны, признавая в Салтыкове большой талант, он относился к его произведениям критически, главное же ставил ему в вину «длинноты», то, что он «всё всегда договаривал до конца» — «верное средство быть скучным» (См. А. Гольденвейзер «Вблизи Толстого», т. I, М., стр. 285). Однако, некоторые его произведения, — часть сказок, «Пошехонскую старину» — он одобрял, и в беседе с Русановым в августе 1883 г. сказал: «Щедрина я люблю, он растет, а в последних его произведениях звучит грустная нота». Ответа на письмо Толстого Салтыков, насколько нам известно, не написал. Черткову, когда он заходил к нему, повидимому, не удалось лично переговорить с ним вследствие его болезни, но о том, насколько он принял к сердцу обращение Толстого, мы можем составить себе достаточное представление на основании двух уже упомянутых нами писем Черткова к Толстому — от 9 и 20 декабря. Приводим из них всё, относящееся к Салтыкову, здесь же, в связи с несколькими строками о нем в комментируемом письме. В письме от 9 декабря Чертков говорит: «Салтыков написал мне, спрашивая, годятся ли для нас такие вещи, которые уже были в печати и предлагая свой «Сон в летнюю ночь», написанный несколько лет тому назад и вошедший в его «Сборник», недавно изданный [«Сборник. Рассказы, очерки и сказки М. Е. Салтыкова (Щедрина», изд. 2-е, Спб., 1883]. Вещь эту я прочел, и она мне показалась вовсе неподходящею. Начинается с описания юбилея одного чиновника в министерстве Препон; чиновник этот исполнял должность Управляющего Кловетами. За обедом он рассказывает несколько анекдотов весьма пошлого характера. Вторая часть рассказа — описание того, как сель-

ский священник и учитель задумали устроить юбилей в честь крестьянина, 50 лет выносившего безропотно всякие невзгоды... На этом юбилее учитель говорит витиеватую, но искреннюю речь, в которой он восхваляет крестьянский труд и сокрушается по поводу всей тягости этого труда; он по пунктам разбирает положение крестьянских детей, женщин и мужчин. Кончается всё тем, что по доносу писаря наезжает начальство и слышно только: «А, голубчики»... — Нельзя было, мне кажется, найти *менее* подходящую вещь для нашей цели. Я ответил Салтыкову, что вообще мы берем уже изданное, но относительно данного рассказа прошу мне, когда он поправится, назначить свидание для личного выяснения. Я читал в том же его недавно вышедшем «сборнике» рассказ о потерянной совести, который мне показался несравненно более подходящим, хотя всё-таки не подходящим. Мне указывали на «Господ Головлевых», как на вещь сатирическую, в которой ярко выставлены несколько отрицательных типов. Я, признаться, не совсем знаю, как относиться к Салтыкову. Говорить ли ему прямо мое мнение (но ведь он должен же гораздо лучше моего понимать) или же предоставить его собственному усмотрению первый рассказ, который он для нас напишет». — Письмо Черткова от 20 декабря написано им, как видно из его содержания, уже после того, как Чертков высказал ему, что предложенная им для «Посредника» вещь его напечатана там быть не может. Это обстоятельство придает особую ценность сведениям, которые Чертков сообщает Толстому со слов давнишнего личного знакомого Салтыкова, зятя С. А. Толстой, А. М. Кузминского. Переходя в своем письме к вопросу о Салтыкове (Щедрине, как он везде его называет), Чертков пишет: «С разных сторон мне говорят, что он очень занят мыслью писать для наших изданий и что ваше письмо произвело на него сильное впечатление. Кузминский говорил мне, что Щедрин, несмотря на свою болезнь, проработал на-днях целый день над рассказом для нас и что на следующий день он вследствие этого встал совсем больной, в нервном расстройстве, и язык его не слушался так, что он говорил глупости. Кроме того Кузминский сказал мне, Щедрин говорил ему, что он не может работать даром, так как живет своей работой. Придется, следовательно, ему платить что платят ему другие. Но это ничего. А то, что меня беспокоит, это то, что он может написать что-нибудь совсем неподходящее к нам и поставить нас в неловкое положение. А думаю я, что это возможно на основании некоторых его замечаний при нашем свидании. Он, разбирая то, что можно писать для нас, упомянул о государственном бюджете с целью раскрыть перед крестьянами то, что делается с их деньгами. Он выразил сомнение относительно цензуры. Затем он предложил описать обстановку мелкого помещика, постоянно жалующегося на свою судьбу и действительно стесненного в своих расходах, и — рядом с этим обстановку бедных крестьян, уже решительно не имеющих ничего. Следовало бы ему высказать, что мы не желаем возбуждать экономических или социальных вопросов и еще менее — возбуждать одно сословие против другого; что мы хотим высказывать общечеловеческие истины и, если обличать, то направлять наше обличение на слабости и пороки, присущие человеку вообще, а не одной какой-нибудь категории людей... Следовало бы дать ему несколько более определенное

понятие о нашей задаче, и — именно теперь, раньше, чем он что-нибудь написал. Потом это будет труднее. Судя по тому, как он даже меня спрашивал о том, в каком роде писать, и по тому, как он сочувственно отнесся к вашему письму, он охотно выслушает от вас ваш взгляд на это и, наверное, примет его в соображение. Если можете — напишите. Если же вам не хочется, то сообщите мне, и я лично всё выскажу ему, хотя разумеется, это будет несравненно хуже». Подробности дальнейших отношений Салтыкова с «Посредником» остаются невыясненными: ни в письмах Черткова к Толстому, ни в каких-либо других документах, сохранившихся в архиве «Посредника», о нем более не упоминается. По сведениям А. К. Чертковой, произведения его, намеченные для издания в «Посреднике», — «Рождественский рассказ» и «Бедный волк» — не были напечатаны вследствие несогласия его сделать в них те сокращения, о которых просила его редакция.

[2] Об Озмидове см. прим. 1 к п. № 3 от 24 января 1884 г., а также п. № 93 от 18 декабря 1885 г. и комментарии к нему.

[3] Озмидов в течение двух лет был управляющим в лесном имении наследников В. Н. Сабашникова в Покровском у. Владимирской губ., которым заведывал, как муж старшей дочери Сабашникова, Екатерины Васильевны, Александр Васильевич Барановский (Толстой ошибочно пишет: Бароновский).

[4] Переписчик Толстого, А. П. Иванов. См. прим. 2 к п. № 10 от 27 марта 1884 г.

[5] О М. А. Шмидт см. прим. 1 к п. № 59 от 10—11 мая 1885 г.

[6] «Христианство Христа». См. прим. 6 к п. № 18 от 19 мая 1884.

[7] Св. Августин, прозванный Блаженным (354—430), — богослов и философ, один из «отцов» древней церкви Запада, как Иоанн Златоуст — церкви Восточной. О последнем см. прим. 4 к п. № 58 от 9 мая 1885 г.

[8] Павел Иванович Бирюков.

[9] Последняя строка приписана другими чернилами: повидимому, для ответа на вопрос, заданный Чертковым, Толстой должен был навести справку у Софьи Андреевны или в «конторе» ее издания, так как сам он не входил в эти отвергаемые им дела.

Отвечая в письме от 14 декабря 1885 г. на ту часть письма Толстого, где он говорит о темных местах в переводе предисловия к «Краткому изложению Евангелия», Чертков пишет: «Я прочитал введение к изложению Евангелия в «Christ's Christianity» и совершенно согласен с вами, что там есть не только темные, но даже совсем плохие места. Оказывается, что, несмотря на наш уговор, мой английский друг не смог удержаться от того, чтобы не изменить там без меня некоторые выражения, и вышло совсем плохо. Мне это очень досадно, потому что я, будучи в Англии, приложил всё свое старание к тому, чтобы перевод был ясен и точен, а теперь вижу его в печати испорченным. Теперь уж делать нечего, — надо оставить до следующего издания». По поводу же ошибки в переводе соч. «В чем моя вера» (Св. Августин поставлен вместо Иоанна Златоуста) он сообщает, что Баттерсби, которому была поручена последняя редакция

книги, указывал ему в письме на разногласие в этом пункте английского перевода с французским переводом кн. Л. Д. Урусова, однако, положившись на петербургского переводчика, к сожалению, не исправил ошибки.

* 91.

1885 г. Декабря 9—15. Москва.

Мнѣ мучительно тяжело и ни съ кѣмъ такъ мнѣ не хочется подѣлиться этой тяжестью, какъ съ вами, милый другъ, п[отому] ч[то] мнѣ кажется, никто такъ не любитъ во мнѣ то хорошее, что есть во мнѣ какъ вы. Разумѣется все это моя слабость, моя отдаленность отъ Бога — даже извѣстное физическое состояніе, но я живу — можетъ быть послѣдніе часы моей жизни и живу дурно съ унынiемъ и раздраженіемъ противъ окружающихъ меня. Что нибудь я дѣлаю не такъ, какъ хочетъ Богъ, но я ищу и не попадаю и все таже тоска, унынiе и хуже всего раздраженіе и желаніе умереть. Послѣдніе дни я не писалъ и не пишу еще и пот[ому] оглядываюсь вокругъ себя, себя сужу и ужасаюсь. —

Вся эта животная [жизнь] — да не просто животная, а животная съ отдѣленіемъ себя отъ всѣхъ людей, съ гордостью — идетъ все усиливаясь, и я вижу, какъ Божьи души дѣтскія—одна за другою попадаютъ въ эту фабрику и одна за другой надѣваютъ и укрѣпляютъ жернова на шеѣ и гибнутъ. Вижу, что я съ своей вѣрой, съ своимъ выраженіемъ ея и словомъ и дѣломъ, устраняюсь, получаю значеніе для нихъ непріятнаго, неправильнаго явленія — какъ бываютъ черви въ ульяхъ, кот[орыхъ] пчелы, не въ силахъ убить, замазываютъ, чтобъ они имъ не мѣшали — и жизнь дикая съ торжествомъ идетъ своимъ ухудшающимся порядкомъ. Дѣти *учатся* въ гимназіяхъ — меньшія даже дома учатся тому же и закону божію такому, к[оторый] будетъ нуженъ въ гимназіяхъ. Обжираются, потѣшаются, покупая на деньги труды людей для своего удовольствія, и все увѣреннѣе и увѣреннѣе чѣмъ больше ихъ становится, что это такъ. То, что я пишу объ этомъ, не читаютъ, что говорю не слушаютъ или съ раздраженіемъ отвѣчаютъ, какъ только поймутъ, къ чему идетъ рѣчь, что дѣлаю не видятъ или стараются не видѣть. На дняхъ началась подписка и продажа на самыхъ стѣснительныхъ для книгопродавцевъ условіяхъ и выгодныхъ для продажи. Сойдешь внизъ и встрѣтишь покупа-

теля, к[оторый] смотритъ на меня [какъ] на обманщика, пишущаго противъ собственности и подъ фирмой жены выжимающаго сколько можно больше денегъ отъ людей за свое писанье. Ахъ, кабы кто нибудь хорошенько въ газетахъ указалъ ярко и вѣрно и ядовито (жалко за него, а намъ какъ бы здорово было) всю подлость этого. Вчера меня просятъ подписать бумагу, что я по *владѣемымъ мною землямъ* передаю право на дворянскіе выборы сыну. Отчего я допускаю, отчего я дѣлаю это? Вотъ это то я не знаю какъ мнѣ дѣлать. Въ семьѣ я живу и никого не вижу иначе какъ всякій всегда куда то спѣшитъ и отчасти раздраженъ этимъ спѣхомъ и кромѣ того такъ увѣренъ въ томъ, что этотъ спѣхъ не только нуженъ, но также естественъ какъ дыханіе. И если начнешь говорить, то онъ, если и не раздражится и не начнетъ говорить такую нелогическую безсмыслицу, что надо въ каждой фразѣ вновь опредѣлять каждое слово, — если и не раздраженъ, то смотритъ на часы и на дверь, думая, скоро ли кончится это ворчанье брюзгливаго и не понимающаго молодости, односторонне увлеченнаго старика. Съ женой и съ старшимъ сыномъ начнешь говорить — является злоба, просто злоба, противъ к[оторой] я слабъ и к[оторая] заражаетъ меня. — Что же лучше дѣлать? Терпѣть и лгать, какъ я лгу теперь всей своей жизнью — сидя за столомъ, лежа въ постели, допуская продажу сочиненій, подписывая бумаги о правѣ на выборы, допуская взысканія съ крестьянъ и преслѣдованія за покражи моей собственности, по моей довѣренности? Или разорвать все — отдаться раздраженью. Разорвать же все, освободить себя от лжи безъ раздраженія не умѣю, не могу еще. Молю Бога — т. е. ищу у Бога пути разрѣшенія и не нахожу. Иногда именно спрашиваю у Бога, какъ мнѣ поступать. Спрашиваю всегда такъ, когда мнѣ предстоитъ выборъ сдѣлать такъ или иначе. Говорю себѣ, если бы я сейчасъ умиралъ, какъ бы я поступилъ? И всегда, когда я живо* представлю себѣ то, что я ухожу изъ жизни, я чувствую, что важнѣе всего уйти изъ жизни, не оставивъ по себѣ злобы, а въ любви, и тогда склоняюсь къ тому, чтобы на все соглашаться, только бы не раздражать. И главное тогда становишься совершенно равнодушенъ къ мнѣнію людей. Но потомъ, когда оглянешься на результаты этаго, на ту ложь, въ к[оторой] живешь, и когда слабъ

---

* В подлиннике: живу вместо живо,—явная описка.

духомъ, то дѣлается отвращеніе къ себѣ и недоброжелательство къ людямъ, ставящимъ меня въ это положеніе. — Крошечное утѣшеніе у меня въ семьѣ это дѣвочки. Онѣ любятъ меня за то, за что слѣдуетъ любить, и любятъ это. Немного еще въ Левочкѣ, но чѣмъ больше онъ ростетъ, тѣмъ меньше. Я сейчасъ говорилъ съ нимъ. Онъ все смотрѣлъ на дверь — ему надо что то въ гимназіи. Зачѣмъ я вамъ пишу это. Такъ — хочется, п[отому] ч[то] знаю, что вы меня любите и я васъ люблю. Не показывайте этого письма другимъ. Если вамъ *совсѣмъ ясно* будетъ, что мнѣ лучше дѣлать, то напишите мнѣ. Но это — мнѣ по крайней мѣрѣ кажется — ужасно трудно разрѣшить. Разрѣшеніе одно — жить всякую минуту своей жизни съ Богомъ, дѣлая его, но не свою волю — тогда вопросовъ этихъ не будетъ. Но теряешь эту опору, эту жизнь истинную на время, какъ я ее сейчасъ потерялъ, и тогда тяжело бьешься какъ рыба на берегу. Ну вотъ и все. Не знаю, пошлю ли письмо. Если не пошлю, покажу вамъ при свиданіи. —

Писалъ это два дня тому назадъ. Вчера не выдержалъ, сталъ говорить, сдѣлалось раздраженіе, приведшее только къ тому, чтобы ничего не слыхать, не видать и все относить къ раздраженію. Я цѣлый день плачу одинъ самъ съ собой и не могу удержаться. —

Письмо печатается впервые. Оно было найдено в феврале 1927 г. среди бумаг С. А. Толстой в рукописном отделе Публичной библ. им. Ленина (б. Румянцевский музей), где хранится и в настоящее время. На подлиннике рукой Софьи Андреевны сделана пометка «Не послано». О том, что оно было адресовано Черткову, можно с уверенностью судить не только по обращению «милый друг», обычному для Толстого именно в письмах к нему, и по откровенности, с которой он говорит в этом письме о наиболее интимных вопросах своей жизни, но и по прямому указанию, заключающемуся в письме Толстого от 17 декабря 1885 г.: «Я... написал вам длинное письмо, но не послал, покажу когда-нибудь при свидании. Писал я не о вас и не о деле настоящем, а о себе и потому не послал». Далее, в том же письме от 17 декабря, идет краткий пересказ того, что заключено в настоящем письме. Этими же указаниями определяется с точностью до одной недели и дата этого письма, писавшегося, как видно из последнего абзаца его, в два приема, с промежутком в два дня. Оно было написано, повидимому, после того письма от 6—7 декабря, где Толстой говорит уже о своем «унылом и низком настроении». Поэтому начало его можно отнести к 9—12 декабря.

Момент, на котором Толстой не останавливается в своем письме, отмечая его только словами: «Вчера не выдержал, стал говорить», довольно подробно изображен в письме С. А. Толстой к Татьяне Андреевне

Кузминской от 20 декабря, в котором она освещает всё происшедшее со своей точки зрения: «Случилось то, что уже столько раз случалось: Левочка пришел в крайне нервное и мрачное настроение, — пишет она. — Сижу раз, пишу, входит: я смотрю — лицо страшное. До тех пор жили прекрасно, ни одного слова неприятного не было сказано, ровно, ровно ничего. «Я пришел сказать, что хочу с тобой разводиться, жить так не могу, еду в Париж или в Америку». Понимаешь, Таня, если бы мне на голову весь дом обрушился, я бы не так удивилась. Спрашиваю удивленно: «Что случилось?». — «Ничего, но если на воз накладывают всё больше и больше, лошадь станет и не везет». — Что накладывалось, неизвестно. Но начался крик, упреки, грубые слова, всё хуже, хуже и, наконец, я терпела, терпела, не отвечала ничего почти, вижу — человек сумасшедший и, когда он сказал: «Где ты, там воздух заражен», я велела принести сундук и стала укладываться. Хотела ехать к вам хоть на несколько дней. Прибежали дети, рев... Стал умолять: «останься». Я осталась, но вдруг начались истерические рыданья, ужас просто, подумай, Левочку всего трясет и дергает от рыданий. Тут мне стало жаль его, дети 4 — Таня, Илья, Лева, Маша ревут на крик; нашел на меня столбняк, ни говорить, ни плакать, всё хотелось вздор говорить, и я боюсь этого и молчу, и молчу три часа, хоть убей — говорить не могу. Так и кончилось. Но тоска, горе, разрыв, болезненное состояние отчужденности — всё это во мне осталось...» (ГТМ). Дальше, в том же письме, Софья Андреевна говорит: «Подписка на издание идет такая сильная, что я весь день как в канцелярии сижу и орудую всеми делами... Денег выручила 2000 в 20 дней...» И в заключение письма: «Ну вот, после этой истории, вчера почти дружелюбно расстались. Поехал Левочка с Таней вдвоем на неопределенное время в деревню к Олсуфьевым за 60 верст... в крошечных санках. ...Я рада, что Левочка отправился в деревню, да еще в хорошую семью и на хорошее содержание. Я все эти нервные взрывы и мрачность и бессонницу приписываю вегетарианству и непосильной физической работе. Авось он там образумится...» (Об Олсуфьевых и пребывании у них Толстого см. прим. 2 к п. № 93 от 18 декабря 1885.)

* 92.

1885 г. Декабря 17. Москва.

Не думайте, милый другъ, чтобы я не думалъ о васъ, если не писалъ. Думаю безпрестанно, и думать о васъ и близкихъ мнѣ людяхъ — моя радость и утѣшеніе. Я и написалъ вамъ длинное письмо, но не послалъ; покажу когда нибудь при свиданьи. Писалъ я не о васъ и не о дѣлѣ настоящемъ, а о себѣ и потому не послалъ. — Я хочу уѣхать завтра въ деревню; передъ отъѣздомъ напишу вамъ, чтобы вы знали, гдѣ я. [1] — Мнѣ кажется, что не нужно вамъ говорить, что я не только желалъ бы помочь Ростовцеву, [2] но считаю такія дѣла единственной цѣлью своей жизни; но я чувствую, что я самъ такъ плохъ,

что не могу никому помогать прежде, чѣмъ не помогу себѣ. Я очень плохъ, слабъ, встревоженъ и въ унынiи. Объ этомъ я и писалъ вамъ. Коротко сказать, я не умѣю, не могу относиться къ окружающей меня жизни, къ той, въ к[оторой] я долженъ жить, кротко, любовно и потому спокойно. А я страдаю и заставляю страдать других, не помогаю имъ, раскаиваюсь и потому страдаю еще больше. И ничего не работаю, кромѣ физической работы, и страдаю еще тѣмъ, что не дѣлаю того, что долженъ. — Мнѣ надо уединенiя, чтобы поправить свои расшатанныя силы и физически и нравственно. Правду вамъ сказать, несмотря на всю мою любовь къ вамъ и на радость видѣть васъ — радость такую, что если бы вы пріѣхали въ Ясную, я бы былъ радъ, теперь, разсуждая, я вижу и знаю, что для меня нужнѣе и лучше всего побыть одному. — Впрочемъ мы будемъ переписываться, и тогда видно будетъ. — Прощайте, или до свиданья, передайте мою любовь всѣмъ нашимъ друзьямъ.

Здѣсь Фрей поддерживаетъ и утѣшаетъ меня. Чѣмъ больше его знаю, тѣмъ больше люблю. Онъ будетъ въ П[етер]б[ургѣ] въ концѣ этой недѣли. [3]

Л. Т.

Печатается впервые. На подлиннике рукой Черткова пометка: «М. 17 Дек. 85». Нужно думать, что письмо было написано в тот же день, когда на него был наложен штемпель отправления, — не ранее: судя по двум письмам Черткова от 20 декабря, оно было получено им в Петербурге только 20-го.

Толстой отвечает здесь на письмо Черткова от 14 декабря, последняя часть которого, являющаяся откликом на письмо Толстого № 90 от 6—7 декабря, уже приведена нами в заключительном примечании к этому письму. Начинается оно с описания той здоровой трудовой жизни, какую он, Чертков, ведет в это время, целиком посвящая себя делам «Посредника». Раз в неделю сотрудники собираются вечером в складе для обсуждения материалов, пригодных к изданию. Заказы идут со всех сторон — и из Сибири, и из Закавказья, так что книг не хватает... Затем Чертков спрашивает: «Что вы думаете делать? Собираетесь ли в Ясную раньше праздников или нет? Мне это хотелось бы знать, для того чтобы сообразить, как распорядиться своей поездкой в Москву. Ростовцев [см. ниже прим. 2], о котором я вам не раз говорил, на этих днях приезжает в Москву. Мне очень хотелось бы, чтобы он с вами повидался. Я уверен, что это ему нужно; а то он может совсем погибнуть, и именно из-за неимения людей, которые могут поддержать, ободрить его на хорошем пути, который он понимает и к которому его очень тянет. Если вы уже будете в Ясной, то, пожалуйста, скажите мне, можем ли мы с ним навестить вас там. Это будет, вероятно, в последних числах декабря».

[1] Чувствуя после всего совершившегося потребность на время уйти от измучившей его жизни, Толстой в этот момент, очевидно, еще колебался, куда именно ему поехать.

[2] Николай Дмитриевич Ростовцев (1845 ?—1921) — мелкий землевладелец Острогожского уезда Воронежской губ., где находилось и имение Чертковых. В молодости был артиллерийским офицером, потом сделался земским деятелем и 30 лет состоял членом уездной земской Острогожской управы. В начале 1880-х гг. сблизился с Чертковым, и они делились всеми своими душевными переживаниями и мыслями религиозно-нравственного характера. В письме к Толстому от 24—25 октября 1884 г. из Лизиновки Чертков писал о нем: «Здесь проводит со мной несколько дней Ростовцев..., о котором я вам когда-то, кажется, и говорил и писал. Он человек умный, добросовестный. Последние годы он очень опустился. Теперь... он стал меньше пить и вообще признает в себе возобновление прежних стремлений к добру и правде... Он в высшей степени интересуется всеми вашими последними писаниями, и мы много обсуждаем вместе с ним учение Христа — серьезно, не для разговора. Он принадлежит к тому разряду людей, которые сейчас применяют то, до чего дошло их сознание, и потому он особенно меня интересует». По сообщению Черткова, с 1896 г. Ростовцев постоянно проживал на своем маленьком хуторе, в самой скромной обстановке, предоставив местным крестьянам в безвозмездное пользование половину своей полевой земли. Как он, так и все члены его семьи принимали участие во всех полевых работах. После переворота 1917 г. он был оставлен крестьянами на этом хуторе и жил там с семьей, питаясь доброхотными даяниями крестьян-соседей, ценивших его отношение к ним в прошлом и ту помощь, какую оказывал им он и его дочь Мария Николаевна. — В годы, последовавшие за комментируемым письмом Толстого, он познакомился с Ростовцевым и, очевидно, оценил его, потому что в письме к Черткову от 28 февраля 1889 г. (см. т. 86), высказав свои мысли по волнующим его нравственным вопросам, он говорит в заключение, что пишет это для всех близких ему людей, находящихся в окружении Черткова, и называет в их числе Ростовцева.

[3] О В. Фрее см. прим. 3 к п. № 80 от 19—20 сентября 1885. В ответ на сообщение Толстого о Фрее, Чертков, повидавшись с ним в Петербурге, 28 декабря пишет: «Виделся я с Фреем... Он мне понравился как человек и своим теплым отношением к вам. Я, собственно, и был у него для того, чтобы узнать что мог про вас... Мы немножко поспорили, очень мягко и хорошо. Я не чувствую много общего с ним в понимании жизни. Он мне кажется непоследовательным в своих убеждениях, допуская насилие в виде исключения, и не допуская его в принципе... Исповедуя культ «человечества», он однако не в состоянии обнять *всего* человечества, т. е. всякого человека без исключения. Некоторых людей, мешающих его планам и вторгающихся в сферу его деятельности с целью мешать ему в исполнении его служения людям, он считает врагами и своими и человечества и допускает в отношении к ним насилие во имя человечества, упуская из виду, что они тоже человечество... — Сегодня у А. М. Калмыковой собрание — в роде, кажется «диспута», между Фреем и Оболенским».

* 93.

1885 г. Декабря 18. Москва.

Озмидовъ написалъ мнѣ это письмо, и я пересылаю его вамъ. Онъ говоритъ хорошо, а пишетъ очень дурно. И это письмо его мнѣ очень не нравится. — Я понимаю его такъ: это человѣкъ съ преобладаніемъ ума надъ сердцемъ. И умъ его привелъ къ настоящему пути. Но на этомъ же пути умъ и ставитъ ему препятствія, и главное самолюбіе. Я, какъ увижу его, такъ скажу ему это самое. — Я увѣренъ главное въ томъ, что онъ вполнѣ искрененъ. Завтра ѣду съ дочерью [1] къ Олсуфьевымъ [2] за 50 верстъ отъ Москвы, на недѣлю. Если не напишу вамъ завтра еще, что я измѣнилъ это намѣреніе, то значитъ, я уѣхалъ. Оттуда напишу вамъ. О свиданіи съ вами и Рост[овцевымъ] ничего не могу сказать вамъ; я слишкомъ измученъ и растрепанъ. Оттуда, гдѣ я намѣренъ устроить себѣ уединеніе хоть на недѣлю, напишу вамъ.

Письмо печатается впервые. На подлиннике рукой Черткова пометка: «18 декабря 85». Нужно думать, что эта дата, соответствующая штемпелю отправления, относится и к дню написания письма, потому что в нем Толстой, уже определенно указывая, куда он решил уехать, говорит о своем отъезде на следующий день, а из выше цитированного письма С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 20 декабря, мы знаем, что он уехал 19 декабря.

Письмо написано на двух чистых страницах письма Н. Л. Озмидова, пересылаемого Черткову (Об Озмидове см. прим. 1 к п. № 3 от 24 января 1884 г.). В письме этом Озмидов говорит (цитируем с сокращениями): «Хороший мой Лев Николаевич! Забыл я сказать вам, не надо ли Черткову агента по делам «Посредника»?.. Участвовать в распространении этого дела было бы мне весьма приятно. Вознаграждения не требуется: у меня еда есть месяца на 2 или на 3. Если дела будет впоследствии очень много и если я не смогу иметь постоянный заработок, то тогда еще успеем поговорить и о еде. Теперь нужно только мне участвовать в сем деле. Если вы благословите сие, то припишите здесь несколько нужных слов и это же письмо мое пошлите Черткову. Если он во-истину Христовой веры, то он со мной не расстанется во веки веков. В этом я уверен...»

[1] Толстой уезжал с дочерью Татьяной Львовной.

[2] Гр. Олсуфьевы — давние знакомые Толстых, богатая семья, состоявшая из гр. Адама Васильевича (1833—1901) отставного генерал-лейтенанта и помещика, жены его Анны Михайловны, урожденной Обольяниновой (1835—1899) и трех детей их: сыновей Михаила (1860—1917) и Дмитрия (р. в 1862 г.) и дочери Елизаветы (1857—1898). В дневнике Толстого за 1884 г. много раз упоминается о том, что он посещал их в Москве.

Не раз гостил он и в имении их Никольском-Горушках (или Никольском-Обольянинове) Дмитровского уезда Московской губ., в 20 верстах от ст. Подсолнечная Николаевской, ныне Октябрьской ж. д. В письме к Софье Андреевне из Никольского-Обольянинова от 23 декабря 1885 г., т. е. как раз во время поездки туда, Толстой характеризует семью Олсуфьевых в следующих словах: «...Очень, очень милое, честное всё семейство... Роскошь жизни их большая и, очевидно, тяготит, давит их, и им скучно, и у них скорее скучно. Выкупается всё нравственной чистотой и честностью, которая чувствуется во всех» (АТ).

Отвечая на письмо Толстого по вопросу об Озмидове, Чертков пишет: «...Как раз Сытин просил рекомендовать ему развитого человека, который был бы под рукою для того, чтобы держать корректуру наших книжек перед самым их печатанием... Мне кажется, что Озмидов может хорошо это исполнять, а там может быть он еще для чего-нибудь пригодится Сытину. Сытин и теперь за эту работу готов платить. Письмо Озмидова мне также очень не понравилось. Но я рад был слышать от вас, что вы верите его искренности. Однако, я также рад, что в данном случае Озмидов войдет в деловые сношения не со мною, а с Сытиным»...

94.

1885 г. Декабря 27.

Очень вы меня утѣшили своимъ письмомъ, милый другъ. Я нашелъ въ немъ то самое, чего ждалъ — сочувствія и сожалѣнія — состраданія. Удивляюсь, почему люди не любятъ и стыдятся быть жалкими: мнѣ радостнѣе всего именно это чувство состраданія. Я его заслуживаю со всѣхъ сторонъ.[1] Много хотѣлось бы сказать вамъ, но отложу до свиданья, если Богъ велитъ. Я пробылъ здѣсь 8 дней, и мнѣ было почти хорошо. Нехорошо — полное непониманіе того, въ чемъ моя жизнь, и роскошная праздная жизнь, а хорошо — доброта, честность и чистота и не любовь, а уваженіе ко мнѣ всѣхъ ихъ. Кромѣ того были мои: Сережа,[2] Таня[3] и Леля,[4] и теперь еще здѣсь двое. Въ самое рождество случилось, что я пошелъ гулять по незнакомымъ пустыннымъ зимнимъ деревенскимъ дорогамъ и проходилъ весь день и все время думалъ, каялся и молился. И мнѣ стало лучше на душѣ съ тѣхъ поръ. Я твердилъ одно: Отецъ нашъ — всѣхъ насъ людей, отецъ не земной, а небесный, вѣчный, отъ к[отораго] я изшелъ и къ к[оторому] приду, свята да будетъ для насъ сущность (имя) твоя (сущность твоя есть любовь). Да будетъ царствовать твоя сущность — любовь такъ, чтобы, какъ на небѣ любовно, согласно совершаются

движенье и жизнь свѣтилъ, — воля твоя, — чтобъ также согласно, любовно шла наша жизнь здѣсь, по твоей волѣ. Пищу жизни, т. е. любви къ людямъ — отношенія съ людьми, дай намъ въ настоящемъ, а прости, сдѣлай, чтобы не имѣло на меня, на мою жизнь вліянія то, что было прежде, и потому я не вмѣняю никому изъ людей то, что прежде они сдѣлали противъ меня. Не введи меня въ искушеніе, извнѣ соблазняющее меня, но главное — избави меня отъ лукаваго, отъ зла во мнѣ. Въ немъ гордость, въ [немъ] желаніе сдѣлать то, что хочется, — въ немъ всѣ несчастія, — отъ него то избавь.[5] — Пожалуйста, не показывайте всѣмъ моего письма. Неясно, странно, что я пишу, но тотъ, кто ходитъ тѣми дорогами, какъ я, пойметъ меня — вы. Я молился такъ и всегда съ радостью и сознаніемъ оживанія. Кто не любитъ брата, тотъ пребываетъ въ смерти. Я это боками узналъ. Я не любилъ, имѣлъ зло на близкихъ, и я умиралъ и умеръ. Я сталъ бояться смерти — не бояться, а недоумѣвать передъ нею. Но стоило возстановить любовь, и я воскресъ. Помогай намъ Богъ не умирать. — Завтра, если буду живъ, поѣду въ Москву. Пріѣзжайте, все переговоримъ. Очень хочу работать, но вотъ уже давно нѣтъ силъ. — Я забылъ первую заповѣдь Христа: не гнѣвайся. Такъ просто, такъ мало и такъ огромно. Если есть одинъ человѣкъ, к[отораго] не любишь, погибъ — умеръ. Я это опытомъ узналъ.

Полностью печатается впервые. С исключением первых строк было напечатано в Б, III, Госизд., М., 1922, стр. 21—22. На подлиннике рукой Черткова: «28 дек. 85». Но письмо было написано 27 декабря, потому что в письме Толстого к Софье Андреевне от конца декабря, где тоже говорится, что он намерен уехать от Олсуфьевых в Москву на следующий день, к слову «завтра» прибавлено «в субботу»: в 1885 г. суббота приходилась на 28 декабря. Письма к Черткову и к Софье Андреевне, последние за время пребывания Толстого у Олсуфьевых, написаны, повидимому, в один день, потому что Никольское-Обольянинoво находилось в 20 верстах от железнодорожной станции, и, как видно из небольшого письма Черткова к Толстому от 28 декабря, Софья Андреевна предупредила его открытым письмом, что на почту оттуда ездят редко. Подтверждением даты «27 декабря» служат и слова Толстого «я пробыл здесь 8 дней»: он приехал к Олсуфьевым 19 декабря.

Начало письма Толстого — о том утешении, которое доставило ему письмо Черткова, — относится к письму его от 20 декабря. В нем Чертков говорил (цитируем с сокращениями): «Получил я ваши последние два грустные письма, дорогой друг Лев Николаевич. Не стану я пытаться вас утешать или что-либо подобное: вы сами лучше знаете всё, что я могу

сказать. Но я сообщу вам те мысли, которые вызвали во мне эти письма. Прежде всего я вспомнил слова: «Помните слово, которое я сказал вам: раб не больше господина своего. Если меня гнали, будут гнать и вас; если мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше». Отсутствие единения с своими семейными, — быть у себя дома чужим и встречать постоянный отпор от людей, самых близких, — это очень тяжелая форма гонения; но это именно и есть один вид того гонения, которое мы должны ожидать... Но мне очень тяжело чувствовать, что вы страдаете, милый Лев Николаевич, дай вам бог поскорее выйти из этого испытания и выступить с удвоенными силами, пуская в оборот на пользу людям всё то, чем вы теперь страдаете. Нам, со стороны, видны проявления того, что вас не только «гонят», но и «соблюдают ваше слово»... Посылаю вам вырезку — корреспонденцию из Америки о впечатлении, произведенном там изложением вашей веры. Если вы отложите в сторону чувство личного удовлетворения от сознания такого успеха, то всё-таки должно остаться хорошее, *не* личное сознание, что вы служите проводником божьей истины, и многим делаете добро даже из современников. — Я хорошо понимаю ваше желание уединения и не буду пока предлагать вам навестить вас. Вы же, если вам захочется, напишите мне, когда пожелаете меня видеть... У нас здесь всё идет ровно и спокойно. С матерью отношения всё улучшаются. В складе работа поддерживается усиленная... Вчера приезжал сюда Сытин из Москвы повидаться со мною. Причина, вызвавшая его поездку, самая отрадная. Оказывается, что спрос на наши издания так неожиданно велик, что типография Сытина не успевает выпускать требуемое количество книг, хотя она вся теперь занята почти исключительно нашими изданиями. Коробочники, раз получившие наши книжки в числе остальных, возвращаясь за новою партией, требуют преимущественно именно наши издания, которым покупатели везде отдают предпочтение перед старыми лубочными книжками. В лавке Сытина целый день происходят пререкания между его приказчиками и этими коробочниками. Первые хотят спускать и старые лубочные издания, а последние настаивают на том, чтобы давали им побольше наших... Кроме того, он [Сытин] стал получать ежедневно массу (до 40) мелких заказов на наши издания от людей самых простых и полуграмотных. Они даже не умеют назвать книги по заглавиям, а говорят например так: «книжку, где рассказано, как ангел жил в мастеровых у сапожника». В виду такого совершенно непредвиденного успеха, Сытин собрал своих компаньонов (людей образованных и очень вам сочувствующих — в особенности Воропаев, директор фабрики Кувшинова), для того чтобы вместе сообразить, как поступить. Они решили приобрести новую типографскую машину, которая будет печатать по 50 т. экз. в день. Иначе они не могут справиться с спросом... Воропаев с радостью даже предвидит теперь возможность исполнить свою заветную мечту совсем заменить прежние скверные книжки нашими хорошими и больше тех не печатать. Всё это, как видите, очень отрадно, и всё дело за нами, ибо, конечно, главное — материал для издания. Мы здесь... готовим беспрерывный ряд новых книжек. «Сократ» выйдет на этих днях. Также «Петр-мытарь». К «Свечке» Кившенко сделал рисунки, и они уже переданы Сытину. «Жервеза» из Золя, «Вор» Голо-

лобова, маленький сборник Калмыковой, Житие Павлина Ноланского— уже разрешены цензурою. Совсем готовы для представления в цензуру: «Скупой», «Брат на брата» из В. Гюго, «Иоанн-воин» Некрасовой, большой сборник Калмыковой. Скоро будут готовы «Безвестная труженица» [«Марья-кружевница»] и «Признание подрядчика» Хмелевой, «Бабья доля» Кузминской. «Сказка про трех мужиков и старика Ведуна» — подражание сказке Цебриковой, о которой вы нам когда-то писали... Есть прекрасный рассказ Потехина — «Хворая». Некоторые из названных книг по размеру займут несколько наших листов и положат начало новой серии книжек — более толстых, с раскрашенными обложками наподобие книг лубочных такого же размера. Ну вот, Лев Николаевич, как видите, мы делаем, что можем. Теперь за вами дело... Мне всё жаль, что в наших изданиях такое преобладание сюжетов из крестьянской жизни, и кажется мне, что очень нужны были бы рассказы, показывающие жизнь людей других сословий и другой обстановки, и притом в сравнении и в связи с крестьянскою трудовою жизнью. Но вот это можете дать только вы одни...» В конце этого письма Чертков сообщал те сведения о писательском подъеме Салтыкова (Щедрина) в связи с обращением к нему Толстого, которое мы уже дали в относящемся к Салтыкову прим. 1 к п. № 90 от 6—7 декабря 85 г.

Из подготавливаемых для печати книжек, перечисленных в письме Черткова, большая часть уже упоминалась в предшествующих письмах его и Толстого, и о них даны примечания в соответствующем месте. Так, о «Сократе» А. М. Калмыковой см. прим. 11 к п. № 55 от 2 мая 1885 г.; о «Петре мытаре» [«Житие св. Петра, бывшего прежде мытарем»] П. П. Беликова — прим. 10 к п. № 67 от 1—2 июня; о «Жервезе» М. К. Цебриковой — прим. 8 к п. № 81 от 11 октября; о «Житии св. Павлина Ноланского» Беликова — прим. 1 к п. № 56 от 7 мая; о книжке «Скупой и его дочь» (по Бальзаку) Е. П. Свешниковой — прим. 4 к п. № 84 от 31 окт.; о книжке «Брат на брата» (по В. Гюго) Свешниковой — прим. 9 к п. № 67 от 1—2 июня 1885 г.; об «Иоанне-воине» Е. С. Некрасовой — прим. 1 к п. № 78 от 7 сентября; о повестях «Марья-кружевница» и «Признание подрядчика» О. Н. Хмелевой — прим. 10 к п. № 86 от 11 ноября и прим. 2 к п. № 89 от конца ноября 1885 г. Из не упоминавшихся ранее книжек «Вор» представляет собой перепечатанный из «Русского богатства» рассказ Я. Г. Гололобова (р. 1855), бывшего впоследствии депутатом 3-й госуд. думы и затем вице-губернатором в Полтаве. — «Бабья доля» — поправленный Толстым рассказ Т. А. Кузминской, напечатанный в «Вестнике Европы» и затем без имени автора в изд. «Посредника», М., 1886 г.; — «Хворая» — повесть беллетриста и драматурга А. А. Потехина (1829—1908), напечатанная в 1876 г. в «Вестнике Европы» и вышедшая в изд. «Посредника» только в 1887 г. — Предположение издать два сборника рассказов, подысканных А. М. Калмыковой, — маленький и большой — не осуществилось: выпущен был, после тщательного пересмотра материалов, один сборник — «Цветник»; о нем см. прим. 5 к п. № 117 от 13—14 сентября 1886 г. Об упоминаемой Чертковым «Сказке про трех мужиков и старика-ведуна» см. прим. 8 к п. № 95 от 16—17 января 1886 г.

[1] Пережив в своей семейной жизни до отъезда в деревню к Олсуфьевым всё то, о чем говорится в письме к Черткову от 9—15 декабря, Толстой не переставал получать тревожные впечатления и в деревне. В письме от 23 декабря, обращенном к нему и к дочери Татьяне Львовне, Софья Андреевна писала: «Я знаю, Таня, что в жизни нашей всё хорошо и что плакать нечего, но ты это папа говори, а не мне. Он плачет и стонет и нас этим губит... Пока я могу сказать: да, я хочу, чтобы он вернулся *ко мне*, так же, как он хочет, чтоб я пошла *за ним*. *Мое* — это старое, счастливое, пережитое, несомненно хорошо, светло и весело, и любовно, и дружно. *Его* — это новое, вечно мучающее, тянущее всех за душу... Нет, в этот ужас меня не заманишь. Это *новое* будто бы *спасшее*, а в сущности приведшее к тому же *желанию смерти*, так намучило меня, что я ненавижу его. Да, я зову в свое *старое*, и оно *верное*, и тогда только счастье восстановится, когда мы заживем старой жизнью. Никогда мне это не было так ясно. И ясно, что я теперь очень, очень несчастлива этим разладом, но ломать жизнь не буду и не могу...» *(курсив подлинника)* (АТ). В следующих письмах Софья Андреевна упрекает мужа в том, что вегетарианство губит здоровье их дочери Марьи Львовны и выражает ужас перед сумасшествием, которое, как ей кажется, надвигается на нее самоё. Толстой, со своей стороны, в первом же письме к ней из Никольского-Обольянинова, от 21—22 декабря, пишет так: «...Сейчас прочел письмо твое, и сейчас на сердце защемило, и чувствую то же отчаяние и тоску, которые чувствовал в Москве... Но, впрочем, ради Бога, никогда больше не будем говорить про это. Я не буду. Надеюсь окрепнуть нервами и молчать. То, что всё, что я испытывал в Москве, происходило не от физических причин, то [вместо: доказывается тем], что я после 3-х дней такой же жизни, как в Москве, без мяса, с работой физически тяжелой — я здесь пилю и колю дрова — я чувствую себя совсем бодрым и сплю прекрасно. — Но что делать? Мне по крайней мере ничего нельзя изменить, ты сама знаешь. Одно можно: выработать спокойствие и доброту, которой у меня мало, что я постараюсь сделать. Прощай, душа моя, целую тебя, и люблю, и жалею...» (См. т. 83).

[2] О Сергее Львовиче Толстом см. прим. 2 к п. № 95 от 16—17 января 1886 г.

[3] О Татьяне Львовне Толстой см. прим. 2 к п. № 84 от 31 октября 1885 г.

[4] О Льве Львовиче Толстом см. прим. 9 к п. № 97 от 23 января 1886 г.

[5] Эта молитва Толстого представляет собой как бы переложение молитвы, записанной в Евангелии от Луки, гл. 11-я, ст. 2—4: «Он [Христос] сказал им: когда молитесь, говорите: «Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя твое; да приидет царствие твое; да будет воля твоя и на земле, как на небе. Хлеб наш насущный подавай нам на каждый день; и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого» (русский перевод синодального издания Евангелия). Эта молитва, в свободных словах, отражающих то освещение, которое Толстой давал ей, не раз встречается и в дальнейших письмах его к Черткову, и в записях его более поздних дневников. В письме к Черткову № 228 от 18 июня, 1889 г., передавая эту свою

молитву, он говорит: «По привычке, когда плох духом, молился, читал «Отче наш». С самых детских лет слова эти всё растут и растут по смыслу и содержанию» (см. т. 86).

[6] В письме к Софье Андреевне, написанном в тот же день, что и письмо к Черткову, Толстой говорит: «...Давно, со времени отъезда Тани и твоего последнего больного письма, ничего о тебе не знаю. Я же со дня Рождества могу сказать, что чувствую себя лучше и лучше; главное, нравственно. Они ездили кататься, а я ходил по дорогам, гулял, и думал, и каялся и молился Богу. Не для успокоенья тебя я говорю, а искренно я понял, как я много виноват, и как только я понял это и особенно выдернул из души всякие выдуманные укоризны и восстановил любовь к тебе и Сереже, так мне стало хорошо и будет хорошо независимо от всех внешних условий»... 30 декабря, задержавшись еще в деревне, Толстой вернулся в Москву, опять на лошади, в маленьких санках. В письме к Т. А. Кузминской от 2 января 1886 г., Софья Андреевна пишет: «Левочка вернулся и стал добрый», а через неделю, 8 января в письме к ней же, говорит: «Левочка был добр и кроток, но я не прощала и не могла долго простить тех мучений, которые он мне сделал. Но кончилось примирением и твердым обещанием никогда, ни разу не поминать прошлого. Но я, обещавши этого не делать на словах, до сих пор в сердце не забыла... После примиренья пошло весело в доме. Делали всё, что хотели. Приглашали гостей (т. е. всё это не я, а дети), собирались вечером... Поехали в костюмах и масках в самые знакомые и веселые дома... Когда я, после интриги, снимала маску только хозяйкам дома, то все мгновенно бросались меня целовать. Были у нас и вечеринки, кое-кто собрался, пели, плясали, из горящего рома таскали сладости, гадали... Звали нас с Таней на балы и вечера: но мы ни разу никуда не ездили, только визиты делали кое-кому...» (ГТМ)

29 января Чертков, отвечая на последнее письмо Толстого, пишет ему: «Наконец я получил от вас то письмо, которое всё поджидал. Нужно ли говорить, как я радуюсь за вас и за нас всех. Вы освободились от гнета внешних условий, от вас не зависящих, и нашли это освобождение в самом себе. Вот этим-то мы и счастливы, что мы знаем секрет, как освободиться от влияния тех внешних условий, которые от нас не зависят»... В заключительной части письма Чертков уведомляет Толстого, что 3 января рассчитывает быть у него в Москве.

1886

* 95.

1886 г. Января 16—17. Москва.

Какъ вы доѣхали? И въ какомъ душевномъ состоянiи, милый другъ. Я такъ радъ, что вы пожили съ нами. У насъ все хорошо. Илья меня особенно радуетъ.[1] Какъ то ему поможетъ Богъ дальше, а онъ уже теперь совсѣмъ другой, — открытый и радостный. И съ Сережей[2] кромѣ хорошихъ — хотя и короткихъ и незначительныхъ — разговоровъ съ пониманiемъ и уваженiемъ другъ друга, ничего нѣтъ. Тогда какъ прежде было раздраженiе. Съ женою тоже хорошо — вотъ, вотъ дойдетъ до раздраженiя, но остановится на дорогѣ, и вспомнишь, что было, и хорошо. Мнѣ все нездоровится, горло болитъ, уменьшаясь, но посерединѣ дня жаръ, и работать ни такъ ни сякъ не могу хорошенько. Нынче немножко пописалъ «И[вана] И[льича]»[3] и скоро сталъ путаться. Получилъ я отъ Рост[овцева][4] письмо съ вопросомъ о васъ. Видно, какъ онъ васъ любитъ. Онъ говоритъ, что по его мнѣнiю вамъ необходима физическая работа. Я думаю, что онъ правъ. Физическая усталость непремѣнно вамъ нужна и хорошо должна дѣйствовать на васъ. Мнѣ съ вами было очень хорошо, но я заболѣлъ въ послѣдній день и боюсь, что непрiятно для васъ и глупо говорилъ съ вами о вашей строгости. Ничего не вышло, а вышло, что вамъ было непрiятно; вы простите меня. Милый Ге все у насъ, старшiй,[5] все работаетъ и все лучше и лучше. Какъ выздоровлю, такъ примусь заказывать фототипiи.[6]

Эртель[7] прислалъ мнѣ свой разсказъ, предоставляя право сокращать, прибавлять, и прося печатать (если годится) безъ имени. Разсказъ по языку и правдивости подробностей и по содержанiю хорошъ, но нехорошо задуманъ — распущенно и

не отдѣланъ. По моему его можно напечатать, но только, только можно, если не будетъ лучшаго. Посылаю вамъ его и сказку Цебриковой. Занимался я тоже Буддой.[9] Хотѣлось бы съ божьей помощью составить эту книжку. Получилъ я тоже сказку малорос[сійскую], легенду Костомарова. *Сорокъ лѣтъ*.[10] Я вспомнилъ ее. Это превосходная вещь. — Я ее буду читать еще. А вы постарайтесь достать, называется «Сорокъ лѣтъ», и прочтите. — Сказка Леонтьева[11] можетъ быть пріобрѣтена, какъ онъ передалъ Фету,[12] за 150 или за 300 р. Я не понялъ. Но я достану и перечту ее, и тогда уже предложу вопросъ о деньгахъ за нее. Стоитъ ли? «Mare au diable»[13] взялъ Ильюша. Misérables[14] очень понравилось Сережѣ. Я буду поощрять его. Напишите мнѣ поскорѣе доброе письмо, к[оторое] бы изгладило что-то шаршавое, к[оторое] было въ послѣднія минуты нашего свиданія. Передайте Павлу Ив[ановичу] и Алекс[андрѣ] Михайловнѣ мое .. (не знаю, какъ написать), т. е. что я ихъ люблю и помню, чего и отъ нихъ желаю. Pauvres gens Victor Hugo[15] въ Родникѣ[16] переводъ.

Полностью печатается впервые. Отрывки были напечатаны в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 32—33, с ошибочной датой «28 декабря 1885 г.». На подлиннике помечено рукой Черткова: «М. 17 января 86». Вернее, что письмо было написано 16 января, так как в этот день болезнь сына Толстого, Алеши, унесшая его в одни сутки, еще не внушала никаких опасений.

Толстой писал Черткову вскоре после возвращения его из Москвы в Петербург, не дожидаясь известий от него. Пребывание Черткова в Москве было на этот раз довольно длительным. Приехав туда 3 января, он остановился на этот раз у Толстых. В цитированном уже письме Софьи Андреевны к Т. А. Кузминской от 9 января она говорит: «Чертков собрался уже уехать в деревню, да и зажился у нас, спит с Лелей [Львом Львовичем Толстым], сияет счастьем и всё просит позволенья еще пожить: «у вас так хорошо, вы все такие добрые» (ГТМ). Повидимому, он пробыл в Москве не менее десяти дней.

[1] Илья Львович, второй сын Толстого (1866—1933). Учился в гимназии Поливанова, но не окончил ее. В период, к которому относится это письмо, мечтал уже о женитьбе на Софье Николаевне Философовой, дочери художника Н. А. Философова (см. прим. 7 к п. № 51 от начала апреля 1885 г.), что и осуществилось в 1888 г. С осени 1886 г. отбывал воинскую повинность. В 1890 г. жил с семьей в своем имении Гринёвке Чернского уезда Тульской губ. В 1890 г. и 1898 г. работал с отцом на голоде. Напечатал несколько рассказов и повестей под псевдонимом Дубровский. Краткую, но живо написанную историю своих отношений с отцом дал в книге «Мои воспоминания», М., 1914 в главе «Отец как воспитатель», стр.

193—210. С 1917 г. переселился в Америку, где и умер 12 декабря 1933 г. Подробнее см. в прим. к первому письму к нему от 1886 г. в т. 63.

[2] Сергей Львович, старший сын Толстого (р. 1863 г.). Окончил естественный факультет московского университета. Служил членом от земства в Тульском отделении Крестьянского банка. С 1895 г. жил в своем имении Никольское-Вяземское Чернского у. Тульской губ. Одно время служил земским начальником в Чернском у. В 1898 г. по поручению отца ездил в Англию по делу помощи духоборам и сопровождал духоборов на одном из пароходов в Канаду. В течение всей жизни много занимался музыкой. Написал статью: «Музыка в жизни Л. Н. Толстого» (см. «Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник. Труды Толстовского музея», М.—Л., 1928, стр. 299—318) и ряд других статей и воспоминаний об отце. Подробнее см. в прим. к первому письму к нему от 1884 г., т. 63.

[3] О «Смерти Ивана Ильича» см. прим. 7 к п. № 15 от 25—27 апреля 1884 г.

[4] О Н. Д. Ростовцеве см. прим. 2 к п. № 92 от 17 декабря 1885 г.

[5] О Н. Н. Ге см. прим. 1 к п. № 29 от 10 октября 1884 г.

[6] Повидимому, речь идет о фототипиях с рисунков Н. Н. Ге на евангельские тексты, задуманных в виде серии, в которую должна была войти и фототипия с известной картины Ге «Тайная вечеря». Н. Н. Ге гостил в это время у Толстых в Москве и был занят этой серией. Об этом можно судить и по письму приезжавшего в Петербург Михаила Александровича Стаховича к Черткову от 6 февраля, где он говорит: «Лев Николаевич просил передать вам фотографию с Тайной вечери Н. Н. Ге с просьбой напечатать ее как можно скорее... Лев Николаевич настаивает на скорейшем печатании, имея в виду хорошее вдохновенное настроение Н. Н. Следом к вам перешлются еще 6 картин (серия) однородного и последовательного по времени содержания» (АЧ). Толстой написал тем временем текст к «Тайной вечере» Ге, о чем он говорит в письме своем к Черткову № 97 от 23 января 1886 г. (см. также прим. 5 к этому письму).

[7] Александр Иванович Эртель (1855—1908). Сын воронежского мещанина полунемецкого происхождения, служившего управляющим в разных имениях. Никакого правильного образования не получил, с 13 лет работал в качестве помощника отца, потом в качестве конторщика и кассира, но благодаря своей одаренности, умственной живости и любознательности, самоучкой достиг высокого уровня интеллигентности. Рано женившись на девушке образованного круга, арендовал хутор и пробовал хозяйничать на нем, но неудачно. Встреча в г. Усмани с писателем-народником П. В. Засодимским привела его в 1879 г. в Петербург, где он заведовал библиотекой, которую открыл Засодимский, и где познакомился с Глебом Успенским, Гаршиным и другими писателями. Засодимский же отдал в печать первый рассказ его «Переселенцы» (журн. «Русск. обозрение», 1878, 3—4). Начиная с января 1880 г. стала печататься в «Вестнике Европы» серия его рассказов, соединенных в одно произведение под заглавием «Записки степняка», обратившая на него общее внимание. Знакомство с революционерами, политические воззрения которых он не вполне разделял, но которым оказывал разные услуги в их подпольной работе, вызвали в 1884 г. арест его и заключение в Петропавлов-

скую крепость, потом в Дом предварительного заключения. Выпущенный оттуда на поруки, он жил некоторое время в Москве. Здесь он познакомился с Толстым и с Чертковым, с которым несколько позднее у него завязалась дружба, продолжавшаяся до самой смерти его (см. биографию Черткова в комментарии к письму № 1 от 5 декабря 1883 г.). С 1885 г. до начала 1888 г. Эртель отбывал административную ссылку в Твери. В 1889 г., сдав в печать свой новый роман «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги», переехал на хутор в Воронежскую губ. и прожил там, занимаясь сельским хозяйством и литературой, до 1896 г. За это время написано им еще два крупных произведения — «Смена» 1890 г. и «Карьера Струкова» 1895 г. Затем обстоятельства принудили его перейти на роль управляющего в крупных чужих имениях. Знакомство его с Толстым началось с того, что, перечитав в Москве, в 1885 г., его «Исповедь» и прочитав впервые «В чем моя вера», он почувствовал потребность лично поговорить с ним. В ответ на письмо его от 1 марта 1885 г., выражавшее это желание, Толстой сам пришел к нему вместе с Чертковым. 17 сентября того же года, отвечая на его просьбу прислать ему рукописные экземпляры статей «В чем моя вера» и «Так что же нам делать», Толстой склонял его писать для «Посредника»: «Попытайтесь написать рассказ, имея в виду только читателя из народа. Только бы содержание его было значительно, а вы вероятно напишете хорошо...» — говорил он в этом письме. Эртель отвечал ему на это: «О рассказе для народа я думал, да боюсь: трудное это дело... Нужно самое ничтожное количество описаний, а они в крови у нас, у цеховых литераторов...; нужно совершенное отсутствие рассуждений и монологов; нужно непрерывное развитие действия... и в конце концов непременно, во что бы то ни стало, дидактическую цель, вывод выпуклый и независимый от «рассуждений». Простота!.. Но для этой простоты, о как много нужно усилий!» (Из письма к Толстому от 24 сент. 1885) (АТ). В начале 1886 г. он посылает Толстому для «Посредника» рассказ, упоминаемый в комментируемом письме. Несмотря на не вполне благоприятный отзыв о нем Толстого, он был сдан в печать, повидимому, без каких-либо переделок и вышел в издании «Посредника» в том же году, с рисунками А. Д. Кившенко под заголовком: «Повесть о жадном мужике Ермиле», А. И. Эртеля. М., 1886 (ценз. разр. получено в Петербурге 5 марта 1886 г.). В дальнейшем «Посредником» были изданы также имеющие самостоятельное значение главы из романа его «Гарденины» под заглавием: «Рассказы Ивана Федотыча» (без фирмы «Посредника», М., 1891). Отзыв Толстого об этой книжке см. в письме его к Черткову № 215 от 17 февраля 1889 г. Отношение же его к роману «Гарденины» в целом выразилось в том, что при издании посмертного собр. соч. Эртеля он написал предисловие к этому роману, где кроме исключительного знания народного быта он отмечает «удивительный по верности, красоте, разнообразию и силе народный язык» (собр. соч. Эртеля, т. VII, М. 1909).

[8] Через руки Толстого прошли к этому времени две сказки М. К. Цебриковой: «Сказка о трех мужиках и бабе-ведунье» и «Ткач и хлебопек». Вторая из них не была принята редакцией «Посредника», первая послужила материалом для подражания, о котором писал Толстому Чертков в письме от 20 декабря, как о произведении, готовящемся к печати.

(См. комментарий к п. № 94 от 27 декабря.) Возможно, что при свидании с Толстым в первой половине января Чертков передал на его суд эту сказку, которую Толстой для краткости назвал сказкой Цебриковой. Дальнейшая судьба ее неизвестна.

[9] Гаутама Сиддарта, именующийся Буддою, т. е. «просветленным» (VI—V в. до н. э.), основатель религии, распространившейся под именем буддизма из северной части Индии, где жил и проповедовал Будда, в Тибете, частью — Китае, Японии и др. странах. Из биографии Будды, затуманенной легендами, более или менее установленным можно считать только то, что он принадлежал к касте кшатриев (воинов-землевладельцев), был сыном владетельного князя, женился по своему выбору и имел сына, но, тревожимый вопросами о смысле жизни, на 30-м году жизни ушел из дома и сделался отшельником. Через несколько лет он выступил как проповедник и, основав монашествующую общину, члены которой питались подаянием, стал странствовать по городам и деревням восточной Индии, привлекая своей проповедью толпы народа, в которых представители высших каст смешивались с низшей, угнетаемой кастою. Философские основы его учения имели много общего с философией браманизма или, как теперь принято называть до-буддийскую религию индусов, брахманизма (о брахманизме см. прим. 5 к п. № 110 от 27—28 мая 1886 г.). Но Будда не взял от брахманов той стороны их учения, которая со времени их возобладания определяла собой весь социальный строй Индии, с его разделением народа на четыре замкнутые касты и главенством касты брахманов над всеми остальными. Общим с философией брахманизма было у Будды утверждение, что жизнь в целом есть неизбывное страдание, не прекращающееся даже со смертью, потому что смерть ведет к бесконечным перевоплощениям в ряд иных существ — людей или животных, и каждое новое существование является воздаянием за предыдущее и, смотря по тому, было ли оно подвижническим или порочным, приближением к Нирване — вечному покою — или удалением от нее. Избавление от мук жизни дается только победой над страстями, преодолением в себе «жажды жизни». На этих основах развивается буддийская мораль, очень близкая к христианской. Учение Будды не было записано им. Оно распространялось его учениками по разным областям с новыми и новыми творческими наслоениями, и сохранившиеся от него памятники письменности передают его в различных оттенках. — Толстой интересовался буддизмом уже в 1884 г. В Дневнике его от 12 сентября этого года говорится: «Читал Буддизм — учение. Удивительно. Всё то же учение. Ошибка только в том, чтобы спастись от жизни совсем. Будда не спасается, а спасает людей... Если бы некого было спасать, не было бы жизни...» В числе книг, имевших на него огромное влияние в 1880-х гг. (см. Б, III, Госизд., М., 1922, стр. 141), Толстой называет относящиеся к Будде труды Эд. Шюре и Бюрнуфа. Но у Шюре имеется о Будде лишь глава в сочинении его «Les grands initiés», вышедшем в свет лишь в 1889 г. С книгой же Бюрнуфа (Eugène Burnouf, «Le Lotus de la Bonne Loi», P. 1852) он познакомился летом 1886 г., когда он уже начал приводить в исполнение мысль, высказанную в комментируемом письме к Черткову, — изложить учение Будды для «Посредника». Историю этого начатого, но

не законченного труда Толстого см. в комментариях текста его, под заглавием «Сиддарта, прозванный Буддой, т. е. святой», в т. 25. Как видно из дальнейших писем Толстого к Черткову, намеченный им в этом направлении план значительно изменился: он решил писать о семи различных религиях (см. п. № 112 от 15—16 июля 1886 г.). Но мысль об изложении для народа учения Будды не оставляла его, как и Черткова, и в 1911 г. «Посредник» в конце концов всё же выпустил книжку П. А. Буланже «Жизнь и учение Сиддарты Готамы, прозванного Буддой, т. е. Совершеннейшим, с приложением извлечений из буддийских писаний. Под редакцией Л. Н. Толстого». Кроме того, Толстой сам написал краткий законченный очерк о жизни и учении Будды, вошедший под заглавием «Будда» в 1-е изд. «Круга чтения» 1906 г. без его подписи, а в следующих изданиях — за его подписью.

[10] Николай Иванович Костомаров (1817—1885) — профессор русской истории и писатель. Окончил воронежскую гимназию и харьковский университет. В своей научной работе исходил из убеждения, что не официальная история государства, а история народа и его духовной жизни должна составлять основной предмет изучения для историка, поэтому обратился к этнографическим источникам, к фольклору, изучил украинский язык. В 1839—41 гг. написал две драмы и несколько сборников стихотворений на украинском языке. Магистерская диссертация его была признана «возмутительной по содержанию» и сожжена. В 1846 г., избранный преподавателем истории в киевском университете, он сплотил вокруг себя кружок лиц (в числе их и Т. Шевченко), увлеченных романтическим отношением к народности и мечтавших о федерации славянских народов. В 1847 г. члены кружка были обвинены в государственном преступлении. Костомаров просидел год в Петропавловской крепости, затем жил под гласным надзором полиции в Саратове. С 1859 до 1862 г. занимал кафедру русской истории в петербургском университете, причем лекции его пользовались неслыханным успехом, но в 1860-х гг. к нему вновь стали относиться как к политически-неблагонадежному, профессорская деятельность его прекратилась, и вся его энергия ушла в историко-литературную работу. Из главнейших исторических трудов его нужно отметить: «Северно-русские народоправства», Спб., 1863, «Историческое значение южно-русского народного песенного творчества» («Беседа», 1872 г.), «Русская история в жизнеописаниях главнейших ее деятелей», 1872 г. Его малороссийская легенда «Сорок лет» была издана, как приложение к «Газете Гатцука» в Москве, в 1881 г. Перечитав в начале 1886 г. эту легенду, Толстой был чрезвычайно увлечен ею и хотел, чтобы она была напечатана «Посредником» с изменением конца ее в том, что касалось общепринятой трактовки посмертного наказания за грехи. Получить от вдовы Костомарова разрешение на перепечатку легенды ему не удалось (см. прим. 4 к п. № 97 от 23 января 1885), однако в том же году он написал заключительную главу к ней, которая была напечатана много позже в сборнике «Памяти Белинского», изд. Пензенской обществ. библ-ки, М. 1899. Затем она была напечатана в более ранней редакции в журнале «Образование», 1902 г. № 2, стр. 1—43. В издании же «Посредника» удалось выпустить ее, с сокращенным текстом Костомарова, под

заглавием «Смерть Семена Трофимовича», лишь после смерти Толстого, в 1912 г. См. т. 26.

[11] Имеющееся в письме Толстого указание на то, что предложение перепечатать в «Посреднике» «сказку Леонтьева» шло через Фета, убеждает нас в том, что речь идет о произведении Константина Николаевича Леонтьева (1831—1891), мыслителя и публициста, автора книги «О романах Л. Толстого (1891) М., 1911. Помещик Калужской губ., по образованию врач, потом консул на Востоке, в 1880-х гг. цензор в Москве он побывал и на Афоне и в других монастырях, с 1887 г. поселился в Оптиной пустыни и принял там тайное пострижение. Толстой был знаком с ним, но симпатии к нему не питал. В беседе с Г. А. Русановым в августе 1883 г. он сказал: «Я знаю Леонтьева, он раза два был у меня в Москве, и мы не очень, кажется, понравились друг другу» (см. Г. А. Русанов «Поездка в Ясную поляну», ТЕ 1912 г., стр. 69). Однако из свидания с ним в Оптиной пустыни в 1890 г. Толстой вынес, повидимому, иное впечатление, потому что в Дневнике своем от 28 февраля этого года он записал: «Был у Леонтьева, прекрасно беседовали...» Что касается сказки его, о которой Толстой говорит в письме к Черткову, то по убедительным соображениям знатока трудов Леонтьева, С. Н. Дурылина, к которому мы обратились за разъяснением данного вопроса, речь идет здесь несомненно о произведении, озаглавленном «Дитя души. Старинная восточная повесть», напечатанная сначала в № 6—7 «Русского вестника» Каткова в 1876 г., т. е. в том же году, когда в этом журнале печаталась «Анна Каренина», затем в сб. «Из жизни христиан в Турции», М. 1876. Это единственное из беллетристических произведений Леонтьева, которое может быть названо сказкой. К тому же оно написано тем особым простым языком, каким писал свои народные рассказы Толстой, и своим моралистическим характером чрезвычайно подходило бы к серии произведений, печатавшихся «Посредником». Однако сказка Леонтьева переиздана там не была.

[12] Поэт Афанасий Афанасьевич Фет (1820—1892), старый друг Толстого, познакомившийся с ним еще в 1856 г. До 1881 г. находился с ним в постоянной переписке. Историю их отношений см. в книге Фета «Мои воспоминания», ч. I—II, М. 1890. Подробные биографические сведения о нем см. в прим. к первому письму Толстого к нему от 12 мая 1858 г., т. 60.

[13] «La mare au diable» — один из деревенских рассказов Жорж Занд (Авроры Дюдеван, 1804—1876), написанный в эпоху расцвета ее художественного творчества, в 1846 г. Переложение его для «Посредника», которое предполагал взять на себя Илья Львович Толстой, не осуществилось.

[14] «Les misérables» — многотомный роман Виктора Гюго, обнимающий широчайшие круги французской жизни начала XIX в. Написан в 1862 г. Не раз переводился на русский язык. Переложение его для «Посредника», в том виде, как оно намечалось Толстым в качестве работы Сергея Львовича Толстого, — не осуществилось, но эпизоды из него, имеющие более или менее законченный характер, были в дальнейшем изданы «Посредником» в виде отдельных книжечек, под заглавием: «Праведный старец», М. 1894, «Сирота в неволе», М., 1896. Один эпизод из жизни епископа Мириэля, под заглавием «Епископ Мириэль» был изложен самим Толстым и напечатан сначала в качестве «недельного чтения» в «Круге что-

ния», IV, М. 1908, затем отдельной книжкой в изд. «Посредника», М., 1911. Об отношении Толстого к В. Гюго см. прим. 9 к п. № 67 от 1—2 июня 1885 г.

[15] «Pauvres gens» — поэма В. Гюго из «La Légende des siècles» (1877 г.). Фраза в письме Толстого с указанием на перевод этой вещи как бы не закончена, что отметил в одном из следующих писем, от 21 января того же года, и Чертков, говоря: «Может, вы не закончили вашу мысль или просто обращаете мое внимание на эту вещь?» Очевидно, Толстой имел в виду последнее. Много лет спустя поэма Гюго была напечатана «Посредником» в прозаическом изложении В. Микулич («1. Бедные люди. 2. Жаба. По В. Гюго. С французского изложила В. Микулич». М. 1902. Дозв. ценз.: Спб., 17 авг. 1901). Это же изложение в несколько сокращенном виде вошло в «Круг чтения» изд. «Посредника», М. 1906 г. Но во 2-м издании «Круга чтения» 1910 г., исправленном и дополненном, т. IV, напечатано изложение этой поэмы, сделанное самим Толстым. Оно вышло и отдельной книжкой: «Бедные люди. По В. Гюго. Изложение Л. Н. Толстого». Изд. «Посредника», М. 1911.

[16] «Родник» — детский иллюстрированный журнал, основанный в 1882 г. Е. А. Сысоевой и просуществовавший до 1917 г. В 1880-х гг. он выписывался для детей в семье Толстого. Стихотворный перевод поэмы Гюго, сделанный А. Барыковой, напечатан в «Роднике» за 1883 г., № 3.

Из сохранившегося письма Черткова от 19 января, несколько строк которого являются ответом на вопрос Толстого о его душевном состоянии, видно, что Чертков уже писал ему накануне, 18 января, по всей вероятности отвечая ему на целый ряд пунктов, затронутых в комментируемом письме его. Но это письмо Черткова от 18 января не сохранилось. Что касается небольшого письма Черткова от 19 января, то в нем он жалуется на «туман в голове», мешающий ему работать, затем предлагает Толстому хранить все деловые бумаги, касающиеся «Посредника» и лично его, Черткова, в комнате Сергея Львовича с тем, чтобы последний взял на себя труд, в помощь отцу, отвечать на связанные с ним деловые запросы, и кроме того, в самом начале письма, как бы продолжая начатый в Москве разговор с Толстым по вопросу о женитьбе, говорит: «...Я хотел... сказать, что я, после ваших слов, сообразил, что с легким сердцем и думая только о себе жениться нельзя. Надо кроме того чувствовать, что не составишь несчастья жены. А я этого еще не чувствую».

* 96.

1886 г. Января 18. Москва.

[То, что оставило] тѣло Алеши, [1] оставило и не то, что соединилось съ Богомъ. Мы не можемъ знать, соединилось ли, а осталось то, чѣмъ оно было, безъ прежняго соединенія съ Алешей. Да и то не такъ. Объ этомъ говорить нельзя. — Я знаю только, что смерть ребенка, казавшаяся мнѣ прежде непонятной и жестокой, мнѣ теперь кажется и разумной и бла-

гой.[2] — Мы всѣ соединились этой смертью еще любовнѣе и тѣснѣе, чѣмъ прежде. Спасибо вамъ за ваше письмо.[3] Я ждалъ именно его. Помогай вамъ Богъ дѣлать общее наше дѣло — дѣло любви — словомъ, дѣломъ, воздержаніемъ, усиліемъ: тутъ не сказалъ словечка дурного, не сдѣлалъ того, что было бы хуже, тутъ преодолѣлъ робость и ложный стыдъ и сдѣлалъ и сказалъ то, что надо, что хорошо, то, что любовно, — все крошечные незамѣтные поступки и слова, и изъ этихъ то горчичныхъ зеренъ выростаетъ это дерево любви, закрывающее — имѣющее закрыть своими вѣтвями весь міръ. Вотъ это то дѣло помогай намъ Богъ дѣлать съ друзьями, съ врагами, съ чужими, въ минуты высокаго и самаго низкаго настроенія. И намъ будетъ хорошо, и всѣмъ будетъ хорошо. Прощайте, милый другъ.

Полностью печатается впервые. Отрывок напечатан в журнале «Голос Толстого и Единение» 1917—1918 г., новогоднее дополнение к № 6, стр. 17. На подлиннике рукой Черткова архивный № и дата 18 января. Она соответствует дню написания письма, представляющего собой приписку к письму Льва Львовича Толстого, датированного: «18 Январь, вечером». В этом письме к Черткову Лев Львович Толстой, в то время еще гимназист, шестнадцатилетний юноша (см. о нем прим. 9 к п. № 97 от 23 января 1886 г.) сообщал: «Милый Дима, у нас горе для кого большое, для кого маленькое; умер маленький брат Алеша от горла в ночь на 18. Описывать подробности я не стану, а скажу тебе только, что мама очень огорчается и всё это очень скучно. Мне его жалко, так же как его жалеет папа и братья, т. е. как хорошего понятливого мальчика и как что-то свое. Остальные два брата тоже захворали, и мама нас мучает и огорчает больше всего, потому что уже не спит 2 ночи и расстраивает себе нервы. Теперь будет весь этот скучный процесс похорон. Чем скорее маленького не будет в доме, тем скорее пройдет всё это горе. Папа огорчен и несколько раз [*зачеркнуто:* плакал] растрогивался при виде Алеши и вспоминая его смерть; он просил меня написать за него, на что я с охотой согласился, но знаешь ли, как-то очень у нас в доме мрачно, грустно и скучно, надо ждать. У меня нынче ужасно много в голове различных мыслей по поводу этой смерти и мысли полезные, но скверные. Очень трудно объяснить что такое смерть и понимать ее можно различно; мы с папа много говорили нынче об этом и я не согласен в том, что он говорит, что то, что оставило Алешу есть тот общий, вездесущий огонь бога; я думаю, что у каждого человека есть собственный огонь или душа, который оставляет его. — Целую тебя; написал я что-то, нет, не что-то, а то, что я думаю. — *Левка Толстой*». Приписка Толстого сделана в виде сноски (поправки) к словам Льва Львовича»... «то, что оставило» и начинается с маленькой буквы.

[1] Алеша, младший в то время сын Толстого (род. 31 октября 1881 г., ум. в ночь на 18 января 1886 г.). В письмах Толстого к Софье Андреевне

не раз встречается его имя. Так в письме от 4 февраля 1885 г., говоря о состоянии каждого из своих детей, оставшихся во время отъезда Софьи Андреевны в Петербург на его попечении, об Алеше он пишет: «Алеша, как всегда неестественно быстро сообразителен и мил», а в письме от 25 октября из Ясной поляны, целуя всех детей, «и больших, и малых», прибавляет: «...Напиши побольше про них и про Алешу. Я что-то нынче всё о нем думал». Болезнь мальчика, обозначившаяся к вечеру 16 января и признанная двумя врачами, уже в последний день его жизни, 17 января, не опасною, в 10-м часу вечера стала резко усиливаться, и в 4 часа ночи он скончался. Софья Андреевна в письме к Т. А. Кузминской от 20 января 1886 г., описывая последние часы его жизни, говорит: «Почти только что уехал Беляев [врач], стало хуже. Хрипота прибавилась, жар усиливался. Мы никто не ложились. Сидела няня, я, Таня и Маша. Алеша обернулся вдруг и говорит: «Позови папу». Мы позвали. Он поглядел на него. Левочка сел с ним и уже не отходил... Я выбежала из комнаты опомниться хоть на минуточку. Две ночи я его с рук не спускала. Таня тоже вышла. Вдруг приходят Левочка и Маша и говорят: «Кончился»... Софья Андреевна рассказывает дальше о проявлениях сердечности в связи с этой смертью некоторых из ее детей, особенно Ильи Львовича, Андрея Львовича и обеих старших дочерей, и в заключение письма, после описания похорон, говорит: «Левочка осунулся, похудел и очень грустен... Все очень огорчены и ко мне ласковы» (ГТМ).

[1] В этом письме уже отчетливо выступает то стремление Толстого к преодолению в себе горя, связанного со смертью близкого существа, которое он возводит в принцип и которое отражается как в нескольких его письмах 1886 г., так и в его письмах и дневниках последующего времени — по поводу смерти последнего любимого ребенка его, Ванечки.

[2] Письмо Черткова, о котором говорит здесь Толстой, не сохранилось. Оно должно было быть написано немедленно по возвращении его в Петербург из Москвы, не позже 16—17 января, т. е. одновременно с первым после их московского свидания письмом к нему Толстого, тогда как сохранившаяся часть его писем к Толстому за январь 1886 г. начинается, как было уже указано, с письма от 19 января.

97.

1886. г. Января 23. Москва.

Посылаю вамъ назадъ два разсказа. Оба нехороши, — ничтожны. Одинъ о мачихѣ — дѣлаетъ впечатлѣніе выдуманнаго, другой — о старикѣ — хорошъ, но слишкомъ отрывоченъ. Если бы была описана прежняя жизнь чиновника, то было бы хорошо, а то не займетъ. По моему не стоитъ печатать.[1] —

Посылаю вамъ легенду Костомарова «Сорокъ лѣтъ».[2] Это превосходнѣйшее сочиненье. Я хотѣлъ — и началъ — исправить языкъ и кое-что, но потомъ раздумалъ дѣлать это теперь. —

Легенда сама по себѣ очень опасна для цензуры, и потому надо постараться пропустить ее въ томъ видѣ, въ какомъ она есть. Поправки могутъ сдѣлаться поводомъ придирокъ. — Потомъ же, когда она пройдетъ въ Сытинскомъ изданіи, можно и должно, и мнѣ очень хочется — немного, какъ мнѣ надѣется, улучшить ее. Нынче же пишу въ Кіевъ къ знакомой вдовы Костомаровой,[3] прося разрѣшенія печатать эту легенду. Вы съ своей стороны сдѣлайте демарши къ Костомаровой для полученія разрѣшенія.[4] На меня эта исторія производитъ ужасающее впечатлѣніе. И мнѣ кажется, что такое же она должна производить на всякаго простого русскаго человѣка. Только бы цензура пропустила. Употребите всѣ усилія.

Всѣ послѣдніе дни я занимался тѣмъ, что писалъ текстъ къ «Тайной вечерѣ» Ге.[5] Я далъ переписывать и пришлю вамъ съ картиной.[6] Мнѣ кажется, что это была бы очень хорошая, богоугодная картина. Что вы скажете и что скажетъ цензура?— Получилъ ваше письмо вчера и радъ былъ. — Вотъ что хотѣлъ вамъ сказать: не будемъ хвалить, а будемте укорять другъ друга.[7] Такъ дѣлали — и хорошо дѣлали — первые христіане. Говорить пріятное хорошо, чтобы усилить любовь. А между нами, между всѣми нами, ищущими соединенія въ Христѣ — въ его истинѣ, не нужно — я чувствую это — усиливать ее, а намъ нужно помогать другъ другу. — Ищу, чѣмъ бы укорить васъ для начала; но не нахожу, не отъ того, что нѣтъ, а отъ того, что я нынче лѣнивъ и слабъ духомъ. А впрочемъ нашелъ: вы говорите: скоро умру и утѣшаюсь. Это дурно. Надо любовно и потому радостно дѣлать дѣла жизни — всѣ. Тяготиться — упрекать Отца. Я съ самой моей горловой болѣзни не могу справиться и все сижу дома и въ самомъ — вчера и нынче — мрачномъ настроеніи. И радуюсь тому, что убѣждаюсь, что мрачное физическое (желчь) настроеніе не можетъ побѣдить человѣка, т. е. заставить его быть злымъ къ людямъ. Меня радуетъ, что я переживаю это мрачное физич[еское] состояніе совсѣмъ не такъ, какъ прежде.

Смерть оставила свой слѣдъ на всѣхъ насъ, и думаю, что хорошій.[8] Ге старшій уѣхалъ къ Олсуфьевымъ дней 5 тому назадъ. И нынче жду его.

Прощайте, мой другъ, пишите, когда захочется, и про себя больше. Сейчасъ получилъ Лева[9] ваше письмо.

Я очень радуюсь вашему общенію съ моими сыновьями.[10] —

Нынче я говорю Ильѣ, какъ важно не защищать свое положеніе, чтобы узнать истину. А онъ говоритъ: Нѣтъ, — нужно одно: отречься отъ себя. Это говоритъ тотъ Илья, к[оторый] мѣсяцъ назадъ былъ врагъ ученія Христа. —

Поцѣлуйте милаго Павла Ивановича и скажите, что благодарю за письмо и не отвѣчаю, потому увижу его, чему радуюсь. — Сейчасъ прочелъ разсказъ Озмидовой [11] и нахожу, что онъ очень хорошъ, особенно по языку и духу. Я думаю, что хорошо его напечатать. — Отсылаю вамъ его назадъ.

Полностью печатается впервые. Значительные отрывки напечатаны в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр 33—34. В подлинник письма вложена небольшая черновая рукопись, написанная на той же почтовой бумаге обычного формата, как и самое письмо, представляющая собой текст Толстого к «Тайной вечере» Ге и считавшаяся до последнего времени утраченной. На первой странице письма рукой Черткова пометка: «М., 23 янв. 86». Дата эта, проставленная, вероятно, согласно штемпелю отправления, должна совпадать на этот раз с датой написания письма: раньше 23 января оно не могло быть написано, так как оно является ответом на полученное накануне письмо Черткова от 21 января.

В этом письме от 21 января, первая часть которого является откликом на предыдущее письмо Толстого (от 18 января), Чертков говорит: «Как это неожиданно и почему-то странно, эта смерть в вашей семье. Я никак не могу привыкнуть к этой мысли. Как хорошо вы написали про любовь и про маленькие дела любви. Это совершенно правда и хорошо напоминать друг другу про это. Есть вещи, которые знаешь, но которые становится гораздо легче исполнять, когда узнаешь, что и другой в таком же положении... У меня всё туманно в голове, и я едва справляюсь с своей конторской работой. Переписки набирается все больше и больше. Получаю больше писем, чем успеваю отвечать, и иногда почти теряюсь; но тогда вспоминаю, что мы очень скоро все умрем и успокаиваюсь. Еслиб только не этот туман в голове. Да, впрочем, всё в свое время выяснится. А мне хорошо. И знаете ли, как это мне самому ни странно, а мне кажется, что я чувствую себя гораздо спокойнее и счастливее с тех пор, как пожил со всеми вами в Москве и во мне расширился круг тех людей, которых особенно люблю. Пожалуй, счастье человека зависит от силы и количества вызванной в нем любви. — Пожалуйста, напоминайте Левке писать мне о том, как здоровье ваше и ваших детей. Ему это ничего не стоит, а для меня большое значение имеет знать про вас. — Через два дня Бирюков, вероятно, будет у вас и привезет вам для пересмотра кое-какой материал для издания». Следом за этим письмом, в тот же день, а может быть и в том же конверте, Чертков посылает Толстому записку, сопровождающую отправляемую им рукопись, о которой он говорит: «Посылаю вам рассказ Ольги Озмидовой. Он мне очень понравился и по содержанию и по изложению. Но мне нужно знать вашу оценку раньше, чем поместить в сборнике или издать отдельною книжечкою».

[1] О каких рассказах и каких авторов идет здесь речь, выяснить не удалось. Они были либо переданы Толстому Чертковым лично, при свидании их в Москве, либо посланы в сопровождении одного из двух несохранившихся писем его — от 16—17 и от 18 января.

[2] О легенде Костомарова «Сорок лет» см. прим. 10 к п. № 95 от 16—17 января.

[3] Знакомая вдовы Костомаровой, которой написал Толстой, — Екатерина Федоровна Юнге (1843—1913) — дочь художника-медальера и вице-президента Академии Художеств гр. Ф. П. Толстого, жена известного окулиста Э. А. Юнге, художница и автор книги «Воспоминания Е. Ф. Юнге», изд-во «Сфинкс», «Историческая библиотека», т. X, б. г. Она приходилась троюродной сестрой Толстому, познакомилась с ним лично в 1850-х гг. и бывала у Толстых в Москве и в Ясной поляне. 23 января 1886 г. Толстой писал ей в Киев: «А у меня дело к вам: «Сорок лет» Костомарова. Кому принадлежит право издания? Если вдове, не будете ли добры спросить у нее, даст ли она разрешение печатать эту прелестнейшую вещь в дешевом издании для народа? И если даст, то даром или за плату?» (См. т. 63.)

[4] Как видно из письма к Толстому Е. Ф. Юнге от 22 июня 1886 г., вдова Костомарова — Алина Леонтьевна Костомарова, урожденная Крагельская (1836—1908) — в ответ на запрос Толстого выразила опасение, что при попытке провести легенду «Сорок лет» отдельным изданием цензура, едва пропустившая ее в газете Гатцука, обратит на нее особое внимание и не допустит напечатания ее в Собрании сочинений Костомарова, к которому решено было вскоре приступить. Поэтому замысел Толстого об издании легенды «Посредником» остался в то время не осуществленным. О дальнейшей судьбе его см. прим. 10 к п. № 95 от 16—17 января 1886.

[5] Мысль об издании цинкографическим способом картины Н. Н. Ге «Тайная вечеря», написанной еще в 1861—1864 г., вызвавшей в свое время огромную сенсацию и находящейся теперь в Третьяковской галлерее, занимала Черткова уже в начале 1885 г. В письме к Н. Н. Ге от 17 января этого года Чертков, сообщая ему, что цинкографическое клише с фотографии картины может быть заказано в Вене, просил через него Толстого написать в дополнение к евангельскому тексту, соответствующему этой картине, «описательное изложение» к ней. В январе 1886 г., в то время когда Н. Н. Ге гостил у Толстого в Москве, им был задуман целый цикл картин для народа на евангельские темы, и снимок с «Тайной вечери» с текстом Толстого должен был печататься в первую очередь. Из цитированного уже выше письма М. А. Стаховича к Черткову от февраля 1886 г., написанного по поручению Толстого (см. прим. 6 к п. № 95 от 16—17 января 1886 г.), видно, как горячо принимал к сердцу Толстой судьбу этой картины. Стахович пишет: «Если приготовленный для нее *его* текст цензура не будет пропускать, то пусть выходит картина с одними стихами Евангелия, лишь бы скорее вышла» (АЧ). Эта забота Толстого о скорейшем выпуске в свет картины хотя бы и без написанного им текста тем более заслуживает внимания, что по сообщению Черткова на обращенный к Толстому вопрос его, «как удалось ему написать такой

прекрасный текст к картине Ге», он ответил, что произошла странная вещь: его собственное представленье о последнем вечере Христа с учениками, сложившееся к этому времени, как раз совпало с тем, что передал в своей картине Н. Н. Ге; поэтому то, что он писал, он писал не как текст к картине, а как нечто свое, нашедшее подтверждение в картине. — Однако духовная цензура не пропустила не только текста Толстого, но и самой картины, и никакие хлопоты Черткова ни к чему не привели. Воспроизведение картины с текстом Толстого напечатано впервые в журнале «Единение», 1916 г. № 2. Текст см. также в т. 25.

[6] Как уже отмечено выше и как указывается в письме Черткова к Толстому от 7 февраля, Толстой прислал ему в письме от 23 января не переписанный, а черновой экземпляр своего текста к картине «Тайная вечеря». (См. Комментарий к п. № 98 от 8 февраля 1886 г.)

[7] «Похвалы» Черткова, которые показались Толстому нежелательными с нравственной точки зрения, были так невинны, что их не сразу можно отыскать в его письме. Он говорит только: «Как хорошо вы написали про любовь и про маленькие дела любви», и далее: «Очень хорошо, что вы это мне говорите». Возможно, впрочем, что мысль Толстого о нежелательности похвалы выражена им без отношения к письму Черткова.

[8] Смерть Алеши. См. предыдущее письмо, № 96, от 18 января 1886.

[9] Лев Львович Толстой (р. 1869 г.) — третий сын Толстого. Окончив гимназию Поливанова, поступил в Университет, был сначала на медицинском, потом на филологическом факультете, но и его не окончил. В 1891—93 гг. работал на голоде в Самарской губ. В это время считал себя последователем своего отца. С 1891 г. начал писать рассказы, сначала под псевдонимом Л. Львов и Яша Полянов. Печатался в «Неделе» и в «Северном вестнике». Затем начал писать и в органах чуждых направлению его отца, в том числе в «Новом времени», иногда резко выступая против него как в форме беллетристической («Прелюдия Шопена»), так и в публицистической. В 1905—1906 г. примкнул к Союзу 17 октября и в дальнейшем заявил себя приверженцем дворянских традиций. В 1916—1917 г. был в кругосветном путешествии и с тех пор из-за границы не возвращался. Написал там книжку «В Ясной поляне. Правда о моем отце», Прага, 1923, вышедшую также на французском языке (Comte Léon-L. Tolstoï. «La verité sur mon père». Paris, 1923) и переведенную с французского А. В. Андреевым, Л., 1924 г. В этой книжке, вспоминая о своей дружбе с Чертковым в дни своей юности, Л. Л. Толстой пишет: «В начале своего знакомства с нашей семьей Чертков был обворожителен. Он был всеми любим. Я был с ним близок и на «ты». Он относился ко мне ласково и с любовью, и я платил ему тем же» (см. «В Ясной поляне», Прага, 1923, стр. 91). Подробнее см. в прим. к первому письму к нему от 1884 г. в т. 63.

[10] Кроме Льва Львовича, к которому Чертков питал в те годы особенную симпатию, он поддерживал личные отношения и с Сергеем Львовичем. В письме к нему от 20 января 1886, сохранившемся в оттиске копировальной книги «Посредника», в ответ на предложение Сергея Львовича взять на себя какую-нибудь работу для «Посредника», он просит его классифицировать издаваемые «Посредником» книжки 1) по возрасту

читателей, для которых они наиболее пригодны и 2) по достоинству. (АЧ) Работа эта выполнена Сергеем Львовичем не была.

[11] Ольга Николаевна Озмидова, дочь Николая Лукича Озмидова (см. прим. 1 к п. № 3 от 24 января 1884 г.), вышедшая зимой 1886—7 г. замуж за Федора Эдуардовича Спенглера (см. прим. 4 к п. № 4 от 17 февраля 1884 г.). В первый период существования «Посредника» была деятельной сотрудницей его. Рассказ ее, о котором пишет Толстой, под заглавием «Телка», был напечатан «Посредником» без имени автора сначала вместе с другим ее же рассказом «Свет жизни», М., 1887 г., а в более поздние годы отдельно. Кроме того, Озмидова заново написала для 2-го издания «Фабиолу», изложение романа Евг. Тур «Катакомбы» (см. прим. 1 к п. № 58 от 9 мая 1885 г.). Толстой находил, что в этой работе «нет фабулы, но, как отдельные картины, она хороша», и сделал в ней некоторые поправки (см. об этом письмо О. Н. Озмидовой к Черткову от 3 апреля 1886 г.) (АЧ).

Настоящее письмо Толстого вызывает со стороны Черткова пространный ответ от 20 января. Выразив свою полную солидарность с ним в вопросе о ценности «Тайной вечери» Н. Н. Ге, он сообщает свое мнение о рассказе Озмидовой и о повести Эртеля, которую он считает очень ценным приобретением для «Посредника». Легенда Костомарова «Сорок лет» чрезвычайно заинтересовала его, но ему не удается отыскать ее, вследствие чего он и просит Толстого прислать ему на время свой экземпляр. Дальнейшая часть его письма является ответом на принципиальную часть письма Толстого. «Я не совсем согласен с вами в том, что следует избегать хвалить и стараться обличать друг друга — говорит он.— Мне кажется, что это было бы слишком педагогическое отношение друг к другу и что лучше всего говорить именно то, что в данную минуту хочется, не взвешивая того, будет ли это иметь характер одобрения или порицания. Я часто замечал, что из любви люди часто избегают хвалить других, боясь им этим повредить... И мне кажется, что это ошибка. По крайней мере судя по себе, я замечал, что... незаслуженная похвала (искренняя) всегда... была для меня полезна, потому что я всегда сознавал ее незаслуженность, и сознание это размягчало меня, делало меня добрее, признательнее к людям вообще. Между тем, как незаслуженное порицание всегда на меня действовало тяжело и вредно в большей или меньшей степени. Притом я думаю, что тот, которого одобрение превозносит в его собственных глазах, — тому и обличение всегда кажется только признаком того, что другие его не умеют понимать как следует. Таких людей не следует ни хвалить ни порицать... Их можно только привлекать, увлекать... Я думаю, что понимаю, почему вы, именно вы, особенно враждебно относитесь к похвале. Я объясняю себе это тем, что в силу богом данных вам выдающихся способностей,... выделяющих вас из ряда других людей, вы чувствуете, что это ваше исключительное положение ослепляет многим глаза и заставляет их ставить вас *выше* других, между тем как вы вовсе не чувствуете себя выше других... Масса относимых к вам похвал и часто совершенная фальшивость, несостоятельность этих похвал сделала то, что вы невольно жметесь, когда вам в глаза

говорят, что что-нибудь в вас одобряют или чем-нибудь в вас любуются Но я думаю, что в этом вы боитесь только вашего собственного самолюбия, готового всплыть. Но лучше не бояться, а устранять его. Вот вам и обличение (может быть несправедливое — в таком случае простите). — Что касается до того, что я утешаюсь тем, что скоро умру, то я думаю, что я или неточно выразился, или же находился в особенно дурном настроении, потому что я вовсе не тягочусь жизнью, хотя мне и бывает часто нехорошо вследствие моей слабости и несостоятельности. Но я живу в настоящем значении слова, т. е. с сознанием цели своего существования и с охотою...»

* 98.

1886 г. Февраля 8. Москва.

Милый дорогой другъ,

Только что хотѣлъ вамъ писать по своему дѣлу и по своему сердцу, какъ получилъ ваше хорошее письмо, въ которомъ вы говорите о возможности прекращенія изданія слово [въ] слово что говорилъ я и всѣ мы. Тороплюсь, и это письмо не въ письмо. Вотъ дѣло: поблагодарите Оболенскаго за радость, к[оторую] онъ мнѣ доставилъ своей прекрасной статьей въ 1-мъ номерѣ [1] и попросите его очень, очень — и сами помогите мнѣ въ слѣдующемъ: Статью Бондарева, Тимофея Михайловича, [2] Сибирскаго молоканина — она у васъ есть — свою я затерялъ — попросите Оболенскаго напечатать. Онъ навѣрное сдѣлаетъ хорошее объясненіе и пропуститъ ее въ цензурѣ. Бондаревъ проситъ, чтобъ печатали ее безъ отнятія и приложенія. И писали бы прежде и послѣ что отъ себя. — Обнимаю васъ, милый другъ. Какъ я счастливъ нашему единенію въ Христѣ.

Л. Т.

Полностью печатается впервые. Два отрывка напечатаны в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 34. На подлиннике, кроме архивного №, пометка рукой Черткова: «М., 8 февраля». Письмо не могло быть написано ни раньше 8-го (потому что оно заключает в себе отклик на только что полученное письмо Черткова от 7 февраля), ни позже, потому что 9 февраля Толстой отвечает на его телеграмму с сообщением о намерении приехать в Москву.

В письме от 7 февраля Чертков пишет: «Вчера получил фотографию «Последней вечери» и безотлагательно берусь хлопотать о разрешении, согласно вашему желанию и указаниям, полученным мною через Стаховича [см. прим. 6 к п. № 95 от 16—17 января]. В том письме, к которому вы приложили ваше изложение к этой картине, вы говорите, что

отдали переписать это изложение [см. письмо № 97 от 23 января]. Я тогда заключил, что или вы собирались отдать, а потом вместо того прислали мне в черновом виде..., чтобы я сам переписал, и забыли вычеркнуть это выражение в вашем письме; или что вы мне прислали только первую черновую, а вторую... отдали переписать. Теперь, получив от вас фотографию без приложения переписанного набело изложения, я... приписываю к картине, в виде текста, копию с присланных вами мне тогда листков, тем более, что всё там я отчетливо разобрал и что оно ясно, полно и сильно. В настоящую минуту я именно и занимаюсь этой перепиской и так живо переношусь к этим хорошим людям там, за своею последнею вечерью. И отрадно звучит это слово «*последняя* вечерь», когда чувствуешь, что последнего тут нет, что это повторялось, повторяется и будет повторяться опять и опять, что в этом — вся сила жизни по Христу. И когда я узнаю, что на нас с разных сторон нападают, когда предвижу возможность механического прекращения, напр., наших изданий, тогда я сознаю такую непобедимую силу за собою, за всеми нами: что бы они ни сделали с нами или против нашего случайного временного дела — мы всё равно *простим*. А, прощая, мы победим. Одним словом, как ни верти, что ни случись, Христос должен превозмочь всё, победить всех...» —

[1] Радостью, которую доставил Толстому Л. Е. Оболенский, была статья его «Научные основания учения любви», напечатанная в «Русском богатстве» 1886, № 1. Критикуя в ней «религию человечества» Фрея, которого он однако по имени не называет, Оболенский старается научно обосновать в ней религию Христа.

[2] Статья Т. М. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство или торжество земледельца». О ней и о Бондареве см. прим. 2 к п. № 74 от 13—14 июля 1885 г. Напечатать эту статью в «Русском богатстве» Оболенскому по цензурным условиям не удалось.

* 99.

1886 г. Февраля 9. Москва.

Дома жду васъ.

Толстой.

Печатается впервые. Текст представляет собой телеграмму, на бланке которой кроме архивного №, имеется пометка рукой Черткова: «9 февр.» и служебные отметки: «Подана 9 II, 7 ч. 35 д.»

Телеграмма эта, повидимому, является ответом на телеграфный же запрос Черткова, который не сохранился. Вероятно, Чертков собрался в Москву, по каким-то причинам, неожиданно для себя, так как в письме его от 7 февраля о таком его намерении против обыкновения ничего не говорится. Однако, несмотря на приглашение Толстого, он вряд ли выехал немедленно по получении его: о пребывании его в Москве мы имеем сведения лишь от более позднего времени, а именно от 18 февраля. В этот день Софья Андреевна пишет Т. А. Кузминской: «...Теперь гостит

Чертков и сегодня приехал Бирюков и тоже остановился у нас... Чертков и Бирюков очень тихи и невидны; я вчера с Чертковым пикировалась, он меня часто раздражает» (ГТМ). Повидимому, Чертков пробыл в Москве до 19 февраля, потому что 22 февраля Толстой пишет ему: «На другой день после вас мне стало нездоровиться, и я два дня не выходил...»

* 100.

1886 г. Февраля 22. Москва.

Я не уѣхалъ въ деревню. На другой день послѣ васъ мнѣ стало нездоровиться, и я два дня не выходилъ, — нынче, суббота, здоровъ. Пишу вамъ, чтобъ не потерять вашихъ писемъ. Когда и если поѣду, извѣщу васъ. — Получилъ отъ Обол[енскаго] его разсказъ. [1] Не хорошо. — Все нереально — такъ не могло быть, и дѣйствуетъ непріятно, и думаю, также подѣйствуетъ на крестьянъ. — Я ничего не дѣлалъ, только читалъ и думалъ. Дикенсъ все больше и больше занимаетъ меня. Орлова [2] я просил передать исторію о двухъ городахъ. [3] Озмидова буду просить «Крошку Доритъ». [4] «Общій другъ» прелестно. Надо только какъ можно смѣлѣе обращаться съ подлинникомъ: ставить выше божью правду, чѣмъ авторитетъ писателя. — Я бы взялся за «Нашего общаго друга», да хочется дѣлать другое. А хорошо бы, если бы кто-нибудь изъ насъ сдѣлалъ это. [5] —

Какъ вы доѣхали и какъ живете? Мнѣ вы казались грустны въ послѣднее свиданіе. Я ли былъ въ дурномъ духѣ (я и былъ въ немъ), и мнѣ показалось, или вы точно были грустны.

Послѣдніе дни у меня былъ Орловъ и началъ писать для С[офьи] А[ндреевны] предисловіе отъ издательницы къ «Ч[то же] н[амъ] дѣлать». И написалъ прекрасную статью, въ к[оторой] указываетъ различіе моихъ взглядовъ отъ соціалистовъ и революціонеровъ. «Тѣ хотятъ исправить міръ, а этотъ хочетъ спасти душу». Предисловіе едва ли выйдетъ, а статья хорошая. [6] — Получилъ очень хорошее письмо отъ г-жи Максимовичъ [7] — проситъ ненапечатанныхъ статей. Я сейчасъ — утро — хочу дописывать сказку о «Крестникѣ». [8]

Полностью печатается впервые. Два отрывка напечатаны в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 34—35. На подлиннике пометка рукой Черткова: «22 февр. 86». Это подтверждается текстами письма: «нынче — суббота, здоров»: в 1886 г. суббота приходилась на 22 февраля.

Поводом к этому письму, как видно из содержания, послужило то обстоятельство, что при свидании с Чертковым Толстой высказывал ему

свое намерение уехать в ближайшие дни в Ясную поляну и, очевидно, просил направлять ему письма туда. Отказавшись от своего намерения, он опасался, что эти письма могут там затеряться. Об этом свидетельствуют слова его: «Пишу вам чтобы не потерять ваших писем».

[1] Установить, какой именно рассказ Л. Е. Оболенского Толстой имеет здесь в виду, не удалось.

[2] Владимир Федорович Орлов. См. о нем прим. 5 к п. № 37 от 2 декабря 1884 г. и письмо № 46 от 24 февраля 1885 г.

[3] История о двух городах — «Tale of two cities» [1859 г.], в русском переводе «Повесть о двух городах», где между прочим описывается Париж перед революцией и во время революции. Обработка этой вещи для «Посредника» не осуществилась. Об отношении Толстого к Диккенсу см. прим. 2 к п. № 57 от 8 мая 1885 г., а также письмо № 89 от конца ноября и прим. 4 к нему.

[4] Работа, начатая Н. Л. Озмидовым над «Крошкой Доррит», не была одобрена Толстым и осталась незаконченной. О дальнейшей судьбе этого произведения в «Посреднике» см. прим. 4 к п. № 89 от конца ноября.

[5] Мысль Толстого о переложении для «Посредника» ром. Диккенса «Наш общий друг» («Our mutual Friend», 1864—65 гг.) не осуществилась.

[6] Предисловие В. Ф. Орлова к статье «Что же нам делать» напечатано не было, — по каким именно соображениям или внешним причинам, установить не удалось.

[7] По всей вероятности, речь идет о Марье Николаевне Максимович, жене командира Новгородского Драгунского полка, сохранившееся письмо которой к Черткову от 7 октября 1885 г., из г. Сумы Харьковской губ., высказывает ту же просьбу прислать ей, на имя управляющего ее домом в Сумах, копии запрещенных сочинений Толстого. В другом письме к Черткову она выражала свое сочувствие деятельности «Посредника». Повидимому, она принадлежала к «высшему обществу», потому что в одном из этих писем она говорит, что ей «гораздо легче изъясняться на французском языке, чем на русском» (АЧ). А. К. Черткова называет ее знакомой Толстых.

[8] Легенда «Крестник», основой для которой послужила народная сказка, но разработку которой Толстой пронизал мыслью, что «нельзя зло злом изводить», подготовлялась им для «Посредника», но в виду цензурных затруднений, всё усиливающихся по отношению к изданиям «Посредника», не могла быть в то время напечатана им и была отдана П. А. Гайдебурову для «Книжек Недели», где и появилась в № 4 за 1886 г., с подзаголовком «Народное сказание». В издании «Посредника» удалось выпустить ее только в 1906 г. — Заканчивая работу над «Крестником», Толстой дорабатывал в то же время и сказку «Много ли человеку земли нужно», не получившую еще в тот момент своего настоящего заглавия, потому что Чертков в своем ответном письме Толстому, от 24 февраля, говорит, что с нетерпением ждет двух его рассказов — «Крестник» и «Много ли человеку нужно», а в письме к Н. Л. Озмидову от 26 февраля, просит его спросить у Толстого, переписываются ли его рассказы «Крестник» и «Земля». О печатании сказки «Много ли человеку земли нужно»

Чертков сообщает Толстому в письме от 6 апреля 1886 г. (см. комментарий к письму № 105 от 11 апреля 1886 г.).

Письмо Черткова от 24 февраля 1886 г., написанное на следующий день по получении настоящего письма Толстого, заключает в себе несколько сообщений, отчасти связанных с тем, о чем они говорили в Москве: «На следующий день после приезда сюда, — пишет он, — я был у актера Денисенко и оставил ваше письмо. Потом он был у меня и, разумеется, ужасно рад вашему сочувствию и вашей готовности помочь в деле простонародного театра... Он мне подробно рассказывал, как он думает переделать «Чем люди живы» в драматическую форму... Я говорил Денисенко, что раньше, чем открывать театр или даже думать об этом, необходимо иметь в руках готовый репертуар, удовлетворяющий вашим требованиям, и что поэтому лучше всего сначала и безотлагательно взяться за переложение в драматическую форму ваших рассказов. Денисенко сказал, что он охотно возьмется за это, что он готов сам этим заняться и воспользоваться сотрудничеством людей, опытных в таком деле. Кроме того, он говорит, что есть уже готовые пьесы, соответствующие нашим требованиям, что он давно за этим следит и имеет список подобных пьес... Мне кажется, что первым делом следовало бы его поддержать в его желании переложить для сцены ваши рассказы. А так как такое переложение необходимо вызывает довольно существенные изменения и прибавления в самих рассказах, то следовало бы вам предварительно повидаться с Денисенко и дать ему необходимые указания... Я познакомился с председателем здешнего цензурного комитета, Кожуховым. Он имеет вид самого закоренелого чиновника. Очень одолжителен на словах, но предупреждает, что к народным изданиям он относится особенно строго. Говоря про вас, он возмущается по поводу ваших рукописных сочинений. Он говорит, что вы проповедуете добровольную отдачу всего того, что анархисты хотят взять силою, и что по вашему все должны сами чистить свои нужники и даже не имеют права нанимать за деньги людей для исполнения этого дела. Очевидно, что подобные ваши сочинения цензура не может пропускать и что вы сами страдаете, подобно Гоголю, от религиозного помешательства. Я ему говорил про «Трех старцев» [см. комментарий к п. № 105 от 11 апреля 1886 г.] и «Сторожа будки». Он обещался сам их пересмотреть, а сегодня я получил приглашение явиться к нему. Не знаю, что будет...» Затем Чертков подробно излагает план борьбы с духовной цензурой за серию евангельских картин Н. Н. Ге, имея в виду пустить в ход свои связи, чтобы заинтересовать этим делом Александра III, а в заключение, отвечая на замечание Толстого, что он показался ему, при свидании в Москве, как будто бы грустным, говорит: «Мне было хорошо у вас последний раз, и я был совсем счастлив. А тих я был потому, что был спокоен». — Павел Александрович Денисенко, о котором говорит в этом письме Чертков, — петербургский актер, обратившийся к Толстому с просьбой разрешить для постановки в народном театре переделку его народных рассказов в серию пьес. Ответ Толстого, переданный ему через Черткова, выражал полное сочувствие идее народного театра и обещание писать для него пьесы (см. т. 63, письмо к П. А. Дени-

сенко от 19 февраля 1886 г.). Повидимому, это обещание, данное им Денисенко, послужило для Толстого добавочным стимулом к разработке сюжета, использованного им в маленькой сказке «Как чертенок краюшку выкупал» в пьесу «Первый винокур», так как через две недели после письма к нему, 2 марта, С. А. Толстая сообщает в письме к Т. А. Кузминской, что он работает над «балаганной пьесой» (ГТМ). В том же 1886 г. Денисенко начал издавать театральный журнал «Дневник русского актера», подробная программа которого сохранилась в архиве Черткова. В № 1 этого журнала напечатана заметка Денисенко по поводу письма, полученного им от Толстого, а в №№ 2 и 3—4 — сделанная им обработка для сцены рассказа его «Чем люди живы». Однако, за недостатком денежных средств у Денисенко, журнал его на № 7 прекратился. Что касается планов Денисенко о создании народного театра в Петербурге, то дальнейшей судьбы их проследить не удалось. — Евгений Алексеевич Кожухов — председатель петербургского цензурного комитета во второй половине 1880-х и первой половине 1890-х гг. — был заядлым чиновником, безучастным к литературе и «одолжительным» только по отношению к лицам, которые импонировали ему своими связями. — «Сторож будки» — рассказ В. М. Гаршина, напечатанный «Посредником» под заглавием «Сигнал», Спб., 1887 г.

* 101.

1886 г. Февраля 28. Москва.

Буду Богъ дастъ дома.

Левъ Толстой.

Печатается впервые. На телеграфном бланке пометка рукой Черткова: «28 февраля» и служебные отметки: «28/II 1886, под. в 5 ч. 20 м. д. Москва».

Телеграмма представляет собой, очевидно, ответ на несохранившийся телеграфный запрос Черткова относительно того, застанет ли он Толстого в Москве в ближайшее время. Возможно, что в своем запросе он предупреждал и о том, что вместе с ним собираются в Москву Бирюков, Калмыкова и А. К. Дитерихс (см. комментарий 1 к п. № 119 от конца сентября—начала октября 1886 г.), как это на самом деле и осуществилось. Это пребывание в Москве подробно описано А. К. Чертковой (Дитерихс) в ее «Воспоминаниях» о первом знакомстве с Л. Н. Толстым (см. «Л. Н. Толстой, Юбилейный сборник». Госиздат. М.-Л. 1928). После отъезда Бирюкова и Дитерихс Чертков, как видно из этих «Воспоминаний», остался еще на некоторое время в Москве, потом проехал в Лизиновку: в АЧ сохранились письма его к Бирюкову оттуда от 11 и 15 марта. В письме Толстого к Н. Н. Ге, написанном в марте, говорится: «Чертков в деревне. Жду его». Весьма возможно, что он заезжал в Москву и на обратном пути оттуда, чем и объяснялась бы исключительная скудость переписки его с Толстым в течение марта (см. следующее письмо, № 102).

102.

1886 г. Март. Москва.

Нѣтъ, В[ладиміръ] Г[ригорьевичъ], положительно Юліанія Лаз[аревская] совсѣмъ не годится.[1] Пишу обдуманно. Если увижусь съ Некрасовой, такъ и скажу ей. —

Всѣ житія, какъ только переводятся на простой языкъ, такъ сейчасъ поражаютъ своей искуственностью. Только на славянскомъ или древнемъ они читаются. И этимъ обманываютъ.

Л. Т.

Полностью печатается впервые. С исключением последней фразы напечатано в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 35. Письмо написано на маленьком квадратном клочке писчей бумаги. На нем, против обыкновения, даты, проставленной рукой Черткова, не имеется. Архивный № (99) относит письмо к апрелю 1886 г., потому что предыдущий № (98) проставлен на письме от 2 апреля. Но отсутствие обычной пометки Черткова с датою указывает на то, что письмо было зарегистрировано с запозданием, когда конверт со штемпелями был уже уничтожен, а при этих условиях и порядковый архивный № мог оказаться до известной степени случайным, как это бывало в соответствующих случаях и ранее. Содержание же письма в связи с нижеизложенными поясняющими его обстоятельствами заставляет нас отнести это письмо к марту 1886 г., в течение которого Толстым не было написано никакого другого письма к Черткову.

[1] Повесть «Юлиания Лазаревск я» была написана по «Житиям святых» Е. С. Некрасовой (см. прим. 1 к п. № 78 от 7 сентября 1885 г.), первая книжка которой, составленная для «Посредника», «Иоанн-воин», вышла в свет как раз около этого времени. В небольшом письме от 4 февраля 1886 Чертков писал Толстому, что посылает ему новую работу Некрасовой, каковой — как это видно по письму ее к Бирюкову этого времени — и была «Юлиания Лазаревская». Сохранившееся в архиве Черткова письмо Некрасовой к нему от 17 февраля говорит уже о том, что она вновь переписывает эту повесть с поправками, которые сделал в ней Толстой. «Передайте Льву Николаевичу, — пишет она, — мою большую благодарность за все поправки. Для меня в них много радости». В записке на имя Черткова от 1 марта 1886 г. она сообщает, что переписка повести ею закончена и она вновь посылает ее в редакцию. Однако, повидимому, эта работа не удовлетворяла Черткова, а может быть, и у Толстого даже после сделанных им поправок оставались на счет ее сомнения, — и Чертков вновь переслал или сам привез ее к нему при своей поездке в Москву в первой половине марта. Вторичное суждение о ней Толстого выражено в настоящем письме. Но на этом история данной повести в «Посреднике» еще не закончилась. Высказать о ней свое мнение при личной встрече с Некрасовой, как он предполагал это сделать в на-

стоящем письме, Толстому очевидно не удалось. Между тем в повести, вероятно, были достоинства, не позволявшие редакции «Посредника» просто вернуть ее автору, и осенью 1886 г. Чертков, сделав в ней какие-то довольно значительные поправки и сокращения, предложил Некрасовой напечатать ее в этом виде. На это Некрасова, в письме от 14 ноября, отвечает ему: «Вы верно забыли, что рассказ об Юлиании вы уже присылали мне с поправками Льва Николаевича Толстого. Помните — я тогда даже вторично переписала его. Отчего же теперь он снова подвергся поправкам?» (АЧ). В следующем письме, от 21 ноября, Некрасова пишет: «... Из повести *вынуто*, *выбрано* всё то, чем она в моих глазах имела цену,— почему она была *моя*» — и в таком виде отказывается ее печатать. В конечном счете Чертков ограничился исключением одного только места из повести, и она вышла в свет в 1887 г. в «побочной серии» «Посредника»— т. е. без его фирмы и обычного девиза «Не в силе бог, а в правде».

103.

1886 г. Апреля 1. Москва.

Получилъ сейчасъ (именно сейчасъ) ваши два письма и не отвѣчаю на нихъ еще, а пишу о дѣлѣ Ге. Его картины[1] духовная ценз[ура] пропустила за исключеніемъ 1-ой и послѣдней. Количка Ге[2] послалъ ихъ вамъ. Постарайтесь, если можно, пропустить ихъ въ Петерб[ургской] цензурѣ[3] и поскорѣе, если можно, и пришлите къ намъ поскорѣе. Мы выпустили и 10 рисунковъ[4]. Обнимаю васъ.

Л. Толстой.

Полностью печатается впервые. С исключением последней фразы напечатано в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 35. На подлиннике пометка рукой Черткова: «2 апр. 86», соответствующая повидимому штемпелю отправления, но не дню написания письма, потому что в нем говорится о только что полученных письмах Черткова от 28—29 и от 29 марта, которые должны были прийти во всяком случае ранее 2 апреля.

Из этих двух писем второе, от 29 марта, связано с вопросом об издательских правах Софьи Андреевны и потому мы раскрываем его содержание в комментарии к п. № 105 от 11 апреля, где этот вопрос освещается полнее. Первое же из этих писем, от 28—29 марта, осталось без прямого ответа со стороны Толстого, но оно заключает в себе ценные сведения, касающиеся Толстого и связанных с ним начинаний самого Черткова и Бирюкова. Так 28 марта Чертков между прочим сообщает о шагах, предпринятых им для постановки на народной сцене только что законченной Толстым комедии «Первый винокур»: «Сибирякову младшему я предложил содействовать постановке на балаганах, хотя бы ко дню коронации (когда опять будут действовать балаганы) вашей маленькой комедии. Прилагаю его письмо после прочтения ее и мой ответ, который

прошу вас вернуть мне, так как я хотел бы еще воспользоваться своею формулировкою доводов в пользу чертенят... Может быть, из этого что-нибудь выйдет». Сохранившееся в АЧ письмо от 27 марта Иннокентия Михайловича Сибирякова, брата К. М. Сибирякова (см. прим. 1 к п. № 53 от 16 апреля 1885 г.) указывает на то, что он имел какое-то отношение к делу народного театра — быть может, через Общество народных развлечений, — но что в комедии Толстого его смущало «введение элемента сверхъестественного... — именно чорта». Как бы то ни было — при посредстве ли И. М. Сибирякова или каких-нибудь других лиц, комедия «Первый винокур» была поставлена на сцене балаганного театра в Петербурге в июле того же 1886 г. Об этом сообщает Черткову в Англию, в письме от 22 июля, работавшая в то время в редакции «Посредника» Н. Д. Кившенко (см. прим. 1 к п. № 79 от 14 сентября 1885 г.): «В воскресенье была на народном гулянье на представлении «Первого винокура». На сцене чорт и черти являются всё же в образе человеческом». Из сохранившегося в архиве Черткова письма того же года, без точной даты, В. С. Серовой, вдовы композитора, работавшей в области народной оперы, мы узнаем, что музыка к «Первому винокуру» была написана ею.— В заключительной части письма, написанной 29 марта, Чертков сообщает об окончательном решении Бирюкова отказаться от издания народного журнала, задуманного К. М. Сибиряковым и одно время чрезвычайно увлекавшего редакцию «Посредника» и самого Толстого (см. прим. 4 к п. № 81 от 11 октября 1885 г.). — В заключение Чертков говорит об успехе двух выпускаемых «Посредником» картин Репина с текстом Толстого: «Мы выставили в окнах нашего магазина пробные оттиски двух картин: «Вражье лепко» и «Два брата». Народ целый день кучками стоит у окна, причем один читает, а другие слушают. Успех превосходит всякие ожидания. Это ужасно ободрительно — работать в конторе под звук этого чтения на улице. Надо бы еще таких рассказов, и именно таких — в такой форме».

[1] Толстой говорит здесь о рисунках Н. Н. Ге, иллюстрирующих его рассказ «Чем люди живы». После преодоления цензурных затруднений, о которых говорится ниже, они были изданы в виде альбома 12 фототипий, вышедшего в свет под заголовком: «Л. Н. Толстой. Чем люди живы. В рисунках Н. Н. Ге. Фототипии М. Панова». М., 1886 г. (дозв. ценз.: текст — в Москве 26 марта, 10 рисунков тоже; первый и последний рисунки — в Спб. 23 апреля). Однако и после указанных разрешений издание альбома встретило новые цензурные препятствия, которые были преодолены только к осени 1886 г.

[2] Количка Ге — Николай Николаевич Ге-сын, живший в это время у Толстых в качестве помощника Софьи Андреевны в делах ее по изданию и продаже сочинений Толстого. (См. прим. 1 к п. № 16 от 2 мая 1884 г.)

[3] В письме к Толстому от 1 апреля, разминувшемся с комментируемым письмом, Чертков, получив от Ге-сына через М. А. Стаховича две непропущенных московской цензурой фотографии с рисунков Ге, пишет: «...Видя, что две из них не разрешены цензурою, предполагаю, что нужно хлопотать о разрешении их здешнею цензурою. Только для этого необ-

ходимо, чтобы вы поскорее прислали мне новые экземпляры *всех* рисунков, так как их скорее пропустят как серию, чем отдельно... А если показать, что Моск. цензура сочла нужным представить в тамошнюю духовную цензуру, да еще, что последняя нашла в двух картинах предосудительное — тогда их *наверное* здесь не пропустят... Московская светская цензура очень боязлива и представила даже в духовную цензуру ваши картинки «Вражье лепко» и «Два брата», между тем как здешняя сама их разрешила. Вообще я думаю, что для успеха дела желательно было бы не торопиться в этих случаях, а действовать сообща и пользуясь прошлыми наблюдениями и опытом. А главное, в Московскую цензуру никогда ничего не представлять».

[4] Говоря о выпущенных в свет десяти рисунках, Толстой, очевидно, подразумевает вышедшие в марте 1886 г. рисунки к басням Крылова, из которых мы имеем возможность назвать только восемь (полного списка их не сохранилось ни в каталогах «Посредника», ни в счетах его конторы, оттиснутых в копировальных книгах). Семь заглавий этих рисунков, перечисленные в одном из писем к Черткову от служащего Лизиновской школы А. Родина: «Демьянова уха», «Раздел», «Прохожий и собаки», «Лягушка и вол», «Старик и трое молодых», «Червонец», «Крестьянин и работник». В числе выпущенных рисунков был также рисунок к басне «Кот и повар»: в письме Черткова к Бирюкову от 11 марта из Лизиновки он просит его исключить этот рисунок из продажи, так как нравоучение басни вовсе не соответствует принципиальной установке «Посредника» и «в напечатании этой басни вышло какое-то недоразумение» (АЧ).

104.

1886. г., Апреля 3. Москва.

Думаю завтра отправиться въ путь въ Ясную съ Количкой[1] и Стаховичемъ.[2] Мнѣ все это время не здоровилось, и отъ того не писалъ вамъ. Работалъ я надъ пословицами.[3] Думается съ помощью Озмидова составить хорошую книжку. Я передалъ ему то, что сдѣлалъ. Нынче онъ прочелъ мнѣ статью о квакерахъ.[4] Ее непремѣнно надо напечатать. И такую же статью о Миклухъ-Маклай[5] и о штундистахъ,[6] у кот[орыхъ] увезли ихъ имущество и потомъ возвратили. Эти явленія всѣ, кромѣ насъ, старательно скрываютъ, потому мы должны писать о нихъ. Ивановъ, сынъ фельдшера,[7] — я говорилъ вамъ— написалъ очень хорошую повѣсть, посылаю ее вамъ. Если она будетъ напечатана, ему надо дать за работу денегъ. — Буду живъ, буду писать вамъ изъ деревни. Обнимаю васъ и Павла Иван[овича].[8] Мои поклоны Алекс[андрѣ] Мих[айловнѣ],[9] Дитерихсъ.[10] —

Не знаю, что буду дѣлать дорогой и въ деревнѣ, но надѣюсь, что буду чѣмъ-нибудь служить за кормъ.[11] Иду же главное затѣмъ, чтобы отдохнуть отъ роскошной жизни и хоть немного принять участіе въ настоящей.

Л. Т.

Полностью печатается впервые. Большая часть была напечатана в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 35—36. На подлиннике рукой Черткова помечено: «М. 3 апр.» Дата эта соответствует дню написания письма, так как на следующий день, 4 апреля, Толстой в сопровождении названных им лиц действительно отправился пешком в Ясную поляну.

Письмо написано без каких-либо внешних побудительных мотивов в виде писем со стороны Черткова, так как на письмо его от 29 марта, временно остававшееся без ответа, Толстой откликается лишь позднее, из Ясной поляны.

[1] «Количка» — Николай Николаевич Ге-сын. См. о нем прим. 1 к п. № 16 от 2 мая 1884 г.

[2] Михаил Александрович Стахович (1861—1923) — сын хорошего знакомого Толстых, богатого орловского помещика, бывавшего при дворе, и известного театрала А. А. Стаховича, — в то время еще молодой человек, окончивший училище правоведения, познакомившийся с Толстыми в 1880 г. и дружески принимаемый в их семье. В дальнейшем — елецкий предводитель дворянства, затем — орловский губернский предводитель дворянства умеренно-либерального направления, затем член 1 Госуд. Думы, где он явился одним из организаторов фракции «мирного обновления», и II Госуд. Думы, затем член Госуд. Совета по выбору от земств. В период февральской революции — финляндский генерал-губернатор, затем посол в Испании. После октябрьской революции остался за границей, в Париже, где и умер.

[3] Мысль о подборе для «Посредника» русских пословиц была дана Толстому Н. Л. Озмидовым, который сам начал собирать их из Даля, Афанасьева и др. Н. Н. Иванов (см. ниже, прим. 7) в воспоминаниях своих «у Л. Н. Толстого в 1886 г.», напечатанных в книге «Л. Н. Толстой. Юбилейный сборник», Госизд., М.-Л., 1928, сообщает: «Особенно одобрил Лев Николаевич задуманную Озмидовым работу над пословицами, когда Озмидов сказал, что он намерен в заключение работы подобрать параллельно к пословицам, по смыслу их, изречения из Евангелия. Толстой сказал, что многие из пословиц... есть само учение Христа, пережитое и передуманное трудящимся народом среди живой действительности, выраженное метким, кратким и сильным народным языком, простое и ясное в устах народа, как чистая и вечная правда». В виду того, что летом 1886 г. Озмидов уехал в земледельческую колонию на Кавказ, Толстой продолжал работу над отборкой пословиц для «Посредника» один. Они вошли в народный «Календарь с пословицами на 1887 г.», вышедший, с некоторым запозданием, в начале названного года, в Петербурге, с рисунками Л. Дитерихса, затем — в том же году — были изданы от-

дельно: «Пословицы на каждый день», изд. «Посредника», М., 1887 г. и выдержали несколько изданий. Интерес Толстого к пословицам сохранился у него до конца жизни. Последняя книга, приобретенная им в 1910 г., была книга И. Иллюстрова «Жизнь русского народа в его пословицах. Сборник русских пословиц и поговорок», изд. 2-е, Спб. 1910.

[4] О квакерах см. прим. 2 к п. № 70 от 9—10 июня 1885 г. Они привлекали симпатии Толстого своим учением о непротивлении злу насилием. Относительно упоминаемой им статьи о квакерах в точности можно установить лишь то, что она была переслана Озмидову из редакции «Посредника», вероятно, для исправления языка, что делал иногда Озмидов. А. К. Черткова полагает, что статья эта была переводная. Название ее и имя автора в редакции «Посредника» не сохранились. В печати не появилась — быть может, по цензурным соображениям.

[5] Говоря о статьях, посвященных Миклухе-Маклаю и штундистам, рядом со статьей из жизни квакеров, Толстой тем самым указывает на основной мотив этих статей: идею «непротивления злу насилием». — Николай Николаевич Миклуха-Маклай (1847—1888) — путешественник и естествоиспытатель, исследователь неизвестного до него побережья Новой Гвинеи, названного в честь него берегом Маклая, а также ряда других не описанных до него местностей и диких народностей Новой Гвинеи, не исключая людоедов. При первом своем посещении Новой Гвинеи, в 1871 г., был встречен папуасами недоверчиво, но через полгода своим необычайным мужеством и выдержанной гуманностью заслужил их живейшую симпатию и приобрел просветительное влияние на них. Вернувшись к ним во второй половине 1870-х гг., он имел случаи наблюдать жестокую эксплоатацию островитян со стороны приезжих коммерсантов и вступил в борьбу с ними, продолжавшуюся несколько лет. В 1885 г. он приехал обратно в Россию со своими замечательными коллекциями, устроил выставку их и прочел в Петербурге и в Москве несколько лекций о своих путешествиях. В это время и узнал о нем Толстой. Несколько позднее, в сентябре 1886 г., Миклуха-Маклай послал Толстому, при письме, две свои брошюры, одна из которых — о втором пребывании его на берегу его имени — сохранилась в Яснополянской библиотеке. Толстой отвечал ему письмом от 25 сентября 1886 г., в котором он между прочим писал: «... Все коллекции ваши и все наблюдения научные — ничто в сравнении с тем наблюдением о свойствах человека, которые вы сделали, поселившись среди диких и войдя в общение с ними и воздействуя на них одним разумом; и поэтому ради всего святого изложите с величайшею подробностью и со свойственной вам строгой правдивостью все ваши отношения человека с человеком, в которые вы вступили там с людьми». (См. т. 63.) — Многочисленные научные труды Миклухи-Маклая напечатаны в «Изв. имп. русск. географ. о-ва» за 1871—1884 гг., но оставшиеся после него записки и дневники не изданы до сих пор. — Мысль Толстого об издании посвященной ему популярной книжки была осуществлена «Посредником» лишь значительно позже—книжкою Е. Коротковой «Замечательный русский путешественник, друг диких Н. Н. Миклуха-Маклай» (в Библ-ке И. Горбунова-Посадова для детей и юношества), М., 1915.

[6] Штундисты — религиозная секта, возникшая на юге России под влиянием немецких колонистов-протестантов. Тяжелые экономические и бытовые условия жизни в период крепостничества и после падения крепостного права и неудовлетворенность формализмом православного духовенства вызывали среди крестьян умственные брожения, в результате которых они пришли к отрицанию церкви со всеми ее обрядами и непосредственному обращению к тексту Евангелия. В 1870-х и 1880-х гг. штундизм в нескольких своих разновидностях стал распространяться и по центральным губерниям России, что вызвало гонения на него со стороны церкви и властей. Сущность эпизода из этих гонений, о котором говорит в своем письме Толстой, раскрыть не удалось. Мысль Толстого об издании популярной книжки, посвященной штундистам, в связи с упомянутым им эпизодом, не могла быть в то время осуществлена в виду непреодолимых трудностей, какие она встретила бы в цензуре.

[7] Николай Никитич Иванов (1867—1913) — в то время девятнадцатилетний юноша, болезненный, почти калека, сын фельдшера московской Бутырской тюрьмы. Детство провел в подвале, где жила семья, в большой бедности. Рано приобрел склонность к писательству и, написав ряд рассказов и стихотворений, показал их Толстому, к которому пришел впервые в марте 1886 г. Толстой отнесся к нему, как к человеку и писателю, с большой горячностью. В своих воспоминаниях о знакомстве с Толстым в 1886 г. («Л. Н. Толстой. Юбил. сборник». М.-Л., 1928) он передает отзыв Толстого о его произведениях в следующих словах: «...Вот в этих подробностях, в этих «чуть-чуть» — вся судьба каждого автора; нет этого — этих «чуть-чуть» — значит всё пропало... У вас это есть, — обратился Л. Н. ко мне, — вы можете писать, хотя и новичек в этом деле». В конце апреля 1886 г. Иванов вновь принес Толстому несколько своих вещей. Толстой опять похвалил их и обещал, что постарается напечатать их в «Посреднике», хотя всё, что писал Иванов, с цензурной точки зрения было очень опасно, а цензура в это время, по словам Толстого, уже «дошла до последних пределов глупости и безобразия». Действительно, два рассказа Иванова — «Без хлеба» и «Юродивый» — не прошли цензуру. Над некоторыми произведениями юноши Толстой работал сам, внося в них, совместно с ним, разные поправки. Так в письме от 15 октября 1886 г. к Черткову, с которым Иванов вскоре сблизился настолько, что перешел на «ты», и которому стал помогать в редакторской работе для «Посредника», он пишет: «Посылаю стих. «Торгаш», написанное в Ясной поляне. Я его поправил по редакции Л. Н. Прошу вас найти наши с Л. Н. поправки и дополнения к «Пасхе» (АЧ). По поводу этого рассказа Толстой еще в мае 1886 г. писал Софье Андреевне: «Пожалуйста, если тебе не трудно, увидь Сытина и попроси его от меня передать Николаю Иванову... 30 рублей за его рассказ «Пасху». Сытин мне обещал это сделать. Если же он не может, то передай пожалуйста ты 30 р. Иванову. Он написал мне такое трогательное письмо. Он чудесный мальчик». Однако напечатать рассказ «Пасха» не удалось, хотя он был уже набран, — вероятно, тоже из-за цензуры. Из произведений Иванова напечатаны было «Посредником» только стихотворения «Исповедь торгаша» (повидимому, то, которое поправил Толстой), «Деревенские ребята» и «Целовальник»,

вошедшие в сборник стихов «Гусляр», Спб., 1887 г., а также вступительное стихотворение ко 2-му изд. «Фабиолы», 1887 г., под названием «Путь блага». Две маленькие вещи его в прозе — басня «Блоха и муха» (тему ее дал Иванову Толстой) и «Три друга» были напечатаны в сборнике «Цветник», Киев, 1886. Как видно из письма Черткова от 24 мая 1886 г., обе эти вещи были поправлены Толстым. — Однако, не обладая широким жизненным кругозором и значительным внутренним содержанием, Иванов в полтора-два года «исписался», и в письме 20—28 сентября 1888 г., Толстой уже передает ему через Черткова совет до поры до времени «не думать о писательстве»; в его последних произведениях, как говорит Толстой, «ничего нет нового своего, всё есть подражание читанному и описания верные виденного, но ненужные». (См. т. 86.) Отношения его с Ивановым, хотя и потеряли прежний оживленный характер, поддерживались до начала 1910 г., когда Иванов, рассердясь на него за то, что он не поинтересовался прочесть его «Воспоминания», написал ему чрезвычайно грубое письмо.

[8] П. И. Бирюков.

[9] А. М. Калмыкова.

[10] А. К. Дитерихс. См. комментарий к п. № 119 от конца сентября — начала октября 1886 г.

[11] Толстой с Н. Н. Ге-сыном и М. А. Стаховичем пустились в свое пешеходное путешествие из Москвы в Ясную поляну 4 апреля к вечеру. В этот день вечером С. А. Толстая (отвечая Черткову по просьбе Толстого, на его запрос относительно заимствований из «Книжек для чтения» (см. комментарий к п. 105 от 11 апреля) писала ему: «Сегодня Лев Николаевич ушел пешком в Ясную поляну с мешком на спине, веселый и здоровый. Его сопровождает Ник. Ник. Ге и Мих. Ал. Стахович, оба такими же странниками и в таких же костюмах. Мы проводили их за город, и очень стало за них жутко» (АЧ). Пришли они в Ясную поляну 9 апреля утром. По дороге подъехали лишь два раза — всего 25 верст. Только Стахович «ослабел» и часть пути проехал поездом. В письмах Толстого к Софье Андреевне от 6—9 апреля запечатлены некоторые подробности этого путешествия. Так 9 апреля он пишет: «Мы шли прекрасно. Осталось, как я и ожидал, одно из лучших воспоминаний в жизни... Кроме ласки и добродушия мы ничего не видали и сами никому не оказывали. Питались чаем, хлебом и два раза щами и чувствовали себя бодрыми и здоровыми. Ночевали по 12 человек в избе и спали прекрасно». (См. т. 83.) В записной книжке своей Толстой записал в эти дни свою беседу с 75-тилетним стариком-солдатом, у которого они ночевали, о жестокостях солдатской жизни при Николае I и свои размышления по поводу его рассказа, из которого в том же году возникло новое произведение Толстого — «Николай Палкин».

105.

1886 г., Апреля 11. Я. П.

Извелъ всю почт[овую] бумагу на письма, и свои силы, и вамъ, милый другъ, пишу подъ конецъ. Много хорошихъ пи-

семъ было, на к[оторыя] отвѣчалъ. Радостныя письма.[1] — Я 3-й день въ деревнѣ. Здѣсь мнѣ не такъ хорошо, какъ было въ пути. Здѣсь слѣды старыхъ грѣховъ и, кромѣ того, я не одинъ. Колич[ка] Ге, Лева, Альсидъ,[2] Файнерманы.[3] Мнѣ хорошо, но дорогой было прекрасно. Ничего я не писалъ и не пишу еще. И едва ли долго здѣсь останусь, должно быть въ началѣ Святой[4] вернусь и потороплю часть семейства уѣхать пораньше. — Теперь по пунктамъ, 1) Руциной[5] рукопись я получилъ почти въ минуту отправленія изъ Москвы. Должно быть хорошо. Я пришлю ее вамъ на Святой. 2) Жена вамъ писала о заимствованіяхъ.[6] 3) Картины Ге — вы тоже все знаете отъ жены.[7] Теперь пункты предшествующего письма: 1) Севастопольск[ie] раз[сказы] я до отхода изъ Москвы не получалъ. На Святой сдѣлаю, если нужно, такія измѣненія, какія придется, и такъ, чтобы вамъ не дать лишняго труда.[8] 2) Дѣда Соф[рона] тоже не получалъ и согласенъ, что измѣнять надо меньше.[9] 3) О карт[инахъ] Ге.[10] 4) Радуюсь за переводъ по малор[оссійски].[11] 5) Особенно радуюсь видѣть васъ въ Ясной, коли будемъ живы. Да, хорошо вамъ набрать съ собой побольше работы въ Англію. А впрочемъ я все больше и больше убѣждаюсь, что чѣмъ меньше человѣкъ загадываетъ и ломитъ, а подается по обстоятельствамъ и вызовамъ, тѣмъ нетолько онъ счастливѣе, но плодотворнѣе его дѣятельность. Все къ лучшему. И ваша поѣздка въ Англію, к[оторая] и вамъ и мнѣ кажется такъ напрасна,[12] навѣрное имѣетъ значеніе. Какое? Только не такое, какое мы можемъ придумать. Теперь мои пункты. 1) Послала ли вамъ Таня, дочь, разсказъ Иванова, очень хорошій?[13] Но пожалуйста хорошенько покритикуйте, я могу быть пристрастенъ. Тутъ у меня есть разсказъ мужика,[14] я не прочелъ еще, но кажется, не дуренъ. Радостно то, что наши книжки вызываютъ и вызовутъ подражателей сначала, а потомъ самобытныхъ дѣятелей въ этомъ родѣ.[15] — 2) Присланные вами Озмидову разсказы о квакерахъ 1-й номеръ.[16] Это во что бы то ни стало надо напечатать и скорѣе. Это очень важно. — Дорогой намъ старикъ странникъ разсказывалъ Чѣмъ люди живы. Онъ узналъ его по разсказамъ. И удивительно вѣрно и хорошо разсказывалъ. Мнѣ очень радостно б[ыло] слышать.

До свиданья, милый другъ, цѣлую васъ и всѣхъ нашихъ друзей. Насчетъ помѣщенія моихъ разсказовъ я-то согласенъ,

да как бы это не возстановило жену противъ васъ. [17] Я такъ радъ, когда вы съ ней въ согласіи. Ивана Дурака я радъ, что пропустили въ 12-й ч. [18] Это шагъ впередъ.

Л. Т.

Полностью печатается впервые. С исключением первого абзаца напечатано в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 36—37. Письмо написано на неровно оторванной четвертушке писчей бумаги. На нем рукой Черткова, кроме архивного №, пометка: «11 апреля». Письмо должно быть отнесено к этому числу, потому что в письме Толстого к С. А. Толстой от 11 апреля, в соответствии с началом этого письма, сообщается: «Нынче целое утро сидел один, писал письма — ответы на интересные, полученные мною». Указанная дата подтверждается и словами: «Я 3-й день в деревне».

Письмо это является ответом на три письма Черткова, из которых одно, от 29 марта, было получено им еще в Москве, другое, от 4 апреля, переслано из Москвы с несколькими письмами других лиц, и последнее, от 6 апреля, на которое он отвечает в первой части своего письма, — получено им в Ясной поляне. В первом из этих писем Чертков говорит: „...Для нашего сборника (см. ниже, прим. 6) весьма желательно воспользоваться некоторыми из рассказов ваших, помещенных в «Книжках для чтения». Мы желали бы воспользоваться ими в том размере, какой допускается правилами о литературной собственности; но не хотим этого делать, не сообщив об этом раньше Софье Андреевне и не заручившись уверенностью, что это ее не огорчит... Рассказы ваши давно заимствуются и помещены в различных изданиях, даже специально школьных, а между тем именно ваши «Книги для чтения» требуются в постоянно возрастающем количестве. Тем более некоторые из ваших рассказов, помещенные в нашем сборнике без обозначения вашего имени, не могут повредить сбыту «Книг для чтения». Я бы сам написал об этом Софье Андреевне; только меня останавливает сознание того, что она часто предполагает во мне желание противодействовать ее изданиям... Сознание это мне причиняет много боли, так как естественно, нет лица, с которым я желал бы больше пользоваться хорошими и доверчивыми отношениями, как ваша жена... — Софья Андреевна сказала мне, что, когда я в отсутствии, то она ко мне бывает хуже расположена, чем когда я бываю на лицо. Я боюсь, что это происходит от того, что когда она узнает про мои действия, относящиеся до издания ваших вещей, она приписывает мне мотивы, которых у меня вовсе нет. Не знаю, что я бы дал, чтобы устранить такое недоразумение. И вот именно с этой целью прошу вас спросить у нее относительно предполагаемых выдержек из «Книг для чтения»“...

Письмо Черткова от 4 апреля, так же как часть письма от 6 апреля, излагает его запросы по пунктам, что̀ вызывает соответствующую форму и в ответе Толстого. Приводим из этих писем всё наиболее существенное. «Посылаю вам, дорогой Л. Н., сокращенные и измененные Озмидовым «Севастопольские рассказы», — пишет Чертков. — Я их перечел в этом виде, и мне кажется, что они производят очень сильное впе-

чатление в желательную сторону. Мне также кажется, что вам там много изменять не стоит. Лучше было бы употребить нужное на это время на написание рассказа нового в боевой военной обстановке. Потребность в таком рассказе — большая. В этих же очерках желательно было бы только немного связать отрывки и действующих лиц для того, чтобы новые лица не выступали бы неожиданно и без связи. Назвать бы следовало всю книжку «Осада Севастополя»... [См. ниже, прим. 8.] — Посылаю вам «Деда Софрона» [см. ниже, прим. 9] с отмеченными Озмидовым местами, которые он считает желательным переделать. Вообще я высоко ценю его строгое отношение к книгам с точки зрения учения и считаю, что он много нам помогает этим. Только я заметил, что к художественной стороне он иногда не чуток и не замечает, когда мысль, вполне соответствующая нашему пониманию жизни, передается не в определенных положительных выражениях, а в общем впечатлении, производимом рассказом. Так в данном случае — я считаю «Деда Софрона» прекрасным рассказом, не требующим изменений... Жду от вас новые чистые экземпляры альбома Ге для представления в цензуру [см. ниже, прим. 7]. Я уже заручился согласием одного магазина изящных картин, который от себя представит в цензуру эти фотографии, так как на нас там смотрят косо. — Присланный нам уже давно перевод на малороссийский язык «Двух стариков» я подверг пересмотру знатоков, и сейчас получил вполне одобрительную оценку этой книги. Оказывается, что перевод сделан Иваном Манжуром, известным знатоком малороссийского языка. Принимаю меры к пропуску этого рассказа через Киевскую цензуру и к его изданию [см. ниже прим. 11]. Мать собирается в Лизиновку 24-го, но остановится в Москве. Там мы хотим пробыть дней 10, а на обратном пути надеюсь навестить вас в Ясной».

В письме от 6 апреля Чертков говорит: «Вы, вероятно, в настоящую минуту еще находитесь на пути в Ясную... Если вы здоровы, то вам должно быть очень хорошо... Когда я нахожусь в более нормальной обстановке, напр., когда я один в деревне, то я чувствую себя совсем иначе. Но я тогда страдаю от сознания непродолжительности, непостоянства этого положения. Я всё время чувствую, что вот-вот оно прекратится и наступит срок опять вступить в атмосферу исключительности и роскоши... Сегодня... вставши, первым делом я почитал о беседе с Никодимом из вашего подробного перевода Евангелия. В этой книге я всегда нахожу много хорошего и нужного. Я радуюсь тому, что освобождаюсь от страха разбирать вопросы евангельские со стороны противоположной той, которую считают единственно верной ближайшие люди, меня окружающие и воспитавшие меня... Видно таково влияние страшной искренности и уверенности в них, что оно вселяет робость, задерживающую в других, близких к ним, вполне свободное бесстрашное критическое отношение к основам их веры... Теперь это кажется очень просто, но совсем не так легко и скоро я был доведен до такого свободного состояния. И, разумеется, в этом освобождении вы мне много помогли...» Далее Чертков сообщает о том, как он поступил с последними произведениями Толстого, предназначавшимися для «Посредника»: «Три старца» появились в «Ниве», пишет он. — Все удивляются, как их пропустили. И дей-

ствительно появление их произвело официальную суматоху. Я очень рад, что они хоть там проскочили. У «Нивы» больше 100 т. подписчиков. Если каждый номер средним числом прочтут 10 человек, то рассказ этот достигнет миллиона человеческих душ, и именно таких, для кого он больше всего нужен: священников сельских, учителей, писарей и т. п. Нет сомнения, что если бы он не появился в «Ниве» раньше 12-го тома, то невозможно было бы его больше нигде в России напечатать в течение всего того времени, покуда внешние обстоятельства не изменятся. А он особенно нужен именно при преобладании настоящей нетерпимости. — «Много ли человеку земли нужно», как рассказ не рискованный, я отдал Оболенскому, который был очень встревожен тем, что он не дает своим подписчикам обещанных ваших статей, и собирался сделать объявление о том, что у него больше не будут появляться ваши вещи — ради того, чтобы не вводить в заблуждение подписчиков. Ему пропустили этот рассказ. Вместе с тем мне разрешили издание в отдельной книжке под заглавием «Три сказки» — «Много ли человеку земли нужно», «Зерно» и «Краюшку». Всё это без помарок за исключением в «Много ли земли» слов: «стали красным петухом грозить». — «Крестника», как рискованный рассказ, я отдал в неподцензурное издание «Книжки Недели». Там пропустили, и теперь рассчитываю, что пропустят и для отдельной книжки. «Первый винокур», комедию, мне разрешили отдельною книжкою... «Кающегося грешника» я еще не представлял. Все говорят, что это весьма рискованная вещь. Не торопясь соображу, как лучше с ним поступить. Я телеграфировал вашей жене, прося выслать мне 12 том. Войду в сношения с цензурой по поводу издания «Ивана-Дурака» отдельно, — вероятно, с некоторыми помарками, покуда еще он не успел наделать много шуму. — Вообще я очень радуюсь тому, что нам удастся дать народу ваши рассказы и еще несколько хороших вещей: «Жадный мужик» Эртеля, «Марья-кружевница», «Четыре дня», «Махмудкины дети». Гаршин написал прекрасно «Правителя Аггея». Он вложил туда всё то хорошее, чем он владеет, — теплоту, нежность. Он сначала появится в Русской мысли, и мне очень интересен ваш отзыв. На последние мои письма и посылки я не получал от вас ответов на то, о чем спрашивал... 1. Прочли ли рукопись от Рутцен (перевод из Диккенса) [см. ниже прим. 5]. Ваш отзыв нужен, т. к. она его ждет. — 2. Получили ли письмо о заимствовании нами для сборника рассказов из «Книжек для чтения» издания вашей жены». — В заключительной части письма Чертков жалуется на Озмидова, который, работая для «Посредника» у Сытина, проявляет к нему сухое, недоброжелательное отношение и, на попытки его, Черткова, смягчать это отношение, так как сам он испытывает к Сытину теплое чувство, отвечает только, что «ей Богу это ему давно всё известно» и т. п.

Из новых произведений Толстого, о которых пишет здесь Чертков, «Три старца», напечатанные в «Ниве» за 1886 г., № 13, для «Посредника» разрешены не были. — О сказках «Крестник» и «Много ли человеку земли нужно» см. прим. 8 к п. № 100 от 22 февраля 1886 г. Первая из них для «Посредника» не была разрешена. Вторая, напечатанная предварительно в «Русском богатстве» 1886 г., № 4, вошла в книжку изд. «Посредника» «Три сказки», М. 1886 (дозв. ценз. в Спб. 2 апреля) вместе с сказкой «Зерно

с куриное яйцо» и сказкой «Как чертенок краюшку выкупал», драматическое переложение которой под заглавием «Первый винокур» вышло почти одновременно в 1886 г. (дозв. ценз. в Спб. 1 апреля). — Рассказ «Кающийся грешник» был напечатан только в XII т. Сочинений Толстого изд. С. А. Толстой, М. 1886. — «Сказку об Иване-Дураке» после разрешения ее для XII т. удалось напечатать и «Посреднику» (дозв. ценз. в Спб. 23 апреля 1886 г.). О дальнейшей судьбе ее в отношении цензуры и распространения см. прим. 7 к п. № 83 от 23 октября 1885 г.— Об упоминаемом в письме Черткова рассказе Эртеля см. прим. 7 к п. № 95 от 16—17 января 1886 г.—О рассказе О. Н. Хмелевой «Марья Кружевница» см. прим. 2 к п. № 89 от конца ноября 1885 г.—О рассказе Вас. И. Немировича-Данченко «Махмудкины дети» см. прим. 2 к п. № 54 от 26 апреля 1885 г. — Рассказ В. М. Гаршина «Четыре дня», написанный в 1877 г. и входивший в двухтомное издание его произведений 1882—85 гг., вышел в изд. «Посредника» под распространенным заглавием: «Четыре дня на поле сражения. Рассказ солдата с отрезанной ногой», М., 1886 с рисунками М. Малышева. Написанная им же для «Посредника» легенда «Правитель Аггей» была напечатана в «Русской мысли» 1886 г., № 4, но для отдельного издания в «Посреднике» разрешена не была.

[1] Письма, которые писал в эти дни Толстой, не сохранились, и установить, от кого он получил те «хорошие письма», на которые он отвечал, не удалось.

[2] Альсид (Alcide) или Алкид — сын Анны Сейрон (Seuron), уроженки Бадена, вдовы французского эмигранта, жившей в течение шести лет в доме Толстых в качестве французской гувернантки и написавшей позднее на немецком языке весьма сомнительные в разных отношениях записи из этого периода своей жизни, которые вышли под заглавием: «Graf Leo Tolstoi. Intimes aus seinem Leben. Von Anna Seuron. Hrsg. und mit einer Einleitung versehen von Eugen Zabel. Berlin, 1895 (в русском переводе: «Шесть лет в доме гр. Л. Н. Толстого. Записки Анны Сейрон. Перев. с немецкого С. Сергиевского, Спб. 1895). Имя Анны Сейрон часто упоминается в письмах Толстого к Софье Андреевне. Сын ее Алкид, молодой человек, учившийся в Лазаревском институте восточных языков, жил с нею в семействе Толстых. Несколько лет спустя во время холерной эпидемии умер от холеры.

[3] Об И. Б. Фейнермане см. прим. 5 к п. № 77 от 29—30 августа 1885. О жене его см. ниже, п. № 111 от 28—29 июня 1886 г. и прим. 11 к нему.

[4] Пасха приходилась в 1886 г. на 13 апреля.

[5] Толстой пишет «Руцина» вместо Рутцен. О ней и работе ее, упоминаемой в письмах Толстого, мы имеем лишь неполные сведения, почерпнутые из сохранившихся в архиве «Посредника» (АЧ) писем ее к Черткову и оттисков, в копировальной книге «Посредника», с деловых писем к ней. Инициалы ее имени и отчества А. А., адрес — г. Фатеж Курской губ., в уезде которого находилось имение, где она жила с детьми, повидимому, уже взрослыми (она называет их «моя молодежь») зиму и лето. По соображениям Д. И. Шаховского, который лично знал члена I государственной думы Александра Николаевича Рутцена (род. 1858 г.), А. А. Рут-

цен была матерью его и двух его сестер, Варвары Николаевны и Людмилы Николаевны, выступавших впоследствии в печати. Переписка А. А. Рутцен с Чертковым началась еще в конце 1885 г., когда она выразила желание работать для «Посредника». Чертков предложил ей заняться переложением для народа Диккенса (см. комментарий к п. Толстого № 89 от конца ноября 1885 г.). Из письма А. А. Рутцен от 23 марта видно, что она со своей «молодежью» переложила для «Посредника» сказку Диккенса «Christmas Carol» (1844 г.), которая вышла в свет в изд. «Посредника» с некоторым запозданием под заглавием: «Рождественская сказка. Переделка с английского». М. 1887 г.

[6] В цитированном уже по другому поводу письме С. А. Толстой к Черткову от 4 апреля она отвечала ему по вопросу о заимствованном из «Книжек для чтения» Толстого материале для «Посредника» следующее: «Вы спрашивали, можно ли взять из «Книг для чтения» кое-что для сборника. Конечно, как вы говорите, вы можете взять *по закону* сколько полагается. Но во всяком случае я бы была вам благодарна, если бы вы мне писали, *что* именно вы возьмете, и я бы известила тогда, неприятно мне или нет. Вообще продажа моих 4-х Книжек для чтения очень уменьшилась за этот год, и, вероятно, это благодаря более дешевым изданиям. Но я перестала огорчаться этим с тех пор, как так больно огорчилась *настоящим* горем, именно потерей ребенка. Мне теперь странно, что я так принимала к сердцу разные мелочи и пустяки» (АЧ). — Заимствования отдельных небольших вещей из «Книжек для чтения» Чертков предполагал сделать для подготовлявшегося к печати сборника «Цветник». О нем см. прим. 5 к п. № 117 от 13—14 сентября 1886.

[7] Об издании рисунков Н. Н. Ге к «Чем люди живы» написала Черткову, по поручению Толстого, не Софья Андреевна, а Татьяна Львовна Толстая, которая взяла на себя и заботу о готовящемся альбоме этих рисунков. В своем небольшом письме по этому вопросу, не датированном, она просит Черткова как можно скорее выслать в Москву разрешенные цензурой фотографии с рисунков Ге, так как без этого типография отказывается печатать относящийся к рисункам текст, а между тем альбом предположено выпустить к Пасхе. Намерение это не могло осуществиться, так как для прохождения рисунков в цензуре Черткову пришлось еще хлопотать. (См. об этом прим. 1 и 3 к п. № 103 от 1 апреля.) В том же письме Татьяны Львовны сообщается, что Толстой хотел бы, чтобы альбом вышел в двух изданиях — в одном на лучшей бумаге и в папке за 5 р. экземпляр, в другом — на более дешевой бумаге в обложке за 2 р. 50 к. (АЧ). В письме к Н. Н. Ге-отцу от конца марта Толстой высказывал ту же мысль об издании более дорогих и более дешевых экземпляров альбома, что и было выполнено.

[8] Сокращенные и измененные Озмидовым «Севастопольские рассказы» («Севастополь в декабре 1855 г.», «Севастополь в мае» и «Севастополь в августе»,) Толстой, как видно из следующего его письма (№ 106 от 15—16 апреля), не стал поправлять. Книжка под заголовком: «Осада Севастополя (сокращено по рассказам о Севастопольской обороне), изд. Поср., М., 1886, с рисунками М. Малышева», вышла в августе или начале сентября (ценз. разрешение получено в Москве 1 августа).

[9] О рассказе В. И. Савихина «Дед Софрон» см. прим. 1 к п. № 45 от 15 февраля 1885 г.

[10] Ответ Толстого по этому пункту уже дан в том же письме выше (см. прим. 7) и потому, выписав его по порядку из письма Черткова от 4 апреля, он оставляет фразу незаконченной.

[11] И. И. Манжур, сделавший тот перевод «Двух стариков» Толстого на «малороссийский» язык, о котором пишет Чертков, в конце января или начале февраля 1886 г. обратился в редакцию «Посредника» с письмом, в котором предложил издавать книжки «Посредника» и на «малороссийском» языке, и выражал желание перевести в ближайшее время один из рассказов Толстого. Письмо это, о котором Чертков упоминает в одном из предыдущих своих писем, как об известном Толстому, не сохранилось, но в копировальной книге «Посредника» сохранился адресованный в Екатеринославль ответ на него редакции «Посредника» от 5 февраля 1886 г., по которому можно составить себе ясное представление о письме Манжура и в котором выражается согласие на его предложение (АЧ). Однако план об издании книжек «Посредника» на «малороссийском» языке, начиная с «Двух стариков» Толстого, разбился о запрещение цензуры.

[12] Чертков собирался в Англию на лето не охотно, сопровождая туда свою мать.

[13] «Рассказ Иванова», который Татьяна Львовна должна была переслать Черткову по поручению отца, — вероятно, тот самый, о котором он писал с похвалою в предыдущем своем письме (см. п. № 104 от 3 апреля и прим. 7 к нему), намереваясь переслать его в редакцию «Посредника», т. е. подправленная им повесть «Пасха».

[14] «Рассказ мужика» — по всей вероятности, «Раздел» И. Г. Журавова, крестьянина Тульской губ., служившего половым в тульском трактире, но не порывавшего связи с деревней. Рассказ этот был издан «Посредником» с рисунками Н. Богатова в начале 1887 г. Другой его рассказ — «Злая невестка» (первоначальное заглавие — «Не всякому слуху верь») был напечатан в «побочной» серии «Посредника» в 1886 г. В письмах к Черткову за 1887 г. Толстой отзывается об этих вещах, как об очень хороших. В дальнейшем он лично познакомился с Журавовым и принимал живейшее участие в его литературной работе, о чем свидетельствует его письмо к Черткову от 20 мая 1891 г., в котором он очень подробно останавливается на новой повести Журавова, написанной на «заданную» им тему (см. т. 87).

[15] Толстой не ошибся, предполагая, что распространение книжек «Посредника» вызовет подражателей, а потом и самобытных деятелей в этом роде. Вслед за Журавовым начал в 1887 г. под влиянием «Посредника» свою обширную литературную деятельность другой писатель Московской губ. из крестьян, Сергей Терентьевич Семенов, и крестьянин Нижегородской губ. Федор Алексеевич Желтов и др. Из писателей-рабочих, кроме В. И. Савихина, чрезвычайно обязанного «Посреднику» своей популярностью в массах, стали писать для «Посредника» Лаварь-Темный, Александр Благов и ранее печатавшийся поэт В. С. Поступаев, воспоминания которого о Толстом («Воспоминания о Л. Н. Толстом поэта-

рабочего») напечатаны в кн. «Л. Н. Толстой, юбилейный сборник», М.-Л., 1928, и который печатает свои стихи и поныне.

[16] Относительно статьи о квакерах см. прим. 4 к п. № 104 от 3 апреля.

[17] Помещение рассказов Толстого, написанных для «Посредника», в «Ниве», «Русском богатстве» и «Книжках Недели», о чем Чертков говорит в письме к нему от 6 апреля, действительно, чрезвычайно рассердило Софью Андреевну. Об этом см. п. № 107 от 17—18 апреля и прим. 1 к нему.

[18] Историю «Сказки об Иване-Дураке» см. в прим. 7 к п. № 83 от 23 октября 1885 г.—XII т. Соч. Толстого, издаваемых Софьей Андреевной, вышел как раз в это время. В письме к ней из Ясной поляны от 9 апреля, получив ее сообщение об этом, Толстой писал ей: «Очень радуюсь за тебя за 12-ю часть и для себя радуюсь преимущественно за Ивана-дурака».

106

1886 г. Апрель 15—16. Москва.

Я вчера пріѣхалъ въ Москву живъ и здоровъ и пробуду здѣсь, е[сли] Богъ дастъ, Святую. Пишите сюда. Можетъ быть, увижу васъ проѣздомъ. [1] Рукопись Руциной очень интересна. [2] Я попытался сдѣлать нѣкот[орыя] измѣненія. Севаст[опольскіе] разсказы такъ очень хороши. [3] Трогать их не могу. 40 лѣтъ [4] вы очень хорошо придумали. Постараюсь сдѣлать, что нужно. Я знаю про это изъ письма Озмидова, но его еще не видалъ. [5] Обнимаю васъ и всѣхъ друзей.

Л. Т.

Что съ рисунками Ге?

Петербургъ
32. Милліонная
В. Г. Черткову.

Полностью печатается впервые. Отрывок напечатан в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 37. На открытом почтовом бланке подлинника рукой Черткова помечено: «16 апр. 86» и имеются почтовые штемпеля: «Москва 16 апреля 1886», «С.Петербург 17 апреля 1886». Датируем письмо расширительно, потому что установить точно день возвращения Толстого в Москву, о котором он упоминает в письме, не удалось. Софья Андреевна в письме к Т. А. Кузминской от 11 апреля говорит, что ждет его в Москве 14 или 15 апреля (ГТМ).

Письмо Толстого написано, как уведомление о приезде его в Москву, но по содержанию дополняет ответ на предшествующие письма Черткова, приведенные в комментарии к предыдущему письму (№ 105 от 11 апреля).

[1] Толстой подразумевает, что увидит Черткова при его проезде через Москву в Лизиновку, куда он собирался выехать с матерью 24 апреля.

[2] О рукописи «Руциной» (Рутцен) см. прим. 5 к предыдущему письму, № 105 от 11 апреля.

[3] О «Севастопольских рассказах» см. прим. 8 к предыдущему письму.

[4] О том, что «придумал» Чертков относительно легенды Костомарова «Сорок лет» (см. письмо № 95 от 16—17 января 1886 г. и прим. 10 к нему) можно судить по письму его к Марье Львовне Толстой от 8 апреля, по-видимому привезенному ей из Петербурга ездившим туда Озмидовым вместе с экземпляром самой легенды Костомарова, который Чертков брал для ознакомления у Толстого. В письме этом Чертков говорит: «Прилагаемая книжка «40 лет» очень понравилась Льву Николаевичу и произвела на него сильнейшее впечатление... Мне она очень понравилась; но мне показалось, что желательно было бы ярче выставить весь ужас положения убийцы, к концу жизни потерявшего всякое сознание Бога-правды. В деревне я читал этот рассказ хлопцам; он их особенно заинтересовал. Я взял его сюда с целью выпустить некоторые места, совершенно нецензурные в настоящее время (в 81 году цензура при Лорисе [Лорис-Меликове] была сравнительно замечательно свободна)... Поправки слога, в особенности в первой половине, сделаны преимущественно Львом Николаевичем. Мне кажется, что необходимо, чтобы он еще раз внимательно просмотрел рассказ и ввел бы такие штрихи, на которые он один способен, как художник, для того чтобы определеннее обнаружить внутреннее состояние Яшникова... И это тем необходимее, что мы опускаем всё, что говорится о предстоящей ему каре в будущей жизни...». В заключение письма Чертков предлагает Марье Львовне переписать легенду, «изменяя литературный слог на простой народный», с тем, чтобы на долю Толстого осталась только чисто-художественная работа по углублению психологии главного действующего лица в заключительной главе. Принимала ли какое-нибудь участие Марья Львовна в работе над упрощением языка легенды Костомарова, нам неизвестно. Как было указано в прим. 10 к п. № 95, сама легенда была напечатана в «Посреднике» лишь много лет спустя, в сильно-сокращенном виде. Что же касается тех художественных дополнений к ней, которых Чертков добивался от Толстого, то, как мы видим и из настоящего письма, он принял совет Черткова, и дополнительная глава в легенде Костомарова была написана им в ближайшее время. Об этом мы узнаем из сохранившегося в архиве Черткова письма к нему О. Н. Озмидовой (см. прим. 11 к п. № 97 от 23 января 1886 г.). Письмо это не датировано, но по содержанию оно должно быть отнесено к 20—30 апреля 1886 г., потому что в нем передается запрос Толстого о судьбе двух рисунков Ге в петербургской цензуре, разрешенных 23 апреля, и сообщается о намерении самой О. Н. Озмидовой привезти в Петербург от Толстого «Севастопольские рассказы», о которых говорится в комментируемом письме, вместе с сделанным им окончанием к легенде «Сорок лет».

[5] Упоминаемое здесь письмо Озмидова не сохранилось. Возможно, что по возвращении из Петербурга он написал его Толстому в Ясную поляну.

107.

1886 г. Апреля 17—18. Москва.

Напечатаніе легендъ, въ особенности послѣдней въ Р[усскомъ] Б[огатствѣ] привело жену въ большое раздраженіе — и на васъ.[1] Мнѣ это очень больно. Не помню, въ чемъ я тутъ виноватъ, но должно быть виноватъ, и пот[ому] пожалуйста простите меня и добрѣе перенесите ея раздраженіе. Она написала вамъ. Жалко ихъ бѣдныхъ. И хорошо и для себя, и для нихъ, когда точно жалко. — Едва ли я проживу здѣсь до 24-го, когда вы проѣдете, и это мнѣ жалко. Я и духомъ и тѣломъ здоровъ, но писать хочу только умомъ, но не сердцемъ, и потому ничего за это время не сдѣлалъ. Радостей же у меня очень много. Такъ много видишь сближающихся с истиною людей, и такихъ хорошихъ людей, и такъ хорошо съ ними. Вчера провелъ вечеръ съ двумя пріѣзжими из Казани молодыми людьми — одинъ медикъ 4-го курса, другой офицеръ, оба твердые, ясные, радостные христіане. Мы въ первый разъ увидались съ ними и какъ будто вѣкъ жили вмѣстѣ: о чемъ ни заговоримъ, все видимъ одинаково. Офицеръ выходитъ в отставку и идетъ въ деревню работать и быть сельскимъ учителемъ. Онъ женатъ, и жена раздѣляетъ его вѣру. Студентъ ищетъ того же.[2] — Не посылаю вамъ рукописи,[3] п[отому] ч[то] Озмид[овъ] свезетъ, если поѣдетъ съ Сытинымъ. Какъ полна и радостна жизнь даже въ періоды отсутствія силы для писательской работы, въ к[акомъ] я теперь. Обнимаю васъ и всѣхъ нашихъ друзей.

Л. Т.

Оболенской хорошо защитилъ меня,[4] но какъ видно, что курсы и царствующая наука есть святыня для вѣрующихъ. Ну чтожъ, если я ошибся и грубо выразился — можно простить, тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ о другомъ и объ очень важномъ, но видишь, какъ поднимается чувство, подобное тому, к[оторое] бы поднялось у православныхъ при поруганіи иконы. Барынь съ локонами и всякихъ другихъ ругайте сколько угодно, но это сословіе — священно. И при этомъ оскорбленіи священнаго для нихъ забывается все. А я между прочимъ еще много думалъ о женщинахъ, о бракѣ (Файнерманъ съ женой вызвали это)[5] и хотѣлось бы высказать. Разумѣется, не о современныхъ кумирчикахъ нашего времени — курсахъ, а о великомъ вѣч-

номъ назначеніи женщины. Много превратнаго въ этомъ отношеніи проповѣдуется именно въ кружкахъ интелигентныхъ женщинъ. А именно вотъ что:

Напримѣръ: проповѣдуется, что женщина должна не быть исключительной, — не должна любить своихъ дѣтей больше, чѣмъ другихъ. Проповѣдуется много разнаго туманнаго, неяснаго о развитіи, о равенствѣ съ мущиной, но это положеніе о томъ, что женщина не должна любить своихъ дѣтей больше чужихъ, проповѣдуется всегда, вездѣ, считается аксіомой и, какъ практическое правило, заключаетъ въ себѣ всю сущность ученія; а оно-то, это положеніе, совершенно ложно.

Призваніе всякаго человѣка, и мущины и женщины, въ томъ, чтобы служить людямъ. Съ этимъ общимъ положеніемъ, я думаю, согласны всѣ не безнравственные люди. Разница между мущинами и женщинами въ исполненіи этаго назначенія есть большая по средствамъ, к[оторыми] они служатъ людямъ. Мущина служитъ людямъ и физическимъ, и умственнымъ, и нравственнымъ трудомъ, средства его служенія очень многообразны. Вся дѣятельность человѣчества, за исключеніемъ дѣторожденія и кормленія, составляетъ поприще его служенія людямъ. Женщина же, кромѣ своей возможности служенія людямъ всѣми тѣми же, какъ и мущина, сторонами своего существа, по строенію своему призвана, привлечена неизбѣжно къ тому служенію, к[оторое] одно исключено изъ области служенія мущины. Служеніе человѣчеству само собой раздѣляется на двѣ части: одно — увеличеніе блага въ существующемъ человѣчествѣ, другое — продолженіе самаго человѣчества. К первому призваны преимущественно мущины, такъ к[акъ] они лишены возможности служить второму. Ко второму призваны преимущественно женщины, т[акъ] к[акъ] они исключительно способны къ нему. Этаго различія нельзя, не должно и грѣшно (т. е. ошибочно) не помнить и стирать, какъ это стараются дѣлать. Изъ этаго различія вытекаютъ [6] обязанности тѣхъ и другихъ, обязанности не выдуманныя людьми, но лежащія въ природѣ вещей. Изъ этаго же различія вытекаетъ оцѣнка добродѣтели и порока женщины и мущины — оцѣнка, существовавшая во всѣ вѣка и теперь существующая и никогда не перестанущая существовать, пока въ людяхъ будетъ разумъ. И всегда было и будетъ то, что мущина, проведши свою жизнь въ мужскомъ многообразномъ трудѣ, и жен

щина, проведшая жизнь въ рожденіи, кормленіи и возращеніи *своихъ* дѣтей, будутъ чувствовать, что они дѣлаютъ то, что должно, и будутъ возбуждать уваженіе и любовь людей, потому что оба исполнили свое несомнѣнное призваніе. Призваніе мущины многообразнѣе и шире, призваніе женщины однообразнѣе и уже, но глубже, и потому всегда было и будетъ то, что мущина, имѣющій сотни обязанностей, измѣнивъ одной, десяти изъ нихъ, остается не дурнымъ, не вреднымъ человѣкомъ, исполнивъ $^{9}/_{10}$ своего призванія. Женщина же, имѣющая три обязанности, измѣнивъ одной изъ нихъ, исполняетъ только $^{2}/_{3}$, и измѣнивъ двумъ, дѣлается уже отрицательной — вредной. Таково всегда было общее мнѣніе и таково всегда будетъ, п[отому] ч[то] такова сущность дѣла. Мущина для исполненія воли Бога долженъ служить Ему и въ области физич[ескаго] труда и мысли и нравственности; онъ всѣми этими дѣлами можетъ исполнить свое назначеніе; для женщины средства служенія Богу суть преимущественно и почти исключительно (п[отому] ч[то] кромѣ нея никто не можетъ этого сдѣлать) — дѣти. Только черезъ дѣла свои призванъ служить Б[огу] и людямъ мущина; только чрезъ дѣтей своихъ призвана служить женщина. И потому любовь къ *своимъ* дѣтямъ, вложенная въ женщину, исключительная любовь, съ к[оторой] совершенно напрасно бороться разсудочно, всегда будетъ и должна быть свойственна женщинѣ-матери. Любовь эта къ ребенку въ младенчествѣ есть вовсе не эгоизмъ, какъ это ложно учатъ, а это есть любовь работника къ той работѣ, к[оторую] онъ дѣлаетъ въ то время, какъ она у него въ рукахъ. Отнимите эту любовь къ предмету своей работы, и невозможна работа. Пока я дѣлаю сапогъ, я его люблю больше всего, какъ мать ребенка; испортятъ мнѣ его, я буду въ отчаяніи; но я люблю его такъ до тѣхъ поръ, пока работаю. Когда сработалъ, остается привязанность, предпочтеніе слабое и незаконное, тоже и съ матерью. Мущина призванъ служить людямъ черезъ многообразныя работы, и онъ любитъ эти работы, пока ихъ дѣлаетъ, женщина призвана служить людямъ черезъ своихъ дѣтей, и она не можетъ не любить этихъ своихъ дѣтей, пока она ихъ дѣлаетъ — до 3-хъ, 7, 10 лѣтъ.

Въ этомъ я вижу совершенное равенство мущины и женщины по общему призванію служить Б[огу] и людямъ, несмотря на различіе въ формѣ этаго служенія. Равенство это

проявляется и въ томъ, что одно столь же важно, какъ и другое, что одно немыслимо безъ другаго, что одно объусловливаетъ другое и что для достиженія призванія какъ тому, такъ и другому необходимо знаніе истины, и что безъ этаго знанія дѣятельность какъ мущины, такъ и женщины становится не полезной, но вредной для человѣчества.

Мущина призванъ исполнять свой многообразный трудъ, но трудъ его тогда только полезенъ — и его работа (хлѣбъ пахать или пушки дѣлать), и его умственная дѣятельность (облегчать жизнь людей или считать деньги) и его религіозная дѣятельность (сближать людей или пѣть молебны) тогда только плодотворны, когда они совершаются во имя высшей доступной человѣку истины. Тоже и съ призваніемъ женщины: ея рожденіе, кормленіе, взращеніе дѣтей будетъ полезно человѣчеству, когда она будетъ выращивать не просто дѣтей для своей радости, а будущихъ слугъ человѣчества, когда воспитаніе этихъ дѣтей будетъ совершаться во имя высшей доступной ей истины, т. е. она будетъ воспитывать дѣтей такъ, чтобы они были способны брать какъ можно меньше отъ людей и какъ можно больше давать имъ. Идеальная женщина по мнѣ будетъ та, к[оторая], усвоивъ высшее міросозерцаніе — вѣру, к[оторая] ей будетъ доступна — отдастся своему женскому непреодолимо вложенному въ нее призванію — родить, выкормить, воспитаетъ наибольшее количество дѣтей, способныхъ работать для людей по усвоенному ею міросозерцанію. Міросозерцаніе же это не почерпается на курсахъ, а пріобрѣтается только не закрываніемъ глазъ и ушей и умиленіемъ сердца.

Ну, а тѣ, у к[оторыхъ] нѣтъ дѣтей, к[оторыя] не вышли замужъ, вдовы? — Тѣ будутъ прекрасно дѣлать, если будутъ участвовать въ мужскомъ многообразномъ трудѣ. Но нельзя будетъ не жалѣть ихъ и не стараться о томъ, чтобы какъ можно меньше было такихъ. Всякая женщина, отрожавшись, если у ней есть силы, успѣетъ заняться этой помощью мущинѣ въ его трудѣ, и помощь эта очень драгоцѣнна; но видѣть молодую женщину, готовую къ дѣторожденію, занятою мужскимъ трудомъ, все равно, что видѣть драгоцѣнный черноземъ, засыпанный щебнемъ для плаца или гулянья. Еще жалче, п[отому] ч[то] земля эта могла бы родить только хлѣбъ, а женщина могла бы родить то, чему не можетъ быть оцѣнки, выше чего

ничего нѣтъ — человѣка. И только она одна можетъ это сдѣлать. [7]

Полностью печатается впервые. Большая часть письма — об обязанностях мущин и женщин, — начиная с 4-го азбаца (со слов «Призвание всякого человека»...) — была напечатана в «Русском богатстве» 1886 г., № 5—6. Отрывки из первой части письма помещены в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 37—38. На подлиннике рукой Черткова, случайно на 3-м листке письма, пометка: «М., 18 апрель», — вероятно согласно штемпелю отправления. Датируется расширительно. Возможно, что это большое письмо было написано не в один присест и вряд ли пошло на почту в тот же день.

Поводом к его написанию был, повидимому, гнев Софьи Андреевны на Черткова, вылившийся в письме к нему, о котором упоминает Толстой (см. ниже, прим. 1). Писем от Черткова со времени возвращения своего из Ясной поляны он, повидимому, не получал.

[1] Гнев Софьи Андреевны был вызван напечатанием легенд Толстого «Три старца», «Крестник» и «Много ли человеку земли нужно» в журналах «Нива», «Книжки Недели» и «Русское богатство» (см. письмо Черткова от 6 апреля в комментарии к письму № 105 от 11 апреля). 17 апреля она писала Черткову по этому поводу: «Владимир Григорьевич, я вижу, что вы с произведениями моего мужа обращаетесь как с своей собственностью, несмотря на то, что он всегда напоминает вам о том, что это касается меня. Пока дело касалось *народной* пользы и народного чтения, всё мое сочувствие было на вашей стороне и всегда будет. Но я вижу, что вы взялись благодетельствовать журналам, а этому я совсем не сочувствую... Все *права* переданы мне; к сожалению, я должна вам это напомнить...» (АЧ). В ответ на письмо Черткова, в котором он объяснял причины своих поступков (оно не дошло до нас), Софья Андреевна писала ему уже в совершенно ином тоне. В этом письме, от 14 апреля, она говорила: «Милый друг Владимир Григорьевич, ваше письмо такое доброе, хорошее и искреннее, что оно меня тронуло, и я пожалела, что сделала вам больно. Что это как мы трудно сходимся! А вместе с тем, я повторяю, когда я вижу вас, я вас люблю и всегда вам рада. Но вдруг мне покажется за глаза, что вы хотите мне сделать неприятность, и меня опять взорвет,— не все кротки, а я очень горяча, к сожалению. Теперь я вижу, что неприятное мне вы не хотели сделать, а хотели сделать приятное Оболенскому. В виду этого я понимаю, почему вы дали ему «Много ли человеку земли нужно», так как и Лев Николаевич и все говорят, что для цензуры этого не нужно было, так как именно этот рассказ совершенно безвреден по отношению к цензуре... Вы пишете, что то, что вам больно я сделала,— второстепенно. А по-моему это главное и, конечно, об этом я больше всего жалею. Нам нельзя не сойтись с вами: мы любим и чтим одного и того же человека, который и нас обоих любит. Кроме того, все мои дети — Лева и девочки вас любят, и маленькие тоже. Вы у нас в доме как свой человек и, вероятно, чем труднее, тем прочнее мы сойдемся с вами...» (АЧ). Однако, год спустя Софья Андреевна пришла к убеждению, что они

никогда не сойдутся, и отношение ее к Черткову стало постепенно всё более и более обостряться.

[2] Кто были эти приехавшие из Казани молодые люди, единомышленники Толстого, установить не удалось.

[3] Рукопись, о которой говорит здесь Толстой, — рукопись самого Черткова, — вероятно, начало его работы по английским источникам над книжкой об Эпиктете (см. прим. 2 к п. № 68 от 4—5 июня 1885 г.), законченной только в 1888 г. и вышедшей в свет в изд. «Посредника» в 1889 г. В цитированном уже письме Софьи Андреевны к Черткову от 4 апреля она говорит: «Перед отходом [в Ясную поляну] Лев Николаевич получил вашу рукопись и сунул ее в карман. Он ее просмотрел и говорит, что «кажется, хорошо». В письме О. Н. Озмидовой, написанном после возвращения Толстого из Ясной поляны, во время пребывания ее в Петербурге, в 20-х числах апреля, тоже использованном нами выше, также говорится об этой рукописи: «Лев Николаевич был у меня третьего дня, просил меня передать вам... вашу рукопись, которую он прочел, поправил немного и сказал, что она *очень* хороша, и чтобы вы продолжали ее» (АЧ).

[4] Толстой говорит о статье Л. Е. Оболенского «Лев Толстой о женском вопросе, искусстве и науке», напечатанной в «Русском богатстве» 1886 г. № 4. В ней Оболенский полемизировал с направленным против Толстого издевательским фельетоном Скабичевского, написанным по поводу последней главы — «Женщинам» — в статье «Так что же нам делать» («Мысли, вызванные перепиской» — в XII т. соч. Толстого изд. 1886 г.) и появившимся в газете «Новости» 1886, № 91.

[5] О семейной драме Фейнерманов см. ниже, письмо № 111 от 28—29 июня 1886.

[6] *Зачеркнуто:* особенности мужских и женских доблестей и пороков и вытекают

[7] Получив это письмо, Чертков переписал всю ту часть его об обязанностях мужчин и женщин, которая имеет характер законченной статьи, и послал ее Толстому с просьбой разрешить напечатание ее. Она-то и появилась, с некоторыми исправлениями Толстого, в «Русском богатстве» 1886 г., № 5—6 — под заглавием «Труд мужчин и женщин. Выдержки из частного письма». В первоначальной же редакции текст этого письма, от слов «Призвание всякого человека», но с пропуском нескольких фраз в двух последних абзацах, был позднее напечатан в книжке «О половом вопросе. Мысли Л. Н. Толстого», изд. «Свободного слова», Christchurch, 1901.

108.

1886 г. Апреля 22—23. Москва.

Посылаю вамъ обратно Гуса.[1] Кажется такъ хорошо. Посылаю еще финляндскіе деревенскіе разсказы,[2] изъ к[оторыхъ] первый — Попутчикъ — очень хорошъ. Его слѣдуетъ напе-

чатать. — Прилагаю письмо Веселовскаго,[3] чтобы вы написали ему по адресу — чтобъ онъ согласился. Напишите отъ моего имени и благодарите отъ меня за присылку. Выписку о женскомъ трудѣ я еще пересмотрю, тогда напишу.

Л. Т.

Напечатано полностью в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 38. Письмо написано на полулистке розовой почтовой бумаги высокого качества и небольшого формата, вероятно, оторванном от какого-нибудь полученного женского письма. На нем рукой Черткова проставлено: «М. 23 апрель 86». Так как Чертков обычно исходил в этих пометках из штемпеля отправления, датируем расширительно.

Судя по последней фразе письма — относительно «выписки о женском труде», оно было написано в ответ на то несохранившееся письмо Черткова, в котором он просил у Толстого разрешения напечатать эту выписку из его предыдущего письма (см. № 107 от 17—18 апреля и прим. 7 к нему).

[1] «Иван Гус» — исторический рассказ Александра Александровича Эрленвейна, учителя Ясно-полянской школы, напечатанный в сборнике «Из «Ясной Поляны» (журнала гр. Л. Н. Толстого). Рассказы для семьи и школы. Под редакцией А. Эрленвейна. Тифлис, 1880» (изд. 2-е, Спб., 1884 г.) Рассказ Эрленвейна уже был выпущен отдельно в 1884 г. в серии «Народная библиотека» В. Маракуевым. Судя по выражению Толстого «кажется, так хорошо», нужно думать, что Толстой, подготавливая этот рассказ для «Посредника», сделал в нем некоторые поправки. Рассказ был напечатан в том же году с рисунками Л. К. Дитерихса под заголовком: «Иван Гус. Рассказ А. Эрленвейна. Из «Ясной поляны» гр. Л. Н. Толстого». Изд. «Посредника», М., 1886.

[2] Финляндские деревенские рассказы, о которых говорит Толстой, — рассказы финского писателя Петра Пэйверинта (Päivärinta, 1827—1913), представителя группы финских народных писателей, выдвинувшихся в последнюю четверть XIX в. и отличающихся свежестью реалистического изображения жизни и природы и юмором. Первая повесть Пэйверинта «Моя жизнь» вышла в свет в 1877 г. Главные рассказы его собраны под общим заглавием «Elämän havainnoi» («Наблюдения из жизни», 1880—1884). Упоминаемый здесь Толстым рассказ «Попутчик» — о лицемерии и черствости лютеранского духовенства — прошел цензуру с большими затруднениями и был издан с значительным запозданием под заголовком «Попутчик». Рассказ. Изд. «Посредника», М. 1887 г. (дозв. ценз. в Варшаве 28 ноября 1886 г.) В дальнейшем «Посредник» издал и другие рассказы Пэйверинта: «Выселок», «Загубленная жизнь или исповедь пьяницы», «Первый мороз».

[3] Установить, о каком Веселовском идет здесь речь, не удалось. В письмах Черткова к Бирюкову за лето 1886 г. (одно — без точной даты, другое от 30 августа) о Веселовском, без указания его имени и отчества, говорится, как и в настоящем письме Толстого, в связи с книжкою

расказов Пэйверинта и, в частности, с рассказом его «Попутчик» (АЧ). Судя по этим письмам, Веселовский рекомендовал эти рассказы для переиздания в «Посреднике» и оказывал содействие прохождению «Попутчика» через цензуру.

* 109.

1886 г. Мая 10. Я. П.

Если вы выѣзжаете 12-го, то это письмо не застанетъ васъ. Все таки пишу, чтобъ сказать, что вы не напрасно потрудились написать ваше длинное мнѣ письмо. Я совершенно согласенъ съ изложеннымъ въ немъ. Тамъ есть новое для меня: именно о любви какъ къ самому себѣ. Мнѣ это представляется совершенно вѣрнымъ, а главное, это самое и разъясняетъ вопросъ о правдивости. Я только не соглашался съ тѣмъ, чтобы правило: говори всегда правду можно было поставить наравнѣ съ другими заповѣдями Х[риста]. Это правило, какъ правило, стоитъ гораздо ниже, и какъ правило не можетъ даже быть выражено; но какъ условіе — непремѣнное — служенія Богу, оно уже не правило, а самая сущность ученія и стоитъ даже выше заповѣдей 5-ти.[1] Я есмь жизнь, путь и истина. И потому христіанинъ не можетъ, не долженъ отступать отъ истины. Истина есть conditio sine qua non [2] его жизни. И потому, когда говорятъ про истину, про правдивость, какъ про практическое правило, выходитъ недоразумѣніе. Все равно, какъ сказать: ты долженъ всегда дышать. Какъ только скажутъ такъ, а не такъ, что ты не можешь жить безъ дыханія, такъ сейчасъ могутъ быть вопросы. А какъ же, когда я задумаюсь или прислушиваюсь,— долженъ я дышать или не долженъ? Истина, правдивость есть само ученіе, и потому кто живетъ ученіемъ, тотъ будетъ стремиться къ истинѣ и бояться всякаго отступленія отъ нея. Правило же это не можетъ заставить быть правдивымъ. Ну, да если нужно (но совсѣмъ и не нужно намъ съ вами), поговоримъ при свиданіи, к[отор]ому очень радуюсь. Разумѣется, очень радъ буду и Спенглеру.[3] Завтра, 11-го, жду моихъ изъ Москвы, а 12 Кузминскихъ. Мое уединеніе двухнедѣльное кончилось. Но и то и другое хорошо. Я, слава Богу, живъ духомъ и тѣломъ, чего и вамъ желаю.

Л. Т.

Полностью печатается впервые. Отрывок, с значительными искажениями, был напечатан в СК, вып. II, стр. 101—102, под заглавием «Прав-

да». На подлиннике рукой Черткова помечено только: «Я. П.». Как по архивному номеру, так и по содержанию письма, отвечающего на письмо Черткова от 5—6 мая 1886 г., можно с уверенностью заключить, что оно относится к маю 1886 г., точная же дата его устанавливается словами письма: «завтра, 11-го».

В упомянутом письме Черткова, от 5—6 мая, из Лизиновки, он говорит (цитируем с значительными сокращениями): «Давно я вам не писал, дорогой Л. Н., а наше свидание в Москве было такое мимолетное. Все эти дни здесь я был занят Ростовцевым и экзаменами в нашей и трех соседних школах... В особенности меня интересует возможное применение начала *не насилия*, и очень отрадно видеть, как некоторые учителя начинают в виде опыта, без надежды на успех, и понемногу к своему удивлению убеждаются в том, что можно и хорошо обходиться без принуждения и наказаний. А каждый шаг в этом направлении ведь дорог, даже и тогда, когда производится он в обстановке неправильного и внешне организованного школьного дела. — Вчера приехали, здесь переночевали и сегодня уехали к Н. Д. Кившенко Анна Константиновна [Дитерихс] и Озмидова. Они рассказывали про свое свидание с вами в Ясной... Рассказали мне Анна Константиновна и Ольга Николаевна про разговор с вами, вызванный вопросом Павла Ивановича о том, хорошо ли прибегать к неправде из любви к человеку. Как ни хотелось бы мне во всем быть с вами согласным, но не нахожу возможным в этом с вами согласиться. И я как-то чувствую, что вы в этом согласитесь со мною. Мне кажется, что вопрос этот гораздо глубже забирает, чем кажется, когда разбираешь отдельные *частные* случаи. И притом уверяю вас, что я вовсе не смотрю на него со стороны чистоты своей совести, или с узко-пуританской точки зрения. Я даже думаю, что о нем не стоило бы вовсе говорить, если вопрос ставится так — хорошо или дурно поступил человек, солгав ради спасения ближнего напр. от смерти... Действуя под влиянием сильного чувства человек часто становится невменяем по отношению к своим приемам. Если человек рассердится так, что потеряет рассудок и в минуту исступления убьет человека, то он виноват не в том, что убил, это он сделал в состоянии невменяемости, а в том, что допустил себя до такого состояния гнева. Точно так же, если под влиянием порыва любви и жалости человек сказал неправду, то он не виноват в том, что сказал неправду, он был в состоянии невменяемости, он был не виноват, а прав в том, что им овладел этот порыв сострадания, любви. Но совсем другое дело, если в минуту полного душевного равновесия мы в принципе признаем, что в простых случаях должно солгать и что можно это сделать, не нарушая правды божьей. Для этого приходится признать, что есть добро высшего разряда, есть низшего, и что следует нарушать низший разряд добра, когда хочешь исполнить высший. А единственным мерилом для такой классификации является наше соображение о том, что поведет к лучшим результатам, а этого мы *никогда* не можем вперед определить. Хорошо, если вы на этом остановитесь и не будете выводить дальнейших, неизбежных выводов из такого допущения, но ведь другой пойдет дальше. Явится у него потребность последовательности, явятся в его уме (именно в уме, потому что я говорю о признании принципа) другие случаи совершенно анало-

тичные, но более сомнительные; и если он не решится признать, что ложь *всегда* зло, то он неизбежно будет доведен до того, что цель оправдывает средства, и будет подкошено самое основание и сила учения Христа, которое всё основано на средствах, а не на достижении определенной цели... То, что я говорю, не есть отвлеченная, холодная, головная теория. Напротив того, на каждом шагу приходится сталкиваться с тем или другим видом лжи, допускаемой ради того, в чем предполагают выгоду божьего дела. Да неужели же добро и правда сами по себе не могут за себя постоять всегда, во всех случаях, неужели для их торжества бывает необходимо, желательно прибегнуть к обману, к искажению самой истины, к введению людей в заблуждение? Я этого признать не могу... ибо чувствую, что еслиб я это сделал, то неизбежно принужден был бы признать всё, что вытекает дальше. Тогда уже без всякого сомнения одного человека следует убить ради спасения десятков тысяч. Уж одно то, что ложь для спасения своей собственной жизни в принципе гораздо труднее допустить, уже одно это указывает на то, что нельзя в принципе признать правоту лжи для спасения ближнего, которого мы должны любить, как самого себя. Фрей, например, говорит: «Христос говорит: люби ближнего, как самого себя; а мы говорим — люби ближнего больше самого себя». И он думает, что этим он поднимает выше Христа. Между тем эти слова или вовсе не имеют смысла, или же имеют смысл самый ложный, пагубный. Как Свешникова мне объяснила, что есть случаи, когда должно поступиться своею совестью. И они думают, что здесь вопрос о какой-то аристократической собственной, личной чистоте. Но это вовсе не так — какая там чистота, когда ежедневно, ежечасно думаешь и делаешь вещи без всякого сравнения хуже, чем это! Здесь всё исчерпывается словами Христа, сказанными в ответ на самый существенный вопрос, который только можно сделать, и, по мне, разрешающими этот вопрос по существу так глубоко и полно, как невозможно лучше: Люби Бога всем существом своим, всею душою, и ближнего, как самого себя. И это одно и то же, и одно другому никак не может противоречить, несмотря на кажущиеся противоречия в частных случаях, где мы увлечены каким-нибудь сильным чувством. Что я в себе люблю больше всего, что ставлю выше всего, за что желал бы быть готовым всякую минуту умереть? Свое сознание вечной божьей правды, истины — бог. Почему? Потому что я знаю, что это жизнь вечная, всё обобщающая, что в этом мы все едино. Зачем же я отрекусь от этого сознательно, хладнокровно, когда вопрос коснется временной жизни, личной, одного человека? Если я сделаю это в минуту увлечения, невменяемости, то... могут просмотреть это пятнышко. Но имею ли я право выставлять это, как положительное добро?» — Не окончив письма 5 мая, Чертков на следующий день продолжает: «Вчера вечером я заговорил с вами по поводу «лжи во спасение», как называет это православная церковь... Если вы будете со мною не согласны, то я в свободное время постараюсь формулировать обстоятельнее то, что чувствую и думаю по этому поводу, потому что вопрос этот у меня очень близко к сердцу... В учении Христа мы постоянно имеем перед собою ясное, определенное указание пути, и сколько бы мы ни спотыкались и ни падали бы, мы всегда можем опять встать на ноги и продолжать по этому пути. Но важно,

чтобы самый путь не затемнялся, нигде не становился бы для нас сомнительным, запутанным. Теперь скажу вам, какие случаи практические представились мне в течение этих последних дней, в которых бы пришлось совсем сойти с прямой дороги, если признать правду маленькой лжи: Озмидова пишет о древних христианах. Отец ее утверждает, что они напрасно подвергались казням за то, что не хотели отречься словесно от Христа. Он говорит, что по поводу слов не стоит и не следует подвергать себя лишению жизни. Ошибочность такого взгляда для меня очевидна. Примените его к окружающим нас теперь обстоятельствам, и при первом столкновении, грозящем серьезным стеснением, каждый из нас будет отрекаться на словах от того, во что он верит. Жить и говорить правду мы будем исподтишка. В таком случае и молодой Сютаев, и Залюбовский заблуждаются, отказываясь от внешнего признания, от исповедания войны... Подобный же случай недавно возник среди соседних крестьян, о которых я вам говорил, что их преследуют за веру в Евангелие. Для устранения неприятностей, весьма и весьма для них существенных, они прибегали к обману, к введению своих врагов в заблуждение. Они сами чувствуют, что это нехорошо, у них являются сомнения. Неужели следует стараться заглушать в них эти сомнения, научая их тому, что бывает добро разных степеней и что соображение о более важной пользе покрывает отступление от правды в мелких случаях». В заключении письма Чертков говорит: «12-го мы думаем выехать отсюда. Мне очень хотелось бы заехать к вам в Ясную и, если можно, с молодым Спенглером, который кончил свою школу и собирается работать с крестьянами летом. Но сейчас здесь нет никаких полевых работ, и он очень хотел бы воспользоваться этим, чтобы еще раз повидаться с вами и познакомиться с Файнерманом...»

[1] *Слова:* и стоит даже выше заповедей 5-ти *вписаны* поверх строки.

[2] Непременное условие.

[3] О Ф. Э. Спенглере см. прим. 4 к п. № 4 от 17 февраля 1884 г. Приехал ли он вместе с Чертковым в Ясную поляну в мае 1886 г., установить не удалось.

* 110.

1886 г. Мая 27—28. Я. П.

Получилъ ваше письмо, милый другъ, и очень радъ былъ ему. Мое — пожалуй не застанетъ васъ въ П[етер]б[ур]гѣ. Мы живемъ хорошо. Продолжаю понемногу работать — больше теперь руками, чѣмъ головой, такъ какъ больше тянетъ къ этой работѣ. Кромѣ того много гостей. Былъ Озмидовъ, Грибовскій, Мар[ья] А[лександровна] Шмитъ и Сосновскій [1] и теперь тутъ. Озмидову я былъ очень радъ. И мнѣ очень хорошо б[ыло] съ нимъ. Я радъ тоже тому, что въ моихъ домаш-

нихъ разрушилось предубѣжденіе къ нему. Грибовскій очень молодъ. Это главное, что надо помнить о немъ, и еще то, что первое пробужденіе его душевной дѣятельности было революціонное — такъ называемое научное. Какая это страшная чума! Тоже и еще въ гораздо большей степени съ Сосновскимъ. Мы часто обманываемся тѣмъ, что, встрѣчаясь съ революціонерами, думаемъ, что мы стоимъ близко рядомъ. Нѣтъ государства — нѣтъ государства, нѣтъ собственности — нѣтъ собств[енности], нѣтъ неравенства — нѣтъ неравенства и мн. др. Кажется, все одно и тоже. Но не только есть большая разница, но нѣтъ болѣе далекихъ отъ насъ людей. Для христіанина нѣтъ государства, а для нихъ нужно уничтожить государство; для хр[истіанина] нѣтъ собственности, а они уничтожаютъ собст[венность]. Для христіанина всѣ равны; а они хотятъ уничтожить неравенство. Это какъ разъ два конца несомкнутого кольца. Концы рядомъ, но болѣе отдалены другъ отъ друга, чѣмъ всѣ остальныя части кольца. Надо обойти все кольцо для того, чтобы соединить то, что на концахъ.

Помѣшали мнѣ писать это письмо Сосновскій съ Файнерманомъ. Они пришли съ деревни (Сосн[овскій] жилъ 2 дня у Файнер[мана]), и мы очень хорошо поговорили. Я между прочимъ прочелъ Сосн[овскому] то, что пишу о немъ. Онъ мнѣ очень понравился. Доброты въ немъ много. Сейчасъ онъ уѣзжаетъ. Если вы переписали начало разсказа о мужикѣ и мальчикѣ[2] (изъ моихъ бумагъ; очень измаранная), то пришлите мнѣ ее. Я нынче о ней думалъ. Можетъ быть, удастся написать. Очень меня занимаетъ теперь не только Будда, но и Браманизмъ,[3] и Конфуцій,[4] и Лаодци.[5] Можетъ быть, ничего не выйдетъ, а можетъ быть выйдетъ что-то, о чемъ не стану писать, п[отому] ч[то] въ письмѣ не разскажешь.[6] У насъ нынче набралась куча гостей — молодежь, Сережа[7] пріѣхалъ, Кузминскій,[8] и заливаетъ море пустоты и соблазновъ дѣтей, и они отдаются, а я борюсь хоть не съ соблазнами, но съ досадой на тѣхъ, кто ихъ вводятъ. — И надѣюсь, что Богъ поможетъ. Съ особенной любовью думаю въ такія минуты о васъ и всѣхъ мнѣ близкихъ. Пишите почаще, милый другъ. Поклонитесь отъ меня вашей матери. Сосновскій просилъ очень вамъ кланяться. Мои всѣ васъ любятъ и помнятъ.

Полностью печатается впервые. Отрывок, с некоторыми искажениями, напечатан в СК, вып. II, стр. 69—70. Другой небольшой отрывок напе-

чатан в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 38, где письмо неправильно отнесено к началу мая. На подлиннике рукой Черткова помечено: «Я. П., начало июня 86». Письмо это, адресованное в Петербург, было переслано Черткову в Англию, вероятно, без конверта Толстого, и о дате отправления из Ясной поляны Чертков судил приблизительно. Датируем, исходя из того соображения, что в письме от 24 мая Чертков сообщает, что отъезд его в Англию намечен на пятницу будущей недели, т. е. на 30 мая 1886 г., а Толстой, отвечая ему в настоящем своем письме, выражает опасение, что ответ этот уже не застанет его в Петербурге.

Разнообразное содержание этого большого письма Черткова, от 24 мая, не отражается непосредственно на ответном письме Толстого. Но оно заключает в себе отчасти живые отголоски их недавнего свидания в Ясной поляне, наметившего некоторые новые шаги для дальнейшей деятельности «Посредника», которая одинаково интересовала их обоих, и вместе с тем рисует всё новые и новые трудности, возникающие для этой деятельности со стороны властей. Приводим из этого письма всё наиболее существенное: «В Москве я не застал Островского — он выехал в деревню, — пишет Чертков. — Я поручил И. И. Петрову, который между прочим собирался к вам в Ясную вместе с М. А. Шмидт [о Петрове см. ниже прим. 3 к п. № 125 от 17—18 декабря 1886 г.], доставить заказною посылкою в деревню Островскому ваше письмо с экз. Полного собрания сочинений. [О письме Толстого к А. Н. Островскому см. ниже, прим. 1 к п. № 121 от 10—11 ноября 1886 г.] С своей стороны я написал Островскому, указывая на те две его вещи, которые мы хотели бы напечатать для начала. Златовратского я застал. Он был очень рад получить ваше предисловие, которое мы и прочли вместе в присутствии И. И. Петрова. Последнему содержание было очень сочувственно. С Златовратским же у меня завязался спор. Он говорит, что от вас ожидают изложения *общественной деятельности*. Он говорит, что Бондарев ставит вопрос именно на общественную почву, а что вы держитесь личной. Ну, разумеется, я говорил о том, что корень зла лежит не в общественных или других наружных формах, а в сознании людей и что, развивая наше собственное личное сознание в истинном направлении и проводя его в делах, мы неизбежно участвуем в поступательном движении, которое само собою отразится в свое время и в наружных государственных и др. формах. А что, борясь с одними формами, мы упускаем из виду источник зла, который и будет процветать и в нас самих, и вокруг нас... — Сюда приехал Чистяков из Динабурга. Он распространил там громадное количество книг и навлек этим на себя нарекания. А потому счел удобным уехать на некоторое время. Друг его, офицер Дицкевич, также распространявший наши книжки среди солдат, лишился поэтому своей «образцовой» роты и получил другую, в которой он уже усиленно распространяет наши книжки. Он читает ваши рукописные сочинения, привлекается ими и собирается оставить военную службу и зажить работою среди крестьян... — В дороге сюда я прочел ваш дневник. Не могу вам сказать, дорогой Лев Николаевич, сколько пользы и поддержки я получил из него. Для меня стало так очевидно и ясно, что как женщина в муках рождает ребенка, так и для нас всякие самые тяжелые страдания ведут к нарождению в

нас нового и большего, полнейшего сознания истины божьей. Если бы вы не прошли через всё то, через что прошли, то были бы теперь слабее и более односторонним. — Не стану говорить вам, какое отрадное впечатление я вынес от своего последнего пребывания с вами. Я всегда уезжаю от вас с сознанием прибыли и подкрепления, а приезжая к вам, я всегда поражаюсь величиною тех шагов, которые вы успели сделать вперед. — Я также много думал о тех трех «рассуждениях», которые вы чувствуете потребность написать. Мне кажется, что теперь больше, чем когда-либо, настало время изложить чистое понимание учения Христа не в форме автобиографической и полемической, как в «В чем моя вера», а в виде простого непосредственного обращения к читателю... Следовало бы взять Евангелие и в особенности Нагорную проповедь, как канву, рамку, и затем высказать всё, что вы имеете сказать и о любви, как корне всего хорошего, и о женщинах, и о современных формах истязания людей... Эта новая книга читалась бы всеми и перед всеми ставила бы ребром вопрос жизни... Раз вы имеете еще что́ сказать, раз вы чувствуете в себе эту потребность, то лучше прямо возобновляйте учение Христа во всей его силе, а не касаясь в отдельных статьях только отдельных его составных частей. Постоянное сравнение этого учения с окружающею нас действительностью во всех ее формах, обнаруженное с тою искренностью, горячностью, любовью, увлекательностью, которыми вы одни располагаете, — такое обращение открыло бы глаза многим... Как вы правы в вашем предисловии к Бондареву [о статье Т. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство», — см. прим. 2 к п. № 74 от 13—14 июня 1885 г.] о том, что в любви к богу, к ближнему, как к себе, — всё, и что прибавлять к этому ничего нельзя. Без преобладающей любви к богу я не могу любить ближнего, т. е. всякого человека, а могу любить только того, кто мне нравится. С другой стороны без преобладающей любви к богу я бы слишком много любил того, кто мне нравится в ущерб другим; т. е. любил бы не проявление божества во всех людях, а любил бы сочетание частных условий, составляющее отдельную личность». В большой приписке к этому своему письму, на отдельном листке, Чертков говорит: «Если увидите Озмидова, то не можете ли сговориться с ним относительно того, чтобы он в Москве переселился, если будет продолжать жить в Москве, куда-нибудь подальше от типографии Сытина и не входил бы по возможности в личные *деловые* сношения с Сытиным и его конторою... В Москве я узнал еще кое-какие факты, указывающие на то, что близость Озмидова к типографии навлекает внимание, и... может прямо навлечь такие обстоятельства, которые неожиданно и сразу прекратят возможность дальнейшего издания наших книжек... Мне кажется, что мы должны делать возможное для устранения и предупреждения невыгодных наружных обстоятельств, когда это в наших руках, и мы можем, как в данном случае, сделать это, не изменяя нашим убеждениям... — Рассказ Гаршина «Царь Аггей» не разрешен в отдельном издании, так как знают, что он предназначался для нас, хотя сам Феоктистов говорит, что рассказ сам по себе прекрасен и не содержит ничего предосудительного. — Я слышал, что учреждена комиссия для изобретения средства для затруднения обращения книг в народе. Говорят, что хотят завести особое

клеймо для народных книжек, т. е. вторичную особенно строгую цензуру».

Николай Николаевич Златовратский (1845—1911), о котором говорит здесь Чертков, — писатель-народник, автор «истории одной деревни» под заглавием «Устои», очерка «Деревенские будни» и др. произведений, представляющих собой сочетание беллетристики, этнографии и статистики и печатавшихся в «Отечественных записках». Был знаком с Толстым, который в Дневнике 1884 г. от 24 марта пишет о нем: «Пришли Златовратский и Маракуев. Златовратский — программу народничества. Надменность, путаница мысли и плачевность мысли поразительны». В письме к Златовратскому от 20 мая 1886 г., которое повидимому было передано ему в Москве Чертковым вместе с предисловием к сочинению Т. М. Бондарева, Толстой говорит: «Много встречаю людей, напоминающих мне того пьяницу-портного, которого вы мне читали. Это верный признак, что образ художественный, настоящий. Кончили ли вы? Дайте это в «Посредник». Вам и бог велел быть одним из лучших сотрудников». Однако сотрудничество Златовратского в «Посреднике» в ближайшее время не состоялось. Много позднее — в 1892 г. и позже — «Посредником» были изданы его рассказы «Искра божия», «Белый старичек», «Деревенский король». — О Чистякове из Динабурга и офицере Дицкевиче, навлекших на себя неудовольствие властей распространением книжек «Посредника», в редакции сведений не имеется. Известны и другие, аналогичные случаи гонений на книжки «Посредника». Так Н. Д. Кившенко пишет Черткову 14 июля 1886 г.: «Получены известия из Твери, что жандармы велели снять с выставки книжки «Посредника». Один учитель пишет, что эти книжки навлекли на него подозрения начальства» (АЧ). — Феоктистов, Евгений Михайлович, — с 1883 до 1896 г. начальник Главного Управления по делам печати. — Какие «три рассуждения», упоминаемые Чертковым, чувствовал потребность написать в то время Толстой, установить не удалось.

[1] Михаил Иванович Сосновский (1863—1925?) — народоволец, сын учителя, родился в Полтаве. Учился в петербургском университете. В 1881—1883 гг. работал в студенческих кружках: в 1885—1887, в период знакомства с Толстым, был участником петербургской террористической группы. В 1887 г. в связи с покушением на Александра III был арестован и в 1888 г. сослан в Восточную Сибирь. Пробыл в ссылке восемь лет. Сотрудничал в газете «Восточное обозрение» и журнале «Русское богатство». В 1917 г. был видным деятелем в партии с.-р. в Туркестане. Дальнейшая судьба его неизвестна.

[2] Толстой говорит о его, взятой Чертковым для переписки, небольшой неозаглавленной рукописи, «начинающейся словами: «Жил в селе человек праведный, звать его Николай...», которая печатается в т. 26 настоящего издания. Рассказ остался ненаписанным.

[3] Браманизм или, по новой научной транскрипции, брахманизм — социальная и религиозно-философская система индусов, постепенно сменившая в IX—X вв. до н. э., с закреплением в Индии господства завоевателей - арийцев, более древнюю религию — ведаизм, с его многочисленными богами, населяющими природу и управляющими ее явле-

ниями. Священные книги этого древнейшего периода, Веды, представлявшие собою собрание религиозных песнопений, мифологических отрывков, богослужебных формул и разъяснений различных обрядов, перешли и к брахманизму, который, оставляя массе ее старых богов, придал из них особое значение Брахме (в старой транскрипции — Браме). Выделившиеся из Вед особые сборники мудрых изречений, размышлений и притчей — Упанишады («сокровенное знание») — концентрируют в себе философию брахманизма. По учению Упанишад, мир со всеми его страстями и бедствиями призрачен, реальным является только Брахма, безличное верховное божество мира, к слиянию с которым должна стремиться всякая индивидуальная душа («атман»). Иллюзии мира держат ее в плену и порождают ее уродства, грехи, за которые она несет возмездие, перевоплощаясь после смерти в всё новые и новые существа — людей или животных, пока не прозреет истины, не очистится и не познает своего тождества с безличным началом мира, Брахмою. Познавшие же истину достигнут уничтожения своего индивидуального существования и сольются в Брахме, «как реки в океане», и будут пребывать в неизъяснимом блаженном состоянии, которое можно уподобить сну без сновидений. Но эта философия брахманизма оставалась в Индии философией для немногих. Жрецы брахманизма — брахманы (по старой транскрипции — брамины) держали массу в повиновении вульгаризированной догмой о посмертном возмездии, связанной с бесконечными обрядностями и учением о вековечном разделении народа на четыре замкнутые в себе касты, — учением, которое на тысячелетия закрепило экономически-сложившийся в то время классовый строй индусов, предоставляя господствующее положение высшему классу — брахманам. — Философия и основанная на ней этика Упанишад, как и одна из позднейших философских систем брахманизма, так называемая Веданта, имеющая выдержанный идеалистический характер, а также различные глубокомысленные сказания в поэтическом творчестве индусов, с которыми Толстой не переставал знакомиться по немецким, французским, английским и частью русским источникам до конца жизни, несомненно, увлекали его. В «Круге чтения» мы находим ряд изречений и поэтических отрывков, почерпнутых из этих источников. Что же касается учения брахманов, обращенного к массам, то он относился к нему так же отрицательно, как и к христианской догматике, и в своей незаконченной работе «Сиддарта, прозванный Буддой» говорит о лживости и корыстолюбии брахманов, которые «стали вводить в учение о воле бога», написанное в сердцах всех людей, «много лишнего, ненужного и вредного для людей, но полезного для них» и установили «разделение людей на разные породы, уверив людей всех, что это делается по воле Бога».

[4] О Конфуции см. прим. 1 к п. № 5 от конца февраля 1884 г.

[5] О Лао-тзе см. прим. 2 к п. № 8 от 11 марта 1884 г.

[6] В дальнейшем Толстой однако изложил Черткову тот план задуманной им работы, о котором он говорит здесь, что его «в письме не расскажешь» (см. п. № 112 от 15—16 июля 1886 г.).

[7] Судя по письму Черткова от 10 июня (см. комментарий к п. № 111 от 28—29 июня) речь идет здесь о Сергее Львовиче Толстом.

[*] Зять Софьи Андреевны, Александр Михайлович Кузминский.

Отвечая на это письмо Толстого 10 июня, уже из Лондона, Чертков говорит: «Я получил вчера ваше письмо, которое вы написали, когда у вас был Сосновский. И я был особенно рад, потому что давно не получал от вас вестей, и так хотелось знать, что и как с вами. — Вы, вероятно, уже получили начало рассказа «о мужике и мальчике» вместе с оригиналом, которые я вам отправил по почте еще раньше своего выезда из Петербурга... Отрывок этот мне ужасно понравился. Что придает ему особенный интерес, это то, что введены не только простые крестьяне сами по себе, но и захвачен уголочек той «рамки», в которой они живут, в лице старшины и священника, которые выступают в высшей степени рельефно и характерно. А это так важно. Оно придает рассказу больше полноты и интереса. Как рад я буду, да и не я, а все, ценящие ваши рассказы, если вам бог когда-нибудь положит на сердце написать такой рассказ, о каком мы говорили последний раз, где бы действовали не только крестьяне, но и все люди, с которыми им приходится сталкиваться в жизни. — Я совсем согласен с тем, что вы пишете про отдаление революционеров от нас. Это действительно так и есть. Но почему-то некоторые революционеры искренние, и в особенности молодые, как-то особенно привлекают меня к себе и вселяют особенно сильное желание перетянуть их на нашу сторону. Это не желание пропаганды или прозелитизма, а чисто сердечная симпатия».

*111.

1886 г., Июня 28—29. Я. П.

Простите, простите, милый дорогой другъ, что не писалъ вамъ и тревожилъ васъ своимъ молчаніемъ.[1] Причина та, что все это время работалъ въ полѣ и очень уставалъ. Нынче цѣлый день хочу отдохнуть. Спасибо вамъ за ваши письма и ко мнѣ, и къ Левѣ, и къ Спенглеру и Кившенко, я переслалъ тѣ, к[оторыя] нужно б[ыло] переслать.[2] Судя по тому, какъ мнѣ — теперь не одинокому — радостно получать ваши письма, я знаю, какъ вамъ пріятны мои. — Жизнь моя съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали, вотъ какая: сначала, пока была пахота и навозная возка, я не цѣлые дни былъ въ полѣ, а утромъ занимался — преимущественно статьей о государственной власти, к[оторую] я началъ съ разсказа солдата;[3] но потомъ пришелъ покосъ, и я цѣлые дни былъ въ полѣ. Дѣти — мальчики и дѣвочки, особенно Илья и Маша, упорно и религіозно работаютъ. И другіе работаютъ на покосѣ, но больше изъ молодечества силы, но и то очень хорошо и очень меня радуетъ.[4] Пріѣзжали въ это время Бирюковъ, Мар[ья] Алекс[андровна].[5]

Эти работали тоже. Потомъ Сибиряковъ [6] съ Миролюбовымъ [7] и Орловымъ. [8] И эти посѣтители были мнѣ очень радостны, въ особенности Сибиряковъ. Онъ искренно любитъ истину христіанскую и идетъ къ ней. Изъ его плана общины вышло то въ нашемъ представленіи, что люди, желающіе трудиться для людей несомнѣнно нужнымъ для нихъ трудомъ, будутъ жить у него — въ Самарѣ и на Кавказѣ и будутъ дѣлами проповѣдовать ученіе Христа — служить другимъ, т. е. пахать, косить, строить тѣмъ, к[оторые] въ этомъ нужда[ются] въ округѣ — какъ я себѣ представляю, будутъ начинать тотъ кругъ, к[оторый] составилъ Х[ристосъ], посадивъ всѣ 5000 на траву и предложивъ имъ одѣлять сосѣдей. Сибиряковъ тутъ тотъ человѣкъ, к[оторый] много принесъ въ корзинѣ для себя и передаетъ сосѣдямъ, чтобъ они передавали другимъ. [9] Не знаю, что Богъ дастъ, но мнѣ представляется, что это не только лучшее средство, но единственная возможность опростать припасенную для себя корзину — т. е. богатство — передавать его не одно, а съ трудомъ любовнымъ человѣка на человѣка. Длинно писать объ этомъ. Сказать хочется многое, но если вы совпадаете съ моимъ взглядомъ, то все дальнейшее покажется вамъ такимъ же, какъ и мнѣ. Продолжаю о посѣтителяхъ: два студента изъ Москвы и одинъ ссыльный, не особенно радостные; Технич[ескаго] Моск[овскаго] училища ученикъ, выходящій изъ училища, гимназисты изъ Тулы, потомъ опять Орловъ съ двумя молод[ыми] людьми, ѣдущими къ Сибирякову. Эти, особенно одинъ изъ нихъ, очень радостны. [10] Огорчительнаго, и то не огорчительнаго, а труднаго за это время было въ моей жизни два случая: 1) это поднявшееся во мнѣ раздраженіе противъ жены, вслѣдствіе ея плановъ новаго изданія, или скорѣе — желчи, и разговоръ, огорчившій ее, заставившій плакать, но къ великой радости моей такой, въ кот[оромъ] я не попустилъ себя на зло и по к[оторому] я вижу, что точно я немного подвинулся впередъ въ ученіи о жизни и ближе къ любви, чѣмъ б[ылъ] прежде. Тэмы разговора б[ыли] тѣ же самыя, какъ и прежде, и предметъ — образъ жизни, воспитаніе дѣтей, сочиненія — также не рѣшенъ и также важенъ для обоихъ, но то самое, что прежде производило злобу, сцены — на нѣсколько дней холодность и враждебность, теперь прошло въ 2 часа времени. —

Другой огорчительный случай — это Файнерманъ и его

жена. Пріѣхала она съ ребенкомъ и его матерью. И онѣ обѣ страдаютъ, плачутъ и злобятся (что хуже всего) за то, что онъ не хочетъ обезпечить ихъ, что онъ не работаетъ за деньги, что у жены и ребенка нѣтъ увѣренности въ томъ, что она будетъ сыта завтра. Все это съ ихъ стороны неискренно (какъ большей частью у женщинъ), необдуманно и, главное, нелюбовно. Я стараюсь сдѣлать, что могу, но не успѣваю. Больно то, что они всѣ страдаютъ, и такъ напрасно. [11] Впрочемъ не отчаиваюсь. Вашъ совѣтъ о моихъ отношеніяхъ съ сыномъ мнѣ очень нуженъ былъ. Большое спасибо вамъ за него. Къ несчастью, онъ не запоздалый, и онъ мнѣ былъ очень полезенъ, и мнѣ лучше стало, когда я почувствовалъ свою вину, и мои отношенія къ С[ережѣ] стали лучше. Отлично дѣлаете, что занимаетесь столярнымъ. Не скучайте и не бросайте. Ге младшій у насъ и работаетъ съ веселостью и добродушіемъ и охотой.

Да, наше столкновеніе с женой такъ хорошо было уничтожено, что на другой же день (это было передъ ея отъѣздомъ въ Москву для новаго изданія) я ей сказалъ самую непріятную для нея вещь, что если дѣлать по моему, то надо напечатать въ газетахъ объявленіе, что права на изданіе я предоставляю всякому, но что если уже дѣлать по ея, то для нея лучше оставить мысли корыстныя и дѣлать для публики, т. е. самое дешевое изданіе. И къ моей радости за нее, она согласилась и начала такое изданіе. [12] —

То, что вы пишете о религіи, — очень справедливо. Я всегда заминаюсь невольно, когда приходится назвать какъ нибудь свое пониманіе жизни. Да именно — пониманіе жизни, ученіе о жизни, а не религія. [13]

Письмо милаго Спенглера меня немножко огорчило. [14] Вы хорошо пишете ему. Онъ мало промѣшанъ (какъ хлѣбъ), онъ сыръ, мало уяснено у него то, что онъ знаетъ. Правда, что что̀ скрыто отъ умниковъ, то открыто младенцамъ, но младенецъ или несмышленный долженъ быть совсѣмъ младенецъ и совсѣмъ несмышленный, а если у него есть въ оборотѣ понятія, к[оторыя] онъ не вполнѣ уяснилъ себѣ, то это неудобно. Мнѣ всегда представляются непрочными вѣрованія человѣка, несоглашенныя съ разумомъ... [15]

Да, еще посѣтитель у меня былъ, Американецъ, путешественникъ, [16] к[оторому] я далъ письмо къ вамъ въ Лондонъ — очень милый — пріятный и искренній человѣкъ, хотя съ раздѣ-

ленной перегородками душой и головой — перегородками, о к[оторыхъ] мы русскіе не имѣемъ понятія, и я всегда недоумѣваю, встрѣчая ихъ. Прощайте, милый другъ, цѣлую васъ.

Л. Т.

Полностью печатается впервые. Небольшой отрывок напечатан в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 38—39. На подлиннике рукой Черткова помечено: «Я. П. 29 июня 1886» — вероятно, согласно штемпелю отправления. Датируем расширительно.

Письмо является ответом на четыре письма из Лондона: одно против обыкновения не датированное, но написанное, как в нем сказано, на следующий день после приезда в Лондон, т. е. в самых первых числах июня, и письма от 7, 10 и 15 июня. В первом из них Чертков передает свои впечатления от семьи Пашковых, к которым он привез свою мать, и сообщает о своем намерении взяться за перевод на английский язык статьи Толстого «Так что же нам делать» и одновременно — начать работу в столярной мастерской, — «как для того, чтобы выучиться чему-нибудь более близкому к хлебному труду, так и для того, чтобы утомить и этим укрепить свою плоть». Следующее письмо от 7 июня, подобно некоторым прежним, имеет характер исповеди, касающейся интимных сторон его жизни. Однако сознание своего несовершенства и наблюдения над собой приводят его в данном случае не к унынию, а к признанию того «неизбежного и нужного порядка вещей, в силу которого всякий раз совершенный грех неминуемо влечет за собой дальнейшие последствия, устранить которые мы уже не в силах. И это нам необходимо, чтобы мы постоянно сознавали, что жизнь в настоящем неразрывно связана с будущим». Затем он сообщает, что книга Толстого «Christ's Christianity» (см. прим. 6 к п. № 18 от 19 мая 1884 г.) расходится, повидимому, с бо́льшим успехом, чем ожидал издатель, но что лица, которым он разослал эту книгу, выражая свою благодарность, по отношению к самой книге ограничиваются лишь несколькими беглыми замечаниями с точки зрения церковной веры или делают на нее довольно обстоятельные возражения того же характера, как и в России. Нашелся однако один англичанин, некто Томас Мэй, который говорит в своем письме, что книга Толстого является для него источником утешения, так как Толстой в своих сомнениях и поисках истинного зерна христианства прошел тот же самый путь, как и он. Это письмо англичанина Чертков переслал Толстому, обещая в дальнейшем переслать ему целый ряд собранных им газетных статей и рецензий по поводу его книги.

Часть письма Черткова от 10 июня, как примыкающая по содержанию к предыдущему письму Толстого и являющаяся ответом на него, была уже цитирована нами (см. комментарий к п. № 110 от 27—28 мая). Далее он сообщает в этом письме о своем свидании с Фреем (см. прим. 3 к п. № 80 от 19—20 сентября 1885 г.): «Я пробыл с ним несколько часов, — говорит он, — и несмотря на самое дружественное свидание, у меня как рукой сняло всякое желание дальнейших споров с ним. Он, мне кажется, совсем погряз в пропаганде... Он занят преимущественно желанием

влиять на других, обращать в свою веру и бороться с теми, которые иначе верят. А потому он, как все пропагандисты, узок и слеп». Два пункта второй половины письма Черткова вызывают ответ Толстого и потому приводим их почти полностью. «Я думаю о слове «религия» и о том, что различные люди подразумевают под этим словом. И я убедился, что каждый под этим разумеет свое, считает себя и своих единомышленников религиозными, а других не религиозными. И я думаю, что много недоразумений было бы устранено, еслиб это слово было уничтожено... И в самом деле то, что мы подразумеваем под религией, не есть особая отрасль человеческих ощущений или понятий. Для нас это всё — разумение жизни, согласие с «учением жизни», как вы это называете в предисловии к Бондареву. Какая же может быть религия в отличие от чего-нибудь другого для нас? Какая может быть религиозная деятельность? Раз приняв учение Христа, это обнимает и наполняет всё... Но собственно «религию» я не понимаю; или вернее, мне кажется, что это понятие искусственное, относительное и потому слово опасное... — Вы пишете, что у вас набралось много гостей, что Сережа вернулся и что вы боретесь с досадою на тех, что вводит в соблазны. Помоги вам бог всё время помнить и чувствовать, что... самый большой соблазн это тот, когда человек, понимающий, что это действительно соблазн, не сдерживает своей досады на людей. А избежать этот главный соблазн, который может испортить так много самого лучшего, сдержать этот-то соблазн — всегда в ваших руках. Вы это знаете гораздо лучше меня; но я всё-таки вам скажу одну вещь, о которой несколько раз хотел вам сказать, да не приходилось. Скажу вам *только*, потому что вас так люблю. Приготовьтесь слышать обличение... Я несколько раз присутствовал при ваших разногласиях с Сергеем. И замечал, что по существу вы каждый раз были правы. Но вы как-то жестоко выставляли эту правду, слишком авторитетно и прибавляя к этому личные обвинения против вашего сына, иногда даже с раздражением. Это опаснее всего. Он не может не чувствовать, что вы правы; но когда вы говорите ему неприятно, то он в этом самом находит предлог в своей душе обвинять вас и считаться квитами. Впрочем, вы такими крупными шагами идете вперед, что, вероятно, это предупреждение запоздалое с моей стороны... Я вообще столькому научился от вашего примера отношения к своим домашним, что, пожалуй, даже не мне делать вам такие указания. Но вы поймете, с каким чувством я это делаю. Для меня так дорого сближение с вами каждого члена вашей семьи, что мне спокойнее рискнуть сказать вам то, что я сказал, некстати, чем промолчать, когда может быть нужно было сказать»... В заключение своего письма Чертков сообщает: «Писарев мне написал про то, что у Сытина случайно были куплены подчеркнутые Евангелия и что это вызвало целую историю, следствие и проч. Он тут, разумеется, не при чем: но несколько упал духом. Он чувствует, что к нему вообще придираются по поводу наших изданий и боится»...

В небольшом письме от 15 июня Чертков говорит, что посылает Толстому два своих письма, которые просит прочесть и переслать адресатам, а затем высказывает некоторое беспокойство по поводу длительного молчания Толстого. Касательно сообщения Черткова о тревожном письме

Писарева (о нем см. прим. 2 к п. № 4 от 17 февраля 1884 г.) нужно отметить, что — не желая, вероятно, волновать Толстого или охлаждать его стремление писать для «Посредника», — он умолчал о заключительной части этого письма Писарева, где говорится, что в виду тревоги, поднятой типографской инспекцией, и начатого следствия, Сытин боится печатать Толстого. Это письмо Писарева, от 28 мая, сохранилось в архиве «Посредника» вместе с другим его письмом, от 17 июня, где он выражается в указанном направлении еще определеннее: «Видимо наступило гонение на произведения Толстого, и это гонение заставляет и Сытина призадуматься, может быть, и временно, над дальнейшим печатанием новых его произведений... Зловещие признаки появляются, и Сытину приходится с ними считаться» (АЧ).

[1] Толстой говорит о письме Черткова к Льву Львовичу, в котором, беспокоясь молчанием Толстого Чертков просит написать о нем.

[2] Повидимому, речь идет о письмах Черткова к Ф. Э. Спенглеру (см. прим. 4 к п. № 4 от 17 февраля 1884 г.) и к Н. Д. Кившенко (см. прим. 1 к п. № 79 от 14 сентября 1885 г.).

[3] Толстой, очевидно, говорит о своей статье «Николай Палкин», начатой в записной книжке под впечатлением беседы с 95-тилетним солдатом во время пешеходного путешествия в Ясную поляну, или же о приложении к ней, известном под заглавием «Что можно и чего нельзя делать христианину». В незаконченном виде «Николай Палкин» был привезен в Петербург Бирюковым, ездившим в Ясную поляну уже в первой половине июня: Петр Апурин, служивший в книжном складе «Посредника», в письме к Черткову от 15 июня говорит: «Павел Иванович привез нам рассказ Толстого «Николай Палкин», еще не готовый» (АЧ). О напечатании как «Николая Палкина», так и послесловия к этой статье в России не приходилось и думать. Статья была напечатана впервые у Элпидина в Женеве, в 1891 г., затем в изд. Черткова в Англии вместе с сказкой «Работник Емельян и пустой барабан» и былью «Дорого стоит» в 1904 г. Вошла также в «Полн. Собр. соч. Толстого, запрещенных в России» изд. Черткова. В России же была напечатана только в 1906 г., а затем в 1917 г., в издании Толстовского музея в Петербурге.

[4] Всё это лето Толстой напряженно вел полевую работу, взяв на себя тягло крестьянки-вдовы Анисьи Копыловой и вытянув его до конца. Ближайшими его помощниками были дочери Татьяна и Марья Львовны, из которых последняя всё более отходила от прежней жизни, окончательно склоняясь в идеологических разногласиях между отцом и матерью на сторону отца, и всё более уходила, как по убеждению, так и по влечениям сердца, в интересы деревенской бедноты, так что полгода спустя Софья Андреевна в своем письме к Т. А. Кузминской уже гневно называет ее «пейзанской Машкой» (письмо от 11 февраля 1887 г.). Что касается участия в работах этого лета Ильи Львовича, то в своих «Воспоминаниях» он говорит об этом так: «В этом году я приехал в Ясную поляну после экзаменов в начале июня... Мне было девятнадцать лет, я считал себя женихом своей теперешней жены и мечтал о том, чтобы, женившись, начать с ней новую жизнь, соответствующую взглядам моего отца. Мне

некуда было девать свои силы, и я пошел к отцу и сказал ему, что я хочу работать и прошу его указать, что мне делать». Толстой посоветовал ему взять на себя всю мужскую работу для многодетной крестьянки Жаровой, муж которой ушел на заработки и не вернулся, и Илья Львович приступил к работе. К Петрову дню начался покос. Составились две рабочих артели. В одну из них входили сам Толстой, Илья Львович и Марья Львовна. «По нашему примеру, — рассказывает Илья Львович — рядом с нашей составилась другая артель, многолюдная и веселая, к которой примкнули братья Сергей и Лев и сын нашей гувернантки Alcide, мой ровесник... Таня и две двоюродных сестры Кузминские были с ними». (См. «Мои воспоминания» И. Л. Толстого, М. 1913, стр. 188—191.) Общее увлечение полевой работой было так велико, что один раз, чтобы не оставаться дома в одиночестве, и Софья Андреевна вышла на покос, в сарафане и с граблями, однако вскоре заболела, приписала эту болезнь непосильной работе и осенью того же года, в письме к жене художника Анне Петровне Ге, описывала проведенное лето в самых мрачных красках (письмо от 15 октября 1886 г.). Но увлечение полевой работой среди детей Толстого, кроме Марьи Львовны, было преходящим, и два года спустя Софья Андреевна с удовлетворением писала Т. А. Кузминской: «Прошлогодней одичалости никакой нет... Живем очень дружной, естественной и чисто *барской* жизнью. На деревню ходят очень редко и то по делу». (Письмо от 12 октября 1888 г. ГТМ.)

[5] Марья Александровна Шмидт. См. прим. 1 к п. № 59 от 10—11 мая 1885 г.

[6] Константин Михайлович Сибиряков. См. прим. 1 к п. № 53 от 16 апреля 1885 г.

[7] Виктор Сергеевич Миролюбов (р. 1860 г.) — в то время один из молодых последователей Толстого. Весной 1886 г., услышав, что К. М. Сибиряков решил отдать свое самарское имение под христианскую земледельческую общину, пришел к нему с просьбой послать его туда для изучения местных условий жизни, а затем, приехав в июне 1886 г. вместе с Сибиряковым в его имение, в течение многих месяцев собирал сведения о нуждающихся крестьянах окрестных деревень. Находился в это время под надзором полиции. Сибиряков просил его, взяв место преподавателя основываемой им сельско-хозв. школы, остаться жить в Самаре и помогать оттуда своими советами приезжающим на его земли поселенцам, членам будущей общины. Однако проект Сибирякова об основании Самарской общины не осуществился. В следующие годы Миролюбов, обладая хорошим голосом, сделался оперным певцом в московском Большом театре. В 1896 г., оставив оперную деятельность, основал чрезвычайно дешевый «Журнал для всех», народнического направления, к которому ему удалось привлечь лучшие литературные силы и который приобрел очень широкое распространение, просуществовав до 1906 г. В 1914—1918 гг. был редактором популярного «Ежемесячного журнала литературы, науки и общественной жизни». О последних годах жизни Миролюбова сведений собрать не удалось.

[8] Владимир Федорович Орлов (см. о нем прим. 5 к п. № 37 от 2 декабря 1884 г.). Он тоже был в сношениях с Сибиряковым по делу о земледельческой общине.

[9] Замысел Сибирякова об основании земледельческих общин потерпел крушение частью по причине помех со стороны губернаторской власти и полиции, частью по недостатку подходящих сотрудников.

[10] О лицах, приезжавших к Толстому в эти дни, см. в конце тома Дополнение к стр. 368.

[11] Перипетии семейной драмы Файнермана и жены его Эсфири Борисовны тянулись очень долго. Почти год спустя в письме от 13 апреля 1887 г. Толстой пишет Софье Андреевне, что Файнерман ездил в Тулу «хлопотать о разводе с женой, для которого куча трудностей», а в письме от 14 апреля, упрекая Софью Андреевну за ее резко-неприязненное отношение к Файнерману, говорит: «...За что ты так обвиняешь его? Зная его близко, его никак нельзя ненавидеть, а можно только жалеть. Жену свою он ужасно любит. И теперь, когда она требует у него развода и он посылает ей его, и она вместе с тем обещается приехать к нему и не оставлять его, я вижу, как он страдает» (см. т. 84). В конце концов всё это кончилось разводом Файнерманов.

[12] Издание это, в 12 томах небольшого формата, продававшееся за 8 руб., вышло в свет в 1887 г., но было напечатано в недостаточном количестве экземпляров, быстро разошлось и С. А. Толстой более уже не возобновлялось.

[13] Несмотря на то, что Толстой согласился с Чертковым в том, что слово религия не выражает их общего миросозерцания, он продолжал употреблять это слово, которому позднее дал точно формулированное определение в статье своей «Что такое религия и в чем ее сущность» (см. т. 35).

[14] Что именно огорчило Толстого в письме Спенглера, остается неясным, так как письмо это не дошло до нас.

[15] Одно слово, в самом конце фразы, не разобрано.

[16] Путешественник-американец, о котором говорит здесь Толстой, — Джордж Кеннон (1845—1924), автор известной книги «Siberia and the Exile System», L., 1891 («Сибирь и ссылка»). См. в конце тома Дополнение к стр. 368.

*112.

1886 г. Июля 15—16. Я. П.

Получилъ ваше письмо, отвѣтъ на мое, изъ Англіи, получилъ тоже книги — вѣроятно, отъ васъ. *Hide*[1] очень хорошъ — я прочелъ; но это не важно. Книга же о центрахъ духовн[ой] дѣятельности очень важна.[2] И какъ прекрасно предисловіе! Нынче читаю романъ: «Скрытыя глубины»,[3] и много думаю и съ большой любовью о васъ. Затѣмъ и пишу. Когда вы вернетесь? Вы все спрашиваете меня, не нужно ли мнѣ книгъ. Мнѣ вотъ что можетъ быть нужно: изложеніе Браминской вѣры.[4] Есть большія сочиненія — Веды, переведенныя,[5] это не нужно. А нѣтъ ли изложенія нравственнаго ученія — выбранныхъ мѣстъ изъ Ведъ. Если есть такое, не дорогое, то доставьте

мнѣ. Мои планы писать Будду видоизмѣнились такъ: Родъ человѣческій по вѣрамъ раздѣляется такъ: 31% будисты, 30% христіане, 15 Магометане, 16 — Брамины, 8½ — Таосисты [6] и др. и 0,3 Евреи. [7] Въ числѣ Буддистовъ, Магометанъ и Таоистовъ есть Конфуцианцы [8] (вмѣстѣ). Такъ что вѣръ въ мірѣ теперь только 6: 1) Конф[уціанство], 2) Лаотзе, 3) Браминизмъ, 4) Буддизмъ, 5) Христіанство, 6) Магометанство. И книгъ, излагающихъ ученія религіозныя, только 6: 1. Конф[уцій], 2. Лаодзе, 3. Веды, 4. Буддійская, 5. Библія и 6. Коранъ. [9] Причислить къ этимъ можно Стоиковъ [10] и Зендавесту, [11] какъ ученія бывшія, но исключить Коранъ, какъ извращеніе христіанства, и выйдетъ 7 книгъ, 7 ученій религіозныхъ, кот[орыя], мнѣ представляется, очень не трудно изложить. (Я меньше всего знаю браминское и Зендавесту). Изъ тѣхъ же 4, кромѣ Библіи, к[оторыя] я немного знаю: Буддизмъ, Конфуц[іанство], Таосизмъ, Стоики такъ легко, мнѣ кажется, составить книги ясныя, поучительныя и подтверждающія и даже уясняющія вѣчное ученіе истины, открытое намъ Христомъ. Мнѣ хочется это сдѣлать и, разумѣется въ самой простой, доступной формѣ. Вотъ чѣмъ я занятъ, если могу сказать, что чѣмъ нибудь занятъ эти послѣднія 3 недѣли. [12] Я 3 недѣли нахожусь в усыпленіи. И тѣло и душа спятъ. — 3-го дня проѣхалъ Озмидовъ съ своими колонистами. [13] Я выѣхалъ въ Тулу и проѣхалъ съ ними станцію. Они очень милы, и радостно смотрѣть на нихъ. Дай Богъ имъ успѣха. Трогателенъ особенно Сытинъ — блудный сынъ. [14] Весь въ бѣломъ, — сіяющій и довольный. У насъ дожди мѣшаютъ покосу, сдѣлали перерывъ работѣ. Сыновья начинаютъ ослабѣвать духомъ. Сережа уѣхалъ съ Таней къ Олсуфьевымъ, Илья уѣхалъ нынче на охоту, у Левы, боюсь, что примѣшалось увлеченіе женщиной къ работѣ. Я боюсь за него и не умѣю и не могу помочь. Жена нездорова и лежитъ 2 недѣли. [15] Прощайте, милый другъ, не сердитесь на Количку и ни на кого. Да я и знаю, что вы не сердитесь. — Печатайте переводъ Ч[то же] н[амъ] д[ѣлать], разумѣется, гдѣ и какъ хотите. Читая присланныя вами книги, я съ радостью вижу, что то самое, что насъ занимаетъ, занимаетъ и другихъ и что мы дошли до этого не сами собой, а насъ толкаетъ на это Богъ; и потому думаю, что и мое писаніе можетъ быть полезнымъ въ общемъ дѣлѣ. Передайте мой поклонъ Лизаветѣ Ивановнѣ и Пашковымъ.

О Браминизмѣ я знаю все, что писалъ Максъ Мюллеръ.[16] А нѣтъ ли еще чего о браминизмѣ или о всѣхъ древнихъ большихъ религіяхъ? Да нѣтъ ли о Лаодзы, кромѣ Julien,[17] к[оторый] у меня есть.

Полностью печатается впервые. Отрывки напечатаны в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 39, с неточной пометкой: «начало июля». На подлиннике рукой Черткова помечено только «Я. П.». Датируем исходя из того, что письмо это написано в связи с получением письма Черткова из Лондона от 6 и 7 июля, из следующего же письма Толстого (№ 113), с приблизительною датою Черткова, видно, что летом 1886 г. письма из Лондона в Ясную поляну доходили в 7—8 дней.

В упомянутом письме от 6—7 июля, написанном по получении долго ожидавшегося письма Толстого от 27—29 июня, Чертков говорит: «Вы знаете, дорогой Лев Николаевич, как я должен был обрадоваться вашему письму после такого долгого молчания с вашей стороны. Вы меня так разбаловали вашими письмами, я так сжился с общением с вами, что первое время вашего молчания я чувствовал какой-то странный пробел. Кроме того я действительно беспокоился о вас... Занимаюсь я переводом «Что же нам делать» и столярным ремеслом. Первое дело занимает много моего времени только в течение нескольких дней под ряд, когда приезжает сюда мой молодой друг Battersby, и мы с ним проверяем по подлиннику исправленный им перевод одной бедной русской женщины, которой я поручил эту работу, когда убедился, что далеко не успею сам исполнить ее во время нашего пребывания в Англии. Не знаю еще, как мне удастся напечатать его, так как боюсь, что не располагаю в настоящую минуту достаточными денежными средствами... Прошлогоднее издание «Christ's Christianity» еще не окупилось, хотя мы имеем основание предполагать, что оно окупится, так как спрос на книгу не уменьшается. Не думаю, однако, чтобы какой-либо здешний издатель взялся напечатать на свой счет перевод «Что же нам делать?» Но может представиться такой случай, что мне предложат его напечатать целиком в одном из хороших периодических изданий. И вот я прошу вас сказать мне, имеете ли вы что-нибудь против этого?... Я помню выраженное вами желание, чтобы статья эта вышла отдельною книжкою... Если же пришлось бы напечатать в периодическом издании, то и тогда я постарался бы так устроить, чтобы потом появилось отдельною книжкою... Наконец, может представиться третий исход — поместить отрывки, напр., о деньгах, о женщине и т. п. в журнал,... тотчас после этого выпуская всю книгу отдельно и целиком. Выгода этого приема заключается в том, что читатели будут заинтересованы из журнальных отрывков содержанием статьи, и отдельная книга с полным содержанием получит, вследствие этого, более обширное распространение... — Скажите мне также, могу ли я распоряжаться по своему усмотрению переводами ваших рассказов. «Три старца» переведены. «Кающегося грешника» я перевел сегодня утром. «Крестника» перегодить я засадил свою двоюродную сестру. Эти три рассказа было бы прекрасно выпустить вместе. А потом и другие

ваши рассказы». — 7 июля Чертков продолжает: «...Сейчас я получил известие из Петербурга, которое меня так взволновало, что просто плакать хочется. Первый и последний рисунки к альбому Ге теперь *запрещены* цензурой и *только* благодаря тому, что Николай Николаевич младший не исполнил в точности сообщенных ему мною указаний. С этими картинами сначала вышла каша, потому что рисунки были представлены в московскую, а не петербургскую цензуру. Потом нам в Петербурге удалось дело совсем уладить. Всё было в наших руках. И теперь всё пропало, вследствие отсутствия нашего собственного доверия друг к другу и... неумения действовать сообща, *заодно*. У Николая Николаевича [младш.] явилось желание съэкономизировать несколько рублей... Впрочем, не стану теперь больше об этом писать. Я чувствую, что взволнован и раздражен и рассудком знаю, что это нехорошо».

Первоначальный перевод на английский язык статьи «Так что же нам делать» был сделан проживавшей в Лондоне Александрой Андреевной Комеровой-Наумовой, пачка писем которой к Черткову за 1886 г. сохранилась в его архиве, затем был основательно переработан и вышел отдельной книжкой, под заглавием: «What to do?». Kegan, Paul & C° Publisher, London, 1887. Об издании переводов легенд «Три старца», «Кающийся грешник» и «Крестник», сделанных частью самим Чертковым, частью под его редакцией в данное время, сведений собрать не удалось. В издательстве «Free Age Press», которое было позднее основано Чертковым в Лондоне (см. его биографию в комментарии к п. № 1 от 5 декабря 1883 г.) вышли — в 1901 г. «Крестник» (The Godson), в 1909 г. — «Кающийся грешник» (Repentant Sinner), и можно предположить, что это были переводы, сделанные еще в 1886 г., но до переработки их недостаточно удовлетворившие Черткова. Что касается легенды «Три старца», то английское издание ее нам не известно: список изданных на английском языке произведений Толстого, полученный редакцией из Лондона и заключающий в себе сто девяносто три номера, оказался всё же не полным, и издания указанных переводов в нем не нашлось.

По какой причине альбом рисунков Н. Н. Ге к «Чем люди живы» (см. прим. 3 к п. № 103 от 1 апреля 1886 г.) встретил новые затруднения к выходу в свет и о какой именно погрешности в этом деле со стороны Гесына говорит здесь Чертков, установить не удалось. Известно во всяком случае, что дальнейшие хлопоты по этому делу взял на себя М. А. Кузминский.

[1] «Hide» написано ошибочно — вместо Hyde. Речь идет о фантастической повести плодовитого английского писателя Роберта Стивенсона (R. Stevensen, 1850—1894) на тему о двойственности человеческой личности в ее стремлениях к злу и к добру, под заглавием «Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde», London, 1886. В своем предыдущем письме, от 15 июня, Чертков подробно излагал Толстому свои впечатления от этой книги и сообщал, что вышлет ему ее. Очевидно, Толстой забыл об этом, потому что в начале письма, говоря о получении книг, прибавляет: «вероятно — от вас».

[2] Точных данных об этой книге получить не удалось. Из письма Черткова к Фрею от июля 1886 г. видно, что он послал ему в это время книжку, заглавие которой он указывает на английском языке: «Centres of spiritual activity». Это заглавие точно совпадает с тем, которое Толстой в своем письме дает на русском языке. Очевидно, что Чертков эту же книжку послал и Толстому.

[3] «Скрытые глубины» — роман английского романиста Скина (W. Th. Skene): «Hidden Depths. A story of cruel wrong», London, 1886. Об этом романе Толстой говорит и в следующем письме.

[4] О «Браминской вере» или «Браминизме», как пишет Толстой, т. е. о брахманизме, см. прим. 3 к п. № 110 от 27—28 мая 1886 г.

[5] О Ведах см. тоже прим. 3 к п. № 110. Многотомные сборники Вед разделялись на четыре серии под названиями Ригведа, Яджурведа, Самаведа, Атхарваведа. Изучение ведийской литературы началось в Европе с Ригведы. Говоря о переводе «больших сочинений Вед», Толстой несомненно подразумевает шеститомный труд Макса Мюллера (о нем см. ниже, прим. 15) — перевод Ригведы с комментариями индусского ученого XIV в. Саяны, издававшийся в Лондоне с 1849 по 1875 г.

[6] Таоистами Толстой называет вместе с некоторыми учеными последователей учения Лаот-зе (см. прим. 2 к п. 8 от 11 марта 1884 г.) и приписываемой ему книги, известной под заглавием «Тао-та-цзин» (иначе произносится «Дао-дэ-цзин»), что означает «Книга о пути и добродетели» или — «...пути и истины».

[7] Судя по началу наброска Толстого «О верах» (см. ниже прим. 12) Толстой почерпнул сведения о процентном соотношении наиболее распространенных религий из календарей на 1886 г. Сведения эти во всяком случае могут быть лишь приблизительны.

[8] Конфуцианцы — последователи Конфуция (о нем см. прим. 1 к п. № 5 от конца февраля 1884 г.).

[9] Коран — священная книга магометан (иначе — мусульман), представляющая собой сборник несвязанных между собой рассказов, поучений, правил, законов, сообщенных основателю магометанства, Магомету (иначе — Мохаммеду, — ок. 571—632 г. н. э.) яко бы самим Аллахом, как своему единственному пророку. В Коран вошло многое из иудейства и из христианства, но в весьма неточной, — повидимому устной — передаче. Изучить Коран Толстому пришлось лишь значительно позже: в «Воспоминаниях о Л. Н. Толстом» И. К. Дитерихса, относящихся к 1903 г., передается его беседа с Толстым о Коране и сообщается, как, пожелав ближе ознакомиться с Кораном, Толстой проштудировал «Лекции по Корану» А. Е. Крымского (2-е изд. М. 1905 г.). В Яснополянской библиотеке Коран сохранился кроме того, с отметками Толстого, во французском переводе Казимирского, Париж 1902 г.

[10] О стоиках см. прим. 2 и 5 к п. № 68 от 4—5 июня 1885 г.

[11] Зенд-Авеста — священная книга зороастрийцев, т. е. приверженцев религии, основанной Зороастром (660—583 до н. э.), происходившим из северо-западной Мидии (ныне — Азербейджан). До Зороастра кочевники-иранцы—мидяне, бактрийцы, персы чтили множество богов. Зороастр, живший в период, когда кочевничество сменялось уже осед-

лым земледелием, своим учением закрепил в Бактрии переход к новой эпохе культуры и реформировал религию в духе монотеизма, причем однако бог добрый Ахура-Мазда (в обычном произношении — Ормузд) находится в непрестанной борьбе с сатаной, источником зла, Англа-Майною (в обычном произношении Аримэном). Религия Зороастра отрицает всякую пассивность, требует непрерывной борьбы со злом и стремления к улучшению жизни. Из Бактрии зороастризм распространился по всему Ирану и, хотя завоевания Александра Македонского нанесли удар ему, он оставался религией персов до мусульманского завоевания VII в. н. э. Учение Зороастра было записано его учеником в книге Авеста (что значит — текст) на древне-иранском языке, но старейшая редакция этой книги при македонском нашествии погибла. Дошедшая до нас Зенд-Авеста (что значит «текст и толкование») с толкованием на средне-персидском языке — отражает лишь часть религии Зороастра, касающуюся богослужения.

[12] В это время Толстой писал вступление к задуманному им изложению главных религиозных учений. Черновой набросок этого вступления был закончен 30 июля 1886 г. и датирован в конце этим числом. Он был напечатан Чертковым в «Полн. собр. соч., запрещенных в России», изд. «Свободного слова», т. X, Christchurch, 1904, а после смерти Толстого был издан «Посредником» вместе с неоконченной статьей «Чьи мы», М. 1911. В настоящем издании входит в том 26. Замысел общедоступного изложения религиозных учений состоял, как видно из указанного наброска, в том, чтобы показать, что «бог никогда не путал людей разными верами, и вер не только нет тысячи, но нету двух разных. С тех пор, как есть люди, есть и была всегда одна вера. И вера эта... записана в сердце каждого человека». Всё же, что выходит за пределы этой единственной веры, есть только «обман и недоумие». Работая над этим наброском, Толстой, как видно из заключительных строк его, намеревался тотчас же приступить к изложению главнейших религиозных учений. И действительно, к этому же времени относится начатая им работа о Будде и буддизме (см. прим. 9 к п. № 95 от 16—17 января 1886 г.). Общий замысел его, изложенный в настоящем письме к Черткову, в то время не осуществился. Однако он не терял его из вида и продолжал заниматься изучением главнейших религий. Результаты этих его занятий явственно отразились на предпринятых им уже в начале XX в. сборниках мыслей и изречений всех времен и народов: «Мысли мудрых людей на каждый день», изд. «Посредника», М. 1903 г., «Круг чтения», изд. «Посредника», М., 1906 г., «На каждый день. Учение о жизни, изложенное в изречениях», Спб., 1909—1910 гг. и «Путь жизни». Вып. 1—30, изд. «Посредника», М., 1911 г. (см. в настоящем издании тт. 39, 40, 41, 42, 43, 44 и 45). Туда вошли многочисленные отрывки из брахманской и буддийской литературы, из Библии, из Талмуда, из книг, связанных с именами Зороастра, Конфуция и Лаодзе, Магомета, а также изречения стоиков — Эпиктета, Марка Аврелия и Сенеки. Но кроме того общий замысел его был осуществлен незадолго до смерти Толстого и частью уже после его смерти особой серией книг «Посредника», посвященных религиозно-философским учениям разных времен и народов. Таковы книжки: «Конфуций.

Жизнь его и учение». Сост. П. Буланже. Под ред. Л. Н. Толстого, М. 1910; «Изречения китайского мудреца Лао-Тзе, избранные Л. Н. Толстым» (с статьей Толстого «О сущности учения Лао-Тзе»), М., 1910; «Ми-Ти, китайский философ. Учение о всеобщей любви». Сост. П. Буланже. Под ред. Л. Н. Толстого, М., 1910; «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран». Избраны Л. Н. Толстым. Со статьей Н. Г[усева] «Кто был Магомет», под ред. Л. Н. Толстого, М., 1910; П. А. Буланже «Жизнь и учение Сиддарты Готамы, прозванного Буддой». С приложением извлечений из буддийских писаний. Под ред. Л. Н. Толстого, М., 1911, и наконец, большой отрывок из Упанишад (см. прим. 6 к п. № 110 от 27—28 мая 1886) под заголовком: «Победа над смертью. Катха-Упанишад». Перев. с англ. и изложение П. А. Буланже, М., 1913. Мысль, руководившая Толстым в последнее время его жизни при той или иной работе над общедоступными книжками о главнейших религиях мира, была в основе всё та же, которую он выразил в 1886 г. в вышеуказанном наброске «О верах». В большом письме к В. А. Поссе от 24 февраля 1910 г., посылая ему как редактору журнала «Жизнь для всех» — с предложением напечатать ее — работу Буланже о Будде, он говорит: «...Из познания других религий... люди увидят, что во всех великих религиях, так же как и в той, которую они исповедуют, есть два рода религиозных положений: одни бесконечно различные, разнообразные, смотря по времени, месту и характеру народа, в котором они появились, и другие, которые всегда во всех религиях одни и те же, и что в эти общие всем религиям положения не только должно, но нельзя не верить, потому что положения эти, кроме того, что они одни и те же во всех религиях, записаны еще и в сердце каждого человека, как несомненные и радостные истины. И потому думаю, что у нас и особенно в наше время сообщение народу главных основ всех великих религий мира — дело самой первой необходимости».

[13] Н. Л. Озмидов с женой и дочерью, М. А. Шмидт и О. А. Баршева [см. прим. 1 к п. № 59 10—11 мая 1885 г.] и другие единомышленники Толстого ехали на Черноморское побережье Кавказа в Уч-Дере, где Озмидов организовал земледельческую общину. Однако месяца два-три спустя в общине начались неудовольствия на Озмидова, который отдавал свои распоряжения начальническим тоном. Часть общинников решила перейти в общину К. М. Сибирякова, близ Туапсе. М. А. Шмидт и О. А. Баршева временно вернулись в Москву. Письмо Толстого к Озмидову привело к тому, что в общине снова водворился мир, — однако, через несколько месяцев, община развалилась.

[14] Сергей Дмитриевич Сытин (1863?—1915? г.) — младший брат книгоиздателя И. Д. Сытина. После нескольких лет бурной жизни, под влиянием Толстого и его единомышленников решил начать трудовую жизнь. В сохранившемся письме его к Толстому от 23 ноября 1886 г., когда он перешел уже из общины Озмидова в общину Сибирякова, он говорит о своей новой жизни с юношеским восторгом: «... И работа перед нами, и круг людей, в котором я, и каждый кустик так сладко улыбается, свободно, хорошо дышится, и остается только хвалить бога за создание меня самого и всего того, что окружает меня... Все больше и больше увлекает меня труд и дает что-то очень хорошее, но необъяснимое для меня».

Однако община Сибирякова тоже потерпела крушение. Весной 1887 г. С. Д. Сытин приезжал к Толстому в Ясную поляну, намереваясь устроиться на земле где-нибудь поблизости. В июле того же года писал Толстому из с. Батищева, Смоленской губ., где он, нанявшись в работники к крестьянину «не из зажиточных», попрежнему чувствовал себя прекрасно. На зиму мечтал устроить школу в Батищеве, но это не удалось. Он вернулся в Москву, где снова почувствовал недовольство жизнью и собой, и жил у брата, работая у него на складе, в сараях. В этот период он вновь писал Толстому, говоря: «Милый Лев Николаевич, многим я вам обязан — всей жизнью». О дальнейшей его судьбе сведений не имеется.

[15] О болезни Софьи Андреевны есть сведения в письме Толстого от 18 июля 1886 г. к Н. Н. Ге-отцу: — «У нас всё было совсем с внешней стороны хорошо, но недели 2 тому назад С. А. заболела воспалением мочевого пузыря и теперь лежит. Ей гораздо лучше, и она лежит уже только из предосторожности» (см. т. 63).

[16] Макс Мюллер (Max Müller, 1823—1900) — языковед, специалист по санскриту, исследователь в области мифологии и древних религий. Окончив Лейпцигский университет, работал в Париже под руководством Евг. Бюрнуфа, по мысли которого начал собирать материал для издания древнейшего санскритского памятника Ригведы. С 1848 г., приглашенный профессором сравнительного языкознания в Оксфорд, в течение многих лет работал над переводом Ригведы (см. выше, прим. 5). Написал на английском языке ряд сочинений о религии разных эпох, которые вызывали протесты со стороны церковников. С сочинениями Макса Мюллера по истории мифологии и религии еще в 1877 г. познакомил Толстого Н. Н. Страхов. В яснополянской библиотеке вышеназванные книги Макса Мюллера сохранились во французском переводе: «Essai sur la mithologie comparée», P., 1874, «La science de la religion», P., 1873, «Essais sur l'histoire des religions» (указания года не сохранилось — обложка оборвана).

[17] Толстой говорит о книге известного французского синолога Станислава Жюльен (St. Julien, 1799—1873) — «Le Livre de la voie et de la vertu», P., 1841 — перевод книги Лао-Тзе «Тао-Те-цзин» («Книга пути и добродетели» или, как переводит Толстой, «... пути и истины»).

* 113.

1886 г. Июля 17—18. Я. П.

Вчера получилъ ваше письмо съ статьями Стаховича.[1] — Вы спрашиваете: стоитъ ли того заниматься вамъ такимъ исправленіемъ? Не стоитъ. — Ваше изложеніе проще, но и въ вашемъ есть недостатки не въ формѣ, главное, а въ содержаніи. Напримѣръ: жаба лежитъ брюхомъ кверху, а потомъ говорится сейчасъ же, что она потащилась дальше. Нужно непремѣнно сказать, какъ она перевернулась опять спиной кверху. Вотъ поправки, к[оторыя] важны по формѣ. И когда есть то

вниманіе, или какъ хотите назовите, к[оторое] позволяетъ видѣть это, тогда языкъ будетъ хорошъ. — Но это не интересно. Интереснѣе ваше воспоминаніе о нашемъ разговорѣ въ Ясной и вызовъ говорить все, что я думаю о вашемъ отношеніи къ собственности. Прежде всего скажу мое чувство, по к[отор]ому я спросилъ васъ. Это чувство любви — жалости къ вамъ. Вы мнѣ представляетесь такимъ изнѣженнымъ, испорченнымъ, какъ и я самъ, еще больше меня, что когда я живо представилъ себѣ то положеніе, въ к[оторомъ] вы будете, если ничто не будетъ мѣшать вамъ, положеніе Файнермана, то мнѣ стало страшно, физически жалко васъ. Это было мое чувство. Другое чувство увѣренность въ томъ, что вы нетолько другихъ, но и себя обманывать не станете и дойдете до конца. Мнѣ стало жутко за васъ, и я перенесъ это чувство на васъ — подумалъ, что и вамъ жутко за себя. А это невѣрно: радостно не жалѣть себя, а жалѣть другаго. —

Это все правда, насколько я сумѣлъ ее высказать. Романъ «Hidden Depths»[2] я дочелъ теперь до разсказа умирающаго брата о томъ, какъ онъ потерялъ вѣру, п[отому] ч[то] хотѣлъ провѣрить ее разумомъ, и несмотря на жалкую слабость этого мѣста, онъ мнѣ очень нравится и наводитъ на важныя для меня мысли.

Вчера у меня провелъ день франц[узскій] писатель Deroulède[3] и очень меня заинтересовалъ. Представьте себѣ, что это человѣкъ, посвятившій свою жизнь возбужденію французовъ къ войнѣ, revanche[4] противъ нѣмцевъ. Онъ глава воинственной Лиги и только бредитъ о войнѣ. И я его полюбилъ. И мнѣ онъ кажется близкимъ по душѣ человѣкомъ, к[оторый] не виноватъ въ томъ, что онъ жилъ и живетъ среди людей язычниковъ. — Вчера же получилъ письмо отъ Ге старшаго. Онъ пишетъ эскизы на Евангеліе прямо сначала и описываетъ мнѣ 7 эскизовъ, сдѣланныхъ имъ. Одно описаніе порадовало меня очень.[5] — Помоги ему Богъ сдѣлать эту работу, картины (иллюстрацію) на Евангеліе. Кажется, что это большое и хорошее божье будетъ дѣло. Какъ бы хорошо было, если бы вы устроили заграницей изданіе этихъ картинъ. Оттуда онѣ бы легче вошли къ намъ. А и не вошли бы, и то хорошо. — У насъ все идетъ работа. Я отстаю, чувствую себя слабымъ физически и, кажется, чувствую требованія духовной работы. Учитель переписалъ «Ч[то же] н[амъ] д[ѣлать]»,[6] нужно ли

еще? Что дѣлать съ разсказами Стаховича? Поклонитесь отъ меня вашей матушкѣ и вашимъ друзьямъ.

Л. Толстой.

На вашъ вопросъ: что вы не такъ по моему дѣлаете съ деньгами, мнѣ нечего отвѣчать: не то, что не хочу, а нечего. Иногда думаю, что слишкомъ смѣло расходуете деньги. Да вы навѣрное сами это чувствуете и замѣчаете

Полностью печатается впервые. Два отрывка напечатаны в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 39—40. На подлиннике рукой Черткова пометка: «Я. П. 18 июня 86». Исходя из того, что Чертков руководился штемпелем отправления, датируем расширительно.

Письмо это является ответом на письмо Черткова из Лондона от 7—8 июля, составляющее, как он говорит, продолжение его предыдущего письма, но посланное отдельно на следующий день. Приводим из него всё наиболее существенное. «Стахович мне прислал три рукописи, из которых мне сюда доставили две, — пишет он. — «Жаба» мне показалась тяжело изложенною и с сохранением переводного характера. Я попробовал несколько изменить изложение и посылаю вам при сем оба варианта... Разговорную речь я сохранил по Стаховичу, п.ч. она мне показалась живою, но всё описательное изложение выразил другим слогом и немного упростил. Если у вас окажется время просмотреть обе эти рукописи, то, пожалуйста, сообщите мне ваш отзыв о них для того, чтобы я мог выяснить себе, прав ли я, что в наших изданиях следовало бы по возможности приближаться к тому простому нелитературному слогу, который вы ввели в ваших рассказах. И вместе с тем мне необходимо знать, достаточно ли я умело излагаю этим слогом для того, чтобы стоило бы продолжать в таком духе исправлять получаемые мною рукописи или же лучше, за моею неспособностью владеть таким слогом, сохранять первоначальный литературный слог, который во всяком случае покажется менее искусственным простым читателям, чем *плохое* упрощенное изложение... — В вашем письме вы говорите о том, в чем единственная возможность опростать припасаемую для себя корзину. И я действительно не только согласен с вами, но, как вы справедливо предположили, вижу... дальнейшее, что вы не успели досказать. По этому поводу хочу вам сделать признание в том, что вы меня немножко не то, что огорчили, но удивили, когда в Ясной поляне последний раз спросили меня, готов ли я отказаться фактически от тех материальных средств, которые теперь проходят через мои руки. Я упоминаю об этом теперь... чтобы попросить вас высказывать мне ваше мнение в тех случаях, когда вам кажется, что я неправильно отношусь к этим средствам... В двух словах, вот в каком я теперь отношении к деньгам. Выручать деньги с земли я не могу, еслиб в моем распоряжении была бы земля, п.ч. «эксплуатировать» землю и труд рабочих возможно только на правах так называемой собственности и посредством насилия, — очевидного или маскированного. А потому, будь у меня земля, я мог бы только

передать ее в полное распоряжение тех, которые ближе всего к ней живут и работают ее. Но в тех приемах, посредством которых мать получает ежегодно известный доход, я не принимаю решительно никакого участия и лишен возможности сколько-нибудь даже влиять на них. Знаю только, что получаемые деньги отнимаются у тех, которым они нужны, и труд которых их производит. Часть своего дохода мать передает в мое распоряжение и была бы очень огорчена, если бы я ей в этом отказал. Вместе с тем я имею возможность так или иначе деньги эти возвращать, если не тем поименно, которые их произвели (это *невозможно*), то по крайней мере тому же разряду рабочих людей. Это я и делаю, поддерживая этими деньгами те учреждения, преимущественно школы, которыми местные наши крестьяне положительно дорожат... Частью же употребляю эти деньги на народную литературу, потребность в которой определяется спросом на наши издания. Наконец, часть получаемых из рук матери денег я употребляю на такие расходы по одежде и путешествиям, которые необходимо сопряжены с жизнью совместно с матерью. Мне было бы очень легко и теперь сказать матери, что я не могу трогать те деньги, что она мне дает, а крестьянам сказать, что так как деньги отбираются от них неправильно, то пускай они остаются в руках тех, кто их отобрал. Но я чувствую, что, поступив так, я поступил бы не *любовно* и по отношению к матери, и к крестьянам. Я знаю, что есть другая сторона: — употребляя в дело деньги, не можешь избежать наемный труд и проч., издавая книгу, передаешь деньги тому, кто ее печатает и для которого деньги зло...»

[1] «Статьи Стаховича» — переводы М. А. Стаховича (см. прим. 2 к п. № 104 от 3 апреля 1886 г.), сделанные им для «Посредника». Из письма к Черткову заведывавшей складом «Посредника» вместо Бирюкова Н. Д. Кившенко (АЧ) видно, что это были переводы «Жабы» и «Бедняков» В. Гюго и «Рождественской сказки» — надо полагать, Диккенса: Кившенко не переслала ее Черткову, так как эта вещь Диккенса уже печаталась в то время «Посредником» в изложении А. А. Рутцен (см. прим. 5 к п. № 105 от 11 апреля 1886 г.).

[2] Роман Скина. См. прим. 3 к предыдущему письму, № 112 от 15—16 июля.

[3] Поль Деруледа (1846—1914) — французский писатель и политический деятель националистического направления. Писал драмы, водевили, романы. Приняв участие волонтером в франко-германской войне 1870 г., проникся шовинистической идеей «реванша» — мести пруссакам за нанесенное Франции поражение, выпустил две книжки воинственных стихов — «Les chants du soldat», 1872 г. и «Les nouveaux chants du soldat», 1875 г., а в 1882 г. образовал «Лигу патриотов», к участию в которой призывал всех граждан без различия классов и партий; затем выступал энергичным сторонником стремившегося к военной диктатуре генерала Буланже. Будучи избран депутатом в Палату, приковывал к себе общественное внимание бурным, вызывающим поведением. В 1889 г., во время знаменитого дела Дрейфуса, заявил себя крайним антисемитом и сторонником плебисцитарной республики. Дважды пытался произвести государственный переворот, за что и был изгнан на десять лет из Франции, куда более

не вернулся. — Та симпатия, которая вспыхнула в Толстом к личности француза и о которой он говорит в письме к Черткову, сопровождалась в нем благодушно-ироническим отношением к его идеям. Несколько лет спустя, работая над своей статьей «Христианство и патриотизм», Толстой описывает это посещение Деруледа в следующих словах: «Года четыре тому назад... один известный французский агитатор в пользу войны с Германией приезжал в Россию для подготовления франко-русского союза и был у нас в деревне. Он приехал к нам в то время, как мы работали на покосе. Во время завтрака мы, вернувшись домой, познакомились с гостем, и он тотчас же рассказал нам, как он воевал, был в плену, бежал из него, и как дал себе патриотический обет, которым он, очевидно, гордился, — не перестать агитировать для войны с Германией до тех пор, пока не восстановится целость и слава Франции. В нашем кругу все убеждения нашего гостя о том, как необходим союз России с Францией для восстановления прежних границ Франции и ее могущества и славы и для обеспечения нас от зловредных замыслов Германии, не имели успеха. После беседы с ним мы пошли на покос, и там он, надеясь найти в народе больше сочувствия своим мыслям, попросил меня перевести старому уже болезненному... мужику, нашему товарищу по работе, крестьянину Прокофию, свой план воздействия на немцев, состоящий в том, чтобы с двух сторон сжать находящегося в середине между русскими и французами немца. Француз в лицах представил это Прокофию, своими белыми пальцами прикасаясь с обеих сторон к потной посконной рубахе. Помню добродушно-насмешливое удивление Прокофия, когда я объяснил ему слова и жест француза... «Что же, как мы его с обеих сторон зажмем, — сказал он, отвечая шуткой, как он думал, на шутку, — ему и податься некуда будет, надо ему тоже простор дать». Переведенное старику заявление гостя, что французы любят русских, вызвало со стороны того некоторую подозрительность. «Чей же он будет? — спросил меня Прокофий... Я сказал, что он француз, богатый человек. — Что же он, по какому делу? — спросил Прокофий. Когда я ему объяснил, что он приехал для того, чтобы вызвать русских на союз с Францией в случае войны с немцами, Прокофий, очевидно, остался вполне недоволен и, обратившись к бабам, сидевшим у копны, строгим голосом, невольно выражавшим чувства, вызванные в нем этим разговором, крикнул на них...: — Ну, вы, вороны, задремали. Заходи! Пора тут немца жать. Вон еще покос не убрали, а похоже что с середы жать пойдут, — сказал он. И потом, как бы боясь оскорбить таким замечанием приезжего чужого человека, он прибавил, оскаливая в добрую улыбку свои до половины съеденные зубы: — Приходи лучше с нами работать, да и немца присылай. А отработаемся, гулять будем. И немца возьмем. Такие же люди»... (См. т. 30.)

[4] Отмщение, реванш.

[5] В письме от 14 июля 1886 г., о котором, говорит Толстой, Н. Н. Ге описывает ему в кратких словах семь уже сделанных им эскизов к картинам на евангельские темы: «1) Введение: евангелист Иоанн с книгою и за ним толпа людей — посредине Иисус, ласкающий ребенка, которого держит за руку, за ним — пророки Илия и Исаия, затем Сократ, Давид, Будда, Конфуций и др. 2) Отрок в храме с учителями, где нашли его мать

и Иосиф; 3) Проповедь Иоанна на Иордане; 4) Искушение, — на слова «Отойди от меня сатана! Господу Богу твоему поклоняйся и ему одному служи!» Спаситель отвернулся с отвращением от видения славной победы— летящего царя в колеснице, окруженного воинами на лошадях — всё это летит по трупам; 5) «Вот спаситель мой!» — Утро. Спаситель поднимается из мрака к свету, а внизу Иоанн указывает на него ученикам... 6) «Отныне будете видеть небо отверзтым» — ... Спаситель окружен апостолами... и говорит им с восторгом эти слова; 7) «Ныне исполнися». В синагоге, в Назарете Спаситель говорит эти слова» (Письмо Н. Н. Ге см. в кн. «Л.Н. Толстой и Н. Н. Ге». Переписка. Вступ. статья и прим. С. П. Яремича, Academia, М.-Л., 1930). В своем ответном письме от 18 июля Толстой пишет Н. Н. Ге: «Вчера получил ваше радостное письмо, милый друг, радостное потому, что от вас, и оттого, что̀ вы пишете про ваши работы. Больше всего мне нравится по замыслу «Искушение», потом «Вот спаситель мира». В письме к Черткову Толстой особо выделяет один из описанных эскизов— вероятно, первый из двух только что названных. — Рисунки Ге сделаны углем в величину александрийского листа бумаги. Большинство из них воспроизведено в альбоме его произведений, изданных после его смерти Н. Н. Ге-сыном, как указывает С. П. Яремич, с неверной датой: 1890—1892 гг., тогда как они несомненно относятся к 1886 г.

• Учитель, переписавший статью Толстого, был, повидимому, учитель яснополянской школы, потому что для обучения младших детей в Ясной поляне жили в это время только гувернантки. Спрашивая Черткова, не нужно ли переписать экземпляр статьи еще для кого-нибудь, Толстой, очевидно, заботился об увеличении заработка учителя.

Отвечая Толстому на слова его письма: «... Мне стало грустно за вас, и я перенес это чувство на вас, — подумал, что и вам жутко за себя», Чертков в письме своем, написанном около 25 июля (письмо это против обыкновения не датировано или от него утерян первый листок), пишет: «Большое вам спасибо за ваши откровенные мнения и мысли обо мне. Мне это было нужно. — Что касается до страха, то мне действительно бывает страшно, но—не нищеты. У меня есть полная уверенность, что никто мне не даст никогда помереть с голода, а что работать я буду столько, сколько могу, и как бы мала и плоха ни будет моя работа, она определяется ведь не результатом, а трудом: «не *трудящийся* да не ест». А приложить весь свой *труд* всегда возможно, хотя бы работа и не была по количеству больше бабьей или детской. Лишений я также не боюсь никаких. Как я ни избалован в этом отношении, я из опыта знаю, что могу переносить всякие физические лишения сравнительно легко. Но мне бывает страшно... при мысли о слабости моих нервов в связи с слабостью головы. Эта слабость приступает ко мне периодически и сейчас же психически отражается в моей голове, т. е. воображение мое становится болезненным, и я сознаю в себе такое состояние, которое не могу иначе определить, как словами: психическое расстройство. Эти периоды бывают для меня очень мучительны. Не могу даже высказать вам, как я страдаю в это время. И вот этого-то я иногда боюсь. Если это увеличится, то может дойти до полного психического расстройства или сумасшествия. Но когда я в совершенно нормаль-

ном состоянии, как напр. теперь, то я вовсе и этого не боюсь. Во-первых, до этого может и не дойти, тем более, что я надеюсь скоро жениться, хотя и не знаю, на ком. А во-вторых, если дело и дойдет до сумасшествия, то собственно говоря, чем же это хуже смерти?... Я сообщил вам об этом страхе, который меня иногда беспокоит, п. ч. не хотел утверждать, что не боюсь одной вещи, когда боюсь часто другой».

* 114.

1886 г., Августа 10—11. Я. П.

Не лучше, не встаю.

Толстой.

Печатается впервые. На телеграфном бланке подлинника — проставленный Чертковым архивный № и служебные отметки: «11/8, 9 ч. 53 м. н., Тула». То обстоятельство, что телеграмма отправлена из Тулы, куда выезжали обычно рано утром, вызывает предположение, что она была написана с вечера 10 августа.

Телеграмма представляет собой ответ на не сохранившийся телеграфный запрос Черткова о здоровье Толстого. Вернувшись 9 августа из Лондона в Петербург и отсылая Толстому большое письмо, написанное в дороге, он делает к нему приписку от 10 августа: «Вчера вечером я застал дома письмо от П. И. Бирюкова из Ясной, в котором он говорит, что вы больны. Мне было очень жаль это узнать, и я вероятно пошлю вам телеграмму, чтобы узнать о вашем здоровье...» Болезнь Толстого имела исходным пунктом случай, происшедший в конце июля или в самых первых числах августа: во время полевых работ, стоя на телеге, Толстой упал с нее и при этом расшиб об ее грядку голень; образовался струп, на который Толстой не обратил внимания и, повидимому, сорвал его, — началась флегмона и воспаление надкостницы, грозившие общим заражением крови. Т° доходила до 40°. Привезенный из Москвы Софьей Андреевной д-р Чирков, ассистент Захарьина, признал положение опасным. Дренаж раны принес облегчение, но болезнь, то ослабевая, то вновь усиливаясь, продолжалась более двух месяцев.

* 115.

1886 г. Августа 13—14. Я. П.

Очень желаю васъ видѣть. Пріѣзжайте. Кузминскій здѣсь до тридцатаго. [1] Здоровье улучшается.

Толстой.

Печатается впервые. На телеграфном бланке подлинника, кроме архивного № рукой Черткова, — служебные отметки: 14/8 5 ч. 30 м. (пополудни или пополуночи разобрать нельзя), Козловка. Если телеграмма

была отправлена на ст. Козловка-Засека рано утром, то написана она была 13 августа.

Телеграмма эта, повидимому, является ответом на несохранившийся телеграфный запрос Черткова, но одновременно и на большое письмо его от 8 августа, приписку к которому от 10 августа мы уже цитировали выше. В письме этом, написанном в вагоне, Чертков говорит: «В Петербурге мы будем... завтра вечером... Думаю пробыть там с матерью несколько дней и потом с нею же поехать в Лизиновку. Но еще не знаю. Может быть, в Петербурге окажутся какие-нибудь обстоятельства, которые заставят меня подольше остаться в Петербурге или даже заехать к вам. Признаюсь, я последнего очень желал бы, но вместе с тем думаю, что не нужно мне ехать никуда без положительной надобности. Мои пребывания у вас для меня совсем особенные дни в моей жизни, особенно радостные и всегда оставляющие большой след во мне. Но... нет причин, чтобы я чаще приезжал к вам, чем другие, для которых одинаково дорого общение с вами. Как вы думаете?»... Далее заговорив о своих отношениях с матерью, Чертков пишет: «Я думаю, что еслиб я женился, то жена внесла бы очень недостающий теплый элемент в нашу семейную жизнь. Я всё больше и больше думаю о женитьбе. Что из этого выйдет, не знаю. Знаю только, что я могу жениться только на такой, которая сама по себе имеет ту же цель жизни, как и я... Поддерживать друг друга, когда спотыкаешься, помогать подняться, когда падаешь. И какое счастье мое, что мне не случилось жениться раньше, чем я ступил на наш путь. Вы были этот раз правы, когда говорили мне, что следует жениться»... Далее он пишет: «Перечитал я еще раз теперь дорогою ваши старые письма и много нужного мне опять нашел в них. Знаете ли, вам непременно следовало бы вести постоянные записки, в роде дневника ваших мыслей и чувств. Вы это не раз сами чувствовали: «Записки христианина», «Записки несумасшедшего»... Я замечал, что мысли ваши, слова ваши гораздо как-то сильнее, когда они выражены сразу, под впечатлением минуты — «в настоящем», а не выработаны в статью. Мне кажется, что в наше время «статей» не нужно. Это форма уже отсталая... Прежде, действительно, люди брали книгу, читали, перечитывали, изучали ее. Теперь люди увлекаются больше непосредственными впечатлениями и делом... Еще выгода такого приема: вы писали бы ваши записки тогда, когда чувствуете потребность..., и это не становилось бы никогда поперек вашего ремесла — писания в художественной форме для всего народа и всех народов всякого времени... Ваши рассказы, Л. Н., теперь нужны больше, чем когда-либо... Пишите маленькое — для картинок, побольше для книжек, пишите совсем нецензурные. Только пишите. Это те сапоги, которые нам всем вместе со всем народом нужны, которые мы просим у вас, потому что вы одни можете их сшить. И главное, что не сапоги, а хлеб, насущный хлеб... — С своей стороны я возвращаюсь в Россию с желанием больше, чем когда-либо, помогать в доставлении народу хороших книг. Я чувствую, что в той искусственной обстановке, в которой приходится жить..., одна радостная и важная сторона — в том, что мы можем выпускать книжки, в которых действительно нуждаются рабочие люди, от которых мы по обстановке жизни так далеки... Хочу также обратиться письменно к молодым художникам, которые хотят ри-

совать для наших изданий, но принимаются за дело так основательно, что ничего не выходит, и приходится довольствоваться теми рисунками, какие мы заказываем за деньги и из которых многие отвратительны... Вообще хочу много, как можно больше приложить усилий к тому, чтобы наше издательское дело шло вперед понемногу...» В заключение письма Чертков говорит: «Чувствую, что это письмо какое-то странное. Но я пишу в вагоне, с обеих сторон летят мимо меня поля, деревья, дома и люди — сотни тысяч, миллионы людей... — и представляется мне, что все они живут, у каждого целый мир, каждый сплетен и переплетен с другими людьми, живущими вокруг него, — а я будто не человек, а так какая-то точка, которая несется с одного конца Европы на другой .. И знаете еще какая мысль мне всё приходит в голову (только опять про вас, приготовьтесь услышать неприятное), что вот все эти миллионы людей, среди которых пролетает наш поезд, каждому, решительно каждому из них было бы и приятно, и отрадно, и ободрительно прочесть ваши последние рассказы... Но ваши большие статьи, как «Что нам делать», этим рабочим миллионам они не нужны, для них читатели живут в тех городах, где мы останавливаемся, которые обозначены в путеводителе словом «buffet» [буфет]».

«Записки христианина», о которых говорит в своем письме Чертков, — имевшаяся у него небольшая незаконченная рукопись с художественным описанием сцен из крестьянской жизни, которые Толстой наблюдал весною 1881 г. Они входят в дневник Толстого 1881 г. (См. т. 49.) О «Записках несумасшедшего», переименованных позднее в «Записки сумасшедшего», неоконченном художественном произведении Толстого 1884 г., — см. прим. 7 к п. № 15 от 25—27 апреля 1884. (Текст — в т. 26.)

[1] Вероятно, Чертков запрашивал в своей телеграмме о том, как долго А. М. Кузминский останется в Ясной поляне, не желая разминуться с ним, так как Кузминский взял на себя, в отсутствие Черткова, последние цензурные хлопоты, связанные с выходом в свет альбома рисунков Ге к рассказу «Чем люди живы». (См. комментарий к п. № 112 от 15—16 июня 1886 г.)

* 116.

1886 г. Сентября 1. Я. П.

Положеніе мое все тоже, милый другъ. То полегче, то опять боли, изрѣдка жаръ. Душевное состояніе такое, что чувствую, что струя жизни — служенія — съузилась въ чуть замѣтныя капельки, а жизнь плотская хочетъ заявлять свои права — болью; но къ счастью чувствую, что плотская жизнь чужда и неинтересна мнѣ, и потому только жду безъ малѣйшаго безпокойства и нетерпѣнія того, что будетъ, и дорожу капельками.

Ник[олай] Ник[олаевичъ] [1] съ Тепловымъ [2] завтра ѣдутъ и, какъ со всѣми друзьями нашими, чѣмъ больше знаю, тѣмъ боль-

ше ихъ люблю. Я радъ, что он ѣдетъ, ему надо работать. Жду вѣстей отъ васъ. И очень радъ буду узнать, что все будетъ, какъ мы желаемъ.[3] Цѣлую васъ.

Л. Т.

Вчера получилъ письмо отъ Озмидовых отца и дочери. У нихъ хорошо. Мнѣ жутко за нихъ, какъ бы не испортилось.[4] Впрочемъ, будетъ, что должно быть, и страхъ этотъ ложный.

Печатается впервые. На подлиннике рукой Черткова пометка, сделанная, повидимому, позднее по памяти: «П[олучено] около 5—6 сент. 86». На свободной 2-й странице почтового листка, между исписанными Толстым 1-й и 3-й страницами, написано рукой Н. Н. Ге-сына: «Старику лучше, хотя выздоровление идет медленно, и ему придется еще лежать долго», а затем сообщается, что он, Н. Н. Ге, временно уезжает домой, на ст. Плиски Курско-Киевской жел.дор. Об этом отъезде Н. Н. Ге вместе с Тепловым (см. ниже прим. 1) Толстой и говорит в своем письме, как назначенном на следующий день. Из письма же Теплова к Толстому от 7 сентября мы видим, что Ге и Теплов прибыли на хутор Ге 4 сентября, — значит, выехали из Ясной поляны 2 сентября. На этом основании датируем письмо 1 сентября 1886 г.

Письмо это написано Черткову в Лизиновку вскоре после того, как он уехал туда из Ясной поляны, — до получения какого-либо письма от него.

[1] Как видно из вышесказанного,— Н. Н. Ге-сын (см. о нем прим. 1 к п. № 16 от 2 мая 1884 г.).

[2] Михаил Васильевич Теплов — родственник Ге, молодой офицер, артиллерийский поручик, занимавшийся живописью в киевской рисовальной школе Н. И. Мурашко, захваченный идеями Толстого и в ноябре 1886 г. оставивший военную службу. Выйдя в отставку, он продолжал заниматься живописью под руководством Ге, живя у него на хуторе и помогая ему в сельско-хозяйственных и домашних работах. Отношения Теплова с Толстым начались во всяком случае до его приезда в Ясную поляну летом 1886 г.: в сохранившемся письме Теплова от 31 марта 1886 г. он обращается к Толстому, как к хорошо знакомому, близкому человеку. В этом же письме он сообщает, что они вместе с Н. Н. Ге сочинили рисунок: «Христос у Авдеича» к расск. «Где любовь, там и Бог», что он «сочинил рисунок к рассказу «Зерно с куриное яйцо» и делает рисунки к «Двум старикам» (АТ). Толстой в письме к Ге-отцу, от апреля того же года, пишет: «Целуйте милого Теплова. Я получил его письмо с рисунками. Очень хорошо». 15 сентября 1886 г. Теплов писал Толстому с хутора Ге: «... Вот уже несколько дней Н. Н. Ге-отец кладет печку, а я ему помогаю и учусь этому делу... Настроение моего духа прекрасное: работа физическая дает бодрость и силу, хочется работать и физически, и умственно и жить с людьми как можно лучше». Повидимому, Теплов жил на хуторе у Ге в течение нескольких лет, потому что 3 февраля 1889 г. Толстой пишет Н. Н.

Ге: «Радуюсь и на Количку [Н. Н. Ге-сына], и на Михаила Васильевича, только не совсем ясна их жизнь»; затем — 20 февр. того же года: «Что Михаил Васильевич?.. целую вас всех и его»; наконец, 22 марта того же года: «Что вы мне не ответили о Теплове». (См. т. 64.) Дальнейших сведений о Теплове не имеется. В Гос. Толстовском музее сохранилась упоминаемая в письме Теплова иллюстрация его к расск. «Где любовь, там и Бог».

[3] Слова «жду вестей от вас. И очень рад буду узнать, что всё будет как мы желаем» относятся к вопросу о женитьбе Черткова. После возвращения его из-за границы в августе 1886 г. у него созрело решение жениться на А. К. Дитерихс. В это время он съездил к ней на станцию Окуловка, где она жила на даче в новгородском имении, со своей семьей, а в конце августа написал ей письмо, в котором предлагал ей соединить ее жизнь с его жизнью, и ждал ее ответа. Приехав в конце августа в Ясную поляну, по пути в Лизиновку, он сообщил об этом Толстому, который отнесся к намерению Черткова очень сочувственно, имея уже довольно ясное представление об А. К. Дитерихс не только по его рассказам, но и на основании личных впечатлений — во время ее приезда в Москву одновременно с Чертковым, Бирюковым и Калмыковой в марте 1886 г. и ее приезда в Ясную поляну в начале мая, когда она вместе с О. Н. Озмидовой и Бирюковым заехала туда на короткое время, направляясь в Воронежскую губ. к Н. Д. Кившенко (оба эти свидания ее с Толстым подробно описаны в ее «Первых воспоминаниях о Л. Н. Толстом» в кн. «Л. Н. Толстой. Юбилейный сборник». М.—Л., 1928). Несомненно, тогда же Чертков сообщил о своем намерении Н. Н. Ге-сыну и М. В. Теплову, потому что последний в письме к нему от 5 сентября, спрашивал его: «Получили ли вы ответ от вашей невесты? Надеюсь, что вы получили согласие» (АЧ).

[4] Опасение Толстого относится к судьбе земледельческой общины, возникшей по инициативе Озмидова на Кавказе, в Уч-Дере (см. прим. 13 и 14 к п. № 112 от 15—16 июля 1886 г.). Письма, которые Толстой получал в течение августа от Озмидовых и особенно от О. Н. Озмидовой, внушали ему смешанное чувство радости от их смелого, нового еще тогда опыта, в духе их общих идей, и тревоги (см. его письма к Озмидовым в августе, сентябре и октябре 1886 г. в т. 63).

*117.

1886 г. Сентября 13—14. Я. П.

Написалъ два письма и усталъ. Получилъ ваше письмо со вложеніемъ письма А[нны] К[онстантиновны]. [1] Все это хорошо. Помогай вамъ Богъ. Говорили ли вы с Л[изаветой] И[вановной] и какъ она приняла? Это важно. Мое положеніе все по старому— все очень хорошо. Болѣзнь идетъ своимъ чередомъ тихо и правильно. Было ухудшеніе, но на короткое время, 2 дня, и опять по старому. Только слабъ головой и работать, писать

не могу. Но все таки думаю, что жизнь есть. У меня гоститъ сестра [2] и больше никого — женское царство. [3] Вы напрасно спорили. [4] Я лежу и слушаю, и такъ ясно со стороны, какъ бесполезны — вредны споры. Читалъ Цвѣтникъ [5] — много ничтожнаго и очень стараго, плохого, и нѣтъ подбора. Это можно исправить. — Что то мнѣ кажется по вашимъ письмамъ, что вы очень взволнованы и спасаетесь работой. Можетъ, я ошибаюсь. Пишите, мнѣ всегда [нужно] чувствоватъ ваше душевное состояніе. Прощайте, милый другъ, заѣзжайте, когда поѣдете въ Пет[ер]бургъ.

Л. Т.

Полностью печатается впервые. Небольшой отрывок напечатан в ТЕ 1913 г., в отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 40. На подлиннике рукой Черткова помечено: «14 сент. 86». Так как письмо это, адресованное Черткову в Лизиновку, было получено им, как видно из письма его от 17 сентября, уже 16 сентября, естественно предположить, что Чертков и в этом случае руководился датою штемпеля отправления, наложенного в почтовом вагоне, и что письмо могло быть написано 13 сентября.

Письмо это написано в ответ на письмо Черткова из Лизиновки от 2—3 сентября. В первой, большей части этого письма, написанной 2 сентября, до получения ожидаемого ответа от А. К. Дитерихс, Чертков говорит (цитируем с значительными сокращениями): «Как ваше здоровье, дорогой, дорогой Л. Н.? Я каждый день думаю о вас. Но так и не успел до сих пор написать вам... — Ответа от А. К—ны я до сих пор не получил. Вероятно, получу сегодня вечером или завтра. Но я не много об этом думаю. Я... — теперь занят настоящим, и очень счастлив, что живу именно в настоящем, не рассчитывая ни на что впереди... Вечером хожу в гости к крестьянам. Они в это время возвращаются с работы, убираются на своих гумнах и идут в хату; а потому свободны и действительно всегда рады меня видеть. Мы разговариваем, читаем. Для меня это очень хорошо и освежающе. Не нарадуюсь тому, что отношения их со мною стали совсем простые: ничего не просят, говорят об «экономии», «работали у пана», «пойдем к пану», разумея управляющего моей матери, и вовсе не подразумевая никакой связи этого «пана» со мною. Одним словом, вы понимаете Хотя, конечно, общение не такое, какое бывает при совместной работе и общей с ними обстановке... Потом захожу в школу, разговариваем с учителями хорошо и серьезно, или читаем что-нибудь вместе. Всё это пересыпано отдельными случаями людей, обращающихся ко мне за тем или другим. Много в моих отношениях с людьми здесь еще совсем ненормально и запутано моим собственным прошлым, моею теперешнею еще не поборенною распущенностью и связью моею с матерью и ее обстановкою. Но я чувствую, что понемножку всё больше и больше распутывается. И в этом деле распутывания запутанной нитки я чувствую, что очень крупный комок плотно затянутых ниток был расслаблен тем, что я взялся за физический уход за

собою и физический труд за ремеслом. И этому я благодарен главным образом вам, раскрывшему мне глаза в этом отношении. — Я рад за молодого Иванова, Н. Н. [см. прим. 7 к п. № 104 от 3 апреля 1886 г.], что он здесь, рад и за себя и за наше дело литературы для всех. Я с ним всё больше сближаюсь, и всё больше убеждаюсь в том, что, если Бог даст ему жизнь, этот человек хорошо Ему послужит (как вы выражаетесь). Целые горизонты литературных работ для народа раскрываются перед нами, когда мы с ним обдумываем это дело». — Письмо это было прервано получением ответа от А. К. Дитерихс, о котором, заканчивая свое письмо на следующий день, Чертков говорит: «Вчера вечером, сидя за письмом к вам, я получил ответ А[нны] К[онстантинов]ны. Она говорит, что давно меня любит. Написала она очень, как мне кажется, хорошее, чистое и божеское письмо. Я вам его пришлю, потому что привык и чувствую потребность делиться с вами всем, что меня близко касается. Теперь же хочу я ей ответить хоть несколько слов с сегодняшнею почтою, которая уходит через полчаса».

[1] По получении письма А. К. Дитерихс к Черткову Толстой переслал его Н. Н. Ге-отцу: в письме к нему от 14 сентября 1886 г. он пишет: «Чертков посылает вам прочесть письмо его невесты» [см. т. 63]. Письмо это было не обычное: в нем А. К. Дитерихс предупреждала Черткова о своем крайне плохом здоровье, которое сама она рассматривала, повидимому, как препятствие к браку с ней.

[2] Мария Николаевна Толстая (1830—1912) — единственная сестра Толстого, детские черты которой запечатлелись в «Детстве и отрочестве» в образе Любочки. Семнадцати лет она вышла замуж за своего троюродного брата гр. Валериана Петровича Толстого, но брак этот не был счастливым, и через десять лет они разошлись. В 1854 г. она познакомилась с Тургеневым и произвела на него значительное впечатление. Позднее он посвятил ей повесть свою «Фауст», центральный образ которой, Вера Николаевна, отражает многие ее черты. Разойдясь с мужем, Марья Николаевна с детьми несколько лет жила за границей, где в 1861 г. сошлась с Виктором Г.-В. де-Клеен, шведом, и жила с ним в гражданском браке. Пережив в начале 1880-х гг. какой-то глубокий душевный кризис, приведший ее к религии, она поселилась при женском Шамардинском монастыре в Калужской губ. Позднее приняла там монашество, сохранив однако до конца жизни мягкую женственность и живость. С братом Львом Николаевичем она с юношеских лет была связана теплой дружбой. Марья Николаевна ежегодно приезжала погостить в Ясную поляну, и Лев Николаевич бывал у нее в Шамардине. Туда приехал он к ней и после ухода своего из Ясной поляны, за несколько дней до своей смерти. Подробнее см. в прим. к первому письму к ней от 1856 г. в т. 60.

[3] В письме к сыну Илье Львовичу, без точной даты, но относящемся ко времени болезни и именно к тому времени в сентябре, когда все мужчины — домашние и гости — уже разъехались, Толстой пишет: «Лежу и слушаю женский разговор и так погружен в женский лик, что уже сам начинаю говорить: «я спала». А на душе мне хорошо»...

[4] Повидимому, это замечание: «Вы напрасно спорили» относится к

моменту пребывания Черткова в Ясной поляне, перед отъездом, о котором Чертков писал ему в письме от 5—6 сентября: «В день моего отъезда я не потому с вами не сидел, что не думал о вас и не любил бы вас, а потому, что сознавал потребность исполнять то, что нужно было от меня людям, окружающим меня... Мне хотелось быть с вами, но я не мог»...

[5] «Цветник» — изданный «Посредником» сборник маленьких рассказов, басен и т. п. для детей и малограмотных читателей. Его составляла в первой половине 1886 г. А. М. Калмыкова. Часть материала подверглась обсуждению во время приезда Калмыковой к Толстому в марте того же года вместе с Чертковым, Бирюковым и А. К. Дитерихс и была переработана. Толстой написал для этого сборника предисловие, которое было переслано им в Петербург в редакцию «Посредника» уже в конце апреля и которое вошло в 1-е издание «Цветника», без имени автора, под заглавием «Прочти прежде чем книгу». Кроме того Толстым были написаны для 1-го издания «Цветника» маленькие рассказы: «Апостол Иоанн и разбойник», «Источник», «Главный закон», «Течение воды» (см. в т. 26 комментарии к этим рассказам). Туда же вошли маленькие рассказы Толстого, написанные, как текст в картинам, и при них изданные: «Ильяс», «Два брата и золото», «Вражье лепко, а Божье крепко». Некоторые произведения сборника, — как «Индеец и Англичанин» (американский рассказ), «Водяной и жемчужина» (индейск.), «Отчего зло на свете» (индейск.), «Архиерей и разбойник» (по «Misérables» В. Гюго), были заимствованы из «Азбуки» Толстого. В общем сборник в 106 страниц заключает в себе 90 маленьких рассказов. Он вышел в августе 1886 г., в Киеве (Ценз. разрешение: Киев 4 июля 1886 г.), без обозначения фирмы «Посредника», и в ноябре того же года был отпечатан в Москве с фирмой «Посредника». — Толстой, как видно из письма, остался недоволен им, и для второго издания он был значительно переработан: часть материала отброшена и заменена новым, часть, при помощи Толстого, подправлена со стороны языка, число входящих в сборник произведений значительно увеличено, и в него вошли два заново написанных рассказа Толстого: «Заветное кольцо» и «Мудрая девица». Предисловие, сделанное Толстым для 1-го издания, во 2-м издании было запрещено цензурой. 2-е исправленное изд. вышло в свет в Киеве в 1888 г. и было перепечатано в Москве в 1889 г.

Чертков отвечает на это письмо из Лизиновки письмом от 17 сентября, в котором говорит: «Вчера вечером я получил от вас коротенькое письмо и очень обрадовался тому, что вы говорите о правильном ходе вашей болезни. Третьего дня я узнал из Петербурга, что с вами было ухудшение; но не узнал до вашего письма, что вам опять стало лучше. Теперь буду рассчитывать на то, что Татьяна Львовна будет мне доставлять сведения о ходе вашей болезни. На пути в Петербург непременно, если Бог даст, заеду к вам. Я уже написал отцу А[нны] К[онстантинов]ны, прося его согласия на нашу женитьбу. Моя мать совсем согласна. — Вероятно, недели через две поеду. — Я совершенно согласен с вами относительно недостатков «Цветника». Мы с Ивановым уже набираем второй сборник, и я надеюсь, что он выйдет удачнее... Вы правы были про мое взволнованное состояние... Теперь я чувствую себя совсем хорошо и спокойно. Мать

вчера утром уехала в свою школу и вернется только сегодня вечером. По этому случаю я чувствую какую-то странную свободу — не нужно быть дома к сроку, не нужно сидеть в креслах, молчать и скучать, смотря, как два лакея во фраках и белых перчатках приносят нам маленькие чашки кофе... Обедаю и ужинаю с кучером и так это хорошо — эти деревянные ложки и общая миска, без приборов и всего остального. Впрочем, всё это вы сами знаете и понимаете»...

* 118.

1886 г. Октября 3—4. Я. П.

Вчера получилъ ваши два письма — одно, что вы ѣдете, другое еще нѣтъ. Жду васъ съ большой радостью. Здоровье мое лучше, но я все еще инвалидъ и живу внѣ своихъ привычекъ, не только физическихъ, но и умственныхъ. [1] Не скажу, чтобы это было мнѣ тяжело. Многое я пріобрѣлъ во время этой болѣзни. Вчера получилъ письма отъ Озмидовыхъ очень хорошіе — вы ихъ прочтете. [2] Отъ Ан[ны] Конст[антиновны] давно уже получилъ длинное хорошее письмо [3] и вмѣсто того, что[бы] коротко отвѣтить, началъ по пунктамъ на всѣ ея мысли. А такъ [какъ] одна изъ мыслей была о жизни и смерти, то, о чемъ я такъ много заново думалъ, то и началъ объ этомъ и до сихъ поръ все пишу, т. е. думаю и записываю. Напишите ей, чтобъ она на меня не обижалась. Впрочемъ я это передалъ ей съ Бирюков[ымъ], к[оторый] пожилъ у насъ дня 4. И мнѣ такъ радостно б[ыло] съ нимъ.

Надѣюсь, что вы здоровы совсѣмъ. Очень радъ извѣстію о томъ, какъ приняла ваше намѣреніе Лиз[авета] Ив[ановна]. Я совсѣмъ привыкъ къ мысли о вашей женитьбѣ, и мнѣ теперь это кажется еще лучше, чѣмъ прежде. Иванова я очень радъ б[уду] видѣть и желаю этаго; но какъ бы ему не было или неловко въ нашей большой семьѣ чуждыхъ ему людей или непріятно обѣдать и т. п. не со всѣми. [4] Видѣться же мы бы могли достаточно. Вы рѣшите. Я отъ Ге получилъ письмо. Онъ пишетъ о его работѣ. Все, что до него касается, мнѣ очень близко. [5] И вы вѣрно судите о немъ въ одномъ изъ вашихъ писемъ. Прочли бы и Дикенса его передѣлку. [6] У меня кое что (не мое), но хорошее есть для Посредника и готовое, и въ планахъ. [7] Обо многомъ нужно переговорить. Теперь ваша совѣсть можетъ быть спокойна. [8] Пріѣзжайте ко мнѣ. — До свиданья, дорогой другъ.

Л. Т.

Полностью печатается впервые. Отрывки напечатаны в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 40. На подлиннике рукой Черткова пометка: «4 окт. 86». Датируем расширительно.

Толстой упоминает в своем письме о двух письмах, полученных от Черткова, с сообщением о времени его приезда в Ясную поляну. Оба против обыкновения не датированы, но по содержанию и соотношению упоминаемых им дней недели с числами месяца должны быть отнесены к 29 и 30 сентября. Но кроме этих двух писем и вышецитированного ответного письма от 17 сентября Толстой получил от него во второй половине сентября еще два письма — от 12 и от 15 сентября. Часть этого последнего дает ему материал для ответа в комментируемом письме. Заговорив о Н. Н. Иванове, который в это время гостил у него в Лизиновке, Чертков пишет: «Странное и новое для меня явление этот Иванов. Совсем молодой, почти еще мальчик, и полное согласие с нашею верою. Но согласие не выработанное жизнью, борьбою, ломкою, а повидимому усвоенное легко и просто по впечатлению. Из всего того, что он слышал, ему это показалось самым лучшим, и он усвоил всё наше понимание жизни и судит обо всем с этой точки зрения очень положительно, легко и без всяких сомнений. Я его наблюдаю, и мне странно. Или это всё поверхностно и пройдет. Но это навряд ли... Ведь он ни на что *лучшее* никогда не натолкнется. Скорее всего, что это тип тех молодых людей, которых, вероятно, скоро будет много. К ним не успело еще привиться ложное, обманное представление жизни, от которого нам приходилось отделываться... Разумеется, в свое время и у них будет своя борьба, свои затруднения и падения. Но мне представляется, что молодые люди этого назревающего поколения пойдут очень далеко, п. ч. пускаются они в путь с той точки, до которой мы с вами еле-еле добрались. Так ли это?»

В письме от 29 сентября Чертков сообщает, что 5 октября утром он надеется быть в Ясной поляне, а далее опять говорит об Иванове: «Молодой Иванов тоже едет со мною. Ему, во всяком случае, нужно вернуться в Москву. Ему очень нужно повидаться с вами, чтобы посоветоваться о дальнейших своих литературных работах и показать вам то, что он сделал за последнее время. (Между прочим он кончил переделку Диккенса)... Но может случиться, что в настоящую минуту неудобно, чтобы он навестил вас. Если это так, то, пожалуйста, сообщите телеграммою на мое имя на Ряжский вокзал [Сызрано-Вяземской ж. д., где путь из Воронежской губ. на Москву скрещивается с путем на Тулу] до востребования, что вам неудобно, чтобы он приехал к вам теперь вместе со мною». На следующий день, 30 сентября, Чертков пишет, что мать его попросила его отложить еще на несколько дней отъезд, чтобы, пользуясь временным отсутствием у нее одного гостя, побольше повидаться с ним перед его женитьбой. «Она вообще придает большое значение моей женитьбе, — говорит Чертков. — Она очень довольна моим выбором. Оказывается, что ей уже с разных сторон говорили об А[нне] К[онстантинов]не по тому случаю, что она работала с нами вместе в «Посреднике», и все отзывы, которые она слышала о ней, были самые сочувственные, благоприятные. Вчера моя мать написала А[нне] К[онстантинов]не очень доброе письмо, а сегодня она высказала мне, как она рада тому, что я в выборе жены, очевидно, принял

также в соображение и ее желание. Одним словом, с этой стороны пока всё идет благополучно».

[1] В сентябре Толстой писал Озмидову, что принужден писать лежа, так как сидеть больно, а через неделю после настоящего письма, 11—12 октября, в письме к Бирюкову, сообщал о себе: «Я на костылях с болью передвигаюсь и опускать ногу не могу, а оттого дурно сплю, и оттого не могу хорошо, связно выражать всё то, что — много — набралось в голове и сердце». В письме к Озмидову, написанному, повидимому, в тот же день, как и настоящее письмо, он отмечал непривычную для него «жизнь... в тесном кружке людей и невозможность двигаться и переменять людей». Но в этом же письме, в связи с тем, что здоровье его поправляется, он говорит: «но мне кажется, что совершенно всё равно жить с большей или меньшей вероятностью близкой смерти или с большими или меньшими страданиями... Эти два месяца болезни дали мне много неизвестного мне прежде блага». Еще полнее высказана эта мысль в письме к гр. А. А. Толстой, написанном приблизительно в то же время: «... Очень большие и продолжительные телесные страдания и после них телесная смерть — это такое необходимое и вечное и общее условие жизни, что человеку, вышедшему из детства, странно забывать про это хоть на минуту. Тем более, что память об этом не только не отравляет жизни... но только придает ей твердость и ясность» (см. т. 63).

[2] Письма Озмидовых, о которых говорит здесь Толстой, не сохранились. Он отвечал на них очень длинным письмом на имя Н. Л. Озмидова, в котором высказал многое из тех мыслей об отношении к людям и влиянии на них, которые особенно ясны стали ему за время болезни.

[3] Содержание этого первого письма к Толстому от А. К. Дитерихс см. в комментарии его ответного незаконченного письма к ней — № 119, от конца сентября — начала октября 1886 г.

[4] Этими словами Толстой, повидимому, дает понять Черткову, что так как, в виду его болезни, он сам не присутствовал бы за общим столом, то Иванов, сын фельдшера, проживший юные годы в подвале с бедняками, мог бы не только плохо чувствовать себя за обедом в чуждой ему среде, но, быть может, столкнуться и явно с тем неприязненным отношением Софьи Андреевны, какое она всегда высказывала по отношению к тем, кого она называла «темными», т. е. к последователям Толстого, вышедшим из «низшего круга» или отказавшимся от всех традиций дворянских кругов, как Бирюков и др. — По получении этого ответа Толстого на свой вопрос, Чертков, очевидно, решил однако, что дело можно уладить так или иначе безобидно для Иванова: о том, что Иванов побывал одновременно с ним в Ясной поляне, можно с уверенностью судить по письму его, Иванова, к Черткову из Москвы в Петербург от 15 октября 1886 г., сохранившемуся в архиве Черткова.

[5] Эта последняя фраза Толстого относится уже не к Ге, а к Иванову, на что указывает и следующая за нею фраза, отвечающая на размышления Черткова об Иванове, выраженные в письме от 15 сентября. Повидимому, Толстой был уже очень утомлен, когда дописывал это письмо, не перечел его и оставил в нем стилистическую неясность.

[6] Выражение «Прочли бы и Диккенса его переделку» тоже не совсем ясно, но так как в письме от 29 сентября Чертков сообщал Толстому о том, что Иванов закончил переделку Диккенса, то несомненно, что Толстой выражает надежду при свидании с Чертковым и Ивановым познакомиться с этой переделкой Диккенса в чтении одного из них. — Какое именно произведение Диккенса было обработано для «Посредника» Ивановым, — неизвестно. Во всяком случае в печать оно не попало.

[7] Письма Толстого ближайшего к этому времени, написанные и другим лицам, как и письма к нему, не дают точных указаний на то, что именно хорошее для «Посредника» «и готовое и в планах» было у него в тот момент. Возможно, что под «готовым» он подразумевал переделку «Крошки Доррит» Диккенса, присланную ему Озмидовым; хотя в ответе Озмидову он выражал и неполное удовлетворение его работой, но признал, что печатать ее всё же можно, а самое произведение Диккенса было одним из его любимых (переделка Озмидова однако в печать не попала). Что касается планов работ для «Посредника», то можно допустить, что под впечатлением полученных им незадолго перед тем трудов Миклухи-Маклая он вновь стал думать об изложении для «Посредника» его поучительной жизни среди дикарей Новой Гвинеи, о чем писал ему самому 25 сентября, т. е. незадолго до настоящего письма к Черткову (см. прим. 5 к п. № 104 от 3 апреля 1886 г.). Кроме того в данное время Толстого занимали мысли об основании особого научного отдела в «Посреднике», — мысли, которые он обстоятельно изложил в письмах к Бирюкову от 11—12 октября и к Н. Н. Страхову от 19 октября (см. т. 63) и которые вскоре стали уже понемногу осуществляться.

[8] Слова «Теперь ваша совесть может быть спокойна», вероятно, подразумевают, что женитьба принесет Черткову то психическое равновесие, отсутствие которого часто давало ему о себе знать и сопровождалось тяжелыми упреками самому себе, выражавшимися и в письмах к Толстому.

119. А. К. Дитерихс.

1886 г. Конец сентября — начало октября. Я. П.

Постараюсь по пунктамъ отвѣтить на ваше письмо, за которое вамъ очень благодаренъ.

1) Мое здоровье очень хорошо. Я лежу еще, нога заживаетъ понемногу, и я понемногу могу мыслить и писать.

2) О жизни и смерти, то, о чемъ я такъ много напряженно думалъ это послѣднее время и о чемъ вы, я вижу, и думали и думаете. Человѣку, вамъ, мнѣ, представляется въ извѣстный періодъ его жизни удивительное и ужасающее сначала внутреннее противорѣчіе его личной жизни и разума. «Я, только я, все для меня, внѣ меня все мертво — интересенъ, важенъ, дорогъ для себя только я, и я не вѣрю въ свое уничтоженіе, хочу жить

вѣчно, не могу себѣ представить жизни безъ себя», и вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ ужасный разумъ, соединенный въ одно съ моимъ я, говоритъ мнѣ ясно, несомнѣнно во первыхъ, что я не одинъ, а что такихъ я, съ заявленіемъ такихъ же требованій исключительности, безчисленное количество, что мнѣ неизбѣжна борьба съ этими *я* и погибель въ этой борьбѣ, во-2-хъ, что стремленія моего *я* не согласны, а прямо противорѣчивы общей жизни, соприкасающейся со мной, въ 3-хъ — то, что отъ меня, отъ столь драгоцѣннаго мнѣ *я*, хотящаго жить вѣчно, только и существующаго по моему чувству, въ лучшемъ случаѣ останется удобреніе для будущихъ чужихъ жизней, а то не останется ничего. Это противорѣчіе, кажущееся страшнымъ, когда оно вполнѣ сознается, лежитъ между тѣмъ въ душѣ каждаго человѣка, ребенка, даже составляетъ необходимое условіе жизни человѣка, какъ разумнаго существа. Противорѣчіе это было бы ужасно, если перестать жить, дѣйствовать, — и смотрѣть на него. Но это-то противорѣчіе и выростаетъ изъ жизни, и сопутствуетъ жизни и видоизмѣняется вмѣстѣ съ жизнью. — Противорѣчіе это для человѣка не можетъ быть разрѣшено словами, такъ какъ оно есть основа жизни человѣка, а разрѣшается для человѣка только жизнью, — дѣятельностью жизни, *освобождающей* человѣка отъ этаго противорѣчія.

Жить нужно, иначе противорѣчіе разорветъ жизнь, какъ разорветъ не работающій паровикъ. И дѣйствительно всѣ люди живутъ и жизнью освобождаются отъ этого противорѣчія, когда оно зарождается. Когда оно зарождается, потому что противорѣчія нѣтъ въ зародышѣ, въ ребенкѣ, въ идіотѣ. Разумъ, производящій противорѣчіе, зарождается на тѣхъ же существахъ, живущихъ и взрожденныхъ личной жизнью. Природа, Б[огъ] производитъ наибольшіе результаты при наименьшемъ усиліи. Разумъ не является новой силой, а рождается на той же силѣ жизни, составляетъ цвѣтъ ея. Енергія жизни, проникнутая разумомъ, производитъ новую работу жизни тѣми же орудіями. Разумъ разцвѣлъ, противорѣчіе появилось, а жить нужно, т. е. жизнь требуетъ дѣятельности, какъ падающее колесо подъ ногами лошади. [1] — Жить надо съ разумомъ, производящимъ противор[ѣчіе], и является борьба: жить старой личной жизнью, к[оторою] жилъ съ молода, и не слышать голоса разума, не видѣть противор[ѣчія] или отдаться разуму и на пути его искать разрѣшенія.

Мы всѣ находимся въ этомъ положеніи и всегда находились въ немъ. Въ то время даже дѣтства и юности, когда вы, не глядя на это противорѣчіе, росли и развивались для себя, только для себя, мы этимъ самымъ развитіемъ ростили въ себѣ неизбѣжный разумъ, к[оторый], выросши, уничтожаетъ нашу личную жизнь. Никуда не уйдешь отъ этаго положенія. Приходитъ время, и противорѣчіе становится передъ человѣкомъ во всей силѣ: хочу жить для себя и хочу быть разумн[ымъ], а жить для себя неразумно.

Мы называемъ это противорѣчіемъ, когда оно въ первый разъ ясно представляется намъ, и такъ оно чувствуется намъ. Но противорѣчіе ли это? Можетъ ли быть противорѣчіемъ для человѣка то, что есть общій законъ его жизни? Вѣдь если такъ, то и для сгнивающаго зерна есть противорѣчіе то, что оно сгниваетъ, пуская ростокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ противорѣчіе для меня, когда я лежу и мнѣ больно, и я хочу двигаться и радоваться или, даже не больной, хочу ѣсть, наслаждаться? Въ томъ, что *хочу* наслаждаться, а разумъ показываетъ мнѣ, что въ этомъ нѣтъ жизни, — противорѣчія нѣтъ, а есть уясненіе жизни, если я повѣрю разуму. Противорѣчіе только тогда, когда я не вѣрю разуму и на перекоръ ему говорю безъ всякаго основанія, что въ личномъ наслажденіи есть жизнь. Противорѣчіе было бы тогда, когда разумъ бы сказалъ, что въ наслажденіи нѣтъ жизни и нѣтъ жизни вообще; но онъ не говоритъ этаго, а говоритъ, что въ личномъ наслажденіи нѣтъ жизни, но что есть жизнь разумная. Противорѣчіе только тогда, когда я не хочу слушать голоса разума. Разумъ показываетъ необходимость перенести сознаніе жизни изъ личной жизни во что-то другое, онъ показываетъ ненужность, безсмысленность личной жизни, обѣщая новую жизнь, какъ проростаетъ зерно, распирающее косточки вишни. Противорѣчіе только тогда, когда мы ухватились за ту внѣшнюю форму жизни, к[оторая] имѣла значеніе въ свое время, но отжила. Если мы не слушаемъ требованій разума, то мы не хотимъ или не можемъ идти дальше по пути, открываемому разумомъ. Когда оболочка зерна, тогда, когда зерно разбило ее, хочетъ утверждать свою жизнь, то, что мы называемъ противорѣчіемъ, есть только муки рожденія къ новой жизни. Стоитъ только не противиться неизбѣжному уничтоженію личной жизни разумнымъ сознаніемъ и отдаться этому разумному

сознанію, и открывается новая жизнь, какъ для рожденнаго. Не рожденный не знаетъ того, чѣмъ онъ страдаетъ, рожденный узнаетъ свою свободу. Только рожденный разумно познаетъ то, отъ чего онъ спасся своимъ рожденіемъ, и познаетъ благо рожденія. И рожденіе это также неизбѣжно, какъ плотское рожденіе, для человѣка, дожившаго до періода яснаго внутренняго противорѣчія. Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ тотъ вопросъ, к[оторый] представляется человѣку, дожившему до періода яснаго противорѣчія. 1) Я живу для своего наслажденія. Все живетъ для того же. Всякое мое наслажденіе нарушаетъ наслажденіе другихъ. Я долженъ вѣчно бороться. И если даже успѣшно буду вѣчно бороться, я не могу не бояться, что всѣ эти борящіяся за свое наслажденіе существа не задавятъ меня. И страданія и страхъ. Дурно. 2) Смыслъ жизни для меня мое счастіе; міръ же живетъ весь вокругъ меня чѣмъ-то другимъ. и весь міръ для меня безсмыслица. И 3) самое ужасное, включающее въ себя все: весь смыслъ моей жизни — моя жизнь, и каждымъ движеніемъ, каждымъ дыханіемъ я уничтожаю эту жизнь и иду къ погибели всего. Я все это ясно вижу, не могу не видѣть, разумъ, составляющій часть моего *я*, не переставая, указываетъ мнѣ это. Что мнѣ дѣлать? Жить по прежнему, какъ я жилъ съ дѣтства, нельзя, нельзя жить косточкой, она лопнула, выросло зерно — разумъ, уничтожающій смыслъ каждаго шага жизни. Попробовать спрятать этотъ свѣтъ, забывать то, что показываетъ разумъ? Не легчаетъ. Спрятанный разумъ проявляется въ видѣ совѣсти, отравляющей всякій шагъ жизни. Хочешь, не хочешь, чел[овѣкъ] долженъ сдѣлать одно: похоронить свою личную жизнь, поблагодаривъ ее за все, что она дала, а она дала, выростила разумъ, и перенести — не перенести, это невѣрное выраженіе, п[отому] ч[то] включаетъ понятіе произвола, а тутъ нѣтъ произвола — не перенести, а отдаться той одной жизни, к[оторая] остается послѣ уничтоженія личной жизни. Это страшно, непривычно, чудно сначала, но дѣлать нечего. Нельзя не отдаться ей, п[отому] ч[то] она одна зоветъ къ себѣ, она принимаетъ въ себя, какъ принимаетъ въ себя сосудъ падающее тѣло. Нельзя не отдаться ей, п[отому] ч[то] она одна разрѣшаетъ всѣ противорѣчія личной жизни. Личная жизнь — борьба, жизнь разумная есть единеніе. Личная жизнь есть несогласіе, противленіе жизни міра, жизнь разумная вся въ согласіи съ жизнью міра. Жизнь личная уничто-

жается смертью. Для жизни разумной нѣтъ смерти. Нѣтъ смерти, п[отому] ч[то] человѣкъ переноситъ свою жизнь въ служеніе вѣчному закону міра, и потому цѣль его жизни становится не жизнь, но *служеніе*. Онъ умираетъ плотски на служен[іи] и не знаетъ смерти.

Но это невозможно, скажутъ тѣ, к[оторые] не могутъ отрѣшиться отъ личной жизни. Напротивъ, невозможно обратное, невозможно не жить внѣ себя. И всѣ люди живутъ такъ. Только это есть ихъ дѣятельная жизнь: семья, имущество, отечество и т. п. Прививокъ разума, выросшій на дичкѣ жизни, есть единственный двигатель жизни. Онъ поглощаетъ все, и всякая дѣятельность жизни облекается въ разумную, безсмертную жизнь. [2]

Полностью печатается впервые. Начиная с пункта 2-го было напечатано с некоторыми сокращениями в издании С. А. Толстой «Собр. соч. гр. Л. Н. Толстого», т. XV, М. 1911, под заглавием: «Письмо к А. Д.». Подлинник — на двух полулистах и двух листах почтовой бумаги — имеет, за исключением первых строк, характер сильно измаранной рукописи, в которой многие места, как и отдельные строки и слова зачеркнуты, а между строками мелким почерком сделаны замены или вставки. Ни обращения, ни подписи в письме не имеется, так же как не имеется на нем каких-либо пометок посторонней рукой. Время его написания определяется указанием самого Толстого в письме его к Черткову от 3—4 октября (№ 118).

Письмо это, разростаясь, стало превращаться в статью на тему о жизни и смерти (см. ниже, прим. 2) и в подлиннике послано А. К. Дитерихс не было. Копия же его была вручена Черткову в октябре 1886 г., когда он заезжал, проездом из Лизиновки в Петербург, в Ясную поляну, и передана им А. К. Дитерихс.

Анна Константиновна Дитерихс, по мужу Черткова (род. 17 апреля 1859 г. в Киеве, ум. 11 июня 1927 г. в Москве) и со стороны отца, и со стороны матери происходила из военной среды. Отец ее, Константин Александрович Дитерихс, сын боевого генерала времен наполеоновской войны, по окончании пажеского корпуса уехал в действующую армию на Кавказ и пятнадцать лет провел там в походах; мать ее, Ольга Иосифовна, была дочерью генерала Мусницкого, по происхождению полулитвина, полу-поляка. Детские годы А. К. Дитерихс прошли на Волге в посаде Дубовке Саратовской губ., где отец ее командовал одной из кавказских батарей, стоявших в Дубовке после кавказских походов. В семье уже тогда было несколько человек детей (Анна Константиновна — вторая по старшинству), всего же их было у Дитерихсов, считая трех умерших в отрочестве, двенадцать — семь сыновей и пять дочерей. Уклад семейной жизни был старозаветный. Отец, очень прямой и не лишенный сердечности

человек, пугал иногда детей своими резко-деспотическими вспышками; мать была, напротив, кроткая, печальная и склонная изнеживать детей; она была очень религиозна, в церковном духе, тогда как отец, долго живший среди разноплеменного населения Кавказа, отдавал предпочтение перед православием магометанству и русским сектам молокан и духоборцев. Наиболее сильные впечатления детства были связаны для А. К. Дитерихс с волжскими народными песнями — бурлаков и лодочников, которые в дальнейшем оказали большое влияние на ее собственное пение и на ее музыкальное творчество. В 1866 г. отец, отказавшись от фронтовой службы, уехал на Кавказ для организации там коннозаводского дела, так как был знатоком его, семья же переехала в Киев, комендантом которого состоял тогда дед А. К. Дитерихс, ген. Мусницкий. Затем семья, вновь соединившись, жила то на Кавказе в Майкопе, то в Одессе, а в начале 1870-х гг. опять переехала в Киев, где А. К. Дитерихс училась в Фундуклеевской гимназии и серьезно занималась пением у известной преподавательницы Авранек. С 1878 г. Дитерихсы поселились в Петербурге, и А. К. Дитерихс поступила на Высшие женские курсы (Бестужевские) — на словесное отделение, с которого через два года перешла на естественное и закончила его в 1886 г. В этот период своей жизни — в годы студенчества — она считала себя атеисткой, зачитывалась «Историей материализма» Ф. А. Ланге, Льюисом, Чернышевским, Флеровским и другими писателями революционно-народнической окраски, сочувствовала «Земле и Воле» и, по ее собственным словам, «была на границе увлечения революцией», но террористический акт 1-го марта оттолкнул ее. Потом она увлекалась одно время позитивизмом Огюста Конта и, наконец, особенно заинтересовалась философией Фихте, которая стала для нее «переходной ступенью к религиозной философии Толстого». Однако занятия наукой и философией без непосредственного приложения к жизни не удовлетворяли ее, и летом, когда Дитерихсы уезжали в деревню — в Харьковскую, потом в Новгородскую губ., где жили, как нестесняющиеся в средствах народолюбивые помещики, ежегодно устраивая грандиозный праздник для окрестных деревень с обильным угощением и раздачей подарков, — А. К. Дитерихс занималась лечением крестьян и вела занятия с крестьянскими детьми. В этот же период ее жизни, когда она была еще на курсах, но уже шла к практической работе, — в 1883 г.— изобразил ее на своей известной картине «Курсистка» художник Н. А. Ярошенко: скромно одетая худенькая черноглазая девушка в черной шапочке, торопящаяся куда-то с пачкой книг под мышкой. Пением она занималась в Петербурге у артистки Мариинского театра Рааб и с успехом выступала на курсовых вечерах. Не окончив еще курсов, весною 1885 г., она узнала о возникновении «Посредника» и тотчас же потянулась к участию в его работе. В письме к Толстому от 9 июня 1885 г. Бирюков так рассказывает о вступлении ее в число постоянных работников редакции: «Малое стадо растет. Вот еще одна овца, услыхавшая голос доброго пастыря и бегущая на зов его. Это одна молодая девушка, кроткая, симпатичная. Она познакомилась со мной через одного моего товарища — моряка—только для того, чтобы сблизиться с нашим делом, просила позволения помогать нам и действительно помогла... Она читала книжки,

изданные для народа, разбирала их, отбирала негодные и давала нам те из них, в которых нет ничего противного ученью Христа. Это учение она любит и понимает просто; читала все ваши последние сочинения, почти во всем согласна с вами, ищет дела и приложения этого учения к жизни. Настоящее состояние ее — курсистка, оканчивающая курс на Высш. Женск. курсах. Должно быть, видела в жизни горе, изверилась в людях,— и вот мелькнул для нее светлый луч, она ухватилась за него и теперь рада, благодарит нас... Теперь она с семьей уехала на дачу. Пишет оттуда, что и в семье ей жить стало легче». Несомненно, что и тогда ее чрезвычайно волновали вопросы социального неравенства, и она была всецело с теми, которые стремились сбросить с себя путы своих классовых привилегий и послужить трудящимся. Несмотря на свое чрезвычайно слабое здоровье, она не довольствовалась своей обширной работой в «Посреднике» и с осени 1885 г. стала ездить вместе с Калмыковой и Бирюковым на Шлиссельбургский тракт для преподавания в воскресных и вечерних школах для рабочих. Предрассудки ее семейного круга была чужды ей, и в марте 1886 г. она, как мы уже знаем, поехала с Бирюковым в Москву для знакомства с Толстым, что не мало шокировало Софью Андреевну, которая пришла уже в совершенное негодование, когда в начале мая 1886 г. А. К. Дитерихс с О. Н. Озмидовой в сопровождении Бирюкова приехали на день в Ясную поляну, направляясь в Воронежскую губ. к Н. Д. Кившенко, и на пути туда заехали в Лизиновку к Чертковой.

1 июля Н. Д. Кившенко пишет Чертковой в Англию из Петербурга: «Анна Константиновна проектирует оставить Петербург и хочет уехать со мной, чтобы... в земской больнице научиться подавать медицинскую помощь... Я ей советовала выйти замуж за П. И. Бирюкова, который был чрезвычайно увлечен ею, но она говорит, что для этого недостаточно той любви, которой она его любит». В конце августа брак ее с Чертковым был решен (см. прим. 3 к. п. № 116 от 1 сентября 1886 г.). Свадьба ее состоялась — очевидно, чтобы не огорчать как Е. И. Черткову, так и родителей А. К. Дитерихс — с соблюдением установленных формальностей в домовой церкви 2-й петерб. гимназии, 19 октября 1886 г., после чего они уехали в Лизиновку, где А. К. Черткова перенесла тяжелую болезнь, а на обратном пути, в декабре, оставались довольно долго в Москве в доме Толстого. С этого времени окончательно установилась глубокая симпатия к ней Толстого, перешедшая в крепкую дружескую привязанность. Он уже внутренно как бы не разделял мужа и жену Чертковых, в письмах своих часто обращался к ним обоим, видел в них обоих одинаково своих подлинных единомышленников, делающих общее с ним дело, и притом чрезвычайно близко принимал к сердцу всё, что касалось их личной жизни, их переживаний в связи с рождением детей и смерти в июле 1889 г. старшей девочки, чрезвычайно тяжко отразившейся на здоровье А. К. Чертковой. Дальнейшая биография ее неотделима от биографии ее мужа (см. комментарий к п. № 1 от 5 декабря 1889 г.). Вся ее деятельность протекала в глубоком внутреннем единении с ним на почве тех идей, которые связывали их обоих с Толстым. В ближайшие годы после своего замужества, живя с 1887 г. в деревне, в Лизиновке, а затем на хуторе Ржевск, куда была перенесена редакция «Посредника», А. К. Черткова продолжала ра-

ботать над подготовкою изданий для народа, а с 1891 г. и над серией «для интеллигентных читателей», в качестве редактора, и сама написала ряд книжек как для взрослых читателей, так и для детей, печатая их либо анонимно (рассказ «Подвиг»), либо под скромными инициалами («Перепелочка» и др. рассказы для детского возраста). С 1893 г., когда Чертков, передав редакторскую работу по «Посреднику» Бирюкову и И. И. Горбунову-Посадову, стал изучать течения свободной религиозной мысли в народе, проявляющейся в сектантстве, и в связи с гонениями на сектантов царского правительства вступил в письменные сношения с представителями разных сект, а также с лицами отпадающими от православия и с единомышленниками Толстого, подвергавшимися преследованию за неповиновение властям, А. К. Черткова принимала самое деятельное участие в этих сношениях, и переписка ее с десятками и сотнями преследуемых продолжалась до конца жизни. Когда в 1897 г. Чертков, за защиту гонимых духоборов, был выслан за границу, А. К. Черткова вместе с ним работала в Англии над созданием журнала «Свободное слово» и над изданием, по-русски и по-английски, сочинений Толстого, запрещенных в России, исполняя обязанности помощника редактора и неся на себе труд корректора и конторщика. Там же, в Англии, видаясь с представителями разных русских сект, она начала записывать их религиозные песнопения, и позднее, дополнив эти музыкальные записи, издала сборник «Что поют русские сектанты», в трех выпусках, куда вошли духоборческие псалмы и «стишки», малеванские «псалмы» и распевы хлыстов, скопцов, молокан и др. (изд. Юргенсона, М., 1912). По возвращении в Россию, в 1908 г., А. К. Черткова вместе с мужем помогала Толстому в подготовке к печати разных его произведений и в его переписке с лицами, интересовавшимися его взглядами. После смерти Толстого работала над изданием его посмертных художественных произведений, вышедших под редакцией Черткова. Одновременно она продолжала и свою музыкальную деятельность и в период 1908—1912 гг. выпустила в издании П. Юргенсона, кроме указанного уже сборника, запись народной песни «про Москву 1812 г.», сборник песен и гимнов на мотивы, заимствованные частью из народного песенного творчества, частью у известных композиторов, под заглавием «Сеятель», пять выпусков своих «Мелодий» для пения и, наконец, «Песенки и каноны для детских голосов». В эти годы, последовавшие за смертью Толстого, когда множество лиц из разных слоев общества и разных стран, интересовавшихся его идеями, стали обращаться к Чертковым, переписка, которую приходилось вести А. К. Чертковой, и без того очень обширная (до 1000 писем в год), превратилась в огромный постоянный труд для нее, который она несла однако, несмотря на непрерывные болезни и возрастающую физическую слабость, с легкостью человека, всецело отдавшегося своему делу. Во время империалистической войны она всячески помогала сотням последователей Толстого, терпевшим преследования царского правительства за отказ от участия в войне. В то же время она разрабатывала вместе с мужем план полного издания всего, написанного Толстым, а в последние годы собирала материалы для этого издания и готовила к печати многотомную переписку Толстого с Чертковым. За этой работой, реализации которой она так нетерпеливо ждала, и застигла ее смерть. Из

литературных ее трудов наибольшую ценность представляют ее воспоминания «Из моего детства». Библ-ка свободн. воспит. под ред. И. И. Горбунова-Посадова, М., 1911; «50 лет тому назад» в «Сборнике в честь Вс. Изм. Срезневского», Спб., 1919; ее воспоминания о Толстом: «Мои первые воспоминания о Л. Н. Толстом» в Юбил. сборн. «Л. Н. Толстой», М.-Л., 1928 и «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом» в сб. «Толстой и о Толстом», № 2, М., 1926.

Первое письмо А. К. Дитерихс к Толстому, на которое он отвечал ей своим большим письмом с размышлениями о жизни и смерти, было написано из Петербурга 12-16 сентября 1886 г. (почт. штампель 18 сентября). Приводим из него всё наиболее существенное. «Дорогой Лев Николаевич,— пишет А. К. Дитерихс, — простите, что беспокою вас, — больного — письмом моим; прошу вас, если чтение его затруднит вас, — бросьте его, не утомляйте себя. Я пишу только потому, что не могу не писать, я уже давно мысленно подолгу беседую с вами и порываюсь писать, но так много у меня на душе, что не знаю, разберусь ли я в том, что мне всего нужней или более всего хочется сказать вам и спросить. — Всё это время вашей болезни, каюсь вам, я не могу преодолеть душевной тревоги, охватывающей меня при известии об опасном положении вашего здоровья. Я знаю, что это маловерие и что не следует бояться за вас, когда вы сами так спокойно и здраво относитесь к явлению смерти. Вспоминаю ваше и Файнермана письма к О. Озмидовой о смерти и вечности, помню, что они произвели на меня долгое впечатление, они совпали с моим настроением. Именно тогда я много думала о смерти и старалась выработать в себе полное примирение с возможностью умереть каждый день, каждый час. И я рада, что мне удалось сделать кое-что в этом направлении. До тех пор я никогда не жила так полно, счастливо, спокойно, как тогда (весной этого года). Мысль о смерти не покидала меня, и я именно поэтому стремилась всем существом жить настоящим и любить всё существующее. К сожалению я не могу сказать, чтобы такой подъем духа оставался всегда на той же высоте. Опять бывали отклонения в противоположную сторону, опять являлось недовольство настоящим, искание подвига и — вместе с этим боязнь смерти. И не самый факт смерти меня пугал, а страшно было того, что умрешь «прожив даром» на свете... Нет во мне той постоянной внутренней гармонии, при которой сами собой разрешаются все вопросы главные и второстепенные... Рассудочно, принципиально можно решать, что угодно, но до тех пор пока всем существом не проникнешься смыслом первой заповеди: возлюби бога всем сердцем и разумением твоим, до тех пор в жизни, на деле часто будут колебания и ошибки. — Вот тогда, когда я проникнута сознанием, что только в отречении от своей личной воли — всё благо, тогда я счастлива, мне ничего не надо, ни подвигов, ни перемены обстановки, нет и страха смерти. Как хороши эти минуты внутренней гармонии и как тяжелы те, в которых отклоняешься от воли бога, теряешь разумение. — Вот и это время я неспокойна, мне тяжело, невольно тяжело, что я всё мучаюсь, думая о вашей болезни. В такие минуты я чувствую, что почва уплывает у меня из под ног и что вопросы, цепляясь один за другой, наполняют мою слабую голову и затуманивают ее. «Зачем смерть, когда такие люди так нужны? Что мне докажет целесообразность этого?

Куда девать это чувство, вносящее разлад в мои мысли, как победить его, согласовать с разумом, сделать его законным, и действительно ли оно незаконно?...» Вопросы эти теснятся в моей голове и, сознаюсь, дорогой Л[ев] Н[иколаевич], что чувство не мирится с теми ответами, которое изобретает мой рассудок. Я не могу знать, конечно, что нужней, т. е. лучше будет способствовать распространению учения Истины, ваша ли возможно долгая жизнь или скорая смерть? Но я знаю ведь, что вы, произведший глубокую волну в жизни духа всего человечества, вы — бессмертны (если не вы лично, то — то, что в вас таково). Казалось бы, что, сознавая всё это, горевать и оплакивать таких людей — тем более грешно и малодушно, — это значило бы считать всю работу вашу бесплодной. А тем не менее, бывают минуты, когда скорбь и боль сильней всего и тогда я чувствую одно только, что помимо всего того, что вечно в вас, вы лично нужны и дороги нам, потому что вы — Лев Николаевич и никто другой не может быть им...» Дальнейшая часть письма А. К. Дитерихс осталась без ответа, хотя, начав писать «по пунктам», Толстой, очевидно, имел намерение коснуться всех тех вопросов, которые были затронуты в ее письме. Во всяком случае это письмо ее в целом определило то отношение его к ней и к предстоящему браку ее с Чертковым, которое проглядывает в последующих его письмах, а потому мы считаем нужным привести в отрывках и то, что она высказывает о более интимных сторонах своей жизни данного момента: «Много я нравственно пережила за эти полгода и хорошо пережила. Чувствую, что в душе у меня большей частью господствует какая-то отрадная тишина, отражающаяся в более любовных отношениях к окружающим меня людям и облегчающая мне переносить легко и незаметно то, что прежде было трудно. Часто, часто я вспоминаю слова ваши: изменится человек сам и всё вокруг него изменится; ах, какая это истинная правда, да и всё, всё правда! Вот хоть женский вопрос. Чем больше я думаю и живу, тем больше прихожу к тому, с чем мне так трудно было согласиться раньше. Несмотря на то, что теперь я уже много, много счастливей, чем была, когда рвалась куда-то, мечтала о условиях более удобных для осуществления своих идеалов, несмотря на это, я не могу не чувствовать неполноту своей жизни. — Я давно уже пришла к тому, что «решать женский вопрос» можно только на практике, т. е. будучи действительно женщиной, только тогда и будешь вполне — человеком, т. е. существом, исполняющим сознательно-нормально свое назначение. Только женщина - мать может решить, что должно, можно и доступно женщинам... То же ведь и для мущин, я думаю. До тех пор, пока человек не имеет семьи, он как-то не выясняется со всех сторон, и очень может быть, что многие хорошие, а может и слабые стороны обнаружатся, когда человек начнет жить полной жизнью; во всяком случае он только тогда наверное узнает все свои силы и способности... Выйду ли я замуж или нет, даст ли мне бог счастье и силы иметь и воспитать детей в духе Истины — покажет будущее. (Я боюсь очень думать об этом, чтобы не потерять настоящего.) Но если это будет так, то в моем перевороте мыслей многим, несказанно многим я буду обязана вам, дорогой, любимый Лев Николаевич, а также тому, кто даст мне эту семью, если бог того захочет. Я говорю о Вл[адимире] Гр[игорьевиче]. Не знаю, сбудется ли это; я рада,

что чувствую в себе силы перенести всякое решение спокойно. Не сбудется это — я постараюсь забыть [то], о чем теперь говорю, и жизнь покажет, что мне делать... — Я не знаю, Лев Никол[аевич], одобряете ли вы наше намерение? Не находите ли вы, что я слишком слабый человек во всех отношениях для него? Я и сама думаю иногда, что не такую бы ему жену надо; понятно, что, любя его больше себя, для меня его счастье, его будущее дороже моего и я бы ему желала лучшего. И вот мне страшно делается, что мои слабые духовные средства не удовлетворят его, когда он больше узнает меня. Но не подумайте, что я идеализирую его (хотя в этом бы беда небольшая), я знаю, что в нем есть слабости, но знаю также, что основа его души, его верования, его стремления так цельны и чисты, что верю в полную возможность его продолжения работы духа в том же направлении и что, движимый Христом всё вперед и вперед, он уразумеет еще многое. Вот потому-то я и решаюсь на этот шаг, что вижу, что во всяком случае он не нуждается ни в чьей особенной помощи, и не боюсь, что слабости жены отразятся на нем... Относительно того, в каких условиях мне придется жить, — я чувствую, что не могу и не должна разбирать теперь этого вопроса. Я верю, что он не поведет меня ни на что дурное, потому что в нем бог сильней всего. С своей стороны я буду стараться уменьшать свои личные потребности и увеличивать круг обязанностей. Говорить же о том, важно ли для меня, что люди считают его «богатым», мне кажется даже лишним. Будь он что угодно в глазах людей — я не могу его любить меньше за это. Вопрос же о «собственности» для меня вообще давно решенный вопрос. Для *меня* — мой будущий муж есть ученик Христа и ваш единомышленник, а для таких «собственность» не имеет значения. А вот — важный вопрос, это вопрос о церковном венчании. Прежде, когда у меня не было никакой определенной веры, — обряд этот был бы только неприятной формальностью, теперь же он противен всем моим верованиям и не потому только, что это глупый и пустой обряд, а потому что это ложь и трусость перед мнением света. Итак я не хочу его, Вл[адимир] Гр[игорьевич] вероятно — тоже. Об этом мы еще не говорили. Может быть, он решится на эту жертву для своей матери? не знаю, рада была бы ошибиться. Мне с моими родными будет очень, очень трудно поладить в этом деле — они мало того, что потребуют этого, как формальности, они еще несколько религиозны в православном смысле. Поможет ли бог мне устоять против искушения?.. Еще одна важная причина: мое здоровье. Откровенно говорю — я не боюсь за себя. Не всё ли равно, как и отчего умереть?.. Но могу ли я соединять свою судьбу с другим? Пусть решит он, как может... Итак, как видите, Лев Никол[аевич], несмотря на мои слабости, я, быть может, слишком смело смотрю в будущее и решаюсь на такой шаг, так мало подготовленная, когда впереди такая великая ответственность перед богом и людьми. Не страшно ли? Я знаю, что советовать в этих вещах трудно, и не могу просить у вас совета... Но мнение ваше, как и во всем, мне очень дорого, а благословение ваше — тем более. — Преданная Анна Дитерихс».

Письмо Толстого к О. Н. Озмидовой о смерти и вечности, о котором А. К. Дитерихс говорит в начале своего письма, как о совпавшем с ее

настроеніями и оказавшем на нее влияние, по всей вероятности есть письмо его от мая 1886 г. (см. т. 63). Подлинник его не сохранился. Возможно, что оно составляло приписку к письму Файнермана на ту же тему.

[1] Толстой подразумевает, очевидно, колесо «топчака», приводящее в движение молотилку: оно представляет собой наклонно-поставленный круг, на котором располагаются лошади.

[2] Письмо это, как уже сказано выше, явилось первой волной мыслей на тему о жизни и смерти, быть может, подготовленных настроеніями Толстого во время перенесенной им болезни и развившихся постепенно в новую большую работу его, которая в окончательном своем виде получила заглавие «О жизни». Как видно из комментария к этой работе в т. 26 настоящего издания, текст письма к А. К. Дитерихс является лишь первым вариантом первой редакции книги «О жизни». Но уже тогда, когда Толстой временно отошел от данной темы, увлекшись другой, художественной работой, он считал, что всё высказанное им в настоящем письме далеко не исчерпывает его мыслей: получив от Л. Е. Оболенского, при письме его от 6 ноября 1886 г., выписку из письма к А. К. Дитерихс, переданную ему Чертковым, с просьбою разрешить печатание ее в «Русском богатстве», Толстой в письме от 14—15 ноября отвечает ему: «В таком виде, неконченной, она невозможна. Постараюсь закончить и тогда пришлю вам». В начале 1887 г. Толстой вновь взялся за эту работу, и 14 марта прочел ее, в качестве доклада, под заглавием «Жизнь бесконечная» в московском Психологическом обществе. О дальнейшей работе над этой статьей, законченной только к началу 1888 г., и ее изданиях см. в комментариях к ней, в т. 26.

* 120.

1886 г. Ноября 6. Я. П.

Каждый день собираюсь вамъ писать, дорогіе друзья, и нынче полонъ домъ народа,[1] и жена сейчасъ уѣзжаетъ въ Крымъ къ своей больной, умирающей матери,[2] и потому напишу нѣсколько словъ. Спасибо за ваше письмо изъ Москвы. Я ждалъ его съ большимъ нетерпѣніемъ и очень былъ радъ ему. Можетъ быть, вамъ это совсѣмъ не нужно, но простите, не могу не сказать то, что о васъ думаю. Неужели вы будете ссориться, будутъ находить на васъ минуты раздраженія и охлажденія. Избави васъ Богъ. Берегитесь этаго всѣми силами. Не усиливайте своей привязанности другъ къ другу, но всѣми силами усиливайте осторожность въ отношеніяхъ, чуткость, чтобъ не было столкновеній. — Мнѣ ужасно больно было бы знать, что между вами есть и можетъ быть раздраженіе,

охлажденіе; но вамъ то какъ это будетъ больно. Это привычка ужасная. Ни съ кѣмъ, какъ съ женой и мужемъ, нѣтъ такихъ близкихъ, всесторонних отношеній, и мы всегда отъ этого самаго забываемъ думать о нихъ, сознавать ихъ, какъ перестаемъ сознавать свое тѣло. И это-то бѣда. Некогда писать больше. Люблю васъ и радуюсь за васъ.[3]

Л. Т.

Я совсѣмъ здоровъ.

Полностью печатается впервые. Отрывок напечатан в сборнике «О половом вопросе. Мысли Л. Н. Толстого, собранные В. Г. Чертковым. Изд. «Своб. сл.», Christchurch, 1901, стр. 62—63. На подлиннике рукой Черткова пометка: «6 ноября». Дата эта, проставленная, вероятно, по штемпелю отправления, должна соответствовать дню написания письма, так как в нем указывается на отъезд Софьи Андреевны к больной матери, который не мог состояться ранее 6 ноября.

Письмо Черткова, на которое отвечает здесь Толстой, написано из Москвы, где он остановился на несколько дней с женою после свадьбы, направляясь в Лизиновку. Письмо это против обыкновения не датировано. А. К. Черткова относит его ко времени «около 25 октября», Чертков пишет: «Дорогой брат Л. Н., сидим с Галею в номере меблированных комнат, и нам хорошо, потому что мы сознаем себя не вдвоем, а втроем — с богом. Я сейчас писал матери, что мы чувствуем, что мое с Галей любовное сближение не только не уменьшает нашего интереса к другим, но наоборот, мы сознаем, что больше и глубже любим тех, которых раньше любили. В письме к вашей жене я просил ее сказать вам, что я с вами; и действительно, из живых людей, от которых я физически отделен, я больше с вами и скорее к вам переношусь, чем к кому-либо другому (исключая Христа, который для меня живее всех)». В следующей части письма, на которой сделана пометка: «Ночью (3 часа)», Чертков продолжает: «Я собирался приступить к деловой стороне своего письма, как пришел Сытин, а потом Иванов и мы выяснили кое-что о делах изданий. Кстати — радостное сообщение — Достоевская согласилась на издание нами отрывка из Бр. Карамазовых о Зосиме с желаемым нами выпуском кусочка. Я этого не ожидал и рад с нескольких сторон, а, главное, рад, что такая чудная вещь дойдет до наших читателей. — Потом мы легли, и полчаса тому назад я разговаривал с женою, и вдруг мы услышали какую-то необычайную суматоху в корридоре наших меблированных комнат. Я вышел посмотреть, не случилось ли чего-нибудь, в чем можно помочь, и оказался свидетелем того, как полиция забрала студента. Ужасное это зрелище. И знаешь, что это происходит в каждую ночь в разных местах, и думаешь и обсуживаешь это с разных сторон; а тем не менее ужасно неожиданно и тяжело поражаешься, когда приходишь лицом к лицу с таким делом. Потом, когда его увели, — разговоры взволнованных соседей, которые ему или сочувствуют, или сочувствуют тем, кто его взяли... — всё это так тяжело, так больно, так ужасно. Эти мины и контр-

мины, с той и другой стороны: ненависть, ложь, насилие, заманивание обманом. Всё это кругом нас, под нами. Слава богу, что над нами светит свет христовой истины, дай нам бог всем, видящим этот свет, жить — чувствовать, мыслить, действовать — со всем нашим вниманием, обращенным к этому свету свыше, жить спокойно, настойчиво, плавно, любовно, как звезды на небесах, о которых вы мне писали по поводу вашей молитвы господней... Вот что... хочу еще сказать — пожалуйста теперь не показывайте никому, кому лучше не показывать, моих писем. А если жена ваша будет желать читать, то скажите ей, что я теперь не желаю, чтобы все читали мои письма, так как они уже касаются не меня одного, а жизнь моя сплетена с другим человеком... Галю я спросил, сказать ли что-нибудь вам от нее. Она меня поцеловала и сказала, что я могу сказать вам от нее всё, что хочу. Я же не в состоянии сейчас отделить ее от себя и потому примите всё, что я написал, — как и от нее. — Хорошо жить с нею, и радостно то, что мы оба чувствуем, что выше и лучше каждого из нас отдельно, и обоих в обоюдном сочетании, есть третье — безусловное добро, правда, любовь, перед которым мы ничтожны, но которому мы нужны».

Упоминаемый в этом письме Черткова эпизод из «Братьев Карамазовых», на перепечатку которого выразила свое согласие вдова Достоевского, не был разрешен для «Посредника» цензурой.

[1] Из посторонних лиц, гостивших в то время в Ясной поляне, можно назвать только Н. Ф. Джунковского, о котором см. письмо № 122 от 14 ноября и прим. 4 к нему. Но, очевидно, в доме были, кроме него, и другие приезжие.

[2] Любовь Александровна Берс (1826—1886), дочь богатого помещика, дружного с отцом Толстого, А. М. Исленьева и тайно обвенчанной с ним гр. С. П. Завадовской. По обжалованию первого мужа Завадовской, с которым она была разведена, брак ее с Исленьевым был признан незаконным, и дети ее лишились права носить фамилию отца и назывались Ославиными. Любовь Александровна Ославина была с детства дружна с сестрой Толстого, гр. М. Н. Толстой, и с ним самим. Выйдя замуж в 1842 г. за московского придворного медика, врача при Ордонанс-Гаузе и театре, Андрея Евстафьевича Берс (1808—1868), она жила в его казенной квартире в Кремле, а летом на даче под Москвою в Покровском-Глебове, где и началось знакомство Толстого с дочерьми Л. А. Берс. Запись об этом сохранилась в Дневнике его от 26 мая 1856 г.: «...Обедали у Любочки Берс. Дети нам прислуживали. Что за милые веселые девочки» (см. т. 47). Умерла Л. А. Берс вскоре после приезда к ней Софии Андреевны в Ялту — 11 ноября 1886 г.

[3] О том, как близко к сердцу принимал Толстой вопрос о женитьбе Черткова и как следил за его душевным состоянием в это время, свидетельствуют письма его к разным лицам за октябрь, ноябрь и декабрь 1886 г. Так 4 октября он пишет Озмидову: «Вы, вероятно, знаете, что Ч[ертков] женится на Д[итерихс]. У меня есть три вещи, о которых я думаю с любовью и жуткостью...» — в числе их он называет женитьбу Черткова и прибавляет: «Когда переношусь в тех, о ком думаю, жуткость

проходит, чувствую, что у меня бы ее не было; но когда смотрю извне, мне страшно. Думаю всё оттого, что это новые ходы в жизни». После свидания с Чертковым в октябре, когда он заехал в Ясную поляну проездом из Лизиновки в Петербург, незадолго до своей женитьбы, Толстой пишет Бирюкову: «Чертков только что уехал — очень бодр. Мне хорошо с ним было» (письмо, датированное в т. 63 11—12 октября). 4 ноября по получении от Черткова того письма из Москвы, на которое он отвечает в комментируемом письме, Толстой сообщает Н. Н. Ге-отцу: «Чертков женат и писал счастливое письмо», — и в тот же день Озмидову: «Чертков пишет женатый. Очень счастлив, но я не видал его (после женитьбы). А радостно». И позже, в декабре, он всё еще внимательно всматривается в жизнь Чертковых. Так 3 декабря он говорит в письме к Бирюкову: «От Чертковых получил письмо. Они счастливы и отдыхают, как мне кажется», а в письме к Н. Н. Ге-отцу от 9 декабря повторяет то, что писал Озмидову за два с лишним месяца перед тем: «У меня есть странное чувство жуткости к самым мне важным явлениям жизни. Такое у меня чувство к устройству озмидовской колонии, к браку Черткова, к жизни Файнермана и к вашей новой работе. Должно быть, оттого, что всё это новое — новые ходы настоящей жизни». (См. т. 63.)

* 121.

1886 г. Ноября 10—11. Я. П.

Получилъ другое ваше письмо, милый другъ, и тотчасъ же началъ писать Островской. [1] Но писалъ, писалъ и ничего не могъ написать. Простите, не умѣю, какъ-то выходитъ нехорошо, да не могу писать незнакомымъ. Перфильеву [2] я тогда же написалъ. Живу я хорошо. Очень бодро занятъ. Чѣмъ — не скажу пока. [3] Богъ дастъ, скоро увидимся. Надѣюсь, что А[нна] К[онстантиновна] заѣдетъ съ вами. У насъ въ семьѣ очень хорошо. Все лучше и лучше становится. На дѣвочекъ своихъ и на Илью радуюсь. Жена еще не пріѣзжала. Она застала свою мать, и я очень радъ за нее. Что милая А[нна] К[онстантиновна] молчитъ? Ея молчаніе рядомъ съ вашими письмами холодитъ меня. Я виноватъ, что не отвѣтилъ вамъ, но всетаки вы велите мужу всякій разъ мнѣ сказать доброе словечко, а то сами припишите. Вѣдь вы очень близки къ сердцу. Никита, Ясенск[ій] парень, [4] раздумалъ жениться — онъ хорошій. —

Сейчасъ попробовалъ Островской писать еще — не могу. Передайте мой сердечный привѣтъ Лиз[аветѣ] Иван[овнѣ]. Спенглера поцѣлуйте. Файнермана выписали домой отбывать повинность. Боюсь за него, за его тѣло. Въ твердость его души я

вѣрю. Помогай вамъ Богъ бодро и добро жить — и отдыхать — это хорошо. А я радъ, что живъ. Лучше съ Островской лично и тому, кто можетъ предложить деньги, если она захочетъ.

Полностью печатается впервые. Небольшой отрывок напечатан в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 40—41. На подлиннике пометка рукой Черткова: «Я. П. 11 ноября». Исходя из того, что эта дата проставлена по обыкновению согласно штемпелю отправления, датируем расширительно.

Хотя Толстой говорит здесь только о письме Черткова от 5 ноября, под влиянием которого он попытался написать вдове драматурга М. В. Островской, но некоторые строки его относятся и к ранее полученному письму Черткова, датированному А. К. Чертковой «около 25 октября», большая часть которого уже была цитирована нами в комментарии к предыдущему письму Толстого. Свое письмо от 5 ноября, уже из Лизиновки, Чертков начинает с выражения беспокойства о том, что Толстой не получил письма его, написанного в октябре, еще до отъезда из Петербурга,— повидимому, перед самой женитьбой или немедленно после нее — и отправленного заказным. «Если не получили, то пожалуйста наведите справку, так как мне особенно хотелось, чтобы это письмо дошло до вас»,— говорит он. Судя по всем имеющимся данным, письмо это так и не было получено Толстым. Дальше Чертков пишет: «В Москве я заходил к Панову, узнав от Бирюкова, что он недоволен тем, как с ним обошлись в деле альбома рисунков Н. Н. Ге к расск. «Чем люди живы» [см. прим. 1 к п. № 103 от 1 апреля 1886 г.]. И действительно, оказалось, что он был введен в заблуждение, издал альбом в убыток себе, и в довершение всего был глубоко оскорблен графинею. Тут вышел целый ряд недоразумений, и я очень рад, что мне удалось их устранить... Панов был в близких отношениях с Островским и говорит, что вдова его — женщина очень хорошая и чтущая память своего мужа. Панов уверен, что она согласится предоставить нам желаемые произведения ее мужа... если вы ей о том напишете. А потому не следовало бы откладывать этого»... Заключительная часть письма имеет опять личный характер: «Как всегда, я много думаю о вас и так близок к вам по духу, что мне иногда кажется, что цель у нас одна, и до сих пор у нас полное единение в способах достижения ее. Я чувствую, что с нею становлюсь лучше и иду вперед успешнее, чем прежде, без Гали. И, кроме того, я теперь чувствую, что иногда действительно отдыхаю, не стараясь отдыхать; а прежде я старался отдыхать, но это мне редко удавалось. Радуюсь я также и тому, что чувствую, что ее постоянное присутствие не удаляет меня от людей, но, наоборот, сближает с ними и вызывает во мне больше любви к людям. С матерью идет хорошо. Она, кажется, понемножку всё больше привыкает к Гале. Галя не прибегает к экспансивным словесным излияним; но в ней видна настойчивая решимость насколько только возможно угодить моей матери, и я чувствую, что она должна успеть в этом»... — В той части письма, на которую отвечает здесь Толстой, Чертков пишет: «Вы мне, помните, сказали во время моего предпоследнего пребывания в Ясной, что охотно

напишете Перфильеву [см. ниже прим. 2] по поводу освобождения И. И. Петрова из под гласного надзора [О И. И. Петрове см. прим. 3 к п. № 125 от 17—18 декабря 1886 г.]. Я... часто вижусь с ним. Он, бедный, от этого надзора ужасно страдает материально, физически и психически. И как для его здоровья, так и для того, чтобы он мог зарабатывать пропитание для своей матери... и сестер... очень важно, чтобы поскорее сняли с него гласный надзор, не дожидаясь 9 месяцев, остающихся до срока... Нужно бы вам написать Перфильеву, приложив в вашем письме прилагаемый здесь листок... Важно, чтобы Перфильев сообщил вам о дне и номере бумаги, которую он пошлет в министерство внутренних дел... Если бы вы в вашем письме к Перфильеву упомянули обо мне, то я с своей стороны зашел бы к Перфильеву... и это было бы лучше всего... Другое — Никита Минаев [см. ниже прим. 4] написал мне прилагаемое письмо. Мне ужасно захотелось помочь ему в той форме, какая ему кажется лучше, т. е. дать ему денег на свадьбу. Могу ли я попросить вас, милый Лев Николаевич, дать ему эти деньги... — одним словом помочь и сказать ему, что это и есть ответ на его письмо ко мне, так как я не имею возможности сейчас ему ответить».

[1] В числе писателей, которых Толстой особенно хотел привлечь к делу «Посредника», был А. Н. Островский (1823—1886), комедии которого с самого начала его деятельности производили на него чрезвычайно сильное впечатление и с которым он познакомился лично, по собственной инициативе, еще в 1856 г. (Подробно об отношениях Толстого с Островским см. кн. Н. Н. Апостолова «Лев Толстой и его спутники». М., 1928, статья «Л. Н. Толстой и А. Н. Островский», стр. 78—91.) Драмы Островского первого периода и особенно «Бедность не порок» и «Не так живи, как хочется» Толстой до конца жизни оценивал, как истинно-замечательные произведения русской литературы, и ознакомление с ними тех широких читательских масс, для которых был создан «Посредник», считал чрезвычайно важным делом. 23 мая 1886 г. Толстой написал Островскому письмо, которое должен был вручить ему в Москве Чертков, гостивший в Ясной поляне и уезжавший в Петербург. В письме этом Толстой говорил: «Любезный друг Александр Николаевич, письмо это передаст тебе мой друг Влад. Григ. Чертков, издающий дешевые книги для народа... Наша цель издавать то, что доступно, нужно, понятно всем, а не маленькому кругу людей, и имеет нравственное содержание, согласное с духом учения Христа. — Из всех русских писателей ни один не подходит ближе тебя к этим требованиям, и потому мы просим тебя разрешить печатание твоих сочинений в нашем издании и писать для этого издания, если бог тебе это положит на сердце... Я по опыту знаю, как читаются, слушаются и запоминаются твои вещи народом, и потому мне хотелось бы содействовать тому, чтобы ты стал теперь поскорее в действительности тем, что ты есть несомненно — общенародным в самом широком смысле писателем...» Чертков однако не застал в Москве Островского, который уже выехал в это время в имение свое Щелыково Костромской губ., куда письмо Толстого и было переслано ему. Но 2 июня Островский внезапно скончался. В письме от 10 июня Чертков писал об

этом Толстому: «...Островский умер. Мне раньше того сообщили, что ваше письмо было ему доставлено. Очень мне интересно знать, успел ли он согласиться раньше смерти». Однако никаких распоряжений в связи с письмом Толстого Островский не оставил. В виду этого, уже по совету Черткова, Толстой, как мы видим, пробовал написать письмо вдове его, бывшей актрисе Малого театра Марии Васильевне Островской. Затем два с лишком месяца спустя, будучи в Москве, он сам заходил к ней, о чем сообщает в письме к Черткову от 19—21 января 1887 г. (см. т. 86). Так как и это свидание не дало никаких положительных результатов, он попросил Бирюкова, вскоре после того приезжавшего в Москву, сходить по этому делу к сыну Островского, Михаилу Александровичу. Наконец, в письме к Бирюкову от 20 марта 1887 г., Толстой сообщает: «Четвертого дня б[ыл] у меня Островский сын (очень полюбился мне), принес подарок от матери — сочинения отца — и разрешение... Радуюсь очень этому». Сношения Толстого с сыном Островского на этом не прекратились: в сохранившемся письме М. А. Островского, без даты, он сообщает, что, выполняя предложение Толстого, он подыскивал людей, которые взялись бы безвозмездно работать для «Посредника», и теперь нашел их (АТ). Разрешение же на перепечатку комедий «Бедность не порок» и «Не так живи как хочется» вскоре было использовано. Первая из них была изложена в повествовательной форме (2-е и 3-е действие) и напечатана под заголовком «Бедность не порок». Взято из ком. Островского Е. Свешниковой. М. 1887 (дозв. ценз. в Спб. 10 июня 1886 г.). Комедия «Не так живи как хочется» вышла в «Посреднике», без изменений, в 1888 г. (дозв. ценз.: Спб.. 30 января 1888 г.).

[2] Василий Степанович Перфильев (1826—1890), которого Толстой просил оказать содействие по делу И. И. Петрова, — в то время московский губернатор, приятель Толстого в первую половину его жизни. Сын жандармского генерала С. В. Перфильева, со всей семьей которого Толстой поддерживал знакомство. С 1857—60 гг. был Кирсановским уездным предводителем дворянства. Первым браком был женат на троюродной сестре Толстого, Прасковье Федоровне Толстой.

[3] Толстой работал в это время над драмой «Власть тьмы». См. прим. 2 к следующему письму, № 122 от 14 ноября 1886 г.

[4] Никита по прозванию Ясенский — молодой крестьянин из бедняков Никита Васильевич Минаев (р. 1864, ум. между 1908 и 1913 г.), из деревни Ясная поляна. Сохранившиеся письма его за 1886 г. к Черткову дают ясное представление и о личности его, и об условиях, при которых воззрения Толстого проникали в среду наиболее развитых яснополянских крестьян. Никита Минаев познакомился с Чертковым у «Борисовича» (Исаак Борисович Файнерман), который, нанявшись в работники к яснополянскому крестьянину Константину Ромашкину, жил в избе у него, куда часто заходил поэтому сам Толстой и люди, близкие ему по воззрениям, и где происходили иногда беседы или общее чтение. Зимою — 8 января 1886 г. — Минаев писал Черткову: «Дайте мне пожалуйста хоть какое-нибудь дело. Я в настоящее время ничего не делаю... и ажно с ума схожу без дела. Вам наверно требуется переписать В чем моя вера или Евангглие [sic], Критика Бословии [sic]». В бездатном

письме его, о котором Чертков говорит Толстому, Минаев сообщает, что он решил жениться и в виду этого просит одолжить ему денег. Затем, раздумав жениться и, очевидно, проработав лето и осень в поле, в ноябре 1886 г. он попробовал заняться вместе с товарищем своим Петром Филипповичем Егоровым (р. в 1866 г.) разносною продажею книжек «Посредника» (об этом см. следующее письмо, № 122, от 14 ноября, и прим. 6 к нему). В феврале он писал Черткову: «Вот уж весна наступает, а у меня ни лошади, ни семенов», — и опять просил помочь ему деньгами, а затем сообщал о себе: «Я ужастно скучаю в настоящее время о том, что *мы* (*курс. подл.*) все рассеяны... и не с кем *побеседовать*... Братец по беседе Петра уехал в Полтаву... От Исаака Борисовича тоже нет никаких известий... А еще был друг, тот женился и отказался *от старо-новой религии*» (АЧ). В дальнейшем однако товарищ Минаева, Петр Егоров, повидимому, возвратился, и беседы — частью уже в несколько иной обстановке — вновь наладились, потому что 7 апреля 1887 г. Толстой пишет Софье Андреевне: «Вчера были кое-кто мужики вечером. Лева привел ребят Петра, Никиту и Андрея. Они наверху с фортепианами пели и плясали, а потом пили чай, а под конец и серьезно говорили и читали». (См. т. 84.)

* 122.

1886 г. Ноября 14. Я. П.

Получилъ и послѣднее — съ приложеніемъ наставленія себѣ противъ искусителей — письмо. И радъ былъ. Такъ и я думаю, когда думаю. Но странное и радостное дѣло. Прежде меня волновали quasi-возраженія, теперь не только не волнуютъ, но вовсе не интересуютъ. Онъ [1] доказываетъ, что на основаніи или ученія Христа или разума надо убивать, судить, вѣрить церкви и т. п. Какъ же я теперь могу съ нимъ спорить? Знаете математическія пѣшки, гдѣ доказывается, что часть больше цѣлаго или 2 = 3. Если я занятъ, то никакъ не могу заинтересоваться распутываніемъ этой пѣшки. Сомнѣнія же въ томъ, что часть меньше цѣлаго или 2 = 2, во мнѣ не можетъ быть. Такъ и теперь. Я вижу, что я спорилъ, доказывалъ, распутывалъ софизмы только п[отому], ч[то] самъ былъ спутанъ и не видалъ очевиднаго.

Теперь же распутываніе пѣшекъ не интересуетъ меня. Кромѣ того вижу тщету этого занятія, т[акъ] к[акъ] пѣшекъ такихъ можетъ быть безчисленное количество. За ними не поспѣешь. Радуюсь очень, очень тому, что вы мнѣ пишете о вашихъ отношеніяхъ. Смотрите же, берегите ихъ. А я то буду радоваться. Чѣмъ я занятъ? — Написалъ драму на прелюбодѣяніе.

Кажется, хорошо.[2] Еще календарь съ пословицами, послалъ Сытину печатать.[3] Хотѣлось бы къ календарю написать на каждый день или на недѣлю хозяйственныя [работы] мужицкія и бабьи. Напомнить про то, что нужно, и посовѣтовать, если что можно. Едва ли успѣю, но къ будущему году есть планъ прекраснаго мужицкаго календаря. Радовали меня за это время Джунковскій[4] и его разсказы про Хилкова.[5] Какой слуга Божій! —

Файнерманъ уѣхалъ ставиться въ солдаты, не знаю, что будетъ. Ребята Петръ и Никита идутъ с коробами.[6] —

Илья вышелъ изъ гимназіи, хочетъ отбывать солдатство. Отказъ не по силамъ ему крестъ, но по силамъ крестъ онъ, кажется, возьметъ. —

Теща умерла, жена застала и обрадовала ее, завтра она пріѣзжаетъ, 15-го. Прощайте, милые друзья, до свиданья.

Нынче получилъ отъ Оболенскаго письмо съ выпиской изъ письма къ вамъ о смерти и жизни.[7] Хорошо бы докончить, сказать, что думаю. Спасибо ему, что прислалъ.

Л. Т.

Полностью печатается впервые. Отрывок напечатан в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 41. На подлиннике рукой Черткова помечено: «14 ноября 84. Я. П.» Обозначение года представляет собой несомненную описку, что безусловно можно установить не только на основании архивного номера письма, но и на основании его содержания, которое может быть отнесено лишь к ноябрю 1886 г. Точная дата определяется указанием, заключающимся в самом письме: «завтра она приезжает, 15-го».

Толстой отвечает здесь на письмо Черткова из Лизиновки от 9 ноября, к которому было приложено несохранившееся «наставление себе». «...Мы живем здесь втроем, — пишет Чертков. — Мы двое — очень согласно и любовно. «Очень» — мало сказать — совсем. Покуда между нами не было и тени раздражения, а тем более ссоры. Мне раньше казалось, что это неизбежно. Теперь же я начинаю чувствовать возможность поддержания таких же отношений, какие установились между нами с самого начала... Пока просто я не могу даже в воображении представить себе, как это мы могли бы ухитриться поссориться или раздражиться друг против друга. Мне легче представить себе, что мы поднимемся на воздух и полетим, как птицы, или что-нибудь другое, одинаково невозможное»... Затем Чертков сообщает, что Ф. Э. Спенглер (см. прим. 4 к п. № 4 от 17 февраля 1884 г.), познакомившись в мае 1886 г. с О. Н. Озмидовой, предлагает ей «зажить вместе, семейно» и что Озмидова написала ему в ответ «дивное письмо, и доброе, и умное», которое однако не разрешает вопроса, так как она считает необходимым ранее поближе познакомиться

с ним и зовет его в их земледельческую общину на Кавказ, что для Спенглера является невозможным. «Она прислала ему копию с вашего письма к ним, Озмидовым, с сравнением деятельности христианина с работою часовщика. Чудное это ваше письмо», — говорит Чертков. «Вообще если за последнее время я лично не получал писем от вас, то зато пришлось вынести много радости и пользы из некоторых ваших писем к другим людям. Напр. к Гале (черновые листки о жизни и смерти)... Да, так как знаю, что это вас интересует, то я хотел сказать вам про наши отношения к моей матери. Покуда они идут ровно, и как мне кажется, со дня на день улучшаются, за исключением тех дней, когда мать очевидно не в своей тарелке... Чувствуется, конечно, та ужасная роковая стена фанатической исключительности, которую мать сама себе поставила по отношению ко всем, не одинаково с ней понимающими догматы искупления и проч. Вследствие этого она не пользуется общением с Галею (и мною) настолько, насколько могла бы, и держит нас на известном отдалении от себя; а мы не чувствуем себя свободными и непринужденными, когда находимся с нею... Я... уже успел несколько раз погрешить против матери в делах и словах; а в мыслях грешу часто. Но, опять таки, я чувствую, что присутствие Гали вселяет в меня больше сердечности к матери, а я в этом очень нуждался». В заключение письма Чертков говорит: «Посылаю вам маленькое нравоучение, которое я сам себе написал для укрощения поднявшегося было порыва раздражения против успеха среди некоторых людей Фреевских писем к вам».

Упоминаемое здесь Чертковым письмо Толстого к Озмидовым, сравнивающее деятельность христианина с работой часовщика, от 4 октября 1886 г., см. в т. 63. — Письма Фрея к Толстому, содержавшие возражения ему с точки зрения контовской «религии человечества», уже и раньше раздражали Черткова (см. письмо Черткова от 10 июня в комментарии к п. № 111 от 28—29 июня 1886 г.). В гектографированном виде они получили известное распространение в Петербурге и вызывали сочувственное брожение мысли в группах людей, близких к «Посреднику», — особенно в кружке Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбургов (см. комментарий к п. № 43 от 5—6 февраля 1885 г.), к которому принадлежали А. М. Калмыкова, Е. П. Свешникова и др.

[1] В виду того, что «наставление самому себе», посланное Толстому Чертковым, не дошло до нас, мы не имеем возможности с уверенностью судить о том, к кому относятся в ответе Толстого слова «*он* доказывает». Повидимому, это «он» имеет в данном случае собирательный характер, включая в себя возражающих разного толка.

[2] «Драма на прелюбодеяние» — «Власть тьмы». Работа над нею начата была в конце октября. 25 октября Софья Андреевна записывает в дневнике своем: «Лев Николаевич затевает писать драму из крестьянского быта». Но, повидимому, в это время он уже писал ее, потому что на следующий день, 26 октября, она говорит в дневнике: «Левочка написал 1-е действие драмы». 30 октября она отмечает: «Написано еще 2-е действие драмы». Дальнейших записей Софьи Андреевны о продолжении работы не имеется, но в письмах к ней, во время ее поездки в Ялту к

умирающей матери, Толстой сообщает ей 8 или 9 ноября: «Драму не кончил поправлять. Пускай уляжется, тогда лучше», и 10 ноября: «Нынче приехал Стахович, Александр Александрович. Девочки затеяли переписать драму и дать ему прочесть... Я ее нынче утром поправил еще». В этот приезд свой старик Стахович действительно прочел «Власть тьмы» крестьянам, собравшимся в числе нескольких десятков человек в яснополянском доме. Это чтение представляло тем больший интерес для самого Толстого, что, работая над «Властью тьмы», он имел в виду именно народную аудиторию — постановку драмы на балаганах. Печатание ее наткнулось сначала на серьезные цензурные препятствия, но затем она была разрешена и вышла в издании С. А. Толстой, под заглавием «Власть тьмы или Коготок увяз, всей птичке пропасть» в отдельном томе «Соч. гр. Л. Н. Толстого», М., 1886 г., и одновременно была напечатана под тем же заглавием в изд. «Посредника» (с припиской: «Для взрослых»), М., 1887 г., (ценз. разр. в Спб. 13 января 1887 г.). Постановка же драмы на сцену была оффициально разрешена только в 1895 г. Более подробную историю «Власти тьмы» см. в комментарии к этой драме в т. 26 настоящего изд. и в комментариях писем Толстого к Черткову № 126 от 7 янв.; № 127 от 18 янв., № 129 от 22 янв., и № 133 от 6—7 февраля 1887 г. в т. 86.

[3] Работа над крестьянским «Календарем с пословицами» начата была Толстым еще с весны 1886 г. (см. п. № 104 от 3 апреля и прим. 3 к нему), когда он вместе с Н. Л. Озмидовым, по мысли последнего, стал с увлечением подбирать русские пословицы и подыскивать аналогичные им по смыслу тексты Евангелия. Осенью 1886 г. план народного календаря расширился. Сам Толстой написал для него статьи о крестьянских работах — не «на каждый день или на неделю», как он предполагал в настоящем письме, но на каждый месяц. Кроме того в нем было указано на каждый день время восхода и захода солнца и дана отдельная статья «О том, что видно на небе». Трудности при прохождении календаря через цензуру были огромны. Московская цензура совсем запретила его. Календарь прошел в Петербурге, с изъятием тех евангельских текстов, которые Толстой подбирал параллельно пословицам; цензурное разрешение на него было получено только 7 января, и он вышел в свет с значительным опозданием — во второй половине января. Но успех его был огромный: 10 000 экземпляров разошлось в один месяц. О том, как встречена была самая идея календаря с пословицами в народе, можно до некоторой степени судить по письму к Толстому, из деревни, М. А. Шмидт: «Календарь сильно полюбился в Новоселках. Мужики говорят, что писал эту книжку человек божественного ума, пословицы списывают и разучивают наизусть» (АТ). В том же письме (от 1 марта 1887 г.) М. А. Шмидт цитирует полученное ею письмо из деревни своей знакомой А. П. Озерецкой: «... один хочет заучить все пословицы на каждый день... Из всех книг особенно полюбились «Краюшка» [«Как чертенок краюшку выкупал»] да календарь». Но этим непосредственным успехом календаря дело не кончилось. Пересылая Бирюкову для печати рукописи календаря, Толстой 3 декабря писал ему: «Мне кажется, что эти заметки могут вызвать подражание, особенно по отделу сельско-хозяйственных, да и всех других советов». Действительно, идея календаря с полезными

сведениями, предназначенного для массового читателя, позднее была подхвачена издательством Сытина, и сам Толстой рекомендовал Сытину для этой работы Н. А. Полушина, скромного писателя-народника, печатавшегося в «Посреднике», который в течение пятнадцати лет вел у Сытина дело народных календарей, отдаваясь ему с большим увлечением. Календари Сытина в последние годы существования его фирмы расходились в количестве до 10 миллионов экземпляров в год (см. «Пол века для книги». Литер.-худ. сборник, посвящ. пятидесятилетию издательской деятельности И. Д. Сытина. М. 1916, стр. 25).

[4] Николай Федорович Джунковский (1862—1916), в то время молодой гвардейский офицер, лейб-улан, двоюродный брат кн. Д. А. Хилкова (см. ниже прим. 4). Под влиянием личного примера последнего и знакомства с религиозно-философскими произведениями Толстого, вышел в отставку и поселился в своем имении, а в апреле 1887 г. женился на Е. В. Винер, тоже стремившейся перейти к трудовой жизни на земле. В октябре 1886 г. Бирюков переслал Толстому копию письма к нему от Джунковского, из которого Толстой впервые узнал и о Хилкове и которое, по его словам в ответном письме к Бирюкову от 11—12 октября, доставило ему большую радость. В начале ноября Джунковский сам приезжал в Ясную поляну, и под впечатлением свиданья с ним Толстой писал 4 ноября Н. Н. Ге-отцу: «Людей братьев по вере всё прибывает. Нынче уехал один лейб-уланский блестящий офицер Джунковский, едет к Хилкову. Хилков же еще более блестящий богатый князь, 22 лет, полковник, к[оторый] бросил всё и живет на крестьянском наделе, работая с мужиками. Человек большого ума и образования и большой силы добра по всему, что я о нем знаю. Джунковский тоже ясный, чистый, твердый человек». Почти в таких же выражениях Толстой пишет в тот же день о Джунковском и Хилкове Н. Л. Озмидову. — В течение ближайших лет Джунковский, следуя за Хилковым, жил своим трудом на земле. Потом однако снова вернулся на службу — не военную, но гражданскую чиновничью. В последние годы жизни служил в Тифлисе, при наместнике Кавказа гр. И. И. Воронцове-Дашкове.

[5] Кн. Дмитрий Александрович Хилков (1858—1914), из богатой аристократической семьи. Окончив Пажеский корпус, поступил на военную службу в гусары и в качестве офицера принял участие в Турецкой войне на Кавказе, но, убив в сражении турка, почувствовал отвращение к убийству и в остальную часть кампании, участвуя в сражениях, не стрелял и не вынимал шашки. В дальнейшем пробыл на военной службе еще три года, но уже протестуя против многих полковых порядков. Потом поселился в имении матери в Сумском уезде Харьковской губ., при селе Павловках, а когда мать выделила ему часть имения, в 400 с лишком десятин, стал жить на своем хуторе, работая и обедая вместе с рабочими. В это время он прочел во французском переводе книжку Толстого «В чем моя вера», которая представила для него, по его словам, «целое откровение» и чрезвычайно углубила совершающийся в нем процесс. Всю землю свою он продал крестьянам по цене годовой аренды и хозяйничал на семи десятинах, уступленных ему в пользование крестьянами, поселив к себе малоземельного бедняка-крестьянина, с которым жил на ком-

мунальных началах. Влияние его на крестьян, которым он оказывал всяческую помощь, как культурный человек, носило анти-церковный характер и вызвало крайнее озлобление против него духовенства, обвинявшего его в насаждении сектантства, и местных властей. В 1889 г. он сошелся с Ц. В. Винер, отвергнув обряд церковного брака, и двух детей своих не крестил. В 1890 г. обострявшаяся вражда к нему со стороны церковных и гражданских властей окончилась высылкою его на 5 лет в глухое местечко Закавказья. Там в 1893 г. над Хилковым и его женой разразилось несчастье: мать его, кн. Ю. П. Хилкова, добилась у царя приказания отнять у него обоих детей, за которыми приехала в сопровождении местных властей. Толстой, лично познакомившийся с Хилковым уже в 1887 г., писал и кн. Хилковой, и даже Александру III, убеждая обоих в необходимости вернуть детей родителям, но письма его остались без ответа. Сам Хилков, обвиненный в распространении толстовства среди местных духоборов и молокан, был переведен в глухой армяно-татарский городок Нуху, затем в Лифляндию. В 1898 г. ему было разрешено выехать за границу, и он уехал вместе с духоборами в Канаду, где оставался до лета 1899 г. Ко времени возвращения его в Европу взгляды его подверглись значительному изменению. Он отошел от Толстого, и примкнул на время к революционерам, колеблясь между с.-р. и с.-д., но отдаваясь практической деятельности на пользу революции со свойственным ему темпераментом. Потом совсем отошел от политической работы и, вернувшись в Россию, стал заниматься сельским хозяйством. В последние годы пережил самоубийство двух своих дочерей, начал тосковать, внутренно метаться и в 1914 г., приняв добровольное участие в империалистической войне, был убит во время разведки при наступлении на Галицию. — «Записки Д. А. Хилкова», с приложением записок его жены о похищении их детей, были напечатаны Чертковым в сокращенном виде в № 1 периодических сборников «Свободное слово», Purleigh, Essex, 1898. Подробнее см. прим. к первому письму Толстого к нему в т. 64, а также в т. 87.

[6] О Никите Минаеве и Петре Егорове см. прим. 4 к п. 121 от 10—11 ноября 1886. Около того же времени, как Толстой писал это письмо Черткову, он просил Бирюкова, в письме от 14—15 ноября, выслать ему для его «коробочников» «кроме изданий «Посредника» по 30 каждого», еще рублей на 10 лучших книжек из одобренных им. Очевидно, он надеялся, что коробейная торговля книжками в Крапивенском уезде пойдет. Но сохранившееся письмо Никиты Минаева к Черткову от 11 декабря говорит другое: «Вы писали, занялись ли разноской книг, — пишет он; — мы ходили две недели, но торговля ничего не стоит, книги не идут... Крестьяне не успевают платить казенные повинности, а не то, чтобы книги покупать. А о религии... говорят повсеместно там, где мы ходили, так, как толкует церковь и ее пастыри. И говорили о Льве Николаевиче: то говорят, что это как господа, вообще ввысший [sic] класс, хотят опять попрежнему забрать в свои руки черный класс, и как только увидят его сочинения, то говорят: а это и совсем не нужно и даром-то, п. ч. это сочинение *еритика* [sic] и со злобой ажно бросят ее. Но и нашлось 4 человека, которые обожали его и брали по нескольку книг и

нас принимали с охотой и соглашались во всем с нами, т. е. в разговоре. И удивлялись тому, как он прекрасно начинает. Вот, напр.: «Служил на Кавказе один офицер, звали его Жилин». И другие начинает просто. И ужасно радовались, что увидели его сочинение» (АЧ). Повидимому, разносная торговля книжками «Посредника» в местах сравнительно недалеких от Ясной поляны, где имя Толстого звучало, как имя помещика, и где ему приходилось нести на себе ответственность и за свою барскую жизнь с семьей, и за все прижимки крестьян со стороны Софьи Андреевны, находилась в гораздо более неблагоприятных условиях, чем в более отдаленных местах, где имя Толстого ассоциировалось для немногих лишь с его писательской деятельностью, а для непросвещенной крестьянской массы того времени вовсе ничего не говорило. К тому же местное духовенство и власти Крапивенского уезда несомненно были заинтересованы в том, чтобы восстанавливать против него крестьян, как против «еретика», еще задолго до оффициального отлучения его от церкви. О том, что они следили уже в то время за каждым шагом Толстого, свидетельствует, между прочим, появившаяся в 1887 г. в «Церковном вестнике» (№ от 4 июня) статья под названием «гр. Л. Н. Толстой и кн. В. Ф. Гагарина», автор которой сообщает, что в 1886 г. Толстой посылал в Крапивенский уезд двух книгонош «для продажи своих сочинений», при чем ссылается на донесение высшим властям Тульского губ. жандармского управления, в котором назывались имена крестьян с. Ясная поляна Петра Егорова и Никиты Минаева и сообщалось, что из разносившихся ими мелких сочинений гр. Толстого продано было очень мало. (См. ж. «Былое» 1918 г., № 3, стр. 208—209, статью Б. Н—ского «Толстой и департамент полиции».)

[7] См. прим. 2 к п. № 119 от конца сентября—начала октября 1886 г.

*123.

1886 г. Декабря 9—10. Москва.

Давно не писалъ вамъ, милые друзья, а часто думаю о васъ. Я въ Москвѣ. [1] Живу хорошо. Работы много, и бремя легко, и иго благо. Работалъ я для календаря, а потомъ драму. [2] Кажется, что я грѣшилъ съ ней, очень ужъ ее отдѣлывалъ. А это не слѣдуетъ, и отъ того хуже многое бываетъ. Теперь еще началъ работу. Здѣсь видѣлъ Иванова. Онъ написалъ другой разсказъ. [3] Я его строго раскритиковалъ. Но онъ, милый, впередъ согласенъ съ своими недостатками и обѣщался передѣлать. Видѣлъ Мар[ью] Алекс[андровну]. [4] Она устраивается въ деревнѣ. Ей все легко. Здоровье Ол[ьги] Алекс[ѣевны] [5] поправляется. Вчера былъ Сибиряковъ. [6] Онъ все устраиваетъ свою общину и школы. Не могу сочувствовать его устройствамъ, но не могу не сочувствовать его доброй душѣ. Впрочемъ вы вѣрно знаете

подробно объ Кавказѣ. [7] — Дома въ семьѣ у меня хорошо. Мы всѣ дружнѣе, чѣмъ бывали прежде. Но съ большимъ количествомъ дѣтей и большими всегда идетъ у меня такъ. То одинъ радуетъ больше, другой огорчаетъ, то на оборотъ. Съ Сергѣемъ медленно, но хорошо идетъ. Ужасно осторожно. А Илья огорчаетъ. Онъ поступаетъ въ солдаты и къ сожалѣнью выбралъ полкъ бывшій гусарскій — расходовъ — требованій отъ людей — больше, и не серьезно. Кромѣ того онъ въ этой роскошной жизни слабнетъ. Хочетъ подняться и опять падаетъ. Лева милый мальчикъ. Дѣвочки хороши. —

Ахъ! Что жъ это вы не найдете тѣхъ пріемовъ, того положенія, въ кот[оромъ] бы у васъ были любовныя отношенія. Вѣдь они должны быть. [8] Если нѣтъ,то вы виноваты. Тутъ и толковать нечего. Избави Богъ, главное, объяснять, почему это, какъ вы дѣлаете въ одномъ изъ писемъ. Причина одна, что мы плохи. И не то, что любви въ насъ мало. Это слишкомъ общее и неточное выраженіе; а просто въ насъ гадость есть какая нибудь, которая торчитъ угломъ и мѣшаетъ единенію — гадость какая нибудь очень опредѣленная: самолюбіе, гордость, какая нибудь неясность въ своемъ пониманіи жизни, какое-нибудь внутреннее противорѣчіе. Часы не идутъ не отъ того, что нѣтъ въ нихъ масла, а просто отъ того, что въ нихъ попало лишнее. Поискать надо. Придумываешь хитрости, мудрости, а глядь, тамъ огромная скорлупа. Только ее вынуть.

Я не о васъ, я о себѣ говорю. Прощайте, милые друзья. Радуюсь мысли скоро увидать васъ. И дѣла очень много, о к[оторомъ] надо переговорить и не стоитъ писать, п[отому] ч[то] скоро пріѣдете.

Л. Т.

Полностью печатается впервые. Отрывок напечатан в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 41. На подлиннике пометка рукой Черткова: «М. 10 Дек.» и архивный номер. Датируем расширительно, так как письмо это было получено в Лизиновке уже 12 декабря, а потому больше вероятия, что оно было написано 9 декабря.

Толстой отвечает здесь на письма из Лизиновки Черткова и А. К. Чертковой от 14—15 ноября и небольшое письмо, оттуда же, от 28 ноября. Большое письмо Черткова от 14—15 ноября почти целиком посвящено вопросу об отношениях его с матерью. Приводим из него лишь самое существенное. «Ваше письмо, полученное сегодня [от 10—11 ноября] меня обрадовало, как всякое ваше письмо, — пишет Чертков. — Но больше всего я обрадовался тому, что вы говорите, что у вас в семье всё лучше и

лучше становится. Вы, очевидно, нашли секрет, как жить по-божьи с своими семейными... Со мною еще не так. Говорю о своих отношениях к своей матери. В настоящую минуту мы только что кончили ужинать. Мать сидит в своем кабинете взволнованная, сердитая, плачущая... Она жалуется Гале на меня, говорит, что я — это ее крест, посланный ей от бога... И произошло это совсем невзначай: здесь у учительницы произошла покража. Она, с одобрения моей матери, рассчитала свою служанку и обратилась к урядннку. Происходило несколько обысков в разных семьях, ничего не нашли... Брат бывшей служанки, в доме которого власти сегодня перевернули всё вверх дном, — наш учитель столярного ремесла. Я с ним сегодня работал, и он ожесточенно рассказал мне подробности сегодняшнего обыска, и что никто из его семьи не может показаться на улицу: все указывают на них, как на воров. Я рассказал об этом матери, для того чтобы она по крайней мере знала..., какие результаты всех этих полицейских мер... Мать пришла в большое раздражение, стала обвинять меня в нигилизме... Я чувствую, разумеется, что я виноват; но не вижу еще, в чем именно, и жду Галю, как своего судью и наставника... В одной уверенности, что она меня понимает, я чувствую большую поддержку, и вместе с тем я знаю, что она не станет мне поддакивать. Я рад также и за мать, что она решилась высказаться Гале. У Гали именно такой характер, что она выслушает, но не подольет масла в огонь, а наоборот скажет тихо, кротко именно что нужно. Для матери это гораздо лучше, чем одной искать в излюбленных евангельских «текстах» и молитве силы для перенесения воображаемого креста... Я вам рассказал всё это подробно, потому что это наглядный пример тех столкновений, которые постоянно происходят между матерью и мною; и вы поймете наши отношения... Когда посмотрю на ее сжатые губы и холодный, самоправедный взгляд..., когда почувствую ту стену, которую она сама, или ее вера, воздвигла между нами и которую она почему-то так старательно поддерживает, тогда — а это бывает часто — я чувствую в себе какое-то холодное, черствое отношение к ней... Я знаю, что еслиб я ее пожалел, то тотчас бы почувствовал к ней любовь. И как я жажду этой жалости, любви к ней. Но не умею вызвать в себе этого чувства».

В письме А. К. Чертковой от 15 ноября, приложенном к письму Черткова, она пишет Толстому, отвечая на его ласковые строки, относящиеся к ней: «Дорогой наш, родной Лев Николаевич, как меня тронули ваши сердечные строки — и сказать не могу. Могла ли я думать, что вас огорчает мое молчание... А ведь сколько раз хотелось мне писать вам, и какая-то робость всё сдерживала меня... Еще хочу сказать, что вы напрасно, право, думаете, будто я могла «обидеться» на то, что вы мне долго не отвечали... Я еще в Петербурге просила В. Г. передать вам по поводу этого, что и не ждала даже от вас письма,... так как Павел Иванович мне на словах передал то, о чем вы с ним говорили по поводу нашей женитьбы... В. Г. привез мне от вас начало вашего письма ко мне, ваши мысли о жизни и смерти и о переходе от личной жизни к вечной, мировой. Мысли эти так близки мне и так много помогли мне, что я особенно дорожу этими листками. Я не то, что читала их, а как-то впитывала, вливала в себя их.

содержимое. И как это всё просто!.. Мне так много хочется писать вам, что не знаю, напишу ли что-нибудь. А так как — что у кого болит, тот о том и говорит, то и я напишу о том, что ближе всего меня касается теперь, в чем я затрудняюсь и смущаюсь. А это — наша совместная жизнь втроем, т. е. с матерью Димы. — До вчерашнего дня я себя чувствовала как в гостях вблизи нее, хотя и отношения скорей хорошие, но теплоты, искренности между нами мало. Отсутствие непосредственности во мне мешает мне отнестись к ней так, как чувствую, следовало бы. Искусственных же усилий над собой не могу, не в силах употреблять, мне противно всё, что хотя немного смахивает на лицемерие. Мало во мне христианской общительности — вот беда! а между тем я глубоко верю в силу всепобеждающей любви... Вчера вечером мы много и откровенно с ней говорили. Это в первый раз, — дай бог, чтобы не последний. Несмотря на то, что предмет разговора был очень тяжелый (она обвиняла Диму в отсутствии любви к ней и сама высказала много раздражения против него), но всё же к концу как-то смягчилась и успокоилась, и я почувствовала, что мы стали ближе... Я убедилась, что вся ее самоуверенная, холодная осанка только маска и что она самая жалкая, беспомощная женщина, несмотря на свою веру, которая ей ровно ничего не дает... Вообще она произвела на меня вчера впечатление слепой и, во всяком случае, несчастной... О себе хочется сказать, что мне хорошо. Дима меня любит больше, чем я думала. Прочла его письмо к вам, он меня всё хвалит, а я не буду хвалить его. Он думает лучше обо мне, чем я есть. А его вы знаете, — какой он»...

В небольшом письме Черткова от 28 ноября, тоже с припиской от его жены, он сообщает, между прочим, что они много работают для «Посредника» и думают пробыть в Лизиновке еще недели две.

[1] Толстые переехали в Москву в 1886 г. 21 ноября.

[2] О «Календаре с пословицами» и драме «Власть тьмы» см. прим. 2 и 3 к п. № 122 от 14 ноября 1886 г.

[3] О каком именно рассказе Н. Н. Иванова (см. прим. 7 к п. № 104 от 3 апреля 1886 г.) говорит здесь Толстой, установить нельзя. В письме Иванова к Черткову за ноябрь он называет несколько вновь написанных им рассказов.

[4] М. А. Шмидт. См. прим. 1 к п. № 59 от 10—11 мая 1885 г.

[5] О. А. Баршева. См. то же прим. к п. № 59.

[6] Константин Михайлович Сибиряков. См. прим. 1 к п. № 53 от 16 апреля 1885 г. и письмо Толстого № 111 от 28—29 июня 1886 г.

[7] Подробности о Кавказе — сведения о развале обеих кавказских общин — и сибиряковской, и озмидовской. 9 декабря Н. Н. Иванов писал Черткову: «Озмидовы возвращаются с Кавказа. Дочь выходит замуж за Спенглера».

[8] По сообщению Черткова, мать его в последующие годы, постепенно освобождаясь от сектантской узости, становилась всё более терпимой, и отношения их не только смягчились, но стали совсем другими — нежными, взаимно-доверчивыми и уважительными.

* 124.

1886 г. Декабря 11. Москва.

Получилъ сейчасъ ваше письмо. Что̀ вы не пишете, чѣмъ больна А[нна] К[онстантиновна]. Жду васъ съ радостью. Дѣла много — хорошаго. Адресъ американск[аго] издателя: New York, William S. Gottsberger, № 11 Murray Street.

Л. Т.

Воронежской губ. Россошь
Лизиновка
Владиміру Григорьевичу
Черткову

Печатается впервые. На открытом почтовом бланке подлинника — пометка рукой Черткова: «М. 11 дек. 86» и почтовые штемпеля: «Москва 11 дек. 86», «Россошь 13 дек. 86 г.». Дата написания письма должна совпадать с датой отправления, так как оно является ответом на письмо Черткова, хотя и не датированное им, но написанное, судя по имеющимся в нем указаниям, 8 декабря, а потому полученное Толстым, по всей вероятности, не ранее утра 11 декабря.

В довольно большом письме, на которое отвечает здесь Толстой, Чертков сообщает, что после отъезда его матери они уже 11 дней живут в помещении ремесленной школы, что при этих условиях вся жизнь упрощается и облегчается и что он начинает сомневаться в разумности своего постоянного пребывания около матери: «ее постоянное — не общение, а физическая близость ко мне, возможность... следить за каждым шагом моей жизни как будто только больше и больше теребит ее главную рану — сознание, что я не таков, каким она желала бы меня видеть». Дальше он говорит: «По письмам, доходящим к нам, оказывается, что в петербургском «обществе» очень заняты нашей свадьбой и что ходят самые нелепые слухи о нас. Это было бы решительно всё равно, еслиб эти слухи не отражались на моей матери, которая уже пишет нам, что надо сознаться, что мы сами содействовали распространению этих слухов и т. д... За себя я не беспокоюсь, я привык ко всёй фальши обстановки, окружающей мою мать; да и за Галю я не беспокоюсь. Только, глядя на нее, жутко становится, когда подумаешь, что она может вместе со мною стать мишенью для всех этих надоедливых наблюдений, пересудов, сплетен, требований, разочарований... с которыми она еще не знакома; или, если и знакома, то — только в своей прежней сфере, к которой уже успела примениться. Впрочем, я уверен, что всё будет к лучшему, если мы только будем помнить нашего Хозяина и жить не для себя, а для других, кто бы они ни были. — Галя всё это время не очень здорова. Вообще она не крепкого здоровья. Но это прекрасно. Можно хорошо болеть, если приходится, — как вы знаете лучше нашего. И если известный процент людей должен болеть, то кому же и болеть, как не тем, кто полагает смысл жизни не в личном счастьи?.. Занимаюсь... проверкою окончания перевода «Что же

нам делать» — той части, которую не успел проредактировать в Англии. Мне кажется, что вышло хорошо. Я не могу истратиться на издание этой книги, и потому мне пришла мысль предложить кому-нибудь из ваших американских почитателей издать это сочинение там на их собственный счет. Пожалуйста, пришлите мне адрес того из них, который, по вашему соображению, наиболее подходит: я бы ему написал, не откладывая. — Мы думаем выехать не раньше 16-го декабря, так что письмо от вас за стало бы нас еще здесь»...

*125.

1886 г. Декабря 17—18. Москва.

Получилъ вчера ваше письмо, милый другъ. Помогай вамъ Богъ держаться того состоянія духа, въ к[отором]ъ вы его писали. Я говорю о томъ, какъ на васъ дѣйствуетъ ея болѣзнь. Это состояніе духа мы затеряли, а оно не только естественное, но неизбѣжное для разумнаго человѣка. «Помоги мнѣ чувствовать, мыслить, жить съ Тобою — Тобою, а въ остальномъ что бы ни было — все благо». Вотъ ей какъ Богъ поможетъ переносить страданія. — Самое главное, не противиться имъ, не желать ихъ прекращенія, не надѣяться на это. Тогда много легче. А мнѣ всетаки васъ очень жалко, милая А[нна] К[онстантиновна]. Такая вы маленькая, тихая, добрая и серьезная. — Ну, да будетъ Его воля. Напишите мнѣ поподробнѣе о болѣзни и страданіяхъ. Я, получивъ ваше письмо, подумалъ поѣхать къ вамъ. Если бы вамъ было тяжело, В[ладиміръ] Г[ригорьевичъ], и я бы вамъ могъ быть въ помощь, напишите. — А можетъ, вы теперь здоровы и веселы. И то хорошо. —

Такъ цензура насъ совсѣмъ хочетъ заструнить. Надѣюсь, что васъ это не огорчаетъ. Меня нисколько. Вѣдь часто говорятъ это, и я говорю, что цензура, насиліе вообще, достигаетъ обратныхъ цѣлей. Часто говоримъ это, какъ парадоксъ, а вѣдь это истинная, простая, очевидная правда, такая же несомнѣнная, что прикрыть заслонку — лучше разгорится печка. А я такъ и вижу это. Если бы это насъ огорчало, то это доказало бы, что мы такъ же близоруки, какъ они. Они работаютъ тому же Богу, какъ и мы, только мы можемъ вѣрить тому, что мы вольные работники, а они невольные. Помню, недавно еще мы съ вами говорили, много ли есть людей, раздѣляющихъ нашъ взглядъ, и я считалъ по пальцамъ, а теперь я вижу, что не людьми надо считать, а явленіями различными. То тамъ, то здѣсь среди тьмы теперь загораются искры. Я ихъ вижу и

радуюсь имъ. Я вотъ недѣли здѣсь занятъ поправками, прибавками къ драмѣ. Она нравится *всѣмъ* очень.[1] Я хотѣлъ было, чтобъ играли ее на народномъ театрѣ у Лентов[скаго],[2] но боюсь, что не придется отъ цензуры театральной, хотя въ драмѣ ничего нѣтъ нецензурнаго. Еще послѣднее время урывками писалъ продолженіе и уясненіе письма къ А[ннѣ] К[онстантиновнѣ] (знаете). Къ дѣлу Петрова[3] и Сытина я стараюсь привлечь участниковъ — исправлять календари, азбуки, повѣсти, и кое-что дѣлается. Ну, прощайте, милые, дорогіе друзья, пишите такія же хорошія письма, вытекающія изъ хорошаго душевнаго состоянія. Да, и забылъ. Права А[нна] К[онстантиновна], жестокаго ничего нѣтъ въ письмѣ. Надо вскочить въ ея душу и оттуда посмотрѣть, чтобъ судить. А судить по тому, что мнѣ больно, о человѣкѣ, к[оторый] сдѣлалъ больно, — вотъ что жестоко. Прощайте, цѣлую васъ.

Л. Т.

Полностью печатается впервые. Три отрывка были напечатаны в ТЕ 1913 г., отд. «Письма Л. Н. Толстого», стр. 41—42. На подлиннике рукой Черткова помечено: «М., 18 Дек. 86». Датируем расширительно, так как более вероятно, что письмо Черткова из Лизиновки от 13 декабря, о котором Толстой говорит, как о полученном накануне, пришло в Москву 16-го, а не 17-го декабря.

Упоминая только об этом письме Черткова от 13 декабря, Толстой отвечает здесь однако и на предыдущее его письмо, от 10 декабря. В этом письме, от 10-го, Чертков пишет: «...Сейчас получил письмо от Иванова, в котором он говорит, что виделся с вами и что застал вас и ваших семейных в хорошем состоянии и вообще вынес радостное, мирное впечатление... Он написал мне также, что говорил с вами об изданиях «Посредника» и что вы замечаете застой в нашем деле, а именно, что не печатается ряд рассказов, уже готовых к изданию. Меня что-то кольнуло, и мне стало досадно на себя, что я последнее время не сообщал вам о ходе наших рукописей. И в особенности жаль мне стало, когда я увидел из письма Иванова, что вы не знаете об участи «Крестника», самого важного по значению из рассказов, перечисленных Ивановым... 1. «Крестника» [легенду Толстого, — см. прим. 8 к п. № 100 от 22 февраля 1886] безусловно запретили в отдельной книжке, несмотря на наше изменение, и на то, что я лично в свою бытность в Петербурге говорил о нем и с председателем комитета и с секретарем, который там всем заправляет. Петербургская цензура получила сильные выговоры за выпущенные наши книжки и приказание относиться как можно строже. А потому всё, что имеет духовный оттенок, они пересылают для справки и снятия с себя ответственности в духовную цензуру; а это равносильно для наших изданий запрещению. Так и было с «Крестником». Духовная цензура дала отзыв, что не знает книги безбожнее этой! — 2. «Старец Зосима» [из

«Братьев Карамазовых» Достоевского] также запрещен. Светская цензура нашла, что рассказ слишком «мистический» для распространения в народе. Я не теряю надежды, что нам удастся его провести; но это, вероятно, достижимо только при помощи моих личных хлопот, когда я вернусь в Петербург. 3. Издание «Попутчика» Пэйверинта [см. прим. 2 к п. № 108 от 22—23 апреля 1886] я нарочно придержал, так как это вещь очень сильная и может возбудить сильный протест со стороны церковников... Кроме того, я послал рассказ «Попутчик» в Варшаву для разрешения цензором нескольких поправок слога. Хотелось бы предложить нашим читателям этот прекрасный и значительный по своей мысли рассказ в наиболее подходящей к ним форме. — 4. «Раздел» — рассказ Тульского полового [И. Г. Журавова — см. прим. 14 к п. № 105 от 11 апреля 1886 г.] — я внимательно пересмотрел. Пришлось довольно много и кропотливо поработать над ним... разобраться в том, кто что говорит, и сделать это понятнее для читателей. Для этого несколько раз переписывали рукопись. Вот почему произошла с ней задержка... — 5. «Пасху» Иванов по нашей просьбе немного переделал. Но мы не представляем ее в Петербургскую цензуру, п. ч. при настоящем настроении ее наверно запретят... 6. «Мирское дитя» окончательно исправлено нами несколько недель тому назад и послано в ПБ. для цензуры и рисунков... Цензура теперь очень долго задерживает каждую нашу рукопись. 7. «Свет жизни» и «Телка» О. Н. Озмидовой [см. прим. 11 к п. № 97 от 23 января 1886 г.] уже давно разрешены цензурой и при мне в Пб-ге были заказаны рисунки... Вот, дорогой друг Л. Н., я сообщил вам о том, что происходит с рассказами, относительно которых вы не знали, почему они всё еще не появляются в печати. Пожалуйста, не думайте, что энергия работающих в «Посреднике» оскудевает. Напротив того, дело идет, работы много, и она исполняется. — Мы собираем сборник стихов, о котором хочу с вами переговорить при свидании. Мы перерыскали во всех подходящих поэтах и мало нашли подходящего у каждого в отдельности, но всё вместе составляет довольно объемистую книжечку. — Нам нужны содержания для картинок. На них спрос увеличивается. $^1/_2$ копеечные имеют большой сбыт. Соллогуб в 4 дня по моей просьбе нарисовал 6 рисунков к «Золотой рыбке» Пушкина, которую можно будет выпустить отдельной книжкой зимой, когда пройдет срок литературной собственности на сочинения Пушкина... Хорошо бы было, еслиб вы приготовили несколько рассказов для картин. Это очень нужно... Крепко целую вас, братец Л. Н., хорошо жить на свете, когда можешь любить так хорошо, как я вас люблю».

В письме от 13 декабря, написанном по получении от Толстого письма его от 9—10 декабря [№ 123], Чертков говорит: «Мы получили вчера ваше хорошее, бодрое и ободряющее письмо. Вы совсем правы. Моя вина нехороших отношений с матерью, и я должен найти такое... положение, при котором не было бы той враждебности, какая есть теперь. — В плотском отношении на нас, меня с Галей, опустилась туча: она лежит очень больная — внутренние боли постоянные, а временами просто нестерпимые, двинуться не может без поддержки, а засыпает только урывками. Больно смотреть на это маленькое, страдающее тело и чувствовать, что помочь не можешь. Здешняя фельдшерица — опытная — не может опре-

делить болезни, делает разные предположения, из которых каждое — далеко не отрадное. Хорошо, по крайней мере, что я теперь на ногах. А то я было также захворал горлом и пролежал двое суток... Теперь немыслимо не только выехать, но даже перенести Галю из одной комнаты в другую. А потому останемся здесь на неопределенное время... Я получил письмо от матери — холодное, жесткое и фанатическое, которое вызвало во мне сначала дурное чувство, но Галя, она такая кроткая, любовная, помогла мне придавить это чувство. — Говоря о вас, мать пишет: «Я глубоко убеждена и вижу из Евангелия, что всякий, не признающий воскресшего Спасителя, пропитан этим духом (духом Антихриста) и, так как из одного источника не может течь сладкая и горькая вода, я не могу признать здравым учение, исходящее из подобного источника... Сам Толстой мне положительно симпатичен и я почти убеждена, что он еще попадет на путь истины» и т. д. И я не передавал бы вам всего этого, если б оно не относилось столько же до меня, сколько и до вас. Перед таким фанатизмом у меня просто руки опускаются, но я уверен, что у вас не опустились бы, а потому только и пишу вам об этом в надежде, что получу от вас хоть маленькую помощь... Вы правы, что во мне какое-нибудь непонимание, отсутствие сознания какой-нибудь существенной истины. За исключением этого чувства, которое, к сожалению, однако, нельзя исключить, мы в спокойном, хорошем настроении. Болезнь нас не тревожит, и мы не заглядываем вперед. Я прикидывал в своей душе всевозможные исходы болезни Гали, и мне всё кажется не только не страшным, но хорошим, хорошим в том отношении, что мы знаем, как относиться к тому, что может случиться, и что центр тяжести нашей совместной жизни — вне наших собственных личностей...» В приписке к этому письму, после обычной подписи инициалами, Чертков добавляет: «Галя не согласна, что письмо матери холодное, жесткое. Она своим слабым от болезни и боли голосом говорит: «фанатичное — да, но она, мне кажется, старалась вложить сколько могла любви. К сожалению, она иначе любить не умеет». И я соглашаюсь с Галей и беру назад свои слова».

Из трех названных Чертковым, не упоминавшихся ранее книжек, которые готовились к печати «Посредником», рассказ «Мирское дитё» был написан писателем-народником Н. В. Засодимским (1843—1912), автором «Хроники села Смурина», Спб. 1875, «Повестей из жизни бедных», Спб. 1876 и др., а также многочисленных рассказов для детей; вышел в свет в изд. «Посредника» в 1887. В дальнейшем «Посредник» издал еще целый ряд его произведений: «Весь век для других», «От сохи к ружью», «Черные вороны», «Слепые неразлучники» и мн. др. — Сборник стихотворений — «Гусляр», Спб., 1887 г. — «Сказка о рыбаке и рыбке» Пушкина, с рисунками Ф. Л. Соллогуба, вышла в изд. «Посредника» в 1887 г.

[1] По поводу того почти единодушного успеха, какой имела «Власть тьмы», Толстой писал в то же время Н. Н. Ге-отцу: «...Работы столько..., что знаешь вперед, что не кончишь... А как знаешь, что не кончить работы, — отпадает желание личной награды за нее, а остается сознание служения. Я иногда испытываю это, и тогда особенно хорошо; но как только начнут другие хвалить (как у меня теперь с драмой), так сейчас

является личное желание награды за свой труд и глупое самодовольство: каков я! что сделал. Правда, спасает от этого... то, что некогда, а надо за другое приниматься».

[2] Толстой не переставал смотреть на «Власть тьмы» как на драму, предназначенную для народного театра. Основанный в 1878 г. в Москве известным антрепренером М. В. Лентовским (1843—1906) театр «Эрмитаж» не мог считаться народным в истинном смысле этого слова, а был популярным «общедоступным» театром, но уже поэтому он привлекал Толстого для постановки его драмы более других театров. Когда «Власть тьмы» в 1895 г. была, наконец, разрешена для сцены, она шла, в числе других столичных театров, и в общедоступном театре Лентовского «Скоморох», где она имела очень живой отклик в публике, состоявшей по словам Софьи Андреевны, в большей своей части из «простонародья» (см. «Воспоминания» С. А. Толстой в ТЕ 1912 г., стр. 22).

[3] Иван Иванович Петров (1861—1892), о скорейшем освобождении которого от гласного надзора полиции хлопотали в это время Чертков и Толстой (см. комментарий к п. № 121 от 10—11 ноября), был устроен Чертковым у Сытина сначала в качестве заведующего изданием и распространением книжек «Посредника», а затем, с декабря 1886 г., — и редактором сытинских народных изданий. Привлечь участников к этому делу и старался Толстой. О личности Петрова он имел представление и по отзывам Бирюкова, который был с ним хорошо знаком, и по отзывам Софьи Андреевны, которой Петров, по рекомендации Бирюкова, во время отсутствия Н. Н. Ге-сына, помогал в делах ее книжного склада и которая высказывалась о нем с величайшим сочувствием. До этого И. И. Петров, окончив Кронштадтское Техническое училище, служил в корпусе морской артиллерии, но в 1884 г. вышел в отставку. У Сытина он работал до 1890 г., после чего сделался секретарем, а затем и официальным редактором в известном журнале «Артист», где пользовался величайшим уважением и симпатиями редакции и сотрудников, но через два года, совсем молодым еще человеком, умер от чахотки.

С

В разминувшемся с письмом Толтого письме из Лизиновки от 19 декабря 1886 г. Чертков писал ему: «Дорогой Л. Н., Галя, слава Богу, настолько поправилась, что мы можем ехать. Выехать мы думаем в воскресенье и быть в Москве в понедельник 21-го вечером... Так как Галя с дороги, вероятно, будет уставшая, то неблагоразумно будет ехать к вам в самый вечер нашего приезда. А между тем мне будет очень тяжело, если проведу вечер в Москве, не повидавшись с вами. А потому, не навестите ли вы нас в этот вечер? Как я буду рад опять видеться с вами».

Об этом свидании Чертковых с Толстым А. К. Черткова в своих «Воспоминаниях о Л. Н. Толстом (в сб. «Толстой и о Толстом», № 2, М., 1926) пишет так: «...Лишь только мы приехали в меблированные комнаты (на Страстном бульваре), как явился Л. Н. и настоятельно просил переехать к ним в дом в виду имевшейся свободной комнаты, так как «дочь Маша уехала»... Итак, мы очутились у Толстых в Хамовническом доме...»

Начался новый период дружбы Толстого с Чертковым, когда глубокая личная привязанность к нему распространилась и на его жену.

ДОПОЛНЕНИЕ К СТР. 368 (ПРИМ. 11 и 15 К ПИСЬМУ ТОЛСТОГО ОТ 28—29 ИЮНЯ 1886 Г.):

Прим. 11. Из лиц, указанных Толстым в данных строках его письма в качестве его посетителей, троих удалось точно определить. «Два студента из Москвы» — это медики II курса Московского университета, впоследствии врачи, Андрей Степанович Буткевич (р. 1865 г.) и Владимир Васильевич Рахманов (р. 1865 г.); «ссыльный» — Анатолий Степанович Буткевич, старший брат вышеназванного (р. 1859 г.), пробывший перед тем, за участие в народовольческом движении, четыре года в ссылке, в гор. Туринске Тобольской губ. и живший летом 1886 г. под гласным надзором полиции в Туле, впоследствии весьма известный пчеловод. На всех трех названных лиц знакомство с Толстым произвело глубокое впечатление, отразившееся и на складе их жизни. Отношения их поддерживались и в дальнейшем, о чем можно судить по напечатанным воспоминаниям В. В. Рахманова (В. Р., «Л. Н. Толстой и «толстовство» в конце восьмидесятых и начале девяностых годов», «Минувшие годы», 1908, сентябрь), и по ненапечатанным воспоминаниям Анатолия Буткевича» («Воспоминания о Л. Н. Толстом и яснополянские встречи»). Более подробные сведения о В. В. Рахманове см. по указателю в т. 50 и т. 65. Об Анатолии Буткевиче см. посвященную ему статью в журнале «Пчеловодное дело», 1924, № 8—9 и био-библиографич. словарь «Деятели революционного движения в России», т. I, М. 1928.

Прим. 15. Через год после своего посещения Ясной поляны Дж. Кеннан описал его в воспоминаниях, напечатанных в журн. «The Century. Illustrated Monthly Magazine» 1887, № 34, под заглавием: «A visit to Count Tolstoi». Подробно описав здесь разговор свой с Толстым, Кеннан особенно остановился на том моменте, когда, описывая все ужасы, творившиеся в сибирской ссылке и каторге, он спрашивал Толстого, мог ли бы он устоять на своем принципе непротивления злу насилием при виде грубых насилий, совершаемых над беззащитными женщинами, а Толстой, с глазами полными слез, продолжал доказывать, что насилие в ответ на насилие не могло бы достигнуть никакой благой цели. В конце своего очерка Кеннан говорит: «С искренним сожалением попрощался я с человеком, которого знал один день... Его теории о жизни и человеческом поведении казались мне высокими, благородными и героическими заблужде-

ниями, но к самому человеку я имел и имею только самое горячее уважение и любовь». Толстой с интересом следил за всем, что Кеннан печатал о сибирской ссылке, и в августе 1890 г. обратился к нему с дружеской просьбой — оказать содействие правильной оценке привезенной в Америку картины Н. Н. Ге «Что есть истина?» В этом письме Толстой говорит: «С тех пор как я познакомился с вами, я много, много раз был в духовном общении с вами, читая ваши прекрасные статьи в «Century»... Очень, очень благодарен вам, как и все живые русские люди, за оглашение совершающихся в теперешнее царствование ужасов» (см. т. 65, письмо к Дж. Кеннану и прим. к нему).

СПИСОК ПИСЕМ ТОЛСТОГО, НЕ ИМЕЮЩИХСЯ В РАСПОРЯЖЕНИИ РЕДАКЦИИ.

1. Приписка Толстого на письме Бирюкова к Черткову от 3 октября 1885 г., из Ясной поляны. Упоминается в письме Бирюкова к Черткову от 17 октября того же года. См. комментарий к п. № 83 от 23 октября 1885 г. — выдержку из письма Черткова к Толстому от 20 октября 1885.

2. Письма Толстого к нескольким неназванным им лицам от 11 апреля 1886 г., упоминаемые в письме к Черткову от того же числа. См. начало письма Толстого № 105 и прим. 1 к нему.

3. Письмо Толстого к Черткову, в Лондон, данное Джорджу Кеннану при посещении его Ясной поляны в конце июня 1886 г. См. конец письма Толстого № 111 и прим. 15 к нему.

СПИСОК ПИСЕМ, НАПИСАННЫХ ПО ПОРУЧЕНИЮ ТОЛСТОГО.

1. Письмо к Черткову, написанное А. П. Ивановым. Упоминается в письме Черткова к Толстому от 9 марта 1885 г. См. комментарий к п. № 49 от 17—18 марта 1885 г. (АЧ)

2. Письмо Софьи Андреевны Толстой к Черткову от 4 апреля 1886 г. Упоминается в прим. 11 к п. № 104 от 3 апреля 1886 г. (АЧ)

3. Письмо Татьяны Львовны Толстой к Черткову, не датированное. Упоминается в прим. 7 к п. № 105 от 11 апреля 1886 г. (АЧ)

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН.

В настоящий указатель, согласно инструкции Редакторского комитета, введены имена личные и географические, названия исторических событий (войн, революций и т. п.) и учреждений, заглавия книг, названия статей, произведений слова, живописи, скульптуры, музыки, имена героев художественных произведений. При этом отмечаются не только те страницы, где данное имя или название дано в «раскрытом» виде, но и те страницы, где оно дано в «скрытом» виде, т. е. где оно подразумевается. Названия журналов и газет вносятся в указатель в тех случаях, когда они употреблены самостоятельно, а не как библиографические данные. При мало известных географических именах — деревень, сел, небольших городов — даются (согласно территориальному делению дореволюционного времени, к которому относятся письма Толстого) названия губерний, в которых они находились, — без более точного местного обозначения. — Названия произведений вводятся в указатель только под фамилией их авторов; в тех случаях, когда название того или другого произведения менялось в процессе работы над ним, первоначальные названия указываются рядом с окончательным, в скобках. — Если заглавие книги или статьи приведено в тексте данного тома не только на русском, но и на иностранном языке, иностранное заглавие ставится в указателе вслед за русским, в скобках. Иностранные имена и заглавия, вошедшие в текст без русского перевода, отнесены к иностранному алфавиту, в конце указателя. — Уменьшительные имена и прозвища самостоятельно в указатель не вводятся, а ставятся в скобках за фамилией и именем данного лица. Псевдонимы, прочно вытеснившие настоящую фамилию авторов, вводятся в указатель, как таковые. — Знак || указывает на то, что цифры, стоящие после него, относятся к страницам комментария. Курсивом выделены цифры, относящиеся к страницам, на которых имеется примечание о данном лице, основное для всех томов с письмами Толстого к Черткову.

Аввакум, протопоп — || 266.

Августин Блаженный — 289, || 293.

Авеста — || 373.

Авранек (Петрова) С. П., преподавательница пения — || 397.

Академия генерального штаба в Петербурге — || 258.

Академия художеств в Петербурге — || 109, 125, 163, 173, 176, 319.

Аксаков Иван Сергеевич — || 182.

Александр II — || 4, 5, 7, 11, 87, 119, 201.

Александр III — 245, || 7, 11, 49, 201, 326, 359.

Александр VI, папа римский — || 192.

Александр Македонский — || 373.

Александрия — || 187, 190, 247.

Александровский лицей. См. Императорский Александровский лицей.

Алексеев Василий Иванович — 80, || *87—88*, 104, 126.

— «Записки В. И. Алексеева» (ненапеч.) — || 87—88, 104.

Алчевская Христина Даниловна, «Что читать народу?» — || 140, 178.

Альбом «Л. Н. Толстой. Чем люди живы» в рис. Н. Н. Ге. См.

Л. Н. Толстой, «Чем люди живы?», а также: Ге Н. Н. (отец) — иллюстрации к «Чем люди живы».
Альсид (Alcide) — 336, || 340, 367.
Америка — 261, || 75, 87, 187, 221, 228, 259, 286, 297, 303, 309.
Анастасьев А. К. — 245, || 248.
Англа-Майна (Ариман) — || 372.
Англия — 202, 203, 208, 211, 217, 225, 238, 241, 336, 368, || VII, IX, 7, 8, 12, 13, 14, 15, 62, 63, 67, 70, 74, 81, 87, 100, 111, 138, 140, 159, 179, 187, 194, 203, 204, 208, 211, 217, 221, 242, 260, 266, 290, 309, 330, 342, 357, 366, 398, 399.
Андреев А. В. — || 320.
Андрей, яснополянский крестьянин — || 410.
Ан-ский С., «Что такое анархизм?» — || 13.
Антиохия — || 190.
Апостолов Николай Николаевич:
— «Л. Н. Толстой и А. Н. Островский» — || 408.
— «Лев Толстой и его спутники» — || 408.
— «Толстой и Диккенс» — || 187.
Апурин Петр Семенович (Петр, Петрушка) — 33, 44, 61, 69, || 33, 34, 35, 36, 45, 64, 66, 67, 71—72, 97, 124, 170, 181, 366.
Армия Спасения (L'armée du Salut) — 77, || 86, 87.
Армфельд А. А., — || 51.
Армфельд Анна Васильевна — || 51.
Армфельд Наталья Александровна — || 51.
Арнольд Матью — 76, 81, 171, 174, 180, 184, 218, 225, 242, || *85*, 89, 179—180, 231, 244.
— «В чем сущность христианства и иудейства» («Литература и догма») («Literature and Dogma»)—180, 184, || 85, 89, 172, 179, 188, 228.
См. — также Arnold Matthew.
Арриан:
— «Беседы» — || 220.
— «Руководство» — || 220.
Артиллерийская 14-я бригада — 283.
«Артист» — || 255, 425.
Архив Толстого в Публичной Библиотеке СССР им. Ленина в Москве (АТ) — || VII, VIII, 177, 204, 296, 301, 305, 310, 413.
Архив В. Г. Черткова (АЧ) — || VII, VIII, 14, 22, 35, 127, 166, 167, 168, 169, 183, 220, 238, 244, 257, 266, 275, 279, 285, 287, 288, 309, 319, 321, 325, 327, 328, 329, 330, 331, 334, 335, 340, 341, 342, 344, 349, 350, 352, 359, 366, 391, 410, 416.
Астапово Рязанской губ. — || 16.
Асхабад — 283.
Атхарваведа — || 372.
Афанасьев А. Н. — || 332.
Афон — || 216, 313.
Ахура-Мазда (Ормузд) — || 372.

Баден — || 340.
Бактрия — || 373.
Бакунины — || 120.
Бальзак Онорэ (Balzac Honoré). «Эжени Гранде» («Eugenie Grandet») — 286, || 275, 287.
Барановская Екатерина Васильевна, рожд. Сабашникова — || 293.
Барановский А. В. — 289, || 293.
Баршева Ольга Алексеевна — 193, 203, 416, || 195—196, 204. 374, 419.
Барыкова А. — || 9.
— Перевод поэмы В. Гюго «Бедные люди» (Victor Hugo «Pauvres gens») — || 314.
Басни И. А. Крылова в картинках («Демьянова уха», «Раздел», «Прохожий и собаки», «Лягушка и вол», «Старик и трое молодых», «Червонец», «Крестьянин и работник», «Кот и повар») — || 331.
Баттерсби Гарри Вильям (Battersby H. W.) — || 63, 219, 224, 226, 230, 293, 370.
Батищево с. Смоленской губ. — || 375.
Бауск, г. Курляндской губ. — || 159.
Беликов Петр Петрович — || 173, 186, 214, *216*, 232, 233.
Беллоуз Дж. — || 228.
Беляев, врач — || 316.
Бем, Елизавета Меркурьевна — 218, || *222*.
— Иллюстрации к рассказу «Медведи» В. М. Гаршина — || 222.
— Иллюстрации к комедии «Первый винокур» Л. Н. Толстого — || 222.

— Иллюстрации к «Сказке об Иване Дураке» Л. Н. Толстого — || 222. —
— Иллюстрации к рассказу «Перепелка» И. С. Тургенева — || 222.
— Иллюстрации к сборнику «Малым ребятам» — || 222.
— Иллюстрации к сборнику «Цветник» — || 222.
— Картинки на тему «Сказка о дедке и репке» — || 222.
— Плакаты на тему о голодном годе — || 222.
Бем Л. Ф. — || 222.
Берег Маклая — || 333.
Берлин — 209, || 211, 213, 219.
Берс Андрей Евстафьевич — || 405.
Берс Любовь Александровна, урожд. Ислявина (Любочка Берс)— 403, 406, 411, || 404, *405*.
«Библиотека И. И. Горбунова-Посадова для детей и юношества» — || 333.
«Библиотека «Огонька» — || 116.
«Библиотека Свободного Воспитания» под ред. И. И. Горбунова-Посадова — || 400.
Библия — 369, || 180, 190, 221, 227, 243, 247, 373.
Бирюков Павел Иванович— 33, 157, 160, 180, 197, 210, 211, 218, 238, 242, 250, 254, 270, 289, 308, 318, 331, 361, 389, || 9, 11, 17, 35, 66, 96, 106, 109, 110, 122, 124, 125, 135, 140, 141, 143, 157, *159*, 163, 177, 181, 183, 208, 211, 213, 214, 216, 220, 224, 230, 231, 234, 237, 238, 249, 251, 252, 254—255, 256, 257, 263, 266, 271, 272, 273, 277, 279, 287, 290, 293, 318, 324, 327, 328, 329, 330, 331, 335, 351, 353, 366, 378, 381, 385, 388, 391, 397, 398, 399, 407, 409, 413, 414, 418, 425.
— Биография Л. Н. Толстого, т. I — || 159.
— Биография Л. Н. Толстого, т. II — || 63, 122.
— Биография Л. Н. Толстого, т. III — || 28, 30, 43, 61, 70, 119, 123, 138, 144, 220, 222, 224, 249, 302—311.
— Биография Л. Н. Толстого, т. IV — || 159.
— «Дневник» — || 63, 122.
— «Духоборы» — || 159.
— «Переписка с друзьями», рукописный журнал — 33, || 34, 58.
— «Переписка с Л. Н. Толстым» (неиздан.) — || 159, 220, 234, 278.
— «Л. Н. Толстой и В. Фрей» — || 260.
См. также: Чертков В. Г. и Бирюков П. И., «Положение духоборов на Кавказе в 1896 г.», Чертков В. Г. и Бирюков П. И., Предисловие к «Осаде Севастополя» и «Помогите», воззвание П. Бирюкова, И. Трегубова и В. Черткова.
«Битва русских с кабардинцами или прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа», лубочная книжка — || 268.
Благов Александр — || 342.
Богатов, Н. Рисунки к рассказу И. Г. Журавова «Раздел»— || 342.
Боккачио — || 192.
Большая Дворянская ул. в Петербурге — || 170.
Большой театр в Москве — || 367.
Бондарев Тимофей Михайлович — || *243—244*.
— «Торжество земледельца или трудолюбие и тунеядство» — 241 — 242, 322, || 243, 323, 358.
Боровицкие ворота в Московском Кремле — || 131.
Бостон — || 221.
Боткин С. П., — || 124, 125.
«Братство новой жизни», — || 75.
Брахма (Брама) — || 360.
Брахманы (брамины) — || || 311, 360.
Брейтбург С. М., «К цензурной истории «Сказки об Иване-дураке» — || 273.
Бронтон, гор. — || 75.
Брукс Эдм. — || 228.
Бруно Джиордано — || 164.
Брянский уезд Орловской губ. — 225, || 217.
Бугаев Н. В., — || 63.
Бугро Вильям Адольф (Bouguereau W. A.) — || 125.
Будда (Сиддарта Гаутама) — 308, 356, 369, || 222, *311—312*, 373, 379.
Буланже, генерал — || 378.
Буланже Павел Александрович:
— «Жизнь и учение Сиддарты. Готамы, прозванного Буддой». Под ред. Л. Н. Толстого — || 312, 374

— «Конфуций. Жизнь его и учение». Под ред. Л. Н. Толстого — || 31, 373—374.
— «Ми-Ти, китайский философ. Учение о всеобщей любви». Под ред. Л. Н. Толстого. — || 374.
— «Победа над смертью». Кахта-Упанишад» — || 374.
Булганов В. Ф. — || 215.
Бурнемаут, гор. — || 14.
Буткевич Анатолий Степанович — 362, || 426.
— «Воспоминания о Л. Н. Толстом и яснополянские встречи» — || 426.
Буткевич Андрей Степанович — 362, || 426.
Бутс Вильям (Booth William) — || 86.
— «В трущобах Англии». («In darkest England and the way out».) Перевод Р. Сементковского. — || 86, 87.
Бутырская тюрьма в Москве — || 334.
Бюрнуф Е. — || 375. См. также Burnouf E.

Вагнер Н. П. — || 148.
Варшава — 88, || 89, 423.
«Вегетарианское обозрение» — || 18.
Вегетарианское общество в Москве — || 18.
«Веданта» — || 360.
«Веды» — 368, 369, || 360, 371. См. также Ахтарваведа, Ригведа, Самаведа, Аджурведа.
Великая французская революция — || 216, 325.
Вена — || 319.
Венгрия — || 13.
Вернадский Владимир Иванович — || 141.
Веселовский — 351, || 351 — 352.
«Вестник Европы» — || 255, 256, 304, 309.
Весьегонский уезд Тверской губ. — || 257.
«Ветхий Завет» — || 36.
«Вильям Фрей», статья в сб.: «Русские пропилеи» — || 260.
Винер Е. В., по мужу Джунковская — || 64, 414.
Винер Ц. В. — || 415.
Вифлеем — || 190.
Владимирская губ. — || 125.
Воинское присутствие в Острогожске — || 281.
Волга — || 396.
Волькенштейн Л. А., «13 лет в Шлиссельбургской крепости» — || 14.
«Вопросы философии и психологии» — || 164.
«Воровская шайка. Приключения бедного Оливера Твиста» (по Диккенсу). Изд. «Посредника» — || 187.
Воронеж — || 25.
Воронежская губерния — || 10, 47, 115, 159, 160, 166, 251, 257, 310, 398.
Воронежский дисциплинарный батальон — || 11.
Воронцов-Дашков гр. Ил. Ив. — || 201, 202, 414.
Воропаев Д. А. — || 170, 303.
Воскресная женская школа в Харькове — || 178.
Воскресная рабочая школа на Шлиссельбургском тракте в Петербурге — || 178, 398.
«Воспитание и обучение» — || 216.
Восточная Сибирь — || 359.
«Восточное обозрение» — || 359.
Второй съезд РСДРП — || 178.
Выборгское воззвание — || 202.
Высшие женские курсы (Бестужевские) в Петербурге — || 216, 237, 255, 397, 398.
Высшие женские курсы Герье в Москве — || 153, 255.
Высшие женские сельско-хозяйственные курсы в Москве — || 27.

Гаврила Макарович в Лизиновке — || 36.
«Газета Гатцука» — || 312, 319.
Гайдебуров П. А. — || 272, 325.
Галерная Гавань в Петербурге — || 11, 94.
Галиция — || 415.
Гаррис Т. Л. — 73, || 75. См. также Harris Thomas Lake.
Гаршин Всеволод Михайлович — || 9, 122, 135—136, 141, 309, 339.
— «Медведи» — || 136.

— «Сигнал» («Сторож будки») — || 136, 326, 327.
— «Сказание о гордом Аггее» («Правитель Аггей», «Царь Аггей») — || 136, 339, 340, 358.
— Текст к картине «Бичевание Христа» — || 135, 163.
— «Четыре дня» («Четыре дня на поле сражения. Рассказ солдата с отрезанной ногой») — || 136, 339, 340.
Гатчина — || 153.
Ге Анна Петровна — || 367.
Ге Николай Николаевич, отец — 108, 211, 307, 317, 376, 389, || 55, *109*, 110, 126, 384, 387, 391.
— Иллюстрации к «Кающемуся грешнику» Л. Н. Толстого — || 217.
— Иллюстрации к «Сказке об Иване дураке» Л. Н. Толстого — || 109.
— Иллюстрации к «Чем люди живы» Л. Н. Толстого — 329, 336, 349, || 103, 330, 338, 341, 344, 371, 383, 407.
— Картина «Тайная вечеря», — 317, || 109, 309, 318, 319, 320, 321, 322.
— Портрет А. И. Герцена — || 109.
— Портрет Л. Н. Толстого — || 109.
— Эскизы на Евангельские темы — 376, || 309, 326, 379—380:
— «Введение» — || 379.
— «Вот спаситель мой!» — || 380.
— «Искушение» — || 380.
— «Ныне исполнися» — || 380.
— «Отныне будете видеть небо отверстым» — || 380.
— «Отрок в Храме с учителями» — || 379.
— «Проповедь Иоанна на Иордане» — || 380.
Ге Николай Николаевич, сын (Количка) — 54, 89, 117, 280, 329, 331, 336, 363, 368, 383—384, || 55—56, 115, 116, 119, 282, 309, 330, 332, 335, 371, 380, 384, 385, 425.
Ге Петр Николаевич — 54, || 55.
Гегель — || 167.
Гейдельбергский университет — || 53.
Гейден гр. А. Ф. — 60, || 61, 62, 66.
Гейки Джон Куннингам (Geikie John Cunningham) — || 23.
— «Жизнь и учение Христа» («Life and Words of Christ»). Перев. М. Фивейского — 3, || 23.
Гейнс Владимир Константинович. См. Фрей Вильям.
Германия — || 286, 379.
Герцен А. И. — || 109, 255.
Гершензон М. О. — || 9, 260.
Гефдинг — || 149.
Гимназисты из Рыбинска — 126.
Гимназисты из Тулы — 362.
Гимназия Л. И. Поливанова в Москве — || 190, 308, 320.
Главная Физическая Обсерватория — || 159, 213.
Главное Управление по делам печати — || 177, 272—273, 359.
Главный Комитет по устройству и образованию войск в Петербурге — 55.
Главный Штаб — 283.
Гладстон, Вступительная статья к книге «Ecce homo. Обзор жизни и дела Иисуса Христа» — || 24.
Гоголь Н. В. — || 306.
Голицын кн. Борис Борисович (Б. Г.) — 57, || 58, 59.
Голицын Василий Павлович — 51, || 53.
Гололобов Я. Г. — || 304.
— «Вор» — || 303, 304.
«Голос Толстого и Единение» — || 18, 58, 61, 315.
Голохвастов Д. Д., «Письма из деревни о Письмах из деревни г-на Энгельгардта» — 38—39, || 41.
Гольденвейзер А. Б., «Вблизи Толстого» — || 291.
Гомер — || 85.
Горбунов-Посадов И. И. — || 8, 9, 150, 399.
Горбунова-Посадова Е. Е., «Друг Толстого Марья Александровна Шмидт» — || 196, 253.
Горемыкин И. Л., — || 11.
Государственная Дума I-я — || 202, 332, 340.
Государственная Дума II-я — || 332.
Государственная Дума III-я — || 304.
Государственное издательство (Госиздат) — || 18.
Государственный совет — || 332.
Государственный Толстовский Музей в Москве

(ГТМ) — || VII, 156, 203, 266, 274, 276, 290, 297, 305, 308, 316, 324, 343, 366, 367, 385.
Гревс Иван Михайлович — || 141.
— «В годы юности» — || 141.
Грибовский Вячеслав Михайлович (псевд. Гридень) — 174, 183, 209, 355, 356, || 170, 174, *177* — *178*, 185, 215.
— «Народ и власть в Византийском государстве» — || 178.
Гринёвка Тульской губ. — || 308.
Грот Николай Яковлевич — 160, || 164.
— «Джиордано Бруно и пантеизм» — || 164.
— «Психология чувствований в ее истории и главных основах» — || 164.
Грузинский А. Е., Источники рассказа Л. Н. Толстого «Где любовь, там и Бог» — || 156.
Группа «Освобождение труда» — || 178.
Гудвий Н. К. — || 54.
Гусев Н. Н. — || 25, 186.
— «Борец за правду Иероним Савонарола» — || 192.
— «Кто был Магомет» — || 374.
— «Толстой в молодости» — 216.
«Гусляр». Сборник стихотворений — || 335, 423, 424.
Гюго Виктор — || 212, 213, 314.
— «Бедные люди» («Pauvres gens») — 308, || 378.
— «93-й год». («Quatre-vingt-treize») — 212, 216 (Симурден — 211—212).
См. также Hugo Victor.

Давид, царь иудейский — || 379.
Давыдов Н. В. — || 8, 22, 23.
— «Из прошлого» — || 8.
Даймонд Ионафан — 225, || 226, 227. См. также Dymond J.
Даль В. И. — || 332.
Дальний Восток — || 172.
Данилевский Н. Я. — || 63, 234, 266, 269.
Дача Гужона в Тульской губ. — || 15.
Дашкевич О. А. — || IX.
Девичье поле в Москве — 42.
«Девочки». См. Толстая Татьяна Львовна и Толстая Марья Львовна.
Декрет Совета Народных Комиссаров от 4 января 1919 г. — || 17.
Дёменка Тульской губ. — || 10.
Денисенко Павел Александрович — || 326—327.
— «Дневник русского актера» — || 327.
— Обработка для сцены рассказа Л. Н. Толстого «Чем люди живы» — || 326, 327.
Дерпт — || 146.
Дерптский ветеринарный институт — || 146.
Деруледе Поль — 376, 378—379. См. также Deroulède Paul.
«Детская помощь» — 229, || 143, 233, 251.
Детско-сельская санатория Цекубу — || 179.
Деций, император — || 247.
«Деятели революционного движения в России», био-библиографический словарь — || 201, 202.
Джибсон (Gibson) — 239, || 239, 241.
Джордж Генри (George Henry) — 144, || *149—150*.
— «Общественные задачи» («Social problems»). Перевод С. Д. Николаева — || 149, 150.
— «Прогресс и бедность» («Progress and poverty») — 144, || 149.
Джунковский Николай Федорович — 411, || 405, *414*.
Диккенс Чарльз (Dickens Charles) — 188, 287, 324, 389, || 186 — 187, 288, 390, 392.
— «Большие ожидания» — || 288.
— «Домби и сын» — || 288.
— «Крошка Доррит» («Little Dorrit») — 286, 324, || 288, 325, 392.
— «Лавка древностей» — || 279.
— «Наш общий друг» («Our mutual friend») — 324, || 325.
— «Оливер Твист» («Oliver Twist» — 184, || 187, 288.
— «Повесть о двух городах» («История о двух городах». «Tale of the two cities») — 324, || 325.
— «Рождественская сказка («Рождественская песнь», «Christmas Carol») — 336, 343, || 288, 339, 341.
— «Тайна Эдвина Друда» («Mystery of Edwin Droud») — 184, || 187, 288.
— «Холодный дом» («Bleak House») — 286, || 288

Динабург — || 357, 359.
Дитерихс Анна Константиновна, по мужу Черткова — 331, 385, 389, 392, || 8, 170, 232—233, 238, 272, 327, 335, 353, 385, 386, 387, 388, 390, 391, *396—403*.
— «Житие Филарета Милостивого» — 235, || 173, 181, 233, 238, 271.
См. также Черткова Анна Константиновна.
Дитерихс И. К., «Воспоминания о Л. Н. Толстом» — || 372.
Дитерихс Константин Александрович — || 388, 396—397.
Дитерихс Л. К.:
— Рисунки к «Календарю с пословицами на 1887 год» — || 332.
— Рисунки к книжке А. А. Эрленвейна «Иван Гус» — || 351.
Дитерихс Ольга Иосифовна, урожд. Мусницкая — || 396—397.
Дитерихс, семья — || 397, 402.
Дитман, евангелический проповедник — || 86.
Дицкевич, офицер — || 357, 359.
«Для интеллигентных читателей», серия книжек «Посредника» — || 191, 222, 399.
Дмитрий Ростовский, — || 56.
— «Алфавит духовный» — 54 — 55, || 56, 58.
— «Четьи-Минеи» («Жития святых») — 189, || 56, 186, 192, 214, 238.
Дом предварительного заключения в Петербурге — || 310.
Домициан, император — || 220.
Домна, «людская кухарка» в Ясной поляне — 80, || 88.
Донская улица в Москве — 26.
Дорэ Густав — || 135, 206.
Достоевская А. Г. — || 404, 405.
Достоевский Ф. М. — || 6, 25, 404.
— «Братья Карамазовы» — || 25; (Алексей Карамазов — || 25; старец Зосима — || 404, 405, 422—423.)
— «Идиот» — || 25.
Дрейфус — || 378.
Дрожжин Евдоким Никитич — || 11.
Дубовка, посад Саратовской губ. — || 396.
Дуброво Ил. Ив. — 173 — 174, || 176—177.
Дурылин С. Н. — || 313.
Духоборцы (духоборы) — || 11, 12, 159, 228, 309, 399, 415.
Дятьково Орловской губ.— || 151, 155, 217, 242, 266.

Е. Б., «Сирота в неволе» (по Гюго), кн. изд. «Посредника» — || 313.
Евреинов А. В. — || 153.
Евреинова Анна Михайловна — 152, || 152, *153*.
Европа — || 221, 286, 383, 415.
Египет — || 190.
Егоров Петр Филиппович, крестьянин в Ясной поляне — 411, || 410, 415, 416.
«Единение» — || 320.
«Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни» — || 367.
Екатериновка Воронежской губ. — || 34.
Екатеринославль — || 342.
Екатеринославская губерния — || 286.
«Ессе homo. Обзор жизни и дела Иисуса Христа». См. Сили Дж. Р.
Елец Орловской губ. — || 146.
Енисейская губ. — || 243.
Ершов Константин — 201, 225, || 201, 202, 226, 228.
Ершов, брат Конст. Ершова — 201, || 202.

Жарова, крестьянка в Ясной поляне — || 367.
Жданов В. А., «Любовь в жизни Толстого» — || 246.
Желтов Федор Алексеевич — || 342.
Жемчужников А. А. — || 169.
Женева — || 25, 62, 104, 159, 231, 366.
«Женское образование» — || 216.
«Жизнь для всех» — || 374.
«Жизнь прежде и теперь», серия популярных книжек издания А. М. Калмыковой — || 188.
Журавов И. Г. — || 342.

— «Злая невестка» («Не всякому слуху верь») — || 342.
— «Равдел» — 336, || 342, 423.
«Журнал для всех» — || 367.
Жюльен Станислав. См. Julien Stanislas.

Завадовская гр. Софья Петровна, по мужу Исленьева — || 405.
Закавказье — || 298.
Закаспийская область — 283.
Закаспийский край. См. Закаспийская область.
Залюбовский Алексей Петрович — 282, || 284, 285, 355.
Залюбовский Анатолий Петрович — 283, || 284, 285.
Занд Жорж. См. Sand George.
Засодимский Павел Владимирович — || 9, 309.
— «Весь век для других» — || 424.
— «Мирское дитя» — || 423, 424.
— «От сохи к ружью» — || 424.
— «Повести из жизни бедных» — || 424.
— «Слепые неразлучники» — || 424.
— «Хроника села Смурина» — || 424.
— «Черные вороны» — || 424.
Захарьин Г. А., врач — || 151, 381.
«Звенья», сборники — || 21.
«Земля и воля», тайное общество 1860-х годов — || 258.
«Земля и воля», революционная народническая организация 1870—1880-х гг. — || 397.
Зенд-Авеста — 369, || 372—373.
Зенон — || 220.
Златовратский Николай Николаевич — || 9, 112, 151, 219, 357, 359.
— «Белый старичек» — || 359.
— «Деревенские будни» — || 219, 359.
— «Деревенский король» — || 359.
— «Искра божья» — || 359.
— «Устои» — || 359.
Зола Эмиль — 261, || 263. См. также Zola Emile.
Зороастр — || 372, 373.

Иван кучер в имении Чертковых — || 161.
Иванов Александр Петрович — 42, 267, 270, 289, || 44, 59, 155, 156, 268, 293.
Иванов Николай Никитич — 331, 336, 389, 416, || *334—335*, 387, 388, 390, 391, 392, 404, 419, 422.
— «Без хлеба» — || 334.
— «Блоха и мухи» — || 335.
— «Пасха» — || 334, 342, 423.
— Стихотворения — || 334—335.
— «Три друга» — || 335.
— «У Л. Н. Толстого в 1886 г.» — || 332, 334.
— «Юродивый» — || 334.
Иванцов-Платонов Александр Михайлович — 205 — 206, || *206—207*, 214, 251.
Иероним Блаженный — 189, || *190*.
Иерусалим — 39.
«Из Ясной поляны» (журнала гр. Л. Н. Толстого). Рассказы для «Семьи и школы». Под ред. А. Эрленвейна — || 351.
«Известия императорского географического общества» — || 333.
«Изречения Магомета, не вошедшие в Коран». Избраны Л. Н. Толстым — || 374.
«Изречения мудреца Лао-Тзе, избранные Л. Н. Толстым» — || 374.
Иисус. См. Христос.
Иллюстров И., «Жизнь русского народа в его пословицах». — || 333.
Ильинские ворота в Москве — || 163.
Илья, пророк — || 379.
Императорский Александровский лицей в Петербурге — || 49.
Империалистическая война — || 17, 286, 399, 415.
Индия — || 311, 359, 360.
Иннокентий III, папа римский — || 191.
Иоанн-Евангелист — || 379.
Иоанн Златоуст — 188, 289, 190, 293.
Иоанн Милостивый — 235, || 238.
Иран — || 373.
Исаия, пророк — || 379.
«Искра». — || 178.
Исленьев А. М. — || 405.
Испания — || 332.
«Истинная свобода» — || 18.

Исторический музей в Москве — || IX, 4, 17, 19.
Италия — || 190, 191.

Кавалергардский полк — || 85.
Кавказ — 362, 417, || 12, 26, 243, 249, 332, 368, 374, 385, 396, 397, 412, 414, 419.
Казань — 345, || 350.
Казимирский, переводчик (на франц. язык) «Корана» — ||372.
«Календарь с пословицами на 1887 г.» — 331, 411, 416, || 332, 413.
См. также: Толстой Л. Н., «О крестьянских работах на каждый месяц» и «Пословицы на каждый день».
Калмыков Д. А. — || 178.
Калмыкова Александра Михайловна — 174, 197, 207, 210, 276, 308, 331, || 141, *178—179*, 181, 260, 265, 278, 299, 327, 335, 385, 398, 412.
— «Греческий учитель Сократ»-- 171, 174, 197, 202, 207, 210, 211, 218, || 174, 179, 198, 203, 208, 214, 215, 224, 227, 304.
— «Еврейский вопрос в России» — || 178.
См. также: «Жизнь прежде и теперь», «Силы природы и труд человека» и «Цветник».
Калужская губ. — || 313.
Канада — || 12, 159, 309.
Канвас — || 87.
Кара Забайкальской области — || 51.
Карамзин Н. М. — || 266.
«Картины для народа, в изд. «Посредника» — 121, 126, 133, 160, 168, 171, 173—174, 180, 185, 193, 199, 218, 235, 260, 286, 329, 338, || 122, 123, 124, 125, 126, 127, 153, 156, 158, 161, 163, 169, 172, 176, 183, 200, 206, 240, 263 — 264, 265, 268, 288, 290, 319.
См. также Басни И. А. Крылова в картинках.
Касаткин Николай Алексеевич — 160, || 163.
— Иллюстрации к рассказу «Архиерей и разбойник с подсвечниками» (по В. Гюго) — || 264.
— «Комсомол», картина — || 163.
— «Шахтеры», картина — || 163.
Катковский Лицей в Москве — || 110.

Квакеры — 225, 336, || 12, 226, 227—228, 333.
Келер Иван Петрович — || 173.
— «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные», картина — 171, 180, 185, 205, 210, 250, || 53, 173, 175, 206.
Кембриджский университет — || 187.
Кеннан Джордж — 363, || 368, 426.
— «Сибирь и ссылка» («Siberia and the Exile System») — || 368.
См. также Kennan George.
Кившенко Алексей Данилович — || 257.
— Иллюстрации к рассказу «Бог правду видит да не скоро скажет» Л. Н. Толстого — || 164.
— Иллюстрации к рассказу «Брат на брата» (по В. Гюго) — || 216.
— Иллюстрации к рассказу «Галя» О. И. Шмидт — || 183.
— Иллюстрации к книжке «Греческий учитель Сократ» А. М. Калмыковой — || 179, 214.
— Иллюстрации к рассказу «Два старика» Л. Н. Толстого — || 234.
— Иллюстрации к книжке «Жизнь св. Франциска Ассизского» Е. П. Свешниковой — || 191, 252.
— Иллюстрации к «Житию Павлина Ноланского» П. П. Беликова — || 181, 182, 216.
— Иллюстрации к «Житию св. Петра, бывшего прежде мытарем» П. П. Беликова — || 173, 216.
— Иллюстрации к рассказу «Ильяс» Л. Н. Толстого — || 156.
— Иллюстрации к рассказу «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого — || 164.
— Иллюстрации к «Повести о жадном мужике Ермиле» А. И. Эртеля — || 310.
— Иллюстрации к рассказу «Свечка» Л. Н. Толстого — ||269, 303.
— Иллюстрации к рассказу «Христос в гостях у мужика» Н. С. Лескова — || 164.
— Иллюстрации к рассказу «Чем люди живы» Л. Н. Толстого — || 164.
Кившенко Надежда Даниловна («дама») — 256, 361, || 93, 256, *257*, 353, 359, 378, 385, 398.
— «Дневник сельской учительницы» — || 257.
Киев — 89, 108, 317, || 92, 185, 253, 319, 388, 396, 397.

Киевская губ. — || 56.
Киевский перевод «Учения двенадцати апостолов». См. Попов К. Д.
Киевский университет — 54, || 109.
Кингслей Чарльз (Kingsley Charles) — || 187.
— «Гипатия» («Hypatia») — 184, || 187.
Кипр, остров — || 12.
Китай — || 31, 35, 311.
Кишинев — || 285.
Кишиневский погром — || 13.
«Классные дамы» («Дамы» (см. Шмидт М. А. и Баршева О. А.
Классон Р. Э. — || 178.
Клеен Гектор де — || 387.
«Книга о центрах духовной деятельности» («Centres of spiritual activity») — 368, || 372.
«Книжки Недели» — || 177, 269, 272, 278, 325, 339, 343, 349.
Кожухов Евгений Алексеевич — || 326, 327, 422.
Ковловка-Засека, станция Московско-Курской ж. д. — 270, || 15, 110, 111, 127, 249, 256, 382.
Комерова-Наумова А. А. — || 370, 371.
Комитет Министров — || 11.
Коммерческое училище в Нижнем Новгороде — || 87.
Конногвардейский полк — || 6.
Конради Е. И. — || 216.
Конт Огюст — || 192, 260. См. также Comte Auguste.
Конфуций (Кун-Фу-Цзы) — 30, 356, 369, || 31, 38, 222, 372, 373, 379.
Копылова Анисья, крестьянка в Ясной поляне — || 366.
Коран — 369, || 372, 374.
Корнилов Александр Александрович — || 141,
— «Воспоминания о юности Ф. Ф. Ольденбурга» — || 141.
Короленко В. Г. — || 9, 122, 153.
Короткова Е., «Замечательный русский путешественник, друг диких Н. Н. Миклуха-Маклай» — || 333.
Корф гр. Модест Андреевич — || 67
Костомаров Н. И. — || *312—313.*
— «Историческое значение южно-русского народного песенного творчества» — || 312.
— «Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей» — || 312.
— «Северно-русские народоправства» — || 312.
— Собрание сочинений — || 312.
— «Сорок лет», легенда — 308, 316—317, 343, || 312—313, 319, 321, 344.
Костомарова Алина Леонтьевна, урожд. Крагельская — 317, || 312, 319.
Костромская губ. — || 87, 162.
Кочеты Тульской губ. — || 15, 16, 20, 274.
Крайстчерч (Christchurch) — || 13, 14.
Крамской Иван Николаевич — 121, 238, || 9, 35, 96, 106, 120, 123, 124, 125, 222, 240, 264, 290.
— Портрет В. Г. Черткова — || 9.
— Портреты Л. Н. Толстого — || 125.
— «Христос в пустыне», картина — || 125.
«И. Н. Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи». — || 9.
Крапивенский уезд Тульской губ. — || 415, 416.
Краснов Андрей Николаевич — || 141.
Крёкшино Московской губ. — || 15.
Кременчуг — || 202.
Кремль в Москве — || 405.
Кривенко С. Н. — || 149.
Критико-биографический словарь С. А. Венгерова — || 244.
Кронштадтское техническое училище — || 425.
Кружок по изучению народной литературы, возглавляемый Д. И. Шаховским и братьями С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбург — || 140, 141, 154, 178, 202, 216, 237, 260.
Крым — 144, 403, || 151, 152, 153, 155, 156, 167, 176, 217, 256.
Крымский А. Е., «Лекции по Корану» — || 372.
Ксенофонт — || 215.

— Воспоминания о Сократе (Memorabilia Socratis) — 210, 225, || 215, 225, 228.
Кудрявцев Д. Р. См. «Спелые Колосья».
Кузминская Вера Александровна — || 72, 367.
Кузминская Мария Александровна — || 72, 367.
Кузминская Татьяна Андреевна — || 72, 138, 203, 266, 275, 290, 296—297, 300, 305, 308, 316, 323, 327, 343, 366, 367.
— «Бабья доля» — || 256, 304.
Кузминские — 69, 211, 352, || 135.
Кузминский Александр Александрович — || 72.
Кузминский Александр Михайлович — 356, 381, || 72, 248, 285, 292, 361, 371, 383.
Кузминский Василий Александрович — || 72.
Кузминский Михаил Александрович — || 72, 249.
Кузнецов — || 128.
Курляндская губ. — || 159.

Лабуле Эд. де — || 32.
— «Абдаллах или трилистник о четырех листьях», перев. кн. А. Шаховской («Abdallah ou le treffle à quatre feuilles») — 30, || 32.
— «Арабские и турецкие сказки» — || 23.
См. также Laboulay Ed. de.
Лаврентьева С., «Друг детей Е. М. Бем» — || 222.
Лазаревский институт восточных языков в Москве — || 340.
Лаварь Темный — || 342.
Ланге Ф. А., «История материализма» — || 397.
Лао-тзе (Лаодзе, Лаодзы, Лао-Цзы, Лао-си, Лаодци) — 356, 369, 370, || 31, 38, 126, 222, 372, 373, 374.
— «Тао-тэ-цзин». («Дао-дэ-цзин.») См. Толстой Л. Н., «Книга пути и истины».
«Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник» — || || 309, 327, 332, 334, 343, 385, 400.
Лейпцигский Университет — || 153.
Ленин Владимир Ильич — || || 17, 18, 178.
Лентовский М. В. — 422, || 417.
Леонтьев Константин Николаевич — || 313.
— «Дитя души. Старинная восточная повесть» — 308, || 313.
— «Из жизни христиан в Турции» — || 313.
— «О романах Л. Н. Толстого» — || 313.
Лесков Н. С. — || 9, 122.
— «Великосветский раскол» — || 86.
— «Русская рознь». Очерки и рассказы. — || 163.
— «Христос в гостях у мужика» — || 163.
«Летописи хирургического общества» — || 176.
Лефортовский пер. в Москве — || 17.
Лизиновка Воронежской губ. — 90, 111, 275, 429, || 7, 8, 22, 23, 25, 29, 51, 62, 66, 83, 84, 89, 92, 93, 105, 110, 115, 119, 122, 138, 160, 251, 254, 258, 262, 266, 268, 275, 277, 299, 327, 338, 344, 353, 382, 384, 385, 388, 390, 396, 398, 404, 406, 407, 411, 417, 422.
Лисицын Михаил Михайлович — 143, || 145, *146—147*.
— «Десять лет в Прибалтийском крае» — || 146.
«Листки Свободного слова» — || 13.
Лифляндия — || 415.
Лондон — 68, 69, 235, 245, 363, || 12, 13, 15, 63, 71, 74, 90, 119, 219, 226, 235, 239, 361, 364, 370, 371, 381.
Лорис-Меликов, гр. М. Т. — || 344.
Лукьян, кучер Толстых — || 59.
Лукьянская В. И. — || 288.
— «Дети богача» («Домби и сын» Диккенса, сокращенное изложение).
Льюис Дж. Г. — || 192, 397.

Магомет (Мохаммед) — || 372, 373.
Майкоп — || 397.
Маковицкий Д. П. — || 253.
Маковицкий Владимир Егорович — 126, 180, 193, || 127—128, 182, 196.
— «Оправданная», картина — || 127.
— «Осужденный», картина — || 127.

Максимович Мария Николаевна — 324, || 325.
Малая Дмитровка, улица в Москве — || 110, 257.
Маликов А. К. — || 87.
Малышев М.:
— Рисунки к книжке «Осада Севастополя» («Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого в изд. «Посредника») — || 198, 341.
— Рисунки к книжке «Марья Кружевница» О. Н. Хмелегой — || 288.
— Рисунки к рассказу «Четыре дня на поле сражения» В. М. Гаршина, в изд. «Посредника» — || 340.
Мальдон — || 14.
Мальцов Сергей Иванович — 21, || 151, 217, 266.
Мальцовские чугунолитейные, хрустальные и стеклянные заводы в Орловской губ. — || 217.
Мальцовы — 225.
Манжур Иван Иванович — || 328, 342.
— Перевод на «малороссийский» язык «Двух стариков» Л. Н. Толстого — 336, || 338.
Маракуев Владимир Николаевич — 144, || 112, 122, 150, 186, 233, 252, 359.
— «О школьных библиотеках» — || 150.
— «Что читал и читает русский народ» — || 150.
Мария Александровна, вел. кж. — || 51.
Мария Александровна, императрица — || 5.
Мария Николаевна, вел. кж. — || 51.
Мария Федоровна, императрица — || 11, 12, 51.
Марк Аврелий — || 222, 226, 373.
— «Размышления императора Марка Аврелия Антонина о том, что важно для самого себя». Перев. Л. Д. Урусова — || 222.
Массачузетс — || 221.
«Материалы по истории и изучению русского сектантства и раскола» — || 13.
Медик 4-го курса из Казани — 345, || 350.
Медико-хирургическая академия в Петербурге — || 148.
Менно Симон — || 286.
— «Основоположение истинно-христианской веры» — || 286.
Меннониты, секта — 283, || 286.
Мещерское Московской губ — || 16.
Мидия — || 372.
Миклуха-Маклай Николай Николаевич — 331, || 333, 392.
— «Дневники» (неизданные) — || 333.
— «Записи» (неизданные) — 333.
Микулич В.
— «Бедные люди» (по В. Гюго) — || 314.
— «Жаба» (по В. Гюго) — || 314.
Миллионная улица в Петербурге — 121, 126, 128, 130, 133, 139, 154, 343.
Милль Джон Стюарт (Mill John Stuart) — 144, || 150, 192.
— «Основания политической экономии» — || 150.
— «Система логики» — || 150.
Минаев Никита Васильевич (Никита Ясенский) — 406, 411, || 408, 409, 410, 415, 416.
«Минориты», францисканский монашеский орден — || 191.
Минусинский музей — || 243.
Минусинский уезд Енисейской губ. — || 243.
Миролюбов Виктор Сергеевич — 362, || 367.
Мисхорская, станция — || 155.
Михайловская артиллерийская академия в Петербурге — || 284.
Михайловский Н. К. — || 148, 153.
Миша, яснополянский мальчик — || 127.
Молодые люди, направляющиеся в земледельческую колонию К. М. Сибирякова — || 362.
Молокане — || 233, 399, 415.
Монетный двор в Петербурге — || 134.
Морская академия в Петербурге — || 159.
Морское училище в Петербурге — || 159.
Москва — 25, 26, 102, 105, 108, 110, 111, 112, 128, 142, 152 153, 154, 157, 184, 197, 203, 204 205, 208, 229, 238, 250, 254, 261

273, 275, 280, 300, 302, 343, 352, 363, 403, 416, || 8, 17, 22, 25, 27, 47, 51, 61, 62, 63, 102, 106, 110, 111, 115, 116, 119, 122, 126, 127, 128, 135, 138, 140, 151, 152, 153, 155, 157, 160, 162, 163, 164, 166, 168, 172, 181, 185, 186, 198, 200, 203, 206, 248, 249, 251, 255, 256, 274, 275, 277, 284, 285, 287, 289, 298, 302, 303, 305, 306, 308, 309, 310, 316, 318, 319, 322, 323, 326, 327, 328, 333, 335, 337, 338, 341, 343, 353, 358, 385, 390, 391, 396, 398, 404, 406, 407, 408, 409, 419, 425.

Московский университет — || 18, 63, 148, 164, 206, 309, 320.

Московский Цензурный комитет — 194, 329, || 172, 198, 251, 326, 330—331, 371. 413.

Московское Психологическое общество — || || 164, 403.

Московское техническое училище — 362.

Мункаччи Михаил (Munkaczy Michael).

— «Перед Пилатом», картина — 126, || 127.

Муравьев Никита Михайлович, декабрист — || 5.

Муравьева Александра Григорьевна, рожд. Чернышева — || 5.

Муратов М. В. — || IX.

Мусницкий Иосиф Иосифович — || 396, 397.

Мэй Томас — || 364.

Мэйо И. Ф. (Mayo I. F.) — || 12, 21.

Мюллер Макс — 370, || 372. См. также Müller Max.

«Мысль» — || 148.

Мясоедов Г. Г.:

— «Чтение положения 19 февраля», картина — || 264.

Наполеоновские войны — || 396.

«Народная библиотека», серия книг изд. В. Н. Маракуева — || 150, 351.

Народная газета (не осуществившийся проект) — 152, 168, 184, 189, 210, 229, 242, 254, 261, || 146, 152, 168—169, 175, 185, 188, 193, 213, 215, 230, 244, 254—255, 256, 265—266, 330.

«Народный журнал» (первоначальный замысел изд-ва «Посредник») — см. «Посредник».

«Начало» — || 178.

«Неделя» — 270, || 320.

Некрасова Екатерина Степановна (Е. Н.) — 254, 328, || *255*, 328—329.

— «Иоанн-воин» — || 255, 304, 328.

— «Книжки для народа» — 254, || 255.

— «Народные книги для чтения в их 25-тилетней борьбе с лубочными изданиями» — || 255.

— «Юлиания Лаваревская» — 328, || 255, 328, 329.

Немирович-Данченко Вас. Ив. — || 172.

— «Махмудкины дети» — 171, || 172, 340.

Нерон — || 220.

Нечаев В. А. — || 170.

Нечаев С. Г. — || 125.

«Нечаевцы» — || 125.

«Нива» — || 338, 339, 343, 349.

Никита Ясенский. См. Минаев Никита Васильевич.

Николаев С. Д. — || 150.

Николаевский вокзал в Москве — || 53, 55.

Николаевское женское училище при Воспитательном доме в Москве — 203, || 195, 196.

Николай I — || 4, 5, 51, 335.

Николай II — || 11, 17, 50.

«Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей», сборник — || 164.

Никольское-Вяземское Тульской губ. — || 309.

Никольское-Горушки (Никольское—Обольяниново) Московской губ. — || 301, 302, 305.

Никополис в Эпире — || 220.

Новая Гвинея — || 333, 392.

Новгородская губерния — || 286, 397.

Новгородский драгунский полк — || 325.

«Новое время» — || 320.

«Новое слово» — || 149.

Новороссийский университет — || 164, 178.

Новосёлов М. А. — || 285.

«Новости» — || 149, 255, 350.

Новочеркасская область — || 243.

«Новый мир» — || 116.
Н-ский, Б. «Толстой и Департамент полиции» — || 416.
Нуха, — || 415.
Нью-Йорк — || 149.
Нью-Йоркский университет — || 23.
Ньюпорт — || 219, 224, 226, 230, 235, 242, 246.

Оболенский Леонид Егорович (псевдоним М. И. Красов\—144, 152, 160, 165, 180, 183—184, 193, 201, 223, 245, 246, 322, 324, 345, 411, || 133—134, 135, 142, 145, *148—149*, 151, 152, 155, 156, 158, 164, 166—167, 175, 182, 185, 186, 224, 244, 248, 299, 323, 325, 349, 403.
— «Два полюса», ром. — 144, || 145, 148.
— «Жаждущие света», сб. — || || 148.
— «Лев Толстой о женском вопросе, искусстве и науке» — || 350.
— «Л. Н. Толстой. Его философские и нравственные идеи» — || 149.
— «Научные основания учения любви» — 322, || 323.
— «Нравственное воспитание ребенка с точки зрения современной науки» — || 149.
— «Развитие чувствований и опыт их новой классификации» — || 134, 149.
— «Раскольник», расск. — || 134, 135.
— «Странник», расск. — 133, || 134, 135, 173.
Оболенский кн. Николай Леонидович — || 43.
«Образование» — || 312.
«Общество борьбы с смертной казнью» — || 15.
«Общество для распространения духовных книг» — || 70.
«Общество друзей» — || || 228.
«Общество любителей духовного просвещения» — || 272.
«Общество народных развлечений» в Петербурге — || 330.
«Общество распространения религиозно-нравственного просвещения» — || 272.
«Объединенный совет религиозных общин и групп» — || 17, 18.
Овсянниково Тульской губ. — || 196.
«Огласительная школа» в Александрии — || 247.
Одесса — || 55, 397.
«Одесский листок» — || 149.
Озерецкая А. П. — || 413.
Озмидов Николай Лукич — 26, 152, 289, 300, 324, 331, 336, 343, 345, 355, 369, || *26—27*, 152, 198, 284, 288, 293, 300, 301, 325, 332, 333, 339, 344, 355, 358, 374, 385, 391, 413.
— «Из дневника деревенского жителя» — || 26.
— «Осада Севастополя» (сокращено по «Севастопольским рассказам» Л. Н. Толстого) — 336, 343, || 198, 337—338, 341.
Озмидова Ольга Николаевна — || 26, 30, 321, 350, 353, 355, 374, 385, 398, 411—412, 419.
— «Свет жизни» — || 321, 423.
— «Телка» — 318, || 318, 321, 423.
— «Фабиола» (по роману Евг. Тур «Катакомбы») — || 321.
Озмидовы Н. Л. и О. Н. — 384, 389, || 391, 419.
Оксфорд — || 85, 375.
Окуловка, ст. Николаевской ж. д. — || 385.
Олифант Лауренс — || 75.
См. также Oliphant Laurence.
Олифант Маргарита — || 226.
См. также Oliphant Margaret.
Олсуфьев гр. Адам Васильевич — || 300.
Олсуфьев гр. Дмитрий Адамович — || 300.
Олсуфьев гр. Михаил Адамович — || 300.
Олсуфьева гр. Анна Михайловна, урожд. Обольянинова — || 300.
Олсуфьева гр. Елизавета Адамовна — || 300.
Олсуфьевы гр. — 300, 301, 317, 368, || 297, *300—301*, 302, 305.
Ольденбург Сергей Федорович — || 141, 178, 216, 237, 260, 412.
Ольденбург Федор Федорович— ||141, 178, 216, 237, 260, 412.
Ордонанс-Гауз — || 405.
Оржевская Н. И., рожд. кж. Шаховская — || 202.

Оржевский П. В. — || 202.
Ориген — 245, || 247.
Орлов Владимир Федорович — 121, 133, 143, 144, 324, 362, || 112, 123, 124, *125—126*, 133, 145, 146, 147—148, 151, 290, 325, 367.
— Предисловие (ненапеч.) к «Так что же нам делать», Л. Н. Толстого — 324, || 325.
Орлов-Давыдов гр. М. В. — || 119.
Орловская губерния — || 15, 148.
«Освобождение труда». См. «Группа Освобождение труда».
Островская М. В. — 406, 407, || 407, 409.
Островский А. Н. — 357, 407, *408—409*.
— «Бедность не порок» — || 408, 409.
— «Не так живи как хочется» — || 408, 409.
Островский Михаил Александрович — || 409.
Острогожск, Воронежской губ. — || 29, 125, 277.
Острогожская уездная земская управа — || 299.
Острогожский воинский начальник — || 281.
Острогожский окружной суд — || 7.
Острогожский уезд Воронежской губ. — || 29, 299.
Острогожское уездное земство — || 7.
«Отечественные записки» — || 172, 186, 225, 255, 291, 357, 359.
Офицер из Казани — 345, || 350.

Павел апостол — 69, 128.
Павленков Флорентий Федорович — || 198, 208.
Павловки Харьковской губ. — || 414—415.
Павловская М. — || 185.
— «Катакомбы» (изложение одноименной повести Евг. Тур) — 180, 183, 183, || 174, 185, 189.
Пажеский корпус в Петербурге — || 4, 159, 396.
«Памяти Белинского», сборник — || 312.
Панов М. — || 109, 330, 407.
Париж — || 13, 14, 25, 179, 231, 297, 332, 375.
Паркер Теодор (Parker Theodore) — 218, || *221—222*.
— «О вопросах религии» («Исследование вопросов, относящихся к религии») («Discours of matters pertaining to religion») — || 14, 221, 222.
— «О преходящем и постоянном в христианстве» («The Transient and Permanent in Christianity») — || 221, 222.
Партия социалистов-революционеров — || 359, 415.
Паскаль — || 222.
Пашков А. В. — || 189.
Пашков Василий Александрович — 76, 77, || 5, 55, 59, 67, 83, *85—86*, 92, 94, 119, 158, 189, 228.
Пашкова Александра Ивановна, рожд. гр. Чернышева-Кругликова — || 67, 85, 228.
Пашковцы, секта — 223, || || 5, 10, 55, 67, 70, 85, 86, 120, 239.
Пашковы В. А. и А. И. — 226, 242, 369, || 15, 70, 84, 364.
Педагогический техникум им. Ушинского — || 179.
Пейкер Александра Ивановна — 118, || 119, 120, 158.
Пейкер М. Г. — || 120, 158.
Пенн Вильям — || 227—228.
Пенсильвания, сев.-америк. штат. — || 228.
Переяславцев Степан — || 170.
Перфильев Василий Степанович — 406, || 408, 409.
Перфильев С. В. — || 409.
Петербург — 61, 102, 121, 126, 128, 130, 133, 154, 157, 184, 197, 199, 202, 207, 280, 283, 298, 343, 355, 386, || 4, 5, 8, 11, 15, 22, 25, 29, 47, 51, 53, 58, 63, 64, 67, 68, 70, 71, 85, 93, 102, 103, 110, 121, 122, 127, 129, 143, 145, 159, 168, 169, 178, 182, 198, 200, 203, 204, 207, 211, 212, 214, 219, 226, 232, 240, 242, 249, 255, 258, 260, 284, 285, 287, 289, 291, 299, 308, 309, 316, 330, 333, 344, 357, 361, 366, 371, 381, 382, 388, 391, 392, 396, 397, 398, 400, 406, 407, 408, 412, 413, 418, 422, 423.
Петербургская террористическая группа — || 359.
Петербургский комитет грамотности — || 145, 146, 156, 164.
Петербургский уни-

верситет — || 87, 109, 148, 177, 178, 312, 359.
Петербургский цензурный комитет — 197, 329, 413, || 157—158, 170, 173, 198, 208, 214, 237, 238, 273, 325, 326, 327, 330—331, 334, 339, 341, 371, 413, 422—423.
Петр, кучер Чертковых в Лизиновке — || 66.
Петр Михайлович, управляющий имением Ясная Поляна — 269, || 272.
Петр I — 114, || 116.
Петров Иван Иванович — 422, || 357, 408, *425*.
Петровская сельскохозяйственная академия — 201, || 27, 37, 201.
Петропавловская крепость в Петербурге — || 146, 148, 309, 312.
Петрушевский А. Ф. — || 145, 146.
— Предисловие к «Севастопольской обороне» («Севастопольским рассказам») Л. Н. Толстого — || 145, 146.
Пирогово Тульской губ. — || 41.
Писарев Рафаил Алексеевич — 27, 51, || 8, 22, *29*, 31, 37, 106, 365, 366.
Писарева Евгения Павловна, рожд. гр. Баранова — 37, || 38.
«Письма Л. Н. Толстого» в Толстовском Ежегоднике 1913 г. || 52, 55, 102, 105, 121, 127, 133, 155, 157, 160, 168, 171, 174, 180, 185, 189, 194, 200, 203, 206, 208, 211, 218, 226, 230, 235, 239, 242, 250, 254, 261, 268, 270, 274, 275, 277, 280, 283, 287, 289, 308, 318, 322, 324, 328, 329, 332, 337, 343, 351, 357, 364, 370, 377, 386, 390, 407, 411, 417, 422.
«Письма А. И. Эртеля». Под ред. М. О. Гершензона — || 9, 10.
Платон — 210, 225, || 215.
— Диалоги:
«Апология Сократа» — || 215.
«Банкет» («Пир») — || 215.
«Политик» — || 215.
«Протагор» — || 215.
«Федон» — || 215.
«Эфтифрон» — || 215.
Плиски, станция Черниговской губ. — || 109, 384.
Победоносцев Константин Петрович — || 9, 85, 195, 207, 208, 278.
«Побочная серия» «Посредника» — || 175, 179, 183, 189, 255, 266, 329, 342.
Погосский Александр Фомич — || 162.
Погосский А. Ф. и Полисадов Г. А., «Суд людской и божий» — 160, || 162, 164.
Подсолнечная, станция Николаевской ж. д. — || 301.
Покровка, улица в Москве — || 128.
Покровский уезд Владимирской губ. — || 293.
Покровское-Глебово Московской губ. — || 405.
«Полвека для книги». Сборник, посвящ. пятидесятилетней деятельности И. Д. Сытина — || 122, 163, 414.
Поливанов Лев Иванович (псевд. Загорин) — || 186, *190*, 308, 320.
— «Жуковский и его произведения» — || 190.
— Перев. книги Амедея Тьерри «Св. Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия» — 188, 189, || 190.
Полисадов Г. А. — || 162.
Полтава — || 253, 304, 359, 410.
Полушин Н. А. — || 414.
«Помогите». Воззвание к обществу по поводу гонений на Кавказских духоборов. Составлено П. Бирюковым, И. Трегубовым и В. Чертковым. С послесловием Л. Н. Толстого — || 11.
Пономарев С. И., «Наши писательницы» — || 279.
Попов К. Д., Перевод с греческого «Учения двенадцати апостолов» («Киевский перевод «Учения двенадцати апостолов») — 250, || 252—253.
Попов Константин — 238.
См. также Толстой Л. Н. «В чем моя вера», английский перевод.
«Посредник», 101, 104 — 105, 110, 121, 126, 133, 157, 159, 160, 171, 173—174, 180, 183, 184, 185, 188—189, 193, 196—197, 199, 202, 204—205, 206, 207, 210—211, 218, 225, 229, 234—235, 238, 250, 260, 267, 273, 275, 276—277, 286—287, 307—308, 316—317, 318, 322, 324, 328, 329, 331, 336, 343, 350—351, 386, 389, 407, 411, 416, 421, 422

|| VII, IX, 8, 9, 10, 26, 29, 34, 53, 84, 85, 102, 103, 106—107, 109, 110, 111, 112, 115, *122—124*, 127, 129, 134, 135, 136, 140, 141, 143, 150, 155—156, 159, 160—161, 163—164, 170—171, 171—172, 174—176, 178, 181, 185, 186, 189, 191, 192, 194, 195, 197—198, 199, 200, 202, 207, 208, 216, 220, 222, 234, 237, 240, 252, 255, 263, 269, 272, 273, 275, 278, 279, 282, 284, 287, 288, 290, 292—293, 298, 300, 303—304, 310, 311, 312, 313, 314, 318, 319, 320—321, 323, 325, 328—329, 330, 331, 332, 333, 334, 338, 340, 341, 342, 344, 350, 357, 358, 359, 365—366, 372, 373, 378, 388, 390, 397—398, 399, 405, 408, 409, 410, 412, 414, 415, 416, 419, 422—423, 424, 425.

См. также «Побочная серия «Посредника» и «Для интеллигентных читателей».

Поступаев В. С. — || 342.

— «Воспоминания о Л. Н. Толстом поэта-рабочего» — || 342—343.

Потехин Алексей Антипович — || 304.

— «Хворая» — || 304.

«Праведный старец» (по В. Гюго), книжка изд. «Посредника» — || 313.

«Православное обозрение» — || 233.

Преображенский полк — || 5.

Прескот Вильям Хиклинг (Prescott W. H.) — || 186.

— «Завоевание Мексики» («History of the Conquest of Mexico») — 184, || 186.

Прибалтийский край — || 11, 146.

«Прибалтийский листок» — || 146.

«Против власти». С польского. Под ред. В. Г. Черткова — || 13.

Проточный переулок в Москве — 42.

Пругавин Александр Степанович — || 47, 112, 120, 122, 183.

— «Из встреч с Л. Н. Толстым. Два гениальных мужика» — || 243.

— «Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством» — || 66.

— «О Льве Толстом и о Толстовцах» — || 86.

— «Пашковцы» — || 86.

Пруссия — || 286.

Пряничников. См. Прянишников.

Прянишников Илларион Михайлович — 168, 180, 193, || 169, 182, 196.

Пушкин А. С., «Сказка о золотой рыбке» — || 423, 424.

Пэйверинт Петр (Päivärinta P.) — || 351, 352.

— «Выселок» — || 351.

— «Загубленная жизнь» — || 351.

— «Моя жизнь» — || 351.

— «Наблюдения из жизни» («Elämën havainnoi»). Сборник — || 351.

— «Первый морозъ» — || 351.

— «Попутчик» из сб. «Деревенские финляндские рассказы» — 350, 351, || 351, 352, 423.

Пэллей Г. В. См. Pulley H. W.

Пэрлей, — || 12, 14.

Рааб В. В. — || 397.

«Раб-мудрец. Рассказ о римском мудреце Эпиктете». — || 221.

Рахманов Владимир Васильевич (В. Р.) — 362, || 426.

— «Л. Н. Толстой и толстовство в конце восьмидесятых и начале девяностых годов» — || 426.

Редакторский комитет Юбилейного издания сочинений Толстого — || VIII, IX, 430.

Редсток лорд — || 5, 85.

Ремесленная школа в Лизиновке — || 7, 23, 94, 112, 420.

Репин Илья Ефимович — 173, 174, 289, || 9, 158, *176*, 200, 264, 290.

— «Вернулся», картина — || 176.

— «Вражье лепко, а божье крепко», картинка к тексту Л. Н. Толстого — || 176, 207, 264, 268, 290, 330.

— «Два брата и золото», картинка к тексту Л. Н. Толстого — || 176, 264, 290, 330.

— «Проводы новобранца», картина — || 176.

— Рисунок к рассказу В. И. Савихина «Дед Софрон» — || 158.

— Л. Н. Толстой, бюст — || 176.

— Толстой в кресле, портрет — || 176.

— Толстой на пашне, портрет — || 176.

— Толстой за работой в кабинете, портрет — || 176.

— Фигура Христа в воспроизведении картины В. Бугро, «Бичевание Христа» — 173, 174, || 163, 176.

Ржевск, хутор Воронежской губ. — || 8, 10, 176, 398.
Рига — || 146.
Ригведа — || 372, 375.
Рим — || 190, 220.
Рисовальная школа Н. И. Мурашко в Киеве — || 384.
Родин А. — || 331.
«Родник» — 308, || 288, 314.
Ромашкин Константин, — || 409.
Российская Социал-демократическая Рабочая Партия — || 178, 415.
Россия — 88, 95, 238, || 12, 14, 15, 16, 67, 83, 84, 85, 87, 89, 90, 103, 195, 206, 228, 230, 231, 243, 259, 286, 333, 334, 339, 364, 379, 399, 415.
Россошь Воронежской губ. — 111, 275, 420, || 56, 119.
Ростов Ярославской губ. — || 56.
Ростовцев Николай Дмитриевич — 297, 300, 307, || 298, *299*, 353.
Ростовцева Мария Николаевна — || 299.
Русанов Гавриил Андреевич — || 8, 291, 313.
— «Поездка в Ясную поляну» — || 220, 313.
«Русская мысль» — 52, || || 24, 26, 53, 54, 130, 153, 156, 239.
Русская общественная библиотека в Дерпте — || 146.
«Русская старина» — || 146.
«Русские ведомости» — || 248, 255.
«Русские пропилеи» — || 260.
«Русский вестник» — || 313.
«Русский рабочий» («Рабочий») — 157, 160, || 103, 120, 156, 158.
Русско-турецкая война — || 172, 414.
Русско-японская война — || 13, 172.
«Русское богатство» — 144, 157, 322, 345, || 133, 134, 143, 145, 146, 148—149, 152, 153, 156, 157—158, 169, 170, 182, 185, 323, 339, 343, 349, 350, 359, 403.
«Русское дело» — || 244.
«Русское слово» — || 163.
«Русь» || — 182.
Рутцен А. А. (Рущина) — || 287, 288, 339, *340—341*, 378.
— «Рождественская сказка» (по Диккенсу) — 336, 343, || 341.
Рутцен Александр Николаевич — || 340.
Рутцен Варвара Николаевна — || 341.
Рутцен Людмила Николаевна — || 341.
Ряжский вокзал Сызрано-Вяземской ж. д. — || 390.
Рязанская губерния — || 53, 164.
Рязанская ж. д. — || 25.

Сабашников В. Н. — || 293.
Сабашников Михаил Васильевич — || 153.
Сабашникова Антонина (Нина) Васильевна — 152, || 152, 153.
Саббатье Поль. «Жизнь Франциска Ассизского» — || 191.
Савихин Василий Иванович (Иванов) — || *134—135*, 342.
— «Аника-воин» — || 134.
— «Дед Софрон» («Суд людской не божий или Дед Софрон») — 142, 261, 336, || 134, 142, 143, 173, 228, 338.
— «Деревенские вечера» — 133, || 134.
— «Крестьянское детство» — 133, || 134.
— «Кривая доля» — || 134.
— «Старые годы» — 133, || 134.
— Стихотворения — || 134.
Савицкий Константин Аполлонович — || 9, 169, 181, 214.
— Картинка к рассказу Л. Н. Толстого «Девченки умнее стариков» — 176, 182, 264.
— Иллюстрации к рассказу Л. Н. Толстого «Упустишь огонь не потушишь» — || 176.
Савонарола Джироламо (Savonarola Girolamo) — 189, || *191*, *192*, 226, 232.
Сайанс Р.
— «Дядя Мартын» («Père Martin») — || 156, 158.
См. там же Saillens R.
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович — 288—289, || 289, *290—293*, 304.
— «Бедный волк» — || 293.
— «Господа Головлевы» — || 292.
— «Пошехонская старина» — || 291.

— «Рождественский рассказ» — || 293.
— «Сборник. Рассказы, очерки и сказки» — || 291.
— «Сон в летнюю ночь» — || 291.
Самаведа — || 372.
Самара — 184, 362, || 367.
Самарская губерния — || 147, 169, 320, 368.
Самарское имение Толстых — 184, || 87, 186.
Сан-Марко, монастырь во Флоренции — || 191, 192.
Сан-Франциско — || 149.
Саратов — || 312.
Сахалинская область — || 146.
Саяна, — || 372.
«Сборник в честь Всев. Изм. Срезневского» — || 400.
«Сборник общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» — || 125.
«Свет» (журнал) — || 148.
Свешникова Елизавета Петровна — || 141, 183, *215—216*, 231, 232, 263, 354, 412.
— «Бедность не порок» (по комедии А. Н. Островского) — || 216. 409.
— «Брат на брата» (по В. Гюго)— 210—211, 218, || 211—212, 216, 217.
— «Скупой и его дочь» (по О. Бальзаку) — 273, 275, 286, || 275, 287.
— «Фабиола или Древние христиане» (по Евг. Тур) — 188, 250, || 189, 216, 232, 249, 251, 263.
— «Франциск Ассизский» — || 191, 216, 251, 252, 263.
«Свободная мысль» — || 159.
«Свободное слово» — || 13, 159, 222, 399, 415.
Севастополь — || 51.
«Северное общество», тайное общество декабристов — || 5.
«Северный вестник» — || 116, 152, 153, 255, 320.
Сейрон Анна (Seuron Anna)— || 340.
— «Шесть лет в доме гр. Л. Н. Толстого». Перевод С. Сергиевского («Graf Leo Tolstoi. Intimes aus seinem Leben». Von Anna Seuron»). — || 340.
Семен, смотритель дома в Лизиновке— || 36.
Семенов Сергей Терентьевич — || 342.
Сементковский Р.— || 87.
Семинария во Владимире— || 125.
Сенат — || 17.
Сендерлэнд Дж. Т., «Библия, ее происхождение, развитие и характер». Под ред. В. Г. Черткова — || 14.
Сенека, Л. Аннэй—|| 222, 226, 227, 373.
См. также Sénèque le philosophe.
Сергеенко А. П. — || IX.
Сергиевская Мария Владимировна — 91, || 92, 93, *94*.
Сергиевский С. — || 340.
Серно-Соловьевичи — || 258.
Серова В. С., Музыка к комедии Л. Н. Толстого «Первый винокур» — || 330.
Сестрорецкий оружейный завод — || 284.
Сибирь— || 5, 11, 243, 256, 298.
Сибиряков Иннокентий Михайлович — || 329, 330.
Сибиряков Константин Михайлович — 168, 184, 185, 201, 223, 242, 245, 254, 362, 416, || *168—169*, 170, 175, 185, 188, 193, 224, 230, 244, 254, 255, 256, 330, 367, 374— 375, 419.
Сиддарта Гаутама. См. Будда.
Сили Дж. Р. (Seeley G. R.)— || 24.
— «Ecce Homo. Обзор жизни и дела Иисуса Христа». Перев. Тернера. («Ecce Homo. A Survey of the Life and Work of Jesus Christ») — 3, || 23, 24.
«Силы природы и труд человека». Серия популярных книжек изд. А. М. Калмыковой — || 178.
Симеиз — || 151, 155, 156, 217.
Синод — || 55, 85, 208.
Сиповский В. А. — || 216.
Сиротинин В. Н. — || 237.
Сиротинина Анна Николаевна, по мужу Шаховская — 234, || 8, 237.
Скабический А. М. — || 350.
«Сказка про трех мужиков и старика Ведуна» — || 304.
Скин Ф. (Skene F.)
— «Скрытые глубины» («Hidden Depths, A story of cruel Wrong») — 368, 376, || 372.

Склад народной литературы А. М. Калмыковой — || 178.
«Скоморох», театр Лентовского в Москве — || 425.
Скопцы, секта — || 399.
«Славянский базар», гостиница в Москве — || 22.
«Слово», журнал — || 169.
«Слово», газета — || 177.
Смирнов-Платонов Григорий Петрович — 229, || *233—234*.
Совет Народных комиссаров. См. Декрет Совета Народных Комиссаров.
«Современник» — || 186, 197, 198.
Соколов П. И. — || 170.
Сократ — 218, 225, || 174, 179, 215, 227, 232, 379.
Соллогуб Федор Львович — || 9, 264.
— Иллюстрации к «Сказке о золотой рыбке» Пушкина — || 423, 424.
— Картинка к стих. А. К. Толстого «Спесь» — || 264.
Соловьев Владимир — || 61.
— «О церкви и расколе» — || 182.
Солянка, улица в Москве — 203.
Сомова Л. Ф. — || 86.
Сосновский Михаил Иванович — 355, 356, || *359*, 361.
«Сотрудник» — || 150.
«Союз освобождения» — || 202.
«Союз 17 Октября» — || 320.
«Спелые колосья», сборник мыслей и афоризмов, извлеченных из частной переписки Л. Н. Толстого Д. Р. Кудрявцевым (СК)— || 4, 28, 40, 45, 65, 74, 81, 92, 96, 99, 352, 356.
Спенглер (Шпенглер) Федор Эдуардович — 28, 30, 33, 40, 256, 270, 352, 361, 363, 406, || 29—30, 31, 32, 41, 257, 271, 277, 321, 355, 366, 368, 411—412, 419.
Спенсер Герберт (Spencer Herbert) — 144, 165, || 150, 167, 192.
— «Система синтетической философии» — || 150.
Спиноза — || 192.
Ставрополь — || 44.
Стасов Владимир Васильевич — || 201, 285.
— «Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка» — || 109.
Стахович А. А. — || 413.
Стахович Михаил Александрович — 331, 375, 377, || 135, 309, *319*, 322, 332, 335, 377, 378.
Стебут И. А. — 26, || *27*, 37.
Стивенсон Роберт. — || 371. См. также Stevenson R.
Стоики — 218, 369, || 220, 222.
Стороженко Н. И. — || 63, 222.
— «Апостол гуманности и свободы Теодор Паркер» — || 222.
Страстной бульвар в Москве — || 425.
Страхов Николай Николаевич — || 62—63, 206, 220, 234, 269, 375.
«Стрелковый прапорщик» — 65, || *68*, 71, 284.
Струве П. Б. — || 178.
«Студенческое движение в 1899 г.» Сборник под ред. А. и В. Чертковых — || 14.
Стукман К. П. — || 253.
Субботники (иудействующие), секта — || 243.
Суворово Орловской губ. — || 15.
Сумы, гор. Харьковской губ.— || 325.
Сухотин Михаил Сергеевич— || 274.
Сысоева Е. А. — || 314.
Сытин Иван Дмитриевич — 160, 171, 180, 185, 193, 197, 199, 202, 204, 205, 225, 234—235, 238, 242, 246, 270, 280, 317, 345, 411, 422, || 8, 17, 122, 123, 153, *162—163*, 170, 171, 172, 175, 181, 189, 194, 197, 198, 199, 200, 208, 209, 240, 249, 252, 253, 255, 263, 268, 269, 301, 303, 334, 339, 358, 365—366, 404, 414, 425.
— «Из пережитого» — || 122.
Сытин Сергей Дмитриевич — 369, || 374—375.
Сютаев Василий Кириллович — || 120, 243.
Сютаев Иван Васильевич — 118, || *120—121*, 125, 355.
— «Записки» (неизд.) — || 121.
Сютаевы, — || 120, 121, 125
Съезд представителей сектантов — || 67.

Талмуд — || 373.
Тард — || 149.
Тверская губерния — || 120.

Тверь — || 310, 359.
Тевяшев В. Н. — || 277.
Телятинки Тульской губ.— || 15, 16, 17.
Теон Александрийский— || 187.
Теплов Михаил Васильевич— 383—384, || 384, 385.
— Рисунки к рассказу Л. Н. Толстого «Два старика» — || 384.
— Рисунок («Христос у Авдеича») к рассказу Л. Н. Толстого «Где любовь, там и бог» — || 384, 385.
Тёрнер Ч. Э. — || 24, 63.
Тибет — || 311.
Типография Вольной Русской Прессы в Лондоне — || 11.
Тифлис — || 414.
Тихомиров Д. И. — || 172.
Товарищество передвижных выставок — || 125, 127, 163, 169, 176, 290.
Толстая гр. Александра Андреевна — 50, || 51.
Толстая Александра Львовна — 69, 105, || 15, 16, 72, 108.
Толстая гр. Вера Сергеевна — || 192.
— «Адам Бид» (по ром. Дж. Элиот) — || 192.
— «Дочь каторжника или из кузницы в богатство» (По роману Ч. Диккенса «Большие ожидания») — || 288.
— «Любовь в тюрьме или маленькая Доррит» (по роману Ч. Диккенса «Крошка Доррит») — || 288.
— «Мельница на Флоссе» (по роману Дж. Элиот) — || 192.
— «Сайлас Марнер» (по роману Дж. Элиот) — || 192.
— «Страшные видения или воскресшая душа» (по сказке Ч. Диккенса «Рождественская песнь») — || 288.
Толстая Мария Львовна, по мужу Оболенская (Маша) — 42, 70, 105, 296, 361, 406, 417, || 43, 72, 103, 108, 249, 297, 305, 316, 344, 349, 366, 367, 413, 425.
Толстая гр. Мария Михайловна, рожд. Шишкина — || 41.
Толстая гр. Мария Николаевна — 386, || 387, 405.
Толстая Ольга Константиновна, рожд. Дитерихс — || IX.
Толстая, гр. Прасковья Федоровна — || 409.
Толстая Софья Андреевна, рожд. Берс — 69, 81, 105, 193, 197, 199, 202, 204, 208, 210, 234, 257, 280, 283, 295, 307, 324, 336, 337, 345, 362, 363, 369, 403, 406, 411, || IX, 16, 17, 55, 59, 87, 138, 194, 195, 197, 198—199, 203, 247—248, 252, 258, 264, 265, 266, 275, 284, 285, 290, 293, 296—297, 300, 302, 305, 306, 308, 316, 323, 327, 329, 330, 335, 337, 340, 341, 349, 366, 367, 368, 375, 381, 391, 398, 404, 405, 413, 416.
— «Воспоминания» — || 425.
— Дневники — || 157, 248, 412.
Толстая София Николаевна. См. Философова С. Н.
Толстая Татьяна Львовна, по мужу Сухотина (Таня) — 70, 105, 296, 300, 301, 336, 369, 406, 417, || 16, 72, 108, 249, 253, *274*, 285, 288, 297, 300, 305, 306, 316, 341, 342, 343, 349, 350, 366, 388, 413.
— «Друзья и гости Ясной Поляны» — || 196, 274.
— «Мария Монтессори и новое воспитание» — || 274.
— «О том как мы с отцом решали земельный вопрос» — || 274.
Толстовский музей в Москве. См. Государственный Толстовский музей в Москве.
Толстовский музей в Петербурге — || 366.
Толстой гр. Алексей Константинович.
— «Спесь» — || 264.
Толстой Алексей Львович (Алеша) — 105, 314, || 108, 308, 315, 316.
Толстой Андрей Львович (Андрюша) — 105, || 108, 249, 316.
Толстой гр. Валерьян Петрович — || 387.
Толстой Иван Львович (Ваничка) — || 316.
Толстой Илья Львович (Илья, Илюша) — 80, 81, 102, 203, 307, 308, 318, 361, 369, 406, 411, 417, || 72, 102, 104, 164, 297, *303—309*, 316.
— «Мои воспоминания» — ||120, 135, 308, 366—367.
Толстой Лев Львович (Лева, Левка, Леля, Левушка, Левочка. Псевд. Л. Львов, Яша Полянов) — 102, 160, 296, 301, 317, 336, 361, 369, 417, || 72, 102, 104, 297, 305, 308, 315, 318, *320*, 349, 367, 368, 410.
— «В Ясной Поляне. Правда о

моем отце». Перев. с франц. А. В. Андреева («La vérité sur mon père») — || 320.
— «Прелюдия Шопена» — || 320.

Толстой Лев Николаевич:
— «Азбука» — || 264, 265.
— «Анна Каренина» — || 278, 313.
— «Апостол Иоанн и разбойник» — || 388.
— «Архиерей и разбойник с подсвечниками» («Архиерей и разбойник»). (По В. Гюго) — || 264, 388.
— «Бедные люди» (по Гюго) — || 314.
— «Бог правду видит, да не скоро скажет» — 267, || 84, 140, 146, 163, 176, 194, 252, 265, 268; (Аксенов — || 141, 142; Татарин — || 141.)
— «Будда» — || 312.
— «В чем моя вера»? — 4, 27, 30, 33, 39, 65, 90, 96, 98, 139, 174, 205, 225, 226, 289, || 24—25, 32, 34, 40, 41, 49, 66, 67—68, 72, 84, 92, 93, 94, 96—97, 100, 102—103, 104, 106, 130—131, 132, 147, 180, 206, 293, 303, 310, 358, 409, 414.
Английский перевод книги «В чем моя вера» при участии и под руководством В. Г. Черткова: «What I believe». В книге: «Christ's Christianity». By Leo Tolstoi. London, 1885. — 61, 65, 90, 98, 130, 139, 154, 203, 230, 238, 289, || 63—64, 72, 219, 224, 226, 231, 290, 293.
Английский перевод Конст. Попова: «What I believe». Transl. from the Russian by Constantin Popoff. London. 1885 — || 204, 240.
Немецкий перевод Софи Бэр: Graf Leo Tolstoy, «Worin besteht mein Glaube». Aus dem russischen Manuscript übersetzt von Sophie Behr. Leipzig. 1884—1885. — 118, || 121, 231.
Французский перевод Л. Д. Урусова: L. Tolstoï «Ma religion», Paris, 1884 — 61, 174, 225, || 24—25, 151, 156, 179, 231, 294, 416.
— Введение к «Нагорной проповеди» (неосуществившийся замысел») — 52, || 53, 55.
— «Великий грех» — || 150.
— «Великое учение» — || 31.
— «Власть тьмы или коготок увяз — всей птичке пропасть» — 406, 410—411, 416, 422, || 413, 424—425.
— «Водяной и жемчужина» — || 388.
— «Война и мир» — || 196.
— «Воскресение» — || 12.
— «Вражье лепко, а божье крепко» («Алеб»). Рассказ для лубочной картинки в изд. «Посредника» — 206, || 172, 176, 207, 264, 268, 290, 330, 331, 388.
— «Где любовь, там и бог» («Дядя Мартын», «Дедушка Мартын», «Сапожник», «Сапожник Мартын») — 154, 157, 171, 173, 204, 225, 267, || 155, 156, 158, 160, 161, 171, 172, 173, 175, 176, 228, 268, 269, 384, 385.
— Глава VII в кн. А. М. Калмыковой «Греческий учитель Сократ» — || 179.
— «Главный закон» — || 388.
— «Два брата и золото». Рассказ для лубочной картинки в изд. «Посредника» — 159, || 158, 160, 161, 172, 176, 264, 290, 330, 331, 388 (Афанасий — 161—162; Ангел — 161—162).
— «Два старика» — 211, 229, 238, 242, 267, 269, 270, || 217, 234, 240, 262, 268, 269, 271, 272, 273, 282, 290, 338, 342, 384; (Елисей — || 271, 272; Ефим — || 272.)
«Малороссийский» перевод расск. «Два старика» — 336, || 338, 342.
— «Девченки умнее стариков». Рассказ для лубочной картинки в изд. «Посредника» — 180, 193, 199, 210, || 169, 172, 182, 196, 200, 214, 215, 264.
— «Декабристы» — || 124.
— «Деревня и город» (отрывок из статьи «Так что же нам делать») — || 149.
— «Детство и отрочество» — || 387; (Любочка — || 387.)
— Дневники — 29, 31, 35—36, 37, 38, 40, 41, 43, 45, 47, 48, 49, 50, 51, 53, 54, 55, 56, 59, 61, 63, 65, 66, 68, 70, 71, 72, 74, 81, 83, 86, 89, 90, 96, 108, 109, 126, 130, 139, 143, 151, 169, 187, 196, 215, 222, 247, 305, 311, 313, 357, 359, 383, 405.
— Доверенность С. А. Толстой — 199, 295, || 194, 200.
— «Дорого стоит» — || 366.
— «Дьявол» — || 88.
— «Единственное разрешение земельного вопроса» — || 150.
— «Епископ Мириэль» (по В. Гюго) — || 313—314.
— «Жизнь бесконечная» (доклад в Московском Психологическом Обве) — || 403.

— «Жизнь в городе» (отрывок из статьи «Так что же нам делать») — 154, 157, || 149, 155, 157—158, 170.
— «Жил в селе человек, звать его Николай» — 356, || 359, 361.
— «Заветное кольцо» — || 388.
— Завещание — || 16, 17.
— Заключительная глава к кн. Tchertkoff V. G. «Christian martyrdom in Russia» — || 12.
— «Записки маркера» — || 134.
— «Записки несумасшедшего» («Записки сумасшедшего») — 52, || 54, 382, 383.
— «Записки христианина» — || 382, 383.
— Записные книжки — || 335, 368.
— «Зерно с куриное яйцо» — || 339—340, 384.
— «Из воспоминаний о переписи» (отрывок из статьи «Так что же нам делать») — || 149.
— Изложение Евангелия для народа (неосуществленный замысел)— || 36, 53, 55, 89.
— «Изречения китайского мудреца Лао-Тзе, избранные Л. Н. Толстым» — || 374.
— «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран. Избраны Л. Н. Толстым» — || 374.
— «Ильяс». Рассказ для лубочной картинки в изд. «Посредника»— 154, 157, 160, 206, || 156, 158, 160, 161, 172, 207, 388.
— «Индеец и англичанин» — || 388.
— «Исповедь» — 205, 289, || 63, 177, 180, 206, 231, 310, 364.
Английский перевод «Исповеди» при участии и под руководством В. Г. Черткова: «How I came to believe». В книге «Christ's Christianity». By Leo Tolstoi. London, 1885. — 289, || 63, 139, 219, 226, 231, 290, 293.
— «Источник» — || 388.
— «Кавказский пленник» —267, || 140, 146, 163, 194, 252, 265, 268, 416; (Жилин — || 140, 141—142, 416.)
— «Как чертенок краюшку выкупал» — || 327, 339, 340, 413.
— «Как читать Евангелие и в чем его сущность» — || 12.
— «Кающийся грешник» — 211, || 206, 217, 339, 340.
Английский перевод «Кающегося грешника»: «Repentant sinner» — || 371.
— «Китайская мудрость» — || 31.
— «Книга пути и истины». Перевод из книги Лао-Тзе «Тао-тэ-цзин» — || 38, 372.
— «Краткое изложение Евангелия» («Изложение Евангелия») — 101, || 45, 46, 104, 106, 364.
Английский перевод «Краткого изложения Евангелия» при участии и под руководством В. Г. Черткова: «The Spirit of Christ's teaching». В книге «Christ's Christianity». By Leo Tolstoi: — 101, 228, 289, || 63, 102, 219, 226, 230, 231, 233, 290, 293.
— «Крейцерова соната» — || 177.
— «Крестник» — 324, 345, || 235, 339, 349, 422.
Английский перевод легенды «Крестник»: «Godson» — || 371.
— «Критика догматического богословия» («Исследование догматического богословия», «Разбор богословия, «Обзор богословия») — 60, 101, 105, 139, || 61, 62—63, 102, 103, 108, 141.
— «Круг чтения» — 218, || 15, 28, 30, 31, 33, 215, 220, 222, 312, 313—314, 360, 373.
— «Много ли человеку земли нужно» («Много ли человеку нужно», «Земля») — 345, || 325, 339, 349.
— «Мудрая девица» — || 388.
— «Мысли мудрых людей на каждый день» — || 31, 373.
— «На каждый день». Учение о жизни, изложенное в изречениях— || 15, 31, 220, 373.
— «Неделание» — || 116.
— «Николай Палкин» — 361, || 335, 366.
— «О Бондареве» (для био-библиографического словаря С. А. Венгерова) — || 244.
— «О верах» — || 360, 372, 373, 374.
— «О жизни» — || 403.
— «О крестьянских работах на каждый месяц». В «Календаре с пословицами» на 1887 г.» — 411, || 413.
— «О переписи в Москве» — || 53, 100, 109.
— «О половом вопросе». Мысли Л. Н. Толстого. собранные В. Г. Чертковым — || 350, 404.
См. также «Труд мужчин и женщин».
— «О сущности учения Лао-Тзе» — || 374

— «Осада Севастополя». См. «Севастопольские рассказы».
— «Отчего зло на свете?» — || 388.
— «Первый винокур» — || 222, 327, 329—330, 339, 340.
— «Петр I» (Черновые наброски) — 114, || 116.
— «Петр-Хлебник» — || 173.
— «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене» — || 248, 258.
— «Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого, запрещенных в России». Под ред. В. Черткова — || 13, 62, 366, 373, 386, 399.
— Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого под ред. П. И. Бирюкова (в 20 тт). М., изд. Сытина. 1913 — || 159, 163.
— Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого. Под ред. П. И. Бирюкова (в 24 тт.). М., изд. Сытина. 1913 — || 141—142, 159, 163.
— Послесловие к воззванию П. Бирюкова, И. Трегубова и В. Черткова «Помогите» — || 11.
— «Пословицы на каждый день» в «Календаре с пословицами на 1887 г.» и отдельно — 331, 416, || 332—333, 413.
— Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого в 3-х томах, изд. А. Л. Толстой — || 17, 399
— Предисловие и послесловие к «Учению двенадцати апостолов» (напечатанному в журн. «Детская помощь» под загл.: «Учение господа, преподанное народам двенадцатью апостолами») — || 233.
— Предисловие к переводу книги Генри Джорджа «Общественные задачи» — || 150.
— Предисловие к роману А. И. Эртеля «Гарденины» — || 310.
— Предисловие к 1-му изд. сборника «Цветник» («Прочти прежде чем книгу») — || 388.
— Предисловие к статье Т. М. Бондарева «Торжество земледельца или трудолюбие и тунеядство» — || 244, 357, 358, 359, 365.
— «Приближение конца» — || 12.
— «Прочти прежде чем книгу». См. Предисловие к сборнику «Цветник».
— «Путь жизни» — || 15, 23, 220, 373.
— «Работник Емельян и пустой барабан» — || 366.
— «Русские книги для чтения» («Книжки для чтения», «Русские книжки для чтения») — 260, || 265, 271, 335, 337, 339, 341.
— «Свечка или как добрый мужик пересилил злого приказчика» — 211, 238, 242, 267, 276, || 217, 234, 240, 268, 269, 277—278, 290, 303; (Петр — || 278; приказчик Михаил Семенович — 276, || 277—278.)
— «Севастополь в декабре» — 197, 341.
— «Севастополь в мае 1855 г.» — 197, 341.
— «Севастополь в августе 1855 г. — 197, 341.
— «Севастопольские рассказы» («Севастопольская оборона», «Осада Севастополя») — 196—197, 336, 343, || 145, 197—198, 337—338, 341, 344.
— «Сиддарта, прозванный Буддой, т. е. святой» — || 312, 360, 373.
— «Сказка об Иване дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и о трех чертенятах» — 270, 280, 337, || 222, 258, 272—273, 281—282, 339, 340, 343.
— «Смерть Ивана Ильича» («Смерть судьи») — 52, 210, 257, 307, || 54, 134, 258.
— «Смерть Семена Трофимовича» (Заключительная глава к легенде Н. И. Костомарова «Сорок лет») — 316—317, 343, || 312—313, 344.
— «Смерть Сократа» — || 215.
— Собрание сочинений Л. Н. Толстого, изд. С. А. Толстой, 1886 года — 210, 270, 280, 337, || 207, 258, 272, 278, 290, 297, 340, 343, 357, 396, 413.
— Собрание сочинений Л. Н. Толстого. Удешевленное издание С. А. Толстой 1887 года — 362, 363, || 368.
— «Соединение, перевод и исследование 4-х Евангелий» — 60, 101, 105, 171, 193, 203, 205—206, 211, || 62—63, 88, 102, 103, 108, 147, 173, 195, 196, 204, 217, 239, 240, 338.
— «Суд над Сократом и его защита» (по Платону) — || 215.
— «Так что же нам делать» («То, что вышло из статьи о переписи», «Статья о переписи», «Что мне делать», «Что нам делать», «Могу ли я помочь ближнему», «Какова моя жизнь», «Великое дело добро», «Что

делать») — 52, 58, 65, 95, 121, 126, 128, 133, 144, 157, 160, 202, 205, 209—210, 218, 229, 241, 246, 250, 267, 269—270, 274, 280, 324, 376—377, || 53—54, 59, 98, 100, 120, 123, 130, 138, 149, 150, 153—154, 155, 156, 157—158, 161—162, 166, 168, 170, 180, 186, 206, 213, 231, 233, 234, 241, 248, 260, 271, 274, 310, 350, 383.

См. также «Деревня и город», «Жизнь в городе». «Из воспоминаний о переписи».

Английский перевод статьи «Так что же нам делать» под руководством В. Г. Черткова: «What to do». By Leo Tolstoi. London. 1887. — 368, 420, || 364, 370, 371. 420—421.

— Текст к картине Бугро «Бичевание Христа» («Истязание Христа», — || 163, 172, 237, 238.

— Текст к картине Н. Н. Ге «Тайная вечеря» — 317, || 309, 318, 319—320, 322—323.

— Текст к картине Ари Шеффера «Искушение Христа»—|| 172, 237.

— «Течение воды» — || 388.

— «Три старца» — 345, || 326, 338, 339, 349, 371.

— «Труд мужчин и женщин». Выдержки из частного письма.— 151, || 149. См. также «О половом вопросе».

— «Упустишь огонь, не потушишь» («Поджигатель», «Огонь тушить», «Огонь не потушишь») — 173, 202, 204, 225, 267, 280, || 173, 176, 181, 206, 228, 262, 268, 269, 273, 282 (Тараска — 267, || 268; Иван — || 268).

— «Учение двенадцати апостолов». Перевод с греческого — 142. 229, || 142, 143, 150, 233—234, 251.

См. также „Предисловие и послесловие к «Учению двенадцати апостолов"".

— «Христианское учение» — || 12.

— «Христианство и патриотизм» — || 379; (крестьянин Прокофий — || 379.)

— «Христианство Христа» «Christ's Christianity») — 289, || 64, 219, 231, 364, 370.

См. также «Исповедь» — английский перевод, «В чем моя вера» — английский перевод, «Краткое изложение Евангелия» — английский перевод.

— «Царство божие внутри вас»— || 12, 227.

— «Чем люди живы» — 267, 336, || 84, 140, 146, 154, 155, 156, 161, 163, 194, 248, 252, 268, 303, 326, 327 (Ангел — || 161).

— «Чем люди живы» в рисунках Н. Н. Ге — || 330, 341, 407.

— «Что можно и чего нельзя делать христианину» — || 366.

— «Что такое искусство» — || 187.

— «Что такое религия и в чем сущность ее». — || 368.

— «Чьи мы?» — 369, || 373.

Письма Толстого:

Александру III — || 87, 415.

Алексееву В. И. — || 87.

Бём Е. М. — 218.

Бирюкову П. И. — || 173, 192, 215, 216, 230, 255, 257, 259, 265, 266, 271, 285, 391, 392, 406, 409, 413, 414, 415.

Бондареву Т. М. — 241—242, || 244.

Бутурлину А. С. — || 24, 120.

В ред. «Русских ведомостей» — || 248.

Ге Н. Н. (отцу) — || 56, 109, 327, 341, 380, 384—385, 406, 414, 424.

Ге Н. Н. (сыну) — || 139.

Генри Джорджу — || 150.

Грибовскому В. М. — 174.

Гроту К. Я. — || 164.

Денисенко П. А. — || 326—327.

Залюбовскому А. П.— || 284, 285.

Златовратскому Н. Н. — || 259.

Иванцову-Платонову А. М. — || 207.

Калмыковой А. М. — || 219.

Кузминской Т. А. — || 265.

Лисицыну М. М. — 143, || 145, 147.

Миклухе-Маклаю Н. Н. — || 333.

Некрасову Н. А. — || 134.

Новоселову М. А. — || 130.

Оболенскому Л. Е. — 160, || 148, 149, 167, 403.

Озмидовой О. Н. — || 400, 402—403.

Озмидову Н. Л. — || 30, 374, 391, 405, 406, 414.

Озмидовым Н. Л. и О. Н. — || 412.

Островскому А. Н. — || 408.

Перфильеву В. С. — || 406.

Поссе В. А. — || 374.

Рейнгардту Н. В. — || 265.

Русанову Г. А. — || 24.

Салтыкову М. Е. — || 290—291.

Свешниковой Е. П. — || 260.

Сибирякову К. М. — 168, 185, 201, 242, 245, || 169, 256

Стасову В. В. — || 201, 285.
Страхову Н. Н. — || 43, 62—63, 164, 220, 392.
«Стрелковому прапорщику» — 65, || 68.
Сытину И. Д. — 205.
Толстой гр. А. А. — 50, || 51, 391.
Толстой С. А. — 283, || 24, 26, 29, 104, 111, 127, 128, 130, 138, 149, 151, 155, 192, 222, 248, 249, 253, 262, 265, 271, 272, 274, 285, 301, 302, 305, 306, 315—316, 334, 335. 337, 340, 343, 368, 410, 412—413.
Толстой Т. Л. — || 274.
Толстому И. Л. — || 387.
Кн. Урусову Л. Д. — || 43, 143, 148, 151, 159, 170, 172, 177, 179, 206, 222, 233, 242, 249, 258, 267.
Кн. Хилковой Ю. П. — || 415.
Шмидт М. А. — || 196.
Шуваловой гр. Е. И. — 283, ||285.
Юнге Е. Ф. — 317, || 319.
Энгельгардту М. А. (NN) — 180, || 71, 120, 170, 182.
Эртелю А. И. — || 310.
Перечень писем Толстого кЧерткову, напечатанных в этом томе см. на стр. 462—463.

«Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге». Переписка. Вступительная статья и прим. С. П. Яремича — || 109, 380.
«Л. Н. Толстой и кн. В. Ф. Гагарина» (без подписи автора) — || 416.
«Толстой и о Толстом». Сборники — || 65, 273, 425.
Толстой Михаил Львович — 105, || 108.
Толстой Сергей Львович (Сережа) — 102, 295, 301, 307, 308, 317, 356, 363, 369, 417, || 72, 102, 104, 135, 305, 306, *309*, 313, 314, 320—321, 360, 365, 367.
— «Музыка в жизни Л. Н. Толстого» — || 309.
Толстой гр. Сергей Николаевич — 39, || 41.
Толстой гр. Ф. П. — || 319.
Торговый дом Трапезникова и К° в Москве — 184, || 188.
Трегубов И. М. — || 10, 11, 159.
См. также «Помогите», воззвание П. Бирюкова, И. Трегубова и В. Черткова.
Трепов Д. Ф. — || 201.
Трепов Ф. Ф. — || 201.
Третьяковская государственная галлерея в Москве — || 125, 319.
«Три сказки», — 339.
«Труды Киевской духовной академии» — || 252—253.
Туапсе — || 374.
Туган-Барановский М. И. — || 178.
Тула — 65, 174, 362, 368, || 22, 74, 111, 138, 151, 185, 256, 368, 381, 390.
Тульская губерния — || 15, 29, 342.
Тульское отделение Крестьянского банка — || 309.
Туптало Дмитрий. См. Дмитрий Ростовский.
Тур Евгения (Салиас де Турнемир) Елизавета Васильевна, рожд. Сухово-Кобылина — || 189.
— «Катакомбы» — || 189, 193, 239.
— «Княжна Дубровина» — || 189.
— «Последние дни Помпеи» — || 189.
Тургенев И. С. — || 387.
— «Перепелка» — || 222.
— «Фауст» (Вера Николаевна) — || 387.
Туркестан — || 359.
Тьерри Августин (Thierry Augustin) — описка у Толстого, см. Тьерри Амедей.
Тьерри Амедей (Thierry Amédée) — 188—189, 208, || 189—190, 209.
— «Св. Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия». («St. Jean Chrysostome et l'impératrice Eudoxie».) — 188—189, || 190.
См. также Thierry Amédée.
Тэктон-Хоуз, вилла Чертковых в Англии — || 14.

«Убиение младенцев», лубочная книжка — || 123.
Убийство Александра II — || 7, 87, 397.
Упанишады — || 360, 374.
Урусов кн. Леонид Дмитриевич — 144, 154, 211, 225, 261, || 23, 24—25, 43, 92—93, 126, 150—151, 152, 153, 155, 156, 207, 217, 231, 262, 266, 267.
— Перевод книги «Размышления императора Марка Аврелия» — || 151, 222.
См. также французский перевод книжки Толстого «В чем моя вера».

Усмань Киевской губ.—|| 309.
Успенский Г. И.— 217, 241, || 135, 219—220, 309.
— «Городская нищета» — || 219.
— «Скучающая публика» (из серии «Трудами рук своих») — || 243.
Уч-Дере — || 374, 385.
«Учение двенадцати апостолов» — 144, 250, || 143.
См. также Толстой Л. Н., «Учение двенадцати апостолов», и Попов К. Д., перевод «Учения двенадцати апостолов».
Ученик Московского Технического училища — 362.
Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве — || 127, 163, 164, 274.
Училище Правоведения в Петербурге — || 332.
Учитель Яснополянской школы — 376, || 380.
Учительская школа Максимовича в Твери — || 216.

Фабрика Кувшинова — || 303.
Файнерман Исаак Борисович (псевд. Тенеромо) — 250, 261, 270, 345, 356, 362—363, 376, 406—407, 411, || 251—252, *253*, 257, 265, 355, 368, 400, 403, 406, 409, 410.
— «Л. Н. Толстой о евреях» — || 253.
Файнерман Эсфирь Борисовна — 345, 362—363, || 253, 368.
Файнерманы И. Б. и Э. Б. — 336.
Файфильд А. К. (Fifield A. C.) — || 12, 21.
Фаррар Фред. Вильям (Farrar F. W.) — || 226.
— «Искатели бога» («Seekers after God») — 226, 227.
См. также Farrar F. W.
Фатеж, гор. Курской губ. — || 340.
Фейербах Людвиг. «Сущность христианства» — || 192.
Феоктистов Евгений Михайлович — || 358, 359.
Фет Афанасий Афанасьевич — 308, || 313.
— «Мои воспоминания» — || 313.
Фивейский М. — || 23.
Филадельфия — || 149.
Филарет Милостивый — 235, || 233, 238.
Филарет [Дроздов], митрополит — || 266.

Философов Николай Алексеевич — 160, 180, || 156, 164, *182*, 308.
Философова Софья Алексеевна, рожд. Писарева — 160, || 164.
Философова Софья Николаевна, по мужу Толстая — || 164, 308.
«Финляндский разгром». Сборн. под ред. и с предисловием В. Г. Черткова — || 14.
Фихте — || 397.
Флеровский (Берви)— || 397.
Флоренция — || 192.
Фокс Джордж — || 227.
Франко-германская война — || 378, 379.
Франциск Ассизский (François d'Assise) — 189, || *190—191*, 232.
Франция — || 378.
Фрей Вильям (Гейнс Владимир Константинович) — 258. 260—261, 298, || *258—260*, 262, 265, 266, 268, 299, 323, 354, 372, 412.
Фригия — || 220.
Фрирс Л. (Frears L.) — 203, || 204, 239, 240.
Фуллье Альфред — || 149.
Фундуклеевская гимназия в Киеве — || 397.

Хартуляри К. Ф. — || 125.
— «Итоги прошлого» — || 126.
Харьков — || 30, 178, 179.
Харьковская губерния— || 397.
Харьковский Ветеринарный институт — || 146.
Харьковский университет — || 312.
Хилков кн. Дмитрий Александрович — 411, || *414—415*.
— «Записки Д. А. Хилкова» — 415.
Хилкова кн. Ю. П. — || 415.
Хис Карл Осипович (Heath Ch.) — 48, || *49—50*, 63, 131.
Хлысты, секта — || 399.
Хмелева Ольга Неоновна — || *278—279*, 287.
— «Бедная внучка» (по Диккенсу) — || 279.
— «Горемычные приключения одного безродного и беспаспортного» — || 279.
— «Марья кружевница» («Безвестная труженица») — 286, || 279, 298, 304, 339.

— «Признание подрядчика» — 273, 276—277, || 275, 279, 288, 304.
«Христианская ассоциация» в гор. Мальдоне — || 14.
Христос (Иисус) — 4, 27, 35, 44, 52, 57, 60, 64, 77, 78, 81, 91, 92, 98, 101, 119, 121, 136, 138, 143, 165, 166, 173, 174, 184, 209, 210, 218, 224, 225, 234, 235, 241, 302, 318, 322, 352, 362, 368, 410, || 23, 24, 25, 28, 29, 31, 33—34, 36, 40, 41, 45, 46, 47—48, 49, 53, 55, 58, 66, 67, 68, 75, 82, 83, 84, 85, 89—90, 93, 96, 97, 103, 104, 106, 108, 129, 131, 145, 146, 147—148, 151, 163, 172, 175, 182, 185, 186, 212, 220, 227, 231, 232, 236, 240, 251, 284—285, 299, 320, 332, 354, 355, 365, 398, 402, 404, 408.

«Царь Крез и учитель Солон и другие рассказы», — || 156.
«Цветник». Сборник. 1-е изд.— 386,|| 304, 335, 337, 341, 388.
«Цветник». Сборник. 2-е изд. — || 188, 388.
Цебриков Н. Р. — || 183.
Цебрикова Мария Константиновна — || *183*, 216, 263.
— «Жервеза» (Рассказ из жизни рабочего люда, по Золя) — 261, 275, || 263, 266, 303, 304.
— «Письмо Александру III» — || 183.
— «Сказка про трех мужиков и бабу ведунью» — 180, || 183, 304, 310.
— Сказка «Ткач и хлебопек» — 261, 308, || 263, 266, 310, 311.
Центральный народовольческий кружок — || 201.
«Церковный вестник» — || 416.
Цявловский М. А. — || 116.

Чайковский Н. В. — || 87.
Чарыков Н. В., «Карл Осипович Хис» — || 50.
Черниговская губерния — 245, || 55, 110.
Чернозубов, — || 243.
Черноморское побережье — || 169, 196, 374.
Чернский уезд Тульской губ. — || 309.
Чернышев гр. Захар Григорьевич — || 5.
Чернышева-Кругликова гр. София Григорьевна — || 5.
Чернышевский Н. Г. — || 258, 397.
Чертков Александр Дмитриевич — || 4.
Чертков Владимир Григорьевич — || *4—22*.
— «Где брат твой»? — || 12.
— «Дело павловских крестьян» — || 13.
— «Жизнеописание Теодора Паркера». (В книге Паркера «О вопросах религии».) — || 14.
— «Жизнь одна. Об убийстве живых существ» — || 18.
— «Злая забава. Мысли об охоте». С предисловием Л. Н. Толстого — || 18.
— «Интеллигенция и политика» — 18.
— «Кооперация и политика». См. Речь на Чрезвычайном Всероссийском кооперативном съезде.
— «Напрасная жестокость» — || 11.
— «Наше современное цивилизованное, так называемое христианское общество». Публичная лекция — || 14.
— «О гурийском движении» — || 13.
— «О прекращении войны» — || 18.
— «О революции» — || 13—14.
— «Об издании полного собрания мыслей Л. Н. Толстого» — || 15.
— Отрывки воспоминаний (не напечатанные) — || 7.
— «Письмо к англичанам» (Letter to british working men») — || 18.
— «По поводу вскрытия мощей» — || 18.
— «По поводу христианского анархизма». В книге Ан-ского «Что такое анархизм». — || 13.
— Послесловие к III т. «Посмертных художественных произведений Л. Н. Толстого» — || 17.
— Предисловие к запискам Л. А. Волькенштейн «13 лет в Шлиссельбургской крепости» — || 14.
— Предисловие к книге «Духоборцы в дисциплинарном батальоне» — || 13.
— Предисловие к книге «Преследования баптистов евангелической секты» — || 13.
— Предисловие к книге «Тайный порок. Трезвые мысли о половых отношениях». — || 18.
— Предисловие к книге «Финляндский разгром» — || 14.

— Предисловие к I т. «Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого под ред. П. Бирюкова» — || 17.
— Предисловие к I тому «Посмертных художественных произведений» Л. Н. Толстого — || 17.
— Речь на митинге «Об-ва борьбы со смертной казнью» — || 15.
— Речь на Съезде вегетарианцев — || 15.
— Речь на Чрезвычайном Всероссийском кооперативном съезде: «Кооперация и политика» — || 18.
— «Римский мудрец Эпиктет. Его жизнь и учение» — 345, || 9, 220—221, 350.
— «Сведения из современной жизни в России» — || 13.
— «Случай с Балтийской эскадрой» — || 13.
— Статья в сборнике «Студенческое движение 1899 года. Под ред. В. Г. и А. К. Чертковых» — || 14.
— «Страница из воспоминаний. Дежурство в военных госпиталях» — || 6.
— «Толстой и японцы» — || 13.
— «Церковь и политика» — || 18.
— «Христианское мученичество в России» («Christian martyrdom in Russia») — || 12, 21.

Кроме того см. список произведений В. Г. Черткова на стр. 19—22.

— Письма Черткова к Толстому в настоящем томе — || 23, 25, 28—29, 30—31, 33—34, 34—35, 36, 37. 40—41, 43, 45, 46, 47—48, 49, 50—51, 55, 58—59, 61—62, 66—68, 70—72, 74—75, 82—85, 89—90, 92—94, 96—98, 99—100, 102—103, 105—108, 108—109, 110, 111—112, 112—113, 123—125, 128—129, 130—131, 133—134, 135, 138—139, 140—141, 145—146, 151, 153—154, 155—156, 157—158, 161—162, 167, 170, 171—172, 174—176, 181, 185—186, 193, 195, 198, 200, 208, 211—214, 219, 224, 226—227, 230—233, 235—237, 239—240, 242—243, 246, 251—252, 253—254, 254—255, 256—257, 262—264, 268, 271, 273, 277—278, 280—282, 284, 290, 291—293, 298, 302—304, 306, 318, 321—322, 322—323, 326, 329—330, 337—339, 353—355, 357—359, 364—366. 370—371, 377—378, 380—381, 382—383, 386—387, 388—389, 390—391, 404—405, 407—408, 411—412, 417—418, 420—421, 422—424.

— Письма Черткова к Сиротининой А. Н. — || 8, 237.
— Письмо Черткова к Толстой С. А. — || 198, 199.

Чертков В. Г. и Бирюков П. И., «Положение духоборов на Кавказе в 1896 г. и необходимые средства облегчения их участи» — || 11, 12.
— Предисловие к «Осаде Севастополя» Л. Н. Толстого — 196, 197, || 197.

См. также «Помогите», воззвание П. Бирюкова, И. Трегубова и В. Черткова.

Чертков В. Г. и Черткова А. К.:
— Предисловие к книге «Письма духоборческого руководителя П. В. Веригина» — || 13.

Чертков Григорий Григорьевич — || 5.

Чертков Григорий Иванович — 59, || 4, 53, 55, 58.
— «Солдатская памятка» — 5

Чертков Михаил Григорьевич — || 5.

Черткова Александра Григорьевна, по мужу Пашкова — 188, || 186, 189.

Черткова Анна Константиновна, рожд. Дитерихс (Галя) — 403—404, 406, 410, 420, 421, || VII, IX, 10, 13, 14, 17, 48, 50, 72, 103, 115, 167, 182, 200, 257, 286, 293, 327, 333, 398, 399, 404, 405, 406, 407, 412, 417, 418—419, 420, 423, 424—425.
— «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом» — || 400, 425.
— «Из моего детства» — || 400.
— «Мелодии». 5 нотных выпусков — || 399.
— «Мои первые госпоминания о Л. Н. Толстом» — || 327, 385, 400.
— «Перепелочка». Рассказ. — || 399.
— «Песенки и каноны для детских голосов» — || 399.
— «Подвиг». Рассказ. — || 399.
— «Про Москву 1812 года». Нотная запись народной песни» — || 399.
— «50 лет тому назад. Воспоминания». — || 400.
— «Сеятель». Сборник песен и музыкальных мотивов — || 399.
— «Что поют русские сектанты». Три выпуска сектантских песен — || 399.

См. также Дитерихс А. К.
Черткова Елизавета Ивановна, рожд. гр. Чернышева-Кругликова — 55, 56, 57, 70, 75, 77, 99, 111, 113—114, 144, 160, 184, 226, 229, 242, 257—258, 356, 369, 377, 385, 389, 406, 417, 422, || 4, 5, 11, 13, 22, 56, 58, 70, 72, 74, 82, 83, 84, 92, 93, 94, 103, 111—112, 115, 119, 120, 157, 170, 186, 219, 232, 239, 242, 243, 258, 263, 277, 282, 284, 303, 338, 378, 382, 388—389, 390, 398, 402. 407, 412, 418, 419, 420, 423.
«Чертковская библиотека» — || 4.
Чертковы В. Г. и А. К. — || 15, 16, 17.
Чертковы (род Чертковых) — || 4.
Чехов А. П. — || 9, 153.
Чирков, врач — || 381.
Чистяков из Динабурга — || 357, 359.
Чита — || 5.
Чрезвычайный Всероссский кооперативный съезд Союзов и объединений в Москве — || 18.
Чудово, станция Николаевской ж. д. — || 220.

Шамардино Калужской губ. — || 387.
Шамардинский монастырь Калужской губ. — || 387.
Шарапов С. Ф. — || 244.
Шафф Филипп — || 23.
См. также Schaff Philipp.
Шаховская А.— || 32.
Шаховской Дмитрий Иванович — 201, || 135, 140, 141, 154, 163, 183, 186, 202, 216, 237, 340.
— «Толстой и русское освободительное движение» — || 202.
Шаховской Федор Петрович — || 202.
Швейцария — || 55, 159.
Шевелино Тверской губ. — || 120.
Шевченко Тарас Григорьевич — || 312.
Шекспир — || 49.
Шеффер Ари. «Искушение Христа», картина — 235, || 237, 254.
Школа живописи при Обществе поощрения художеств в Петербурге — || 222.
Шлиссельбургская крепость — || 120.

Шмидт Мария Александровна — 193, 203, 211, 289, 355, 361, 416, || *195—196*, 204, 253, 357, 367, 374, 413.
Шмидт Ольга Ильинишна (Московитинова) — 183.
— «Галя» — 180, || 181. 183, 214.
— «Дон Кихот Ламанчский (по Сервантесу) — || 183.
— «Путешествие доктора Гулливера (по Свифту) — || 183.
Шотландия — || 187.
Шохор-Троцкий К. С. — || IX.
— «Е. М. Бём. Памяти отошедших друзей» — || 222.
— «Круг чтения Л. Н. Толстого и его краткая история» — || 28, 30, 33, 37, 218, 222.
— «Сютаев и Бондарев» — || 121.
Шпенглер Ф. Э.—см. Спенглер Ф. Э.
Штраус Давид. «Жизнь Иисуса» — || 192, 221.
Штундисты, секта — || 331, 337.
Шувалов гр. П. А. — || 119.
Шувалова гр. Елена Ивановна, рожд. Черткова — 118, 119, 283, || 110, *119—120*, 186, 285.
Шуваловы — || 268.
Шюре Эдуард. См. Schuré Ed.

Щедрин М. Е. См. Салтыков-Щедрин М. Е.
Щелыково Костромской губ. — || 408.
Щепкин Митрофан Павлович — || 29, 112, 123.

Элиот Джордж (Eliot George) — 189, || 192.
— «Адам Бид» («Adam Bede») — || 192.
— «Дениэль Деронда» — || 192.
— «Мельница на Флоссе» («The mill on the Floss») — || 192.
— «Сайлас Марнер, ткач из Равело» («Silas Marner the weaver of Raveloe») — || 192.
— «Феликс Голт радикал» (Felix Holt the radical») — || 192.
Элпидин М. К. (Elpidine M.), — || 25, 62, 104, 3[illegible]6.
Энгельгардт А. Н.— || 182.
— «Письма из деревни» — || 182.
Энгельгардт Михаил Александрович — 182.
Эпиктет «Воспоминания о Сократе» (описка у Толстого). См.

Ксенофонт, «Воспоминания о Сократе».
Эпиктет — 218, || 220—221, 222, 226, 228, 350, 373.
— «Эпиктет. В чем наше благо», книжка изд. «Посредника» — 221.
Эрленвейн Александр Александрович — || 351.
— «Иван Гус» — 350, || 351.
«Эрмитаж», театр Лентовского в Москве — || 425.
Эртель Александр Иванович —300, || 9, 10, 309—310.
— «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» — || 310.
— «Записки степняка» — || 309.
— «Карьера Струкова» — || 310.
— «Повесть о жадном мужике Ермиле» («Жадный мужик») — 307, 308, || 310, 339.
— «Рассказ Ивана Федотовича» (из романа «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги») — || 310.
— «Смена» — || 310.

«Южное обозрение» — || 150.
Юнг Роберт. См. Young R.
Юнге Екатерина Федоровна, рожд. гр. Толстая — 317, || 319.
— «Воспоминания Е. Ф. Юнге» — || 319.
Юнге Э. А. — || 319.
Юрьев С. А. — || 53, 54.
Юстиниан, император — || 247.

Яджурведа — || 372.
Якутская область — || 12.
Ялта — || 405, 412.
Япония — || 311
Ярошенко Н. А. — || 9, *290*.
— «Всюду жизнь», картина — || 290.
— «Кочегар», картина — || 293.
— «Курсистка», картина (портрет А. К. Чертковой) — || 397.
— Портрет Л. Н. Толстого — || 290.
Ясная поляна — 69, 105, 110, 111, 121, 126, 128, 139, 144, 184, 202, 204, 205, 207, 235, 242, 250, 280, 298, 324, 331, 332, 336, 376, || 15, 16, 44, 61, 62, 63, 75, 87, 92, 102, 104, 110, 111, 112, 125, 126, 128, 130, 136, 140, 151, 163, 196, 202, 204, 208, 211, 248, 249, 251, 253, 256, 257, 259, 262, 265, 269, 275, 277, 284, 288, 298, 332, 335, 337, 338, 344, 349, 350, 353, 355, 366—367, 370, 375, 377, 381, 383, 384, 388, 390, 391, 396, 398, 406, 407, 408, 409, 410, 414, 416.
Яснополянская библиотека — || 25, 75, 156, 222, 333, 372, 375

Arnold Matthew. «God and the Bible» — || 85, 244.
— «Last Essays on Church and Religion» — || 85, 244.
См. также Арнольд Матью.

Burnouf Eugène. «Le Lotus de la Bonne Loi» — || 311.
— См. также Бюрнуф Э.

«Canon of the New Testament» — || 23.
Comte Auguste «Système de politique positive» — || 259.
— См. также Конт Огюст.

Deroulède Paul. «Les chants du soldat» — || 378.
— «Les nouveaux chants du soldat» — || 378.
См. также Дерулэд Поль.
Dymond J. «An enquiry into the accordance of war with the principles of Christianity» — 225, || 226, 227.
См. также Даймонд Ионафан.

East-End в Лондоне — || 239.
«Ecce Homo». См. Сили Дж.
«Evening Post» — || 149.
«Expositor» — || 23.

Farrar F. W. «The life of Christ» — || 226, 227.
См. также Фаррар Фред. Виньям.
«Fortnightly Review» — || 180.
Free age Press — || 12, 21, 23, 371.

Gottsberger W. S. — 420.

Hamilton (описка у Толстого). См. Harris Th.
Harris Thomas Lake. «Brotherhood of new life» — || 75.
— «God's breath in man and in human society» — || 75.
См. также Гаррис Томас.
Hugo Victor. «Les misérables» — 308, || 264, 313, 388.

— «Notre Dame de Paris» — || 216.
См. также Гюго Виктор.
Hyde. См. Stevenson.

Julien Stanislas «Lao-tze Tao-Te-king. Le livre de la voie et de la vertu» — 370, || 375.

Kennan George — «A visit to Count Tolstoi» — || 426.

Laboulaye Ed. de. «Paris en Amérique» — 32.
— «Prince Caniche» — 32.
См. также Лабуле Эд.

«Manchester Guardian» — || 18.
Müller Max. «Essai sur la mythologie comparée — || 375.
— «Essai sur l'histoire des religions» — || 375.
— «La science de la religion» — || 375.
См. также Мюллер Макс.

New-York — 420.

Oliphant Laurence. «Piccadilly» — 76, || 75, 90.
См. также Олифант Лауренс.
Oliphant Margaret. «St.-Francis of Assisi» — || 226, 232, 252.
— «The makers of Florence: Dante, Giotto, Savonarola and their city» — || 227.
См. так-же Олифант Маргарита.

Progress-meetings — || 14.
Pulley H. W. «The ground Ash» — 89, || 75, 90.

Saillens R. «Récits et allégories» — || 156.
См. также Сайанс Р.
Sand George «La mare au diable» — 308, || 313.
Schaff Philipp. «The person of Christ: the perfection of his Humanity viewed as a proof of his divinity» — || 23. См. также Шафф Филипп.
Schuré Ed. «Les grands initiés» — || 311.
Sénèque le philosophe. «Oeuvres complètes. Trad. par J. Boillard — || 222. См. также Сенека, философ.
«Standart» — || 149.
Stevenson Robert. «Strange case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde» — 368, || 371. См. также Стивенсон Роберт.

Thierry Amedée «St. Jérome La société chrétienne à Rome et l'émigration romaine en Terre Sainte» — 189, ||190. См. также Тьерри Амедей.
Thierry Augustin — описка у Толстого. См. Thierry Amédée.

«Westminster Review» — || 192.

Young Robert «Analytical Concordance to the Bible» — 4, || 23, 25.

Zabel Eugen — || 340.
Zola Emile. «Assommoir» — 263, 266, 303.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к восемьдесят пятому тому VII
Редакционные пояснения X

Письма Л. Н. Толстого к В. Г. Черткову

№		стр.
1	1883 г. декабря 5	3
2	» » середина . .	25
3	1884 г. января 24	26
4	» февраля 17	27
5	» » конец	30
6	» марта 4—6	32
7	» » 9—10	35
8	» марта 11	37
9	» » 17	38
10	» » 27	42
11	» » 28	44
12	» апреля 10	46
13	» » 16 (?)	48
14	» » 18	50
15	» » 25—27	51
16	» мая 2	54
17	» » 7—8	56
18	» » 19	59
19	» июня 6	64
20	» » 24	68
21	» июля 11	73
22	» » 24	75
23	» августа 13—15 . . .	88
24	» » 28—29 . . .	90
25	» сентября 5—7	94
26	» » 22—23 . .	98
27	» октября 1	101
28	» » 3	104
29	» » 10	108
30	» » 15	110
31	» » 31	—
32	» ноября 3	112
33	» » 7	113
34	» » 7—8 (ночью)	116
35	» » 8	117
36	» » 13—14 . . .	—
37	1884 г. декабря 2	121
38	» » 8	126
39	» » 17	128
40	» » 17	130
41	1885 г. января 2—3	133
42	» » 30—февраля 3	136
43	» февраль 5—6	139
44	» » 7	142
45	» » 15	—
46	» » 24	143
47	» » 25—27 . . .	152
48	» » 28	153
49	» марта 17—18	154
50	» » 25—26	157
51	» апреля начало . . .	159
52	» » 12—15	164
53	» » 16	168
54	» » 26	171
55	» мая 2	173
56	» » 7	180
57	» » 8	183
58	» » 9	188
59	» » 10—11	193
60	» » » »	196
61	» » 13—14	199
62	» » 13—14	201
63	» » 15	202
64	» » 16	203
65	» » 17	204
66	» » 20—22	207
67	» июня 1—2	209
68	» » 4—5	217
69	» » 6—7	223
70	» » 9—10	225
71	» » 17—18	228
72	» » 23—24	234

№		стр.
73	1885 г. июля 3—4	238
74	» » 13—14	241
75	» » 23—24	244
76	» августа 12	249
77	» » 29—30	250
78	» сентября 7	254
79	» » 14	256
80	» » 19—20	257
81	» октября 11	260
82	» » 15—16	267
83	» » 23	269
84	» » 31	273
85	» ноября 6	275
86	» » 11	276
87	» » 17—18	279
88	» » 20	283
89	» ноября конец — декабря первые числа	286
90	» декабря 6—7	288
91	» » 9—15	294
92	» » 17	297
93	» » 18	300
94	» » 27	301
95	1886 г. января 16—17	307
96	» » 18	314
97	» » 23	316
98	» февраля 8	322
99	» » 9	323
100	1886 г. февраля 22	324
101	» » 28	327
102	» марта	328
103	» апреля 1	329
104	» » 3	331
105	» » 11	335
106	» » 15—16	343
107	» » 17—18	345
108	» » 22—23	350
109	» мая 10	352
110	» мая 27—28	355
111	» июня 28—29	361
112	» июля 15—16	368
113	» июля 17—18	375
114	» августа 10—11	381
115	» » 13—14	—
116	» сентября 1	383
117	» » 13—14	385
118	» октября 3—4	389
119	» (письмо А. К. Литерихс) конец сентября — начало октября	392
120	» ноября 6	403
121	» » 10—11	406
122	» » 14	410
123	» декабря 9—10	416
124	» » 11	420
125	» » 17—18	421

Дополнение к примечаниям к письму № 111 426
Список писем Толстого, не имеющихся в распоряжении редакции . . 428
Список писем, написанных по поручению Толстого 429
Указатель собственных имен 430

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Фототипия с портрета Толстого 1884 г. работы Н. Н. Ге (размер подлинника) — между XII и 1 стр.

Фототипия с портрета В. Г. Черткова 1885 г. работы И. Е. Репина — между 16 и 17 стр.

Автотипия письма к В. Г. Черткову от 8 ноября 1884 г. — (размер подлинника) — между 120 и 121 стр.

Настоящее юбилейное издание первого полного собрания произведений Л. Н. Толстого печатается на основании постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1935 г.

Заказ издательства Х-00 № 91.
Тир. 10000. Ленгорлит № 10954.
Формат бумаги 68 × 100 в 1/16
по 77 600 тип. зн. 17 бум. л.,
30 печ. л., 35 авт. л. Слано в
наб. 11 февраля 1934 г. Подписано к печати 7 апреля 1935 г.
Заказ типографии № 1655. Отпечатано с готовых матриц в
тип. „Лен. Правда". Зак. № 2421.
Корректор М. А. Перфильева.

*

Техническая редакция

Н. И. Гарвея.